

Министерство образования и науки Российской Федерации

Байкальский государственный университет

Центр изучения Монголии

А.П. Суходолов

Ю.В. Кузьмин

МОНГОЛИЯ
И РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА:
проблемы истории и историографии

Под научной редакцией
профессора **М.П. Рачкова**

Иркутск
Издательство
Байкальского университета
2016

УДК 930(517+470)
ББК 63.1(5Мон+2Рос)
С91

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Издается в рамках проектов РГНФ № 15-21-03007 «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века: история, политика, экономика» и № 15-21-03008 «Энциклопедия российско-монгольских отношений».

Суходолов А.П.

С91 Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии / **А.П. Суходолов, Ю.В. Кузьмин** ; под науч. ред. проф. **М.П. Рачкова**. — Иркутск : Изд-во Байкал. ун-та, 2016. — 318 с.

ISBN 978-5-7253-2905-6

Монография посвящена дискуссионным вопросам истории Монголии и русско-монгольских отношений первой половины XX века. Основное внимание в книге уделяется концептуальным проблемам истории, внешней политики, историографии Монголии.

Для всех интересующихся историей отношений России с восточными странами.

УДК 930(517+470)
ББК 63.1(5Мон+2Рос)

ISBN 978-5-7253-2905-6

© Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., 2016
© Издательство Байкал. ун-та, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация располагается одновременно в Европе и в Азии и на ее гербе двухглавый орел, смотрящий на Запад и Восток. В этом символе — суть внешней политики России во взаимодействии со странами Запада и Востока.

В этой связи важное значение для геополитического развития России имеют дипломатические и экономические отношения не только с европейскими странами, но и со странами Востока. Превращение современного Китая в мирового экономического лидера и перемещение центра мировой экономики в Восточную Азию диктуют необходимость серьезного изучения исторического опыта отношений с Китаем и Монголией. Усиление экономических позиций КНР в современной Монголии, расширение монголо-китайских экономических и торговых отношений, инвестиционная активность китайского капитала, экспорт горнорудного сырья из Монголии в Китай создают новую геополитическую ситуацию в регионе Северо-Восточной Азии и требуют внимательного изучения истории отношений с данными восточными странами.

В начале XX в. формировалась новая система современных международных отношений в Восточной Азии, в треугольнике Россия — Монголия — Китай. Ее становление и развитие происходили в сложных исторических условиях трансформации моделей политического и социально-экономического развития стран региона, перехода Цинского Китая к республиканской форме правления, становления монгольской национальной государственности с 1911 г. и радикальных социально-политических изменений в России.

На рубеже XIX–XX вв. Монголия за сравнительно короткий исторический промежуток времени прошла несколько важных этапов внешнеполитического развития, сменила системы взаимоотношений с Китаем и Россией. До 1911 г. Монголия входила в состав Цинской империи, это был завершающий этап зависимого развития в юридических рамках другого государства. Второй этап — 1911–1915 гг. — время полного дистанцирования от Китая и сближения с Россией, фактической независимости Монголии при поддержке России. 1915–1919 гг. — период Автономной Монголии. Формально и юридически Монголия является автономной частью республиканского Китая, фактически — независимое государство. В рамках дипломатического треугольника Россия — Монголия — Китай соотношение сил и внешних факторов влияния постоянно меняется. Становление новой системы международных отношений и формирование новых границ происходили в сложных условиях переговоров между Россией, Китаем и Монголией и подписания ряда международных соглашений и договоров между странами (Русско-монгольское соглашение 1912 г., Русско-китайская декларация 1913 г., Кяхтинское соглашение 1915 г.). Наиболее сложный характер имели переговоры о создании автономной Монголии и определении ее международного статуса. Русско-китайские противоречия 1911–1915 гг. наиболее остро проявились в «монгольском» и «уряньхайском» вопросах. Объективные и взвешенные оценки дипломатической истории России и Монголии имеют важнейшее значение для развития современных двусторонних отношений.

Формирование российско-монгольских отношений в России, монгольское направление внешней политики страны происходило в сложных условиях внутрипартийной борьбы, несогласованности действий различных ве-

домств Российской империи (Министерство иностранных дел, Военное министерство, российское консульство в Урге, региональные сибирские органы управления). Показ борьбы различных тенденций в формировании внешнеполитической линии России по отношению к Монголии отражает заинтересованность различных социальных слоев российского общества, совпадение и различие их интересов, выявляет не только социальные, но и региональные (центральные и сибирские) экономические интересы. Это позволяет избежать категорических оценок роли России в Восточной Азии вообще и в Монголии в частности. Нам представляется, что абсолютизация характеристики внешней политики на основании оценок отдельных представителей российских ведомств, влиявших на ее формирование, представляется некорректной.

На современном этапе исследования проблемы русско-монголо-китайских отношений получили новый толчок. Введение в научный оборот новых архивных материалов, исследование дискуссионных вопросов, утрата идеологического фактора и единой марксистско-ленинской методологии позволили российским и монгольским ученым показать более взвешенную и объективную картину отношений России и Монголии в первой четверти XX в. Стали исследоваться ранее «закрытые» проблемы: урянхайский, баргинский, монгольский, тибетские вопросы, русско-китайские противоречия 1911–1915 гг., русско-монгольское соперничество в Урянхае. Не все вопросы получили однозначное решение в российской и монгольской историографии. Идет накопление значительного фактического материала, формируются новые подходы к оценке исторических событий и персоналий, что создает предпосылки для создания современной концепции русско-монгольских отношений.

В советский период исследования проблемы преобладала характеристика русско-монгольских взаимоотношений как неравноправных, внешняя политика России в начале XX в. расценивалась как захватническая и колониаторская. Концептуально исходили из тезиса, что прогрессивная внешняя политика формировалась только в советский период, а внешняя политика царской России оценивалась негативно и отрицательно. В советский период на его более позднем этапе стали преодолеваются подобные односторонние оценки. В монгольской историографии на современном этапе определенное распространение получили негативные оценки событий и исторических деятелей, влиявших на становление и развитие русско-монгольских отношений в первой четверти XX в. Назрела необходимость публичной дискуссии по спорным проблемам русско-монгольских отношений, уточнения исторических характеристик и подготовки совместной обобщающей работы.

В современной российской и монгольской историографии к настоящему времени накоплен значительный материал по истории отдельных направлений русско-монгольского экономического сотрудничества и торговли, научного и культурного взаимодействия двух стран и народов, научного изучения истории и культуры Монголии, но отсутствует обобщающая работа по истории и историографии дипломатических и экономических отношений в период 1900–1921 гг.

В 2013–2016 гг. Байкальским государственным университетом совместно с Академией наук Монголии, Институтом истории, Институтом международных исследований, Институтом национального развития проведена значительная исследовательская работа по изучению наиболее важных и сложных проблем истории Монголии и русско-монгольских отношений середины

XIX — середины XX в. Были изданы: «Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века» (2013), «Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура» (2013), «Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука» (2014), «Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура)» (2015), «Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука)» (2015), «Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука» (2016). Каждое издание в среднем готовилось 50 российскими и монгольскими учеными в течение полугода. Общий объем опубликованных материалов составляет 240 печатных листов.

В данную работу вошли результаты научных поисков авторов по истории российско-монгольских отношений в первой половине XX в., осуществленные в 2012–2016 гг. и накопленные в предшествующий период исследовательской деятельности.

1. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XX ВЕКА РУССКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1900–1921 ГОДАХ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И КОНЦЕПЦИИ

Монголия занимает особое место в отношениях России со странами Востока. Дружественные отношения между Россией и Монголией, установленные в XVII в., развивались в дальнейшем по нарастающей линии, без войн и конфликтов. Особую роль в становлении независимого монгольского государства в XX в. сыграла Россия, оказавшая дипломатическую поддержку, военную и экономическую помощь¹.

Важным фактором национальной безопасности Монголии являются отношения с двумя крупными соседними странами — Россией и Китаем. От характера взаимоотношений в этом своеобразном треугольнике: Россия — Монголия — Китай зависело положение Монголии. В XX в. международное положение Монголии несколько раз радикально изменялось в зависимости от соотношения сил в Восточной Азии, от усиления или ослабления Китая или России. До 1911 г. Монголия находилась в составе Цинской империи, и определяющим было влияние Китая. С середины XIX в. происходит постепенное усиление роли России в этом регионе, расширяется русско-монгольская торговля, в Урге начинает работать российское консульство.

Синьхайская революция в Китае и национально-освободительное движение монгольского народа, добившегося в 1911 г. создания независимого государства в Монголии, определили новую международную ситуацию в регионе. Объявление Внешней Монголией в декабре 1911 г. о выходе из состава Цинской империи и обращение к Российской империи за поддержкой и помощью в формировании самостоятельного государства приводит к объективному усилению позиций России.

В 1911–1915 гг. русско-монгольские отношения развивались по восходящей линии. Этот период также характеризовался интенсивным противостоянием двух соседних держав. Неустойчивое равновесие сил России и Китая, экономическая помощь дипломатическая поддержка России позволили Монголии провести ряд экономических и военных реформ. Кяхтинская трехсторонняя конференция 1915 г. определила статус Монголии как автономного государства в пределах республиканского Китая².

Первая мировая война 1914 г., а затем российские революции 1917 г. существенно ослабили роль России в Северо-Восточной Азии вообще и в Монголии в частности. В 1919 г. фактическая независимость Монголии была ликвидирована введением китайских войск в кочевую страну, таким образом, международное равновесие было нарушено, и доминировать стал Китай, усилилось влияние Японии. В 1921 г. в результате национально-демократической революции восстанавливается национальная независимость Монголии, она осуществляет радикальные революционные преобразования и находится под значительным влиянием Коминтерна и Советской России, что позволило западным монголоведам назвать ее «сателлитом» СССР.

¹ Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2015. 376 с.

² Кузьмин Ю.В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX вв.). Иркутск, 1997. 232 с.

Научное востоковедение и монголоведение формировались в XVIII–XIX вв. Мирового уровня и признания получили труды Н.Я. Бичурина, Я.И. Шмидта, О.М. Ковалевского, А.А. Бобровникова, Д. Банзарова, К.Ф. Голстунского, А.М. Позднеева, В.Л. Котвича, Б.Я. Владимирцова, Ц. Жамцарано. К монгольским сюжетам в России все более стали обращаться и практические работники, так или иначе связанные с Монголией.

Монголия, ее природа и ресурсы, а также события, происходившие в стране, находились в поле постоянного внимания общественности России. По мере расширения дипломатических отношений между Россией и Монголией, увеличения размеров русско-монгольской торговли в России усиливался интерес к Монголии, ее экономике и культуре.

В 1861 г. учреждается русское консульство в Урге. По русско-китайскому договору 1881 г. Россия получила право беспошлинной торговли на всей территории Монголии. Коммерческую деятельность здесь начали известные русские купцы и торговые фирмы. В 1895 г. в Петербурге был создан Русско-Китайский банк, а в 1900 г. в Урге и Улясутае открылись отделения этого банка. Были открыты российские консульства в Улясутае, Кобдо, Маймачене. Из России в Монголию начался экспорт не только товаров, но и капиталов. Русскими предпринимателями в Урге были созданы небольшие фабрики и заводы. Было организовано акционерное общество «Монголор» с капиталом в 5 млн р., занимающееся поиском и добычей золота в Монголии³.

В России в конце XIX в. происходит изменение внешнеполитической оборонительной политики на Дальнем Востоке и Центральной Азии к активным, наступательным действиям. Развитие промышленности, освоение Урала, Сибири и Дальнего Востока стимулировало создание современной инфраструктуры. В 1891 г. началось сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали, которая открывала для российской буржуазии рынки стран Восточной Азии. Заключение с Цинским Китаем контракта на постройку КВЖД, аренда на 25 лет военной базы в Порт-Артуре свидетельствовали об усилении позиций России на Дальнем Востоке.

Начало XX в. характеризовалось острой борьбой за передел мира. Перед дипломатией России стояла сложная задача: обеспечить в полной мере интересы России, но без втягивания ее в военные конфликты. Значение дальневосточного региона в конце XIX — начале XX в. значительно возросло. Слабеющая Цинская империя стала ареной соперничества великих европейских держав: США, Великобритании, Германии, Франции, России.

Результаты японо-китайской войны 1894–1895 гг., русско-японской войны 1904–1905 гг. показали, что в регионе появилась новая сильная держава — Япония. По русско-японскому соглашению 1907 г. японское правительство признавало «специальные интересы» во Внешней Монголии. Россия в свою очередь была вынуждена признать японские интересы Южной Маньчжурии и во Внутренней Монголии, японский протекторат в Корее.

С начала XX в. Цинское правительство Китая усилило прямую колонизацию монгольских земель: первоначально район Внутренней Монголии, а затем Внешней Монголии. Были созданы специальные комиссии, которые занимались проблемой заселения Монголии китайскими колонистами. За 1905–1911 гг. было освоено и распаханно пять миллионов десятин земли Мон-

³ Котвич В.Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914. С. 12.

голии. Колонизация дополнялась военной, административной и торговой экспансией.

Как писал известный монголовед России В.Л. Котвич: «китайские колонисты стали шаг за шагом занимать пограничные монгольские земли, начали проникать туда и китайские торговцы, которые быстро завладели монгольским рынком», «за китайским колонистом шел китайский чиновник и китайский солдат, и компетенции местных монгольских чиновников постепенно суживалась»⁴.

Политика России определялась заинтересованностью в монгольском рынке, а также обеспечением русских интересов, направленных против возможной агрессии Японии и экономического давления китайского капитала. Российский капитал проявлял значительное внимание к монгольскому рынку, был заинтересован в дешевом монгольском сырье (шерсть, кожа, мясо) и экспорте собственной промышленной продукции. Наибольшую заинтересованность в этом проявляло сибирское купечество, тесно связанное с монгольским рынком. На монгольском рынке все большую конкуренцию оказывали товары промышленного производства западных стран, которые продавали китайские торговцы.

В российской историографии можно выделить три основных этапа исследования данной проблемы: первый этап (1900–1917), второй (1917–1991), третий период (1991 — по настоящее время). Первый этап исследования совпадает со временем реальных событий начала XX в., в историографию они вошли как работы, посвященные русско-монгольским отношениям и «монгольскому вопросу».

Первый этап российской историографии связан с работами известных российских монголоведов, дипломатов, военных, путешественников, торговцев, политиков, интеллигенции.

Динамичное развитие российской экономики в конце XIX — начале XX в. позволило увеличить затраты на просвещение, культуру и науку. Совершенствование образовательной системы и развитие науки привели к важным научным и техническим открытиям. Россия дала миру целую плеяду выдающихся ученых. Продолжились и географические исследования, в том числе и в Центральной Азии (Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский, Г.Н. Потанин, П.К. Козлов). Создание и деятельность императорского Географического Общества и его отделений в Сибири способствовали научному исследованию Монголии.

События, происходившие в Монголии в период восстановления национальной независимости, а также связанные с ними изменения русско-монгольских отношений, обсуждение и подготовка русско-китайского торгового договора в 1911 г. вызвали небывалый прежде интерес к Монголии в самых различных слоях русского общества. Различные общественные слои России: политические и военные деятели, представители дипломатии, научных и торговых кругов, журналисты и ученые-монголоведы давали различные характеристики состояния русско-монгольских отношений. Интерес к России приобретал все более практическую направленность, связанную с выработкой внешней линии по отношению к Монголии. В общественно-политической мысли России сформировался так называемый «монгольский вопрос»⁵.

⁴ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987. 233 с.

⁵ Кузьмин Ю.В. Россия и Монголия на рубеже веков : учеб. пособие. Иркутск, 2002.

Непосредственное обращение Монголии к Российской империи за дипломатической поддержкой и экономической помощью, приезд монгольской делегации в Петербург заставили определить свое отношение к «монгольскому вопросу» как российские правительственные круги, так и представителей различных политических партий и движений. Различными социальными группами России были предложены собственные варианты решения проблемы. По мнению одних, Монголию было необходимо присоединить к России и превратить в колонию. Другие предлагали создать «буферное государство», зависимое от России. Третьи считали ошибкой вмешательство во внутренние дела Монголии и полагали необходимым создание независимого монгольского государства. Общественно-политическая мысль России отражала весь спектр мировоззренческих взглядов, партийно-политических направлений (октябристы, кадеты, монархисты, социал-демократы).

Разумеется, «монгольский вопрос» не являлся главным внешнеполитическим вопросом для общественной мысли страны, втянутой в сложные международные отношения на Западе и Востоке. Однако «монгольская проблема» как составная часть дальневосточной политики и отношений с Китаем увеличила значимость собственно Монголии и русско-монгольских торговых отношений. За весь 200-летний период изучения Монголии в России никогда не было такого глубокого и широкого интереса к Монголии и «монгольскому вопросу» в российской общественно-политической мысли, как в начале XX в. и особенно после 1911 г. Это был настоящий «бум», «всплеск» выпуска литературы, посвященной Монголии, русско-монголо-китайским отношениям, перспективам развития этих отношений.

К сожалению, до сих пор в мировом монголоведении отсутствуют специальные работы, посвященные анализу российской историографии 1900–1917 гг. Парадоксально, но факт: подготовлены работы о монгольской и западной историографии (Ш. Бира, З. Лонжид, Ж. Урангуа, Д. Дашжамц, Ч. Жугдэр, Г. Дэлэг, Л.П. Поповой, Е.М. Даревской, Ю.В. Кузьмина, М.И. Гольмана и др.), но не повезло работам российских авторов начала XX в., посвященных «монгольскому вопросу».

В изучение русско-монгольских отношений и «монгольского вопроса» значительный вклад внесли российские ученые: Е.М. Даревская, И.Я. Златкин, С.Г. Лузянин, А.Л. Попов, Ш.Б. Чимитдоржиев, Н.П. Шастина, С.А. Нацов, Д.Б. Улымжиев, Е.А. Белов, М.И. Гольман, Н.Е. Единархова, А.В. Старцев, Б.В. Базаров, В.Д. Дугаров, Е.И. Лиштованный, а также монгольские ученые Б. Лигуу, Э. Пунцаг, Ц. Пунцагноров, Ш. Сандаг, Б. Ширендыб, О. Батсайхан, Ц. Батбаяр, Ж. Урангуа, Н. Хишигт, К. Дэмбэрэл и др.

Необходимо выделить вклад известного историка-монголоведа Ш.Б. Чимитдоржиева «Россия и Монголия» (1987), Е.М. Даревской — большого знатока русско-монгольских связей начала XX в. («Сибирь и Монголия» (1994), Н.Е. Единарховой «Русские в Монголии», Е.А. Белова «Россия и Китай в начале XX в. Российско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.» (1999), «Россия и Монголия» (1999), А.В. Старцева «Русская торговля в Монголии» (2003). Как научная проблема впервые «монгольский вопрос» был поставлен Е.М. Даревской в докладе, представленном на IV Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе (1979).

Российское китаеведение проделало грандиозную работу по описанию, обобщению и анализу российско-китайских отношений (В.С. Мясни-

ков, Е.А. Белов, В.А. Моисеев, М.И. Сладковский, А.Н. Хохлов, С.Г. Лузянин, Н.Е. Единархова, В.Г. Дацышен и др.).

Формирование русско-монгольских отношений в начале XX в. происходило в сложной системе международных отношений в Восточной Азии, в системе отношений Китая, России, Японии и Монголии. В начале XX в. произошло заметное усиление внимания к Внешней Монголии со стороны Китая и России, неизбежным оказалось здесь торговое соперничество русских и китайских купцов. Сдерживающим фактором российской внешней политики в Монголии и Маньчжурии являлись взятые на себя обязательства по русско-японским соглашениям 1907, 1910, 1912 гг., которые определили сферы влияния в регионе.

Все более усложняющаяся международная ситуация вокруг Монголии стимулировала широкое обсуждение «монгольского вопроса» в правительственных кругах России, на страницах научных и периодических изданий. Особенно активизировалось оно в связи пересмотром русско-китайских торговых соглашений в 1911 г., а затем провозглашением Внешней Монголией в декабре 1911 г. своей политической независимости.

«Монгольский вопрос» обсуждают в Государственной Думе России, проводится несколько крупных Совещаний в Петербурге, Москве, Иркутске по изучению монгольского рынка, организуется ряд торговых экспедиций в Монголию. По мере сбора информации появляются специальные исследования, посвященные этой проблеме. Среди них работы следующих авторов: А. Беннигсен «Несколько данных о современной Монголии» (1912), Б.М. Гурьев «Политические отношения России и Монголии» (1911), В.И. Денисов «Россия на Дальнем Востоке» (1913), В.Л. Котвич «Краткий обзор истории и современного положения Монголии» (1914), Ю. Кушелев «Монголия и монгольский вопрос» (1912), В. Томилин «Монголия и ее современное значение для России» (1913).

Формирование политики России в отношении Внешней Монголии происходило в борьбе и компромиссе различных тенденций, определяемых как политическими силами, так и ведущими ведомствами (министерством иностранных дел, военным ведомством, министерством финансов). Внешнеполитическая линия России определялась попытками разрешить складывающиеся противоречия между дипломатическим ведомством и торгово-промышленными кругами, между центральной и региональной администрацией, различными уровнями местной администрации, а также представителями военного ведомства.

Таким образом, в обсуждении русско-монгольских отношений и «монгольского вопроса» можно выделить следующие основные направления: оценки дипломатов и государственных деятелей России, характеристики военных специалистов, представителей торгово-промышленных кругов, ученых и демократической интеллигенции.

Анализ оценок российских дипломатов по «монгольскому вопросу» (С.Д. Сазонов), серия русско-монголо-китайский договоров и соглашений 1911–1915 гг. позволяют сделать вывод об осторожной и сдержанной дипломатической линии России в Монголии. Россия стремилась сохранить мирные отношения с Цинским и республиканским Китаем, выполнить секретные пункты русско-японских соглашений о разграничении сфер влияния, а также поддерживать самостоятельность развития Внешней Монголии. Россия не могла поддержать полную независимость Внешней Монголии с присоединением к

ней Внутренней Монголии Барги и Урянхая. Все свои усилия российская дипломатия направляла на создание автономной Монголии и признание особых прав России во Внешней Монголии. Россия находилась в сложной ситуации, так как ей, с одной стороны, было необходимо ограничить притязания монголов на создание «Великой Монголии», а, с другой стороны, уговорить Китай пойти на уступки, проявить гибкость и признать автономию Монголии. Благодаря гибкой политике российских дипломатов удалось создать автономную, а фактически самостоятельную и независимую Монголию.

Министр иностранных дел России в 1910–1916 гг. С.Д. Сазонов считал Россию европейской державой с активной внешней политикой в Европе и на Ближнем Востоке и выступал против «увеличения русских владений в Азии». На заседании Государственной Думы 13–27 апреля 1912 г. были высказаны полярные точки зрения по проблеме перспектив русско-монгольских отношений. С.Д. Сазонов и П.Н. Милюков выступали только за посредническую роль между Монголией и Китаем и против вмешательства в монгольские дела, а депутат Володимиров считал необходимым присоединить Монголию к России.

С.Д. Сазонов выступал против полного отделения Монголии от Китая, считая ее не готовой к самостоятельному политическому развитию. По его мнению, «оторвать ее от Китая, значит взять на себя задачу создать из них государство, задачу тяжелую, требующую крупных денежных затрат и огромного труда»⁶.

С.Д. Сазонов не считал присоединение Монголии к России ценным приобретением, так как это может привести к нежелательной сдвигке центра тяжести в государстве и соответственно к ослаблению позиций России в Европе и на Ближнем Востоке. Чтобы не быть втянутой в «монгольские дела» слишком глубоко, Россия должна взять на себя, по его мнению, роль посредника.

С совершенно противоположной позиции выступил депутат Володимиров, который оценил речь С.Д. Сазонова как «своего рода акафист невмешательству, акафист собственному бессилию»⁷. Володимиров упрекал правительство и МИД за медлительность и считал, что Монголия должна стать буфером, который прикроет восточные границы России.

На практическое решение «монгольского вопроса» имел влияние император Николай II и его окружение, выступавшее за активную внешнюю политику России на Дальнем Востоке, в том числе в Монголии и Маньчжурии.

Особое место в изучении русско-монгольских отношений в начале XX в. занимают специальные исследования военных специалистов России. Продолжительное время монголоведение и востоковедение вообще не обращало внимания на исследования военных деятелей. Вышедшие под грифом «секретно», эти публикации военных аналитиков имели служебный характер и не были широко известны как российской научной общественности, так и мировой науке.

Подготовленные для практических целей (изучение возможных театров военных действий, военного потенциала соседних государств), а также для определения направлений внешней политики, они обладали ценной научной информацией о стране, полученной в ходе специальных экспедиций, а также критического анализа научной литературы о Монголии. Излишне прямолинейные и категоричные выводы и рекомендации военных деятелей России,

⁶ Государственная Дума: стеногр. отчет. 1912. С. 2168.

⁷ Там же. С. 2252.

экспансионистская направленность их выводов стали позднее одной из причин замалчивания подобных работ.

Среди значительного числа публикаций военных деятелей выделяются исследования генерала А.Н. Куропаткина «Русско-китайский вопрос» (1913), капитана, а затем полковника В.Л. Попова «Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.» (1905), «Второе путешествие в Монголию» (1910), «Урянхайский вопрос» (1913), полковника А. Баранова «Барга и Халха» (1905), «Северо-восточные сеймы Монголии» (1907), «Урянхайский вопрос» (1913), поручика Ю. Кушелева «Монголия и монгольский вопрос» (1912), капитана Генерального штаба С.Д. Харламова «Монголия» (1914), капитана Тонких «Материалы по описанию Монголии» (1910), «Отчет о поездке в Северную Монголию» (1913), полковника Генштаба А.А. Баторского «Монголия. Опыт военно-статистического очерка» (1890), полковника В.Ф. Новицкого «Путешествие по Монголии в 1906 г.» (1909).

В этих публикациях российских офицеров Монголия и северо-восточный Китай изучались как возможный театр военных действий, в них были представлены подробные материалы по городам, истории, а также религии, торговле и транспортным путям, их сезонной проходимости. Военные акцентировали внимание на угрозе для России со стороны Китая и Японии — «желтой опасности» с Востока, грозящей спокойствию не только России, но и Европы, несущей разрушение европейской цивилизации и культуре.

Активная колонизация с начала XX в. в Маньчжурии и Монголии, китайские и японские проекты строительства железных дорог, модернизация китайских войск свидетельствовали, по мнению военных, об угрозе вторжения Китая и Японии в сибирские владения России. Поэтому оказание помощи монголам в создании автономного государства, перемещение русской армии до Гоби позволит создать буферную зону и избежать военного столкновения с Китаем.

Представляется, что результаты исследований офицеров Генштаба являлись ценным источником информации о Монголии, а их влияние было весьма весомым, но не определяющим. Они подпитывали то направление во внешней политике, которое выступало за жесткую линию и активную политику в данном регионе. Несомненно, что армейские специалисты несколько преувеличивали военную опасность, исходящую со стороны Китая. Выступая за жесткую политику по отношению к этому восточному соседу, они вели Россию к отношениям, чреватых военными конфликтами и дипломатическими осложнениями.

Торговые русско-монгольские отношения играли главную роль в отношениях двух стран. Поэтому в периодической печати России регулярно появлялись статьи о проблемах русской торговли в Монголии и Китае. Часто их авторами являлись сами купцы: братья Бутины, Немчинов, Воробьев, А.В. Бурдуков, А.Д. Васенев и др. По мере накопления материала появляются и работы обобщающего характера: С.Ф. Степанова — управляющего Монгольским отделением Русско-Китайского банка, ветеринарного врача А.П. Свечникова, служащего таможи Н. Шейнфельда, торгового агента А. Болобана. Главная тема публикаций — активизация деятельности китайского торгово-ростовщического капитала в Монголии, усиление колонизации монгольских земель, ослабление позиций русского купечества. С.Ф. Степановым дан обстоятельный анализ пяти типов русских торговцев в Монголии.

Сокращение российского экспорта в Монголии вызвало беспокойство у торгово-промышленных кругов центральной России. В 1909 и 1910 гг. при Московском биржевом комитете устраивались совещания московских промышленников, на которых обсуждались проблемы торговли в Китае и Монголии, анализировались причины кризиса.

Важную роль в изучении русско-монгольской торговли сыграли две торговые экспедиции в Монголию: московская во главе с полковником В.Л. Поповым, снаряженная промышленниками Московского района, а также сибирская экспедиция из Томска. Подходы этих двух экспедиций к проблеме и их выводы существенно различались. Московская торговая экспедиция, признавая важность монгольского рынка для России, не видела больших перспектив русской торговли в Монголии. Видимо, буржуазия и торговцы центральной России связывали свои экономические интересы с более емкими и освоенными рынками Ближнего Востока и Маньчжурии.

Сибирская экспедиция, во главе с профессорами М.И. Боголеповым и М.Н. Соболевым, дала более глубокий экономический анализ состояния русско-монгольской торговли. По их мнению, Монголия является перспективным рынком для российских товаров, поэтому предлагали укреплять здесь торговые позиции России. Они предлагали также оказать поддержку в создании нейтральной Монголии, государства-буфера под покровительством союза европейских государств.

Представители демократической интеллигенции предлагали отличную от военных и торговцев трактовку сложившейся ситуации вокруг Монголии. Эти взгляды были отражены в публикациях ведущих монголоведов России Б.Я. Владимирцова, В.Л. Котвича, статьях и воспоминаниях известного публициста и писателя, либерального народника И.И. Попова, языковеда и этнографа Н.П. Евстафиева, чиновника и краеведа Д.П. Першина, будущего известного монголоведа А.В. Бурдукова, выпускника Восточного института во Владивостоке П.А. Бобрика.

Несмотря на различие в деталях, они выступали за создание независимого монгольского государства или государства-буфера и предлагали России оказать реальную помощь Монголии. Важнейшими задачами возрождения монгольского государства они считали оказание помощи в налаживании хозяйства монгольских кочевников, в развитии торговых отношений. Особое внимание они уделили вопросу о необходимости помощи в области культуры и здравоохранения.

Особую позицию в «монгольском вопросе» занимали российские социал-демократы. Свою позицию они основывали на классовых позициях, на критике колониальной и захватнической политики царского правительства в отсталых странах Востока, в том числе и в Монголии. Особенно большого и глубокого интереса к Монголии и политике России и региону социал-демократы не проявляли. Отсутствие в стране рабочего класса, незначительная роль Монголии в мировой экономике и политике, а также слабая информированность о событиях в кочевой стране и стали причиной редких характеристик и оценок «монгольского вопроса».

И только Синьхайская революция в Китае и обострение монголо-китайских отношений усилили их интерес к данной проблеме. В историографии известны оценки В.И. Ленина, М. Павловича, Сурина по проблемам Монголии. Не вникая глубоко в причины заинтересованности России в Монголии,

они видели и отмечали только захватнический характер внешней политики страны и резко осуждали его. Известно, что позднее партия большевиков спокойно превратила Монголию в зону собственного влияния и распространения революционных идей.

Оригинальное решение в разоблачении политики царизма и российской буржуазии внес сосланный в Сибирь социал-демократ Сурин (Сурен Асеньян), написавший фельетон «Господа монголисты». Автор в форме коротких монологов от имени различных обобщенных типажей: отставного штабс-капитана, москвича-мануфактуриста, бийского купца, торговца-одессита показывает, как они планируют сделать «свои делишки» в новой, открывающейся для них авантюры. Фельетон Сурина явился особой формой протеста против грубого вмешательства правительства и определенных кругов российского общества во внутренние дела Монголии и Китая и грабительской политики российской буржуазии.

В советский период исследования проблемы преобладала характеристика русско-монгольских отношений как не равноправных взаимоотношений, внешняя политика России в начале XX в. расценивалась как захватническая и колонизаторская. Оценки, высказанные в первый период изучения, не использовались и не привлекались к характеристике отношений. Концептуально исходили от тезиса, что прогрессивная внешняя политика формировалась только в советский период, а внешняя политика царской России оценивалась негативно и отрицательно.

Марксистская историография в характеристике внешней политики исходила из одномерных оценок, таких как «прогрессивная», «агрессивная», «захватническая», «империалистическая» и т.п. Исходя из этих категорий, внешнюю политику России определяли как «империалистическую» и «захватническую». Позднее ее стали корректировать и оценивать как «прогрессивную». Подобная одномерность оценок не отражает в полной мере всей сложности и противоречивости отношений двух соседних стран. Необходимо преодолеть категоричность характеристик, показать наличие различных подходов к русско-монгольским отношениям, показать сложность и противоречивость отношений России и Монголии. В советский период на его более позднем этапе стали преодолеваются подобные односторонние оценки.

Революции 1917 г. в России и монгольская революция 1921 г. привели к резкому свертыванию общественной мысли России. В определенном смысле можно говорить о том, что к концу 1920-х гг. постепенно формируется единый унифицированный взгляд на общественные явления и процессы, в том числе и на происходившие в Монголии. Частично общественная мысль продолжала сохраняться в условиях российской эмиграции, но это уже самостоятельное явление, мало связанное с предшествующим этапом.

Не будет преувеличением вывод о постепенном исчезновении общественной мысли России и формировании единого марксистского взгляда на исторические события и явления. Правда, в 1920-х гг. еще продолжала существовать в отдельных случаях живая творческая мысль. Но это было скорее исключение, а не правило.

Исключается разномыслие по принципиальным вопросам, уменьшается число дискуссий и наличие различных точек зрения на тот или иной вопрос. Резко сокращается число публичных выступлений, мы не видим уже принципиальной разницы между оценками «монгольского вопроса» дипломатами, военными, представителями торговых, экономических и культурных кругов.

С 1920-х гг. в России резко меняется тематика публикаций о Монголии, на передний план выходят издания на современную революционную тему, а сюжеты о древности и средневековье Монголии отходят на второй план, в том числе и изучение вопросов русско-монгольских отношений. Наиболее важными и актуальными становятся вопросы демократических преобразований в Монголии, экономические сюжеты становятся преобладающими в общественной мысли страны. Однако, заданность выводов, подчиненность выводов социальным задачам революционных преобразований в стране, слабая аналитичность и недостаток фактических данных не позволили создать подлинно научную картину монгольского общества 20–30-х гг. XX в.

В последние годы российские исследователи (С.Л. Агаев, А.П. Базиянц, А.Н. Кононов, Н.А. Кузнецова, Л.М. Кулагина, Б.В. Лунин, В.Н. Никифоров, М.А. Персиц, П.М. Шаститко и др.) все чаще обращаются к вопросам становления советского востоковедения. Однако развитию советского монголоведения в 20–30-е гг. — составной части востоковедения, уделяется пока незначительное внимание (И.И. Иориш, Н.П. Шастина, М.И. Гольман). Вместе с тем, именно в это время закладывались основы нового типа исследования истории Монголии — марксистско-ленинского, происходило первоначальное осмысление и обобщение опыта революции 1921 г., проводился анализ революционного процесса в целом, многие оценки и характеристики новейшей истории Монголии не потеряли своего научного значения до настоящего времени, к некоторым из них вновь возвращаемся после длительного перерыва. К сожалению, современное монголоведение не определило еще своего отношения к работам первых исследователей, которые занимались обобщением и осмыслением опыта реформ в Монголии в 1921–1940 гг.

В 20–30-е гг. XX в. ведущие монголоеды старшего поколения, дореволюционной подготовки (Б.Я. Владимирцов, Ц.Ж. Жамцарано, В.Л. Котвич, В.В. Бартольд, Г.Ц. Цыбиков, Г.Е. Грумм-Гржимайло, С.А. Козин) по-прежнему занимались вопросами традиционного востоковедения: изучение исторических и литературных памятников древней и средневековой Монголии, сторонились проблем современности. Справедливости ради, необходимо отметить, что в конце 1920-х гг. в их исследованиях начался перелом в тематике и методике исследований. Так, Б.Я. Владимирцов и Н.Н. Козьмин подготовили исследования, посвященные изучению социальной природы кочевого общества. В.Л. Котвич опубликовал ряд статей, посвященных современной Монголии.

Ведущий монголовед страны академик Б.Я. Владимирцов опубликовал в 1920-е гг. работы: «Буддизм в Тибете и Монголии» (1919), «Чингис-хан» (1922), «Монголо-ойратский героический эпос» (1923), «Образцы монгольской народной словесности» (1926), «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» (1929).

Директор Петроградского института живых восточных языков, член-корр. АН СССР В.Л. Котвич опубликовал работы: «Среди монгольских племен», «Из поучений Чингис-хана», «К изучению Юань-чао-биши» (1925).

Невосполнимыми оказались кадровые потери специалистов в области монголоведения. В 1918 г. умер выдающийся тюрколог и этнограф В.В. Радлов. В 1920 г. от болезни скончался крупнейший монголовед А.М. Позднеев. В 1923 г. из Петрограда во Львов уезжает В.Л. Котвич и публикует свои исследования на польском языке. В Финляндию эмигрирует талантливый молодой монголист А.Д. Руднев (1878–1959), занимавшийся проблемами мон-

гольской филологии. В 1922 г. в Харбин уезжает В.А. Рязановский, юрист и востоковед, издавший «Монгольское право (преимущественно обычное)» (1929), «К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право» (1931). Покидает Россию историк, философ-евразиец Г.В. Вернадский (1887–1983), опубликовавший в США исследование о взаимоотношениях монголов и Руси. Только в 1920-е гг. работают Б.Я. Владимирцов (до 1931 г.), В.В. Бартольд (до 1930 г.).

Необходимо отметить одну характерную особенность публикаций русских эмигрантов — почти полное отсутствие серьезных исследований о политике России в Монголии в 1911–1917 гг. Мы не встречаем почти ни одного автора, писавшего прежде активно по «монгольскому вопросу». Ведь это были в основном практические работники, немонголоеды. Данное направление исследований оказалось полностью прерванным, не имеющим научной преемственности.

В работах новых авторов: Л. Пазвольского, А. Лобанова-Ростовского, Ф. Мансветова, М. Белова, Д. Даллина, по данным М.И. Гольмана, обосновывается тезис о продолжении СССР территориальной, политической и экономической экспансии царской России в Монголии. Публикации были посвящены критике политики Советской России в Монголии, превратившей последнюю в «колонию», «сателлита».

Вопросами русско-монгольских отношений начала XX в., в период автономии Монголии занимались практические работники: А.Д. Калинин, И.М. Майский, С. Шойжелов, В. Гирченко. Наибольший интерес для современной историографии представляют следующие статьи: Г. Грумм-Гржимайло «Россия и Монголия» (1922), С. Шойжелова «Монголия и царская Россия» (1926), А. Попов «Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг.» (1928), В. Гирченко «Царская Россия и Монголия» (1930), отдельные разделы в книгах И.М. Майского «Современная Монголия» (1921), А.Д. Калинин «Революционная Монголия» (1925), «Национально-революционное движение в Монголии» (1926), Г.Е. Грум-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» (1926, 1930), А.В. Черных «Торговые связи Монголии и Восточной Сибири» (1926).

История русско-монгольских отношений, история торговых отношений базировались, за исключением работ И.М. Майского и Г. Грум-Гржимайло, на дореволюционных материалах и данных, но с новой их трактовкой. Многие работы носили обзорный и поверхностный характер, часто базировались на известных данных. Новая власть и формирующаяся общественная наука поставила задачу переписать историю, в числе и историю Монголии, историю русско-монгольских отношений на основе исторического материализма. В рамках марксистской концепции внешняя политика Российской империи, ее внешнеэкономическая и торговая политика рассматривалась как колониальная и захватническая. В целом, русско-монгольские отношения оценивались как неравноправные, а деятельность торговцев, дипломатов и военных оценивалась в основном негативно.

Некоторые позитивные и более объективные оценки русской политики в Монголии, имеющиеся в работах И.М. Майского и Г. Грум-Гржимайло не получили своего развития в советской историографии.

Несомненным достоинством данного периода стало введение в научный оборот новых оригинальных исторических источников по истории русско-монгольских отношений из государственных российских архивов.

Значительное число документов было опубликовано в журнале «Красный архив», были опубликованы тематические сборники документов «Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.)» (1932), «Из эпохи японо-китайской войны 1894–1895 гг.» (1932), «Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 — январь 1902 гг.)» (1934). Они подробно раскрывают внешнюю политику Российской империи в конце XIX — начале XX в. Данные источники не потеряли своего научного значения до сих пор и используются исследователями данной темы. Были опубликованы отдельные документы из наследия С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткина, В.Н. Ламздорфа и др. политиков, влиявших на формирование внешней политики.

Особый и весомый вклад внес крупный историк и архивист А.Л. Попов, подготовивший к печати известную подборку архивных документов «Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг.» (1928)⁸. Данные опубликованные документы стали предметом дальнейшего пристального исследования российских, монгольских и зарубежных историков.

Александр Львович Попов окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, учился у известных ученых А.Е. Преснякова, В.Н. Строева и после революции 1917 г. работал в системе Главархива. Длительное время он работал в провинциальных архивах России: Костроме, Симбирске, Баку, в 1923 г. переезжает в Москву и становится консультантом Архива внешней политики. С 1929 г. он стал работать в комиссии по изданию документов эпохи империализма. В 1935 г. он стал научным сотрудником Института истории Академии Наук, в 1942 г. стал доктором наук без защиты диссертации.

Весомый вклад в российскую историографию изучения дальневосточной политики внес Б.А. Романов, опубликовавший две монографии: «Россия в Маньчжурии», «Очерки дипломатической истории русско-японской войны» (1955).

Глубокую и оригинальную трактовку научного вклада Б.А. Романова дал крупный современный исследователь проблемы внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке и Маньчжурии историк И.В. Лукоянов. По его оценке, «книга Б.А. Романова — явление в советской историографии. Прежде всего, она основана на весьма значительном архивном материале, что придало картине, нарисованной историком, убедительность. В монографии также ярко проявилась отличительная черта работ Б.А. Романова — блестящее умение устанавливать связи различных фактов. Это мастерство историка, которым можно только восхищаться. Оригинален и стиль исследователя — это не простое изложение или пересказ событий, а авторское понимание их значения и места в создаваемой им картине. Однако опора Б.А. Романова на архив канцелярии министра финансов имела не только положительные стороны: картина российской политики в Маньчжурии получилась деформированной, с преобладанием действий и намерений Министерства финансов.

Он дал собственную, оригинальную трактовку дальневосточной политики России. Как отмечает современный исследователь И.В. Лукоянов, Б.А. Романов выделил три основных течения в российских правящих кругах по дальневосточной политике: С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф; А.Н. Куропаткин; Николай II и «безобразовский кружок». По мнению И.В. Лукоянова, «исследовательский подход А.Л. Попова отличался от приёмов работы Б.А. Романова.

⁸ Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг. / сост. А.А. Попов // Красный Архив. 1928.

Он пришел к иному, чем Б.А. Романов, пониманию сущности и особенностей внешней политики самодержавия. В частности, А.Л. Попов подчеркивал не только ее агрессивность, но и преобладание в ней «военно-захватнических методов». Применительно к дальневосточной политике историк усматривал переплетение методов империализма (экономических) и предшествовавшей эпохи (военно-захватнических) с доминированием последних. Мне кажется, что такая оценка точнее, чем представления» Б.А. Романова»⁹.

В начале 30-х гг. XX в. в российской историографии обостряется интерес к истории Маньчжурии, в связи активизацией японской агрессии в Китае и Маньчжурии, созданием марионеточного государства Маньчжоу-Го. Практические потребности потребовали основательного изучения дальневосточной политики России, Японии и западных стран.

В 50-е гг. XX в. началось восстановление изучения в СССР русско-монгольских отношений. К сожалению, преемственности исследования данной темы не получилось. Значительное число исследователей проблемы оказалось репрессированными, а их подходы к проблеме утраченными.

Обращение к теме русско-монгольских отношений происходило в новых исторических условиях, определенной политической и идеологической свободы и попытки нового осмысления проблемы.

В Секторе Монголии Института Востоковедения АН СССР началась серьезная работа по введению в научный оборот документов по истории русско-монгольских отношений XVII–XVIII вв. (И.Я. Златкин, С.Д. Дылыков, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук и др.). Основное внимание уделялось исследованию русско-монгольских отношений в более ранний период их становления и развития. Однако, общий подход к проблеме уже менялся. Негативная характеристика российско-монгольских отношений менялась на более объективную и позитивную оценку. К сожалению, вопросы отношений России и Монголии в первой четверти XX в. не стали предметом научного исследования.

В 1958 г. монголовед Н.П. Шастина публикует монографию «Русско-монгольские посольские отношения»¹⁰, основанную на оригинальных документальных источниках. Н.П. Шастина — крупный советский историк, большой знаток новой истории Монголии, монгольских исторических источников: «Шара туджи», «Алтан тобчи» Лубсан Данзана, а также истории русского монголоведения в период становления и развития. Книга была основана на кандидатской диссертации автора «Первые сношения Московского государства с Алтын-ханами Западной Монголии», защищенной в 1950 г. Н.П. Шастина в новых условиях положила начало объективной и взвешенной оценке русско-монгольских отношений. Она строго опиралась на архивные данные и оригинальные источники, поэтому ее труды сохраняют в настоящее время свою значимость. Данное направление было продолжено исследованиями Ш.Б. Чимитдоржиева, Р.Е. Пубаева, Д.Б. Улымжиева, Л.Ш. Чимитдоржиевой. Н.П. Шастина опубликовала значительное число статей, посвященных научной деятельности известных российских монголоведов Д. Банзарова, О.М. Ковалевского, Г. Гомбоева, В.П. Васильева, А.М. Позднеева и вплотную приблизилась к созданию обобщающей работы по истории российского монголоведения. К сожалению, она не была завершена и не издана.

⁹ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав». Россия на Дальнем Востоке. СПб., 2008.

¹⁰ Шастина Н.П. Русско-монгольские отношения в XVII веке. М., 1958.

В 1959 г. был опубликован первый том «Русско-монгольские отношения. 1607–1636», составителями которого выступили московские монголоведы Л.М. Гатаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. Позднее, в 1974 г. был издан второй том «Русско-монгольские отношения. 1636–1654», в 1996 г. — 3 том «Русско-монгольские отношения. 1654–1685», в 2000 г. — «Русско-монгольские отношения. 1685–1691», которые создали прочную источниковую базу будущих исследований русско-монгольских отношений раннего периода. Последние два тома подготовила к печати Галина Сергеевна Слесарчук, которая приложила много сил на подготовку документов к публикации. Г.И. Слесарчук также опубликовала также серию статей по проблеме русско-монгольских отношений в XVII–XVIII веках: «Русские архивные материалы о хошоутских тайджи Аблае и Очирту Цецен-хане» (1987), «Русские архивные материалы о Гуши-хане» (1978), «Из истории русско-монгольских посольских отношений в XVII в.» (2000), «Из истории посольских отношений России с северомонгольскими ханами в 60–70-е годы XVII» (1997)¹¹.

Также были опубликованы историко-правовые документальные сборники, подготовленные С.Д. Дылыковым «Халха Джирум», «Цааджин бичиг», «Их Цааз» А.Г. Сазыкиным, В.Л. Успенским. Русско-монгольские отношения XVII–XVIII вв. изучались Ш.Б. Чимитдоржиевым. Он защитил в 1959 году кандидатскую диссертацию «Русско-ойратские (западно-монгольские) отношения в XVII веке», были опубликована серия статей по данной проблеме: «Русско-монгольские (западно-монгольские) связи в XVII в.» (1958), «К истории русско-ойратских торговых отношений в конце XVII в.» (1962), «Из истории взаимоотношений России с Джунгарией при Галдан-хане» (1963). В более позднее время Ш.Б. Чимитдоржиев опубликовал следующие монографии: «Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв.» (1978), «Взаимоотношения Монголии и Средней Азии XVII века» (1979), «Россия и Монголия» (1989).

В работах Ш.Б. Чимитдоржиева, Е.М. Даревской, Д.Ж. Батуева, Н.П. Шастиной, Л.П. Поповой, Н.Е. Единарховой, Т.Д. Скрынниковой, А.Н. Хохлова была представлена более взвешенная оценка истории русско-монгольских отношений, начинает сокращаться идеологическая составляющая отношений двух стран и формироваться более объективная картина экономических и дипломатических отношений России и Монголии.

Наибольшую ценность для российской историографии данной проблемы представляют монографии известного российского монголоведа Ш.Б. Чимитдоржиева «Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв.» (1978), «Взаимоотношения Монголии с Россией и странами Средней Азии» (1979)¹², «Россия и Монголия» (1989). В научный оборот были введены оригинальные исторические источники, предложены новые характеристики русско-монгольских отношений, исчезли одиозные и негативные оценки русской внешней политики по отношению к Монголии.

Оригинальный научный материал по истории русско-монгольских связей начала XX веков был введен в историографию Монголии известным иркутским исследователем Еленой Марковной Даревской. Более 40 лет она тщательно и целенаправленно собирала и публиковала материалы по истории русско-монгольских отношений, были опубликованы три монографии «Сибирь и Монго-

¹¹ Слесарчук Г.И. Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. 220 с.

¹² Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия.

лия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков» (1994)¹³, «Три портрета — три судьбы. Исторические очерки» (1997), «Декабристы в Сибири, Монголии и Китае» и более 80 статей по данным вопросам.

Новизна работ Е.М. Даревской определяется, прежде всего, тем, что она выбирает для исследования вопросы, которые мало или вовсе не изучены ее предшественниками, или требуют пересмотра. Все статьи, без исключения, носят неповторимый характер остановки проблем, использованием новых исторических источников, архивных материалов и периодической печати Иркутска, Улан-Удэ, Кяхты, Читы, Москвы и Санкт-Петербурга по истории русско-монгольских связей. В любой, самой маленькой миниатюре, она стремится к исчерпывающей полноте использования источников, их критического анализа и сопоставления. Поэтому ее публикации вызывают большой интерес российских и монгольских историков, пользуются глубоким уважением. Своими материалами она опровергла многие устоявшиеся в исторической литературе стереотипы: о новых тенденциях в экономике Монголии на рубеже веков, степени культурности ее русских жителей и других аспектов связей. Е.М. Даревская открыла много имен русских деятелей, внесших заметный вклад в развитие и упрочение русско-монгольских отношений.

В 90-е гг. XX в. — начале XXI в. были опубликованы монографии Б.В. Базарова, В.Ц. Ганжурова, Н.Е. Единарховой, В.А. Василенко, С.Г. Лузянина, А.В. Старцева, С.Л. Кузьмина, Ю.В. Кузьмина, Е.И. Лиштованного, В.Д. Дугарова, В.Д. Дацышена, которые по-новому трактуют историю русско-монгольских отношений начала XX в. Исчезла идеологическая направленность оценок отношений двух стран, оценки идут с точки зрения национальных интересов России. Главное достоинство научных работ данных исследований — введение в научный оборот новых архивных материалов, обращение к сложным вопросам истории дипломатических и военных отношений. Опубликованы сборники документов, которые расширяют источниковую базу исследований. Публикуются новые мемуарные источники, которые наполняют историю русско-монгольских отношений новыми красками и оценками.

Российское китаеведение проделало грандиозную работу по описанию, обобщению и анализу российско-китайских отношений (В.С. Мясников, Е.А. Белов, В.А. Моисеев, М.И. Сладковский, А.Н. Хохлов, В.Г. Дацышен и др.). Крупные монографии В.С. Мясникова «Договорными статьями утвердили. «Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.» (1996), В.А. Моисеева «Россия и Китай в Центральной Азии: вторая половина XIX — 1917 г.» (2003), С.Г. Лузянина «Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1949 гг.» (2000), В.Г. Дацышена «Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX вв.» (2000), «История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX в.» (2000), Е.А. Белова «Россия и Китай в начале XX в. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.» (1997) создали прочную научную основу для изучения истории русско-монгольских отношений. Сделана успешная попытка российских китаеведов создать обобщающую коллективную работу по истории русско-китайских отношений «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» (2013)¹⁴. Китаеведение имеет большой творческий

¹³ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск, 1994. 404 с.

¹⁴ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. М., 2013.

потенциал и несколько опережает другие сферы российского востоковедения. Заслуживает внимания стремление авторов создать полную и объективную картину событий и не формировать у читателей определенный взгляд на события. Авторы отдельных глав излагают собственные взгляды на описываемые события, не избегая спорных вопросов в литературе. Фактические данные русско-китайских отношений, оценки и характеристики серьезно влияют на формирование концепции русско-монгольских отношений. Тем более, что до 1911 г. Монголия являлась составной частью Маньчжурской империи.

Определенный вклад в исследование темы вносят историки, занимающиеся историей Сибири, историей Бурятии и Забайкалья, Тывы («История Тувы» в 2 томах, «История Бурятии» в 3 томах (2011), «Энциклопедия Забайкалья» в 4 томах), «Историческая энциклопедия Сибири» (т. I–III) (2009). История пограничных территорий, биографии политических и пограничных деятелей, экономические связи территорий дополняют историю русско-монгольских отношений в начале XX в. Значительное место в отношениях данного периода занимали религиозные связи монголов, бурят, тувинцев. Паломничество российских ламаистов в Монголию и Тибет, приезд буддийских деятелей из Монголии и Тибета в Россию находят отражение у российских исследователей. Формированием художественных коллекций в России занимаются российские искусствоведы и музееведы.

Назрела необходимость создания обобщающей работы по истории русско-монгольских отношений в первой половине XX в., с привлечением специалистов различного профиля: историков, экономистов, филологов, философов, политологов и культурологов. Это позволит создать объемную и всестороннюю историю взаимоотношений двух стран, народов и культур. Результаты исследования необходимо ввести в научный оборот на русском, монгольском, китайском и английском языках. Это позволит стать ближе и понятнее монгольской исторической науке и мировому монголоведению.

Публикация новых оригинальных исторических источников в Монголии и России, появление новых подходов и оценок в российской и монгольской историографии диктуют определение спорных точек зрения и создание цельной картины отношений двух стран. Выявление и публикация новых архивных и мемуарных источников, междисциплинарный подход к проблеме позволят выйти на новый уровень исследования сложной темы изучения истории взаимоотношений России и Монголии. Концептуально мы исходим из положения анализа конкретно-исторического материала с позиции национальных интересов России.

Крупным научным центром России по изучению истории, экономики и культуры Монголии является Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. С 1997 г. по настоящее время директором Института является член-корреспондент РАН, академик АН Монголии, доктор исторических наук, профессор Б.В. Базаров.

Данный научный центр превратился в ведущий научный центр нашей страны, и плодотворно изучает вопросы исторического и культурного взаимодействия народов и культур Внутренней Азии в диалоге цивилизаций «Восток-Запад». Успешно изучаются и русско-монгольские отношения, об этом свидетельствуют крупные исследования Б.В. Базарова, Л.В. Кураса, Ш.Б. Чимитдоржиева, Т.Д. Скрынниковой, Ц.П. Ванчиковой и других ученых научного центра. Были изданы фундаментальные сборники оригинальных архивных

материалов «Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939–1946 гг.)» (2011 г.), «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)» (2012)¹⁵, «Монголия во второй мировой войне. Фотоальбом» (2011).

Успешно проводятся научные конференции, посвященные научной деятельности Г.Ц. Цыбикова, Ц.Ж. Жамцарано, Э.Д. Ринчино, Б.Б. Барадина, результаты которые серьезно продвигают изучение российско-монгольских научных и культурных связей.

Монография С.Г. Лузянина «Россия-Монголия-Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.» (2003)¹⁶ по-новому осветила характер политических и дипломатических отношений Монголии и России. Необходимо отметить, что данная тема и ранее являлась предметом специального изучения С.Г. Лузянина. Кандидатская диссертация также была посвящена истории русско-монгольских отношений в 1911–1919 гг. Научные работы построены на оригинальных архивных материалах Москвы, Санкт-Петербурга и Иркутска.

Научные работы московских монголоведов Сектора Монголии Института Востоковедения Российской Академии наук (С.К. Рошин, В.В. Грайворонский, М.И. Гольман, Г.С. Яскина, Е.В. Бойкова), посвященные внутренним проблемам истории Монголии, а также современным российско-монгольским отношениям представляют также и исторические сюжеты развития отношений России и Монголии в XX в. Новая трактовка российско-монгольских отношений в первой половине XX в., взвешенный взгляд на историю отношений двух стран — характерная черта исследований ведущих российских монголоведов России. Серьезное внимание уделяется сложностям, трудностям и противоречиям соседних государств. Произошла смена методологических подходов в изучении российско-монгольских отношений. Коллективная монография «Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке»¹⁷ определила дальнейшее развитие истории российско-монгольских отношений в XX в., стала своеобразным ориентиром для российских и монгольских ученых.

Московский китаевед Е.А. Белов на основе оригинальных исторических источников подготовил крупные исследования: «Россия и Монголия (1911–1919)» (1999), «Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.» (1997) [18]. Впервые в российской историографии автором были проанализированы сложные и дискуссионные вопросы русско-монголо-китайских отношений: вопросы противоречий между Россией и Монголией, «баргинский вопрос», «урианхайский вопрос», монголо-китайские отношения. Впервые в российском монголоведении китаевед Е.А. Белов ввел в научный оборот целый пласт оригинальных архивных материалов из Архива внешней политики Российской империи.

Александр Владимирович Старцев хорошо известен среди российских востоковедов своими глубокими исследованиями проблемы российского предпринимательства на Алтае, русско-монгольской пограничной торговли.

¹⁵ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / сост. Ч. Дашдаава, Б.В. Базаров. Улан-Удэ, 2012.

¹⁶ Лузянин С.Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.

¹⁷ Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура).

Об этом, в частности, свидетельствуют его ранее опубликованные монографии: «Сибирский купец А.Д. Васенев» (1994), «История предпринимательства в Сибири» (1999, в соавторстве), «Купечество Алтая второй половины XIX — начала XX в.» (2001, в соавторстве), «Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.).» (2003).

А.В. Старцев активно занимается научно-исследовательской работой, имеет более 330 научных публикаций, в числе которых монографии, учебные пособия, сборники документов, статьи. Специалист в области истории народного хозяйства и предпринимательства Сибири, истории торгово-экономических и культурных связей Сибири со странами Дальнего Востока и Центральной Азии.

Капитальное научное исследование А.В. Старцева «Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX — начале XX в.» (2013) органично вписывается в целую серию востоковедных и монголоведных исследований, посвященных истории российско-монгольских дипломатических, экономических и культурных отношений двух соседних стран¹⁸.

Работа А.В. Старцева объемная и фундаментальная, состоит из пяти глав¹⁹. Неслучайно поэтому первая глава посвящена теоретической и методологической основе исследования: историографии, источниковедению, методологии. В монографии А.В. Старцева дан основательный и конкретный анализ русско-монгольского товарооборота и его особенностей на различных этапах развития торговли: Первый этап определяется периодом 60–80-х гг. XIX в. Отмечается, что на данном этапе формировались основные статьи экспорта и импорта, складывались основные центры и направления товарных потоков. Темпы роста торговых оборотов в это время были сравнительно высокими: за период с 1865 по 1886 г. они увеличились в 2,3 раза. Наиболее быстрыми темпами торговля развивалась по южной границе Томской губернии, где главными участниками были жители города Бийска и Бийского уезда. Динамичное развитие получила торговля в Урянхайском крае. Торговля через Кяхту велась низкими темпами, а основные прибыли шли от чайной торговли.

Иркутский ученый Е.И. Лиштованный занимается вопросами отношений Монголии с сибирскими регионами, об этом свидетельствуют следующие работы: «Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири (1920–1980-е годы)» (1992), «Исторические взаимоотношения Сибири и Восточной Сибири» (1998), «От великой империи к демократии» (2007). В.Ц. Ганжуров опубликовал крупную монографию «Россия и Монголия (на трудном пути реформ)» (1997), посвященную современным проблемам отношений двух стран. Однако, некоторые исторические сюжеты и оценки более раннего периода нашли отражение в данной книге и оказали влияние на историческую науку России и Монголии в более современной оценке отношений соседних стран.

Профессор Единархова Нина Евгеньевна — крупный сибирский историк, востоковед, известный в России исследователь новой истории Китая и Монголии, Кяхтинской торговли и русско-монгольских торговых отноше-

¹⁸ Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999.

¹⁹ Старцев А.В. Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX — начале XX вв. Барнаул, 2013. 414 с.

ний, истории русской диаспоры в Монголии, деятельности генерального консула в Монголии Я.П. Шишмарева. Кяхтинская торговля являлась основным пунктом русско-китайской и русско-монгольской торговли, поэтому экономические связи России с Китаем являлись предметом пристального внимания российской историографии, в частности в публикациях А.Н. Хохлова, Ж.З. Тагарова. Аналитическое и глубокое исследование Н.Е. Единарховой до сих пор не утратило научной значимости. В последующие годы темой ее научных изысканий стала деятельность русских в Монголии во второй половине XIX — начале XX в., входившей тогда в состав Китайской империи слабо изученная советским, а затем и российским монголоведением и, тем более, зарубежным, которые не имели доступа к отечественным архивам. Почти 20-летнее изучение проблемы завершилось в 2006 г. защитой докторской диссертации по деятельности русских в Монголии в 1861–1921 гг. в Ученом Совете института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (г. Владивосток). В рамках работы был подготовлен обширный материал по деятельности первого русского консула в Монголии Я.П. Шишмарева, большая статья о котором предшествовала публикации в 2001 г. уникального исторического источника — Отчета Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства в книге под названием Русский консул в Монголии. Издание получило высокую оценку у монголоведов: оно вошло в списки литературы к многотомной истории Востока, издаваемой Институтом востоковедения РАН.

Проблемы российской историографии истории Монголии и русско-монгольских отношений — предмет исследования профессора Бурятского государственного университета В.Д. Дугарова. В ряде монографий «Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX веках. Вопросы историографии» (2004), «Российская историография истории Монголии» (2014)²⁰ специально рассмотрены вопросы истории русского монголоведения начала XX в. и русско-монгольских отношений данного периода.

Новые темы истории российско-монгольских отношений: «урянхайский вопрос» в русско-монголо-китайских отношениях (Д. Шурхуу, Е.А. Белов, Ю.В. Кузьмин, В.Г. Дацышен, В.А. Василенко), «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России начала XX в. (Е.М. Даревская, Ю.В. Кузьмин); роль российских военных в исторических событиях первой четверти XX в. (Е.В. Бойкова, Н. Хишигт, С.Л. Кузьмин, А.В. Михалев, Ю.В. Кузьмин), история деятельности буддийской церкви Монголии и роль Богдо-гэгэна в политической и дипломатической истории Монголии (О. Батсайхан, Ж. Урангуа, А.А. Сизова, З. Лонжид), внутренняя политика Цин и деятельность независимого монгольского государства (1911–1919 гг.) (О. Батсайхан, Ж. Урангуа, З. Лонжид, Ж. Болдбатаар и др.), биографии крупных монгольских политических деятелей (Ч. Дашдаваа, О. Батсайхан, Ц. Батбаяр, Ж. Урангуа, З. Лонжид, Ж. Болдбаатар).

Современную оценку русско-монгольских торговых отношений первой четверти XX в. были представлены в работах Ш.Б. Чимитдоржиева, Ж.З. Тагарова, А.В. Старцева, Н.Е. Единарховой, А.Н. Хохлова. Расширяется фактическая источниковая база исследования, анализируются проблемы и трудности русских торговцев в Монголии.

Был сделан существенный шаг в изучении российско-монгольских отношений середины XIX — начала XX в. К сожалению, недостаточное внимание

²⁰ Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии. Улан-Удэ, 2014. 376 с.

русские ученые уделяют внутренней истории Монголии, так как многие из них работают только на русских архивных материалах, имеющих недостаток материалов, некоторые не владеют монгольским и китайским языками, что также ограничивает документальную базу.

В настоящее время в науку приходит новое поколение исследователей истории Монголии, которые получили востоковедное и монголоведное образование на восточном факультете Бурятского государственного университета, Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета, Алтайском государственном университете, Иркутском государственном университете. Многие из них неплохо владеют европейскими и восточными языками, имеют высокую методическую подготовку, более открыты для новых подходов в осмыслении истории дипломатических, политических и научных отношений России и Монголии на рубеже веков.

Кандидатскую диссертацию по истории дипломатических отношений России и Монголии защитила выпускница Алтайского государственного университета А.А. Сизова, которая в настоящее время работает в Институте Дальнего Востока Академии наук России старшим научным сотрудником Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией. Основное внимание А.А. Сизова уделяет истории дипломатических отношений России и Монголии, становлению и развитию дипломатических отношений двух стран во второй половине XIX — начале XX в. В научный оборот введены оригинальные архивные материалы центральных и сибирских архивов, представлена оригинальная трактовка особенностей дипломатии России в отношении Монголии.

Проблемами истории русского монголоведения активно занимаются В.Д. Дугаров, О.Н. Полянская, Е.В. Бойкова, И.В. Кульганек, Е.И. Лиштованный, продолжая историографические исследования известных российских монголоведов Ш.Б. Чимитдоржиева, Д.Б. Улымжиева, М.И. Гольмана, Н.П. Шестиной, Г.И. Слесарчук. Необходимо выделить публикации по истории русского монголоведения доцента Бурятского государственного университета О.Н. Полянской, основанные на оригинальных архивных материалах России и Польши. Особенно большое внимание уделяется творческому наследию О.М. Ковалевского, В.Л. Котвича, А.М. Позднеева. В научный оборот О.Н. Полянской введены неизвестные научные материалы российских ученых и научная переписка. Надеемся, что серия статей О.Н. Полянской завершится крупной монографией по данной тематике. Российское монголоведение нуждается в капитальном и фундаментальном исследовании истории развития отечественного монголоведения в его динамике, противоречиях, особенностях научного взаимодействия русских ученых и проблематики их научных поисков²¹.

В 2012 г. кандидатскую диссертацию в Улан-Удэ защитил П.Н. Дудин на тему «Становление государственности Монголии (первая половина XX в.)», также была опубликована серия статей, в которых дан интересный анализ внешнего положения Монголии и роль России. В настоящее время молодой ученый издает журнал «Eurasia: statum et legem», в котором находят отражение и вопросы русско-монгольских отношений начала XX в. Основное внимание П.Н. Дудин в своих исследованиях уделяет становлению государственности во Внутренней Монголии в первой трети XX в., теоретическим аспектам монгольского государственного строительства.

²¹ Полянская О.Н. Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (первая половина XIX века). Улан-Удэ, 2001.

Проблемы российско-монгольского военного сотрудничества России и Монголии в первой половине XX в. находят выход в публикациях Ж.Б. Жалсаповой, защитившей кандидатскую диссертацию на тему «Взаимоотношения России и Монголии в военной сфере. 1911–1939 гг.», работающей в Хабаровском пограничном институте. Проблемы защиты национальных интересов России, пограничные проблемы заслуживают основательного и специального изучения.

Специфику религиозных связей России, Монголии и Тибета изучает Н.В. Цыремпилов, автор монографии «Буддизм и Империя. Бурятские буддийские общины в России (XVIII — начало XX в.)» (2013)²². Специальную статью молодой ученый посвятил оценке тибетско-монгольского договора 1913 года. Историю буддийской церкви в Монголии, российско-монгольские религиозные связи изучают Р.Т. Сабилов, Л.Н. Крайнова, опубликовавшие ряд интересных статей и документов по истории буддийской церкви Монголии XX в.

Теории международных отношений, место Монголии в треугольнике Россия-Монголия-Китай, исторический опыт взаимодействия в XX в. — предмет научного исследования молодого ученого, кандидата политических наук из Улан-Удэ В.А. Родионова. Исследуются модели отношений в регионе Восточной Азии, история и перспективы российско-монгольских отношений, в том числе и начало XX в.

Место Монголии в системе международных отношений, ее место в «Большой игре», в том числе и вопросы русско-монголо-китайских отношений начала XX века рассматриваются в публикациях доктора политических наук А.В. Михалева: «Монголия в Новой Большой игре: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы» (2013)²³, статьи: «Русский военный источник начала XX века о китайской колонизации Северо-Восточной Монголии» (2005), «Китайская колонизация Северо-Восточной Монголии в начале XX в.: перспективы и оценка в исследованиях российского генштаба» (2004), «Конструирование «монгольского вопроса» бурятскими монголоведами в 1920-е годы» (2004).

Байкальский государственный университет с 2012 г. выполняет совместно с научными институтами Академии наук Монголии Проект «Российско-монгольские отношения в первой четверти XX века». В проекте участвуют монгольские ученые из Института Истории АН Монголии, Института международных исследований, Института национального развития и Монгольского государственного университета. Российскую сторону в проекте представляют ведущие монголоеды и востоковеды Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Улан-Удэ, Иркутска, Барнаула. За 2012–2015 гг. подготовлено к печати и опубликовано четыре тома «Россия и Монголия: дипломатия, экономика, культура», в которых представлены статьи и документы по истории, дипломатии, культуре двух стран в переломный период их развития. Были проведены международные научные конференции в Улан-Баторе и Иркутске, которые дали толчок изучению сложных проблем отношений России и Монголии в первой половине XX в. В научный оборот были введены оригинальные исторические источники из архивов Москвы, Иркутска и Улан-Батора, а также представле-

²² Цыремпилов Н.В. Буддизм и Империя. Бурятские буддийские общины в России (XVIII — начало XX в.). Улан-Удэ, 2013.

²³ Михалев А.В. Монголия в Новой Большой игре: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы. Улан-Удэ, 2013.

ны материалы по дискуссионным проблемам истории Монголии и русско-монгольских отношений²⁴.

Монгольские историки внесли самый существенный вклад в изучение истории Монголии и русско-монгольских отношений. В научный оборот введены оригинальные исторические источники, расширилась тематика исследований, предложена новая трактовка русско-монгольских отношений. Сформировались различные подходы в оценке отношений двух стран. Существует и негативная характеристика русско-монгольских отношений в данный период. Критикуется позиция дипломатии России, которая добилась автономии Монголии, а не полной независимости страны.

Специального изучения заслуживают, по нашему мнению, следующие вопросы истории русско-монгольских отношений в первой половине XX в.: дипломатическая история 1911–1924 гг. с привлечением биографических данных крупных российских и монгольских дипломатов; «урянхайский» и «баргинский» вопросы в истории русско-монголо-китайских отношений; роль военных специалистов в развитии русско-монгольских отношений и военного монголоведения в исследовании Монголии; изучение динамики торгово-экономических связей России и Монголии и российского предпринимательства в соседней кочевой стране; место и роль в экономике традиционного транспорта и проекты железных дорог; русско-монгольские культурные и научные связи в первой четверти XX в.; общественно-политическая и научная мысль России начала XX в. о Монголии и русско-монгольских отношениях, история становления монгольской журналистики и европейского образования в Монголии.

Таким образом, российская историческая наука проделала значительную и напряженную работу по изучению русско-монгольских отношений начала XX в. Изучение проблемы на протяжении XX в. было неровным и сложным. Длительное время изучение проблемы находилось под значительным идеологическим прессом. «Советский период» был далек от истинного осмысления истории русско-монгольских отношений. Возврат современного монголоведения к российской историографии начала XX в. является логическим шагом развития научной мысли. Введение в научный оборот новых оригинальных архивных материалов, основательное изучение и переосмысление русско-монголо-китайских отношений позволяют выйти на новый уровень научного изучения проблемы. Дальнейшего исследования заслуживают проблемы русско-монгольских отношений: национальные интересы России в Монголии, роль военных деятелей в развитии отношений двух стран, биографии дипломатических работников России.

Русско-монгольские отношения 1921–1945 гг. в последнее двадцатилетие в основном исследовались под определенным историческим углом: основное внимание уделялось малоисследованным проблемам или сложным и противоречивым страницам в отношениях двух стран (роль Коминтерна, репрессивная политика властей, негативные экономические последствия революционных преобразований). Позитивная роль СССР в создании современ-

²⁴ Актуальные вопросы истории русско-монгольских отношений первой четверти XX века : сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2013; Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура. Улан-Батор, Иркутск, 2013; Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: сб. науч. тр. Улан-Батор; Иркутск, 2014. Кн. 3; Россия и Монголия: новый взгляд на историю: дипломатия, экономика, наука: сб. науч. тр. Улан-Батор, Иркутск, 2015. Кн. 4.

ной промышленности, системы образования и культуры Монголии, осталась в «тени» и нуждается в современном осмыслении. Непростая задача современного и объективного взгляда на историю отношений России и Монголии в первой половине XX в. требует своего исторического решения. В этом заинтересованы историки двух дружественных стран и общественная мысль России и Монголии.

1.1. Энциклопедия российско-монгольских отношений (2013–2016)

В 2013–2016 гг. Байкальским государственным университетом совместно с Академией наук Монголии, Институтом истории, Институтом международных исследований, Институтом национального развития проведена значительная исследовательская работа по изучению наиболее важных и сложных проблем истории Монголии и российско-монгольских отношений середины XIX — середины XX в. Были изданы: «Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века» (2013), «Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура» (2013), «Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука» (2014), «Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура)» (2015), «Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука)» (2015), «Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука» (2016). Каждое издание в среднем готовилось 50 российскими и монгольскими учеными в течение полугода. Общий объем опубликованных материалов составляет 240 печатных листов.

БГУ совместно с Академией наук Монголии (Институт Истории, Институт международных исследований, Институт национального развития) в 2013 г. начали международный научно-исследовательский проект «Российско-монгольские отношения в первой четверти XX века».

Ранее, в октябре 2011 г. в Улан-Баторе по итогам переговоров между БГУ и Академией наук Монголии был подписан Меморандум по вопросам сотрудничества в области образования и подготовки кадров. В целях реализации данного соглашения был создан творческий коллектив из российских и монгольских исследователей, перед которым была поставлена задача подготовить обобщающую работу по истории российско-монгольских отношений в XX в.

Университет выступил в Проекте инициатором и модератором. Научными руководителями проекта выступили доктор экономических наук, профессор, ректор БГУ М.А. Винокуров и доктор экономических наук, профессор, первый проректор БГУ А.П. Суходолов. В настоящее время научным руководителем проекта является заслуженный экономист РФ, ректор БГУ Александр Петрович Суходолов.

К участию в Проекте привлечены ведущие востоковеды и монголоеды России: научные сотрудники Института Востоковедения АН РАН (доктора наук М.И. Гольман, В.В. Грайворонский, Е.В. Бойкова), Института Дальнего Востока (к.и.н. А.А. Сизова), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО АН РАН (проф. Ц.П. Ванчикова, Е.В. Сандуева), РГГУ (Москва) (проф. Л.Г. Скородумова, А.Д. Цендина), Тувинский институт гуманитарных и прикладных исследований (г. Кызыл) (проф. Н.В. Моллеров, А.А. Самдан),

Сибирского федерального университета (Красноярск) (проф. В.Г. Дацышен), Бурятского государственного университета (Улан-Удэ) (проф. В.Д. Дугаров, проф. Л.Б. Жабаяева, доц. О.Н. Полянская, доц. А.В. Михалев), Иркутского государственного университета (проф. Е.И. Лиштованный, доц. В.А. Василенко), Иркутского государственного университета путей сообщения (проф. В.Г. Третьяков), Алтайского государственного университета (Барнаул), (проф. А.В. Старцев), Иркутского Краеведческого музея (ведущий научный сотрудник, к.и.н. А.И. Шинковой), Государственного архива Иркутской области (начальник отдела Е.В. Ильина).

Руководство международным проектом с монгольской стороны осуществляют президент Академии наук Монголии, академик Б. Энхтувшин и вице-президент Академии академик Т. Дорж, директор Института истории, доктор С. Чулуун, директор Института международных исследований Д. Шурхуу, заместитель директора Института национального развития профессор Б. Болдбатор, ведущие ученые Монголии, авторы крупных научных трудов и имеющие мировое признание в монголоведении.

С монгольской стороны привлечены ведущие специалисты Монгольского государственного университета (профессора Ж. Урангуа, М. Зулькафил, З. Лонжид, доц. Н. Отгонсайхан, Ч. Чойсамба), Института Истории АН Монголии (С. Чулуун, Н. Хишигт, Б. Пунсалдулам), Институт международных исследований (Д. Шурхуу, К. Дэмбэрэл, А. Даваасурэн), Института национального развития (Б. Болдбаатар). Часть научных материалов публиковалось на монгольском языке.

Особенностью данного проекта является привлечение, наряду с маститыми учеными, молодых исследователей — аспирантов (А.С. Шмыт-Хеубшман, Б. Гулгуу, Л.Н. Крайнова, А.А. Гавриков, А.А. Матвеев, В.В. Куфтарева, И.А. Дамбуева), двое (А.А. Гавриков, Л.Н. Крайнова) из которых за время работы над проектом успешно защитили кандидатские диссертации.

Целью проекта является создание фундаментальной работы по истории российско-монгольских отношений 1900–1945 гг. и сборника оригинальных архивных документов по данному периоду.

Байкальский университет в апреле 2013 г. подготовил и издал сборник научных трудов российских ученых «Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века», в котором обозначил основные подходы к проблеме. Были опубликованы проблемные статьи ведущих сибирских монголоведов, а также опись архивных материалов по истории русско-монгольских отношений Иркутского государственного архива, опись карт Иркутского краеведческого музея²⁵.

В мае 2013 г. в Улан-Баторе и июне в Иркутске проведены российско-монгольские рабочие совещания руководителей международного Проекта и участников Проекта по проблемам и структуре коллективной работы. Российские участники получили консультации ведущих историков Монголии, новейшую литературу по данной проблеме и опубликованные источники. Монгольские специалисты работали в БГУ и иркутских архивах по вопросам российско-монгольских связей на рубеже веков.

²⁵ Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века; Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура; Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1–2.

В октябре 2013 г. в Улан-Баторе проведена международная научная конференция «Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.» в рамках дней Иркутской области в Монголии. Международная конференция позволила выявить дискуссионные проблемы изучаемой темы, уточнить структуру планируемой к изданию коллективной монографии.

Реализация данного Проекта является признанием международного научного авторитета Университета в области монголоведческих исследований и многолетней подготовки монгольских специалистов в БГУ.

Российско-монгольские отношения в 1900–1945 гг. — важный и сложный период становления и формирования системы современных международных отношений в регионе Северо-Восточной Азии, в треугольнике Россия — Монголия — Китай. Он был отмечен важными дипломатическими вехами: русско-монгольским соглашением 1912 г., русско-китайской декларацией 1913 г., Кяхтинским соглашением 1915 г., российско-монгольским договором 1921 г., войной на Халхин-Голе 1939 г. Объективные и взвешенные оценки дипломатической истории России и Монголии имеют важное значение для развития современных двусторонних отношений²⁶.

Российские ученые-монголоеды (Б.В. Базаров, Е.М. Даревская, В.В. Грайворонский, Ц.П. Ванчикова, А.С. Железняков, Л.Г. Скородумова, М.И. Гольман, Н.Е. Единархова, А.В. Старцев, В.Г. Дацышен, Ю.В. Кузьмин, Е.И. Лиштованый, В.Д. Дугаров, Л.Б. Жабаева, Л.В. Курас и др.) за последние 30 лет проделали объемную исследовательскую работу по изучению отдельных направлений российско-монгольских отношений. Иркутская школа монголоведения имеет глубокие традиции изучения именно этого периода русско-монгольских отношений²⁷. Назрела объективная потребность в коллективной обобщающей работе по данной теме и введение ее результатов в научный оборот на русском, монгольском и английском языках.

Введение в научный оборот новых источников, различие оценок в российской, монгольской и западной историографии требуют от российской науки четко обозначить свою позицию и аргументировано ее отстаивать. Российские архивы, в том числе Архив внешней политики Российской империи, Государственный архив Иркутской области, обладают уникальными архивными материалами по истории российско-монгольских отношений, поэтому введение их в научный оборот представляет несомненную ценность для мирового востоковедения²⁸.

6-томное издание «Россия и Монголия в первой половине XX века: дипломатия, экономика, наука» — плодотворный результат международного сотрудничества российских и монгольских ученых, включивших итоги многолетних научных поисков ведущих монголоведов двух стран.

Данное издание будет интересно и полезно как для практиков, дипломатов, экономистов, журналистов России и Монголии, как энциклопедическое

²⁶ Суходолов А.П., Болдбаатар Б., Кузьмин Ю.В. Российско-монгольские отношения в начале XX века (1900–1921 гг.): экономика, дипломатия, культура // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6 (92). С. 92–99.

²⁷ Кузьмин Ю.В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России; Кузьмин Ю.В., Свинин В. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / под науч. ред. А.П. Суходолова. Иркутск, 2014. 438 с.; Кузьмин Ю.В., Суходолов А.П., Манжигеев А.Ф. Иркутская школа монголоведения и современные историко-экономические исследования Байкальского университета // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 2. С. 232–238.

²⁸ Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 2.

и справочное издание, так и для маститых и молодых исследователей истории, дипломатии, экономики и науки двух дружественных стран. Наиболее полезна публикация будет для студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов, изучающих историю политических и экономических отношений России и Монголии.

Плодотворный итог международного сотрудничества монгольских и российских монголоведов в пяти томах, включивших научные результаты ученых целого поколения, представляется важным научным событием развития современного монголоведения, успешного совместного сотрудничества, актуального научного ответа современной научной мысли на поставленные временем сложные проблемы истории Монголии и русско-монгольских отношений.

Впервые в российской историографии в совместном русско-монгольском научном коллективе представлены, как научные сотрудники Академии наук и университетов, так и практические работники: дипломаты, сотрудники архивов, музеев России и Монголии. Были привлечены также китаеведы, японоведы, лингвисты, искусствоведы, культурологи²⁹.

Представленные статьи и материалы, опубликованные в пятитомнике значительно шире по тематике, чем русско-монгольские отношения первой половины XX в., так как дана характеристика истории, дипломатии, экономики и культуры Монголии данного периода. Впервые в российской историографии так подробно и тщательно представлены ключевые проблемы исторического развития Монголии и динамики международного статуса страны.

В процессе подготовки научных материалов и дискуссий на рабочих совещаниях и совместных международных конференциях (Улан-Батор, 2013, Иркутск, 2014, Иркутск, 2015) происходило сближение научных позиций российских и монгольских ученых и формирование современной концепции истории Монголии и системы международных отношений в 1900–1945 гг. Авторы стремились избегать крайних оценок русско-монгольских отношений, однако оценки исторических событий различаются у российских и монгольских исследователей³⁰.

Несомненным достоинством данного проекта стало тесное научное сотрудничество специалистов различных гуманитарных направлений: историков, экономистов, филологов, этнографов, политологов, культурологов, музееведов, архивистов и искусствоведов двух стран. Комплексно в пятитомнике проанализированы проблемы истории, экономики, дипломатии, научного и культурного сотрудничества двух стран.

Традиционно исследования историков, экономистов и филологов — исследователей Монголии проводятся изолированно друг от друга, редко соприкасясь в совместных работах.

В шести опубликованных книгах, статьи и материалы подразделяются на пять основных разделов: Россия и Монголия в начале XX века: история и геополитика; русско-монгольские торгово-экономические отношения; политико-дипломатические отношения 1900–1945 гг.; «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России, проблемы культурного

²⁹ Актуальные вопросы истории русско-монгольских отношений первой четверти XX века; Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура; Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1.

³⁰ Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1–2.

взаимодействия; Монголия и Восточная Сибирь: вопросы регионального сотрудничества³¹.

Первый раздел 5 тома специально посвящен теоретическим проблемам российско-монгольских отношений: методологии, историографии, источниковедения проблемы³². В XX в. российская историография в своем развитии прошла три основных этапа: 1900–1917 гг. — дореволюционный этап, 1917–1991 гг. — советский этап, с 1991 г. по настоящее время — современный этап. На каждом этапе менялись методология и методика, а также основная тематика научных исследований.

Основное внимание в данном разделе уделяется проблемам историографии и источниковедения российско-монгольских дипломатических и экономических отношений в первой половине XX в. Представлены статьи А.В. Старцева «Российско-монгольские торгово-экономические связи в досоветский период и их отражение в отечественной историографии»³³, Ю.В. Кузьмина «Российская историография XX века русско-монгольских отношений (1900–1921 гг.)»³⁴, Ж. Урангуа «Историография и исторические исследования Монголии в XX–XXI вв.», М. Зулкафилъ, Ч. Чойсамба «К вопросу исследования монгольской журналистики: методологические и теоретические проблемы», В.А. Василенко «Урянхайский вопрос» в международной политике России, Монголии, Китая (первая четверть XX в.): источниковедение и историография проблемы»³⁵, Л.Н. Крайновой «Буддизм-ламаизм Монголии. Историографические особенности и проблемы изучения в XVIII — начале XXI века». В статьях выявлены степень изученности проблемы, основные этапы исследований, сильные и слабые стороны научных поисков, «белые пятна» или вопросы, требующие дальнейшего исследования.

В статьях и докладах на международных конференциях А.П. Суходолова, Ю.В. Кузьмина, М.П. Рачкова предложена новая трактовка войны на Халхин-Голе 1939 г., как начало Второй мировой войны³⁶.

Торгово-экономические отношения России и Монголии представлены в работах ведущих специалистов данной темы В.В. Грайворонского, А.В. Старцева, Ж.З. Тагарова, Н.Е. Единарховой, А. Даваасурэна, Н. Отгонсайхан, В.Г. Третьякова, В.В. Синиченко. В научный оборот введены обширные статистические и фактические данные о динамике, структуре торговых отношений России и Монголии. Представлены торговые отношения двух стран на протяжении 100 лет, от установления российского консульства в Урге в 1860 г. и до

³¹ Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура; Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1–2; Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура); Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука).

³² Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Манжигеев А.Ф. Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений первой половины XX века: история, дипломатия, экономика // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). С. 23–26.

³³ Старцев А.В. Российско-монгольские торгово-экономические связи в досоветский период и их отражение в отечественной историографии // Там же. С. 27–44.

³⁴ Кузьмин Ю.В. Российская историография XX века русско-монгольских отношений (1900–1921) // Там же. С. 45–61.

³⁵ Василенко В.А. «Урянхайский вопрос» в международной политике России, Монголии, Китая (первая четверть XX века): источниковедение и историография проблемы // Там же. С. 99–113.

³⁶ Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1.

полного международного признания в 1945 г. Профессор В.Г. Третьяков опубликовал целый ряд статей, посвященных истории строительства железных дорог в Монголии. Влияние кяхтинской торговли на экономическое развитие Монголии, России, Китая рассмотрено в статьях Н.Е. Единарховой и Ж.З. Тагарова³⁷. Организация и инфраструктура русской торговли в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. проанализированы в публикациях профессора А.В. Старцева (Барнаул).

Сложные вопросы российско-монголо-китайских отношений в 1911–1924 гг. проанализированы в статьях В.В. Грайворонского, О. Батсайхана, Ц. Батбаяра, С.Л. Кузьмина, Ж. Урангуа отмечается сложность международного статуса Монголии в 1915 и 1924 гг., двойственность и противоречивость международного положения Монголии в отношениях России и Китая³⁸. Сущность характера монгольской революции 1921 г. проанализировал Ч. Дашдаваа. В статьях В.А. Василенко, Д. Шурхуу, В.Г. Дацышена, Н.М. Моллерова представлена современная характеристика «урианхайского вопроса» в системе русско-монголо-китайских отношений. История деятельности российского генерального консульства в Урге и других консульств в Монголии, особенности консульской службы основательно проанализированы в публикациях А.А. Сизовой.

Специальный раздел проекта посвящен вопросам истории российского монголоведения и общественно-политической мысли, история изучения русско-монгольских отношений, характеристике различных центров русского монголоведения (Улан-Удэ, Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Кызыл, Барнаул, Владивосток) и роли отдельных крупных монголоведов (Я.П. Шишмарев, В.Л. Котвич, А.М. Позднеев, Н.Н. Козьмин, Н.П. Шастина, Е.М. Даревская)³⁹. Данной проблеме посвящены в пятитомнике статьи В.Д. Дугарова, Л.Б. Жабоевой, О.Н. Полянской, И.В. Кульганек, Е.И. Лиштованного, Ю.В. Кузьмина, Коллективными усилиями современных историографов созданы предпосылки и условия для создания обобщающей работы по истории российского монголоведения.

В научный оборот введены новые сюжеты российско-монгольских отношений: российское военное монголоведение (Ф.К. Боржимский, А.М. Баранов)⁴⁰, секретные русско-монгольские соглашения, история формирования художественной буддийской коллекции, становление и развитие монгольской журналистики.

Таким образом, международным коллективом был собран и обобщен значительный научный материал по истории, экономике, дипломатии и культуре России и Монголии, который позволяет на втором этапе совместной работы подготовить к публикации обобщающий коллективный фундаменталь-

³⁷ Единархова Н.Е. Влияние кяхтинской торговли на экономическое развитие России, Монголии и Китая) // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Кн. 5. С. 136–157.

³⁸ Батсайхан О. Русско-китайско-монгольский договор 1915 года // Там же. С. 200–207.

³⁹ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX веков; Кузьмин Ю.В., Свинин В. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.).

⁴⁰ Ванина И.Ю., Кузьмин Ю.В. Российское военное монголоведение: исследования русско-монгольских отношений полковника А.М. Баранова // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Кн. 5. С. 340–343.

ный труд, посвященный сложному и важному периоду отношений двух дружественных стран.

Предложенные научным коллективом методология, источниковедение и историография российско-монгольских отношений позволяют разрешить сложные задачи истории Монголии и российско-монгольских отношений в первой половине XX в., международного статуса Монголии в треугольнике Китай — Монголия — Россия. Это позволяет избежать односторонних оценок сложных внутренних и международных проблем истории и дипломатии Монголии и России.

1.2. Историография истории российского монголоведения

Российское монголоведение имеет глубокие традиции изучения истории, литературы и культуры Монголии. Географическая близость России к соседней кочевой стране, языковое и конфессиональное единство монголызычных и тюркских народов Сибири к Монголии определили глубокий научный интерес русской научной мысли. Становление и развитие российского монголоведения происходило в XVIII–XIX вв. и связано с именами выдающихся российских монголоведов Я.И. Шмидта, А.В. Игумнова, О.М. Ковалевского, А.В. Попова, Д. Банзарова, Г. Гомбоева, К.Ф. Голстунского, А.М. Позднеева, В.Л. Котвича, Б.Я. Котвича, Н.Н. Поппе.

К началу XX в. российское монголоведение превратилось в цельную комплексную область научного знания и получило мировое признание и приоритет⁴¹. В XX в. в российском востоковедении и монголоведении происходили существенные изменения: трансформируется тематика и методология научных исследований. Это происходило особенно кардинально в 1920–1930-е и 1990-е гг. В настоящее время происходит возврат к традиционной тематике российского монголоведения и восстановление престижа в мировой науке.

Происходят важные изменения и в географии монголоведных исследований в России: ослабляется роль прежде основных центров монголоведения (Москва, Санкт-Петербург) и усиливается роль региональных центров России: Улан-Удэ, Элиста, Казань, Новосибирск, Кызыл, Иркутск, Владивосток, Барнаул. Представляется, что ведущим центром современного российского монголоведения становится Бурятия, которая имеет значительное число профессиональных монголоведных специалистов, проводит международные научные конференции. Институт Монголоведения, Буддологии и Тибетологии (ИМБиТ), возглавляемый член.-корр. РАН Б.В. Базаровым и Бурятский государственный университет являются ведущими центрами подготовки российских монголоведов и издания обобщающих коллективных работ, существенно продвигающих развитие российского востоковедения и монголоведения.

История становления и развития научных организаций России, развития научной мысли страны представляет особую важность в современных условиях реформирования системы научных исследований в стране, ее оптимизации. Историография — наиболее трудоемкий и синтетический вид исторического исследования, требующий основательных знаний конкретной истории Монголии в новое и новейшее время, методологии и источниковедения научной отрасли, историографии сложных и спорных проблем монголоведения.

⁴¹ История Монголии. Век XX. М., 2007. 448 с.

Историографические исследования требуют высокой профессиональной подготовки: знаний по конкретной истории России и Монголии определенного периода, источниковедения и историографии проблемы, развития общественной мысли изучаемого периода, конкретных научных биографий исследователей и дискуссионных проблем изучаемого периода.

История российского монголоведения — область постоянного внимания современных отечественных ученых. Данная область историографических исследований имеет глубокие научные традиции в нашей стране, особенно резкий бум научного интереса к осмыслению научного вклада российских монголоведов произошел в последние двадцать лет в связи поиском новой парадигмы монголоведных исследований, резкой смены тематики исследования и методологии научного поиска. Возвращение в постсоветский период к проблематике традиционного классического монголоведения потребовал значительного переосмысления научного творческого пути целой области востоковедения, так и научного вклада отдельных монголоведов.

Российские монголоведы активно и плодотворно занимаются вопросами истории монголоведения: российского, монгольского и западного. Об этом свидетельствуют обзорные статьи в коллективных обобщающих работах «Очерки истории русского востоковедения», «История отечественного востоковедения» в двух томах, монографии, статьи, рецензии и обзоры. Этими исследованиями занимаются специалисты соседних специальностей: востоковеды (китаеведы, японоведы), филологи, отечественные историки. Издана подробная библиография отечественных работ по монголоведению (Е.В. Бойкова), опубликованы обзорные статьи по истории российского монголоведения известных монголоведов Н.П. Шастиной, И.И. Иориша, М.И. Гольмана, В.В. Грайворонского, Д.Б. Улымжиева, Ш.Б. Чимитдоржиева, Б.В. Базарова, В.Д. Дугарова, Е.И. Лиштованного, О.Н. Полянской, С.К. Рощина, Г.С. Матвеевой (Яскиной), И.Я. Златкина, И.В. Кульганек, В.Л. Успенского, Л.К. Герасимович, С.Г. Кляшторного и др.

Традиции историографических монголоведных исследований в России связаны с именами В.В. Бартольда, Б.Я. Владимирцова, Н.П. Шастиной, Л.С. Пучковского, И.И. Иориша, М.И. Гольмана, Е.М. Даревской, Д.Б. Улымжиева, Ш.Б. Чимитдоржиева, В.Ц. Найдакова, Б.В. Базарова, Ю.В. Кузьмина, Е.И. Лиштованного, О.Н. Полянской, Л.Б. Жабаровой, Н.Е. Единарховой, Л.П. Поповой, И. В. Кульганек, А.Н. Хохлова и др. В разные годы российскими историками были предприняты попытки создания коллективного труда по истории востоковедения и монголоведения, об этом свидетельствуют «Очерки русского востоковедения», «История отечественного востоковедения до середины XIX века» (1990)⁴², «История востоковедения с середины XIX века до 1917 года» (1997), «Монголика» (12 выпусков), «Российское монголоведение» (вып. 1–6). Особо следует выделить исследования академика В.В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», Н.И. Веселовского «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (1879), многочисленные статьи Н.П. Шастиной, которая готовила докторскую диссертацию по истории русского монголоведения, но не завершила ее, а также монографии Д.Б. Улымжиева «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов» (1994), «Монголоведение в России во второй половине

⁴² История отечественного востоковедения. М., 1990. 435 с.

XIX — начале XX в.» (1997)⁴³, Ш.Б. Чимитдоржиева «Российские монголоеды (XVII — начало XX вв.)» (1997), «Выдающиеся бурятские деятели» (вып. 1–4)⁴⁴.

Одним из направлений историографических исследований является подготовка творческих биографий крупных историков-монголоведов. Подготовлены творческие биографии крупных российских монголоведов: Г.Ф. Шамова о профессоре О.М. Ковалевском (1983)⁴⁵, Н.Е. Единархова о Я.П. Шишмареве (2009), В.М. Алпатов о Н.Н. Поппе (1996), Е.М. Даревская о С.А. Козине (1994), О.Н. Полянская о О.М. Ковалевском (2001). Основательно изучена научная деятельность бурятских монголоведов Д. Банзарова, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова, много лет проводятся научные чтения. Наиболее популярен пока уровень отдельных статей, посвященных биографии монголоведов, имеющий в основном юбилейный характер. Монографический уровень пока только осваивается. Заслуживают специального монографического исследования творческие биографии таких крупных российских монголоведов как Я.И. Шмидт, Н.Я. Бичурин, А.В. Игумнов, А.М. Позднеев, В.Л. Котвич, Б.Я. Владимирцов, Ц.Ж. Жамцарано, И.Я. Златкин, С.Д. Дылыков, Л.К. Герасимович, М.И. Гольман. Творческое наследие крупных монголоведов сложнее исследовать, требуется значительное время и глубина анализа. Исследователю необходимо соответствовать научному уровню корифеев монголоведа. Специального изучения заслуживает проблема научного взаимоотношения между разными поколениями ученых. Характер научных взаимоотношений определяет различие научных подходов и формирование неформальных групп в научной среде, а также фактор профессиональной конкуренции и личных взаимоотношений.

Назрела необходимость приступить к созданию серии монографических работ, посвященных творческой деятельности и научному вкладу известных монгольских историков Б. Ширендыба, Ш. Нацагдоржа, Ш. Биры, Х. Пэрлээ, Б. Ринчена.

Монголоведные историографические исследования в Монголии в последнее десятилетие получили широкое распространение. Видимо, это связано с изменением методологии и тематики исторических исследований, поиску преемственности исторических традиций. Важное внимание также уделяется введению в научный оборот новых исторических источников и формированию современной концепции истории Монголии, особенно в новое и новейшее время.

Историографические исследования продолжают известные монгольские историографы Ш. Бира, Ж. Болдбаатар, Ж. Урангуа, Пунсалдулам, З. Лонжид, Ц. Ишдорж, Н. Хишигт. Наибольший вклад в традиционную историографию Монголии вносит академик Ш. Бира, ведущий специалист в данной области, которому принадлежит также заслуга в координации монголоведных исследований в Монголии и мире, проведении международных конгрессов, публикации биобиблиографий ведущих монголоведов мира⁴⁶. Профессор Монгольско-

⁴³ Улымжиев Д.Б. Страницы отечественного монголоведа. Казанская школа монголоведа. Улан-Удэ, 1994. 107 с.; Улымжиев Д.Б. Монголоведа в России во второй половине XIX — начале XX в. Петербургская школа монголоведа. Улан-Удэ, 1997. 216 с.

⁴⁴ Российские монголоеды (XVIII — начало XX в.). Улан-Удэ, 1997. 163 с.; Чимитдоржиев Ш.Б. Российские калмыковеды // Российские монголоеды (XVIII — начало XX вв.). Улан-Удэ, 1997. С. 150–154.

⁴⁵ Шамова Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983. 113 с.

⁴⁶ Бира Ш. Монгольская историография XIII–XVIII вв. М., 1983. 320 с.

го госуниверситета Ж. Урангуа — руководитель творческого коллектива монгольских ученых опубликовали двухтомник «Монголоеды мира» (2015)⁴⁷.

Итоги развития советской марксистской школы XX в., к сожалению, до сих пор не подведены. По нашему мнению, обобщение опыта развития советского монголоведения XX в. позволит выявить успехи данного исторического направления, определить ложность и тупиковость некоторых исторических концепций по истории Монголии, определить реальный вклад отдельных крупных историков в исследовании важных исторических событий и ключевых периодов истории XX в. Советская школа монголоведения представлена именами И.М. Майского, Б.Я. Владимирцова, А.В. Бурдукова, Е.М. Даревской, Н.Н. Козьмина, Н.П. Шастиной, И.Я. Златкина, С.Д. Дылыкова, Н.Л. Жуковской, Л.Л. Викторовой, В.В. Волкова, Д.Б. Улымжиева, Ш.Б. Чимитдоржиева, Е.И. Кычанова, Г.И. Михайлова, К.Н. Яцковской, Г.С. Матвеевой, С.К. Рощина, М.И. Гольмана и др.

Осмысление итогов исторических исследований по истории Монголии XX в. позволит выявить уровень и глубину исследования важных и наиболее сложных проблем истории, персональный вклад отдельных известных авторов в изучение наиболее дискуссионных научных проблем истории Монголии, выявить малоизученные вопросы и определить перспективы дальнейших научных поисков.

В 90-е гг. началась интенсивная научно-исследовательская работа по восстановлению военной истории России. Представляется, что переосмысление военной истории России — задача последующих исследований историков и военных специалистов. Особого изучения заслуживает научная, аналитическая деятельность российских офицеров, особенно представителей Генерального штаба. Военными востоковедами и монголоведами собран и обобщен географический, этнографический, топографический, экономический и исторический материал по странам зарубежной Азии, в том числе Монголии, который должен быть введен в научный оборот.

В последнее десятилетие в российской и мировой науке активно изучаются биографии и научное наследие российских военных востоковедов М.И. Венюкова, Л.Г. Корнилова, П.Н. Краснова, Г.М. Семенова, К. Маннергейма, Р. Унгерна и др. Постепенно выясняется их весомый вклад в изучение восточных стран во второй половине XIX — начале XX в. Оценки и характеристики российских военных специалистов внутреннего и международного положения восточных стран, перспективы развития отношений с Россией носят оригинальный характер и заслуживают специального исследования.

В настоящее время публикуются биографии, автобиографии, дневники, исследования известных и крупных военных деятелей России. Это позволило расширить наши представления о развитии военного востоковедения в России и показать вклад в мировую геополитику, показать приоритет российских военных в эту область.

В обобщающей работе российских востоковедов «История отечественного востоковедения» (1990) впервые выделено военное востоковедение как составная часть отечественного востоковедения. К сожалению, в работе основное внимание было уделено деятельности военных специалистов на Ближнем Востоке. В настоящее время деятельность военных востоковедов отражена

⁴⁷ Урангуа Ж. Монголоеды мира: в 2 т. Улан-Батор, 2015. Т. 1. 357 с.; Т. 2. 380 с.

в работах Н.А. Самойлова, А.А. Колесникова, М.К. Басханова, В.В. Глушкова, М. Алексеева, А.А. Шаравина, Г.В. Мелихова, А.В. Постникова, В.Г. Дацышена, Е.В. Бойковой и др. Особо можно выделить крупное исследование М.К. Басханова «Русские военные востоковеды. Биобиблиографический словарь» (2005)⁴⁸. К сожалению, научной деятельности российских военных монголоведов не уделено специального и достаточного внимания. Экспедиции военных в Монголию, их научные результаты не стали предметом научного изучения.

В российской историографии появились многочисленные исследования по истории внешней и военной разведки и контрразведки России, имеющие различный уровень глубины изучения проблемы. Вопросы военных востоковедов и монголоведов нашли частичное отражение.

Опубликованы только отдельные статьи, посвященные деятельности полковника А. Хитрово (Е.А. Белов), полковнику В.Л. Попову (Ю.В. Кузьмин, В.Г. Дацышен)⁴⁹. Таким образом, научная и разведывательная деятельность военных монголоведов России до сих пор не стала предметом специального научного исследования в России и заслуживает обратить внимание на эту проблему.

Военно-исследовательская деятельность А.А. Баранова, В.Л. Попова, А. Хитрово, Ю. Кушелева, Тонких и других военных монголоведов заслуживает, по нашему мнению, специального исследования⁵⁰. В современной монгольской историографии и публицистике на слабой источниковой базе критически оценивается научная деятельность военных монголоведов, подчеркивается их разведывательная деятельность и подчеркивается колониальная направленность (Ж. Урангуа, Ц. Цэрэн, Б. Баабар и др.). Таким образом, российская и монгольская историография показывает, что проблема научного вклада отечественных военных монголоведов требует внимательного и специального исследования и современная историческая мысль сможет решить данную проблему. Наличие исторических источников, их публикация позволит это осуществить достаточно полно, взвешенно и объективно.

В современном монголоведении назрела проблема подготовки обобщающей коллективной работы, посвященной истории российского монголоведения на протяжении трех веков. Предприняты первые успешные попытки отдельных российских ученых⁵¹. Так, в 2015 г. в Бурятии — ведущем российском центре отечественного монголоведения опубликована фундаментальная монография доктора исторических наук, профессора Бурятского государственного университета Владимира Доржиевича Дугарова «Российская историография истории Монголии»⁵². Работа посвящена становлению и развитию российского монголоведения с XVII по XXI в. — классической отрасли отечественного востоковедения, имеющей мировое признание в исторической науке и представленной блестящими классиками науки: Н.Я. Бичуриным, Д. Банзаровым, Г. Гомбоевым, А.М. Позднеевым, Б.Я. Владимирцовым.

⁴⁸ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М., 2005. 295 с.

⁴⁹ Кузьмин Ю.В. Монголия и Китай начала XX века в оценках военных исследователей. Иркутск, 2007. 132 с.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII — середина XX в.). М., 1988. 221 с.; Кузьмин Ю.В. Монголия и Китай начала XX века в оценках военных исследователей. Иркутск, 2007. 132 с.

⁵² Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии.

В.Л. Котвичем, Г.Ц. Цыбиковым, Ц.Ж. Жамцарано, С.А. Козиным, Н.П. Шастиной, И.Я. Златкиным, М.И. Гольманом, С.К. Роциным, Д.Б. Улымжиевым, Л.Н. Гумилевым, Л.К. Герасимович, Ш.Б. Чимитдоржиевым.

Автор данного научного исследования — В.Д. Дугаров — известный в российском монголоведении ученый, который более 30 лет занимается изучением истории Монголии в новое и новейшее время, историографией истории Монголии. В 2004 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XX вв. (вопросы историографии)». Опубликовал шесть монографий, семь сборников, пять учебных пособий по монголоведению и более 160 статей. Наиболее крупные исследования В.Д. Дугарова: «Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XX вв. (вопросы историографии)» (2004), «Военное дело кочевников Байкальского региона в период средневековья» (совместно с В.Ю. Мясниковым), «Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX — начале XX в.» (2008), «Курс лекции по истории Монголии (эпоха древности — начало XX в.)» (2009), «Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в современной отечественной монголоведной историографии» (совместно с Н.Ц. Сагаевым) (2014). В.Д. Дугаров — представитель бурятской школы российского монголоведения, ученик Д.Б. Улымжиева достойно продолжает дело подготовки современных российских монголоведов на историческом факультете Бурятского государственного университета, а также представляет данное научное направление на международных конференциях и конгрессах в России, Монголии и Китае. Является организатором и координатором целого ряда международных конференций в Улан-Удэ и Улан-Баторе.

Несомненным достоинством данной монографии В.Д. Дугарова является обращение к вопросам методологии монголоведных исторических исследований, смены парадигмы научного подхода: переход от марксистской к современной методологии, лишенной идеологической нагрузки. «Методологическая цель данного труда заключается в том, что в период отхода от марксистской парадигмы развития народов монгольской этносферы и формирования новой российской исторической науки актуальными становятся проблемы комплексного историографического анализа огромного блока бесценного отечественного монголоведного материала. Автор в данном труде предпринял попытку проанализировать сложные теоретико-методологические процессы в современном российском востоковедении»⁵³. Данный подход В.Д. Дугарова представляется нам справедливым и обоснованным. Действительно, решение назревших научных проблем невозможно без глубокого изучения отечественного востоковедного наследия. Сложные проблемы современного монголоведения: этногенез монгольских народов, формирование монгольской государственности и роль внешнего фактора, роль Чингис-хана и его наследников в становлении монгольского государства, национальный суверенитет монголов, характер отношений монголов с соседями: Китаем — Цинской империей и Русью-Россией, классическое монгольское материальное и духовное наследие и сфера внешних заимствований не могут быть решены без привлечения историографического отечественного наследия и новых методологических подходов.

В последние годы историей российского монголоведения плодотворно занимается доцент Бурятского госуниверситета О.Н. Полянская, опубликовавшая монографии о О.М. Ковалевском и ряд оригинальных статей, осно-

⁵³ Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии. С. 8.

ванных на архивных материалах: «Монголоведные исследования В.Л. Котвича (1872–1944)» (2012), «Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (2013), «Изучение монгольских народов в Читинском отделении Русского географического общества» (2014), «Переписка востоковеда О.М. Ковалевского и В.П. Васильева по истории монголоведения» (2015), «Преподаватели синодальных учебных заведений России и у истоков научного монголоведения: А.А. Бобровников (1822–1865)» (2015) и др.⁵⁴

Целый ряд публикаций по истории российских монголистов-филологов осуществил московский ученый В.Э. Раднаев: «Первый российский монголовед (Я.И. Шмидт)» (2007), «Казанская школа монголоведов в трудах отечественных и зарубежных монголоведов» (2009), «Сравнительно-историческая монголистика: вехи развития, состояние и перспективы» (2010), «Истоки грамматической мысли в Монголии: по страницам исследований зарубежных и отечественных ученых» (2011). Несомненным достоинством статей В.Э. Раднаева — критический анализ работ российских монголоведов: (монография «Монгольское языкознание в России в первой половине XIX века: проблемы наследия» (2012).

Вопросы российской историографии Монголии привлекают молодых исследователей, об этом свидетельствуют диссертации Л.Г. Арсеньевой, А.В. Михалева, А.О. Гомбоева, И.А. Гусевой, А.С. Хеубшман, И.С. Даниловой, О.Н. Пущенниковой и др. Новое направление исследований — изучение западного монголоведения: немецкого, польского, чешского, венгерского.

Назрела необходимость в истории изучения монголоведения с уровня описания, обзорности к анализу научной мысли России, изучению основных проблем монголоведения.

История российского монголоведения нуждается в дальнейшем углубленном исследовании⁵⁵. Большого внимания заслуживают проблемы развития ключевых проблем монголоведения, эволюция научных идей, формирование национальной школы монголоведения и ее региональных подразделений, имеющих особенности и специфику. Это не должно быть традиционное перечисление имен ведущих монголоведов и их трудов, а проблемное изложение развития науки. Основное внимание предполагается обратить на эволюцию ключевых направлений и концепций российского монголоведения. Творческое наследие известных монголоведов имеет не только серьезные научные достижения и творческие прорывы, но некоторые ошибочные заключения и научные заблуждения, поэтому необходимо усилить элемент критичности научного анализа.

1.3. Иркутская школа монголоведения (XVIII — начало XX века)

Изучение в России восточных языков, в том числе и монгольского языка, сбор и исследование этнографического материала, восточных рукописей началось в начале XVIII в. и связано прямо или косвенно с деятельностью Петра I. Его активная внешняя политика, деятельность по освоению Урала и Сибири поставили в практическую плоскость необходимость знания своих восточных

⁵⁴ Полянская О.Н. Профессор О.М.Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX в.). Улан-Удэ, 2001. 140 с.

⁵⁵ Кузьмин Ю.В. Некоторые вопросы историографии российского монголоведения // VI Международный конгресс монголоведов: докл. рос. делегации. Ч. 1. М., 1992. С. 119–125.

соседей. Первоначально, не научные, а практические потребности дипломатических и торговых отношений с Монголией и Китаем способствовали изучению монгольского языка, ее истории и культуры. В этих условиях большую роль играла Восточная Сибирь, как территория, граничащая с Монголией.

Иркутск был первым из городов России, где в начале XVIII в. началось изучение восточных языков — монгольского, маньчжурского, китайского, бурятского, японского. Мунгало-русская школа, или «мунгальская» школа — первое учебное заведение в Восточной Сибири начало готовить специалистов по монгольскому и бурятскому языкам⁵⁶.

Географическая близость Иркутска к Монголии способствовала тому, что через город шла оживленная торговля с Китаем и Монголией, устанавливались и развивались русско-монгольские связи. Основанный в 1661 г., к началу XVIII в. город Иркутск превратился в крупный административный, торговый и культурный центр огромной провинции. С конца XVII в. иркутские купцы принимают активное участие в караванной торговле, а после заключения в 1727–1728 гг. Буринского и Кяхтинского договоров между Россией и Китаем торговые отношения с ними приобретают регулярный характер. До 1792 г. здесь находилась таможня, переведенная позднее в Кяхту. К концу XVII в. Иркутск стал важным транзитным пунктом, своеобразным перекрестком трех торговых направлений: из Центральной России на Восток шли изделия русской промышленности, ткани и продовольствие, шелковые и бумажные ткани, чай и китайский фарфор из Китая в Европейскую Россию, а также из Якутска и Туруханска везли сибирскую пушнину в Китай или Европу.

Рост русско-китайской торговли через Нерчинск, а затем через Кяхту, которая включала в торговый оборот большую часть сибирской пушнины, а также проведение Московского тракта превратили город Иркутск, в крупный торговый и транспортный пункт. С 1768 г. в Иркутске дважды в год проходила ярмарка, на которой главными товарами являлись сибирская пушнина и китайский чай и текстиль.

Нередко Иркутск был местом, где велись переговоры представителей России с китайскими и монгольскими послами. В иркутской летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова за 1670 г. отмечается о развитии русско-китайских отношений, осуществляемых через Иркутск: «Проехал в Китай гонец Аблин с бумагами. Аблин, сколько известно, есть первый посланный в Китай чрез Иркутск, а до сего времени посланцы ездили из Тобольска, прямо степями, как-то Байков и другие»⁵⁷.

После подписания Нерчинского договора 1689 г. из Москвы в Иркутск и Тобольск «был направлен указ Посольского приказа не пропускать в Москву ни ойратских, ни монгольских послов, а решать возникшие дела “с иноземцы на месте”⁵⁸» ...А велено де таким посланцам отповедь чинить и корм давать в Иркутском и отпусках в их край, а о том к великим государем писать»⁵⁹. В этих условиях роль Иркутска как дипломатического центра в Восточной Сибири в

⁵⁶ Некоторые аспекты данной проблемы рассматривали в своих работах Е.М. Даревская, К.Л. Малакшанов, Ш.Б. Чимитдоржиев, Н.О. Шаракшинова, К.С. Яхонтов, Ю.В. Кузьмин, Е.И. Лиштованный.

⁵⁷ Иркутская летопись: Летопись П.И. Пежемского и В.А. Кротова // Сибирь. 1989. № 4. С. 113.

⁵⁸ Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVIII в. М., 1958. С. 169–176.

⁵⁹ Там же.

отношениях с Монголией повышалась. Позднее, у иркутского генерал-губернатора появилась специальная дипломатическая канцелярия, выполнявшая посредническую роль между центральными внешнеполитическими органами России и представителями Китая и Монголии. Иркутск являлся транзитным пунктом, где подолгу останавливались дипломатические миссии, торговые караваны, научные экспедиции, а с 1715 г. — православные духовные миссии, направляемые в Пекин. Из города осуществлялась миссионерская деятельность Русской Православной церкви по христианизации коренных народов, начался перевод христианских книг на местные языки (бурятский, якутский, эвенкийский и др.).

С начала XVIII в. в Иркутске началась подготовка специалистов в области монгольского языка и ведутся монголоведческие исследования по истории и этнографии Монголии. В монголоведческой литературе в целом неплохо освещены казанский (30–50-е гг.) и петербургский (с 50-х гг.) периоды развития русского монголоведения XIX в., а вот его ранний период, его истоки, менее известны. Обзорные статьи по отдельным аспектам становления и развития иркутского монголоведения опубликованы монголоведами Ш.Б. Чимитдоржиевым, Д.Б. Улымжиевым, В.Д. Дугаровым, Н.О. Шаракшиновой, Е.М. Даревской, К.Л. Малакшановым, В.В. Свининым, Ю.В. Кузьминым, Е.И. Лиштованным, О.Н. Полянской, китаистом К.С. Яхотновым⁶⁰.

В 1725 г. в Иркутске при Вознесенском монастыре была открыта «Мунгало-русская школа». Это была вообще первая школа в Восточной Сибири, главной задачей которой была подготовка переводчиков монгольского языка, а также миссионеров для распространения христианства среди бурятского и монгольского населения.

Архимандрит А. Платковский в 1720 г. был направлен в Китай с посольством Л. Измайлова. После возвращения он отправил в Синод отношение, в котором писал: «мунгальскую школу на границе в Иркутске мнится устроить... не худо, от которой надеяться будет великой пользы государству». В представлении в Синод А. Платковский, отмечая необходимость открытия школы при монастыре, также писал, что она нужна «для распространения православной веры в Сибири и для сношения с соседями»⁶¹.

Набор первых учеников (25 человек) во вновь открытую школу проходил с большими трудностями, так как «в то время ученья боялись не менее рекрутского набора». Работа школы улучшилась с приходом в 1727 г. И. Кульчицкого, который расширил прием учащихся, стал приобретать монгольские книги. В 1731 г. в школе было уже 70 учеников. Учителями монгольского языка в школе были бурятский лама Лапсан и Никита Щолкунов⁶².

Лама Лапсан и Н. Щолкунов не знали русского языка, поэтому при них состоял переводчик И. Пустынников. В 1733 г. Лапсан принял крещение иркутского епископа И. Неруновича и получил при крещении имя И. Нерунова. В 1737 г. он был удален от преподавания по подозрению в подстрекательстве бурят к выступлению против администрации.

В воспоминаниях Н.С. Романова — крупного сибирского краеведа и библиофила, автора известной «Летописи Иркутска. 1881–1917 гг.», упоминает-

⁶⁰ Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879. С. 84.

⁶¹ Там же. С. 84.

⁶² Там же. С. 85.

ся о монгольских книгах, которые использовались в этой школе как учебники. Он пишет: «Из дел Иркутской духовной консистории видно, что епископ Иннокентий обратился в провинциальную канцелярию, чтобы она истребовала от забайкальских лам нужные для школы книги, которые по переписке будут возвращены»⁶³. Эти рукописные монгольские книги ученики читали и переводили. В числе этих книг был один из вариантов знаменитого эпоса монгольских народов — «Гэсэр»⁶⁴.

Трое из числа ее первых учащихся: Герасим Шульгин, Михаил Пономарев и Илларион Рассохин стали затем учениками 2-й Российской духовной миссии в Пекине, где изучали китайский и маньчжурский языки. Наиболее известным впоследствии как ученый-китаист стал Илларион Рассохин, автор ряда исследований о Китае и китайском языке.

Первоначально школа содержалась на средства Вознесенского монастыря. Позднее содержание учащихся школы было несколько увеличено припиской к ней трех монастырей: Киренского, Посольского, Селенгинского. Но, к сожалению, и этих средств не хватало, чтобы содержать учеников школы. Эта первая монголо-русская школа просуществовала всего 15 лет, но она заложила глубокие традиции изучения монгольского языка, которые были продолжены и в XIX в. в народных училищах, духовной семинарии и частных курсах, где преподавался монгольский язык.

Губернаторы, а с 1822 г. — с создания Главного управления Восточной Сибири — генерал-губернаторы поддерживали официальные контакты с ургинской администрацией, которая представляла интересы китайского императора. Поэтому для поддержания этих контактов иркутской администрации были необходимы переводчики китайского, маньчжурского и китайских языков. Сохранились некоторые имена этих переводчиков: А.С. Агафонов, Ф.И. Бакшеев, А.Н. Парышев, В. Новоселов, А.П. Фролов, Ф. Санжихаев, Я.П. Шишмарев.

А.С. Агафонов, Ф.И. Бакшеев, А.И. Парышев обучались этим восточным языкам в Пекине, находясь в составе 6-й Российской Духовной миссии. После возвращения из Китая они занимали должности переводчиков маньчжурского и китайских языков Коллегии иностранных дел и находились при иркутских генерал-губернаторах. А.С. Агафонов занимался переводами с маньчжурского и осуществил перевод двух текстов: «Джунгин, или книга о верности» (1788), «Краткое хронологическое расписание китайских ханов из книги «Всеобщего Зеркала» (1788). Ф. Бакшеев подготовил первый в России маньчжуро-русский словарь, два списка которого позднее попали в Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге.

В начале 20-х гг. XIX в. переводчиком работал В. Новоселов — участник 8-й Духовной миссии в Пекине. К 1820 г. В. Новоселов перевел монгольскую часть трехязычного словаря «Сань хэ бянь лань» («Удобный обзор трех языков вместе»). В «Журнале дружеского свидания иркутского гражданского губернатора статского советника Трескина с китайскими пограничными правителями ваном и амбанем, с 19-го февраля по 13 марта 1810 года» дана информация о переводческой службе В. Новоселова.

В записке к Я.И. Шмидту В. Новоселов сообщал о маньчжурских и монгольских словарях, имеющихся в Иркутске⁶⁵. В те же годы в Иркутске пере-

⁶³ Романов Н. Воспоминания // Библиофил Сибири. Иркутск, 1988. С. 101.

⁶⁴ Там же. С. 150.

⁶⁵ Яхонтов К.С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске. СПб., 1994. С. 7–8.

водчиком маньчжурского и монгольского языков служил А.П. Фролов, а переводчиков с монгольского — Ф. Санжихаев.

С 1790 г. в Главном народном училище началось обучение монгольскому языку (преп. Ф. Санжихаев), китайскому и маньчжурскому языкам (преп. А. Парышев). На монгольский язык записались 52 человека, а на китайский — 27 учеников. Однако, уже в августе 1794 г. обучение прекратилось «за трудностью и неудобопонятностью сих языков и по нехотению учеников и родителей их продолжать сего учения»⁶⁶.

Преподавателем монгольского языка был Федор Санжихаев — переводчик губернского правления. Он был родом из забайкальских казаков. Монгольскому языку обучался в 1774–1780 гг. в Селенгинске при пограничной канцелярии у переводчика Антипьева. С 1787 г. он назначен в Иркутск переводчиком монгольского языка⁶⁷.

Иркутские переводчики являлись первыми носителями серьезной страноведческой информации о соседних, восточных соседях — Монголии и Китае. Они явились составителями первых словарей китайского, маньчжурского и китайского языков, которые сохранились в архивах только в виде рукописей и заложили основы для научного изучения зарубежного Дальнего Востока.

Большими знатоками монгольского языка в Иркутске были отец и сын Василий и Александр Игумновы, которые служили в городской администрации профессиональными переводчиками с монгольского и маньчжурского языков. Наиболее известен в монголоведении А.В.Игумнов, явившийся учителем О.М.Ковалевского.

Александр Васильевич Игумнов родился в 1761 г. в Кударинской крепости, что находится на границе с Китаем. Его отец был переводчиком с монгольского и маньчжурского языков. Детство прошло среди бурят и монголов, поэтому он хорошо говорил на их языках. В 1771 г. отец отдал его в только что учрежденную школу монгольского языка в Селенгинске, которую он окончил в 1777 г. Затем он служил толмачем в Кяхтинской пограничной канцелярии, в 1781–1782 гг. в качестве переводчика сопровождает в Китай российскую духовную миссию.

При содействии иркутского губернатора Ф.Н. Клички он непродолжительное время изучал литературу о Монголии и Китае в Москве и Петербурге и перечитал все, что было написано о них по-русски. В 1786 г. спешно возвращается в Кяхту, в связи со сложной обстановкой в пограничном районе и сыграл известную роль в разрядке создавшейся напряженности русско-китайских отношений. В 1805 г. А.В. Игумнов был переводчиком посольства графа Ю.А. Головкина.

Затем активно занимается переводческой и преподавательской деятельностью, служит переводчиком монгольского и маньчжурского языков в городах Восточной Сибири: Иркутске, Чите, Вернеудинске. В известном Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона отмечается о характере А.В. Игумнова: «Благодаря своей прямоте и честности не имел успеха по службе и должен был менять ее много раз»⁶⁸. По своим общественно-политическим

⁶⁶ Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789–1905). Вып. 1. Иркутск, 1910. С. 19.

⁶⁷ Там же. С. 57.

⁶⁸ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. XII. СПб., 1894. С. 794.

взглядам А.В. Игумнов являлся просветителем, был знаком и дружен с декабристами, находившимися в ссылке.

Он в совершенстве владел монгольским и бурятским языками. В течение многих лет работал над составлением монголо-русского словаря. За основу составления словаря был взят не алфавит, а корень монгольских слов. Было составлено 4 тома. Предполагается, что он был основан на маньчжуро-монгольском «Зерцале». Позднее он стал составлять словарь в алфавитном порядке, но успел закончить только первый том. К сожалению, судьба этого словаря до сих пор неизвестна.

В 1813 г. А.В. Игумнов учредил частную русско-монгольскую школу, а также преподавал монгольский язык в Иркутской духовной семинарии. Его перу принадлежит «Обозрение Монголии» — одно из первых статистико-этнографических обозрений страны. Е. Тимковский в своем известном описании путешествия в Китай привел различные сведения из работы «О нынешнем состоянии Монголии» А.В. Игумнова.

Он собирал старинные монгольские рукописи, материалы по этнографии, истории, праву и религии монгольских народов, а также их эпос. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранится объемная рукопись А.В. Игумнова «О степных законах кочевых инородцев Восточной Сибири» (1132 с.). Это переводы с монгольского языка законов хоринских и селенгинских бурят о судопроизводстве, браке, семье, долгах, воровстве, наследстве, завещаниях.

Не случайно, поэтому выдающийся впоследствии монголист О.М. Ковалевский, который по праву считается основоположником научного русского монголоведения, специально приезжал в Иркутск и учился у него монгольскому языку. Крупный востоковед В.В. Бартольд в монографии «История изучения Востока в Европе и России» так написал об этом факте: «Когда было решено ввести преподавание монгольского языка в университете, один из местных знатоков языка, Игумнов, сделался учителем будущих профессоров монгольской словесности»⁶⁹. Давая свое согласие на обучение монгольскому языку двух студентов, А.В. Игумнов писал П.А. Словцову — инспектору сибирских училищ: «находясь на окончании дней жизни моей, с большой охотой берусь обучить монгольскому языку и с этим постараюсь сделать их же наследниками того, что я по сей день приобрел, умею и знаю»⁷⁰.

В Иркутске А.В. Игумнов встретил Ковалевского и Попова приветливо. О.М. Ковалевский в одном из писем писал: «Для нас только, кажется, он хочет жить, с нами беседовать и сделать нас полными наследниками всего того, что в продолжение своей жизни приобрел и знает»⁷¹. Иркутский монголовед представил в их полное распоряжение свои учебные пособия, часть из которых была специально для них подготовлена. Особенно А.В. Игумнов выделял «Правила монгольского правописания», изложенные в трех тетрадах: «Под сим простым заглавием заключается богатейшее собрание правил, касающихся не одного только правописания, но и основательного познания изменений имен, спряжений, глаголов, частиц отдельных, наречий и проч.»⁷²

⁶⁹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 268.

⁷⁰ Шамов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский: Очерк жизни и деятельности. Казань, 1983. С. 26.

⁷¹ Там же. С. 32.

⁷² Там же. С. 63.

В Рукописном фонде Вильнюсского университета находится часть материалов О.М. Ковалевского и среди них «Монгольский букварь», составленный Игумновым и переписанный Ковалевским, по которому он начал изучать в Иркутске монгольский язык⁷³. Находясь в Иркутске, будущие монголоеды начали создавать свои словари, использовали материалы 4-томного неопубликованного словаря А.В. Игумнова. Несомненно, что этот словарь оказал О.М. Ковалевскому существенную помощь в составлении известного во всем мире и не потерявшего своего научного значения «Монголо-русско-французского словаря», опубликованного в 1844–1949 гг.

Для освоения переводов с монгольского на русский, они использовали монгольские и бурятские народные сказки, песни и легенды, в том числе и о Гэсэре, записанные Игумновым. Летом 1829 г. Игумнов вместе со своими учениками выезжали в Забайкалье с целью практических упражнений в монгольском языке и сбора этнографических сведений о монголоязычных народах. В этой поездке они собрали значительное число старых монгольских книг или сделали копии с них, записали образцы бурятского и монгольского фольклора. А.В. Игумнов записал для Ковалевского народное предание о происхождении бурят, которое позднее тот опубликовал в «Иркутских губернских ведомостях» за 1829 г. и «Казанском вестнике».

В 1830 г. барон П.Л. Шиллинг (1786–1837) приобрел коллекцию монгольских книг и рукописей А.В. Игумнова, а также собрание маньчжурских и китайский изданий Парышева и Новоселова. По нашему мнению, творческая биография самого известного иркутского монголоведа нуждается в специальном исследовании, и ученых еще ждут неожиданные открытия.

В Восточную Сибирь приезжал изучать монгольский язык великий китайист России Н.Я. Бичурин. В 1830 г. он писал из Иркутска: «С 26 марта нахожусь в Иркутске. Путь мой от столицы до сего места был благополучен. В исходе мая отправляюсь за Байкал в путешествие. В здешнем краю я нашел много интересного для меня и надеюсь провести время странствия в трудах приятнейших и полезнейших по отношению к этнографии азиатских народов. Теперь занимаюсь монгольским языком и в доброжелательстве здешних жителей нахожу во всем соответствие моим желаниям».

Известно, что Н.Я. Бичурин (в монашестве Иакинф) и ранее длительное время находился в Иркутске и Забайкалье. В 1802 г. он был направлен из Казанской духовной академии в Иркутск на должность архимандрита Вознесенского монастыря. Н.Я. Бичурин стал также ректором Иркутской духовной семинарии. Его влияние и роль в иркутский период на развитие образования, науки и культуры Иркутска еще нуждаются в дополнительном исследовании. В этот период Н.Я. Бичурин активно изучает монгольский и бурятский языки, занимается сбором этнографического материала этих народов. К сожалению, в 1806 г. по известным причинам был отстранен от должности ректора и настоятеля и отправлен в Тобольский монастырь на должность рядового учителя. Эти события больше нашли отражение в художественной, чем научной литературе. Это было для Н.Я. Бичурина время становления и формирования, как исследователя и блестящего знатока истории и культуры Монголии и Китая.

Еще в 1829 г. в Забайкалье было решено направить экспедицию с целью обследования положения местного населения и состояния торговли у север-

⁷³ Шамов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский: Очерк жизни и деятельности. С. 102.

ных и западных границ Китая. Ее руководителем являлся П.Л. Шиллинг, который привлек в экспедицию в качестве переводчика китаиста Н.Я. Бичурина. Вместе с ними собирался поехать в экспедицию А.С. Пушкин, но, к сожалению, не смог. В докладной записке министру иностранных дел от 24 июня 1832 г. П.Л. Шиллинг отмечал, касаясь занятий Н.Я. Бичурина: «при упражнении в монгольском языке перевел словарь Сан-хэ-бянь-лянь, изданный на языках: маньчжурском, монгольском и китайском и расположил его по монгольскому алфавиту».

В это же время в Иркутской духовной семинарии преподавал монгольский язык Александр Ильич Бобровников (1793–1832). По данным Н.О. Шаракшиновой, А.И. Бобровников в совершенстве владел монгольским языком, занимался переводом христианских сочинений на монгольский язык, проявлял глубокий интерес к «Гэсэру»⁷⁴. Он написал монгольскую грамматику, опубликованную в 1835 г. в Петербурге. Его сын — Алексей Александрович Бобровников, продолжая дело отца, получил монголоведное образование в Казанской духовной академии и Казанском университете. Его учителями монгольского языка были известные ученые О.М. Ковалевский, А.В. Попов. Позднее, он сам становится преподавателем Духовной академии, активно занимается научно-исследовательской работой, издает грамматику монголо-калмыцкого языка, получившую высокую оценку в научном мире и удостоенную Академией наук Демидовской премии.

С 1846 г. А.А. Бобровников преподает в Казанской духовной академии: математику и монгольский язык. Монгольский язык изучали иркутяне и астраханцы. Среди иркутян его изучали будущий известный историк А.П. Шапов и Афанасий Виноградов. Известно, что А.П. Шапов бывал у А.А. Бобровникова дома, они общались как земляки. Некоторые подходы в науке и круг научных интересов А.П. Шапова формировались под несомненным влиянием монголоведа А.А. Бобровникова.

В духовных семинариях и училищах Иркутска уделялось значительное внимание изучению монгольского языка, а также шаманизма и ламаизма. По данным Ш.Б. Чимитдоржиева, в классе монгольского и бурятского языков Иркутской семинарии обучалось: в 1851 г. — 43 ученика, в 1855 — 49 учеников, 1860 — 46 учеников, 1860 — 46, в 1876 — 44 ученика⁷⁵. Составители учебных планов духовных училищ Иркутска считали необходимым для священнослужителей знание монгольского языка.

В XVII в. в Восточную Сибирь начинают проникать две мировые религии — буддизм и православие, каждая из которых стремилась увеличить число своих последователей. Православная церковь внимательно присматривалась к своему религиозному сопернику, знакомилась с его учением. Весомый вклад в изучение монгольского и бурятского языков, фольклора монголоязычных народов, а также буддизма и ламаизма внесли религиозные деятели Иркутска. Особенно много в этом направлении сделали священники-миссионеры: А. Бобровников, А. Орлов, К. Стуков, Н. Исакович, Н. Доржеев.

Глава Сибирской епархии митрополит Ф. Лещинский одним из первых начал собирать сведения о буддийской религии. В 1707 г. в Монголию была послана миссия для распространения христианства, изучения монгольско-

⁷⁴ Шаракшинова Н.О. Монголовед Алексей Бобровников // Байкал. 1988. № 3. С. 131–132.

⁷⁵ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. С. 173.

го языка и «разведывания о буддийской вере». К изучению монгольского и бурятского языков священников, занимавшихся миссионерской деятельностью, подталкивала практическая необходимость в переводе текстов богослужебных книг.

Архиепископ Нил, (Николай Федорович Исакович (1799–1874), окончил Могилевскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. Нил сознавал острую необходимость в переводах религиозной литературы на языки народов Сибири. Созданные ранее переводы «Библии» Я.И. Шмидта, переводы Бобровникова имели небольшое применение в миссионерской практике, так как были изданы небольшими тиражами или оставались в рукописях. Кроме того, переводы по качеству не всегда являлись удачными.

В 1847 г. Нил познакомился с ламой Доржеевым, который под его влиянием принял в 1848 г. православие и с этого времени стал помощником Нила в переводческом деле. Н. Доржеев (по крещению Нилов) был назначен преподавателем разговорного монголо-бурятского языка в Иркутской семинарии. Он являлся сотрудником Переводческой комиссии при Казанской духовной академии под руководством В.В. Миротворцева. Вместе с архиепископом Нилом Н. Доржеев перевел на бурятский язык «Требник».

В 1858 г. Нил опубликовал книгу «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири». В книге он рассматривает строение буддийской иерархии, основные положения религиозной философии. Исследование его богато примечаниями, в которых можно найти статистические и исторические материалы. Высокую оценку книги Нила дала через сто лет известная исследовательница из Бурятии профессор К.М. Герасимова в монографии «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков» (1957): «Книга Нила содержит интересные, хотя и краткие и далеко не полные данные по истории ламаизма в Бурятии. Источниками для книги послужили церковная литература на монгольском языке, собственные наблюдения и, по сведениям М.Азадовского, материалы декабриста М. Бестужева. Книга Нила получила довольно широкий отклик. В «Отечественных записках», «Современнике», «Журнале Министерства народного просвещения», «Библиотеке для чтения», «Северной пчеле» и «Ярославских губернских ведомостях» появились рецензии, аннотации, одобряющие книгу за ее довольно обширные материалы по догматике и обрядности ламаизма. Правительственные мероприятия по устройству церковных дел Бурятии Нил осуждает, хотя и осторожно, как политику потворства ламам в ущерб православию» (с. 17–18).

Интересовался он и врачебным искусством лам, и сам пользовался им. В «Вестнике Географического общества в 1857 г. вышла заметка Нила «Врачебное искусство у забайкальских лам». Кроме того, по сведениям археолога Иркутского университета В.В. Свинина, архиепископ Нил в 40–70-е гг. собрал большую археологическую коллекцию, часть которой экспонировалось на Антропологической выставке 1879 г.

С 1843 по 1850 г. миссионером среди хоринских бурят был протоирей Константин Константинович Стуков, который хорошо изучил буддизм, книжный монгольский и разговорный бурятский языки. 13 лет К.К. Стуков жил литературным трудом, так как был уволен из штата. Выжить помогло знание польского, французского и немецкого языков. В 1866 г. он вновь был определен миссионером в Тункинский край.

К.К. Стуков опубликовал ряд работ по шаманизму и ламаизму бурят («Заметки по этнографии, описанию ламаистских обрядов и суеверий, употреблению бурятских, тибетских слов с переводом и толкованием»). Хорошая филологическая подготовка позволила К.К. Стукову заняться сравнительным анализом лексики восточных языков. Заимствования в бурятском языке из монгольского, китайского, маньчжурского языков рассмотрены им в статье «Об элементах монголо-бурятского языка». За перевод на монгольский язык русского гимна К.К. Стуков получил благодарность Государя императора. Известно, что К.К. Стуковым был составлен каталог монгольских и маньчжурских книг, принадлежащих библиотеке ВСОРГО. К сожалению, рекомендованный к печати, он так и не был опубликован. После его смерти, в 1884 г. в библиотеку Иркутской духовной семинарии было передано собрание монгольских книг и рукописей К.К. Стукова, в том числе словарные материалы к маньчжурскому переводу Нового Завета.

Этнографические сюжеты занимали и священника Тункинского ведомства Якова Афанасьевича Чистохина, об этом свидетельствуют его статьи: «Две шаманские молитвы, произносимые на тайлагане (у бурят)», «Сонхор — ноин», «Инородческие загадки» и «материалы по народному творчеству монголов», опубликованные в «Известиях ВСОРГО». Он был членом переводческой миссии и осуществил следующие переводы: «Учение пред принятием святого крещения», «Учение о святой христианской вере, изложенное в беседах с бурятами», «Священная история Ветхого и Нового Завета», «Житие святого Николая», «Каждодневные молитвы». В 1861 г. по инициативе архиепископа Парфения был создан Комитет по вопросам перевода учебных книг на бурятский язык. Он же рецензировал переводы других авторов на монгольский язык.

По данным историка Л.М. Дамешека, сибирское духовенство с 60-х гг. XIX в. ввело в практику направление выпускников местных семинарий в различные духовные училища для получения «полного миссионерского образования с обучением сверх того при здешнем университете и монгольскому языку»⁷⁶. Так, в 1858 г. в Петербург было направлено семь выпускников Иркутской семинарии. «Четверо из вновь прибывших иркутян — Г. Попов, М. Митропольский, Е. Писарев и Карелин были зачислены в духовную академию, остальные — В. Миротворцев, А. Карелин, И. Корнаков — в высшие отделения семинарии. Все вновь прибывшие изучали монгольский язык»⁷⁷.

В.В. Миротворцев в 1860 г. из числа вольнослушателей был переведен в студенты. В 1863 г. сдал экзамены в университете по монгольским и калмыцким языкам и по окончании академического курса был определен в Казанскую академию преподавателем. В 1864 г. для практического изучения калмыцкого языка и ламаистского вероучения он специально ездил в калмыцкие степи. В.В. Миротворцев стал прекрасным наставником — специалистом по монголоведению, восстановил специальное «противобуддийское отделение». Им было подготовлено магистерское сочинение «Изложение и критический разбор основных начал буддизма» (1873). В 1869 г. он утвержден в степени магистра, а в 1870 г. — в звании профессора. Длительное время В.В. Миротворцев читал курс по истории буддизма на Востоке и в России⁷⁸.

⁷⁶ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX века). Иркутск, 1986. С. 147.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Знаменский П. Казанская духовная академия. Вып. II. Казань, 1892.

Переводом богослужебных книг занимались и в Петербурге. К этой работе были привлечены профессора Петербургского университета А.В. Попов и К.Ф. Голстунский. В 1858 г. книги были отпечатаны в синодальной типографии и в количестве 300 экземпляров их отправили в Иркутск, Калмыцкую и Астраханскую епархии. Но качество переводов было признано неудовлетворительным. По мнению знатоков монгольского языка, они были малопонятны, сбивчивы и требовали значительной переработки. Для переводов на монголо-бурятский язык авторы пользовались литературным монгольским языком, который был мало понятен для местного бурятского и калмыцкого населения. Несовершенства в переводах вызвали целую дискуссию о методике переводов религиозной литературы: что взять за основу — литературный монгольский язык или разговорный бурятский.

Забайкальский миссионер, иеромонах Мелетий (М.К. Якимов), а впоследствии епископ Якутский, в результате многолетних исследовательских трудов издал в 1901 г. книгу «Православие и устройство церковных дел в Даурии, Монголии и Китае в 17–18 ст.», в которой уделяется большое внимание взаимоотношениям православной и ламаистской церкви в Забайкалье.

Александр Матвеевич Орлов — преподаватель монгольского языка в Иркутской духовной семинарии с 1839 по 1880-е гг. Протоирей А.М. Орлов является составителем одной из ранних маньчжурских грамматик (1873).

«Грамматика маньчжурского языка» была издана в Петербурге. Автор попытался истолковать грамматические явления маньчжурского языка с точки зрения более известной ему монгольской грамматики. Это привело к некоторым неточностям.

Как прекрасный знаток монголо-бурятского языка, он перевел на монгольский язык «Краткий катехизис», составил грамматику монголо-бурятского языка. В одном из писем в Петербург к известному востоковеду В.В. Григорьеву А.М. Орлов писал: «Я продолжаю уже не один десяток лет писать грамматику языка бурятского и собираю образцы устной словесности бурятской, как то: пословицы, загадки, песни, сказки, шаманские моления, описания религиозных обрядов, и все это с русским переводом и, быть может, при хрестоматии». Он был большим любителем книги, собрал большую библиотеку, которая после его смерти поступила в Девичий институт, в 1920 г. — в библиотеку Иркутского университета.

В книжных собраниях иркутских библиотек особое место занимали книги на монгольском и китайском языках, а также литература о странах Дальнего Востока и Центральной Азии. Так, в библиотеке иркутской губернской гимназии существовал специальный «азиатский» отдел. Начало формированию этого отдела было положено в 1802 г. даром иркутского купца Ф.Щегорина, который передал из своей домашней библиотеки книги на китайском и маньчжурском языках на сумму 1011,6 р.⁷⁹ Известно, что М.М. Сперанский — известный государственный деятель первой четверти XIX в. передал в Иркутскую губернскую гимназию «на хранение 800 томов книг на монгольском языке (19 сочинений в нескольких экземплярах), выписанных для училища азиатских языков, но затем так и оставшихся в библиотеке»⁸⁰.

⁷⁹ Полищук Ф.М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII — февраль 1917 г.). Иркутск, 1983. С. 24.

⁸⁰ Там же.

Среди ценных рукописей Фонда редкого хранения Иркутского университета находится рукопись XIV в. «История монголов» Джованни Карпини, включающая в себя седьмую, восьмую и часть девятой главы. Считается, что эта рукопись была сделана примерно через 100 лет после появления книги⁸¹. Рукопись выполнена на пергаменте, возможно, что она была переписана в Чехии, где книга Плано Карпини была в обращении. Среди других уникальных изданий в библиотеке хранится шесть книг с автографом знаменитого русского китаиста Иакинфа Бичурина, который несколько раз побывал в Иркутске, переписывался и поддерживал отношения с несколькими жителями города.

В фонде редкого хранения Научной библиотеки Иркутского университета, наряду с другими раритетами, находится и рукописный «Русско-бурятско-монгольский словарь», датированный 1872 г. Сохранилось, к сожалению, только два тома этого словаря, состоящего из 15 книг. Составителем этого, неизвестного в монголоведении словаря и ждущего своего исследователя, указан Я.П. Родионов. Удалось в журнале «Иркутские епархиальные ведомости» за 1891 г. обнаружить скупые биографические сведения об авторе словаря. Я.П. Родионов окончил курс семинарии в 1852 г., некоторое время служил учителем Иркутского духовного училища, затем миссионером Верхотурского ведомства. В начале 70-х гг. поступил священником в свое родное село Куда, где скончался в 1891 г. от рака желудка⁸². В епархиальной хронике по случаю погребения протоиерея Родионова, отмечается: «От покойного остался монголо-бурятский словарь, над которым он трудился несколько лет. Желательно было бы, чтобы этот словарь родные пожертвовали или в Иркутскую духовную библиотеку или в Иркутский отдел Географического общества, где он с пользой мог быть употреблен в дело, со временем даже и отпечатан, если б оказался достойным печати»⁸³.

Два тома из пятнадцатитомного «Русско-бурятско-монгольского словаря», составленного Яковом Родионовым, были переданы Научной библиотеке его внуком, языковедом П.Я. Черных. К сожалению, остальные тринадцать томов этого словаря сгорели во время большого иркутского пожара⁸⁴. В архиве востоковедов в Санкт-Петербурге хранится рукопись Родионова «Сборник грамматических правил и переводных статей, а также примеров для практических уроков по монголо-бурятскому языку», датированная 1875 г. Из летописи Н.С. Романова мы узнаем о том, что над составлением этого словаря начал трудиться еще его дед. Петр Маркович Родионов — весьма примечательная личность. Он побывал в Китае в составе Духовной миссии, овладел там китайским и монгольским языками, был известен не только в Иркутске как знаток этих языков, но и в Петербурге и Москве. Священник П.М. Родионов собрал неплохую библиотеку книг на восточных языках, часть которой передал Н.Я. Бичурину. Известно, что они плотно общались, их сближала любовь к восточной культуре, глубокий интерес к китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкам. Таким образом, выясняется, что словарь — результат труда не одного поколения Родионовых.

Крупной фигурой среди религиозных деятелей Иркутска являлся Иннокентий Александрович Подгорбунский (1862–1913) — преподаватель мис-

⁸¹ Боннер А.Г. Бесценные сокровища. Иркутск, 1979. С. 12.

⁸² Иркутские епархиальные ведомости. 1891. № 8. С. 7.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Боннер А.Г. Бесценные сокровища. С. 10.

сионерских предметов Иркутской духовной семинарии, преподаватель монгольского и бурятского языков, исследователь шаманизма, буддизма, а также фольклора монгольских народов. Образование И.А. Подгорбунский получил в Иркутской духовной семинарии и Казанской духовной академии, окончив последнюю со степенью кандидата богословия. Это звание он получил за сочинение «Нравственное учение буддизма по монгольской книге Улигер-унд-далай, с приложением ея русского перевода».

В связи с преподаванием миссионерских предметов проявлял большой интерес к шаманизму и ламаизму, об этом свидетельствуют его опубликованные работы: «Шаманистические верования монголов и бурят» (1900–1901), «Высшие блага и пути к ним по учению буддизма и христианства» (1891), «Материалы для характеристики ламской астрологии», «Воззрение буддийской священной литературы на женщину» (1893) и др. И.А. Подгорбунский составил программы и учебники по буддизму и шаманизму, их исследование он подчинил определенной задаче — доказательству преимущества христианской религии перед восточными верованиями.

В архивных материалах сохранилась записка И.А. Подгорбунского от 11 сентября 1900 г. (фонд ВСОРГО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 176) о необходимости отдельного издания о буддизме. «Заинтересовавшись буддизмом, я на первых порах был поражен полным отсутствием какого бы то ни было руководства на русском языке для первоначального ознакомления с этой религией. Но так я имел возможность пользоваться сначала библиотекой Казанской духовной академии, а затем библиотекой Восточно-Сибирского отдела и Иркутской духовной семинарии, то мне удалось, наконец, хотя немного разобраться в массе материала. В гораздо худших условиях находится очень много лиц интересующихся буддизмом и особенно миссионеры, для которых знать буддизм настоятельно необходимо, приобрести же десятки сочинений о буддизме, чтобы познакомиться с этой религией они не имеют возможности. Ввиду этого я решил попытаться составить такое руководство, из которого желающие могли бы получить первоначальные и общие сведения об этой религии».

В Иркутской духовной семинарии он создал музей, в котором собрал все необходимое для изучения буддизма и шаманизма. Совместно с Г.Н. Потаниным он подготовил выставку предметов внешней обстановки лам (1888). Знаток буддизма Агван Доржиев, проезжал через Иркутск и посетил музей и проверил определения бурханов коллекции. В воспоминаниях известного русского журналиста, редактора газеты «Восточное обозрение» И.И. Попова «Забытые иркутские страницы» отмечается об этом: «Определение, сделанное ранее нашим иркутским специалистом по буддизму священником И.А. Подгорбунским, он нашел правильным»⁸⁵.

В 1909 г. И.А. Подгорбунский издал в Иркутске «Русско-монголо-бурятский словарь» (340 страниц), а в 1910 г. опубликовал «Материалы для грамматики разговорного бурятского языка», посвятив их монгольским глаголам, причастиям и деепричастиям. Основной задачей словаря являлось намерение представить словарный запас живого разговорного бурятского языка, с вариантами значений слов у аларских, балаганских, тункинских, нижнеудинских, хоринских, селенгинских бурят. Подчеркивая достоинства данного словаря И.А. Подгорбунского, монголист Г.Ц. Цыбиков писал: «Приветствуем появле-

⁸⁵ Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 166.

ние этого словаря, как первой попытки дать материал для сравнительного изучения разных живых наречий монгольских племен с применением более или менее точной транскрипции звуков их»⁸⁶. Имеются и критические замечания Г.Ц. Цыбикова о работах И.А. Подгорбунского, в частности, на его публикацию «Сказания и песни бурят»: «Транскрипция — ненаучная. Не передающая звуки бурятской речи, к тому же масса опечаток». В коллекции Г.Ц. Цыбикова в Агинском окружном музее хранится «Книга отзывов о работе Подгорбунского».

Около 25 лет И.А. Подгорбунский был членом Географического общества, неоднократно выступал с докладами на его заседаниях, а также в сибирской периодической печати, редактировал «Известия», восемь лет являлся редактором иркутских «Епархиальных ведомостей».

Таким образом, даже краткий обзор изучения монгольского языка в Иркутске позволяет говорить о богатых традициях в его изучении, преемственности. В этой связи нельзя не согласиться с выводом Н.И. Веселовского о широком распространении изучения монгольского языка в Сибири, значительном количестве знатоков здесь этого языка: «В Сибири их было, конечно, больше, но они нам неизвестны, потому что не заявили о себе литературными трудами»⁸⁷. Необходимы дальнейшие и тщательные изыскания в иркутских архивах и библиотеках, которые позволят создать более целостную картину изучения монгольского языка в сибирском регионе.

Значительную роль в изучение Монголии внесло Восточно-Сибирское отделение Русского Географического общества, созданное в Иркутске в 1851 г. Отделением был организован ряд экспедиций в Монголию по изучению археологических памятников, природных ресурсов, этнографии и культуры монгольского народа (экспедиции Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Д.А. Клеменца, В.А. Обручева).

Многие годы правителем дел Отдела был Григорий Николаевич Потанин — крупный ученый, естествоиспытатель и путешественник, исследователь Центральной Азии.

Несколько археологических экспедиций в Монголию совершил Н.М. Ядринцев — крупный сибирский общественный деятель, публицист, редактор газеты «Восточное обозрение». На страницах этого издания печатали свои путевые впечатления, этнографические этюды и размышления о судьбе соседней Монголии известные ученые монголоведы: В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, Д.П. Першин, Н.Н. Козьмин, А.М. Позднеев.

Из программного заявления редакции 1882 г. мы узнаем, что предпринято издание, знакомящее Европейскую Россию с Азией и Сибирью и обратно жителей окраин с жизнью и развитием России. Именно поэтому Монголии было уделено существенное место. Особенно большое внимание было обращено на русско-монгольскую торговлю, ее состояние и выяснение причин сокращения и коммерческих неудач.

Н.М. Ядринцев ратовал за глубокое и серьезное изучение азиатских стран, за преодоление «остаточного принципа» в отношении стран Востока: «Наша задача — приучить русскую публику интересоваться судьбами азиатского Востока весьма тяжела при существующем предубеждении к азиат-

⁸⁶ Дугаров Н.Б. Об одной из ранних лингвистических работ профессора Г.Ц. Цыбикова // Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980. С. 10.

⁸⁷ Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. С. 88.

ским народам и утвердившемся мнении, что эти государства мертвые, обреченные на застой и противоположность европейской цивилизации. Надо развеять это предубеждение и доказать, что и там есть жизнь, движение, своя культура и свой прогресс, может быть, им готовится своя роль в истории человечества».

В историю монголоведения и тюркологии Н.М. Ядринцев вошел как первооткрыватель двух значительных рунических памятников. В 1886, 1889, 1891 гг. он совершил научные экспедиции в Монголию. В 1889 г. в долине Кошо-Цайдама, на берегу реки Орхон, притока Селенги, был обнаружен памятник, сооруженный в честь тюркского кагана Могиляна (умер в 731 г.) и его брата Кюль-тегина. Надписи на памятнике, как выяснилось позднее, рассказывали в стихотворной форме о жизни и подвигах этих каганов.

В 1891 г. на берегу реки Онгин он обнаружил и зарисовал Онгинский памятник. Были обнаружены и введены в научный оборот древнейшие памятники тюркского языка. Дешифровку обнаруженных Н.М. Ядринцевым надписей на тюркской письменности почти одновременно выполнили ученый из России В.В. Радлов и датский ученый Томсен. Они доказывали, что кочевники Центральной Азии в VI в. имели развитые государства, собственную оригинальную письменность.

В изучении древних культур Монголии проявился незаурядный талант Н.М. Ядринцева как археолога и востоковеда. Жаль, что ученый не знал восточных языков и не смог принять участия в переводе обнаруженных текстов. Открытия на Орхоне послужили началом детального исследования древних памятников народов Центральной Азии, изучению их быта и культуры. Позднее ученые России: В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам, А.Н. Кононов, С.Г. Кляшторный, И.В. Стеблева продолжили и развили это направление исследований.

Результаты научных экспедиций в Монголию были опубликованы в «Известиях ИРГО» (1890), «Сборнике трудов Орхонской экспедиции», статье «Прошлое и настоящее монголов», отчете «Путешествие на верховья Орхона к развалинам Каракорума», «Каменные могилы и каменные бабы в Монголии и Сибири» (1890), «Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 г.», «Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхоне и Южном Хангае» (1892).

Впервые в историографии роль и значение открытия Орхонских памятников Н.М. Ядринцевым была сделана И.И. Поповым в 1894 г. в опубликованном докладе «Открытия на Орхоне». Доклад был сделан на общем собрании сотрудников и членов Географического общества на основе предварительного отчета самого Ядринцева.

В Государственном архиве Иркутской области находится личный фонд Н.М. Ядринцева (фонд 295), где помещаются материалы, связанные с изучением Монголии, подготовкой к экспедициям, обобщениям ее результатов. Здесь же находятся географический дневник, наброски будущих работ и заметки о Монголии. Кроме «Археологических результатов путешествий на Орхон», «Материалов путешествий в Монголию», «Путевых картин Монголии» имеются выписки из работ средневековых ученых, китайских авторов и путешественников, побывавших в Каракоруме во времена Чингисхана, перевод трудов французского исследователя Абель-Ремюзы о монголах. Проблема древней монгольской столицы — Каракорума серьезно занимала Н.М. Ядринцева.

Около 60 работ по Монголии опубликовал Д.А. Клеменц — русский революционер, писатель, ученый, публицист⁸⁸. С 1892 по 1896 г. Д.А. Клеменц вел археологические раскопки в Северной Монголии по заданию Российской Академии наук. В 1891 г. Д.А. Клеменц принял активное участие в известной Орхонской экспедиции, руководимой академиком В.В. Радловым. От Хара-Балгасуна Д.А. Клеменц совершил самостоятельное путешествие на север до верховья Енисея с целью выяснения вопроса «существует ли непрерывная связь между памятниками долины Орхона и давно известными остатками древней культуры в верхнем и среднем Енисее»⁸⁹. По мере продвижения экспедиции русского ученого ей встречались керексуры, по пути были сняты надписи с 14 каменных памятников, 4 из которых были открыты впервые. Недалеко от реки Хануй он обнаружил громадные развалины городского поселения, что доказывало связь между орхонскими и минусинскими памятниками.

В своем отчете академику В.В. Радлову он писал: «Обилие археологических памятников в бассейне Селенги дает надежду, что науке удастся восстановить быт замечательного народа, который оставил нам немые следы своего существования на всем протяжении от границ Маньчжурии до южных предгорий Алтая»⁹⁰.

В 1892–1896 гг. Д.А. Клеменц проводит интенсивные археологические исследования Северной Монголии. За эти годы он описал большое количество археологических памятников, собрал значительный материал для составления археологической карты этого региона. Обычно в Монголии он проводил летние месяцы, на зиму возвращался в Иркутск. Однако, зиму 1893 г. он провел в Урге. В газете «Восточное обозрение» за 1893 г. он писал о монгольской столице: «...ее пора изучить как центр монгольской интеллигенции»⁹¹.

В 1895 и 1896 гг. Д.А. Клеменц изучает потухшие вулканы близ озера Цагаан-терил-нор (до него об этом не было даже известно)⁹². Вообще, он был одним из первых ученых, кто писал о вулканах и ледниках Монголии. Крупный ученый-географ и геолог В.А. Обручев так оценивал значение геологических работ Д.А. Клеменца: «Значение монгольских исследований Д.А. Клеменца станет понятным, если указать, что он был первым единственным геологом, исколесившим всю Внешнюю Монголию, и знавшим ее, как никто из современников: все остальные экспедиции по этой стране или не имели в своем составе геологов, как, например, экспедиции Потанина, Певцова, Позднеева, Соболева и Боголепова, Сапожникова и другие или же исследовали только небольшую часть страны — узкую полосу вдоль всего пути»⁹³.

Несколько раз в своих статьях он обращался к проблеме русско-монгольской торговли. Он поддерживал мнение Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева о необходимости расширения и укрепления экономических связей с Монголией и считал, что состояние русско-монгольской торговли не удовлетворяет обе стороны. Оценивая деятельность русских торговцев, Д.А. Клеменц писал: «Я не

⁸⁸ Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц — революционер, ученый, публицист. Иркутск, 1986. С. 83–90, 110–116.

⁸⁹ Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1892. С. 22.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Д.К. [Д. Клеменц] Письма с дороги // Восточное обозрение. 1893. № 53. С. 7.

⁹² Клеменц Д.А. Заметка о потухших вулканах на Хангае // Известия ВСОРГО. 1897. Т. XXVIII, № 2. С. 157–159.

⁹³ Известия ВСОРГО. 1916. Т. 45. С. 13.

стану вместе с Г.Н. Потаниным утверждать, что русские купцы в урянхайской земле настоящие грабители, но еще менее соглашусь с розовыми взглядами А.В.Адрианова, который выставляет их как образец для подражания другим, хвалит их умение, такт, добросовестность и т.д.»⁹⁴

В конце XIX — начале XX в. продолжались интенсивные экономические связи с Монголией. В это время ежегодно через Тункинскую долину пригонялось до 20 тыс. голов крупного рогатого скота, свыше 12 тыс. овец и свыше тысячи лошадей на сумму около 1 млн р.⁹⁵ По общей ценности ввоза продуктов животноводства в Россию Монголия занимала в 1910 г. второе место (после Германии)⁹⁶. На монгольском сырье также работала значительная часть салотопенных, мыловаренных и кожевенных заводов.

После завоевания Монголией национальной независимости в 1911 г. эта торговля имела тенденцию к росту. С увеличением товарооборота при иркутском генерал-губернаторе был создан Постоянный комитет по монгольским вопросам. В 1913 г. в Иркутске было проведено совещание по состоянию и перспективе русской торговли в Монголии, созванное иркутским генерал-губернатором Л.М. Князевым. На Совещании подчеркивалось, что Монголия переживает переходный период, связанный с разрывом отношений с Китаем и создавшимся благоприятным моментом для русской торговли.

21 декабря состоялось специальное заседание Совещания, на котором присутствовало Чрезвычайное посольство монгольского правительства, возглавляемое Ханддоржем. Он выразил согласие и поддержку по вопросам о необходимости проведения железной дороги Урга-Кяхта, а также строительство телеграфных линий на территории Монголии (особенно линии Урга-Уляс-тай). Он предполагал, что осуществлять все эти проекты будет Россия и русские купцы и выразил пожелание, чтобы промышленные круги ближе познакомились с потребностями монгольского рынка, где открываются широкие возможности для сбыта русских товаров⁹⁷.

События, происходившие в это время в Монголии, а также связанные с ними изменения русско-монгольских отношений вызвали большой интерес в самых различных слоях сибирского общества. «Монгольский вопрос» становится предметом широкого обсуждения среди кругов общественности, в местной периодической печати: в «Сибири», «Иркутском слове» и др.

Серию статей о Монголии: «Современная Монголия», «Современное политическое положение Халхаской Монголии и силуэты деятелей монгольской независимости», «Русские в Монголии» опубликовал в газете «Сибирь» за 1912–1913 гг. чиновник особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе Д.П. Першин (псевд. Дм. Даурский).

Штабом военного округа в Иркутске в 1913 г. издается ежемесячник «Дальний Восток» (выпущено 52 сборника), в котором первостепенное внимание уделяется материалам о Монголии. Было опубликовано ряд книг о Монголии, подготовленных офицерами Генерального штаба, служившими в Иркутске.

⁹⁴ Д.К. Письма с русской границы // Восточное обозрение. 1891. № 46. С. 12.

⁹⁵ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия.

⁹⁶ Даревская Е.М. Использование монгольского скота и сырья в Восточной Сибири в период империализма // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири. Иркутск, 1983.

⁹⁷ Труды Совещания по вопросам о развитии русских торговых отношений с Монголией, созванного иркутским генерал-губернатором Л.М. Князевым. Иркутск, 1913. С. 4.

26 июня 1913 г. Императорское общество востоковедения направило из Петербурга в Иркутск генерал-губернатору письмо с просьбой об открытии иркутского отдела Общества, которое предполагало организовать при отделе курсы для русских — монгольского языка, для монголов (бурят) — русского языка. Предполагалось также, что Совет будущего отдела «окажет громадное значение в деле практической разработки вопросов, вытекающих из необходимости установления тесного взаимоотношения России с Монголией, привлекая к этому делу сведущих и заинтересованных лиц края». К сожалению, была наложена резолюция: «пока организация не требуется»⁹⁸.

В Иркутске была создана типография, которая печатала материалы на монгольском языке. В ней был издан «Монголо-русский словарь с монгольской азбукой и краткими грамматическими правилами и правописаниями» Р. Бимбаева, закончившего в Кяхте школу переводчиков и служившего там по этой специальности. Он также владел китайским, маньчжурским, монгольскими языками. Из его письма к В.Л. Котвичу от 15 декабря 1913 г. узнаем о некоторых обстоятельствах издания словарей: «...я издаю Монгольско-Русский словарь. Я обращался в Министерство торговли и промышленности о содействии к изданию моих трудов и о субсидии, но до сих пор не имею ни ответа, ни привета...»⁹⁹.

Новый этап в изучении истории Монголии и монгольского народа начался в 1918 г. с открытием в Иркутске университета. Одним из первых в его составе было образовано восточное отделение, на котором монголоведение являлось ведущим направлением. Этому способствовало ряд обстоятельств. Во-первых, город был местом с богатыми традициями изучения монгольского языка, этнографии и истории Монголии. Во-вторых, в Иркутске в 1918–1921 гг. находились организации Коминтерна, которые оказывали помощь монгольским революционерам. Сюда приезжали будущие лидеры монгольской революции Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан. Дальневосточный Секретариат Коминтерна издавал здесь журнал «Народы Дальнего Востока», в котором публиковались первые документы МНРП — сейчас ценные источники по истории революционного движения в Монголии. 10 ноября 1920 г. в Иркутске вышел первый номер газеты «Монголын унэн» («Монгольская правда»), распространение которой среди монгольских аратов сыграло определенную роль в подготовке народной революции 1921 г.

В-третьих, в 20-е гг. в Иркутске оказалась многие востоковеды Москвы и Петрограда. Они находились здесь в результате бурных событий революции и гражданской войны, работая здесь, способствовали активизации изучения стран Востока, в том числе и Монголии. И, наконец, в 1926–1932 гг. Иркутский университет начал обучение монгольских студентов и подготовку квалифицированных специалистов для партийных, государственных и научных организаций МНР, что также усиливало интерес к истории страны, ее языку и культуре.

Очень знаменательно, что именно в Иркутске была издана в 1921 г. одна из первых после революции книг о Монголии. Это фундаментальное и глубокое исследование И.М. Майского «Современная Монголия», которое положило начало советскому монголоведению¹⁰⁰.

⁹⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 160. Л. 2.

⁹⁹ В. Котвичийн хувийн архивас олдсон монголын туухэнд холбогдох зарим бичиг = Некоторые документы из личного архива В. Котвича, связанные с монгольской историей // ШУАХ. Улан-Батор, 1972. С. 285.

¹⁰⁰ Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921.

Восточное отделение в Иркутском университете (1918–1924) и 2-годичные курсы восточных языков при отделении подготовили большую группу квалифицированных специалистов-востоковедов для практической работы в Китае, Монголии, Японии, Корее.

Изучение монгольского языка, литературы, истории Монголии занимало одно из ведущих мест на восточном отделении. Монгольский язык преподавали: Ц.Ж. Жамцарано, получивший монголоведное образование на восточном факультете Петербургского университета, работы которого впоследствии получили мировую известность, С.П. Кузнецов, окончивший Восточный Институт во Владивостоке и служивший драгоманом русского консульства в Монголии, а также В.Н. Флоренсов — знаток монгольского разговорного языка. Непродолжительное время в университете преподавал специалист по монгольскому праву В.А. Рязановский.

В личном деле М.М. Рубинштейна — первого ректора Иркутского университета, находится докладная записка лектора монгольского языка Ц. Жамцарано от 30 марта 1919 г. о необходимости практики: «...в интересах успешного усвоения монгольского языка студентами и слушателями Восточного отделения было бы очень желательно командировать их в Монголию или в бурятские улусы для практического ознакомления с языком и бытом монголо-бурят...»¹⁰¹.

Иркутские монголоеды поддерживали тесные научные связи со специалистами Петрограда (Ленинграда), Москвы, а также монгольскими учеными Урги (Улан-Батора). В Рукописном отделе Института Истории АН Монголии (фонд V, папка 85) хранится рукопись Н. Флоренсова «История Монголии», написанная в Иркутске в 1923–1924 гг. Рукопись представляет собой хронологические выписки по истории монголов XIII–XIX вв., с подробным списком источников по этому периоду и свидетельствуют о глубоком знании монгольских реалий. Видимо, рукопись была сделана для кого-то из научных сотрудников Ученого Комитета МНР.

Сохранились также машинописные рукописи Н. Флоренсова, подготовленные в 20-х гг.: «Монгольские ксилографы, поступившие в 1922 г. в ВСОРГО», «Монгольские ксилографы, поступившие в 1922 г. в ВСОРГО из Иркутского губернского архива» (1924). К сожалению, тяжелые экономические условия 20-х гг. не позволили опубликовать интересные материалы иркутского монголоведа.

Из письма Б.Я. Владимирцова — главы советского монголоведения, А.В. Бурдукову от 15 апреля 1923 г. мы узнаем, что в Петрограде специально для Иркутска готовились два студента-монголиста: «Все это время у меня были очень хорошие студенты. Теперь готовлю еще двух, причем буду направлять их в Иркутск, где, конечно, совершенно необходимо иметь настоящего монголиста... Ужасно бы хотелось на это лето командировать в Монголию двух моих студентов, как раз тех, кого я предназначаю для Иркутска. Но, к сожалению, средств здесь, мало. Не мог бы Центросоюз оказать содействие в этом деле»¹⁰². К сожалению, к тому времени, когда эти студенты окончили полный курс Восточного факультета, восточное отделение Иркутского университета было закрыто, и монголисты уже не были нужны.

¹⁰¹ Текущий архив Иркутского университета. Ф. 71. Оп. 3. Д. 525. Св. 11. С. 75.

¹⁰² Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 367.

Монголоеды Иркутска занимались научными исследованиями. Об этом свидетельствуют публикации: Ц. Жамцарано, А. Турунов «Халха Джиром. Описание памятника» (1923), А.В. Черных «Торговые связи Монголии и Восточной Сибири» (1926), М.А. Ваксберг «Конституция революционной Монголии» (1925), Н.Н. Козьмин «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» (1934).

Так, в работе А.В. Черных «Торговые связи Монголии и Восточной Сибири» на основе обширных источников дан анализ русско-монгольской торговли и показано становление советско-монгольских торгово-экономических отношений. Автор отмечает принципиальное отличие новой советской торговой политики: ее равноправие и взаимовыгодность. Он уделил большое внимание становлению монгольской кооперативной торговли, которая медленно, но последовательно набирала темпы и завоевывала позиции на национальном рынке. Были отмечены и трудности в работе советских торговых организаций, ее неопытность и незнание монгольского рынка. Несомненно, что эта работа имела не только научное, но и практическое значение.

В 1928–1930 гг., в последние годы своей жизни работал крупный ученый востоковед, исследователь Тибета и Монголии Г.Ц. Цыбиков. За очень короткий срок работы в Иркутском университете профессор Г.Ц. Цыбиков опубликовал работы: в 1928 г. — «Монгольская письменность как орудие национальной культуры», «Русско-монгольский терминологический словарь», в 1929 г. — «Учебник монгольского языка для самостоятельного изучения», «Забайкальское бурятское казачье войско», в 1930 г. — «Жизнь и труды Доржи Банзарова».

Опубликованы воспоминания М.Намжилова, рассказывающие о напряженной творческой работе Г.Ц. Цыбикова: «Я работал в потребкооперации. Ездил в Иркутск в 1929 г. на кооперативную конференцию. В Иркутске жил на квартире Цыбикова... Его двухкомнатная квартира была завалена до потолка книгами. Я жил у него около недели, и он всю ночь занимался, писал что-то»¹⁰³. Известно также, что Г.Ц. Цыбиков был не удовлетворен постановкой преподавания монгольского языка в университете, так как тогда происходило сокращение данного направления.

Г.Ц. Цыбиков считал, что Иркутск занимает удобное место для изучения стран Восточной Азии и поэтому необходимо не сокращать востоковедные исследования, а наоборот увеличивать. В его воспоминаниях «Дневнике поездки в Ургу в 1927 г.» отмечается: «Берлин (работник посольства СССР в Монголии). Знакомимся. Говорит о своей прежней и нынешней работе. Интересуется Тибетом. Говорит, что в Иркутске нужно учредить факультет восточных языков, так как Иркутск расположен ближе к Востоку, ... и привлечет учащихся, как местных сибирских, так и бурят-монгольских».

В Рукописном отделе Бурятского филиала хранятся материалы о судьбе книг ученого. В деле № 29 хранится записка следующего содержания: «Педфак. Коменданту здания Р.Л. Ситникову. Просьба принять связку книг, принадлежащих, скончавшемуся проф. Цыбикову, для передачи в кабинет монголоведения. Асс. Кузнецов. 03.09.1930». Таким образом, некоторые книги Г.Ц. Цыбикова после его смерти поступили в кабинет монголоведения, а затем в Научную библиотеку Иркутского госуниверситета.

После закрытия восточного отделения монголоведные исследования и подготовка специалистов были продолжены на кафедре монголоведения бу-

¹⁰³ К столетию со дня рождения Г.Ц. Цыбикова. Улан-Удэ, 1956. С. 160.

ряцкого отделения педагогического факультета. На кафедре работали профессор Н.Н. Козьмин, Г.Ц. Цыбиков, преподаватель С.П. Кузнецов. Курс лекций по монгольскому языку и письменности читал Г.Ц. Цыбиков, а практические занятия вел Кузнецов. Из воспоминаний П.Т. Хаптаева известно, что первую пробную лекцию Г.Ц. Цыбиков прочитал на тему «Культурные связи Бурятии с Монголией».

Профессора кафедры старались вовлечь студентов в бурятскую секцию ВСОРГО, организовать им командировку для сбора материалов по этнографии, фольклору и подготовить их материалы к печати¹⁰⁴. Преподаватели университета принимали активное участие в деятельности Иркутского филиала научной Ассоциации востоковедения, Кружка содействия монголоведению, которые занимались изучением актуальных вопросов истории, экономики, культуры Монголии.

По данным Е.М. Даревской, кружок содействия монголоведению при Монгольской конторе Сибкрайсоюза был основан 15 августа 1924 г. по инициативе А.В. Бурдукова. Целью кружка «являлось содействие всестороннему изучению Монголии путем устройства выставок, экскурсий и докладов на русском и монгольском языках, издания материалов по монголоведению»¹⁰⁵. Число членов кружка увеличилось в первый же год с 20 до 80, были прочитаны доклады по истории и современному положению Монголии, оказана помощь, командированным в МНР.

В 20-е гг. научными сотрудниками ИГУ началось изучение Прихубсугульского района. Ученые Иркутского университета подключились к решению сложных теоретических проблем монголоведения. Об этом, свидетельствует, в частности, попытка профессора Н.Н. Козьмина решить вопрос о наличии феодальных отношений у кочевых народов. К сожалению, в литературе об этом почти неизвестно, а имя историка полузабыто.

Николай Николаевич Козьмин — один из крупных сибирских историков, этнографов конца XIX — начала XX в., историк либерально-буржуазного направления, во взглядах которого в 30-е гг. наметился перелом к марксизму. Сложный жизненный путь прошел этот человек. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Историк, этнограф, журналист, один из активных деятелей сибирского областнического движения. Н.Н. Козьмин — автор многих работ по истории и этнографии Сибири. В 20–30-е гг. XX в. он проявляет большой интерес к истории и этнографии Монголии. Им были опубликованы книга «К вопросу о турецко-монгольском феодализме», статьи: «Экономические причины войны между Чингизидами», «Тата и татары. Спорные вопросы истории Центральной Азии», ряд рецензий на издания Б.Я. Владимирцова и В.Л. Котвича.

Н.Н. Козьмин перевел и опубликовал работы крупнейших монголоведов: в 1929 г. с немецкого языка — В.В. Радлова «Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии», в 1937 г. — с французского — книгу Д'Оссона «История монголов от Чингис-хана до Тамерлана».

Таким образом, становление и развитие иркутского монголоведения в XVIII — начале XX в. диктовались практическими потребностями перевода

¹⁰⁴ Хаптаев П.Т. Воспоминания о профессоре Г.Ц. Цыбикове // Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980. С. 166.

¹⁰⁵ Даревская Е.М. Алексей Васильевич Бурдуков (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963. Сб. VI. С. 214.

дипломатических и деловых документов в отношениях двух соседних стран. Особым направлением изучения монгольской традиционной культуры и буддизма являлся перевод христианских книг на монгольский язык. В 1725 г. в Иркутске появилась первая в России русско-монгольская школа. Становление первой кафедры монгольского языка в Казани происходило при помощи иркутского монголоведа А.В. Игумнова. Особенно большую роль сыграл Иркутск в развитии русско-монгольских отношений в начале XX в. В изучении истории, культуры и монгольского языка в Иркутске хорошо прослеживается преемственность исследований.

1.4. Мемуары — исторический источник по истории Монголии первой четверти XX века

Ценным источником по истории монгольской революции 1921 г., первых послереволюционных преобразований в 20-е гг. являются воспоминания участников и свидетелей. В 60–80-е гг. XX в. активно и плодотворно проводилась работа по сбору и публикации воспоминаний участников данных исторических событий. К настоящему времени имеется значительное число мемуаров, разного уровня и качества. Назрела необходимость их критического и специального изучения. Сделаны первые шаги в данном направлении. Опубликованы рецензии на отдельные мемуары, воспоминания активно привлекаются российскими и монгольскими историками в исторических исследованиях, нередко, правда, без их критического анализа. Монгольская исследовательница Н. Хишигт провела анализ воспоминаний монгольских партизан — участников монгольской революции 1921 г.¹⁰⁶

Первые публикации воспоминаний, посвященных монгольской революции 1921 г., появились еще в 30-е гг. Это известные воспоминания ветеранов и руководителей монгольской революции Х. Чойбалсана, Демида, Лосола «История монгольской национальной революции» (1934), посвященные событиям 1918–1921 гг.; мемуары командира отряда К.К. Байкалова «Разгром банды Кайгородова» (1932), воспоминания деятеля Коминтерна Б. Шумяцкого «Десятилетие монгольского Октября» (1931)¹⁰⁷.

Значительный массив воспоминаний по данной проблеме был издан в 60–70-е гг. XX в. Хорошо известны монголоведам и часто привлекаются в исторических работах следующие воспоминания: А.В. Бурдуков «В старой и новой Монголии» (1969), В.И. Юдин «У истоков монгольской народной революции» (1959), И.А. Сороковиков «Влияние Октябрьской революции на развитие революционного движения в Монголии» (Из воспоминаний)» (1957), «На заре советско-монгольской дружбы (по личным воспоминаниям и материалам)» (1965), «Монгольские революционеры в Иркутске» (1965); Л.Е. Берлин «У истоков советско-монгольской дружбы» (1968); Н.И. Соркин «В начале пути (Записки инструктора монгольской армии)» (1970)¹⁰⁸. Мемуары написаны по различным этапам революции, различным географическим местам, поэтому взаимно дополняют друг друга и делают картину подготовки и проведения народной революции наиболее полной и цельной, в целом не противоречат

¹⁰⁶ Хишигт Н. Воспоминания монгольских партизан. Улан-Батор, 1982.

¹⁰⁷ Байкалов К.К. Разгром банды Кайгородова. М., 1932.

¹⁰⁸ Берлин Л.Е. Полвека назад (воспоминания) // Монголия. 1971. № 10. С. 10–12.

в изложении исторических событий. Наличие подлинных документов, включенных в текст воспоминаний, делает данные мемуары особенно ценными.

Массовым тиражом изданы сборники воспоминаний: «Народы-братья. Советско-монгольская дружба. Воспоминания и статьи» (1965); «Книга братства» (1971), «СССР-МНР. Страницы братской дружбы. Воспоминания» (1981), «Они встречались с Сухэ-Батором» (1967), «С интернациональной миссией. Воспоминания участников Монгольской народной революции» (1970)¹⁰⁹.

Только благодаря воспоминаниям, мы имеем возможность узнать о встречах и содержании бесед монгольских представителей с В.И. Лениным. Воспоминания Б.З. Шумяцкого, Л.Е. Берлина, Б. Цэрэндоржа, С. Буяннэмэха подробно воссоздают их¹¹⁰.

Немало воспоминаний посвящено Д. Сухэ-Батору — видному государственному и военному деятелю Монголии. В мемуарах Л.Е. Берлина, Б.З. Шумяцкого, В.И. Юдина, И.А. Сороковикова представлены свидетельства о деятельности военного министра и лидера монгольской революции¹¹¹. Сборник «Они встречались с Сухэ-Батором» объединил воспоминания жителей Кяхты, которые сохранили в своей памяти факты личного общения с Д. Сухэ-Батором. Эти воспоминания содержат много свидетельств о скромности, доступности вождя монгольской революции в период подготовки партизанских отрядов и проведения 1-го съезда Монгольской народной партии в Кяхте.

Большая плодотворная работа по сбору и публикации воспоминаний проделана монгольскими историками (Б. Ширендыб, Д. Даш), об этом свидетельствуют такие сборники воспоминаний, как «Воспоминания монгольских партизан» (1961, 1969), «Воспоминания старейших деятелей — членов МНРП» (1978, 1981), а также «Воспоминания учителей» (1973), «Воспоминания врачей» (1977), «Воспоминания писателей» (1988). «Воспоминания ученых» (1961), «Воспоминания ветеранов Монгольского Ревсомола» (1984)¹¹².

Вопросы формирования первых партизанских отрядов и создания монгольской народной армии нашли отражение в мемуарах Н.С. Соркина «В начале пути (Записки инструктора монгольской армии)» (1970), И. Демко «За дело народной революции», воспоминания военных инструкторов-калмыков «С интернациональной миссией. Воспоминания участников Монгольской народной революции» (1970)¹¹³.

В 60–80-е гг. был опубликован целый ряд воспоминаний, посвященных революционным событиям в Сибири (особенно в приграничных районах с Монголией), в Китае, в которых нашли отражение некоторые «монгольские сюжеты»: М.И. Казанин «Записки секретаря миссии» (1963), С.А. Далин «Китайские мемуары» (1975), А.Н. Кислов «Разгром Унгерна» (1964), П.М. Никифоров «Записки премьера ДВР» (1965), В.Б. Оношко «Приграничный уком» (1968), Ю.Н. Рерих «По тропам Срединной Азии» (1982), А.А. Миллер «В пламени революции (1917–1920). Воспоминания командира интернационального отряда Красной Гвардии» (1957)¹¹⁴.

¹⁰⁹ Они встречались с Сухэ-Батором. Улан-Удэ, 1967.

¹¹⁰ Буяннэмэх С. Незабываемая встреча. Книга братства. М., 1971. С. 112–116.

¹¹¹ Сороковиков И. Влияние Октябрьской революции на развитие революционного движения в Монголии // Ученые записки Иркутского финансово-экономического института. 1967. Вып. 6.

¹¹² Воспоминания ветеранов МНРП. Улан-Батор, 1981.

¹¹³ Демко И. За дело народной революции. Улан-Батор, 1980.

¹¹⁴ Оношко В.Б. Приграничный уком. Хабаровск, 1968.

В целом, нельзя сказать, что имеющиеся мемуары не используются историками в своих изысканиях как исторический источник. Однако, не все они равномерно привлекаются, а некоторые вообще не введены в научный оборот, хотя заслуживают этого. Кроме того, воспоминания требуют и специального исследования (классификация источниковой базы, времени создания, мотивов написания, адекватность информации и т.д.). Широкое и систематическое введение в научный оборот мемуаров, посвященных монгольской революции 1921 г., несомненно, будет способствовать расширению и уточнению знаний о ней.

Значительную историческую ценность имеют воспоминания В.И. Юдина (1892–1966) — активного участника монгольских событий 20-х гг., который был представителем Наркоминдела РСФСР при воинских частях в Монголии; с 1922 по 1925 г. — первый секретарь полпредства РСФСР (затем СССР), поверенный в делах, заместитель торгпреда СССР в МНР. В дальнейшем — преподаватель КУТВ, музейный работник в Москве и Удмуртии, лектор ИВ АН СССР в Москве. По данным известного журналиста и писателя Л.И. Шинкарева, он вел дневник в Монголии, в личном архиве сохранились оригинальные документы. В недавно опубликованном дневнике П.К. Козлова деятельность В.И. Юдина оценивается доброжелательно и положительно.

В мемуарах В.И. Юдина «У истоков монгольской народной революции» (из воспоминаний и документов)» (1959) освещаются события 1920–1921 гг., с привлечением некоторых сохранившихся у него документов из личного архива. Автор сообщает некоторые ценные сведения о контактах и связях монгольских революционеров с советскими организациями. Он приводит тексты обращений монгольских революционеров к советскому правительству, прослеживает судьбу писем, направленных в Советскую Россию. Считает несостоятельной версию А. Калининкова о письме, якобы брошенном в почтовый ящик в Троицкосавске. Оно было доставлено в Иркутск, считает мемуарист¹¹⁵.

Мемуаристом предложена собственная трактовка расстановки политических сил в Монголии летом 1920 г. Так, он выделяет три национально-политические группировки: часть националистически настроенных крупных феодалов и высшего духовенства; чиновников разных ведомств, потерявших доходные должности; неимущей интеллигенции, простых аратов, мелких чиновников, оппозиционно настроенных низших и средних лам.

Особое место среди мемуарной литературы о Монголии занимают воспоминания А.В. Бурдукова «В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма» (1969). Интересен сам автор мемуаров — Алексей Васильевич Бурдуков (1883–1943), прошедший сложный жизненный путь от «мальчика» в торговой фирме до известного ученого, доцента восточного факультета Ленинградского университета. Он прожил в Монголии около 30 лет, хорошо знал монгольский язык, культуру кочевой страны. С монголами его связывали искренние и добрые отношения. Воспоминания А.В. Бурдукова состоят из двух частей: Монголия в 1911–1914 гг.; Монголия в 1914–1921 гг., они отражают исторические события в переломное для страны время. Кроме того, он описал события в Западной Монголии, тогда как большинство воспоминаний посвящено событиям в Урге и столичном районе и на севере страны, в районе Маймачена и Кяхты.

¹¹⁵ Юдин В.И. У истоков народной революции. С. 111.

Мемуары А.В. Бурдукова представляют собой литературно обработанный дневник автора, а также включена его переписка с видными российскими монголоведами Б.Я. Владимирцовым, В.Л. Котвичем, Г.Н. Потаниным. Бурдуков был увлечен коллекционированием старинных монгольских рукописей, старинных вещей, записывал монгольский фольклор¹¹⁶.

В подготовке воспоминаний к печати принимали участие: его дочь Т.А. Бурдукова-монголовед, историки Е.М. Даревская (научные комментарии к тексту мемуаров (с. 370–414), И.Я. Златкин (предисловие, отв. редактор). Специальную статью «Мое знакомство с А.В. Бурдуковым» опубликовал в книге академик И.М. Майский.

Только сравнительный анализ авторских дневников А.В. Бурдукова с опубликованным текстом мемуаров позволит уяснить изменения, внесенные редакторами и публикаторами. И.Я. Златкин в предисловии писал «Редакция считала своим долгом сохранить по возможности в нетронutom виде композицию мемуаров и стиль авторского изложения, внося исправления лишь в исключительных случаях, не затрагивая существа дела и мысли автора»¹¹⁷. Видимо, изменения в текст все же вносились и, может быть, и существенные. Зная, например, как изменилась книга И.М. Майского «Современная Монголия» при ее переиздании, можно предположить, как редактировалась и данная книга.

Попутные, но ценные воспоминания о событиях в Монголии, деятельности коминтерновских организаций в Иркутске представлены в мемуарах С.А. Далина «Китайские мемуары» (1975)¹¹⁸. Основное внимание уделено событиям в Китае, но первые страницы мемуаров посвящены работе Дальневосточного Секретариата Коминтерна. Очень ценны описания персонального состава Секретариата, о характере отношений между Монгольской народной партией и ревсомолом, роли КИМа в становлении и развитии Ревсомола. Несомненную ценность имеют личные характеристики Б.З. Шумяцкого, Г.Н. Войтинского, В.Л. Букатого и др.

По данным воспоминаний С.А. Далина, решение о создании ДВСК состоялось в январе 1921 г., местом пребывания которого был избран Иркутск. В мае 1921 г. секретарь ЦК РКП(б) Е. Ярославский предложил С.А. Далину перейти на работу в Коминтерн в качестве уполномоченного ИК КИМ на Дальнем Востоке и члена ДВСК. Далин приехал в Иркутск в августе 1921 г., когда уже определился состав Секретариата и сложился коллектив его сотрудников, который возглавлял Б.З. Шумяцкий, его заместитель Я.Г. Минскер, а членами Г.Н. Войтинский, А. Лепешинская, В.Л. Букатый.

В мемуарах С.А. Далина приведены краткие биографические данные этих деятелей. Но наибольший интерес для историков представляют замечания о их личных качествах и чертах характера, например о Б.З. Шумяцком: «В то время Шумяцкому было 35 лет. Ходил он в военной форме, в длинной кавалерийской шинели и буденовке. Больше половины своей жизни он успел уже отдать боевой партийной работе, ... по сравнению с ним мы были еще юнцами. Несмотря на все это, Шумяцкий говорил с нами как равный с равными. Вместе с тем всегда чувствовалось, что победа Октябрьской революции, разгром колчаковщины — это и его личная победа, ибо с революцией была неразрывно связана вся

¹¹⁶ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М., 1969.

¹¹⁷ Там же. С. 6.

¹¹⁸ Далин С.А. Китайские мемуары. М., 1975.

его жизнь. Он ходил с высоко поднятой головой, что придавало его лицу выражение важности, хотя на самом деле это был простой и доступный товарищ»¹¹⁹.

С.А. Далин кратко характеризует работу национальных секций Секретариата: японскую, корейскую, китайскую и монголо-тибетскую. Они возглавлялись коммунистами соответствующих национальностей. В секциях работали и советские сотрудники. По его мнению, «аппарат был подобран удачно»¹²⁰, он состоял из русских эмигрантов из США и Китая, знающих английский и китайский языки, а также получивших востоковедное образование в Москве или Владивостоке, они сочетались с профессиональными партийными работниками, обладающими опытом подпольной работы. Дан персональный состав секций, с краткими характеристиками. В создании МНП и Ревсомола большую роль играли бурятские коммунисты. В монголо-бурятскую секцию входили, по данным С. Далина, Г. Данчинов, М. Сахьянова, Ф. Коняев, С. Нацов, Ишидоржи, С. Борисов, В. Юдин и Старков. Отмечается активное участие в работе секции Б.З. Шумяцкого. Весь коллектив ДВСК с большим воодушевлением занимался подготовкой съезда революционных молодежных организаций стран Дальнего Востока.

В мемуарах С.А. Далина опубликованы уникальные фотографии членов Дальневосточного секретариата Коминтерна. Позднее, С.А. Далин специально занимался молодежным движением в Китае и Монголии, были опубликованы подробные работы на эти темы.

Н.С. Соркин был направлен в Монголию в 1923 г. инструктором монгольской армии и проработал восемь лет, затем он находился здесь на дипломатической работе. В 1970 г. Н.С. Соркин опубликовал книгу «В начале пути (записки инструктора монгольской армии)». Несмотря на значительное время, прошедшее со времени описываемых событий, данные мемуары доносят до нас любопытные подробности того времени, конкретные имена рядовых участников и собственные впечатления.

В основном отражены события столичной жизни, в меньшей степени редкие поездки в худон. Основное внимание уделено проблемам создания регулярных частей монгольской армии, организации обучения курсантов в первых военных училищах, организованных советскими специалистами.

Автор воспоминаний в 1923 г. окончил Высшую артиллерийскую школу в Пушкине и сразу же получил направление в Монголию. В июне 1923 г. в Москве была сформирована первая группа (12 человек) советских военных инструкторов монгольской армии, многие из которых также закончили учебные заведения, были среди них и участники гражданской войны, награжденные боевыми орденами.

События в Монголии описаны автором с большой симпатией к монгольскому народу, он изучал монгольский язык, научился преподавать артиллерийское дело с использованием монгольских терминов и понятий. Н.С. Соркин показал в мемуарах, как происходило преобразование, формирование монгольских воинов, которым первоначально не хватало боевой выучки, отсутствовало удобное обмундирование и снаряжение.

Н.С. Соркин пишет, как в осторожной форме было высказано пожелание руководству заменить монгольское деревянное седло на русское казачье сед-

¹¹⁹ Далин С.А. Китайские мемуары. С. 29.

¹²⁰ Там же. С. 33.

ло. Были заменены дэли и гутулы на брюки и гимнастерки, шинели и сапоги. Отмечается большая тяга монголов к знанию современного военного дела. По приказу военного министра Монголии Соркин приступил к формированию артиллерийского училища, а Белоглазов — кавалерийского.

Кроме того, для переподготовки командного состава при училищах были сформированы годичные курсы усовершенствования. По мнению автора воспоминаний, «обучение командиров на курсах было задачей еще более сложной, чем в училищах, так как надо было за один год дать слушателю хорошую теоретическую подготовку, необходимые политические знания, командные навыки и самое главное научить грамоте»¹²¹. Большинство курсантов было неграмотно, поэтому разработка учебных планов и программ представляла большую сложность. Поэтому, готовясь к началу занятий, пишет мемуарист, «мы до поздней ночи засиживались над разработкой и уточнением первых учебных материалов, которые мы подробно обсуждали с монгольскими командирами»¹²².

В училища были набраны только добровольцы, были отобраны 30 курсантов и 12 слушателей курсов. В воспоминаниях показано как происходил набор первых курсантов, шло формирование учебного плана, трудности и проблемы становления нового учебного заведения.

Советские инструкторы сразу же начали изучать монгольский язык. В процессе занятий выяснилось, что многие военные артиллерийские термины в монгольском языке или отсутствуют или они сильно устарели. Поэтому вырабатывали новые термины. Отмечается, что курсанты занимались хорошо, отстающих среди них почти не было, но сложности были с уровнем подготовки слушателей: «Из 12 командиров трое были грамотными. Военная подготовка у всех была весьма слабая. Командиры привыкли к определенной самостоятельности, которой они лишились на курсах. И поэтому от нас требовались большой такт и индивидуальный подход к каждому»¹²³.

Отношения инструкторов с монгольскими командирами, которые принимали дружеский характер, он характеризует следующим образом: «Мы были частыми гостями в юртах наших командиров, они запросто приходили к нам. Перезнакомились семьями. Посещали друг друга без переводчиков, и это помогало нам расширять свои знания монгольского языка, а монголам — русского»¹²⁴.

Автор показывает, как появились элементы нового быта. Подробно описывается, как монголы отказывались от ношения косы. Также освещаются траурные мероприятия, связанные со смертью В.И. Ленина, траурные собрания, митинги, шествия и т.п.

Дана зарисовка жизни Урги: рынка, магазинов, мастерских, китайского театра. Описаны одежды, праздники, обычаи. Автор выделяет события 1924 г. как переломные в истории страны: смерть Богдо-гэгэна, образование МНР. По случаю завершения Первого Великого народного Хурала состоялись демонстрация и парад войск, в которых военные училища показали слаженность и выправку.

Мемуарист отмечает напряженное и постоянное самообразование военных инструкторов. Так, в Урге было организовано военно-научное общество,

¹²¹ Соркин Н.И. В начале пути (Записки инструктора монгольской армии). М., 1970. С. 29–30.

¹²² Там же. С. 31.

¹²³ Там же. С. 36.

¹²⁴ Там же. С. 39.

на заседаниях которого военные инструкторы выступали с докладами по своей специальности. «Наиболее активными в обсуждении вопросов тактики кавалерии были В.И. Дмитренко и Л.Я. Вайнер. Дискуссии нередко длились несколько часов»¹²⁵.

Из событий 1925 года автор выделяет вывод советских войск из Монголии. «Сборы наших частей были короткими. Красноармейцы в последний раз промаршировали под звуки оркестра через весь город. Жители Улан-Батора тепло провожали воинов Страны Советов»¹²⁶. Летом 1925 г. в Улан-Баторе было уже три военных училища — добавилось политическое. Важное место занимала учеба в летних лагерях, где уделялось значительное внимание тактической подготовке.

В воспоминаниях Н.С. Соркина отражены встречи с известными впоследствии людьми страны: поэтом и писателем Д. Нацагдоржем, премьер-министром Ц. Цэрэ-Доржи, начальником кавалерийского училища, будущим маршалом Демидом. Отдельные краткие очерки «Памятные встречи» посвящены Хатан-Батору Магсаржаву, Чойбалсану, Демиду. Краткие и лаконичные, они отражали индивидуальное своеобразие личности, некоторые черты характера, дающие возможность по-новому взглянуть на известных исторических деятелей Монголии.

Некоторые уникальные мемуары были введены значительно позднее их написания. Воспоминания, которые уже не ожидали увидеть и прочитать. В 1999 г. были опубликованы мемуары Д.П. Першина «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак», с подзаголовком «Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века».

Д.П. Першин (1861–1936) — известный сибирский краевед, этнограф, публицист. Человек широких научных интересов, в том числе интересовался историей и этнографией монгольских народов. В 1913 г. он назначается чиновником особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе и занимается монгольскими делами. В 1915 г. Д.П. Першин назначается управляющим Монгольским национальным банком в Урге. И в переломные годы для Монголии 1917–1921 гг. находился в Урге и был свидетелем важных исторических событий. Автор подробно описывает ликвидацию автономии китайцами, ее освобождение бароном Унгерном, атмосферу унгерновского режима в Урге. Особенно подробно описан исторический эпизод похищения Богдо-гэгэна воинами Унгерна из китайского заточения. Вообще образ Унгерна выглядит отличным от его представления в советской историографии, более человечным и трагичным, чем его изображают и в мемуарах белых офицеров.

Воспоминания Д.П. Першина были написаны в Китае и датированы 1933 г. Их написанию предшествовала серия очерков, опубликованных в шанхайской газете «Слово» за 1931 г. под названием «Коминтерн и Монголия». Мемуары не завершены, они хранятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стенфорд, США). Рукопись воспоминаний Д.П. Першина подготовлена к печати литератором из Санкт-Петербурга И.И. Ломакиной, ею же написан вступительный очерк, послесловие и комментарии. Ранее, частично они введены в научный оборот историком и писателем Л. Юзефовичем в книге, посвященной Р. Унгерну.

¹²⁵ Соркин Н.И. В начале пути (Записки инструктора монгольской армии). С. 83.

¹²⁶ Там же. С. 88.

Воспоминания Д.П. Першина написаны с противоположных позиций, чем мемуары И. Сороковикова. В. Юдина, Б. Шумяцкого. Автор писал свои воспоминания с негативным отношением к большевикам и монгольским революционерам. Лично и хорошо знакомый с известными монгольскими деятелями, дает им личные характеристики, которые почти не встретишь в мемуарной литературе. Так, Чойбалсан характеризуется, как «заурядный монгол ограниченных способностей и послушный исполнитель велений стоящих выше его, из породы «чего изволите?»¹²⁷. По время обучения в Иркутске, Чойбалсан «при хорошем поведении отличался своей ограниченностью, пассивностью и полным безразличием ко всему его окружающему: он ни на что не реагировал, ни в чем не проявлял своей инициативы, а делал спустя рукава все, что ему прикажут, хотя в общем был безобидным и добродушным юношей»¹²⁸. Д.П. Першин курировал в Иркутске обучение монгольских учащихся и был в курсе их дел.

Негативная характеристика дана известному ученому-монголоведу и просветителю Ц. Жамцарано. Д.П. Першин пишет: «Он хотя и был воспитанником Иркутской учительской семинарии и свою ученую карьеру сделал под эгидой русского просвещения и был даже лектором монгольского языка в Петербургском университете, но был убежденный русофоб и ко всему русскому относился отрицательно. Он был панмонголист и считал, что Азия только для азиатов. Он все больше молчал и редко высказывался, но среди монголов и бурят он являлся фигурой авторитетной, и к словам «профессора» они всегда внимательно прислушивались и большей частью делали так, как он говорил. Сам же он любил оставаться в тени и, скрываясь в тени, имел обыкновение суфлировать свои мысли и соображения другим...»¹²⁹ По мнению Д.П. Першина, Ц. Жамцарано попал на «удочку большевизма».

Д.П. Першин дал собственную трактовку исторический событий в Монголии в 1918–1921 гг.: оккупация Монголии китайцами, вторжение Азиатской дивизии Унгерна, создание монгольских революционных партизанских отрядов и взаимодействие и противостояние этих политических сил в Монголии.

Мемуарист отрицательно и эмоционально относится к большевикам и большевизму. В свое время в 1911 г. Д.П. Першин позитивно относился к движению монголов за национальную независимость. Появление и распространение идей большевизма в Монголии Д.П. Першин ошибочно связывает с деятельностью И.М. Майского. Российские и монгольские историки обстоятельно изучили вопрос о распространении марксистско-ленинских идей в Монголии и в этой связи место и роль И.М. Майского выглядят явно преувеличенными.

По мнению Д.П. Першина, МНР при большевиках «представляет из себя запуганную, разоренную страну, над которой царит произвол Г.П.У., убирающий с пути (к праотцам) всякого, кто обмолвится хотя бы словом против большевизма и большевиков»¹³⁰. Негативное восприятие большевизма Д.П. Першиным имеет, несомненно, личную окраску. Он был вынужден покинуть Монголию и благополучную и устроенную жизнь сменить на трудную судьбу эмигранта в Китае. В этом отношении мемуары Д.П. Першина чрезвычайно ценны, так как имеют субъективные оценки и характеристики, необходимые для объемного видения действительности. Это совпадает и с общим подходом

¹²⁷ Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булаг. Записки очевидца. Самара, 1999. С. 77.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 70–71.

¹³⁰ Там же. С. 38.

автора к мемуарам, его мотивацию: «Мемуары дают право высказываться нелицеприятно и непосредственно, «не ведая ни жалости, ни гнева» так, как наблюдение претворилось в душе наблюдателя»¹³¹.

Воспоминания Д.П. Першина были написаны по заказу политического деятеля и историка И.И. Серебренникова, хорошего знакомого по жизни в Иркутске. Об авторе воспоминаний помечено: «Одиноким старик, поддерживаемый многочисленными друзьями из Тяньцзина и Шанхая, не имея никаких средств к существованию. Рукопись написана по моему заказу»¹³². И.И. Ломакина справедливо задается вопросом, почему рукопись обрывается на полуслове, а также неизвестно, на каких условиях и в какой срок написана рукопись.

Из дневника известного путешественника П.К. Козлова мы узнаем о встрече в 1923 г. в Урге с Д.П. Першиным: «Позднее ко мне прибыл Д.П. Першин, с которым я много-много говорил о прошлом и настоящем. Очень-очень осведомленный человек Дмитрий Петрович, все он знает, в постоянном общении с монгольским народом, с их духовным и прочим укладом и со своей стороны при следующем свидании с ним обещал много показать и рассказать. Он ведет свои заметки с давних пор, много печатал в отдельности и хочет теперь дать вроде законченной книжки небольшого размера, с общей характеристикой страны, людей и многих лиц, с одной стороны, исследователей Центральной Азии, с другой — всех тех, кто бывал в Урге и виделся с ним»¹³³.

Видимо, опубликованные воспоминания Д.П. Першина представляют только часть мемуаров автора, написанных в 20–30-е гг. Возможно, что читатели еще смогут познакомиться с полным текстом талантливого литератора. Заслуживают специального изучения выявленные публикации Д.П. Першина в китайских газетах, посвященные Монголии.

В воспоминаниях Д.П. Першина кратко упоминается Ф. Оссендовский: «В то же время или немного ранее в Ургу прибыл Оссендовский и занял положение нечто вроде советника у барона. Какие советы он давал барону, было неизвестно, но видимо, он в бароне подогревал веру в оккультные и прочие потусторонние сферы. В конце концов Оссендовский выехал из Урги в Маньчжурию на автомобиле барона с какими-то важными заданиями и с деньгами. Но какие результаты получились от поездки Оссендовского, осталось неизвестным, кроме того, что Оссендовский благополучно добрался до Харбина»¹³⁴. Известно, что Унгерн дал Оссендовскому деньги для передачи своей жене в Пекине. Ф. Оссендовский из Владивостока добрался до Нью-Йорка, где написал и издал мемуары о пребывании в Урянхае и Монголии «Звери, люди и боги».

Текст Ф. Оссендовского больше похож на литературное сочинение, чем документальное изложение. Степень достоверности изложенных событий очень низкая и привлекать материалы Ф. Оссендовского необходимо с большой осторожностью.

Таким образом, по новейшей истории Монголии опубликовано значительное число мемуарных источников монгольских и российских авторов. Они являются ценными историческими источниками, а иногда и единственными по описанию исторических событий Монголии XX в. Назрела необходи-

¹³¹ Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булаг. Записки очевидца. С. 95.

¹³² Там же. С. 33.

¹³³ Козлов П.К. Дневник монголо-тибетской экспедиции. 1923–1926 гг. М., 2003. С. 47.

¹³⁴ Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булаг. Записки очевидца. С. 14.

мость критического анализа данного исторического источника и их взаимного сопоставления.

Создание новой концепции истории Монголии XX в. требует введения в научный оборот новых архивных материалов из монгольских, российских и зарубежных архивохранилищ, а также выявления оригинальных источников, в том числе мемуарных. Переосмысление уже известных источников, выявление оригинальных свидетельств по истории Монголии первой половины XX в. позволит подойти к созданию объективной картины зарубежной соседней страны. Разумеется, нам потребуется и новая методика работы с источниками и методологические принципы.

1.5. Военное монголоведение России: вторая половина XIX — начало XX века

Усиление в настоящее время восточного вектора внешней политики России диктует задачу глубокого изучения истории сотрудничества со странами Восточной Азии. Это требует основательного знания соседних восточных стран, их истории, экономики, экономической географии и политического положения.

Определение национальных интересов современной России в международной экономике и политике требует основательного знания соседних стран, истории формирования современных границ нашей страны. Расширение торгово-экономических отношений с Китаем и Монголией требует основательного знания исторического опыта взаимоотношений России со своими соседями, формирования экономических, дипломатических отношений в середине XIX — начале XX в., когда закладывались основы дипломатических и военных отношений.

Военное монголоведение России начала XX в. имело серьезную методологию и методику изучения соседних стран мира, их экономического и военного потенциала, определения перспектив развития русско-монгольских и русско-китайских отношений. Геополитическая ситуация в Северо-Восточной Азии, в треугольнике Россия — Монголия — Китай имеет в настоящее время некоторые черты сходства с ситуацией начала XX в. В регионе происходит серьезное усиление экономических позиций современного Китая и ослабление позиций России, поэтому обращение к историческому опыту разрешения противоречий трех стран региона имеет несомненное научное значение.

Позиция военных монголоведов России начала XX в. имела прямолинейный и категоричный характер. Определенным образом позиция военных специалистов учитывалась при определении основных действий Российского государства при решении так называемого «монгольского вопроса». Аргументация военных при определении национальных и геополитических интересов России в регионе сохраняют определенную значимость и в настоящее время.

При определении современной политики по отношению к Монголии необходимо учитывать исторический опыт взаимоотношения России начала XX в., а также учитывать национальные, региональные и социальные интересы отдельных общественных сил и социальных кругов, имеющих особые интересы. Уровень анализа геополитической ситуации того времени военными специалистами России заслуживает специального внимания. Результаты дан-

ного научного исследования могут быть использованы практическими органами внешней политики и региональных властей для решения конкретных задач экономического и научного сотрудничества с современной Монголией.

Военное монголоведение — составная часть отечественного монголоведения. Оно имеет также важное значение для изучения соседней Монголии. Существенных успехов достигло военное монголоведение России во второй половине XIX — начале XX в. В это время в Монголию было совершено около 20 военных экспедиций для изучения всех районов кочевой страны, результаты которых незаслуженно забыты.

В российской историографии подробно изучены экспедиции и научные результаты Н.М. Пржевальского, Певцова, Роборовского, П.К. Козлова. В исторической и географической науке имеются подробные биографии этих известных военных специалистов, исследован их вклад в изучение географии, геологии, животного и растительного мира, истории и этнографии. К сожалению, целый ряд других военных экспедиций не получили адекватной оценки в российской науке. Интенсивность военных экспедиций в Монголию, планомерность и систематичность исследования различных регионов соседней страны свидетельствуют о глубоком интересе к Монголии, как важному стратегическому региону мира и направлению возможного противостояния Цинской империи и Китая.

Отчеты военных экспедиций были изданы небольшим тиражом, некоторые из них с грифом «Секретно» или «Не подлежит оглашению» не были широко известны как российской научной общественности, так и мировой науке. Подготовленные для практических целей: изучение экономического и военного потенциала соседних стран, изучение транспортных путей и источников водоснабжения, а также для определения направлений внешней политики, они обладали ценной научной информацией о стране: истории, экономике, этнографии, религии, отношении населения к соседям. В настоящее время отчеты и исследования доступны для современных исследователей, но слабо привлекаются в монголоведении. Объемные исследования военных (200–300–400 с.) обладают ценной информацией и представляют несомненную ценность для современного монголоведения.

Военные монголоведы предлагают собственную трактовку международной ситуации в регионе, характеристику русско-монголо-китайских отношений. Данные оценки имеют оригинальный характер в общественно-политической мысли России, существенно отличаются от оценок российских дипломатов, торговых деятелей центральной России и Сибири, ученых-монголоведов, журналистов, представителей различных партий России. Подавляющее большинство военных монголоведов видели серьезную опасность в Китае, ее экспансии в Монголию и предлагали сохранить Монголию как буферную территорию.

Выделяются следующие исследования военных специалистов: полковника Генерального штаба А.А. Баторского «Монголия. Опыт военно-статистического очерка» (1890), полковника В.Ф. Новицкого «Путешествие по Монголии в 1906 г.» (1909), подполковника Барабаша «Записка о Монголии» (1884), капитана В.Л. Попова «Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.» (1905), «Второе путешествие в Монголию 1910 г.», А.Н. Куропаткина «Русско-китайский вопрос» (1913), поручика Ю. Кушелева «Монголия и монгольский вопрос» (1912), капитана С.Д. Харламова «Монголия»

(1914), капитана Тонких «Материалы по описанию Монголии» (1910), «Отчет о поездке в Северную Монголию» (1913), ротмистра А. Баранова «Северо-Восточные сеймы Монголии» (1907), «Барга и Халха» (1905), «Урянхайский вопрос» (1913), подполковника Сафонова «Материалы по описанию Монголии» (1913), подполковника Полтавцева «Материалы для Монголии. Отчет о поездке в Монголию в июле-октябре 1912 г.» (1913), сотника Дорофеева «Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию» (1912). Необходимо отметить научный вклад крупных военных монголоведов: полковника А.А. Баранова, составителя словарей и научных исследований Монголии, полковника В.Л. Попова, крупного исследователя «урянхайского вопроса», полковника А. Хитрово — пограничного комиссара в Кяхте.

Анализ научного вклада российских военных исследователей, введение в научный оборот результатов их экспедиций позволит расширить источниковую базу российского монголоведения, расширить наши представления о соседней кочевой стране и ее роли в региональной и мировой геополитике. Архивы России: Архив внешней политики Российской империи, Военно-исторический архив, Государственный архив Иркутской области, а также архивы Кяхты, Читы, Улан-Удэ и Улан-Батора обладают ценными материалами о военных экспедициях в Монголию и дополнительными сведениями о деятельности военных специалистов в соседней стране. Публикация документов военных специалистов-монголоведов позволит объемнее представить развитие российско-монгольских отношений в начале XX в. Оценки и характеристики военных специалистов по истории русско-монгольских отношений и перспективам их развития не утратили своего научного потенциала. В условиях растущего экономического потенциала Китая, расширения его экономических связей с соседними странами, они могут помочь переосмыслить новую роль современной России в важном регионе современного мира, в треугольнике Россия-Монголия-Китай.

Продолжительное время российское востоковедение и монголоведение не обращало специального внимания на исследования военных специалистов, посвященные восточным странам, в том числе и Монголии. В советской историографии основное внимание уделялось путешествиям по Монголии, Китаю и Тибету известных военных путешественников Н.М. Пржевальского, Певцова, Роборовского, Г.Н. Потанина, П.К. Козлова, но акцент в исследованиях был сделан на географических открытиях, ботанических коллекциях. Геополитические характеристики и оценки международных отношений в регионе находились в «тени» исследований. В советской историографии имелось искаженное представление об офицерском корпусе российской армии, информация о нем либо замалчивалась, либо излагалась в искаженном и сокращенном виде.

В 90-е гг. началась интенсивная научно-исследовательская работа по восстановлению военной истории России. Представляется, что переосмысление военной истории России — задача последующих исследований историков и военных специалистов. Особого изучения заслуживает научная, аналитическая деятельность российских офицеров, особенно представителей Генерального штаба. Военными востоковедами и монголоведами собран и обобщен географический, этнографический, топографический, экономический и исторический материал по странам зарубежной Азии, в том числе Монголии, который должен быть введен в научный оборот.

В последнее двадцатилетие в российской и мировой науке активно изучаются биографии и научное наследие российских востоковедов М.И. Венюкова, Л.Г. Корнилова, П.Н. Краснова, Г.М. Семенова, К. Маннергейма, Р. Унгерна и др. Постепенно выясняется их весомый вклад в изучение восточных стран во второй половине XIX — начале XX в. Оценки и характеристики российских военных специалистов внутреннего и международного положения восточных стран, перспективы развития отношений с Россией носят оригинальный характер и заслуживают специального исследования.

В настоящее время публикуются биографии, автобиографии, дневники, исследования известных и крупных военных деятелей России. Это позволило расширить наши представления о развитии военного востоковедения в России и показать вклад в мировую геополитику, показать приоритет российских военных в эту область.

В обобщающей работе российских востоковедов «История отечественного востоковедения» (1990) впервые выделено военное востоковедение как составная часть отечественного востоковедения. К сожалению, в работе основное внимание было уделено деятельности военных специалистов на Ближнем Востоке. В настоящее время деятельность военных востоковедов отражена в работах Н.А. Самойлова, А.А. Колесникова, М.К. Басханова, В.В. Глушкова, М. Алексеева, А.А. Шаравина, Г.В. Мелихова, А.В. Постникова, В.Г. Дацышена, Е.В. Бойковой и др. Особо можно выделить крупное исследование М.К. Басханова «Русские военные востоковеды. Биобиблиографический словарь» (2005). К сожалению, научной деятельности российских военных монголоведов не уделено специального и достаточного внимания. Экспедиции военных в Монголию, их научные результаты не стали предметом научного изучения.

В российской историографии появились многочисленные исследования по истории внешней и военной разведки и контрразведки России, имеющие различный уровень глубины изучения проблемы. Вопросы военных востоковедов и монголоведов нашли частичное отражение.

Современные исследователи истории российского монголоведения: И.Я. Златкин, М.И. Гольман, Ш.Б. Чимитдоржиев, Д.Б. Улымжиев, Н.П. Шастина, О.Н. Полянская, В.Д. Дугаров, Е.И. Лиштованный, Е.В. Бойкова, Ю.В. Кузьмин и др. совместными усилиями создали полную и развернутую картину становления и развития российского монголоведения на протяжении 300 лет. Однако, военное монголоведение не нашло отражения в данных работах современных исследователей. Опубликовано только отдельные статьи, посвященные деятельности полковника А. Хитрово (Е.А. Белов), полковнику В.Л. Попову (Ю.В. Кузьмин). Таким образом, научная и разведывательная деятельность военных монголоведов России до сих пор не стала предметом специального научного исследования в России и заслуживает обратить внимание на эту проблему.

Военно-исследовательская деятельность А.А. Баранова, В.Л. Попова, А. Хитрово, Ю. Кушелева, Тонких и других военных монголоведов заслуживает, по нашему мнению, специального исследования. В современной монгольской историографии и публицистике на слабой источниковой базе критически оценивается научная деятельность военных монголоведов, подчеркивается их разведывательная деятельность и подчеркивается колониальная направленность (Ж. Урангуа, Ц. Цэрэн, Б. Баабар и др.). Таким образом, российская и монгольская историография показывает, что проблема научного вклада

отечественных военных монголоведов требует внимательного и специального исследования и современная историческая мысль сможет решить данную проблему. Наличие исторических источников, их публикация позволит это осуществить достаточно полно, взвешенно и объективно.

Впервые в российской историографии предполагается специальное исследование результатов научной деятельности военных монголоведов России. В научный оборот будут введены оценки и характеристики российских военных специалистов по истории, экономике Монголии, ее экономической и политической географии, конфессиям и культуре соседней страны.

Особое внимание будет уделено оценкам и перспективам развития международных отношений в треугольнике: Россия, Монголия, Китай. Предполагается выявление различных оценок и характеристик военных специалистов, их сравнительный анализ и обобщение. Впервые в научный оборот будут введены научные результаты военных экспедиций малоизвестных военных специалистов-монголоведов полковников А.А. Баранова, В.Л. Попова, поручика Ю. Кушелева, подполковников Сафонова, Полтавцева, капитана Тонких.

Экспертные характеристики Монголии и российско-монгольских и российско-китайских отношений военных монголоведов будут представлены в сравнительной характеристике с оценками российских дипломатов, торговцев, ученых и общественных деятелей. Позиции российских военных будут представлены на широком поле общественно-политической мысли России во второй половине XIX — начале XX в.

Впервые в российской и мировой науке будет представлен «Биобиблиографический словарь военных монголоведов России», что позволит расширить наши представления о российском монголоведении и научных исследованиях российских военных, имевших приоритет по качеству исследования страны. Экспертные оценки российских военных начала XX в. не утратили своей актуальности в оценке национальных интересов России в Монголии и Северо-Восточной Азии и помогут сформулировать современные приоритеты развития отношений России и Монголии.

Серьезное изучение научного наследия российских военных монголоведов России позволит по-новому осветить развитие мировой геополитики и показать место российских военных аналитиков в данную сферу научной мысли. Российская военная мысль не только соответствовала мировому уровню, но и часто опережала его по своему качеству и глубине анализа и теоретического обобщения.

Предполагается формирование нового направления отечественного монголоведения — военное монголоведение. В научный оборот предполагается введение целого комплекса оригинальных исторических источников — отчетов и исследований военных специалистов России второй половины XIX — начала XX в. Новые источники позволят углубить наши представления о истории, экономике, геоэкономике, этнографии, конфессиях и культуре Монголии. Экспертные оценки военных специалистов отличает некоторая категоричность и прямолинейность суждений, что позволит расширить представление об общественно-политической мысли России и российской историографии истории Монголии.

Полная картина развития отечественного монголоведения и военного монголоведения позволит российской научной мысли опровергнуть некоторые представления западных и монгольских историков о негативной роли россий-

ских военных специалистов, как только военных разведчиков и их роли, как начального этапа колонизации кочевой страны. Научный вклад российских военных в отечественное монголоведение позволяет расширить представление о реальной исследовательской деятельности военных монголоведов.

Комплексное изучение взглядов и оценок военных специалистов России позволит углубить современные представления о национальных интересах России, экономической безопасности нашей страны. Геополитические оценки российских военных деятелей международной ситуации в регионе Северо-Восточной Азии позволяют внести существенный вклад в мировую геополитику и скорректировать преобладание в этой сфере только западных исследователей. Исследовательская деятельность военных аналитиков России позволяет говорить о самостоятельном и оригинальном развитии национальной военной теории и геополитики.

Научные результаты данного исследования могут быть использованы в подготовке обобщающих научных работ по истории Монголии и России, российского и монгольского монголоведения, российской историографии и военной истории двух стран. Выявленные отчеты и исследования военных аналитиков могут быть опубликованы в виде самостоятельного издания исторических источников.

Публикация «Биобиблиографического словаря военных монголоведов России» позволит иметь справочное издание о военных востоковедах и позволит молодым исследователям продолжить изучение как отдельных творческих биографий военных специалистов, так и отдельных экспедиций.

1.6. Российское военное монголоведение: исследования русско-монгольских отношений полковника А.М. Баранова

В последние годы усиливается интерес к истории российского монголоведения. В научный оборот вводятся новые имена исследователей монгольской истории и культуры, расширяется информация о творческих биографиях русских ученых-востоковедах.

Новым направлением в историографии является исследование научного вклада в российское монголоведение военных специалистов.

В мировой науке, в истории географических открытий в Центральной Азии хорошо известны имена и путешествия Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, П.К. Козлова, В.И. Роборовского, В.К. Арсеньева. В последние годы активно изучаются биографии и путешествия по странам Азии ранее замалчиваемых военных исследователей М.И. Венюкова, Л.Г. Корнилова, П.Н. Краснова, Г.М. Семенова, К. Маннергейма, Р.Ф. Унгерна. Постепенно выясняется их весомый научный вклад в изучение географии и геополитики восточных стран: Китая, Монголии, Японии во второй половине XIX — начале XX в. Оценки и характеристики российских военных специалистов внутреннего и внешнеполитического положения восточных стран, перспектив развития отношений с Россией носят оригинальный характер и до сих пор не утратили своего научного значения.

К сожалению, до сих пор малоизвестны мировой географической науке многочисленные исследовательские экспедиции российских военных в Монголию в начале XX в. Вышедшие под грифом «Не подлежит оглашению», «Се-

кретно», публикации военных востоковедов не были широко известны российской научной общественности, так и мировой науке.

Подготовленные для практических целей: изучение возможных будущих театров военных действий, военного потенциала противника, а также определения направлений внешней политики Российской империи, они обладали ценной информацией о странах, полученной в ходе специальных экспедиций. Изучался не только военный потенциал соседних стран, но и физическая и экономическая география, этнический и религиозный состав населения, традиции и обычаи народов, их отношение к России и Китаю.

Оригинальную трактовку международной обстановки в регионе, характеристику русско-монголо-китайских отношений предлагали полковник Генерального штаба А.А. Баторский «Очерк военно-статистического очерка Монголии» (1890), полковник В.Л. Попов «Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.» (1905), «Второе путешествие в Монголию 1910», поручика Ю. Кушелева «Монголия и «монгольский вопрос» (1912), капитана С.Д. Харламова «Монголия» (1914), капитана Тонких «Материалы по описанию Монголии» (1910), «Отчет о поездке в Северную Монголию» (1913), полковник А.А. Баранов «Северо-восточные сеймы Монголии» (1907), «Барга и Халха» (1905), «Урянхайский вопрос» (1913), военный министр России А.Н. Куропаткин «Русско-китайский вопрос» (1913) и др.

Опубликованы первые статьи о научной и аналитической деятельности русских военных монголоведах. Среди них можно назвать имена полковника А.Д. Хитрово, полковника В.Л. Попова, поручика Ю. Кушелева, полковника А.М. Баранова, штабс-капитана Ф.К. Боржимского (Ф.Д. Манушек).

Особо нужно выделить монографию М.К. Басханова «Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь» (2005).

Ведущим военным специалистом по Монголии, политической и экономической географии, монгольской культуре и монгольскому языку являлся военный разведчик, полковник Алексей Михайлович Баранов (1865 — после 1926).

А.М. Баранов являлся крупным военным специалистом по Маньчжурии и Монголии, с 1906 г. он служил в органах военной разведки Заамурского округа пограничной стражи, свободно владел восточными языками, был составителем «Словаря монгольских терминов» (1907, 1910), книг и статей о Маньчжурии, Монголии, Барге, Халхе, отдельных монгольских сеймах. Значительную ценность имеют военно-аналитические записки А.М. Баранова, посвященные «монгольскому», «урянхайскому вопросам», которые свидетельствуют о высоких аналитических способностях разведчика, его проницательности и прозорливости в оценке геополитической ситуации в Северо-Восточной Азии, русско-монголо-китайских отношений.

Алексей Михайлович Баранов по праву занимает место ведущего военного специалиста в русской армии начала XX в. по Маньчжурии и Монголии, который играл важную роль в формировании восточной политики России в данном регионе и оставившем богатое научное наследие, которое требует специального изучения и анализа.

А.М. Баранов родом из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Общее и военное образование получил в Первой военной гимназии и Первом Павловском военном училище. После окончания военного училища служил в 1884–1887 гг. в 8 артиллерийской бригаде. В 1877 г. уволен по болезни в запас и причислен к департаменту таможенных сборов, затем переведен

в пограничную стражу с производством в корнеты. Затем служит отрядным офицером Вержболовской бригады (1888), Ломжинской бригады (1889), в 1891–1894 гг. командовал различными отрядами бригады. В 1897 г. командирован в охранную стражу КВЖД, командир 31-й сотни (1900)¹³⁵.

В 1900–1901 гг. — участник похода в Китай и русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1906 г. находится в органах разведки ЗОПС, занимается изучением военно-политическими вопросами Маньчжурии и Монголии, совершил несколько военно-географических экспедиций по региону и их результатам подготовил отдельные исследовательские труды.

После окончания русско-японской войны в России и русской армии усилился интерес к проблемам политического, экономического и военного положения в Северо-Восточной Азии, к Маньчжурии и Монголии, которые стали ареной международной конкуренции в регионе Японии, России и стран Запада, США.

А.М. Баранов совершил несколько военно-географических экспедиций в Монголию: в апреле — июне 1905 г. в Халху и аймак Цэцэн-хана, в сентябре — декабре 1905 г. в Халху, Шилингольский, Чжоудаский и Джеримский сеймы. В сентябре — октябре 1906 г. А.М. Баранов командирован в княжество Чжасакту-вана и область Таонаньфу, в ставку Цагаан-хутухты¹³⁶. Был собран уникальный материал по истории, экономике, этнологии, современному политическому положению отдельных регионов Монголии и Маньчжурии, завязаны личные отношения с отдельными представителями правящего сословия и влиятельными религиозными деятелями. В дальнейшем это станет источником оперативной информации по сложным этнополитическим проблемам развития региона.

На основе собранного во время разведывательных экспедиций материала А.М. Баранов опубликовал в Харбине, в издательстве Заамурского округа пограничной стражи несколько научных публикаций, которые не утратили своего научного значения в настоящее время. И представляют несомненный интерес не только для современной историографии, но и для истории экономики и международных отношений. Основные публикации А.М. Баранова: «Барга, Халха и Джеримский сейм» (1905), «Монголия. Краткие сведения о политическом состоянии Монголии» (1906), «Наши торговые задачи в Монголии» (1907), «Харачины в хошуне Чжасакту-вана» (1907), «Словарь монгольских терминов» в двух томах (1907, 1910), «Северо-Восточные сеймы Монголии» (1907), «Задолженность монгольских княжеств» (1908), «Барга (Географически-экономический очерк)» (1912), «Урянхайский вопрос» (1913), «Халха. Аймак Цэцэн-хана» (1919), «Барга. Историко-географический очерк» (Б.г.), «Изучение памятников древности в Маньчжурии» (1923), «Торговля в Барге» (1924), «Состояние транспорта в Монголии» (1926) и др.

К сожалению, данные публикации известного военного специалиста редко используются современными учеными и до сих пор не стали предметом историографического исследования. Особо заслуживает исследования вклад А.М. Баранова в изучение особого монгольского региона Барги, который часто становился предметом изучения военного специалиста.

¹³⁵ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. С. 26.

¹³⁶ Там же.

Известно, что А.М. Баранов свободно владел монгольским языком, считался ведущим военным специалистом-монголоведом, являлся составителем «Словаря монгольских терминов» в двух томах. Где и как изучал монгольский язык А.М. Баранов пока достоверно не известно. Последние годы жизни в Харбине также нуждаются в дополнительном изучении и уточнении.

В Харбине совместно с полковником Н.Г. Володченко учредил отделение Императорского общества востоковедов, редактировал «Известия Харбинского отделения Императорского общества востоковедов». После Октябрьской революции остался в Маньчжурии, сотрудничал с русскими эмигрантскими востоковедными обществами, возглавлял историко-этнографическую секцию общества.

Круг научных интересов военного монголоведа был довольно широк: монгольский язык и литература, история, экономическая география Монголии и Маньчжурии, русско-монголо-китайские отношения начала XX в., военный потенциал соседних стран.

13 сентября 1906 г. начальник Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи Н. Чичагов представил министру финансов России с грифом «совершенно секретно» памятную Записку ротмистра Баранова «Монгольский вопрос: причины и развитие его»¹³⁷.

Автором записки была предложена собственная трактовка появления «монгольского вопроса», его причины и развитие. В печати и трудах некоторых исследователей Монголии считалось, что монгольский вопрос возник под влиянием лам и Далай-ламы. По мнению же А.М. Баранова, «монгольский вопрос вырос на почве политико-экономических интересов Монголии, затронутых Китаем, имеет за собою социально-аграрные мотивы, которые и сделали вопрос делом чисто народным, национальным для каждого монгола»¹³⁸. Китайская колонизация Монголии: переселение китайских земледельцев, торговцев, чиновников усилила формирование национального движения монголов.

После строительства КВЖД колонизация стала проводиться особенно решительно и по особому выработанному плану: «колонизация сводится к полному отчуждению областей, занятых колониями, из-под власти князя, с превращением их в новые китайские провинции. Другими словами, происходит захват монгольских земель и увеличение территории Китая за счет Монголии, и тем нарушается то политическое равновесие, которое до сего времени существовало между азиатскими государствами»¹³⁹.

Распоряжение правительства о сборе лошадей с Халхи для китайского войска за принудительно низкую цену явилось, по мнению А.М. Баранова, вторым крупным нарушением автономных прав Монголии. Новое обложение монголов вызвало серьезное общественное недовольство в Монголии. Также этому способствует размещение китайских войск в Монголии, создание школ с обучением китайскому языку как государственному, экспроприация китайцами монгольских земель и минеральных ресурсов страны. Кроме того, закрытие монастырей, неуважительное отношение к иерархам ламаистской церкви, ограничительные распоряжения в сфере церковных дел создавали народное брожение и способствовали формированию «монгольского вопроса».

¹³⁷ Урангуа Ж. Монголын тусгаар тогтнолд хаант оросын узуулсэн хучин зуйлс (1911–1917 он). Улан-Батор, 2010. С. 102–109.

¹³⁸ Там же. С. 103.

¹³⁹ Там же. С. 105.

Такая политика предполагает захват монгольской территории и образование новых китайских провинций, что создает угрозу для России и требует ее вмешательства. По данным А.М. Баранова, монгольские князья выработали свою программу защиты, но нуждаются во внешней поддержке со стороны России.

В Записке предлагаются основные мероприятия программы действий монгольских князей: получение заверения русского Правительства в том, что им будет оказана поддержка в борьбе с Китаем, необходимость получения русского оружия и военных инструкторов, учреждение при ставках монгольских феодалов русских дипломатических чиновников. Также рассчитывают на создание современной денежной системы, развитие торговых отношений с Россией, формирование концессий по разработке золотых россыпей и других минеральных ресурсов¹⁴⁰. Предполагается открытие по хошунам русско-монгольских школ и издание монгольской газеты для духовного объединения Монголии. А.М. Баранов считает необходимым направить в Монголию специальную экспедицию для установления прочных личных связей с монгольскими князьями и получения полной и достоверной информации о соседней стране. «В Монголии доверие к нам есть, симпатии к нам существуют, следует только встать к ним ближе, узнать их короче и практически использовать»¹⁴¹.

В январе 1907 г. ротмистр А.М. Баранов представил на имя министра финансов В.Н. Коковцева специальную записку с грифом «секретно», посвященную «монгольскому вопросу». В ней А.М. Баранов предлагал конкретные меры дипломатического, экономического и культурного характера, необходимые для усиления русского влияния в Монголии. Была представлена глубокая характеристика монголо-китайских и русско-монгольских отношений в начале XX в., их изменения в связи с китайской колонизацией Монголии. Для усиления русских позиций в Монголии А.М. Баранов предлагал издание газеты на монгольском языке и создание русско-монгольской школы.

В сборнике «Из эпистолярного наследия В.Л. Котвича» (2011) опубликованы четыре письма А.М. Баранова к известному профессору-монголоведу Владиславу Людвиговичу Котвичу. В письмах представлена информация о подготовке к изданию газеты на монгольском языке. Издание газеты предполагается под эгидой общества Востоковедения в Харбине, как частное предприятие, для большой свободы действий: «Этого взгляда преимущественно придерживался я, и, насколько мне известно, склонился к нему и генерал Хорват. Мне кажется, что подобная комбинация удобна тем, что облегчает работу редактора, предоставляя ему большую свободу в его действиях»¹⁴². А.М. Баранов предполагал приступить к изданию элементарных учебников на монгольском языке, привлекая к этому русских учителей и дипломатов, работающих в Харбине.

Из письма А.М. Баранова от 20 декабря 1908 г. мы узнаем, что один из князей прислал к нему монгольских мальчиков для обучения. От них были записаны монгольские пословицы и загадки, которые он высылает профессору в Петербург: «Я со своим переводчиком принялся их переводить, но дело идет туго. Если разрешите, я пришлю их Вам, может быть, они пригодятся как материал, хотя бы для сличения их с бурятскими»¹⁴³.

¹⁴⁰ Урангуа Ж. Монголын тусгаар тогтнолд хаант оросын узуулсэн хучин зүйлс (1911–1917 он). С. 107.

¹⁴¹ Там же. С. 108.

¹⁴² Из эпистолярного наследия В.Л. Котвича. Улан-Батор, 2011. С. 73.

¹⁴³ Там же. С. 74.

Изучение роли российских военных специалистов в решении русско-монгольских отношений, в разрешении «монгольского вопроса» требует дальнейших архивных поисков, изучение творческих биографий крупных российских востоковедов, что позволит определить объективное и всестороннее исследование истории российско-монгольских отношений начала XX в.

1.7. Генеральный консул России в Монголии Я.П. Шишмарев о Монголии и монголах

Длительное время история русско-монгольских отношений была «обезличена». В исторических исследованиях, посвященных данной проблеме, до недавнего времени почти не были представлены деятели российской дипломатии, вообще очень редко упоминались их имена. Создавалось ложное впечатление о том, что не существовало значительных и ярких личностей в истории российско-монгольских отношений. А это совершенно не так. Я.П. Шишмарев, В.Ф. Люба, И.Я. Коростовец, А. Миллер — вот только некоторые имена российских дипломатов, служивших в Монголии. Первым в этом списке по праву находится Яков Парфеньевич Шишмарев (1833–1915), служивший в Ургинском консульстве секретарем, консулом и генеральным консулом. Уникальным в дипломатической практике представляется срок, который отработал Я.П. Шишмарев в Монголии — 50 лет (1861–1911).

Имя Я.П. Шишмарева нельзя считать неизвестным или забытым в российской историографии. О его помощи и поддержке с благодарностью вспоминали участники многих центральноазиатских экспедиций. Его значительную роль в развитии русско-монгольских связей отмечали Е.М. Даревская (1958, 1994)¹⁴⁴, Ш.Б. Чимитдоржиев (1987), Е.А. Хамаганова (1992), Ю.В. Кузьмин (1997, 2006), Н.Е. Единархова (2001, 2008), А.И. Андреев (2003), А.А. Сизова (2010). В них определены основные вехи его биографии, представлен обзор его исследовательских работ. Важной вехой в российской историографии явилась публикация Н.Е. Единарховой «Русский консул в Монголии. Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства» (2001). А начало было положено статьей знатока истории русско-монгольских отношений Е.М. Даревской в статье, посвященной созданию и деятельности Ургинской школы переводчиков (1864–1920), подготовившей более 100 переводчиков. В публикации основательно освещена роль Я.П. Шишмарева в функционировании школы и подготовке квалифицированных переводчиков.

Я.П. Шишмарев родился в 1833 г. в пограничном городе Троицкосавске. Его дед был монголом, который перекочевал в Забайкалье и женился на русской казачке. Его отец, Парфений Шишмарев имел большой опыт работы на русско-китайской границе, был знатоком монгольского языка, имел давние и прочные связи и авторитет в Монголии. Длительное время служил в Кяхте переводчиком при кяхтинском пограничном комиссаре, неоднократно сопровождал миссии и курьеров в Ургу. Несомненно, что это сыграло немаловажную роль в судьбе его сына, с которым он щедро делился своими познаниями и опытом.

Яков Шишмарев учился в Троицкосавской русско-монгольской войсковой школе, затем совершенствовал свои познания в китайском и маньчжур-

¹⁴⁴ Даревская Е.М. Ургинская школа переводчиков толмачей (из истории русско-монгольских связей) // Свет над Байкалом. 1958. № 1. С. 140–150.

ском языке у китаиста К.Г. Крымского в русско-китайской школе в Кяхте. Теоретические познания восточных языков закреплялись практикой, благо в пограничном городе для этого были благоприятные условия.

В 16 лет Я. Шишмарев поступил на службу. Из «Формулярного списка о службе Секретаря и драгомана Российско-Императорского консульства в Урге коллежского секретаря Шишмарева за 1863 год»¹⁴⁵ мы узнаем следующее: 26 мая 1849 г. он принят канцелярским служителем Троицкосавского пограничного правления, 10 января 1852 г. определен протоколистом войскового правления. В апреле 1855 г., по предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири, командирован в 3-ю экспедицию на Амур. За заслуги в экспедиции награжден чином коллежского регистратора, 150 рублями серебром и назначен переводчиком маньчжурского языка. В марте 1858 г. он вновь командирован в Амурский край, где участвовал в переговорах и заключении Айгуньского договора 16 мая 1858 г. между Россией и Китаем. За усердие российский император наградил Я.П. Шишмарева орденом Св. Анны 3 степени и пожизненной пенсией — 500 рублей серебром в год. 13 января 1859 г. вновь командирован в экспедицию для разграничения с Китаем от реки Уссури до морских берегов и получил орден Св. Владимира. Таким образом, к 30-ти годам жизни он имел значительный опыт ведения сложных и затяжных переговоров с Китаем.

Значительную роль в служебной карьере Я.П. Шишмарева сыграл генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев, который обратил внимание и привлек к службе молодого и талантливого чиновника, владевшего монгольским, китайским и маньчжурскими языками. Я.П. Шишмарев неоднократно участвовал в известных сплавах по Амуру и дипломатических переговорах. Участие в 1858 г. в переговорах в Айгуни и подписании русско-китайского договора дали Я.П. Шишмареву бесценный опыт ведения дипломатического диалога с китайцами. В 1859 г. Я.П. Шишмарев участвует в работе пограничной комиссии во главе с подполковником К.Будогосским, в 1860 г. находился в Пекине и оказал помощь графу Н.П.Игнатьеву в подписании русско-китайского договора.

Согласно Пекинскому договору 1860 г. русскому правительству разрешалось иметь в Урге консула. Из Кяхты в Ургу в мае 1861 г. во главе небольшой группы прибыл Парфений Шишмарев — его отец. Яков Шишмарев был назначен секретарем российского консульства. 23 июня 1861 г. он переведен в ведомство МИД с назначением секретарем и драгоманом в Урге. Назначенный русским консулом подполковник Бабарыкин, пробыл в Урге недолго и 5 сентября 1861 г. он отбыл в Пекин. Заменивший его Я.П. Шишмарев был официально назначен консулом, действовавшим под руководством русского посла в Пекине и генерал-губернатора Восточной Сибири.

В течение 50 лет Я.П. Шишмарев защищал российские национальные интересы в Монголии. Он был блестящим знатоком страны, пользовался искренним уважением во всех слоях монгольского общества. Весьма разнообразной была и деятельность первого генерального консула в Монголии, она не ограничивалась только дипломатической службой. Она также включала собственные научные экспедиции и публикации, содействие русским путешественникам. В 1864 г. Я.П. Шишмарев возглавлял экспедицию для изучения пер-

¹⁴⁵ Формулярный список о службе секретаря и драгомана Российского Императорского Консульства в Урге коллежского секретаря Шишмарева за 1863 год // Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749/1. Д. 873. Л. 1–9.

спектив русской торговли в Восточной Монголии, транспортных путей в этом регионе. По данным историка Ш.Б. Чимитдоржиева, Я.П. Шишмарев вместе с монгольским князем Артацедом написал книгу «Сведения о халхаских владениях (с подробной картой Монголии)»¹⁴⁶. В 1890 г. Я.П. Шишмарев передал в Петербургскую Кунсткамеру (ныне Музей антропологии и этнографии) предметы культа, приобретенные в Урге. Он передал музею коллекцию статуэток «Цам», книги, монгольские вышивки. Исполняя последнюю волю покойного Шишмарева, П.К. Козлов преподнес в дар музею ладанку тонкой китайской работы, подарок Я.П. Шишмареву от ургинского Богдо-гэгэна.

Я.П. Шишмарев был инициатором и организатором созданной в 1864 г. Ургинской школы переводчиков. Он являлся не только руководителем этого учебного заведения, но и преподавал в ней. Кульджанская школа переводчиков и толмачей также была создана при содействии Я.П. Шишмарева. В 1880 г. он приехал в Илимский край и обратился к Туркестанскому генерал-губернатору с вопросом легализации школы переводчиков в Кульдже. В 1884 г. проект организации школы был утвержден Государственным советом России.

Но это вовсе не значит, что его жизнь была безоблачной, а деятельность только успешной. Так, о тяжелом материальном положении российского консула в Урге в 1870 г. свидетельствует его письмо в Иркутск, председателю дипломатической канцелярии Восточной Сибири, в котором он пишет, что «получаемого мною содержания далеко недостаточно на приличную жизнь здесь с семейством, но даже с большими лишениями». Консул описывает дороговизну в Урге, сделанные в этой связи вынужденные долги («в первый раз имею в моей жизни долг»). У Я.П. Шишмарева была большая семья, пять сыновей и три дочери. Он с огорчением писал: «Падаю духом, как подумаю, что приходит время учить детей, а десятилетняя служба в Урге не позволила сохранить ни одного гроша»¹⁴⁷. В архивном деле ГАИО находится переписка 1870–1882 гг. о выдаче Я.П. Шишмареву ежегодного пенсионера в 490 р. в год.

Я.П. Шишмарев плодотворно занимался научно-исследовательской деятельностью. Специального анализа заслуживают публикации Я.П. Шишмарева: «Народный праздник в Монголии. Надам — долоон-хошуной или праздник семи родов» (1863), «Сведения о халхаских владениях» (1864), «Поездка от города Урги на реку Онон Я. Шишмарева» (1865), «Донесение русского консула в Урге о положении Монголии. Июль 1885 г.» (1886). Работы насыщены интересными фактами, тонкими наблюдениями и самобытными выводами.

В статье «Народный праздник в Монголии», опубликованной в популярном журнале «Северная пчела», Я.П. Шишмарев подробно описал для русского читателя основной летний праздник Надам, который произошел в июле 1862 г. Описание праздника дано очень подробно, буквально по дням и часам. Праздник начался с того, что ханы и князья подносят Богдо-гэгэну жертву, состоящую из зернового хлеба, серебра, шелковых материй. Автор описывает эту церемонию и приводит текст речей, произнесенных на ней.

В тот же день, несколько часов спустя, были открыты соревнования по борьбе, для участия в которой съехались лучшие борцы Халхи. «Между борцами очень много было лам, но он в продолжение борьбы в продолжение борьбы считается светским человеком. Борьба продолжалась 8 дней, в ней участвова-

¹⁴⁶ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. С. 202.

¹⁴⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11-2. Д. 20-9. Д. 31-9.

ло 1032 борца. Подробно описаны ритуалы борцов, правила борьбы, описание наград. «Поборовший одного получает только хлебное печенье, поборовший двоих получает барана, троих — несколько голов верблюдов, лошадей и т.д. Два первые получают несколько голов верблюдов, лошадей, коров, баранов, кусок шелковой ткани, несколько кусков китайки и проч.».

В течение этих восьми дней, рано по утрам, проводилась стрельба из лука, сначала конная в кожаные шары, а затем пешая в сур и ныхлей (в натянутую на рамы кожу). Я. Шишмарев отмечает, что «за каждую попавшую в шар стрелу получает по одному лану серебра. Однако, главным соревнованием, конечно, являлась конная скачка, назначенная в 25 верстах на запад от Урги, в местечке Бухук. Заблаговременно здесь собрались зрители, на протяжении 6 верст расположилось около 3 тыс. юрт и приблизительно 20 тыс. человек: «Все одеты были по-праздничному, движение между Ургой и Бухук не прерывались ни днем, ни ночью.

Рано утром 27 июля ламская музыка известила о выезде Гегена из дворца к празднику. «Геген ехал на белой лошади, впереди шла ламская музыка и ехало несколько лам, из которых один вез перед ним желтый круглый балдахин, сзади ехало человек 50 лам, составляющих свиту».

Расстояние бега составляло 25 верст, участвовало в бегах 480 лошадей, из них 26 пало на дороге. Седоками были мальчики от 10 до 14 лет. Обе передние лошади принадлежали гунну Дайчик Цэцэнханского аймака, хошун которого славится хорошими лошадьми, и почти всегда получает первые призы. Победителей представляли Гэгэну, «чем находчивее монгол, тем более изощряется в наборе слов — за смыслом он не гонится».

На второй день около 500 лошадей (четырёх лет) соревновались на дистанции 16 верст. На третий день скакало 500 лошадей трех лет на дистанцию 8 верст, на ней пало 19 лошадей. Награды получали владельцы лошадей, часть награды также уделялась седокам. Я.П. Шишмарев отмечает, что на этот раз Надом был гораздо малочисленнее прежних, это было связано с повсеместной засухой в Монголии. В обычные благополучные годы в скачках участвует 3 тыс. лошадей, а в борьбе — 2 тыс. борцов.

В объемной публикации «Сведения о Халхаских владениях» Я.П. Шишмарев дал краткую, но всестороннюю характеристику Халхи середины XIX в. Это было своеобразное справочное издание о различных сторонах жизни монгольского общества: границе, климате, административном делении, системе управления, населении, хозяйстве, образе жизни¹⁴⁸.

Автором отмечается факты массового дробления монгольских хошунов, когда после вступления Халхи в подданство Китая, родоначальники больших хошунов начали делить их между своими сыновьями, что привело к образованию 49 убур-хошунов и 84 халхаских, бедных большей частью населением.

Вся забота монгольского князя, по мнению Я.Шишмарева, заключается только в том, чтобы вполне удовлетворить своему честолюбию, а главное сребролюбию... то и другое чувство развито в монголе едва ли менее, чем в китайце». Я.П. Шишмарев считает, что Халха управляется больше своими законами и обычаями, исключая дел, уголовных и судных — по особому уложению, составленному для монголов в Пекине.

¹⁴⁸ Шишмарев. Сведения о халхаских владениях // Записки Сиб. Отд. Импер. Рус. Географ. Общ. 1864. Кн. VII. С. 55–90.

Представлена характеристика административной структуры: амбань, хошунный князь, дарга (старшина), сейм. Даны некоторые персональные оценки монгольских правителей: «Больше других пользуется влиянием на народ в Халхе Цэцэн-хан, очень богатый, дельный и добрый старик, служащий уже несколько лет амбанем. Нынешний старшина сейма Цэцэн-хан ай-мака Джюнь-ван злой старик, владеющий хорошо пером и известный взяточник и ябедник, но с сильной поддержкой в Пекине, конечно, через деньги»¹⁴⁹.

По мнению Я.П. Шишмарева, данные по народонаселению нельзя называть точными, по словам монголов, насчитывается до 170 тыс. кибиток, что составляет 500 тыс. чел. Основной тенденцией он считает уменьшение численности населения страны. «Одна из главнейших причин уменьшения народонаселения есть то, что почти половина халхасцев — ламы, ведущие безбрачную жизнь, что послужило поводом к упадку нравственности тамошних женщин». Отдельно выделяется автором Шабинское ведомство, по переписи 1862 г. насчитывается 70 372 души, исключая дархатов. Своей земли они не имеют, а пользуются правом кочевать по всем хошунам. Я.П. Шишмарев дает следующее описание Хутухты: «Настоящий хутухта мальчик 14 лет, довольно красивой наружности, высокого роста и очень живой, он привезен сюда вместе с отцом и матерью».

В Урге живет от 7 до 10 тыс. лам, поселение разделяется на 27 аймаков (кварталов), здесь находится две полиции: светская и духовная. Я.П. Шишмарев пишет, что «монголы большею частью грамотны. Обучением детей занимаются ламы». Это суждение отличалось от общепринятых в российском общественном мнении о степени грамотности монголов. Им предпринята удачная попытка дать характеристику национального характера монголов: «Монголы народ кроткий, трусливый, но хитрый. Где нет маньчжурских чиновников, там монголы бойки и говорливы, в присутствии же их они вялы и молчаливы. Страсть к обману и воровству развита между ними в высшей степени». Желая как-то смягчить негативные черты кочевника, он отмечает, что существует и хороший обычай — гостеприимство монголов.

В июне 1864 г. Я. Шишмарев вместе с чиновником Фроловым и хорунжим Доржитаровым совершил экспедицию из Урги до Онона (до Верхнеульхунского караула) общей протяженностью в 368 верст. Задачей экспедиции было исследование этого пути, необходимого для развития русской торговли. Он мог связать Ургу с Ононским и Приамурским краем, а через них с Амуром. Было неизвестно насколько удобен для торговых караванов этот путь, насколько он обеспечен подножным кормом и водой. Предстояло собрать сведения, нужные консульству, ознакомиться с краем, снять топографию реки Онон. Подробный отчет об экспедиции — «Поездка от города Урги на реку Онон» Я.Шишмарева был опубликован в 1865 г. в «Записках Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества», изданных в Иркутске.

Публикация содержит детальное описание пути, подробный путевой дневник экспедиции. Сообщив о своем намерении совершить поездку монгольским властям, получил от них предложение сделать ее уртонными станциями. «Ургинским правителям сказал, что должен буду поехать по делам службы из Урги на наши пограничные караулы и, чтобы не делать круга и не обременять монгольские станции, думаю ехать из Урги на границу на своих лошадях и верблюдах».

¹⁴⁹ Шишмарев. Сведения о халхаских владениях. С. 89.

Перед поездкой, Я.П. Шишмарев собирал сведения о пути и районе будущего путешествия, но информация была различной и противоречивой, не было ни одного человека, который побывал бы на Ононе. В июне все было подготовлено, и на следующий день небольшая экспедиция с двумя монгольскими проводниками отправилась в путь, который описывается по дням и даже часам. Автор отмечает поразительное любопытство монгольских кочевников: «Любопытные монголы выезжали к нам из каждой юрты и проезжали с нами по несколько верст, рассматривая обоз, тележку и проч. И пускаясь в расспросы у наших вожатых».

Были встречены солоны, едущие на поклонение, пересечен 12 Дзун-Курень, в котором находилось несколько кумирен, до 400 домов и около тысячи лам. Его поразила боязнь воды монгольскими проводниками при переправе через реки. Вот описание переправы реки Керулен: «Едва въезжали они в воду по колено лошади, как поднимали голову вверх, зажмуривали глаз и читали вслух молитвы, находясь в этом положении до тех пор, пока не чувствовали, что лошади их давно уже шли по сухой траве».

Интересно такое этнографическое наблюдение Я.П. Шишмарева, как постройка монголами деревянных юрт, срубленных из тонкого круглого леса в четыре угла и покрытых на два ската. По его предположению это было позаимствовано от русских или бурят, их хозяева, видимо, побывали там. 18 июня встретили земляной вал (Хырмынь-дзам), весь следующий день ехали около него. Местных преданий об этом вале нет, есть только одно, которое он считает нелепым: «Говорят, что вал сделан Чингис-ханом. По древним монгольским обычаям, монгольские ханы и князья не должны были видеть своих невест. Поэтому, когда Чингис женил своего старшего сына, то велел сделать вал по северную сторону которого и жила его невеста».

21-го числа добрались до русского караула, и Я. Шишмарев делает вывод о пройденном пути и возможном использовании его для русских торговцев: «путь весьма удобен для тележной езды, гористой местности очень немного и то первая треть пути... Весь путь изобилует подножным кормом, вода есть везде. Больших рек, делающих затруднение к езде, нет».

В том же году Я.П. Шишмарев принял участие в Сунгарской экспедиции совместно с кн. П.А. Кропоткиным и А.Ф. Усольцевым с целью сбора сведений о реке Сунгари от устья до города Гирина. По мнению А.И. Андреева, эта экспедиция имела важное политическое значение, так как этим Россия продемонстрировала китайским властям свое право плаванья по реке Сунгари.

По данным современного исследователя из Петербурга А.И. Андреева, в 1868 г. состоялась поездка Я.П. Шишмарева в Улясутай, отчет об этой поездке пока не удалось обнаружить. Шишмарев был первым европейцем, побывавшем в этом городе Западной Монголии и сообщившем о высочайшей горной вершине Хангая — Отхон-тэнгри. Из Улясутая консул отправил своего помощника в Минусинск и проложил новый маршрут по данной части Монголии.

В Урге Я.П. Шишмарев решал целый ряд практических вопросов: строительство российского консульства, православной церкви, урегулирование сложных проблем русско-монгольской торговли, разрешение противоречий в русско-китайских отношениях.

Проблемы русско-монгольской торговли занимали основное внимание Генерального консульства и Я.П. Шишмарева. Приходилось решать спорные вопросы русских купцов, защищать их интересы в стране. Он проявлял иници-

циативу и искал новые торговые пути между Россией и Монголией, предлагал купцам осваивать новые товарные ниши в международном товарообороте. Много проблем возникало в торговле чаем, который перевозили монголы, часть груза терялась в долгом пути и возникали конфликты, разрешавшиеся консульством. Ежегодно Я.П. Шишмаревым составлялись отчеты о русско-монгольской торговле, которые получал генерал-губернатор Восточной Сибири и МИД России. Сейчас это ценный источник по истории Монголии и русско-монгольских отношений.

После 25 лет службы в Ургинском консульстве Я.П. Шишмарев обращался с письмами к Н.М. Пржевальскому и Н.Н. Обручеву — начальнику Генерального Штаба и председателю Военно-ученого комитета с предложением службы в Военном ведомстве. Он писал: «Пробыв по службе в этих краях более 25 лет, я нахожу неудобным для себя оставаться здесь далее, в особенности по семейным обстоятельствам и необходимости воспитывать детей. Ознакомившись достаточно, в продолжение такой долголетней служебной деятельности, с Китаем, Монголией, Маньчжурией, Средней Азией, отчасти с Кореей, с положением дел, быть может, я был бы до некоторой степени полезным Военному Министерству, в ведомстве которого служить было всегда моим желанием»¹⁵⁰.

В Монголии Я.П. Шишмарев прослужил до 1911 г. В последние годы службы в Урге он жил без семьи, которая переехала в Петербург, в связи с необходимостью дать образование детям. С 1911 по 1915 г. Я.П. Шишмарев консультировал МИД России по сложным проблемам русско-монгольских отношений.

Генеральный консул России в Монголии Я.П. Шишмарев за 50 лет службы в Урге проявил себя как опытный дипломат, умелый организатор и патриот России, а также профессиональный исследователь русско-монгольских отношений и современной Монголии. Известно, что за добросовестную службу Я.П. Шишмарев был награжден тремя российскими орденами, двумя медалями и стал кавалером семи иностранных орденов, в том числе китайского ордена¹⁵¹.

Профессор кафедры монгольской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского университета Л.К. Герасимович в частной беседе сообщала о наличии у родственников Я.П. Шишмарева значительного рукописного наследия. К сожалению, в 30-е гг. они его уничтожили, боясь необоснованных обвинений.

Научное наследие Я.П. Шишмарева несомненно заслуживает дальнейшего специального исследования¹⁵².

¹⁵⁰ Андреев А.И. Я.П. Шишмарев — дипломат, путешественник, исследователь Монголии // *Mongolica*. 2003. Вып. 6. С. 121–122.

¹⁵¹ Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск, 2008. С. 111.

¹⁵² Кузьмин Ю.В. Шишмарев — Генеральный консул России в Монголии: 1861–1911 гг. // *Bulletin the IAMS Information on Mongolies*. Ulaanbaator, 1997–1998. № 2. С. 75–86; Кузьмин Ю.В. Монголоведные исследования Я.П. Шишмарева // *Основные направления функционирования внешнеэкономического комплекса России в условиях глобализации и регионализации мирового хозяйства*. Иркутск, 2006. С. 69–75.

2. МОНГОЛИЯ, РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И «МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Монголия занимает особое место в отношениях России со странами Востока. Дружественные отношения между Россией и Монголией, установленные в семнадцатом веке, развивались по нарастающей, без войн и конфликтов.

В начале XX в. интерес России к Монголии все более приобретает практическую направленность, связанную с выработкой внешнеполитической линии по отношению к Монголии. В общественной мысли России сформировался так называемый «монгольский вопрос».

В начале XX в. внешняя политика России имела два главных направления: европейское и азиатское. Вести одновременно активную внешнюю политику в обоих направлениях правительство страны реально не могла, поэтому должно было избрать метод последовательного решения своих задач и разрешения проблем сначала в одном, а затем в другом регионе мира.

После поражения в русско-японской войне главное внимание было перенесено с Дальнего Востока в Европу. Внешнеполитическая концепция, основанная на политике соглашений и балансирования, имела в России европоцентристский характер. Отказ от активной политики был обусловлен также необходимостью внутреннего и внешнего покоя, необходимого для проведения экономических и политических реформ.

Россия планировала уклониться от активного участия в конфликте Германии и Англии, что, к сожалению, ей не удалось. Соглашение 1910 г. с Японией позволило России сосредоточить свои основные усилия в традиционном для нее направлении — в Европе и на Ближнем Востоке. В целом, значение центрально-азиатского направления внешней политики уменьшилось, однако некоторые вопросы требовали пристального внимания. В Азии было необходимо не допустить гегемонии Англии, координирующей свои действия с Японией, а также не допустить укрепления других великих держав, особенно в районах, прилегающих к русским границам. Поэтому происходило резкое увеличение внимания к азиатским проблемам, в том числе и к Монголии.

Наиболее активную роль в Монголии в начале XX в. играли Китай, Россия и Япония. Происходило явное усиление позиций России, «русский фактор» становится все более весомым и решающим в разрешении монгольских проблем. Китай, занятый разрешением внутривосточных проблем, вынужденно ослаблял свои позиции. «Японский фактор» становится постоянно действующим и усиливающимся в Монголии. Позиции, расстановка и соотношение трех этих факторов и определяло внешнеполитическую ситуацию в регионе.

С середины XIX в. расширяются торговые связи с Монголией и она все более становится зоной экономического влияния России. Это вызвало обострение русско-китайского торгового соперничества в Монголии. Однако происходило расширение зоны экономического присутствия России в Монголии, ее место и роль становились все более значимыми.

Соседняя страна все более превращалась в район стратегических интересов России, в источник сельскохозяйственного сырья и сбыта промышленных товаров.

Проходят десятилетия и века, а многие проблемы истории российско-монгольских отношений продолжают привлекать внимание исследователей. Только за последнее десятилетие эти вопросы нашли отражение в фундаментальных исследованиях Е.А. Белова, Е.В. Бойковой, М.И. Гольмана, С.Г. Лузянина, Е.М. Даревской, В.Ц. Ганжурова, А.С. Железнякова, А.В. Старцева, В.Г. Дацышена, Г.С. Яскиной, С.К. Рощина, Е.И. Лиштованного, Н.Е. Единарховой.

История российско-монгольских отношений таит еще немало тайн и загадок. Архивы и спецхранилища таят еще много нераскрытых страниц истории.

Регион Восточной Азии в конце XX — начале XX в. становится местом острого соперничества ведущих стран мира. Слабеющая Цинская империя все более привлекает внимание европейских стран, Японии, США, России.

Сооружение Великой Транссибирской железнодорожной магистрали и КВЖД создавали для российской буржуазии благоприятные условия для освоения рынков Дальнего Востока и Китая. Поэтому Россия переходит в данном регионе к активной внешней политике.

Монголия являлась до 1911 г. составной частью Маньчжурской империи, обладающей значительной самостоятельностью во внутренних делах. Исходя из этого, Россия строила свои внешние отношения с Китаем и Монголией, заключая договоры с Маньчжурской империей. В 1727 г. согласно Буринского и Кяхтинского договоров, были установлены пограничные караулы вдоль русско-монгольской границы.

Длительное время маньчжурские правители запрещали китайцам переселяться в Монголию и самовольно пользоваться там землей. Однако в последней четверти XIX и начале XX в. усилилось переселение безземельных и малоземельных крестьян в Монголию. Когда колонизация приняла массовые масштабы, было создано специальное Бюро по делам колонизации.

С середины XIX в. активизировалась и внешняя политика России по отношению к Внешней Монголии. В 1861 г. учреждается русское консульство в Урге. По русско-китайскому договору 1881 г. Россия получила право беспошлинной торговли на всей территории Монголии. Активную коммерческую деятельность здесь начали известные русские купцы и торговые фирмы. В 1895 г. в Петербурге был создан Русско-китайский банк, а в 1900 г. в Урге и Улясутае открылись отделения этого банка.

Были открыты консульские учреждения со штатами чиновников в Улясутае (1906), Кобдо (1911), Маймачене (1916). В 1912 г. была учреждена должность агента министерства торговли и промышленности, введена в 1914 г. должность советника по финансовым и экономическим вопросам при монгольском правительстве. С 1913 г. была организована Монгольская бригада во главе с русскими офицерами, в 1915 г. созданы Монгольский банк и конторы Монгольской экспедиции, а также русские почтово-телеграфные конторы и телефонная станция.

Из России в Монголию начался экспорт не только товаров, но и капиталов. Так, в конце XIX в. было организовано акционерное общество «Монголор», с капиталом в 5 млн р., занимающееся поиском и добычей золота. В Урге и других монгольских поселениях были созданы небольшие фабрики и заводы.

Таким образом, к началу XX в. произошло заметное усиление внимания к Внешней Монголии со стороны Китая и России, неизбежным оказалось здесь торговое соперничество русских и китайских купцов.

Нельзя понять внешнюю политику государства в отрыве от его внутренней политики и общего политико-экономического состояния. Характер внешней политики страны, ее направленность определяются внутренними потребностями. Связь эта не является прямой и механической, а носит более сложный опосредованный характер.

Почти любое общество в своем внутривнутриполитическом проявлении не представляет единого целого. Чаще всего оно состоит из различных групп, разделяемых между собой по экономическим, этническим, религиозным, классовым и другим признакам. Каждой из этих групп соответствуют свои интересы, совпадающие или противоборствующие между собой. Кроме того, выявляются еще региональные, локальные интересы, не совпадающие с общенациональными интересами.

Проблема «национальных интересов», «общественных интересов», «государственных интересов» в научной литературе России только начинает специально разрабатываться (Э. Поздняков, Е. Степанов, Г.Н. Новиков и др.). Проблема проявления национальных интересов во внешней политике — наименее исследованная проблема.

Столкновение интересов различных социальных групп общества возможно не только по внутривнутриполитическим проблемам, но и по вопросам внешней политики. В этой связи представляется спорным вывод Е.Д. Степанова о монолитности общества в отношении к внешнему миру: «Противоборство интересов в обществе проявляется лишь внутри него. По отношению же к внешнему миру общество предстает как нечто монолитное, единое».

В определенные, чаще всего экстремальные ситуации, эта линия поведения действительно может проявляться. С другой стороны, для авторитарных государств также это может быть характерно. Кроме того, внешнюю политику осуществляет только одно министерство, поэтому в этом смысле внешнеполитические решения фактически монопольные и не отражают всей противоречивости мнений и характеристик различных слоев общества по данному вопросу. Однако, в демократическом обществе выявляются различные интересы и разнообразные мнения, которые определенным образом влияют на выработку решений в области внешней политики, особенно важных и стратегических.

Современные российские исследователи постепенно преодолевают несколько прямолинейное, догматическое восприятие «интересов» во внешней политике. Продолжительное время в истории человечества конструирование внешней политики и ее практическая реализация находились исключительно в руках правящей элиты, очень ограниченного круга политических деятелей.

В начале XX в. в России формируются общественные движения, политические партии и общественное мнение, которое в различной степени, прямо или опосредованно влияли на формирование внешней политики страны. Поэтому процесс определения внешнеполитических приоритетов страны, механизм принятия решений в этой области политики все более усложнялся и носил противоречивый характер.

Марксистская историография в характеристике внешней политики исходила из одномерных оценок, таких как «прогрессивная», «агрессивная», «захватническая», «империалистическая» и т.п. Исходя из этих категорий, внешнюю политику России определяли как «империалистическую» и «захватническую». Позднее ее стали определять как «прогрессивную». Подобная одномерность оценок не отражает в полной мере всей сложности и противоречивости отно-

шений двух соседних стран. Необходимо преодолеть категоричность характеристик, показать наличие различных подходов по «монгольскому вопросу».

По архивным и печатным источникам более всего прослеживаются позиции российских дипломатов, проводивших гибкую и осторожную политику в русско-монголо-китайских отношениях, военных деятелей, которые в своих служебных записках и секретных изданиях выступали за проведение более активной и наступательной политики. Многочисленны оценки русско-монгольских торговых отношений в публикациях представителей торговых кругов центральной России и Сибири. Особо выделяются характеристики перспектив русско-монгольских отношений, данные представителями интеллигенции и социал-демократами. «Азиатская авантюра» П. Бадмаева ярко характеризует влияние случайных сил на формирование дальневосточной политики России.

2.1. Обсуждение «монгольского вопроса» в Государственной думе России и правительственных учреждениях страны

Формирование политики России в отношении Внешней Монголии в 1911–1912 гг. происходило в борьбе различных тенденций, определяемых как политическими силами страны, так и ведущими ведомствами России (министерством иностранных дел, военным ведомством и министерством финансов). Она определялась разрешением складывающихся противоречий и разногласий между дипломатическими деятелями России и торгово-промышленными кругами, между центральной и региональной администрацией, различными уровнями местной администрации, а также представителями военного ведомства.

Полярные точки зрения по проблеме перспектив развития русско-монгольских отношений были высказаны в Государственной Думе на заседаниях 13, 14, 18, 27 апреля 1912 г. С одной стороны, позиция С.Д. Сазонова и П.Н. Миллюкова, выступающих за посредническую роль между Монголией и Китаем и против активного вмешательства в монгольские дела, а, с другой стороны, точка зрения депутата от Орловской губернии Володимерова, считающего необходимым присоединение Монголии к России.

Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов считал Российскую империю европейской страной с активной внешней политикой в Европе и на Ближнем Востоке и соответственно выступал против «увеличения русских владений в Азии». Его позиция совпадала с выводом Особого совещания (активная деятельность России в «монгольском вопросе» была бы «весьма нежелательной»).

Служебная карьера С.Д. Сазонова проходила в европейских странах, что не могло не отразиться на его последующих интересах и пристрастиях.

В речи на заседании Государственной Думы С.Д. Сазонов выступал против полного отделения Монголии от Китая, считая ее не готовой к самостоятельному политическому развитию. По его мнению, «оторвать их от Китая, значит взять на себя задачу создать из них государство, задачу тяжелую, требующую крупных денежных затрат и огромного труда»¹.

¹ Государственная Дума, III созыв. Стенографический отчет, 1912, сессия V, ч. 3, заседание 104. СПб., 1912. С. 2168–2169.

Полный разрыв между Халхой и Китаем представлялся бы нежелательным, так как поставил бы Россию «перед дилеммой или оккупировать ее, или уйти оттуда и вновь допустить туда китайцев на правах завоевателей»². Выход из сложившегося положения он видит в том, чтобы Россия исполняла роль посредника между Китаем и Монголией «для заключения между ними такого компромисса, который удовлетворял бы, в пределах возможного, желанию халхасцев сохранить свой самобытный строй и желанию Китая восстановить свой суверенитет в Монголии»³.

С.Д. Сазонов назвал три условия России, указанные китайскому лидеру Юань Шикаю в отношении Китая к Внешней Монголии: отказ китайского правительства от введения во Внешней Монголии китайской администрации, от расквартирования там китайских войск и от колонизации земель Внешней Монголии китайцами.

Министр иностранных дел не считал присоединение Монголии к России ценным приобретением, которое может привести «к нежелательной сдвиге центра тяжести в государстве» и соответственно, к ослаблению нашего положения в Европе и на Ближнем Востоке. Он категорически заявил: «Нельзя присоединить пограничные земли только потому, что это можно сделать без большого для себя риска»⁴. Интересы России, по его мнению, требуют, чтобы в пограничной с нами Монголии утвердилось сильное в военном отношении государство. Добрососедские отношения с Китаем выгодны и для России, хорошие отношения с Россией нужны и Китаю.

В заключение своей речи, он отмечает, что «соглашение между Китаем и Халхой не должно осуществляться без нашего участия, а тем временем не отказать Халхе в поддержке и помощи к созданию начатков автономного управления, т.е. прежде всего финансов и какой-либо вооруженной силы, способной поддерживать порядок в стране»⁵.

Близкую, но не совпадающую полностью с ней позицию занимал лидер кадетов, историк и будущий министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков. Он был политиком первой величины, одним из ведущих специалистов в области внешней политики. Крупный историк, интеллектуал, интеллигент и порядочный политик — таким он остался в истории.

Выступая 14 апреля 1912 г., П.Н. Милюков осудил захватнические настроения, открыто высказываемые в печати. Такая, по его характеристике, «безответственная дипломатия», поддерживается националистами и правой печатью. Он призвал к осторожности в связи с китайским возрождением. Аргументируя свою позицию, он сказал: «В настоящее время нам предлагают воспользоваться временным ослаблением Китая. Вы, гг., помните, как неудачно мы воспользовались временным ослаблением Японии после 1895 г. Я должен отдать полную справедливость ведомству (МИД. — Прим. авт.). Оно не поддавалось на искушение, на угрозы и на требования правой печати и проявило ту степень осторожности, которая необходима»⁶.

² Государственная Дума, III созыв. Стенографический отчет, 1912, сессия V, ч. 3, заседание 104. С. 2169.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 2170.

⁵ Там же. С. 2171.

⁶ Там же, заседание 106. С. 2237.

П.Н. Милюков полностью согласен с мнением С.Д. Сазонова относительно готовности Монголии к самостоятельному развитию. «Кого мы хотим поддерживать? Поддерживать можно то, что имеет свою внутреннюю силу, что может стоять на собственных ногах»⁷. Он выражает сомнение в возможности внутреннего государственного развития Халхи, указывает на трудности экономического порядка, не уверен в лидере национального монгольского государства: «мы не знаем, превратится ли Хутухта, в прошлом большой гуляка и расточитель, в серьезного государственного человека»⁸. П.Н. Милюкова пугала перспектива, что в результате значительной помощи и серьезной поддержки России, Монголия может фактически оказаться в положении «неотличимого от протектората».

Правое крыло Государственной Думы определило выступление П.Н. Милюкова «вредным и обвинило его в «не патриотичности». Газета «Новое время» назвала П.Н. Милюкова «китайским представителем в Государственной Думе», обвинила его в клевете на царское правительство.

С совершенно других позиций, отличных от взглядов С.Д. Сазонова и П.Н. Милюкова, выступал в Думе депутат от Орловской губернии Володимиров, который оценивал речь министра иностранных дел как «своего рода акафист невмешательству, акафист собственному бессилию», а министерство чуждым «сознания национального достоинства»⁹.

Выступление Володимерова 14 апреля 1912 г. было откровенно захватническим. «Возьмем Ургу, — говорит Володимиров, — никогда я не мог себе представить более благоприятных условий для того, чтобы выпрямить ту длинную границу, которая искусственно и неправильно создавалась благодаря упущениям нашего Министерства иностранных дел. Уничтожение этого вдавливающего в наши владения треугольника, выпрямление этой линии... необходимо, и более благоприятных условий для этого я не могу себе представить»¹⁰.

Володимеров упрекает правительство и МИД в том, что они своей медлительностью наносят вред «престижу» России, отстраняясь от монголов, которые «слезно просят» под ее протекторат. Монголия должна стать «буфером», который прикроет границы России. Он повторяет мнение военных о «желтой опасности», которая «грозит захлестнуть» не только Монголию, но и русский Дальний Восток. Созданию «буфера», его наилучшего устройства и управления, по мнению Володимерова, Россия должна учиться у Англии.

Он выступает против установления протектората Китая над Монголией: «навязывая монголам несуществующий теперь в действительности протекторат Китая, мы этим создадим очаг для возможных в будущем недоразумений»¹¹.

Обсуждение «монгольского вопроса» в Государственной Думе выявляло позиции политических партий и социальных слоев России и определенным образом влияло на ее формирование.

⁷ Государственная Дума, III созыв. Стенографический отчет, 1912, сессия V, ч. 3, заседание 106. С. 2239.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 2253.

¹⁰ Там же. С. 2253.

¹¹ Там же. С. 2254.

2.2. Российские военные деятели о русско-монголо-китайских отношениях и перспективах русско-монгольского военного сотрудничества

Продолжительное время монголоведение (и востоковедение вообще) не обращало серьезного внимания на исследования военных специалистов, посвященные в том числе и Монголии. В обобщающей работе «История отечественного востоковедения» (1990) впервые выделено военное направление. К сожалению, там показана деятельность военных специалистов только на Ближнем Востоке. В научный оборот не были включены публикации военных деятелей, посвященные Монголии и Китаю. Результаты их исследований почти не привлекались последующими поколениями ученых, они ни разу не подвергались историческому обзору и анализу. Вышедшие под грифом «Не подлежит оглашению», «Секретно» и т.п., публикации военных не были широко известны как российской научной общественности, так и мировой науке. Подготовленные для практических целей (изучение возможных будущих театров военных действий, военного потенциала противника), а также для определения направлений внешней политики, они обладали ценной научной информацией о стране, полученной в ходе специальных самостоятельных экспедиций, а также критического анализа научной литературы о Монголии. Излишне прямолинейные и категоричные выводы и рекомендации военных деятелей, экспансионистская направленность их сочинений стали позднее, возможно, причиной замалчивания подобных работ. Сказались и небольшие тиражи этих публикаций.

В настоящее время началось восстановление военной истории России. Переиздан редкий труд военного историка А.А. Керсновского «История русской армии» в четырех томах (1992–1994). Искаженное представление имелось и об офицерском корпусе российской армии. Информация о нем либо замалчивалась, либо излагалась в превратном виде. Русские офицеры изображались ретроgrадами и консерваторами, как обладающие низким профессиональным и моральным уровнем. В 1993 г. была опубликована монография С.В. Волкова «Русский офицерский корпус», в которой показаны его социальное происхождение, структура, механизм комплектования и подготовки, положение в обществе.

Представляется, что переосмысление военной истории — это задача последующих исследований историков, военных специалистов. Особого изучения заслуживает научная, аналитическая деятельность русских офицеров. Ими был собран, описан и обобщен географический, этнографический, исторический материал по странам зарубежной Азии, который должен быть введен в научный оборот, поскольку весомый вклад представителей военного ведомства России в научное исследование стран Центральной и Восточной Азии (Китай, Монголия, Тибет, Корея, Япония) до сих пор достойно не оценен.

Научные экспедиции, направленные в этот регион во второй половине XIX — начале XX в. для изучения географии, геологии, растительного и животного мира, истории и этнографии, возглавлялись, как правило, военными. Это известные экспедиции Пржевальского, Певцова, Роборовского, Потанина, Козлова и др. Основной состав этих экспедиций также состоял из офицеров и казаков. Переводчиками и проводниками также выступали представители военного сословия — бурятские казаки из Забайкалья.

Подготовка и сокрушительное поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. активизировали интерес военных к дальневосточному региону. Поражение в войне с Японией доказало необходимость серьезного изучения соседних стран, особенно вероятных противников. Потребность в точной информации о вооруженных силах, стратегии армий и их боевых качествах была необходима для принятия адекватных решений военного ведомства и правительства России.

20 июня 1905 г. в России было образовано Главное Управление Генерального штаба для разработки вопросов, касающихся подготовки к войне и для заведования военными сообщениями. Оно состояло из управления генерал-квартирмейстера, управления военных сообщений, военно-топографического управления и управления начальника железнодорожных и технических войск.

В 1906 г. при штабах военных округов создаются постоянные разведывательные отделения. По данным на 1909 г. в сферу деятельности Омского военного округа входила Западная Монголия и часть западного Китая, Иркутского военного округа Восточная Монголия, Маньчжурия и Северный Китай¹².

Активизация деятельности военной разведки Главного Управления Генерального штаба в странах Восточной Азии в 1905–1911 гг., где действовало большинство агентов России, некоторыми современными историками (например, М. Алексеевым) расценивается как «серьезный просчет», который привел к ослаблению западного направления, оказавшегося неподготовленным к первой мировой войне¹³. Нам это утверждение не кажется бесспорным, а важность дальневосточного направления представляется несомненной. Вообще, предпочтение одного направления в ущерб другому в любом варианте нецелесообразно для интересов безопасности государства.

Круг научных интересов и собранный материал военного востоковедения был значительно шире, чем военной разведки. Изучались не только численность, состояние, состав вооруженных сил Китая, Японии, Кореи и Монголии, но и география, экономический и политический строй изучаемой страны, этнический и религиозный состав населения, традиции и обычаи народов.

Военные переводили и изучали китайскую прессу. В 1913 г. штабом Иркутского военного округа издавались переводы китайской прессы в специальном сборнике «Дальний Восток», первый отдел был посвящен событиям в Монголии. Всего было издано 52 выпуска.

Экономическое проникновение России в Северную Маньчжурию, строительство КВЖД, а затем восстание ихэтуаней (называемое в начале XX в. «китайской войной»), а затем, усиление китайской колонизации Маньчжурии и Монголии усилили внимание военных ведомств к Китаю, особенно к Маньчжурии. Кризисное состояние Цинской империи и Синьхайская революция 1911 г., начало национального движения за создание независимого монгольского государства создали новую международную обстановку в данном регионе, которая потребовала от военных деятелей России ее анализа и возможной корректировки военной стратегии и тактики.

Собственную трактовку международной обстановки в регионе, характеристику русско-монголо-китайский отношений предлагали военные представители России, среди которых выделяются исследования военного министра

¹² Тайны русско-японской войны. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. М., 1993. С. 138.

¹³ Родина. 1994. № 4.

А.Н. Куропаткина «Русско-китайский вопрос» (1913), поручика Ю. Кушелева «Монголия и монгольский вопрос» (1912), капитана Генерального штаба С.Д. Харламова «Монголия» (1914), капитана Тонких «Материалы по описанию Монголии» (1910), «Отчет о поездке в Северную Монголию» (1913), ротмистра А. Баранова «Северо-восточные сеймы Монголии» (1907), «Барга и Халха» (1905), «Урянхайский вопрос» (1913), подполковника Генерального штаба Сафонова «Материалы по описанию Монголии. Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию в июле-сентябре 1912 г.» (1913), подполковника Полтавцева «Материалы для описания Монголии. Отчет о поездке в Монголию в июле-октябре 1912 г.» (1913), сотника Дорофеева «Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию» (Омск, 1912).

Интенсивность военных экспедиций в Монголию, планомерность и систематичность исследования различных регионов соседней страны свидетельствуют о глубоком интересе к Монголии, как возможному театру военных действий и региону возможного военного противостояния Китаю.

О постоянном интересе к Монголии свидетельствовал и ряд работ военных, вышедших еще накануне событий 1911 г.: книга полковника Генерального штаба А.А. Баторского «Монголия. Опыт военно-статистического очерка» (1890), полковника В.Ф.Новицкого «Путешествие по Монголии в 1906 г.» (1909), подполковника Генерального штаба Барабаша «Записка о Монголии» (1884), капитана В.Л. Попова «Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.» (1905), «Второе путешествие в Монголию 1910 г.» (Б.г.).

В российской и монгольской историографии эти работы не анализировались, а материалы не использовались при изучении истории Монголии, составлении обобщающих работ.

В исследованиях российских офицеров Монголия изучалась как возможный театр военных действий, были представлены подробные материалы по географии, истории, а также религии, торговле, и транспортных путях в стране.

Военные в этих работах акцентировали внимание на угрозе Китая для России, как «желтой опасности» с Востока, грозящей спокойствию России и Европы, европейской цивилизации и культуре.

Влиятельным политиком России в конце XIX — начале XX в. был А.Н. Куропаткин (1848–1925) — генерал от инфантерии (1901). Он окончил Академию Генерального штаба (1874), во время русско-турецкой войны 1877–1879 гг. являлся офицером для особых поручений при штабе действующей армии, начальником штаба дивизии. В 1878–1879 и 1883–1890 гг. Куропаткин служил в Главном штабе, а в 1890–1897 гг. — начальником Закаспийской области. В 1898–1904 гг. занимал пост военного министра. Командовал Маньчжурской армией во время русско-японской войны, став с октября 1904 г. главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. За поражения русской армии под Ляояном и Мукденом он был снят с этого поста и назначен командующим 1-й армией. Участник Первой мировой войны. Куропаткиным были написаны ряд военно-исторических и военно-географических работ¹⁴.

А.Н. Куропаткин, анализируя ситуацию на Дальнем Востоке, обращал внимание на заселение Монголии китайцами и видел в этом главную опасность для России. Тема «желтой опасности» является ведущей в его монографии «Русско-китайский вопрос», составляет основу его концепции. Тезис о

¹⁴ Военно-исторический вестник. 1993. № 12. С. 58.

наибольшей опасности для России со стороны Дальнего Востока развивался А. Куропаткиным и ранее в третьем томе книги «Россия для русских» (1910), посвященной задачам русской армии на Востоке в текущем XX в. Он выражал надежду, что в государствах Европы произойдет ясное осознание и понимание «желтой опасности», которое положит конец взаимным распрям между европейскими государствами и объединит их в мощном союзе.

Длительное существование миролюбивых отношений между Россией и Китаем А.Н. Куропаткин объясняет твердой уверенностью России в слабости Китая. До самого последнего времени приграничные местности Китая были пустыни, собственно китайцев здесь было мало. Кроме того, русское правительство в XVIII — первой половине XIX в. проявляло слабый интерес к пограничным сибирским владениям. Ситуация изменилась после принятия Китаем ряда мер, главной из которых явилось «заселение всей приграничной с Россией полосы в Маньчжурии и Монголии китайским населением»¹⁵, а также постоянное стеснение русской торговли в Монголии. Поэтому отношения России и Китая вступают в свой новый этап, и в зависимости от решения судьбы Северной Монголии и Северной Маньчжурии «XX век или пройдет без вооруженных столкновений с Китаем, или России придется не раз отстаивать возможность развития своих сибирских владений с оружием в руках»¹⁶.

А.Н. Куропаткин поставил задачу выяснить действительное положение дел на русско-китайской границе: насколько оно опасно для России, и какие меры необходимо принять для исправления границы и установления отношений с приграничным населением. Глубокие и важные изменения, происходящие в Китае, обязывают Россию иметь готовые ответы на эти вопросы.

Автор показывает активную китайскую колонизацию Монголии: «Монголы вытесняются китайцами, захватывающими большие площади земли для оседлой жизни и земледелия»¹⁷. У китайского правительства появились проекты строительства железной дороги от Пекина к Кульдже. Модернизация китайской армии на европейский образец и расположение шести пехотных дивизий в приграничных районах создает реальную опасность для России, граница которой будет открыта для вторжений китайских сил. Сибирская железная дорога окажется под ударом Китая с юга. В течение двух веков китайцы по отношению к монголам проводили политику постепенного ограничения власти князей, дробления Монголии, поощрения монгольского духовенства и заинтересованности в росте его влияния на население. Сейчас, по словам А. Куропаткина, они поставили новые задачи: «окончательно разорить Монголов, воспользоваться их землями и лишить какой бы то ни было самостоятельности»¹⁸. Примерно с 1900 г. китайское правительство открыто пошло на «обращение Монголии в китайскую провинцию»¹⁹.

Колонизация Монголии финансировалась казной и осуществлялась по плану, земли бесцеремонно отбирались у монголов, все это сопровождалось гонением на русских торговцев.

А.Н. Куропаткин предполагает, что в северной части Монголии китайцы найдут отличные угодья для многочисленного земледельческого населения

¹⁵ Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. Пг., 1913. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 101.

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Там же. С. 111.

и смогут заселить приграничную полосу шириной свыше 300 верст. Более того, многомиллионное китайское население будет проникать и в Сибирь, «вырывая из рук русских людей заработки и обесценивая их труд»²⁰. То есть существует не только военно-политическая, но и экономическая угроза со стороны Китая.

Не сомневается генерал А. Куропаткин и в том, что, как только успокоятся события в Китае, он тотчас приступит к усмирению отложившихся от него регионов. И, если не вмешается Россия, китайцы без труда «приведут монголов Халхи к покорности». Автор задает сам себе вопрос, сможет ли Россия, не потеряв окончательно свой престиж в Азии, отказаться от миссии помощи Монголии? И отвечает: «Конечно, для России неизбежно и выгодно ныне подать эту помощь»²¹. Помощь монголам и их защиту он видит в ограждении северной Монголии от китайских переселенцев и спасении монголов от разорения.

Генерал А.Н. Куропаткин предлагает передвинуть русскую границу до Гоби, взять Монголию под свое покровительство и определить там автономное устройство. «Продвинувшись до Гоби, Россия создает между собой и Китаем снова пустынную и пограничную зону, и можно надеяться, что этим путем избегнет столкновения с Китаем в XX столетии»²².

Конкретное решение «монгольского вопроса» для А. Куропаткина значит «восстановить китайский закон 1650 г., по которому пустыня Гоби разделяют северную, Халхаскую Монголию от южной или Внутренней, и перенести в эту пустыню русскую государственную границу»²³. Свои мысли он подтверждает тем, что еще в 1763 г. академик Миллер указывал на то, что пустыня Гоби должна отделять Россию от Китая как граница, указанная самой природой. Вообще А. Куропаткин связывает интересы России с Дальним Востоком, поэтому она должна действовать быстро и умело, чтобы не потерять уже приобретенное в регионе.

Защита от «желтой опасности», утверждает А. Куропаткин, дело не только одной России, но и Германии, Франции, Англии. В их интересах будет, если на Востоке больше не станет вопроса — «Азия для азиатов».

Таким образом, А.Н. Куропаткин в решении вопроса о «желтой опасности» видит один выход: совместный раздел Китая европейскими государствами в целях собственной защиты. Россия приобретет себе в результате раздела Монголию, а это не только новая обширная территория, но и рынок, источник сырья и подданные, которые могут нести военную повинность.

Еще ранее, в 1901–1902 гг. военный министр А.Н. Куропаткин настаивал на сохранении долговременной оккупации, а затем и на присоединении севера Китая к России. Куропаткин был близок к царской семье и часто приглашался после доклада к завтраку Николаем II. Царем тогда руководило какое-то стихийное желание двигаться на Восток и завладеть странами Дальнего Востока. Видимо, близость внешнеполитических подходов и объединяла их. В феврале 1903 г. Куропаткин делился с С.Ю. Витте своими впечатлениями от бесед с Николаем II: «У нашего государя грандиозные в голове планы — взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под

²⁰ Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. С. 120.

²¹ Там же. С. 128.

²² Там же. С. 130.

²³ Там же. С. 129–130.

свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»²⁴.

Подавляющее большинство публикаций военных о Монголии представляют собой отчет об экспедициях в страну (работы Ю. Кушелева, А. Баранова, С. Харламова, Тонких и др.). Их отличает различная глубина понимания сложившейся вокруг Монголии ситуации, различные характеристики готовности Монголии к самостоятельному развитию, даны собственные рецепты выхода из кризиса русско-китайских отношений. Подробное топографическое описание пройденных маршрутов, составление карт Монголии внесло определенный вклад в научное познание страны.

О своей поездке в Монголию с апреля по октябрь 1911 г. опубликовал отчет в двух вариантах поручик л.-гв. Гусарского полка Ю. Кушелев: «Монголия и монгольский вопрос» (1912) и «Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию» (1913).

Поездка была совершена по заданию Главного управления Генерального штаба; по пути следования в штабе Иркутского военного округа также было предписано «обратить особенное внимание на сепаратистское движение монголов и его направление»²⁵. В конце апреля в Чите поручик Кушелев получил трех казаков, один из которых, бурят, знал монгольский язык, и направился в Монголию. В его отчете дана характеристика положения дел в стране, настроений накануне получения независимости. В отличие от других военных, давших подробное описание пройденного пути, высказывавших попутно свои соображения и обобщения, Ю. Кушелев опубликовал аналитическую работу, выделяя основные вопросы: система управления Монголией Китаем, политика Китая в Монголии в последнее время, отложение Монголии от Китая, отношение Китая к нынешним событиям в Монголии, отношение России к нынешним событиям в Монголии, необходимые меры для обеспечения экономических интересов России в Монголии, отношение разных держав к настоящим событиям в Монголии.

Изложение материала в обоих вариантах отчета Кушелев начинает с обоснования тезиса о «желтой опасности». «Опасность» выражалась, по его мнению, в национальном и военном возрождении Китая, «пробуждении народа желтой расы», что приведет к неизбежному столкновению России с Китаем: «в недалеком будущем именно России придется считаться как с национальными вождениями Китая, так и с его вооруженной силой»²⁶. Неизбежность борьбы объясняется наличием протяженной 6-тысячной границей, поэтому необходимо принять все меры, чтобы обезопасить для себя эту границу.

Ю. Кушелев определяет три возможных средства, которые могут обеспечить безопасность российской границы на Дальнем Востоке. Первое — это политика миролюбия и дружбы с Китаем (это признавалось неприемлемым). Второе — политические соглашения с другими государствами, США, Западной Европой. «Это средство вряд ли применимо в ближайшем будущем, потому что пока народы Европы еще недостаточно сознают приближение желтой опасности»²⁷. Единственно надежным и вполне осуществимым средством

²⁴ Дневник Куропаткина // Красный Архив. 1922. Т. 2. С. 31–32.

²⁵ Кушелев Ю. Отчет о поездке в Монголию с военно-научной целью // Сборник географических, топографических и статистических исследований по Азии. СПб., 1913. С. 289.

²⁶ Там же. С. 284–285.

²⁷ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. Пг., 1912. С. 2.

автор считает присоединение к России Монголии или принятие монгол под свое покровительство с тем, чтобы отдалить от своих границ военные силы Китая. «Монголия как по своим географическим, топографическим и климатическим свойствам, так и по своей величине и по природе своего населения, могла и может считаться тем надежным буфером, который обеспечивал нас от спавшего столько столетий Китая, и должна обеспечивать от Китая проснувшегося и вооружающегося»²⁸.

Существование самостоятельной Монголии возможно, по мнению Кушелева, только при условии, что оба ее соседа (Россия и Китай) признают ее независимость и будут ее обеспечивать, но при «малейшей уступке с одной из сторон, естественно, другая употребит все старания на подчинение себе Монголии»²⁹. Действительно, развитие последующих событий русско-монголо-китайских отношений 1911–1921 гг. подтвердило это предположение автора.

Давая характеристику политике Китая в Монголии в начале XX в., Ю. Кушелев утверждает, что пекинское правительство стремится отменить те автономные права, которыми пользовались монгольские князья, и превратить ее в обычную китайскую провинцию. Это определялось как ясно выраженное недоверие и недружелюбие к России. Ей неоднократно представлялась возможность захватить и присоединить к себе совершенно беззащитную Монголию, но она «не пожелала воспользоваться затруднениями в Китае»³⁰.

После поражения России в русско-японской войне ее престиж резко упал, что вызвало сразу же изменение политики Китая. Это выразилось в принятии следующих мер: переселении китайцев в пограничные районы, переводе в Северную Монголию военного отряда из Внутренней Монголии, предполагалось развернуть железнодорожное строительство, началось усиленное вытеснение русских и русской торговли из Монголии.

В конце июня 1905 г. в Урге состоялось собрание «местных главных лам», на котором было решено противодействовать китайским проектам административных реформ, а также было решено командировать представителей в Петербург, с просьбой о вмешательстве России. На случай отказа России поднимался вопрос относительно выбора другой державы, к которой следует обратиться с просьбой о протекторате. Ю. Кушелев пишет: «намечены Германия, Англия, Япония, но окончательного решения не постановлено. Большинство симпатий было за Германию»³¹.

Ю. Кушелев показывает различия и противоречия между тремя частями Монголии. Так, по его мнению, юго-восточная Монголия тяготела к Китаю, северная пользовалась наибольшей независимостью, а юго-западная поддерживала отношения и с Европой (Россией), чему способствовал и этнографический состав населения. Поэтому он ожидал трений между Халхой и Кобдоским округом. Вполне наметились осложнения между Халхой и юго-восточной Монголией: главенствующий на юге страны харацинский ван выражал симпатии Японии. Действительно, южные хошуны тяготели к Китаю, а северные возлагали надежды на Россию, остальные склонны были выжидать, и стоит согласиться с автором, что территориальная близость, тесные экономические

²⁸ Кушелев Ю. Отчет о поездке в Монголию с военно-научной целью. С. 287.

²⁹ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. С. 8.

³⁰ Там же. С. 54.

³¹ Там же. С. 68.

связи, взаимная заинтересованность в торговле северных и южных хошунов определяли их ориентацию.

События Синьхайской революции временно приостановили процесс ассимиляции национальных окраин, главным образом Тибета и Монголии. Но Ю. Кушелев предвидит кратковременность этого перерыва: «как только в Китае установится какой-нибудь порядок, как только новое правительство... почувствует себя сильным, оно станет продолжать ту же национальную политику, оно постарается вновь подавить Монголию и притом самым решительным образом. Борьба неизбежна и 400-миллионный народ имеет все шансы задавить три миллиона кочевников»³².

Позицию Китая по отношению к событиям начала XX в. в Монголии Ю. Кушелев оценивает как выжидательную. В это время Китай подготавливает благоприятную обстановку для себя. Он обвиняет Россию в агрессивных замыслах, старается представить отделение монголов, как дело рук России, желающей захватить Монголию. Дальнейший ход событий будет зависеть от того, кто из великих держав примет Монголию под свое покровительство.

В разделе «Отношение России к нынешним событиям в Монголии» Ю. Кушелев излагает четыре позиции в российском общественном мнении по монгольскому вопросу. Одни считают достаточным закрепить за Россией экономическое преобладание на монгольских рынках. Другие предлагают объявить свой протекторат над Монголией. Третьи рекомендуют разделить пополам с Японией Маньчжурию, установить независимость Монголии и присоединить к России Урянхайский край. И, наконец, четвертые находят необходимым и единственным выходом из ситуации — присоединение к России Монголии и северной части китайского Туркестана. Кушелев разделяет последнюю точку зрения. Он считает, что «независимая Монголия как буфер — это «тонкий картон», не спасающий от пули и дробы, который «нисколько не прикрывая нас от грозной силы возрождающегося Китая, будет служить лишь источником споров, пререканий и осложнений»³³. Поэтому стратегическая задача России состоит в том, чтобы лишить Китай всякой возможности придвинуться к российским границам.

Кроме того, присоединение к России Монголии будет спасением и для монголов от их окитаивания, а в лице монголов Россия приобретет верных подданных, способных к военной службе. Ю. Кушелев видит то, что хотел бы видеть в отношении монголов: «большинство монгол признает в каждом русском своего брата», «ныне монголы уже духовно стремятся принять подданство Русского царя»³⁴. Это приводит его к выводу о законном праве России принять под свое покровительство Монголию, если она сама того пожелает.

В случае невозможности присоединения Монголии предлагается оказать ей тайное содействие, особенно в снабжении ее в самых широких масштабах оружием и боевыми припасами. Автору представляется опасным оставлять без всякого руководства извне нынешнюю Монголию, что может привести к расчленению этой огромной страны на бесчисленное количество часто враждующих между собой княжеств. Сепаратистские тенденции в Монголии начала XX в. кажутся нам преувеличенными, они не проявили себя еще в то время и не играли большой роли в политической жизни страны.

³² Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. С. 78.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 92.

В отличие от других исследователей «монгольского вопроса», Ю. Кушелев дает прогноз отношений крупных держав к событиям в Монголии, этому он посвящает специальную главу. Автор выделяет пять держав, имеющих свои политические интересы в Монголии (Англия, США, Германия, Япония), с которыми России придется считаться в любой ситуации. Разбираются позиции и интересы названных стран. Так, политические интересы англо-французов в Китае вообще и в Монголии, в частности, диаметрально противоположны российским интересам: «мы, русские, должны не пускать китайцев в Монголию, а англо-французы, наоборот, должны толкать их туда всеми силами и средствами»³⁵. Однако, учитывая совместное участие держав в едином союзе — Антанте, можно предположить возможность благоприятного решения вопроса: присоединение к России Монголии. Причем предусматривается вариант обмена между союзниками: «мы можем дать Англии компенсацию за счет Тибета». Автор поразительно легко «оперирует» странами и народами.

США и Германия не заинтересованы, по его мнению, в усилении России за счет ослабления Китая, поэтому протекторат, а тем более присоединение Монголии не будет приветствоваться этими странами. Они, возможно признают «независимость» Монголии, но при условии, что Россия не получит в ней никаких преимуществ, никакого преобладания. По мысли автора, подобная политика основана на близорукоем понимании «желтой опасности» и, когда настанет момент просветления, они не станут препятствовать политике России в Китае и Монголии.

Япония является на Дальнем Востоке хозяином положения, ведет расчетливую, верную и хитрую политику. «Япония делает с Китаем все, что хочет, и почти не считается с Россией»³⁶. Нет сомнения в том, что японцы имеют виды и на Монголию. Экономическая зависимость многих князей юго-восточной Монголии от японского капитала уже существует. Предполагается, что если Монголия не найдет помощи у России, то будет искать ее у Японии. В отличие от американцев, ищущих в Китае только наживы, «у японцев же экономические интересы данного момента, хотя и соблюдаются, то все их предприятия основаны на тонком политическом и глубоко-патриотическом расчете»³⁷. То есть здесь преобладают стратегические интересы Японии в этом регионе.

Экономические интересы в Монголии четырех держав (за исключением Франции) состоят в проникновении при помощи китайцев на монгольский рынок, реализации здесь своих товаров и соответственно вытеснении русских изделий. По мнению Ю. Кушелева, пока эти интересы незначительны и вряд ли из-за них могут быть осложнения. Если Россия энергично возьмется за дело, то «опасаться конкуренции названных держав нам не придется. Мало того, завоевав прочно рынок Монголии, нам будет легче увеличить свои торговые обороты с Китаем»³⁸.

Два отчета о поездках в Монголию в 1909 и 1912 гг. составил есаул (а затем капитан) Тонких. Первый отчет («Материалы по описанию Монголии; часть, прилегающая к западному Забайкалью») был сделан во время следования 6-й сотни Верхнеудинского казачьего полка (есаул Тонких являлся его командиром) в Ургу в 1909 г.

³⁵ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. С. 109.

³⁶ Там же. С. 111.

³⁷ Там же. С. 114.

³⁸ Там же. С. 115.

Отличительной чертой публикации Тонких является скрупулезнейшее описание маршрута движения: состояние дороги, пересечение гор, долин, рек и т.п. Приводятся данные о численности населения, его составе, занятиях, возможностях военных отрядов монголов и китайцев.

Характеризуя халхасцев, Тонких отмечает их добродушие, миролюбие и гостеприимство, а также трусливость и лень. «Они не умеют постоять за себя и ответить на насилие насилием, а безропотно подчиняются тому, кто умеет приказывать»³⁹. Автор скептически относится к боеспособности монгольских военных отрядов: «эти войска, не имеющие никаких кадров и числящиеся только на бумаге, боевого значения иметь не могут»⁴⁰.

Есаул Тонких оспаривает устоявшееся в общественном мнении и литературе утверждение о прорусской позиции монголов в случае возможной войны России с Китаем: «Хотя бы мое мнение, что монголы питают живую симпатию к русским и ненавидят китайцев» сомнительно.

П.А. Бадмаев, А.Н. Куропаткин, Ю. Кушелев строили свои рассуждения на тезисе о благожелательном отношении монголов к русским. Тонких же утверждал, что симпатии монголов «будут на той стороне, которая победит. Во всяком случае, первое время по открытию военных действий монгольское население описываемого района, «судя по опыту войны японо-китайской и русско-китайской 1900 г., будет к воюющим сторонам относиться безучастно»⁴¹. И чтобы не нарушить подобное равновесие необходимо внимательное отношение к монголам со стороны русских войск и особенно справедливый расчет за покупаемый у них скот. При таком отношении монголы охотно будут пригонять скот, а их симпатии будут склоняться в сторону России.

Тонких выделяет четыре категории китайцев в Монголии: служилые чиновники, купцы, колонисты и рабочие на приисках. Колонизация китайцев в Халху регулярно из года в год увеличивается, хотя идет не так успешно, как в восточной Монголии.

В Урге нет ни китайской пехоты, ни артиллерии, а находится только конный отряд численностью 250 человек. По определению Тонких, главное назначение отряда — это «поддержание внутреннего спокойствия» во время массового перемещения китайцев весной и осенью из Калгана на север через Ургу и обратно. «Вообще же, — замечает Тонких, — боевое значение китайского Ургинского гарнизона не велико»⁴².

Автор рассматривает вопросы чаще с точки зрения военного: говорит о возможности нахождения русских войск в том или ином районе, описывает вероятные пути их прохождения, возможность обеспечения их провиантом. Так, Халха особенно богата скотом, поэтому снабжение войск мясом не встретит затруднений. Однако остальными запасами район беден. Что касается Урги, то ее продовольственные возможности ограничены: в окрестностях не производится никаких хлебов, «поэтому на покупку этого в военное время рассчитывать нельзя, а придется прибегнуть к реквизиции, которая может дать приблизительно 2–3 тыс. пудов муки и 1 тыс. пудов риса»⁴³.

³⁹ Тонких. Материалы по описанию Монголии, часть, прилегающая к западному Забайкалью (аймаки Тушету-хана, Сайн-Нойона, Дзасакту-Хана). Иркутск, 1910. С. 1.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 4.

⁴² Там же. С. 14.

⁴³ Там же. С. 8.

Относительно вопроса о местах размещения русских войск в Монголии, высказывается соображение о том, чтобы избегать размещения войск в монгольских кумирнях, что оскорбит религиозные чувства кочевников. Поэтому при размещении войск в Урге придется рассчитывать только на китайские постройки. По данным Тонких, в Урге имеется до 200 богатых китайских лавок, в каждой из которых можно разместить 1/2 роту, а в крайности и роту. Вообще же, в случае войны, недостатка в помещениях для войск не будет.

Оцениваются в отчете и оборонительные способности русского консульства в Урге. На случай осады, по мнению Тонких, оборонительные постройки находятся в неудовлетворительном состоянии.

В сентябре — октябре 1912 г. капитан Тонких совершил специальную поездку в Монголию с целью рекогносцировки дорог в Монголию и выяснения ряда вопросов, вызванных формированием монгольских войск под руководством российских инструкторов, особенно о пригодности монголов к военной службе. Капитан Тонких имел возможность сравнить свои впечатления двухлетней давности с современностью и отметить изменения, которые произошли после получения Монголией независимости.

Разительных и благоприятных перемен монгольского общества, по мнению Тонких, обретенная свобода не дала. События 1911 г. в Урге он называет «переворотом», а не революцией. Эти события не отразились благоприятно на результатах русской торговли, а бедные монголы скоро ощутили изменения, связанные с сокращением привоза из Китая и скоро значительно подняли цены на далимбу и кирпичный чай — предметы первой необходимости монгола.

Понимая затруднительное экономическое положение Монголии, Тонких следующим образом прогнозирует развитие русско-монгольских отношений, позицию России: «В будущем, вероятно, в силу необходимости России придется придти на помощь Ургинскому правительству своими советами по упорядочению налогов и натуральных повинностей и вообще всей финансовой системы, иначе симпатии населения Халхи скоро повернутся на сторону прежних своих поработителей — китайцев»⁴⁴. Действительно, так и случилось в последующем, туда был направлен экономический советник А. Козин, будущий монголист, а также выделены кредиты и создан национальный Монгольский банк.

Русский офицер не видел благоприятных перемен в Монголии, а только снова наблюдал произвол администрации хошунных князей, развращающее влияние ламства, забитость, невежественность и трусливость остальной массы. Поэтому для него казался необъяснимым совершившийся переворот в Урге, ему не верилось в возможность национального подъема монголов. По его оценке, в среде простых людей «этот переворот особенных восторгов не вызвал», а только увеличил число поборов и повинностей.

Новый режим не принес никаких улучшений и поэтому, предполагает он, «монголы скоро будут со вздохом вспоминать то время, когда они были под властью Китая»⁴⁵. Конечно, необходимо учитывать, что прошло очень мало времени, чтобы увидеть изменения. Но верно и другое, что радикальные перемены всегда приводят к общему спаду, ухудшению положения.

Из встреч, разговоров и наблюдений, капитан Тонких вынес заключение, что переворот в Урге совершен исключительно Хутухтой и небольшой кучкой

⁴⁴ Отчет о поездке в Северную Монголию генерального штаба капитана Тонких в сентябре — октябре 1912 г. Иркутск, 1913. С. 34.

⁴⁵ Там же. С. 110.

его приближенных и удался благодаря исключительной растерянности китайской администрации и благожелательным советам русских представителей. Нельзя не согласиться с данными заключениями автора: вершущечность переворота и позитивная посредническая роль России в решении «монгольского вопроса» несомненна.

Пессимистичен вообще взгляд капитана Тонких на историческое будущее монгольского народа. Он склонен думать, что монголы уже вырождающееся племя, численно уменьшающееся и осужденное на полное вымирание. И хотя заявление не категорично и имеет оговорку о необходимости специального исследования данной проблемы, для автора оно вполне объяснимо. Оно также необходимо ему для его основного обобщения о воинских достоинствах монгольского солдата, возможностях создания боеспособной национальной армии.

Тонких вместе с российским дипломатическим представителем Коростовцом присутствовал на показательных учениях монгольских воинов. Отмечается, что сотня в строю производила благоприятное впечатление, все показанные упражнения были проделаны чисто. Однако, по мнению Тонких, чувствовалось, что «созданное ценой больших усилий, слишком не прочно, и что все это, лишь только будет вне глаз инструктора, сейчас же развалится»⁴⁶.

Неблагоприятное впечатление усиливалось от чрезвычайной грязи в монгольских казармах, нечистоплотности кочевников и от определения основных характерных качеств монгола, как леность и трусость (их определил русский инструктор Васильев).

В заключении капитан Тонких дает следующие результаты своих наблюдений и обобщений: «у меня составилось убеждение, что создавать серьезные вооруженные монгольские силы излишне, что монголы не способны к военной службе, что войска, формируемые из них и обучение нашими инструкторами, не будут способны к каким-либо самостоятельным боевым действиям, а будут пригодны лишь для внутренней службы, будучи придаваемы к нашим, могут оказаться полезными в деле разведки и несении службы связи»⁴⁷.

Необходимо признать, что данные заключения капитана Тонких не были признаны убедительными и решающими, видимо, были приняты в расчет другие обстоятельства. Россия помогала создавать монгольскую армию, финансировала ее, направляла своих инструкторов. Также Монголии были предоставлены артиллерийские орудия и огнестрельное оружие.

Серьезное внимание изучению соседних стран, в том числе и Монголии, уделял Отдельный корпус Пограничной стражи Заамурского округа. Только с декабря 1903 по сентябрь 1906 гг. было направлено в Китай и Монголию семь экспедиций. По мнению ротмистра А. Баранова, руководителя ряда экспедиций в Монголию, «система экспедиций оказалась очень удачной, так как дала возможность стать лицом к лицу с местною монгольской жизнью, ознакомила с их бытом и вопросами их политической жизни, в том виде, как они развиваются на самом деле, а не в дипломатической окраске китайских и наших чиновников»⁴⁸.

⁴⁶ Отчет о поездке в Северную Монголию генерального штаба капитана Тонких в сентябре–октябре 1912 г. С. 111.

⁴⁷ Там же. С. 114–115.

⁴⁸ Баранов А. Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып. 10. Северо-Восточные сеймы Монголии. Харбин, 1907. С. 4.

Активизации исследований военных способствовали следующие обстоятельства: строительство КВЖД привело к усилению китайской колонизации монгольских земель, особенно в районах около железной дороги. Накануне войны с Японией и на случай возможного содействия со стороны Китая потребовалось более серьезное изучение Монголии, что определило посылку экспедиции 1903 г. По мнению А. Баранова, впервые в 1900 г. Россия имела случай убедиться, что Китай вовсе не представляет из себя неразделимого целого с Монголией и что последняя сохранила свою политическую автономию, с которой России выгодно считаться.

Обострение русско-китайских отношений выявили полный нейтралитет монголов, а в ряде случаев полное содействие России и русским со стороны монголов. «При этом расположение к России и русским не носило характера личного какого-либо сочувствия, личной симпатии со стороны отдельных лиц или общины, но напротив подобное отношение к России выразилось в организованном стройном образе действий всей Монголии»⁴⁹.

Возникновение монгольского вопроса связано с преодолением стереотипного представления о Монголии как провинции Китая. «Начавшееся непосредственное знакомство с Монголией понемногу стало освобождать нас от тех навязанных нам учебниками ложных представлений о Монголии, которые у нас существовали, как о стране дикой, пустынной, напоминающей Сахару». Самостоятельность позиции Монголии, проявления монгольской самобытности, отличное от китайцев отношение к русским вызвали интерес военных специалистов. Это было связано с общим обостренным интересом к дальневосточным международным событиям.

На основе данных изучения края и знакомства с политическими ориентациями деятелей вырисовывалась следующая картина взаимоотношений Китая и Монголии. Монголия представляет собой полусамостоятельное государство, не покоренное Китаем, а связанное с ним единством династии. Своей задачей Китай считает, по мнению А. Баранова, слияние Монголии с Китаем воедино и это стремление, нарушающее самобытность Монголии, породило монгольский вопрос.

Представляется, что А. Баранов несколько преувеличивает роль и значение Монголии во время китайской войны (имеются в виду события восстания ихэтуаней). Так, он считает, что поражение Китая было в значительной степени обусловлено положением, которое заняла Монголия, благоприятствуя России сохранив не тронутые транспортные связи. Речь идет о том, что монголы могли отрезать и захватить часть железной дороги и разъединить сообщение, снабжение и перевозку русской армии. Это предположение, кажется нам маловероятным, оно не отвечало интересам и возможностям Монголии.

Подобная сдержанность и лояльность Монголии по отношению к России, предполагает А. Баранов, «заставили Китай сейчас же после войны рьяно приняться за колонизацию Монголии»⁵⁰.

Земли, отводимые под колонизацию, выделялись вдоль железной дороги, отрезая Монголию от нее, монгольские кочевники вынуждены были покидать свои владения. Такая политика Китая не может быть безразличной для русских интересов. Помимо военного значения, новая политика расселения,

⁴⁹ Баранов А. Материалы по Маньчжурии и Монголии. С. 38.

⁵⁰ Там же. С. 6.

строительство новых городов вырывает у России торговые рынки в Монголии, подрывает торговое значение КВЖД.

Характеризуя взаимоотношения монголов и китайцев и формулируя суть взаимных антипатий, капитан С.Д. Харламов писал: «Китайцы к монголам относятся с презрением, считая их ленивыми, глупыми и грязными, но побаиваются их и опасаются насилий с их стороны, представляя их гораздо сильнее, чем они есть на самом деле. Монголы китайцев ненавидят, считая, что они несправедливо отнимают от них землю и хотят их выжить»⁵¹.

Самостоятельная и тяготеющая к России Монголия представляет своеобразный «буфер», отделяющий от вероятного противника — Китая. Желание из стратегических соображений сохранить автономию Монголии может привести, по мнению С.Д. Харламова, «к столкновению наших интересов с интересами Китая и территория Монголии, так или иначе должна стать театром будущих военных действий, являясь как бы нашим приграничным театром, районы которого не одинаково важны по своему значению для будущих военных операций»⁵².

Решительность военных в разрешении сложных территориальных споров часто отвергалось правительством России. Так, туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов в своих двух секретных письмах от 19 июня и 26 июля 1912 г. военному министру В.А. Сухомлинову, предлагал присоединить Илийский край к России, как пограничный район, имеющий для нее стратегическое и экономическое значение. Однако это предложение было отвергнуто С.Д. Сазоновым, не разделявшим эту идею. Чаще всего дипломаты проявляли осторожность и сдержанность, ограничивая «аппетиты» и энергию военных деятелей и их планы.

Прогноз и анализ международной ситуации вокруг Монголии, данный офицерами Генерального штаба и другими военными представителями в ряде случаев отличался точностью и прозорливостью. Так, пограничный комиссар в Кяхте подполковник А.Д. Хитрово по поручению российского посланника в Пекине Д.Д. Покотилова установил тайную связь с Далай-ламой, находившемся с 1904 г. в Монголии (Урге, а затем в Ван-хуре).

Опубликована записка Хитрово о деятельности Далай-ламы в 1906 г.⁵³ Из записки видно, что глава ламаистов проявил активность, встречался с влиятельными монгольскими князьями и высшими ламами. Именно находясь в Халхе, Далай-лама выдвинул свою концепцию возможности отделения Монголии и Тибета. Идея, которая реализовалась через пять лет. Кроме того, результатом этих обсуждений явилось и решение отделиться, «используя покровительство и поддержку России». Не случайно, поэтому летом 1911 г. тайную делегацию монголов в Россию возглавил Ханда-ван, в ставке которого продолжительное время Далай-лама жил и куда приезжал Хитрово. Оценки русско-монголо-китайских отношений и характеристики исторических деятелей Монголии оказались исторически точными и подтвердившимися.

Оценки военных представителей сложившейся международной обстановки на Дальнем Востоке, определение основного противника России в регионе не совпадали с подходом финансового ведомства страны. Из воспоми-

⁵¹ Харламов С.Д. Монголия. Иркутск, 1914. С. 247.

⁵² Там же. С. 138.

⁵³ Белов Е.А. Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности 1906 г. // Восток. 1996. № 4. С. 136–141.

нений министра финансов России В.Н. Коковцева «Из моего прошлого» мы узнаем о его позиции, отношении к Китаю. В 1909 г. В.Н. Коковцев совершил поездку на Дальний Восток, которая была вызвана разногласиями с военным министром Сухомлиновым об отношении к России Китая, Японии и о кредитах на укрепление Владивостока.

Посетив КВЖД, Владивосток, В.Н. Коковцев пришел к выводу о слабости Китая и силе и опасности для России Японии. По его мнению, китайская власть «слаба до последней степени и совершенно не способна ни на какое сопротивление нам, если только мы стояли на почве нашего контракта. Она желала только одного, — чтобы ее никто не трогал и не пытался приобретать для себя каких-либо новых преимуществ, так как за всякой уступкой в нашу пользу автоматически шли попытки со стороны других стран, выговорить для себя какие-либо компенсации»⁵⁴.

Таким образом, военные представители России не только теоретически рассуждали на тему «желтой опасности», но и практически изучали географию, топографию, этнографию, экономику и вооруженные силы Китая и Монголии. Совершали многомесячные экспедиции по безлюдной местности этих стран и подробно описывали возможные маршруты движения.

Результаты исследований офицеров Генерального штаба в большинстве случаев не становились предметом широкого обсуждения в русском обществе, но являлись ценным источником информации о стране и основой для принятия адекватных решений. Как мы видим, Куропаткин, Кушелев, Попов, Тонких преувеличивали военную опасность и степень экономического давления со стороны Китая и призывали к активным внешнеполитическим шагам России на Дальнем Востоке.

Они выступали за превращение Монголии в «буферную зону» между Россией и Китаем. Реально их влияние в политической жизни России, в принятии внешнеполитических решений было весьма весомым, хотя и не определяющим.

2.3. Позиция интеллигенции России в «монгольском вопросе»

Российская интеллигенция была неоднородной по своему составу. Ее социальное положение определялось местом в общественной иерархии общества. Свое значение имели и региональные особенности проживания интеллигенции (сибирская или интеллигенция Европейской России). Поэтому единого мнения по «монгольскому вопросу» у российской либеральной интеллигенции не складывалось, хотя подходы были довольно схожи и близки.

Представители демократической интеллигенции России предлагали отличную от военных, дипломатов, торговцев трактовку сложившейся ситуации в «монгольском вопросе». Эти взгляды были выражены в публикациях ведущих монголоведов России Б.Я. Владимирцова и В.Л. Котвича, статьях и воспоминаниях известного публициста и писателя, либерального народника И.И. Попова, работах ветеринарного врача А.П. Свечникова, языковеда и этнографа Н.П. Евстафиева, чиновника и этнографа Д.П. Першина, будущего известного монголоведа А.В. Бурдукова, выпускника Восточного института во Владивостоке П.А. Бобрика, журналиста Б. Имшенецкого.

⁵⁴ Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 г. Кн. 1. М., 1992. С. 350.

Представители сибирской демократической интеллигенции (Д. Першин, А. Свечников, Н. Евстафиев) считали, что Россия должна оказать Монголии помощь в создании независимого национального государства.

Серию статей о Монголии: «Современная Монголия», «Современное политическое положение Халхаской Монголии и силуэты деятелей монгольской независимости», «Русские в Монголии» опубликовал в иркутской газете «Сибирь» за 1912–1913 гг. чиновник особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе Д.П. Першин (псевдоним Д. Даурский), этнограф и журналист.

Першин Дмитрий Петрович (1853 — ок. 1930 гг.) — член-сотрудник Восточно-Сибирского отдела РГО. В сибирских периодических изданиях сотрудничал под псевдонимами Д. Даурский, П. Карымский, Бурхан. Он совершил ряд экспедиций в Монголию, участвовал в Иркутском совещании по русско-монгольской торговле. С 1915 г. являлся директором Монгольского Банка в Урге. С 1923 г. проживал в Китае, написал там воспоминания.

В его оценках и характеристиках положения Монголии, состояния и перспективах развития торговли и культурных связей между Россией и Монголией были выражены прогрессивные взгляды по поводу «монгольского вопроса». Д. Першин не скрывает своих симпатий к «беззащитному» монгольскому народу. По его мнению, обращение монголов к России за поддержкой не является случайным. Понимая, что на протяжении многих тысяч верст, граница России защищена от Китая монголами, он пришел к выводу, что «независимая Монголия необходима для России в качестве государства — буфера, и, чтобы упрочить этот буфер, Россия пойдет на многое»⁵⁵. Автор подчеркивает, что кроме Китая, жизнь монголов связана и с сибирскими окраинами России. Какой бы строй не был установлен в Китае, примирение его с Монголией невозможно. Республиканский Китай предлагает Монголии свое покровительство, посягая на уничтожение самобытности монголов, желая дать вместо самоуправления — опеку, и не скрывают намерений захватить территорию Монголии. Поэтому для Д.П. Першина решение проблемы Монголии может быть только одно: «Государство-буфер, под покровительством европейских держав, снова прикроет обнаженные границы»⁵⁶.

В то же время придется уделить огромное внимание внутреннему устройству молодого государства. Главное препятствие развития Монголии — феодализм: «даже одно ослабление и ограничение феодализма быстро поведет к оздоровлению страны»⁵⁷.

Д. Першин выступал за создание самостоятельного монгольского государства и не соглашался с мнением министра иностранных дел С.Д. Сазонова, высказанного тем в апреле 1912 г. С. Сазонов утверждал, что «монголы Халхи не имеют войска, ни финансовой организации, ни деятелей, без которых невозможно самостоятельное государство»⁵⁸.

Д. Першин же полагал, что отделение Монголии — это не желание кучки авантюристов, а выступление всего народа Халхи. Он отмечал, что страна имеет своих государственных деятелей и дал им характеристики. Поэтому долг России, по мнению Д. Першина, оказать Монголии помощь и поддерж-

⁵⁵ Даурский Д. Современное положение Халхаской Монголии и силуэты деятелей монгольской независимости // Сибирь. 1912. 7 июля.

⁵⁶ Сибирь. 1912. 11 авг.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Государственная Дума. 1912, сессия V, заседание 104. С. 2168.

ку. Он указывает на ряд противоречий в выступлении министра С.Д. Сазонова, которые могут создать условия невыносимые для Монголии»⁵⁹.

История борьбы монгольского народа за независимость показывает, что во главе ее всегда стояли люди деятельные и решительные. Такими являлись, как утверждал Д. Першин, и представители нового Ургинского правительства. Делегация монголов, ознакомившись в Петербурге с политическими делами Бухары, согласились на такое же положение, лишь бы не попасть вновь под власть Китая. «Изоляция Монголии от Китая единственное средство спасения для существования независимой монгольской самобытности»⁶⁰.

По мнению ученого Н.П. Евстафиева — этнографа и языковеда⁶¹, которое основывалось на личных впечатлениях от путешествий и экспедиций по Монголии, главной задачей российской политики в Монголии должно быть «стремление снова вернуть доверие и уважение монголов к России и позаботиться о дальнейшем упрочении взаимности между обеими странами»⁶². Мошенничество русских купцов, действия жителей русской колонии в Урге привели, считает Н. Евстафиев, к утрате искреннего доверия к России. Вернуть его можно следующими мерами: подъем культуры и самостоятельности Сибири, развитие культуры и самобытности монголов, проведение в жизнь принципов активной политики, опирающейся на активное население⁶³.

Н.П. Евстафиев выделяет три способа борьбы за влияние России в Монголии: стратегический (военный), экономический и культурный. Автор отвергает первые два способа, как невозможные и невыполнимые для России. Стратегическая борьба в настоящее время является едва ли возможной, «принимая во внимание общее расстройство наших дел, а также трудность движения оккупационных отрядов по пустынным местностям Монголии»⁶⁴. Для экономической борьбы, по мнению Н. Евстафиева, «нет достаточно предприимчивого купечества, которое могло бы подчинить своему влиянию монгольские рынки, хотя в этом направлении уже кое-что и сделано, в особенности бийскими купцами»⁶⁵. Поэтому остается только культурное влияние, для которого, прежде всего, необходимо наличие «взаимного доверия между двумя нациями».

Не все демократические деятели России были уверены, что Монголия может создать независимое государство. Такое сомнение высказал публицист, редактор-издатель газеты «Восточное обозрение» и известный общественный деятель И.И. Попов (1862–1942). В статье «По поводу автономии Монголии» (1912 г.), приветствуя сам факт отложения Монголии от Китая, он писал, что монголы «не могут, на наш взгляд, образовать самостоятельного и сильного государства, могущего противостоять Китаю»⁶⁶. Он считал, что поддержка Россией полностью независимого монгольского государства

⁵⁹ Даурский Д. Современная Монголия // Сибирь. 1912. 23 февр.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Евстафиев Н.П. (1866–1943) — этнограф и языковед. Закончил историко-филологический факультет Петербургского университета и восточный факультет Петербургского университета. Сослан в Сибирь по делу 1 марта 1887 г. Печатал статьи в сибирских изданиях. Знал более 10 языков. Участвовал в Орхонской экспедиции в Монголии и ряде других экспедиции по стране.

⁶² Томский К. Монголия и монголы (Доклад Н.П. Евстафиева в С.-Петербургском Сибирском собрании // Обская жизнь. 1912. 20 нояб.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Попов И.И. По поводу автономии Монголии // Сибирь. 1912. 21 окт.

может обострить отношения с Китаем, которого такой вариант не устраивал. Своей оценкой И.И. Попов как бы предвидел результат в 1915 г. и выступал за создание автономного буферного государства.

Более чем развернуто и полно собственное понимание отношения России к Монголии И.И. Попов раскрывает в работе «От небесной Империи к Срединной Республике». Он указывает на огромные перемены, происшедшие в первое десятилетие на Дальнем Востоке и выделяет появление еще одного «восточного вопроса», более сложного, чем ближневосточный. Действия России должны быть особенно осторожны и выверены, прежде всего, ей необходимо усилить свое экономическое влияние на Дальнем Востоке и в Монголии.

По мнению И. Попова, перед Россией встает дилемма — «быть ли ей в союзе со страной Восходящего солнца или постараться восстановить бывшие дружеские отношения с Небесной Империей, теперь республикой»⁶⁷. Сейчас известно, что Россия стремилась урегулировать отношения с обеими странами. 8 июля 1912 г. было заключено русско-японское соглашение о разделе сфер влияния во Внутренней Монголии: восточная часть — японская, западная — русская. Позднее, в 1913 и 1915 гг. были урегулированы отношения с Китаем.

Хорошо зная обстановку в самой Монголии, характер взаимоотношений Китая и Монголии, И.И. Попов далеко не энтузиаст отделения Монголии. Расчленение или объединение Китая прежде всего затрагивает наши интересы и заставляет нас оглянуться на бывшую политику по отношению к Небесной Империи, пересмотреть ее и быть, что называется, наготове в отношении вооруженных сил Китая, а в отношении искусства дипломатии и правильного понимания интересов и задач на Дальнем Востоке и в Средней Азии»⁶⁸.

Отторжение Монголии от Китая при содействии России создаст враждебное отношение китайцев. По мнению автора, Китай никогда не примирится с потерей Монголии. Одна Монголия, без внешней помощи и поддержки вряд ли сможет отстоять свою независимость. Учитывая ее финансовое и военное положение, достаточно будет одной китайской диверсии, чтобы привести к прежнему повиновению эту страну.

Соседство с Китаем, по возможности, должно протекать мирно. Наиболее выгодным было бы оставить Монголию в составе Китая, предоставив ей широкие автономные права, улучшив, таким образом, свое положение в Монголии. Решение «монгольского вопроса» И. Попов видит в создании «из Монголии государства-буфера между Россией и Китаем»⁶⁹. Главной целью отношений должно стать не политическое господство над Монголией, а приобретение рынка — «завоевание монгольского рынка и скорейшее проведение железной дороги на Ургу»⁷⁰. Менее желательным было бы потерять Монголию как рынок для российских фабрикантов.

И.И. Попова страшат разговоры о присоединении Монголии к России, он расценивает их как авантюрные: «подобное предприятие может кончиться для нас так же, как кончились авантюры с Манчжурией и Тибетом. Мы продолжаем лелеять надежду, что монголы спят и видят себя присоединенными к России»⁷¹.

⁶⁷ Попов И.И. От небесной Империи к Срединной Республике. М., 1912. С. 8.

⁶⁸ Там же. С. 9.

⁶⁹ Там же. С. 281.

⁷⁰ Попов И.И. По поводу автономии Монголии.

⁷¹ Попов И.И. От Небесной империи к Срединной Республике. С. 9.

Автор ставит вопрос: не повредит ли активное вмешательство России в дела Монголии, достижение ближайших задач в этой стране вековой дружбе России с Китаем? «Да и вообще выгодно ли для России ослабление Китая за счет усиления Японии, которая, укрепившись на материке, явится для России более опасной, чем Китай?»⁷²

Таким образом, И.И. Попов явно отдает предпочтение сохранению традиционных отношений с Китаем, сохранению равновесия в регионе и не видит большой перспективы в ослаблении Китая, что может привести к закономерному усилению Японии.

Выпускник Восточного института во Владивостоке П.А. Бобрик, посетив в 1913 г. Монголию с целью практического изучения языка и возможно широкого ознакомления со страной, писал: «Что такое самостоятельная Монголия? Страна, которая почти независимо от себя, благодаря сложившейся конъюнктуре внешних обстоятельств, оказалась независимым государством»⁷³.

По его мнению, Монголия не знает определенно ни своего политического положения, ни своих границ, а также не имеет ни правительства, ни законов, ни войска. Поэтому «свободная» и «независимая» Монголия, «предоставленная самой себе, должна, быть может, медленно, но безысходно погибнуть в невежестве, болезнях и грязи»⁷⁴.

Довольно пессимистически оценивая будущее этого государства, он отмечал: «чтобы спасти Монголию (Халху), необходимо какой-либо из культурных стран взять ее под свое покровительство или хотя бы временное управление через своих представителей, необходимо сделать так, чтобы Монголия стала страной, которая могла бы сама себя содержать»⁷⁵.

Близкие оценки и подходы «монгольского вопроса» содержались в книге журналиста Б. Имшенецкого. Он считал, что Монголия на 500 лет оказалось обособленной территорией от мирового экономического развития. Страна оказалась нетронутой и неприкосновенной современной цивилизацией, сохранившей свой первобытный уклад жизни.

Журналист совершил путешествие по Монголии, сделал оригинальные фотографии различных сторон жизни монгольского общества, написал интересные очерки Монголии после 1911 г. В результате он приходит к плачевному будущему Монголии. «Трудно предвидеть, какая судьба, какая будущность ожидает молодое ханство автономной Монголии, сформировавшееся правительство по образцу неограниченной монархии. Но принимая во внимание обширную страну, определенную по русско-китайскому соглашению примерно в 2 млн км², грандиозные границы в несколько тысяч верст и в то же время ничтожное в 500–700 тыс. душ нищенское, вымирающее население страны, отягощенное непосильными налогами, отсутствием какой бы то ни было, не только заводской и фабричной, но и кустарной промышленности, — приходится подходить к пессимистическим выводам»⁷⁶.

По его мнению, первые годы существования автономной Монголии не улучшили, а ухудшили положение населения, так как потребовались новых рас-

⁷² Попов И.И. По поводу автономии Монголии.

⁷³ Бобрик П.А. Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного быта. Владивосток, 1914. С. 60.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Имшенецкий Б.И. Монголия. Пг., 1915. С. 38.

ходы на содержание армии, чиновников, министерств, постройки казенных зданий и казарм. С другой стороны, повысилась на 30–50 % стоимость китайских товаров, в связи с повышением налогов и административных ограничений.

Журналист точно уверен, что самобытный строй страны нарушен окончательно и не подлежит восстановлению, а будущее будет зависеть от взаимных отношений Монголии, России и Китая, от реального соотношения сил двух держав и от того какую сферу завоюют в Монголии западные страны и Япония.

Несмотря на различные подходы к данной проблеме позиция интеллигенции (Д. Першин, И.И. Попов, П.А. Бобрик) принципиально отличалась от мнения военных и представителей промышленных кругов России, выступавших за захват и присоединение Монголии до пустыни Гоби к России. Интеллигенция выступала за самостоятельную Монголию под покровительством ведущих держав мира или за создание государства-буфера под покровительством России, или же, наконец, автономии в рамках Китая.

Непоследовательность, нечеткость позиции России, ее Министерства иностранных дел, общее отношение к Монголии в России обрисована крупным русским монголоведом Б.Я. Владимирцовым. В письме к А.В. Бурдукову от 25 июня 1912 г. он пишет: «Министерство иностранных дел само не знает, чего хочет. Очевидно, наше правительство, с одной стороны, как будто и хочет что-то сделать в Монголии, но зато, с другой стороны, ничего решительно не знает и боится»⁷⁷.

Ведущий монголовед сетовал на плохую осведомленность в России о монгольских делах, нежелании понять важность их для России и Сибири в особенности. Ситуация, обрисованная Б.Я. Владимирцовым, была несколько утрирована, но и другие исследователи отмечали подобные явления.

Критические замечания в адрес российской дипломатии были высказаны и И.И. Поповым: «наша дипломатия не отличалась стойкостью курса, часто меняя его и бросаясь из стороны в сторону. Неясны ей задачи, интересы и миссия России на Дальнем Востоке»⁷⁸. Неоднократно звучали упреки и в адрес Генерального консульства в Урге. Так, П.А. Бобрик считает одной из причин кризиса русской торговли в Монголии пассивную роль консульства: «оно не только не сумело предотвратить безобразий отдельных лиц, но и допустило и ту непростительную эксплуатацию монгольского народа, которая в его глазах подорвала всякое доверие и даже симпатию к русскому народу»⁷⁹.

Другой крупный монголовед В.Л. Котвич в монографии «Краткий обзор истории и современного положения Монголии» (1914) так писал о процессе формирования монгольского государства. Он утверждал, что там еще не завершился процесс создания государства из княжеств, примкнувших к Ургинскому Богдо-гэгэну, ни его политического устройства. Сопоставив между собой соглашения России с Монголией (1912) и Китаем (1913), В. Котвич обращает внимание на то, что в первом говорится о «монгольском народе», Монголии без каких бы то ни было ограничений, во втором же обеспечивается автономия только Внешней (северной) Монголии. Поэтому, считает В.Л. Котвич, «отныне Монголия должна рассматриваться состоящей из двух различных в политическом отношении частей: Северной, автономия которой гарантирована

⁷⁷ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 333.

⁷⁸ Попов И.И. От Небесной империи к Срединной Республике. С. 9.

⁷⁹ Бобрик П.А. Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного быта. С. 56.

Россией, и Южной, судьба которой исключительно зависит от правительства Китайской Республики»⁸⁰.

А.П. Свечников — ветеринарный врач, продолжительное время работавший в Монголии, в публикации «Русские в Монголии» писал о необходимости развивать русско-монгольскую торговлю. Он обвинял в нерасторопности русское правительство, которое не оказывает никакой помощи русским купцам и предпринимателям. Такое положение тем более пагубно, что «Сибирь нуждается в монгольском скоте, а такие продукты, как шерсть, кожи, сурок идут далеко за пределы Сибири, особенно с проведением Сибирской железной дороги»⁸¹.

Кроме того, по его мнению, Россия могла бы одевать и снабжать всем необходимым, если не всю Монголию, то пограничные с нею монгольские аймаки. «Рынок западной Монголии, так далеко отстоящий от Китая, должен быть в руках русских. Здесь русские могли бы конкурировать с китайцами. И это тем более, что русские могли бы хорошо сбывать скот и продукты скотоводства в Западной Сибири и далее»⁸².

Большое значение А.П. Свечников придавал распространению культурного влияния русских в Монголии. Деловыми отношениями не должны исчерпываться связи русских с монголами, тем более что Монголия сама «жаждет культуры и цивилизации». Автор считает, что русские медики, зоотехники и агрономы смогли бы принести огромную пользу. Монголы «примут их там с распростертыми объятиями, ибо какой бы отсталой страной не была Монголия, она сумела сохранить высокую личную нравственность, она знает, что есть добро и зло и сумеет взять от европейской культуры все доброе и хорошее»⁸³.

А. Свечников связывает во многом будущее положение в Азии с «монгольским вопросом», поэтому индифферентное отношение к нему не допустимо, и интересы России тесно связаны с этой проблемой.

В отличие от других русских авторов, А. Свечников не видит опасности в начавшейся колонизации Северной Монголии китайцами и сопутствующему этому переходу непосредственных дел с монголами в руки китайцев. Главное для него в этой ситуации — это интересы монголов и возможность реального улучшения их положения. Он писал о том, что китайцы прекрасные колонизаторы и могут принести монголам пользу. А русские должны внести свой вклад в развитие Монголии. Таким образом, взаимными усилиями монгольское общество будет выведено из состояния «первобытности». Это будет выгодно и для самих монголов, и для великих дружественных ей стран, интересы которых тесно переплетаются в Монголии.

Это суждение было очень не похоже на высказывания по этому вопросу других авторов. Разумеется, А.П. Свечников идеализирует отношения между Россией и Китаем, маловероятными выглядят и их «взаимные усилия» по развитию кочевой Монголии. Правда, истории известен кратковременный период 50-х гг., когда СССР и Китай помогали строить социализм в Монголии.

Другой автор, А.В. Бурдуков, хорошо знающий жизнь монголов и оставил интересные воспоминания «В старой и новой Монголии» (1969). Алексей Васи-

⁸⁰ Котвич В.Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914. С. 21.

⁸¹ Свечников А.П. Русские в Монголии. СПб., 1912. С. 90.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 149.

льевич Бурдуков (1883–1943) более тридцати лет прожил в Монголии, занимаясь торговлей в Западной Монголии. Он изучил монгольский язык, знал страну и культуру монгольского народа, собирал литературные и исторические памятники, книги. Им были опубликованы статьи на разные темы, он поддерживал переписку с ведущими учеными-монголоведами: В.Л. Котвичем, Б.Я. Владимирцовым, Г.Н. Потаниным. Позже он сам стал доцентом Восточного факультета ЛГУ.

В первой части воспоминаний «Монголия в 1911–1914 гг.», а также письмах нашел отражение «монгольский вопрос». События 1911 г. А. Бурдуков связывал с возросшей агрессивностью Китая, двинувшего волны переселенцев во Внутреннюю и Внешнюю Монголию. Угроза поглощения Китаем Монголии и ассимиляции монголов разбудили у них чувство национального самосохранения.

Обратил внимание А. Бурдуков на проблемы русской торговли в Монголии. Он выступил против притеснений русскими купцами местного населения, предлагая изменить методы торговли русских в Монголии. Такой попыткой было создание им Товарищества (1914 г.), где пайщиками были русские и монгольские купцы. Он приветствовал отделение Монголии от Китая и выступил за ее самостоятельное развитие.

Политику России в Монголии А.В. Бурдуков оценивает как «нерешительную» и «колеблющуюся». Он писал: «Россия была заинтересована в автономии Внешней Монголии как буфера между Китаем и Россией. Ургинское же правительство мечтало о присоединении Внутренней Монголии и Барги. Решительная поддержка такого плана Россией, конечно, была чревата всякими последствиями и неизбежным обострением отношений с Китаем, с которым тогда обострять отношения Россия, видимо, считала нецелесообразным, тем более что уже началась мировая война»⁸⁴.

Большой знаток Монголии и монгольского рынка А.В. Бурдуков объяснял слабый рост русского влияния в Монголии после 1911 г., когда рынок был освобожден от китайцев, слабостью экономической базы русской торговли в Монголии. Это выражалось в разрозненности мелкого торгового капитала, отсутствии достаточных средств и аппарата. Поэтому торговый капитал не мог выполнить задачи, поставленные русской дипломатией.

В 1911–1917 гг. А.В. Бурдуков опубликовал в сибирских газетах более 40 статей и корреспонденций о положении дел в Монголии, состоянии русско-монгольской торговли: «Чуйский торговый путь» (1911), «Русский сахар и спички в Северо-Западной Монголии» (1911), «К событиям в Монголии» (1912), «Независимая Монголия» (1912), «Разграбление русских торговцев» (1912), «Положение русской торговли в Северо-Западной Монголии и ее перспективы» (1912), «Политическая атмосфера в Северо-Западной Монголии» (1913), «Положение нашей торговли с Монголией» (1913), «Рынок в Улясутае и Кобдо» (1913), «Монголия как поставщик мяса для России» (1916) и др.

Практический работник, основательно изучивший монгольский рынок, особенно районы северо-западной Монголии, особенности монгольского кочевого скотоводства, А.В. Бурдуков выражал несогласие с некоторыми прогнозами и оценками размеров монгольского рынка. Так, он возражал А.Н. Аркадий-Петрову, который высказал мнение о колоссальных, несметных, неисчерпаемых скотоводческих богатствах Монголии, своеобразной счастливой Аркадии, в которой население имеет большой доход от продажи скота. По мне-

⁸⁴ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. С. 116.

нию А.В. Бурдукова, скотоводство в Монголии имеет примитивный характер, народ живет бедно, хотя природные условия позволяют иметь гораздо больше скота и лучшего качества. Но для этого необходимо серьезно изменить систему монгольского скотоводства, поднять уровень жизни кочевого населения.

Близким по биографии и по духу А.В. Бурдукова, а также к решению монгольских проблем был бийский купец А.Д. Васенев.

Алексей Данилович Васенев (1856–1917) прошел тяжкий путь от мальчика на побегушках до владельца солидного торгового предприятия. 14 лет он проработал в Монголии (1870–1884) на купца И.П. Котельникова, чтобы завести собственное дело. А.Д. Васенев не ограничился только торговлей, он проявил себя как путешественник, прошедший тысячи верст по Монголии и Китаю, оставивший дневники и описания пути, частично опубликованные, поддерживал отношения и переписку с русскими учеными Г.Н. Потаниным, А.М. Позднеевым, Д.А. Клеменцем, русским консулов в Урге Я.П. Шишмаревым. Много сил и средств он вложил в сбор редких монгольских и китайских книг, документов, предметов быта и культа.

Выделяясь из общей среды торгующих в Монголии, А.Д. Васенев выступал за честную коммерцию, прямо и резко критиковал торговцев, основывающих свой бизнес на обмане покупателей, используя их невежество. Он не скрывал своего презрительного отношения к торговцам, делавшим состояния на насилии или жульничестве, не делалось исключения и для собственных служащих, прибегающих к подобным методам. В 1894 г. он был избран старшиной русского торгового общества в Улясутайском округе.

По мере своих сил он боролся за внедрение в Монголии цивилизованных форм торговли. А.Д. Васенев хорошо знал монгольский и китайский языки, имел знакомых монголов, пользовался их уважением. Не раз он оказывал помощь научным экспедициям в Монголии, сам прожил почти три года во Внутреннем Китае. Он вел дневники, собирал образцы растений, составил коллекции ботанических и религиозных экспонатов.

А.Д. Васенев высказывал идеи о необходимости объединения мелких торговцев в Монголии, организации здесь сети кредитных учреждений, об открытии в ряде сибирских городов: Бийске, Минусинске и Иркутске коммерческих училищ, которые готовили бы приказчиков для работы в Монголии, знающих язык, обычаи и традиции монголов. Наболевшие проблемы русско-монгольской торговли высказывались в 1911 г. председателю Экспортной палаты В.И. Денисову в Министерстве торговли и промышленности.

В 1912 г. А.Д. Васенев на заседании Дальневосточного отделения Русской экспортной палаты с докладом «Русские задачи в Монголии», опубликованной позднее в журнале «Русский экспорт». Он предлагал осуществить ряд мероприятий, которые позволили бы обеспечить доминирующее положение русских купцов на монгольском рынке. Прежде всего, он считал необходимым значительно расширить ассортимент русско-монгольской торговли с помощью широкого участия в бизнесе крупных торгово-промышленных фирм центральной России: «Наши фабриканты должны поступиться получением высоких прибылей в Монголии. В общегосударственных интересах и при создавшемся положении они должны прислушаться к голосу торговцев из этой страны, пойти им навстречу, дать им изделия соответственно вкусам и требованиям туземцев, и тогда, безусловно, создастся та прочная база, которая обеспечит мощное развитие торговли»⁸⁵.

⁸⁵ Сибирский купец А.Д. Васенев. Документы и письма. Ч. II. Барнаул, 1994. С. 1.

Объявление Монголией своей независимости от Китая, считает А.Д. Васенев, «меняет положение в благоприятном для нас смысле». Поэтому он считает необходимым поддержать Монголию, так как, «собственными силами за неимением оружия и в силу мирного характера пастушеского населения, сложившегося под влиянием буддизма, Монголия не в силах оказать сопротивление, и в первой же схватке она будет сломлена Китаем»⁸⁶.

Многолетнее существование русской торговли дает России право на вмешательство в монгольские дела. По его мнению, необходимо создать между Россией и Китаем государство-буфер: «Во всех отношениях удобнее иметь соседом мирную пастушескую страну, к нам расположенную, чем враждебно настроенных китайцев»⁸⁷. Если Россия проигнорирует монгольские стремления, стране грозит опасность ее разгрома китайцами.

А.Д. Васенев считал обязательным расширение российского культурного влияния в Монголии. Крайне желательно открытие русско-монгольских школ, организация ветеринарно-медицинской помощи, что встретит сочувствие со стороны коренного населения.

Также он выдвинул идею создания совместного Русско-Монгольского акционерного общества, получившую признание со стороны монгольского купечества.

Таким образом, представители демократических кругов России выступали за создание независимого монгольского государства или государства-буфера и предлагали России оказать реальную помощь Монголии. Важнейшими задачами возрождения монгольского государства они считали оказание помощи в налаживании хозяйства монгольских кочевников, в развитии торговых отношений. Особенное внимание они уделяли вопросу о необходимости помощи в области культуры и здравоохранения.

2.4. Российские социал-демократы о характере правительственной политики в Монголии

Крайнюю позицию в «монгольском вопросе», ранее в российской общественной мысли определяемую как самую прогрессивную и «правильную» занимали представители социал-демократов и прежде всего большевиков.

Позиция российских социал-демократов основывалась на классовых позициях и интересах рабочего класса и вообще трудящихся, на критике колониальной и захватнической политики царского правительства в отсталых странах Востока, в том числе и в Монголии.

Особенно большого и глубокого интереса к Монголии и политике России в этой стране и регионе социал-демократы не проявляли. Отсутствие в стране рабочего класса, незначительная роль Монголии в мировой экономике и политике, отсутствие в стране революционных выступлений, слабая информированность о событиях в кочевой стране привели к редким характеристикам и оценкам «монгольского вопроса». И только начало Синьхайской революции в Китае и начало национально-освободительного движения в Монголии усилили интерес к данной проблеме.

В.И. Ленин специально не занимался этим вопросом, однако в ряде своих работ: «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», «К вопросу о политике министерства народного просвещения (дополнения к

⁸⁶ Сибирский купец А.Д. Васенев. Документы и письма. С. 17.

⁸⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 155.

вопросу о народном просвещении)», «Обновленный Китай» высказал ряд характеристик о колониальной политике царской России по отношению к Монголии.

Принципиальные позиции большевиков по проблемам внешней политики России на Дальнем Востоке, в Китае и Монголии были определены в решениях VI (Пражской) конференции РСДРП «О китайской революции»: «Конференция ввиду компании правительственных и либеральных («Речь») газет, пропагандирующих — в интересах российских капиталистов — отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей, клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма»⁸⁸.

Главной и важной задачей партии большевиков России являлась борьба против самодержавия, разоблачение всех его действий, направленных против своего народа и народов, закабаленных царизмом. По этому вопросу В.И. Ленин писал: «Оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняемо все более на задний план в Европе, самодержавие в союзе с черносотенным дворянством и крепнувшей промышленной буржуазией пытаются ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо — «националистической» политики, направленной против более культурных областей (Финляндия, Польша, Северо-Западный край) и путем колониальных захватов, направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Монголия)»⁸⁹.

Изменения политики России на Дальнем Востоке, по мнению большевиков, наметились с Портсмутского мирного договора, а были продолжены в русско-японских соглашениях 1907, 1910 гг. по разделу сфер влияния между двумя захватчиками. В секретной части договора от 4 июля 1910 г. Россия отказывалась от каких-либо прав на Корею, получая взамен особые права на Монголию. В.И. Ленин назвал этот договор «обмен Кореи на Монголию»⁹⁰.

В проекте первого выступления в Государственной Думе депутата-рабочего от социал-демократической фракции (написанном В.И. Лениным для А.Е. Бадаева) отмечается, что народные деньги идут на «крепостническое государство», на содержание полиции, войска, на жалование сановникам, «на политику авантюры и грабежа вчера в Корее или на реке Ялу, сегодня в Монголии и в турецкой Армении»⁹¹.

В.И. Ленин в ряде статей разоблачил стремления царизма, буржуазии к захвату, порабощению, грабежу и «нежному обниманию» Монголии и писал, что «о том будут ли обеспечены и как именно демократические учреждения в новых государствах Балкан или в Армении, или в Монголии, — об этом не пишут и не говорят. Это — неинтересно. Прибыль международных акул зависит не от этого»⁹². Разоблачая эту империалистическую политику, В.И. Ленин писал: «Мы, великорусские рабочие должны требовать от своего правительства, чтобы оно убралось вон из Монголии, из Туркестана, из Персии...»⁹³.

⁸⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 125–126.

⁸⁹ Там же. Т. 28. С. 669.

⁹⁰ Там же. Т. 23. С. 129.

⁹¹ Там же. С. 122.

⁹² Там же. Т. 30. С. 119.

⁹³ Павлович (Мих. Павлович) — Вельтман // Деятели СССР и Октябрьской революции (Автобиографии и биографии). Репр. воспроизвед. М., 1989. С. 106–107.

С другой стороны, В.И. Ленин и большевики не отделялись от египетских, индийских и монгольских трудящихся, а наоборот, стремились к союзу с ними. Было заявлено, что большевики приложат все усилия, чтобы сблизиться и соединиться с угнетенными народами и помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда и демократии. Однако они ратовали за свободное и добровольное сближение, а не насильственное объединение.

Таким образом, В.И. Ленин не вникал глубоко в суть «монгольской проблемы», в причины заинтересованности России: экономической и стратегической, в Монголии. Он абсолютизировал одну сторону сложной проблемы и видел только захватнический характер внешней политики России. Классовые интересы были поставлены выше национальных интересов, и в этом видится уязвимость позиции В.И. Ленина.

Оценку и характеристику «монгольскому вопросу» давал в своих статьях «Внешняя политика в 1911 г.», «Российское купечество и русско-китайский конфликт» Михаил Павлович (М.Л. Вельтман).

М. Павлович (Вельтман, Волонтер) Михаил Лазаревич (1871–1927) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1898 г. После II съезда РСДРП, примыкает к меньшевикам. Находясь в Париже, проявляет интерес к международной политике и Востоку. После революции был членом Всероссийской научной ассоциации востоковедения, являлся первым ректором Московского института востоковедения. М. Павлович является автором ряда работ: «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего», «Борьба за Азию и Африку», «Мировая война 1914–1918 гг. и будущие войны», «Французский империализм», «Русско-японская война» и др.

Из его «Автобиографии» мы узнаем, что в Париже в 1911 г. он читает лекции по национальному вопросу в партийной школе в Болонье (где также преподавали Богданов и Луначарский). Интересуясь восточными странами, международной политикой и революционным движением в этих странах, М. Павлович посещал в Париже собрания младотурок, персидских конституционалистов, индусских эмигрантов, китайских офицеров. «У меня на квартире постоянно собирались индусские, персидские, китайские революционеры, с которыми мы обсуждали планы революционной работы. Я сопровождал персидских революционеров во время поездки по Европе, редактировал прокламации для персидских, китайских, индусских революционеров и сотрудничал в их журналах и газетах»⁹⁴.

Мы видим, что проблемы стран Востока серьезно занимали М. Павловича и он более основательно знал некоторые стороны расстановки сил международной политики.

Рассматривая внешнюю политику России за 1911 г., М. Павлович писал: «Еще не зарубцевались тяжкие раны, нанесенные русскому хозяйственному организму маньчжурской авантюрой, а уже русские дипломаты вовлекают страну в персидскую, монгольскую авантюры, поднимают вопрос о Дарданеллах, собираются обострить конфликт с Соединенными Штатами»⁹⁵.

Отмечая «современный завоевательный» характер внешней политики царизма, М. Павлович считал, что «истинная подкладка русско-китайского конфликта лежала не в фиктивных интересах нашего купечества, а совершенно в другой области, в стремлении нашей военной партии воспользоваться

⁹⁴ Павлович М. Внешняя политика в 1911 г. // Современник. 1912. № 1. С. 251.

⁹⁵ Там же. С. 239.

пустяковыми «экономическими» поводами для интриг и территориальных захватов в Монголии и Урянхайском крае»⁹⁶. К такому выводу он приходит при изучении всех фаз русско-китайского конфликта. По нашему мнению, здесь явно прослеживается односторонность подхода, определенное преуменьшение экономических причин и торговых интересов России в Монголии. Это объясняется, как общим подходом автора к проблеме, так и слабой информированностью о размерах и роли русской торговли в Монголии⁹⁷.

«Великие экономические интересы», необходимость защиты русской промышленности», являются, по мнению М. Павловича, лишь предлогом для русско-китайского ультиматума от 11 марта, а торговые интересы в конфликте играют «ничтожную роль», и определяет долю России в торговле с Китаем в 3,7 %.

М. Павлович указывает, что подтверждение своим мыслям он брал из либеральной и «реакционной прессы», что разговоры о «независимой» Монголии, которая может существовать только при действенной помощи России, а также охрана русских границ от «нападения Китая» — все это лишний раз показывает истинные цели России относительно отделившейся от Китая Монголии. «Монголия должна в представлении наших империалистов превратиться в опорную базу для наступательных действий против соседней страны. Здесь, в Монголии, мы должны вернуть себе то, что потеряли с таким тяжелым ущербом для нашего престижа и нашей военной мощи в Маньчжурии»⁹⁸.

Критикуя точку зрения правительства России, М. Павлович не верит и либералам, которые считают, что «новорожденной монгольской независимости» надо дать возможность «создать силы самообороны от новых централистических покушений Китая. Охрана независимости и автономии Монголии должна остаться задачей русской дипломатии, — писала «Речь» 15 декабря 1911 г.»⁹⁹ Он расценивает эту «заботу» о молодом монгольском государстве и роль русской дипломатии как защитницы независимости и автономии соседней азиатской области, как «чудеса», которые рассказывают «трезвые кадеты»¹⁰⁰.

Он не верит в искренность намерений правительства и кадетов, так как «защитник автономии и независимости» в это же время «языком пуль и штыков» в Персии разъясняет эти понятия.

В статье «Российское купечество и русско-китайский конфликт» М. Павлович развивает далее тему места и роли русско-китайской торговли, ее влияния на выработку внешнеполитической ориентации.

Он выражает сомнение, что необходимость защиты торговых интересов России в Монголии могло побудить правительство обратиться с ультиматумом к Китаю. «Очевидно, наши торгово-промышленные классы, наша фабрично-заводская буржуазия играет колоссальную роль во внешней политике России, раз во имя наших «торговых» интересов правительство не останавливается перед ультиматумом Китая, перед риском войны с 400 млн страной»¹⁰¹.

М. Павлович приводит результаты и выводы московской торговой экспедиции в Монголию под руководством полковника В.Л. Попова, согласно которым

⁹⁶ Павлович М. Внешняя политика в 1911 г. С. 239.

⁹⁷ Там же. С. 240.

⁹⁸ Там же. С. 249.

⁹⁹ Там же. С. 240.

¹⁰⁰ Павлович М. Российское купечество и русско-китайский конфликт // Наша заря. 1911. № 4. С. 6.

¹⁰¹ Павлович М. Российское купечество и русско-китайский конфликт. С. 6.

Монголия как рынок для сбыта товаров «ничего нам дать не может, так как страна бедна, потребности населения крайне ограничены»¹⁰². Он считает, что это поняло и московское купечество и промышленники, когда был выдвинут «смехотворный план» Русско-монгольской торговой палаты, «наши толстосумы лишь лениво отмахивались от монгольских перспектив, как от назойливой мухи»¹⁰³.

Основывая свое мнение на отчетах русских торговых экспедиций, официальных статистических данных, М. Павлович показывает преобладание объема ввоза товаров над вывозом товаров и ничтожности монгольского рынка для России. «И трудно предвидеть, чтобы Монголия в ближайшем будущем могла сделаться серьезным рынком для русской промышленности»¹⁰⁴.

Поэтому вопрос о завоевании нового рынка не играет никакой роли в русско-китайском конфликте, а главным мотивом агрессивной политики по отношению к Китаю, по мнению М. Павловича, является, с одной стороны — «желание, стремление отвлечь умы от внутренних неурядиц, с другой — «желание поднять престиж русской армии и русской дипломатии, ослабленной военными неудачами»¹⁰⁵.

Он приводит сообщение газеты «Русское слово» о том, что в Петербурге существует сильная партия, желающая во что бы то ни стало войны с Китаем. Предполагается воспользоваться военным превосходством России по сравнению с Китаем и присоединить себе целую область, которая глубоко вдается в самый центр Сибири (Урянхайский край). М. Павлович считает, что никакая война, никакой разгром на полях битв «не в состоянии убить жизненной энергии, ослабить силу такого государства, Как Китай, наоборот, война может лишь дать могучий толчок окончательному возрождению Китая, медленно пробуждающегося от своего векового сна»¹⁰⁶.

Таким образом, мы видим, что М. Павлович против вмешательства России в монгольские дела, видит в этом агрессивные намерения страны и против оказания помощи Монголии в становлении национальной экономики и армии.

Оригинальное решение в разоблачении политики царизма и буржуазии по отношению к Монголии внес сосланный в Сибирь социал-демократ Сурин (Сурен Асеньян), написавший фельетон «Господа монголисты». «Выгравированный талантливый резцом Щедрина «ташкентец» не исчез... Раньше только — Ташкент! Таш — кент пленял его слух, развивая и без того волчий аппетит, теперь слаще всякой музыки звучит «Монголия! Монголия», — писал Сурин¹⁰⁷.

Автор публикации в форме коротких монологов от имени различных обобщенных типов: отставного штабс-капитана, москвича-мануфактуриста, бийского купца, торговца-одессита показывает как они решают вопрос: «как полнее и лучше обработать свои делишки в новой, открывающейся для их авантюры»¹⁰⁸.

От лица «энергичного» человека, особого типа «монголиста» ведется речь о политике страны. «Мы должны радоваться, что и общество и правительство стали на правильный путь восточной политики»¹⁰⁹. Планы правительства

¹⁰² Павлович М. Российское купечество и русско-китайский конфликт. С. 8.

¹⁰³ Там же. С. 10.

¹⁰⁴ Там же. С. 11.

¹⁰⁵ Там же. С. 13.

¹⁰⁶ Сурин. Господа «монголисты» // Сибирские вопросы. 1912. № 3–4. С. 56.

¹⁰⁷ Сибирские вопросы. 1912. № 13. С. 88.

¹⁰⁸ Там же. № 3–4. С. 56.

¹⁰⁹ Там же.

определяются как «очень несложные, но верные», «стать прочной ногой внутри этой богатой страны и вывозить, вывозить, вывозить...»¹¹⁰.

«Энергичных» людей и правительство объединяет легкий успех первых шагов в Монголии. Огромные прибыли не могут оставить их равнодушными. Богатства Монголии кажутся им несметными, «поверх земли и валяются, загребай голыми руками да на возы»¹¹¹. Поэтому без особых усилий и стараний «скот, шерсть, сырье всякое в миллионах пудов потечет к нам за бесценок, а от нас товары разные поплывут к монголишкам, а то позалежали они, товары-то, в складах московских»¹¹².

Штабс-ротмистр, организатор Акционерной компании «Монгольский скот», которому удалось убедить правительство в необходимости составить компанию по ввозу в России монгольского скота, считает, что «в Монголии скота столько, сколько у нас мух на навозной куче — миллиарды, да какой скот-то! Сплошной бифштекс»¹¹³.

«Монголист» оказался живучее «Ташкентца». Он имеет определенное влияние на правительство. «Надо так: войска-войсками, а энергичные люди само собой. Войска порядок должны охранять, смотреть, чтобы интересы благоприятствуемой страны не страдали, а энергичные люди под стягом военной охраны, поработают во славу отечественной торговли и промышленности»¹¹⁴.

Работа «во славу отечественной торговли и промышленности» выражались в том, чтобы захватить стада монголов, обирать их, обманывать, продавая залежавшийся товар. Главную ставку «монголисты» делают на революцию в Китае. Пока внутренняя смута не позволяет ему отвлечь свои силы, необходимо захватить Монголию. «Монголисты» хотят, чтобы им «препятствий ни каких не было, да правительства попущения были». Сперва, представитель правительства его высокопревосходительство заартачился: «Авантюра», — кричит. Но ротмистр стал доказывать, что вовсе не авантюра, а спасение, можно сказать, отечества.

И хотя китайцы «ловкий и продувной народ», однако «теперь мы их в кулак сожмем, это им не Ялу, не Корея, тут мы — господа положения. Чуть что — войска введем»¹¹⁵. Поэтому предполагается, что действия в Монголии должны быть более удачными, чем в Маньчжурии.

Девиз монголистов, собравшихся со всех уголков России: «Монголия! Вот что нас должно объединить... Это означает, что тут всем хватит работы, на долю всех придется изрядный лакомый кусок»¹¹⁶.

Таким образом, Сурин саркастически и беспощадно разоблачает захватническую политику правительства и буржуазных кругов. Фельетон явился особой формой протеста представителя российских социал-демократов против грубого вмешательства правительства во внутренние дела соседней Монголии. Российские социал-демократы негативно относились к внешней политике России в Монголии, считали ее захватнической и агрессивной.

¹¹⁰ Сибирские вопросы. 1912. № 3–4. С. 56–57.

¹¹¹ Там же. С. 57.

¹¹² Там же. С. 58.

¹¹³ Там же. С. 57.

¹¹⁴ Там же. С. 60.

¹¹⁵ Там же. С. 89.

¹¹⁶ Там же.

3. ХАРАКТЕРИСТИКА В СССР МОНГОЛЬСКИХ ПРОБЛЕМ 1920–1930-х ГОДОВ И ОБСУЖДЕНИЕ ИДЕЙ ПАНМОНГОЛИЗМА: ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Монголия не сумела сохранить национальную независимость, провозглашенную в 1911 г. В ноябре 1913 г. после продолжительных тайных переговоров между Россией и Китаем было достигнуто соглашение об автономии Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая. Кяхтинский договор 1915 г. закрепил принцип автономности, несмотря на сопротивление монгольской делегации. Россия укрепила свои экономические позиции на монгольском рынке, но господства не добилась. Воспользовавшись ослаблением влияния России на Монголию в годы первой мировой войны, Китай начал усиливать свои позиции. Оно завершилось введением в 1918 г. китайских войск в Монголию. Китайское правительство воспользовалось падением царизма в России, ослаблением ее позиций в Монголии, решило подчинить ее своему полному контролю. Правительство А. Колчака неоднократно выражало протест по поводу ввода китайских войск и нарушения Тройственного соглашения. Оккупировав Монголию, Китай отменил предыдущие трехсторонние договоры, ссылаясь на «добровольный» отказ монгольских князей от автономии. Так произошла утрата позиций России в Монголии и было нарушено равновесие международных сил в регионе.

Проблемы стали решаться не путем дипломатических переговоров, а военным путем. Монгольское правительство не имело достаточно военных сил, чтобы противостоять китайской агрессии или вторжению Унгерна. Оно пыталось лавировать между противоборствующими силами, но вели себя не последовательно, апеллируя и приглашая то китайцев для борьбы против Семенова, то Унгерна для изгнания китайцев. В обоих случаях, формально это осуществлялось с согласия главы Монголии — Богдо-гэгэна и его приближенных, т.е. ими манипулировали извне.

19 октября 1920 г. Унгерн подошел к Урге и было совершено несколько налетов на столицу. Унгерн сумел добиться освобождения Богдо-гэгэна из-под ареста, объявил себя «освободителем» и защитником святого учителя и желтой веры-ламаизма, что нашло определенную поддержку монгольского общества. 4 февраля 1921 г. разгромил китайские отряды и захватил Ургу. 15 февраля 1921 г. была восстановлена автономия Монголии. Унгерн же провозгласил своей целью масштабную задачу восстановления трех монархий: русской, монгольской и маньчжурской. Восстановление монгольской монархии планировалось как начало решения этой проблемы.

Таким образом, Внешняя Монголия стала ареной столкновения и борьбы различных политических сил Китая, России и Японии. Революции 1917 г. в России и гражданская война на ее территории привели к ослаблению роли России в «монгольских делах», которую Унгерн пытался восстановить.

Национальная революция монголов 1921 г., переросшая постепенно в национально-демократическую революцию, резко изменила ситуацию. Совершенная с помощью России и Коминтерна, революция привела к усилению роли России и превращению Монголии в своеобразного саттелита. Подписание в ноябре 1921 г. советско-монгольского договора о дружбе и сотрудниче-

стве вызвало у китайской стороны резкое несогласие. Революция 1917 г. в России и национальная революция 1921 г. в Монголии принципиально изменили расстановку сил не только внутри этих стран, но и в треугольнике Россия — Монголия — Китай.

3.1. Монголия в характеристиках советских политиков и ученых в 20–30-х годах XX века

Революции 1917 г. в России и монгольская революция 1921 г. привели к резкому свертыванию общественной мысли России. В определенном смысле можно говорить о том, что к концу 20-х — началу 30-х гг. постепенно формируется единый унифицированный взгляд на общественные явления и процессы, в том числе и на происходившие в Монголии. Частично общественная мысль продолжала сохраняться в условиях российской эмиграции, но это уже самостоятельное явление, мало связанное с предшествующим этапом.

Не будет преувеличением вывод о постепенном исчезновении общественной мысли России и формировании единого марксистского взгляда на исторические события и явления. Правда, в 20-х гг. еще продолжала существовать в отдельных случаях живая творческая мысль. Но это было скорее исключение, а не правило.

Исключается разномыслие по принципиальным вопросам, сокращается число дискуссий и наличие различных точек зрения на тот или иной вопрос. Резко сокращается число публичных выступлений, мы не видим уже принципиальной разницы между оценками «монгольского вопроса» дипломатами, военными, представителями торговых, экономических и культурных кругов.

С 20-х гг. в России резко меняется тематика публикаций о Монголии, на передний план выходят издания на современную тему, а сюжеты о древности и средневековье Монголии отходят на второй план. Наиболее важными и актуальными становятся вопросы демократических преобразований в Монголии, экономические сюжеты становятся преобладающими в общественной мысли страны. Однако, заданность выводов, подчиненность выводов социальным задачам революционных преобразований в стране, слабая аналитичность и недостаток фактических данных не позволили создать подлинно научную картину монгольского общества 20–30-х гг.

В последние годы российские исследователи (С.Л. Агаев, А.П. Базиянц, А.Н. Кононов, Н.А. Кузнецова, Л.М. Кулагина, Б.В. Лунин, В.Н. Никифоров, М.А. Персиц, П.М. Шаститко и др.) все чаще обращаются к вопросам становления советского востоковедения. Однако развитию советского монголоведения в 20–30-е гг. — составной части востоковедения, уделяется пока незначительное внимание (И.И. Иориш, Н.П. Шастина, М.И. Гольман). Вместе с тем, именно в это время закладывались основы нового типа исследования истории Монголии — марксистско-ленинского, происходило первоначальное осмысление и обобщение опыта революции 1921 г., проводился анализ революционного процесса в целом, многие оценки и характеристики новейшей истории Монголии не потеряли своего научного значения до настоящего времени, к некоторым из них вновь возвращаемся после длительного перерыва. К сожалению, современное монголоведение не определило еще своего отношения к работам первых исследователей, которые занимались обобщением и осмыслением опыта реформ в Монголии в 1921–1940 гг.

В 20–30-е гг. ведущие монголоеды старшего поколения, дореволюционной подготовки (Б.Я. Владимирцов, Ц.Ж. Жамцарано, В.Л. Котвич, В.В. Бартольд, Г.Ц. Цыбиков, Г.Е. Грумм-Гржимайло, С.А. Козин) по-прежнему занимались вопросами традиционного востоковедения: изучение исторических и литературных памятников древней и средневековой Монголии, сторонились проблем современности. Справедливости ради, необходимо отметить, что в конце 1920-х гг. в их исследованиях начался перелом в тематике и методике исследований. Так, Б.Я. Владимирцов и Н.Н. Козьмин подготовили исследования, посвященные изучению социальной природы кочевого общества. В.Л. Котвич опубликовал ряд статей, посвященных современной Монголии.

Ведущий монголоед страны академик Б.Я. Владимирцов опубликовал в 20-е гг. работы: «Буддизм в Тибете и Монголии» (1919), «Чингис-хан» (1922), «Монголо-ойратский героический эпос» (1923), «Образцы монгольской народной словесности» (1926), «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» (1929).

Директор Петроградского института живых восточных языков, член-корр. АН СССР В.Л. Котвич опубликовал работы: «Среди монгольских племен», «Из поучений Чингис-хана», «К изучению Юань-чао-биши» (1925).

Невосполнимыми оказались кадровые потери специалистов в области монголоведения. В 1918 г. умер выдающийся тюрколог и этнограф В.В. Радлов. В 1920 г. от болезни скончался крупнейший монголоед А.М. Позднеев. В 1923 г. из Петрограда во Львов уезжает В.Л. Котвич и публикует свои исследования на польском языке. В Финляндию эмигрирует талантливый молодой монголист А.Д. Руднев (1878–1959), занимавшийся проблемами монгольской филологии. В 1922 г. в Харбин уезжает В.А. Рязановский, юрист и востоковед, издавший «Монгольское право (преимущественно обычное)» (1929), «К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право» (1931). Покидает Россию историк, философ-евразиец Г.В. Вернадский (1887–1983), опубликовавший в США исследование о взаимоотношениях монголов и Руси. Только в 1920-е гг. работают Б.Я. Владимирцов (до 1931 г.), В.В. Бартольд (до 1930 г.).

Необходимо отметить одну характерную особенность публикаций русских эмигрантов — почти полное отсутствие серьезных исследований о политике России в Монголии в 1911–1917 гг. Мы не встречаем почти ни одного автора, ранее писавших активно по «монгольскому вопросу». Ведь это были в основном практические работники, немонголоеды. Данное направление исследований оказалось полностью прерванным, не имеющим преемственности.

В работах новых авторов: Л. Пазвольского, А. Лобанова-Ростовского, Ф. Мансветова, М. Белова, Д. Даллина, по данным М.И. Гольмана, обосновывается тезис о продолжении СССР территориальной, политической и экономической экспансии царской России в Монголии. Публикации были посвящены критике политики Советской России в Монголии, превратившей последнюю в «колонию», «сателлиту».

Мощным течением общественной мысли в первой трети XX в. являлось евразийство, оригинально трактовавшее роль монголов в истории и культуре России. «Евразийцы» — это сравнительно небольшая группа русских интеллектуалов-эмигрантов, которые заявили о себе программным сборником «Исход к Востоку» (1921), а в 1926 г. издали политическую платформу «Евразийство» (опыт систематического изложения). Она объединяла культуролога и

лингвиста Н.С. Трубецкого, философов Г.В. Флоровского и Л.П. Карсавина, географа Н.П. Савицкого, историков Г.В. Вернадского и М.М. Шахматова, юристов В.Н. Ильина и Н.Н. Алексеева и др. Они издавали в Европе: Софии, Праге, Париже и Берлине периодические издания «Евразийская Хроника», «Евразийский Временник», а также газету «Евразиец».

В мучительных поисках ответа на вопросы о причинах российских революций и гражданской войны, евразийцы нашли их в неудачном копировании духовной культуры Европы, приведшей Россию в тупик. Европеизация России, начатая реформами Петра I, вызвала, по их мнению, помутнение национального самосознания, привела к насильственной трансформации российской культуры. Из Европы появились: нигилизм, марксизм революции.

Выход для России они видели в возврате к своим истокам — «к исходу на Восток». Осмысление исторического пути России привело евразийцев к выводу, что влияние Азии и Востока вообще более благотворно на Россию, чем европейское. Поэтому по-новому в их сочинениях представлена роль монголов в истории России, переосмыслена роль и значение монголо-татарского ига. Без «азиатского элемента», без татарщины не было бы России. Монголы повлияли на государственное устройство и социальную организацию, на культуру, быт и образ жизни русских людей. В отличие от славянофилов, абсолютизовавших славянские корни русской жизни, евразийцы признавали существенное влияние восточного, туранского элемента, наследия степного кочевого мира, «наследия Чингисхана». Они считали, что монголы впервые сформулировали историческую задачу Евразии, положили начало ее единству. Монгольское владычество было суровой школой, выковавшей Московскую государственность и русское самодержавие, оно оставило после себя царство Ивана Грозного, т.е. способствовало становлению государства. При монголах установились основные элементы московской государственности: централизм, самодержавие, крепостничество.

Справедливости ради, необходимо отметить, что в обобщающих и много томных исследованиях «Истории России» крупнейших русских историков проблема роли монголов ими ставилась и обсуждалась. Сформировались и различные подходы и точки зрения. Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, Н.П. Загоскин, В.В. Леонтович признавали большое влияние монголов на развитие московской государственности. «Москва обязана своим величием ханам» — так определил это влияние Н.М. Карамзин. Однако большинство крупных историков: С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, М.Н. Покровский считали, что монголо-татарское иго не имело глубоких последствий на Московское государство, хотя и влияло на отдельные процессы, ускоряя или замедляя их.

Научная тема: «Влияние монгольского ига на Россию» объявлялась Российской Императорской Академией наук еще 150 лет назад на специальный конкурс, на который было представлено только одно сочинение на немецком языке. А в 20–30-х гг. XX в. вышла целая серия работ на данную тему, исходя уже из внутренних потребностей развития общественной мысли.

Российский эмигрант калмыцкого происхождения Э. Хара-Даван, которого также причисляют к евразийцам, определил проблему выяснения роли и значения монгольского влияния на Россию как «монгольский вопрос», не поставленный русскими и европейскими учеными во всей его величине. Он писал: «Монгольское завоевание не было нашествием диких орд и монголы не были ни «дикарями», ни «варварами», иначе они не могли бы одержать победу

над народами старых культур двух континентов и создать небывалую в мировой истории Империю»¹.

Доктор Э. Хара-Даван рассматривал современные монгольские народы (буряты, калмыки), как представителей не угасшей культуры, а пробудившихся после 500-летнего застоя и находящихся в начале своего возрождения. Так, события давно минувших дней приобрели новое звучание и поразительную актуальность.

Традиции русского монголоведения складывались в передаче информации, материала непосредственно от учителя к ученику, в подготовке учеников, которые исчислялись единицами. В 20–30-е гг. XX в. эта традиция была прервана, ведущие ученые-монголоведы ушли из жизни, не подготовив прямых учеников. Оказался в полной мере невостребованным талант этих исследователей, который не реализовался и не раскрылся до конца. Ученые были вынуждены приспособливаться к существующему коммунистическому режиму, его требованиям к исследователям.

Исключенным из списков советских монголоведов оказался крупный монголист-филолог Н.Н. Поппе (1897–1991), который за 18 лет работы в СССР (1924–1941) опубликовал 27 книг, а всего 133 публикации. Названный немецким шпионом и предателем, Н.Н. Поппе был предан в советской науке забвению.

Политически острыми и актуальными вопросами послереволюционного развития Монголии занимались практические работники (А. Калинин, А. Симуков, С. Нацов, М. Амагаев, С. Далин, Л. Берлин, В. Якимов, Б. Шумяцкий, В. Юдин, И. Майский, В. Виленский-Сибиряков, Е. Стулов, В. Кучумов, Т. Рыскулов и др.), которые публиковали свои материалы в периодических изданиях того времени: «Современная Монголия», «Хозяйство Монголии», «Жизнь Бурятии», «Революционный Восток», «Новый восток», «Коммунистический Интернационал», «Интернационал молодежи».

Большинство из них в молодом возрасте активно участвовали в революции 1917 г. в России, а затем в революции 1921 г. в Монголии. В основном они имели среднее или незаконченное высшее образование, некоторые получили образование уже позднее, часто в сокращенном варианте, совмещая ее с практической деятельностью. Это были молодые, динамичные деятели, выдвинувшиеся на волне революционных событий. Они и стали первыми исследователями реформ в Монголии.

Подавляющее большинство из них занималось активной политической деятельностью, участвовало в общественной жизни не только России, но и Монголии. Так, М.И. Амагаев являлся представителем Коминтерна при ЦК МНРП, членом Экономического совета МНР, С.А. Нацов — консулом в Западной Монголии, референтом Исполкома Коминтерна, Ц.Ж. Жамцарано и Э.Р. Ринчино входили в состав политического руководства страны. С. Далин работал в Исполкоме КИМа, Н.Н. Козьмин — в Госплане Бурятии. Работниками советского посольства в МНР являлись В.А. Казакевич, А.Д. Калинин, А.Д. Симуков. Преподавательской деятельностью занимались: М.И. Амагаев — ректор Ленинградского восточного института, Э. Ринчино — доцент КУТВа, Н.Н. Козьмин, Ц. Жамцарано — профессора Иркутского университета. Подходившие к пику своей творческой деятельности, к

¹ Симукова Н.А. А.Д. Симуков: вклад в монголоведение, неизвестные труды // VI Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1992. С. 185–191.

написанию крупных монографий, диссертаций, они не успели реализовать свои планы и задумки. Так, пропала в архивах НКВД докторская диссертация М.И. Амагаева «Проблемы революционного движения в Монголии». Подготавливая докторскую диссертацию об аграрных отношениях в Монголии, был репрессирован А.Д. Калинин.

Целое поколение ученых-монголоведов, сформировавшихся в 20–30-е гг. XX в. было физически истреблено. Нарушение преемственности в его развитии является одной из причин кризисных явлений в современном монголоведении. На долгие годы забвению были преданы не только имена этих исследователей, но и их книги и концепции, их научные идеи и подходы.

Оттепель 1960-х гг. «открыла» и вернула из небытия некоторые имена, но оценки не вписывались в концепцию новейшей истории МНР. Поэтому и сегодня еще в этих страницах достаточно «белых пятен», забытых ученых и нереабилитированных идей.

Долгие годы нельзя было упоминать их имена, обращаться к их трудам, анализировать их концепции. Можно было только одно — бездоказательно критиковать. Современный уровень развития общественной мысли требует создания обобщающих работ, в которых была бы воссоздана полная, без изъятий и умолчаний картина изучения монгольской революции 1921 г.

Двадцатые годы в монголоведении отмечены творческим поиском, свободными дискуссиями, многие оценки и характеристики проблем новейшей истории МНР не утратили своего научного значения до сих пор. Неразрывно с процессом изучения документов по истории революции в 20–30-е гг. XX в. происходило осмысление сути революционного процесса. Касаясь в своих работах вопроса характера монгольской революции 1921 г., исследователи определяли ее как национальную, акцентировали на ее политическом характере. Однако, к середине 1930-х гг. преобладающей стала характеристика революции как буржуазно демократической нового типа.

Специальное изучение работ советских монголоведов 20–30-х гг., посвященных новейшей истории МНР, представляется важным и актуальным не только с точки зрения изучения вклада этих исследователей, но и с позиции преемственности в развитии монголоведения, становления и развития концепций реформ 1920-х гг. Трагическая судьба большинства авторов работ, многие из которых были необоснованно репрессированы в 1930-х гг., повлекла за собой забвение их идей и трудов. В настоящее время работы первых исследователей уже стали библиографической редкостью и малоизвестны современным историкам.

В 60–70-е гг. XX в. появились первые публикации в МНР и СССР, посвященные Ц. Жамцарано, Б. Шумяцкому, М. Амагаеву, В. Букатому, Х. Канукову. В Монголии была опубликована монография Д. Даша «Они сражались за свободу и независимость монгольского народа» (1967). Автор высоко оценивал деятельность представителей Коминтерна в Монголии, их вклад в реформирование монгольского общества.

В 1985–1995 гг. в Бурятии появились публикации и были проведены научные конференции, посвященные Ц. Жамцарано, Э. Ринчино, Б. Барадину, С. Нацову, положительно оценивая роль этих деятелей в истории Бурятии и Монголии. Публикации этого же периода, изданные в Монголии подчеркивали негативный характер деятельности этих же политических деятелей. С ними связывали ошибки, перегибы в деятельности МНРП, злоупотребления

против религиозных деятелей, разрушении национальной культуры и т.п. Таким образом, историографические «волны» в Бурятии и Монголии не совпадают. Это связано с процессами национального возрождения у соседних народов, определением «своих» (хороших) и «плохих» (чужих — бурят).

Позднее других, только в 1989–1994 гг. появились первые статьи о научном вкладе А.Д. Симукова (1902–1942). Статья этнографа А.М. Решетова (1989), Н.А. Симуковой (1993), В.В. Грайворонского (1993) определили А.Д. Симукова как монголоведа широкого профиля, географа и этнографа. В 1923–1926 гг. он участвовал в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова, в 1927–1939 гг. жил и работал в Монголии в Комитете Наук сотрудником, а затем заведующим Отделом географии. Он совершил 15 экспедиций по Монголии и опубликовал на русском и монгольском языках «Очерки природы и быта» (1927), «О кочевках и пастбищах Монголии» (1929), «Монгольские кочевки», «Географический атлас МНР». В апреле 1992 г. в Москве было проведено мемориальное заседание, посвященное 90-летию А.Д. Симукова.

Первой значительной работой по истории монголов стала монография И.М. Майского «Современная Монголия», изданная в 1921 г. в Иркутске. Автор создал глубокое и оригинальное исследование, в котором сочетались точные статистические данные и яркие эмоциональные характеристики. Фактические данные приведены по всей стране, а не только по маршруту следования экспедиции, что имело место в предшествующих публикациях. Приблизительно подобную работу планировал выпустить монголовед А.М. Позднеев в 7 томах, но сумел издать только два тома «Монголия и монголы» — дневники путешествия.

Исследование «Современная Монголия» явно превосходит по уровню обобщения, глубине и оригинальности выводов публикаций русских авторов начала XX в. Поразительно, что это сделал не специалист-монголовед, не дипломат и специалист, продолжительное время работавшие в стране, а человек, пробывший в стране короткое время и сумевший в короткое время вникнуть в суть «монгольского вопроса».

Книга И.М. Майского «Современная Монголия» — своеобразный итог, завершающее исследование дореволюционной Монголии, поэтому оно так часто и широко используется современными исследователями.

В 1919 г. в Монголию была направлена экспедиция, снаряженная Всероссийским центральным Советом потребительских обществ, с целью изучения экономического состояния Внешней Монголии. Итоги полугодовой экспедиции (1919–1920), за время которой было пройдено более 3 тысяч километров, были подведены И.М. Майским — руководителем этой экспедиции в книге «Современная Монголия»².

Иван Михайлович Майский (Ляховецкий) (1884–1975) прожил большую, интересную и богатую событиями, жизнь. Студент Петербургского университета, революционер (сначала меньшевик, а затем большевик), крупный дипломат, академик (с 1946), автор крупных исследований по истории Испании и истории международных отношений.

Его отец, выходец из крестьян, окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге, в 1888 г. вместе с семьей переехал в Омск. В Сибири прошли его детские и юношеские годы. В Омской гимназии проявился его серьезный

² Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921.

интерес к научным занятиям, к гуманитарным наукам. В 1901 г. он поступил в Петербургский университет. За участие в революции 1905 г. он был сослан в Тобольск, где находился до 1908 г., затем нелегально эмигрировал в Западную Европу, где длительное время (1912–1917) жил в Англии.

В 1918–1922 гг. И.М. Майский в третий раз находится в Сибири. С 1922 г. И.М. Майский находится на дипломатической работе. В 1929–1932 гг. — полпред в Финляндии, в сложные предвоенные и военные годы (с 1932 по 1943 г.) — посол в Великобритании. В 1943–1946 гг. он является заместителем наркома по иностранным делам.

Книга «Современная Монголия» была написана зимой 1919–1920 гг. в Хангельцыке, в Северо-Западной Монголии в доме русского купца и будущего монголоведа А.В. Бурдукова. Наверное, появление этой книги вряд ли было возможно (или это была бы совсем другая работа), если бы не помощь А.В. Бурдукова материалами и советами — как знатока монгольских реалий. Велико значение и монголоведно библиотеки А.В. Бурдукова (свыше тысячи томов) для написания обобщающего труда о Монголии. Эти обстоятельства отмечал и сам И.М. Майский: «Бурдуков предоставил здесь в мое распоряжение не только удобное помещение и библиотеку (которая имела для меня огромную ценность), но и свои связи с монголами и свое несравненное знание страны, населения и местных порядков»³.

Осенью 1920 г. Майский подготовил отчет об экспедиции в Монголии и характер отчета отличался от первоначальных планов экспедиции, что, по мнению автора, «явился неожиданностью и для меня самого», так как выходил за рамки чисто экономического обследования.» Мне хотелось создать книгу, — пишет Майский, — которая сочетала бы серьезность содержания с популярностью изложения»⁴.

Осенью 1920 г. И.М. Майский сдал готовую книгу в иркутское отделение Госиздата и через восемь месяцев в середине 1921 г. книга была издана. «Однако суровые условия того времени наложили на книгу свой отпечаток: бумага была серая, шрифт побитый, краска бледная, печать слепая. Многие страницы просто трудно читать. В стиле времени был и полученный мною «гонорар»: 10 фунтов масла и 2 пуда муки-крупчатки»⁵.

Работа Майского «Современная Монголия», в отличие от всех без исключения предыдущих изданий о Монголии, носит комплексный характер. Не будет преувеличением, если мы назовем монографию Майского своеобразной энциклопедией дореволюционной Монголии, не только по объему (472 с. большого формата), но и по насыщенности фактическим материалом и кругу вопросов, рассматриваемых в работе. В книге пять больших разделов: Страна, население, народное хозяйство, государственный строй, религия. Кроме того, в приложении представлены «Итоги переписи населения и скота в Автономной Монголии в 1918 г. (в четырех аймаках), материалы которых ныне являются ценным историческим источником, так как оригиналы переписи оказались утраченными.

Написанная живо и увлекательно, она читается с большим интересом. Разумеется, незнание монгольского языка, кочевой цивилизации не могли не при-

³ Майский И.М. Монголия накануне революции. М., 1959. С. 10.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 11.

вести к некоторым фактическим ошибкам. Грубых ошибок, видимо, помогли избежать его помощники А.В. Бурдуков и переводчик Батухан.

Ряд выводов автора явно обусловлены неглубоким пониманием жизни кочевников, что вполне объяснимо его кратковременным пребыванием в стране. И, разумеется, это был взгляд человека, с развитой европейской культурой, прожившего в Западной Европе более 10 лет.

Два издания книги: «Современная Монголия» и «Монголия накануне революции» (1959) заслуживают также самостоятельного историографического и источниковедческого анализа, так как ряд принципиальных характеристик кардинально изменились. Предстоит выяснить, что связано с эволюцией взглядов Майского, что с работой редактора книги (И.Я. Златкин), что с политической конъюнктурой.

Выход в Иркутске книги Майского тиражом всего тысяча экземпляров, не остался незамеченным в среде ученых-монголоведов и широкой общественности. В востоковедном научном журнале «Восток» (1923) опубликована интересная и развернутая рецензия известного монголоведа В.Л. Котвича, одного из ведущих тогда специалиста по проблемам истории Монголии⁶. Рецензия довольно критическая, но главное — очень «колючая» и недружелюбная. И хотя ряд критических замечаний В.Л. Котвича были справедливыми, тем не менее, тональность оценок не всегда выдержана в профессорском духе. Чувствуется недоброжелательность ученого-монголоведа к «варягу-дилетанту», вторгшемуся не в свою область деятельности. Особенно «оскорбился» Котвич оценкой И.М. Майского литературы о Монголии, видимо, он отнес это замечание и к себе лично.

В предисловии монографии Майский писал: «наша литература о Монголии вообще очень небогата, а специальная литература об экономике и вообще ничтожна. Вдобавок даже та литература, которая существует... сильно устарела, едва ли может служить надежным источником для суждения о состоянии Монголии наших дней»⁷.

Необходимо отметить, что подобные обобщения о литературе, посвященной Монголии, основаны на неполной информированности Майского, так как российская историография только начала XX в. насчитывает более сотни изданий о стране.

Но даже такой строгий критик и знаток Монголии, как В.Л. Котвич отмечал, что он приветствует появление данной книги, «она способна заинтересовать читателя и дать ему общее представление о стране и ее населении и массу ценных сведений по отдельным вопросам»⁸. Не случайно, поэтому уже на протяжении более 70 лет ни один серьезный исследователь истории Монголии не обходит стороной материалы книги.

Изложение данных по населению, экономике, религии и государственному строю Монголии, И.М. Майский подчиняет задаче глубокой характеристике монгольского общества и определению перспектив ее развития. Не случайно в этой связи, автор пристальное внимание уделяет китайцам и русским в Монголии, их месту и роли в Автономной Монголии. По его мнению, Монголия может развиваться, ориентируясь на Китай, либо на Россию.

⁶ Восток. 1923. Кн. 2. С. 118–125.

⁷ Майский И.М. Современная Монголия. С. 1.

⁸ Восток. 1923. Кн. 2. С. 123.

По мнению И.М. Майского, в физическом отношении монголы представляют собой здоровый и крепкий народ, он выступает против устоявшегося в российской литературе мнения о вымирании монголов. «Судя по многим признакам, они в течение столетий пребывают в стационарном состоянии»⁹. Однако в духовном отношении, он оценивал монголов пассивными, праздными, ленивыми, нечистоплотными и невежественными, но вместе с тем отмечал их наблюдательность, добродушие, гостеприимство и миролюбие.

Китайские позиции и китайское влияние в Монголии И.М. Майский рассматривал с позиций превосходства европейской культуры над китайской культурой и цивилизацией, как старой и «одряхлевшей» культурой, «которая при невероятной растрате человеческой энергии способна давать лишь самый ничтожный полезный результат. Такая культура обладает минимальной «ударной силой», она может подчинить своему влиянию другие, нижестоящие народы, аргументируя не качеством, а количеством»¹⁰.

Во Внешней Монголии он насчитывал около 100 тыс. человек. В отличие от своих предшественников, он считает, что «китайская эмиграция лишена прочности и плохо пускает корни»¹¹. Роль китайцев и китайское влияние в Монголии он считал сравнительно слабым, «что объясняется немногочисленностью китайских колонистов и внутренней гнилью китайской культуры. Монголы не любят и не уважают китайцев»¹².

Представляется, что выводы И.М. Майского относительно китайской культуры носят субъективный и односторонний характер, а оценка возможностей китайской адаптации и колонизации вообще является ошибочной. В мире хорошо известны несколько точек проживания китайской диаспоры, которая умело приспосабливается к местным условиям.

Русские составляли небольшую (около 5 тыс. человек), но «очень влиятельную группу населения», которые живут семьями, устраиваются прочно и основательно. Поэтому «русское влияние в Автономной Монголии сравнительно сильно. Монголы относятся к русским в общем с симпатией и большим уважением, чувствуя в них авангард европейской культуры»¹³.

Касаясь будущего развития Монголии, автор смотрит на него с оптимизмом и связывает это со способностью монголов воспринимать элементы более высокой европейской культуры.

Вариант развития в виде «Великой Монголии» — объединения всех монгольских племен Азии от Байкала до Тибета, он считает «великой утопией». «Великая Монголия» в самом лучшем случае могла насчитывать 2–3 млн населения и, по мнению автора, эпоха подобных карликовых государств давно прошла. В XX в. имеют шансы на самостоятельное развитие лишь большие народы, насчитывающие своих единоплеменников десятками и сотнями миллионов»¹⁴.

Поэтому, считает И.М. Майский, монголы должны сделать выбор между Россией и Китаем, которые олицетворяют собой Европу и Азию. Принятие Автономной Монголией китайской ориентации может привести в будущем

⁹ Майский И.М. Современная Монголия. С. 68.

¹⁰ Там же. С. 85.

¹¹ Там же. С. 108.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 108.

¹⁴ Там же. С. 329.

лишь к культурному застою и экономическому разорению. «Прежде чем Китай преобразуется в цивилизованное государство социалистического типа, китайские купцы успеют пустить по миру монгольское население»¹⁵. С другой стороны, ориентация на Россию будет означать культурный прогресс и экономическое процветание.

Россия также имеет достаточные основания для проявления особого интереса к автономной Монголии. И.М. Майский выделяет два момента: в экономическом отношении Автономная Монголия может быть поставщиком скота и сырья на российский рынок, а также стать источником рудных богатств. В политическом отношении Монголия может представлять между Китаем и Россией «нейтральную зону», неприкосновенность которой обеспечивалась бы реальным соотношением сил пограничных с нею государств.

Ценная информация была сосредоточена в разделе «Народное хозяйство», особую ценность представляют статистические материалы — результаты переписи 1918 г. Правда, некоторые теоретические выводы автора не выдержали проверку временем, например, так называемая «пастбищная теория».

И.М. Майский невысоко оценивал основную отрасль экономики — скотоводство, называя его примитивным, «первобытно-экстенсивного типа», с минимальным вмешательством человека в стихийный процесс природы. Страна кочевого пастушеского хозяйства рассматривается им как феномен XX в., как «похожая на маленькую сиротливо жмущую лачугу, случайно сохранившуюся среди гигантов — домов современного города»¹⁶.

Система скотоводства, по мнению автора, основывается на общественной собственности на землю. Этот вывод позднее стал предметом серьезных споров. Землей фактически распоряжаются хошуны, а ни князья, ни ламы не имели только им принадлежащих участков. «Все пасут свой скот на равных основаниях»¹⁷. Вывод явно спорный и упрощенный, не учитывающий более сложной природы экономики кочевого хозяйства, более сложного взаимодействия двух основных факторов — земли и скота.

Аналогичным образом оценивается и система кочевков: «Никакого планомерного регулирования этих кочевков в подавляющем большинстве хошунов нет, — все это делается по привычке, по традиции, выработанной тысячами, а традиция эта представляет большой простор личному произволу»¹⁸.

Он считает, что «слабый регулирующий момент» существует только при перекочевках с зимних пастбищ на летние и обратно, а в пределах зимних, и особенно летних, всецело предоставлены на усмотрение отдельных семей»¹⁹. Частые перекочевки он объясняет непоседливым характером монгола. Здесь явно абсолютизируется, преувеличивается роль спонтанности. «Долго стоять на одном месте монгол положительно не в состоянии, его вечно тянет куда-то вдаль». Нам представляется, что в основе перекочевков лежит фактор хозяйственной необходимости. Явно не соответствует действительности вывод о том, что в перекочевках не соблюдается принцип разумной последовательности и отсутствует забота о завтрашнем дне. Налицо, некомпетентный взгляд европейца на кочевое хозяйство.

¹⁵ Майский И.М. Современная Монголия. С. 330.

¹⁶ Там же. С. 109.

¹⁷ Там же. С. 114.

¹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹ Там же. С. 116.

На основании материалов переписи 1918 г. и собственной корректировки автор приходит к выводу, что в Автономной Монголии выпасается 13 млн различного скота. При рационализации скотоводства может выпасаться до 100 млн голов скота.

Земледелие не имеет в перспективе значительных шансов на развитие. Перспектива видится в развитии промышленности, особенно в добыче и разработке полезных ископаемых.

В целом, И.М. Майский оценивает Монголию, как страну бедную, с общей стоимостью ее национального имущества 250 млн р., ежегодным доходом 74,5 млн р., с чрезвычайно узким рынком (25 млн р.). Валютный рынок определялся как находящийся в «хаотическом состоянии»: отсутствует единая денежная единица, применяется серебро, русские и китайские деньги, чай, скот. Поэтому, считает автор, страна не может играть серьезной роли в нормальном товарообороте России, а тем более в общем обороте мирового хозяйства.

Однако, Монголия имеет все необходимые предпосылки для «блестящего скотоводческого будущего», что приведет к возникновению промышленности по переработке его продуктов. И.М. Майский верил в будущее монгольского народа, в возможность реформ в стране. В 1920 г. он писал: «не подлежит ни малейшему сомнению: Монголия вообще, автономная в частности, стоит накануне величайших переворотов в своей истории»²⁰.

В составе экспедиции И.М. Майского находились работники, сыгравшие впоследствии крупную роль в демократических преобразованиях в Монголии и ее научном изучении. Переводчик экспедиции Д. Эрдэнэ-Батухан (1888–1948) стал крупным государственным деятелем МНР, первым министром народного просвещения и автором школьных учебников.

Помощником И.М. Майского в экспедиции являлся А.Д. Калинин — первый исследователь монгольской революции 1921 г., демократических преобразований 1921–1924 гг., аграрных реформ в стране и формировании новой политической структуры. Несомненно, что совместная работа с И.М. Майским сыграла большую роль в становлении его, как исследователя-историка.

По мнению И.М. Майского, А.Д. Калинин, будучи помощником руководителя экспедиции, а также фотографом и счетоводом отряда, определил успех предприятия. Позднее, академик И.М. Майский вспоминал: «Когда весной 1919 г. он явился ко мне в Иркутске с предложением своих услуг, ему исполнилось только 19 лет. Однако Калинин сразу показался мне умным и энергичным молодым человеком, и я решил его взять с собой. В дальнейшем я не имел оснований в этом раскаиваться. Живой, интеллигентный, энергичный Калинин не гнушался никакой работой и, несомненно, в немалой степени способствовал успеху экспедиции»²¹.

Анатолий Дмитриевич Калинин (1899–1937) был одним из тех, кто стоял у истоков советского монголоведения. Нельзя сказать, что имя и работы этого ученого полностью забыты, тем не менее, его работы не подвергались специальному исследованию и не имеют современных оценок.

По сведениям, приводимым в «Биобиблиографическом словаре советских востоковедов», А.Д. Калинин родился в 1899 г. в с. Нижне-Илимск, Киренского уезда, Иркутской губернии в семье сельского врача. Участвовал

²⁰ Майский И.М. Современная Монголия. С. 332.

²¹ Там же. С. 7.

в гражданской войне. В 1923 г. окончил экономический факультет Института им. К. Маркса в Москве. Работал в Китае и Маньчжурии (1920–1922), сотрудник НКВД СССР (1922–1930), сотрудник полпредства СССР в Монголии. С 1930 г. на преподавательской работе: 1930–1932 гг. — преподаватель Московского Института Востоковедения, в 1932–1937 гг. — Ленинградского восточного института. По данным историка И.И. Иориша, в 1936 г. он поступил в докторантуру Института Востоковедения, но болезнь и преждевременная смерть не позволили ее закончить²².

Первые работы А.Д. Калининкова появились в середине 1920-х гг. Это две небольшие книги: «Революционная Монголия» (1925) и «Национально-революционное движение в Монголии» (1926). Написанные в свое время для знакомства советской общественности с народной революцией 1921 г., первыми преобразованиями народной власти, программой деятельности партии, они стали в последующие годы незаменимыми пособиями для изучения новейшей истории Монголии. Отдельные материалы книг стали ценными историческими источниками (например, данные о количественном росте партии). В связи с тем, что вопросы послереволюционной истории Монголии не находили широкого отражения в литературе, появление работ А.Д. Калининкова являлось значительным событием в ней.

Представления и характеристики А.Д. Калининкова о революционном процессе 1920-х гг. существенно отличаются от оценок современных авторов. Они не только более яркие и эмоциональные, но и по существу расходятся с современными точками зрения. Так, он отмечает эволюцию и этапность в становлении МНРП, определяет соотношение национальных и социальных аспектов революции, сложный характер взаимоотношений МНРП и Ревсомола.

А.Д. Калининков определенно признает существование общенационального фронта накануне и в первые годы народной революции 1921 г. По его мнению, сложился единый фронт в конце 1919 г.: «единый национальный фронт от теократического правителя Монголии Богдо-Гэгэна до рядового пастуха-монгола» и был связан с оккупацией Монголии китайскими милитаристами. А.Д. Калининков считает, что в этих условиях руководители Монгольской народной партии, «не заостряли вопроса о неизбежности коренной ломки феодально-теократического строя Монголии»²³, а Платформа партии, принятая I съездом партии, «полностью отражала задачи единого национального фронта»²⁴.

Таким образом, ученый совершенно определенно стоит на точке зрения, согласно которой в начальный период революции ставилась задача только национального освобождения страны от иностранных захватчиков и не акцентировались задачи социального порядка, осуществлялась политика единого фронта.

Монгольскую народно-демократическую партию он характеризует как «радикально-демократическую партию». Целую главу (IX) А.Д. Калининков посвящает становлению и деятельности Монгольского Революционного союза молодежи²⁵. Интересен материал о взаимоотношениях Ревсомола с партией. Автор указывает на сложность, противоречивость этих отношений, показывает

²² Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1977. С. 237.

²³ Калининков А.Д. Национально-освободительное движение в Монголии. М.; Л., 1926. С. 75.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 92–108.

соперничество между ними. В советских исследованиях эти отношения рисуются равными, без конфликтов и соперничества.

В последующие годы А.Д. Калинин опубликовал ряд статей, из которых наибольшего внимания заслуживают следующие: «Вождь и трибун монгольской революции» (1929), посвященную жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора — одну из первых статей на эту тему, «У истоков монгольской революции» (1928), «Вооруженная борьба за освобождение Монголии» (1929), рассматривающих вопросы становления советско-монгольского боевого содружества в период разгрома Унгерна.

Цикл статей посвящен анализу решений съездов и пленумов партии, Великих хуралов Монголии. Работы были тесно связаны с практической деятельностью и, несомненно, содействовали разработке и уточнению стратегии и тактике МНРП на демократическом этапе монгольской революции.

В 1933 г. историк опубликовал важную и интересную статью «Аграрные отношения и антифеодальная революция в Монголии». Статья свидетельствовала о зрелости исторических взглядов ученого, выработке общей концепции послереволюционной Монголии. В ней он отказался от ряда прежних ошибочных взглядов (пастбищная теория, оценка хозяйств монастырей).

Основной причиной многовекового застоя монгольской экономики, по мнению А.Д. Калининкова, является не «наличие обширных пастбищ, бедность орошения и суровость климата», а «консервация патриархально-феодальных отношений»²⁶. Он отказывается от прежде разделяемого им тезиса о том, что пастбища в дореволюционной Монголии являлись общественной собственностью, настаивает на наличии в стране феодальных отношений и феодальной собственности на землю. Логически завершая эту мысль, А.Д. Калинин отстаивает наличие в дореволюционной Монголии института крепостного права.

А.Д. Калинин предложил свою концепцию антифеодальных преобразований в МНР, рассмотрел вопрос о временном усилении капиталистических элементов, процессы расслоения аратских хозяйств, борьбу двух тенденций в развитии страны: некапиталистической и капиталистической, проанализировал политику нового курса.

Историк имел два псевдонима: Анто́в и Эрдени. Первым из них он обычно подписывал свои рецензии на работы, посвященные Монголии, под вторым — напечатал ряд статей в журнале «Хозяйство Монголии», посвященных анализу решений съездов и пленумов МНРП.

Самостоятельного рассмотрения требуют рецензии историка на публикации других исследователей: В. Виленского-Сибирякова, С. Далина, З. Рихтер, Ф. Осендовского. Они дают нам возможность лучше понять взгляды самого А.Д. Калининкова, его представления о методах и приемах исторического исследования. Написаны они порой резко, остро, чаще отмечают недостатки работ, чем их достоинства, что было в духе того времени.

В целом, работы А.Д. Калининкова носят самостоятельный и оригинальный характер. Ряд положений и выводов не утратили своего научного значения. Слабым местом его работ является узкая источниковая база. Тем не менее, работы А.Д. Калининкова заложили основу изучения монгольской революции 1921 г., определили ряд проблем, которые стали предметом дальнейших исследований.

²⁶ Калинин А.Д. Аграрные отношения и антифеодальная революция в Монголии // Аграрный вопрос на Востоке. М., 1933. С. 96.

Монгольский Революционный Союз Молодежи (Ревсомол) — политическая молодежная организация, созданная в августе 1921 г., играла важную роль в проведении реформ в стране на демократическом этапе монгольской революции, иногда выступая даже в роли лидера реформ. Поэтому изучение роли Ревсомола, осмысление ее опыта началось с 1920-х гг.

На страницах журналов «Народы Дальнего Востока», «Интернационал Молодежи», «Юный коммунист» в 20–30-е гг. XX в. периодически появлялись статьи представителей КИМа: С. Далина, А. Вартаняна, К. Хараина, Б. Ванданова²⁷. Издания тех лет не претендовали на научное освещение проблемы. Многие из них имели в основном пропагандистский характер и ограничивались сжатым изложением основных фактов. Особенностью первых статей было то, что они, как правило, писались не историками, а практическими работниками, ставившими целью освещение текущих событий. В статьях дана общая оценка деятельности Ревсомола, отмечаются активное участие молодежи в революционных преобразованиях монгольского общества, успехи в культурном строительстве, роль Ревсомола в укреплении обороноспособности Монголии, а также проблемы и трудности в работе молодежной организации.

Уже в 1920-е гг. были сделаны первые шаги в специальном изучении проблемы. Из работ 1920-х гг. о Ревсомоле заметно выделяется работа С.А. Далина «Молодежь в революционном движении в Монголии» (1924). Автор книги продолжительное время работал в Восточном отделе Исполкома КИМа, занимался монгольскими и китайскими проблемами.

В его работе рассмотрены вопросы организации ревсомольской организации, ее первые два съезда, взаимоотношения МНП и Ревсомола. С. Далин имел особый взгляд на роль Ревсомола. По его мнению, «молодое поколение являлось авангардом монгольской национальной революции»²⁸, «фактически Союз превратился в центр борьбы с контрреволюцией»²⁹. Это было связано с концепцией авангардизма, развиваемой в КИМе, согласно которой молодежь является наиболее активной частью революции.

С. Далин писал: «Носителями национальной независимости Монголии являются Народно-революционная партия и в особенности Монгольский Революционный Союз Молодежи. По целому ряду причин монгольская молодежь организовалась раньше остального населения и Революционный Союз Молодежи был единственной общественной организацией, вынесшей на своих плечах самую тяжелую пору монгольской революции»³⁰. По мнению автора, это объяснялось значительной численностью монгольской молодежи (200 тыс.), или 1/3 часть всего населения страны, ее ранней зрелостью и самостоятельностью. Ревсомол, созданный в период пика национальной революции, явился авангардом монгольской революции.

С. Далин отмечает особенность социального состава ургинской организации, основным элементом которой являлось мелкое чиновничество, как наиболее развитая и культурная часть молодежи. По его мнению, это «неустойчивый элемент» для него характерны «шатания и колебания», что стоит его представителю получить повышение по службе и его революционности наступает конец.

²⁷ Нацов С. Итоги пленума ЦК МРСМ // Жизнь Бурятии. 1925. № 4-5; Монгольский Ревсомол // Юный коммунист. 1932. № 13.

²⁸ Далин С.А. Молодежь в революционном движении Монголии. М., 1924. С. 22.

²⁹ Там же. С. 26.

³⁰ Там же. С. 18.

Рассматривая вопрос о взаимоотношении МНП и Ревсомола, С. Далин считает, что первоначально «Союз считал себя частью этой партии, строго согласуя свою работу с деятельностью партии»³¹ и не рассматривал себя как независимую организацию, ведущую подготовку кадров, как для партии, так и для Союза.

Проводя политику единого фронта, правительство избегало коренных реформ, что вызвало «охлаждение» со стороны Союза к партии и правительству. Осуждая их за топтание на месте, Союз прямолинейно и решительно настаивает на борьбе с князьями и духовенством и он фактически превращается в центр борьбы с контрреволюцией. По его мнению, «создалось противоречивое положение, при котором Союз, с одной стороны, стоял в оппозиции правительству, с другой стороны, его защищал»³².

Правительство стало привлекать наиболее влиятельных членов Союза к работе в правительственных организациях, что расценивалось как «комедия», как средство разложения Союза и перетягивания на свою сторону ее верхушки. Уход части членов Союза на ответственные государственные посты привел к некоторому кризису. Однако это же привело и к обновлению ургинской организации, переносу работы Союза на аратскую молодежь и к январю 1922 г. в Союзе насчитывается 300 членов. В Урге из 200 членов, 157 аратов, 18 лам и 16 дворянского происхождения. В июле 1922 г. в Союзе состояло 800 членов.

Политическую линию, сформулированную на I съезде Союза (июль 1922 г.) С. Далин определяет следующим образом: «поскольку партия и правительство выявляют интересы широких масс, Союз поддерживает их деятельность, поскольку обе организации уклоняются от этой линии, Союз выступает как защитник интересов трудовых масс»³³.

Провозглашение в 1924 г. Монгольской Республики С. Далин расценивает как заслугу Союза, политическим требованием которой являлась именно демократическая республика. Таким образом, С. Далин рассматривает Ревсомол в роли своеобразного корректора революционных преобразований в стране.

В Ученом комитете Монголии работали или сотрудничали с ним российские ученые Ц.Ж. Жамцарано, Н.П. Шастина, А. Симуков, В. Казакевич. Они внесли существенный вклад в организацию научных исследований в стране, сбору исторического и этнографического материала.

В рукописном фонде Института Истории АН Монголии наряду материалами бережно хранятся подробные дневники и отчеты научных экспедиций Ученого Комитета за 1923–1925 гг., составленные В.А. Казакевичем — руководителем или участником этих экспедиций: «Центральная Гоби и Золотой Караул. Работы Гобийской партии Ученого Комитета летом и осенью 1924 г.», «Отчет о поездке в Хэсэк-байшин» (1923), «Отчет по поездке на водораздел р. Толы и Керулена 5–17 июня 1924 г.», «Отчет по поездке на Керулен-гол и Халхин-гол. 1925 г.». Известно, что всего В.А. Казакевич участвовал в пяти крупных научных экспедициях, продолжавшихся несколько месяцев и осуществлявшихся «монгольским способом» передвижения, без большого снаряжения и продовольственного запаса³⁴.

³¹ Далин С.А. Молодежь в революционном движении Монголии. С. 24.

³² Там же. С. 26.

³³ Там же. С. 37.

³⁴ Рукописный фонд Института Истории АН Монголии. Ф. 9. Оп. 2. Д. 02-05.

В его отчетах содержится интересный материал по географии, археологии, этнографии, топонимике, фольклору Монголии. Внимательный наблюдатель и исследователь он оставил нам также любопытные зарисовки современной ему жизни монгольского общества 1920-х гг.

Однако имя и научная деятельность В.А. Казакевича (1896–1937) несправедливо, по нашему мнению, полузабыты. К сожалению, сложилась устойчивая традиция изучать дневники и отчеты крупных и знаменитых ученых и путешественников, а работы ученых «ниже рангом» не замечать и не вовлекать в научный оборот.

Владимир Александрович Казакевич родился в 1896 г. в Петербурге. Поступил учиться в Петроградский Институт живых восточных языков, где ему посчастливилось слушать лекции корифеев монголоведения — Б.Я. Владимирцова и В.Л. Котвича. Здесь были заложены прочные основы монгольского языка и письменности, этнографии и культуры Монголии. Для дальнейшего становления специалиста-монголоведа было необходимо изучение разговорного языка непосредственно в Монголии, знакомство с ее историческими и литературными памятниками.

Известный монголовед В.Л. Котвич в письме от 29 июня 1923 г. писал из Петрограда в Монголию А.В. Бурдукову, с которым состоял в многолетней переписке: « посылаем в Ургу трех молодых, еще только начинающих монголистов, чтобы они вошли в живую связь с народом, который они будут изучать, и надеемся, что Вы, если потребуется, окажите им содействие с Вашей всегдашней в подобных случаях отзывчивостью. Это — В.А. Казакевич, Н.В. Бабынин и А.В. Петров»³⁵. С аналогичной просьбой к А.В. Бурдукову обратился в письме от 28 июня 1923 г. и Б.Я. Владимирцов: «Письмо это передадут Вам мои ученики, которых мы командировали в Монголию учиться живой монгольской речи, посылаю с ними Вам кое-какие книги. Если придется встретиться Вам с моими учениками, помогите им, пожалуйста, своими советами»³⁶.

В.А. Казакевич пробыл в Монголии два года, вместо планируемого первоначально одного года. В первом томе документов и материалов «Советско-монгольские отношения. 1921–1940 гг.» (1975) опубликовано письмо Книжной палаты Монголии Народному правительству с просьбой утвердить расходы на содержание русских ученых, прибывших для работы в Монголию. В этом письме говорится, что Постановлением Книжной палаты установлено «выдавать трем научным сотрудникам по 35 лан ежемесячно. К сему приложен список книг, которые русские ученые в свою очередь будут переводить с разных языков для Книжной палаты»³⁷. Далее отмечается, что «русские ученые прибыли из старой столицы России — Петрограда сроком на один год для изучения монгольского языка. Из них Казакевич владеет французским, немецким, русским языками, Бабынин знает английский, французский, немецкий, русский языки... При всем этом ученые оказывали всякую посильную помощь нашим монголам, которые прибыли в русскую столицу для учебы. Они питают чувство симпатии к монгольскому народу»³⁸.

Фактически в 1923–1925 гг. В.А. Казакевич становится сотрудником Ученого Комитета МНР, много и плодотворно работает по его поручениям

³⁵ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания и письма. М., 1969. С. 287.

³⁶ Там же. С. 367.

³⁷ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940. М., 1975. С. 84.

³⁸ Там же.

и заданиям, а позднее в 1927–1937 гг. является сотрудником Монгольской комиссии АН СССР.

И хотя в ряде случаев задачи экспедиций были чисто практического свойства (составление топографических карт, уточнение линии границы, отвод земель бурятским переселенцам) это не мешало В.А. Казакевичу собирать научный материал. Хорошее знание разговорного и письменного монгольского языка позволили ему собрать оригинальный топографический и фольклорный материал, этнографические сведения, войти в близкий и доверительный контакт с местным населением.

Также несомненную ценность для историков, занимающихся новейшей историей Монголии, представляют его материалы и оценки об уровне грамотности в разных хошунах, степени зажиточности хозяйств, политической активности населения и отношения к революционным преобразованиям народного правительства. Характеристики В.А. Казакевича взвешенны и реалистичны, они оказались исторически достоверными. Так, в 1924 г. он писал, находясь в Гобийской экспедиции: «Местное самоуправление в теории было проведено, но на практике все выборные должности занимались дворянами и князьями. Феодалы этого хошуна, будучи очень богатыми верблюдоводами держат население в экономической зависимости»³⁹. Отмечается, что смерть Богдо-гэгэна «особого впечатления не произвела»⁴⁰. В исторической литературе последующего времени явно преувеличивался процесс революционных преобразований в этот период, поэтому оценки В.А. Казакевича вносят определенную ясность.

В.А. Казакевич проявлял большой интерес к народным ремеслам монгольских народов, их различным национальным промыслам. Так, во время экспедиции в Центральную Гоби он составил коллекцию монгольских вышивок, широко распространенных именно в этом районе». Сама вышивка, — пишет Казакевич в своем отчете, — чаще всего работает на отдельном кусочке материи, впоследствии нашивается на какую-нибудь вещь, однако нередко случаи вышивания прямо на основе. Но и наиболее простые работы всегда поражают кропотливой тщательностью отделки и удивительно тонким подбором красок. Опытные вышивальщицы любят нежные, незаметно переходящие тона и в технике не уступают другим европейским или азиатским мастерицам»⁴¹. В Улясутае он собрал интересную коллекцию полного вооружения солдата маньчжурской династии.

Но уже тогда, в 1924 г. он отмечал, что традиционные народные ремесла: вышивка, резьба по кости, дереву и камню, а также кузнечное ремесло приходят в упадок, в связи с широким распространением китайских фабричных, а следовательно более дешевых товаров. Это было серьезным увлечением В.А. Казакевича и, не случайно, поэтому позднее, в 1935–1937 гг. он работал в Государственном Эрмитаже в Ленинграде — крупнейшем мировом центре изучения произведений искусства и культуры.

Во время научных экспедиций В.А. Казакевич был не только сторонним наблюдателем, но там где это было возможно, оказывал и посильную помощь местным жителям. В октябре 1924 г., находясь в Улясутае, он по просьбе местного комитета МНРП, решившего создать краеведческий музей, составил

³⁹ Рукописный фонд Института Истории АН МНР. Ф. 9. Оп. 2. Д. 03. Л. 43.

⁴⁰ Там же. Л. 194.

⁴¹ Там же. Л. 21–22.

программу для него, уделив главное внимание историко-экономическим и фольклористическим вопросам. «За дело сразу взялись с большим рвением и в короткое время собрали более 250 экспонатов»⁴². Высоко оценивая архитектурные достоинства ряда ламаистских монастырей, он призывал бережно их сохранять. Активное участие принял В.А. Казакевич в переводе научной литературы, в основном по монголоведению для Ученого комитета. В рукописном фонде Института истории сохранилась часть этих переводов, а в Архиве Востоковедов Санкт-Петербурга находятся рукописи рецензий на книги зарубежных авторов или вышедших на иностранных языках (Свена Гедина, И.Я. Коростовца). Позднее им был подготовлен к печати и опубликован перевод книги Б. Лауфера «Очерки монгольской литературы».

В 1926 г. В.А. Казакевич закончил Ленинградский Институт живых восточных языков, одновременно он слушал лекции на восточном факультете Ленинградского университета. Затем он преподает в этих учебных заведениях, 1929–1937 гг. он является научным сотрудником Института Востоковедения АН СССР. В 1935 г. без защиты диссертации, по совокупности работ по монголоведению ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук.

Всего В.А. Казакевич написал по монголоведению около 30 работ, большей частью это были научные статьи. Из них выделяется его работа «Современная монгольская топонимика» (1934), изданная небольшой по объему книжкой. Интерес к этой проблематике хорошо прослеживается по всем его отчетам и путевым дневникам по Монголии.

По мнению ученого, специфика кочевого скотоводческого хозяйства выработала богатую топонимическую систему для обозначения всех мелких особенностей местности, которую не учитывают или не могут учесть составители карт (в основном это были иностранцы). Он сожалеет, что не учитывается монгольская национальная картография, что приводит, в конечном счете, к ошибкам. Он писал: «По-прежнему вся литература, посвященная Монголии, за исключением лингвистической, продолжает пестреть большим количеством ошибок и что «не только не исправляются погрешности старой картографии, но и вводятся в обиход и новые ошибки»⁴³. К сожалению, и в настоящее время полностью не изжиты эти пороки, особенно в научно-популярной литературе.

Среди других научных публикаций В.А. Казакевича необходимо назвать: «Материалы по истории восточных монголов XVI века» (1929), «Намогильные статуи в Даринге. Поездка в Дарингу» (1930), «Материалы к истории китайских военных экспедиций в Монголию» (1933), «Некоторые вопросы истории Монголии в свете археологии» (1934), «Летопись хоринских бурят» (1935).

Ряд научных материалов сохранилось в рукописях, хранящихся в Архиве Востоковедов в Петербурге «Изучение древней истории Сибири и Монголии в СССР» (1934), рецензии на книги Н.В. Павлова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, П.Е. Скачкова.

В настоящее время, когда перед историками стоит серьезная задача переосмысления многих исторических событий и создания новой концепции послереволюционного развития Монголии, очень важно привлечь максимальное количество разнообразных источников, с разных позиций и точек зрения освещающих сложные и противоречивые 1920-е гг. Изучение и ис-

⁴² Рукописный фонд Института Истории АН МНР. Ф. 9. Оп. 2. Д. 03. Л. 135.

⁴³ Казакевич В.А. Современная монгольская топонимика. Л., 1934. С. 3.

пользование дневников научных экспедиций, глубоких и точных наблюдений В.А. Казакевича — внимательного и серьезного исследователя истории, археологии, этнографии, географии Монголии, несомненно, поможет в этом нелегком процессе.

Директором Ленинградского Восточного в 1930-е гг. был М.И. Амагаев. Кроме того, он читал лекции по истории национально-революционного движения Монголии, вел большую исследовательскую работу. Ранее, будучи председателем автономного управления Бурят-Монгольской области ДВР и министром по национальным делам Республики М.И. Амагаев неоднократно выезжал в Монголию. С января 1925 г. М.И. Амагаев направляется на работу в Монголию. В течение года он работал председателем Экономического Совета МНР, является членом Малого хурала, а также назначается советником Министерства финансов. Он отдает много сил решению вопросов переустройства экономики, финансов, сыграл большую роль в проведении денежной, налоговой и таможенной реформ. В июле 1927 г. М.И. Амагаев назначается представителем Коминтерна при ЦК МНРП и работает на этом посту до ноября 1929 г.

В периодических изданиях М.И. Амагаев публикует статьи: «Современная Монголия» (1924), «Монголия на путях реформ» (1925), «К вопросу о путях и перспективах социально-экономического развития» (1926), «Правая опасность в МНРП», в которых дана оценка решений съездов партии и народных хуралов, анализируется экономическая ситуация в стране.

В Ленинграде к печати были подготовлены работы: «Материалы по экономике МНР», «Очерки революционного движения в Монголии». К сожалению, до сих пор неизвестна их судьба. Можно только догадываться о содержании этих исследований, ценность которых несомненна, как оценки и свидетельства информированного непосредственного участника событий революционных преобразований в 20–30-х гг. XX в.

Более 40 статей по истории революционного движения в Монголии и Туве опубликовал С.А. Нацов (Шойжелов), который по направлению Дальневосточного Секретариата Коминтерна находился в западной Монголии уполномоченным при краевом бюро ЦК МНП. Одновременно он являлся советским консулом в Западной Монголии. С мая 1923 г. С.А. Нацов является референтом Исполкома Коминтерна по Монголии и Корее. Позднее преподавал в КУТВе, редактировал в Монголии журнал «Путь к социализму».

Можно назвать некоторые его публикации: «Национально-освободительное движение в Монголии» (1926), «Переломный момент в истории национально-освободительного движения» (1928), «Япония в Монголии и Маньчжурии» (1928), «Международное положение МНР и политика империалистов» (1929), «Социально-экономические корни правой опасности в МНРП» (1929). Публикации несут на себе глубокий отпечаток времени, политической борьбы, высказывают позицию Коминтерна в «монгольском вопросе». Основное внимание было уделено разбору внутренних причин так называемой «правой опасности», месту и роли мелкобуржуазных элементов в экономике их влиянию на партийные ряды. Международный аспект рассматривался неглубоко, односторонне, порой вопреки известным фактам. Так, доказывалась прямая связь «правых уклонистов» с зарубежными враждебными силами, с японцами, с феодалами Внутренней Монголии. Значительное место также отводилось критике ламаистской религии и церкви. Таким образом, большинство публикаций носило не научный, а идеологический характер.

Проблемами радикальных преобразований в Монголии в 1920-х гг., их сущности и направленности занимался монголовед В.Д. Якимов. Значительное место в его исследованиях занимало изучение роли ламаистской церкви. В духе того времени он разоблачал контрреволюционную сущность ламаизма. Это было предметом его научных исследований, он подготовил диссертацию на эту тему, читал лекции в ЛГУ и Институте живых восточных языков. В Архиве Востоковедов сохранились стенограммы его лекций: «Характер первых антиламских мероприятий в революционной Монголии после 1921 г.» (1938), «Борьба МНРП за демократизацию страны (1925–1926 гг.)» (1939), «Революция 1921 г. в Монголии» (1938), «МНРП в борьбе с правым руководством и левацкими загибами в период 1925–1932 гг.» (1939)⁴⁴. Они дают полное представление о концепции послереволюционной Монголии. В лекциях совершенно однозначно обосновывается тезис о едином фронте — временном союзе радикальных и консервативных сил в начальный период революции, подчеркивается в основном политический характер преобразований в 1921–1924 гг. и не затронувших экономических основ общества, показано сохранение ряда феодальных институтов власти, управления и судопроизводства, а также экономической мощи феодалов.

В его публикациях «Джаса» (1938), «Ламаизм, семья и социализм», «Монгольские проблемы тибетской медицины» (1937) в журналах «Современная Монголия», «Безбожник», «Антирелигиозник» доказывалось, что ламаизм — религия «отчаяния и безнадежности», а монастырская культура совершенно лишена национального облика, что ламы паразитируют за счет трудового аратства.

Известно, что В.Д. Якимов — уроженец Забайкалья, в 16 лет (в 1920 г.) вступил в партизанский отряд Каратаева, участвовал в операциях на реке Аргунь, в Маньчжурии, при ликвидации белых банд из-за границы. Семь лет он прослужил в Монголии, поэтому у него возникло желание поступить на восточный факультет. В 1932 г. В.Д. Якимов окончил Ленинградский Восточный институт по монголо-тибетскому отделению и был оставлен в аспирантуре, которую закончил в 1935 г. С 1937 по 1941 г. — научный сотрудник Института Востоковедения.

В 1936 г. был исключен из партии, как скрывший свое происхождение — сын и внук забайкальских кулаков. Но в сложный 1937 г. сумел восстановиться в партии. Один из немногих монголоведов, он не был репрессирован, а погиб в 1941 г., защищая Ленинград. Перед уходом в ополчение, он позвонил и попросил отнести его папки в Институт Востоковедения, где они и сохранились.

Одним из первых историков В.Д. Якимов заинтересовался личностью Джа-ламы — политического авантюриста, сыгравшего значительную роль в событиях на территории Западной Монголии. Он собрал большой материал о нем, собирался написать повесть «Святой Бандит». Сохранился рабочий материал: записи бесед о Джа-ламе с А.В. Бурдуковым, который встречался с ним, переводы и комментарии писем Джа-ламы, монгольский дневник В. Казакевича, собравшего сведения о Джа-ламе в худоне.

Летом 1937 г. В.Д. Якимов работал в архивах Бурятии, побывал в закрытых буддийских дацанах. Парадоксально, но факт: противник ламаистской религии В.Д. Якимов выступил в защиту, против разрушения и уничтожения

⁴⁴ Якимов В.Д. Характер первых антиламских мероприятий в революции Монголии после 1921 г. Машиноп. 1938 // Архив востоковедов. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 9.

художественных ценностей буддийско-монгольской религии. Уничтожение предметов культа он считал ошибкой. В.Д. Якимов подготовил документ «Кто должен отвечать за сохранность музейного имущества дацанов в Бурят-Монголии», в котором выступал против варварского уничтожения культурных ценностей.

К десятилетию монгольской революции, в 1931 г. был опубликован ряд статей Б. Шумяцкого, А. Ракшаина, Ц. Олейника, В. Кучумова, написанных в основном с позиций «левых уклонистов»: отмечался политический характер преобразований в 1921–1924 гг., не затронувший экономического могущества монгольских феодалов. Начало настоящих революционных они связывают с разгромом правых уклонистов в МНРП, которых подвергают уничтожающей критике. То есть, объективного анализа десяти лет реформ в Монголии опубликованные материалы не содержат. Авторы находятся под влиянием текущей политической борьбы в стране, поэтому степень научности статей невелика.

В архиве Востоковедов находятся отчеты специалиста по Китаю Г.С. Кара-Мурзы о командировке в 1931 г. в Монголию⁴⁵. Во время полугодовой командировки в Восточную Монголию автор собрал материалы об общественных отношениях во Внутренней Монголии, основываясь на материалах бесед с выходцами из того района. Результатом явилась статья «Особенности капиталистического развития Внутренней Монголии» (1935)⁴⁶. В сентябре 1931 г. экономический отряд АН СССР в составе трех человек (Кара-Мурза, Ваганов, Матвеев) изучал в Восточном аймаке МНР социальные отношения в худоне, изменение социальной структуры, развитие экономических процессов.

В деле «О социальных отношениях в Монголии» находится доклад Кара-Мурзы на тему «Проблемы монгольской революции», сделанный в Институте мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической академии 20 марта 1932 г.⁴⁷

Г.С. Кара-Мурза не согласен с другим экономистом П.В. Погорельским, который считает, что в Монголии происходит распад системы феодального хозяйства и возникновение капиталистических отношений. По мнению Кара-Мурзы, монгольский кулак (баин) не формирует новый экономический уклад, не создает новой системы отношений в стране. Баин не является «экономическим типом, противостоящим старой феодальной системе эксплуатации. Он не вкладывает капиталов в производство ... он не создает и новых форм хозяйства»⁴⁸. Кулак не противостоит феодалу ни экономически, ни политически, он идет по линии приспособления к феодальной структуре, феодальной иерархии. Отпочковавшись от аратства, он выделился как ростовщик в системе феодальной эксплуатации.

Г.С. Кара-Мурза определяет следующие изменения социальной структуры монгольского общества с 1921 по 1930 г. Если в дореволюционной Монголии центральной фигурой общества являлся бедняк, то к 1930-м гг. им стал середняк. Если в 1927 г. середняк составлял 30,2 % по отношению к населению, то в 1929 г. он уже составлял — 44 %, а в 1930 г. — 49 %⁴⁹. По средствам произ-

⁴⁵ Архив Востоковедов. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 248.

⁴⁶ Проблемы Китая. 1935. № 15.

⁴⁷ Кара-Мурза Г.С. О социальных отношениях в Монголии // Архив востоковедов. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 248.

⁴⁸ Там же. Л. 212–213.

⁴⁹ Там же. Л. 231.

водства середняки в 1927 г. владели меньше чем половиной всех средств производства — 42,7 %, в 1929 г. — 57 %, в 1930 г. — 62,5 % всего скота. Таким образом, на основе анализа собранной статистики, автор пришел к выводу о доминировании процесса осереднячивания монгольского общества.

В докладе также сформулирован подход автора к проблеме этапности монгольской революции, определения очередности решения национальных и социальных задач монгольской революции. Он выступил в оценке революционного процесса в Монголии против подходов П.В. Погорельского и Тележникова. Так, П.В. Погорельский определял революцию как буржуазную, а ее лидером называет буржуазию, Тележников считает, что с 1921 г. существовала диктатура трудового аратства, т.е. с самого начала шла решительная борьба с феодализмом. Теория о трансформации монгольского феодализма в капитализм возникла в 1931 г. Автор ее, П.В. Погорельский, доказывал, что главное, основное и ведущее для Монголии с 1921 по 1929 г. — есть капитализм, возникший путем трансформации феодального (монастырского и светского) хозяйства и подкрепляет появлением новой капиталистической диктатуры (кулака). Теория была подхвачена «левыми» в Монголии.

По мнению Г.С. Кара-Мурзы, обе точки зрения вытекали из недооценки колониального положения Монголии, непонимания антиимпериалистических задач революции. Необходимость решения задачи национального освобождения привлекло на первых этапах революции определенную часть эксплуататорских групп. Он выступает как против переоценки роли буржуазии (Погорельский), так и недооценку и отрицания ее роли (Тележников) автор выступает против абсолютизации как роли буржуазии, так аратства.

В тезисах Г.С. Кара-Мурзы «Предварительные выводы о социальных отношениях в Монголии»⁵⁰ период до 1928 г. рассматривается как время только формально революционным, он является «периодом дальнейшего закабаления страны империализмом при дальнейшем разложении феодализма, расширенного воспроизводства феодально-ростовщической эксплуатации на базе дальнейшего разложения аратства»⁵¹. В 1928 г. произошел решительный поворот к антифеодальной революции, определилась возможность некапиталистического развития Монголии, явился этапом углубления антифеодальной и антиимпериалистической революции.

Он выявляет некоторые новые тенденции в экономике: некоторые крупные джасы уже имели признаки капиталистического предприятия, приходя к более высоким формам экономики и развивая новые отрасли хозяйства (сенокосение, земледелие, огородничество). Ученый предостерегает от ошибочного представления, что ликвидация феодализма содержит в себе неизбежность социалистического пути развития. Антифеодальная революция дала известную свободу для развития частно-капиталистических элементов страны, для развития мелко-буржуазной стихии, сдавленной в прошлом господством феодалов. Рост середняков он рассматривает как положительное явление, доказывающее поднятие общего благосостояния аратских масс, которая в тенденции означает рост капиталистических элементов.

Таким образом, изучение и освещение в российской литературе монгольских проблем носило сложный и противоречивый характер. Революции в Рос-

⁵⁰ Кара-Мурза Г.С. Предварительные выводы о социальных отношениях в Монголии // Архив востоковедов. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 12–49.

⁵¹ Там же. Л. 17.

сии и Монголии привели к резкому изменению тематики научных публикаций о Монголии: сократилось число материалов, посвященных классическому монголоведению — древней и средневековой истории страны и увеличилось число публикаций, освещающих современные проблемы — революцию и радикальные преобразования монгольского общества в 20–30-е гг. XX в. Трагична оказалась судьба монголоведных кадров этого периода. Дважды была нарушена преемственность в формировании специалистов данного профиля. Сразу после революции из страны эмигрировали некоторые специалисты, другие преждевременно ушли из жизни. Новые кадры, сформировавшиеся из числа практических работников, были необоснованно репрессированы в конце 1930-х гг. Только что начавшееся оформление научного направления было прервано, а труды и идеи были преданы забвению. Нарушение преемственности в развитии монголоведения привело к серьезному кризису научного направления в 80–90-е гг. XX в.

3.2. Идеи «панмонголизма» в Монголии и создания единого монгольского государства

Монгольский кочевой мир имел в своей истории взлеты и падения, на территории Центральной Азии, Северного Китая и Южной Сибири образовывались мощные государства Хунну, Тюркский каганат, Уйгурское и Киданьское государства, единое централизованное монгольское государство, которые затем распадались на мелкие владения монгольских феодалов.

К началу XX в. монгольский этнос оказался в составе ряда государств: Внутренняя Монголия в составе Китая, буряты и калмыки в составе России, ограниченную национальную независимость обрели Внешняя Монголия (1911) и Тува (1921).

В результате Синьхайской революции и национально-освободительного движения в Монголии в 1911 г. было объявлено о национальной независимости Внешней Монголии, которая в 1915 г. Кяхтинской трехсторонней русско-монголо-китайской конференцией была сведена к автономии в пределах Китая. На переговорах в 1911–1915 гг. монгольская сторона настаивала на включении в состав Монгольского государства Внутренней Монголии и Барги.

Внешняя и Внутренняя Монголия различались по административной структуре. Внешняя Монголия состояла из 4 аймаков и 86 хошунов, а Внутренняя Монголия из 6 аймаков и 49 хошунов. Различались они и в степени зависимости от Маньчжурской империи, Внешняя Монголия пользовалась большей свободой и автономностью.

Южная или Внутренняя Монголия была отделена от Северной (Внешней) Монголии пустыней Гоби. Маньчжурская империя Цин захватив Внутреннюю Монголию, пыталась рассматривать монгольских феодалов как «союзников». С 1878 г. началась китайская колонизация монгольских земель, были созданы переселенческие пункты, а затем и специальное управление по переселению. К началу XX в. в Южной Монголии монголы составляли лишь 1/3 часть всего населения⁵². Это привело к вытеснению монголов со своих земель, а также к ассимиляции монгольского населения.

Здесь начинается антикитайское движение, растет национальное самосознание, араты требуют вернуть им земли и угрожали перекочевать во Внешнюю Монголию.

⁵² Автономный район Внутренняя Монголия КНР. М., 1980. С. 15.

В 1912 г. во Внутренней Монголии началось движение за присоединение к независимой Внешней Монголии. В Ургу были направлены делегации с просьбой о принятии в свой состав и воссоздании независимого монгольского государства. Правительство Юань Шикая направило во Внутреннюю Монголию карательную экспедицию, а в начале 1913 г. ургинское правительство туда же свои войска, что привело к вооруженному противостоянию. Русско-китайская декларация 5 ноября 1913 г. предусматривала не только автономию Внешней Монголии, но и вывод войск ургинского правительства из Внутренней Монголии.

Не удалось добиться полной государственной независимости Монголии, как Внешней, так и Внутренней монгольской делегации на Кяхтинской конференции 1915 г.

Новая попытка воссоединения с Внешней Монголией была предпринята в 1922 г. В Ургу были направлены послания и делегации, которые выражали желание присоединиться, не имевшие реальных последствий. Неудачной оказалась и попытка вооруженного освобождения.

Таким образом, все попытки Внутренней Монголии воссоединиться с обретшей независимость Внешней Монголией оказались неудачными. Этому противился Китай, не могла поддержать и Россия, связанная определенными международными обязательствами с Китаем и разделением сфер влияния с Японией.

Бурятские и монгольские племена с глубокой древности жили рядом, вступая в разнообразные отношения и контакты. С X в. начинается распространение монгольских племен в Прибайкалье и его монголизация.

Этноним «бурят» (бурийат) впервые упоминается в «Сокровенном сказании» в 1240 г., наряду с такими племенами, как баргуты, баяуты, хори-туматы, булагачиты, кэмэтучины. Буряты являлись составной частью монгольского суперэтноса. Проблема этногенеза бурят до сих пор является спорной. Время формирования бурятского этноса определяется по-разному: в XIII в., XVII в., XIX в.

В середине XVII в. бурятские племена были присоединены к России, в связи с чем они отделились от Монголии. Кяхтинский договор 1727 г. определил границу между Монголией и Россией, разделил два соседних народа, стал регламентировать перемещения через границу. С середины XVII в. до начала XX в. численность бурят увеличилась с 27,7 тыс. до 300 тыс. человек⁵³.

После Октябрьской революции была образована Бурят-Монгольская автономная область в составе Дальневосточной Республики (1921) и Бурят-Монгольская автономная область в составе РСФСР (1922). В 1923 г. они объединились в Бурят-Монгольскую АССР в составе РСФСР.

Еще в начале XX в. осуществлялись переселения бурятских кочевников в Монголию. Некоторые из них через некоторое время возвращались обратно, другие оставались навсегда. В сложных условиях экономической разрухи во время гражданской войны тысячи бурят переселились в Монголию в поисках благоприятных условий жизни. В Монголии им отводились специальные территории для проживания и ведения хозяйства.

В 1922 г. правительство ДВР образовало межведомственную комиссию для проведения работ по возвращению бурят на родину. Летом 1922 г. в Монголию был направлен М.И. Амагаев для изучения проблемы на месте. Решал-

⁵³ Михайлов Т.М. Буряты // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 119.

ся вопрос о переселении 15 тыс. бурят, но большая часть их так и осталась в Монголии.

С другой стороны, ряд крупных бурятских общественных деятелей принимает активное участие сначала в национальном возрождении монгольской государственности в 1911 г., а затем в подготовке и проведении монгольской национальной революции. Активное участие в революции принимали Эрдени Батухан, Г.Г. Данчинов, Ц.Д. Гочитский, А. Ванчиков, С. Жамбалон, Ц.Ж. Жамцарано, Э.Р. Ринчино, М.И. Амагаев, С.А. Нацов, А. Оширов и др. Многие из них длительное время работали в Монголии, имели монгольские имена-псевдонимы. Наиболее значительную роль в реформах 1920-х гг. сыграли Ц.Ж. Жамцарано, Э.Р. Ринчино, Э. Батухан, М.И. Амагаев.

Таким образом, несмотря на то, что составные части монгольского суперэтноса находились в составе различных государств, они осознавали свою общность, стремились к объединению, поддерживали между собой определенные отношения. Их объединяли единый язык и книжная монгольская письменность. С XVI–XVII вв. среди монголов и бурят распространяется одна религия — ламаизм. Религиозное единство скрепляло монгольскую общность. Бурятские паломники постоянно посещали буддийские монастыри и святыни в Монголии, ламы-буряты получали здесь и в Тибете религиозное образование.

Понятие «панмонголизм» в его употреблении в научной литературе многозначно. Длительное время (особенно в 20–30-е гг.) его употребляли только в негативном значении. Марксистская доктрина резко отрицательно относилась к «панмонголизму», считая его националистической доктриной. И только в 1990-х гг. началось его научное изучение (Ш.Б. Чимитдоржиев, Б.В. Базаров, Л.А. Юзефович, А.С. Железняков). Однако понимание термина у различных авторов весьма неодинаково. Различны его содержательная часть, хронологические рамки. Для большинства авторов он ассоциируется с национальным движением 1920–1921 гг., с идеей создания государства единой этнографической Монголии. Многие исключают из панмонгольского движения начало XX в., начиная его с 1917 г. Другие (Ш.Б. Чимитдоржиев) его истоки уводят в далекий XVII в.

По мнению Ш.Б. Чимитдоржиева, панмонгольское движение «в сущности было национально-освободительным движением монгольских народов. Под панмонголизмом следует понимать движение за национальное самоопределение, возрождение монгольских народов (и политическое, и культурно-этническое) и за образования самостоятельного государственного объединения»⁵⁴. Оно охватывает интересы населения всего монгольского мира, способствует сохранению и укреплению общемонгольских этнических, исторических и языковых связей.

Идеи панмонголизма появились в XVII в. — со времени захвата маньчжурами Халхи. Оно основывалось на идее возрождения «Великой Монголии» XIII–XIV вв. С распространением ламаизма важное место в панмонгольском движении занимает религия. Урга становится одним из центров ламаизма для кочевых народов Центральной Азии. В начале XX в. панмонгольское движение принимает ярко выраженный антиманьчжурский характер, что было связано с колониизационной политикой Пекина, ликвидацией самостоятельности монголов.

⁵⁴ Барадин Б.: Жизнь и деятельность. Доклады и тезисы. Улан-Удэ, 1993. С. 32.

В связи с расширением национально-освободительного движения на окраинах России среди демократов-просветителей Ц. Жамцарано, Э. Ринчино, М. Богданова, Б. Барадина, Г. Цыбикова идеи возрождения монгольского единства, общемонгольской государственности получают широкое распространение. Популярность этих идей была связана с целым комплексом причин: подготовкой значительной группы образованных бурят, поражением России в русско-японской войне, ослаблением центральной российской власти и расширением борьбы коренных народов Сибири за автономию.

Идея создания единого монгольского государства в составе Внешней Монголии, Внутренней Монголии и Барги, Бурятии и Тувы высказывается в начале XX в. в публикациях бурятских и монгольских просветителей. По нашему мнению, в XX в. идеи панмонголизма становились актуальными в монгольском мире несколько раз: начале XX в., 1911–1915 гг., 1918–1921 гг., 1925–1928 гг., 1989–1993 гг. Представляется, что оживление панмонгольских идей происходило в условиях ослабления и децентрализации (поражение в войне, революция или гражданская война, глубокие реформы) в России или Китае. Это создавало условия для обсуждения проблемы или создания крупного монгольского государства в периоды временного ослабления крупных соседних государств. Каждый раз движение имело собственные конкретно-исторические причины, собственную природу, характер и последствия. Панмонгольское движение использовали в своих целях различные политические и военные силы: атаман Семенов, барон Унгерн, японцы, большевики, монгольские революционеры и др.

Историки А.С. Железняков и Л.А. Юзефович связывают появление панмонголизма с крахом Маньчжурской и Российской империй, т.е. точкой отсчета определяют 1914, 1917 гг. По нашему мнению, эта датировка представляется неточной. Она отражает одну из «волн», одно из проявлений национально-го возрождения монгольских народов.

После Февральской революции 1917 г. в Бурятии были созданы органы национального самоуправления. В начале марта 1917 г. в Чите был организован Временный организационный комитет по созыву общенационального съезда бурят. 23–25 апреля 1917 г. состоялся первый общенациональный съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии, принявший решение об организации бурятской национальной автономии, резолюцию о национализации бурятских школ и образовал Центральный Бурятский Национальный Комитет как высший орган управления бурятами между съездами. По мере установления Советской власти бурятские национальные организации переходили от политики нейтралитета к сотрудничеству и признанию ее.

По вопросу решения национального вопроса в Бурятии среди бурятских деятелей было два подхода. Бурнацком выступал за сохранение без изменений чисто бурятских по составу административных органов. Бурятские большевики выступали за создание единых Советов вместе с представителями других народов. После временного падения Советской власти на территории Сибири Бурнацком был переименован в Бурятскую народную Думу.

Опубликованные в 1994 г. документы и материалы «Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.» показывают, что деятели бурятских национальных учреждений отстаивали сохранность национальных органов, неоднократно обсуждали вопрос о переселениях бурят в Монголию в связи с экономическими трудностями, конфликтами с русским населением и разгулом уголовщины.

В конце 1918 г. некоторая часть бурятских деятелей (Э. Ринчино, Д. Сампилон, М. Богданов) обращаются к идее панмонголизма и решают, опираясь на поддержку атамана Семенова и Японии создать большое монгольское государство как наследников империи Чингисхана. Длительное время вопрос о создателях этого движения решался однозначно. Инициаторами панмонгольского движения этой волны назывались японцы, которые давно мечтали проникнуть и овладеть Центральной Азией. Представляется, что на деле все обстояло значительно сложнее. В данном случае произошло совпадение интересов и устремлений японцев, белого движения и бурят, которые и соединились в едином потоке.

Мотивы участия бурятских деятелей в данном панмонгольском движении раскрываются в одном частном письме Э. Ринчино Д. Сампилову, написанном в конце 1918 г. Он предельно откровенно писал: «Для меня Семенов существует постольку, поскольку существуют японцы. Это кажется ясно для всякого. А посему вся задача, по-видимому, заключается в том, чтобы контакт был установлен непосредственно с японцами, а контакт с Семеновым уже производным, имеющим меньше значения. Этот путь кажется уже намечается вполне правильно»⁵⁵. Как председатель Бурнацкома, Э. Ринчино был хорошо информирован о проектах и перспективах бурятского национального движения и его отношении к Монголии. Он пишет: «Старый Нацком полагал, что Маньчжурия и Восточная Монголия будут находиться всецело в сфере ведения Японии, Монголия южная, северная и западная с включением бурят образует самостоятельное буферное государство. При чем буряты должны переселиться в Халху или передвинуты к границам Забайкалья с обменом земель. И если не удастся объединить Юг и Север Монголии, то образуются два государства, при чем Юг будет находиться под протекторатом Японии»⁵⁶.

Э. Ринчино высоко оценивал роль бурят, выделял его среди других монгольских народов, подчеркивая его превосходство: «Монголы и другие народы Центральной Азии слишком примитивны и изъедены буддийским клерикализмом и мало годятся, как активный материал для создания этого государства. Здесь мы, буряты, наиболее культурно сравнительно нация сыграли бы и сыграем, по-видимому, большую роль»⁵⁷. В полной мере амбиции Э. Ринчино, как политического деятеля проявятся позднее, в середине 1920-х гг.

25 февраля 1919 г. в Чите открылась общемонгольская конференция, на которую прибыло 16 делегатов, представляющих Внутреннюю Монголию, Баргу, бурятское население Забайкалья. Представителей от Внешней Монголии не было. Бурятов на съезде представляли Д. Сампилон, Э. Ринчино, Н. Дылыков, Р. Бимбаев, Б. Вампилун, Цыдыпов. В работе съезда приняли участие Семенов и официальный представитель Японии майор Судзуки. Атаман Семенов рассчитывал стать главнокомандующим вооруженными силами вновь создаваемого государства. Формальным главой монгольского государства ему виделся кто-то из крупных монгольских религиозных деятелей. В данной ситуации Семенов рассчитывал стать реальным правителем монгольского государства. Однако создание данного государства более всего отвечало интересам Японии.

⁵⁵ Письмо Э.-Д. Ринчино Д. Сампилову. Конец 1918 г. // Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ, 1994. С. 167.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

Председателем конференции избирают атамана Семенова. Заседания конференции проходили в течение месяца в условиях строгой секретности. Конференция высказалась за образование самостоятельного монгольского государства («Великой Монголии»), в состав которой на правах автономии предполагалось вступление Внешней и Внутренней Монголии, Барги и Бурятии. Обсуждаемый на конференции вопрос о вхождении в его состав Тибета был отклонен. Верховную власть в новом государственном образовании решили предложить главе Внешней Монголии — Богдо-гэгэну. Также была избрана директория из шести членов во главе с Нейсэ-гэгэном, влиятельным хутухтой из Внутренней Монголии.

На конференции была выработана конституция будущего государства, принято решение о формировании собственной армии. Столицей будущего государства намечался город Хайлар. Съезд избрал представителей на Версальскую конференцию и обратился с декларацией к мировой общественности, в которой обосновывалось панмонгольское движение и создание нового государства.

А. Колчак выступил резко против создания подобного государства и направил специальные ноты правительствам Англии, Франции и США. Япония была вынуждена отказаться от предоставления обещанного займа для вновь созданного государства. Одной из важных причин неудачи данного плана стал отказ правителей Внешней Монголии поддержать образованное правительство, которое распалось, а глава правительства с небольшим отрядом оказался в Монголии, где попал в плен к китайцам и был расстрелян. В Японии ставку сделали не на атамана Семенова, а на генерала Чжан Цзолина, войска которого планировались наступать во Внутреннюю Монголию.

Э. Ринчино в читинской газете «Наш путь» опубликовал статью «Великие державы и независимость Монголии», в которой давал собственную оценку итогам панмонгольской конференции. Он считал, что конференция высказалась за республиканско-федеративный строй, а окончательное рассмотрение вопроса независимой Монголии будет решаться на Всемонгольском учредительном собрании.

Автора публикации интересует вопрос насколько практически осуществима идея независимости объединенной Монголии: «В случае успеха борьбы Монголии за независимость, в чем мы не сомневаемся, закрепление этого успеха путем международного признания Монголии, как независимого государства, будет зависеть в значительной степени от той позиции, какую займут по отношению независимости Монголии, Америка, Англия, Япония и Франция, последняя как представительница интересов России в монгольском вопросе»⁵⁸. Китай и Россию он исключает из числа заинтересованных и влиятельных сторон.

Значение Монголии для мирового рынка Э. Ринчино рассматривает как исключительно сырьевой рынок. Он считает, что Англия и Франция не будут противодействовать созданию монгольского государства. «Англия и Франция не только не будут иметь ничего против независимости Монголии, но и будут поддерживать эту идею, ибо независимость Монголии прежде всего полезна и нужна для России, союзницы Франции».

У автора явно своеобразное понимание полезности для России создание монгольского государства, в состав которого входит часть ее территории —

⁵⁸ Эльбек-Доржи Ринчино. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. С. 112.

Забайкалье. По мнению Э. Ринчино, «Россия принуждена будет отстаивать независимость Монголии, как буферного государства»⁵⁹. Действительно, как мы рассматривали ранее, буферное монгольское государство отвечало национальным интересам России, но при сохранении целостности самой страны.

Была высказана идея «нейтральной Монголии», развитая позднее в 1925–1928 гг. в МНР: «Независимая и нейтральная Монголия, эта будущая среднеазиатская Швейцария, поставленная под международную защиту, несомненно, перестанет быть яблоком раздора между Китаем и Россией, ибо новым положением вещей будут устранены притязания той и другой стороны на самую Монголию и ее территорию»⁶⁰.

Позицию Японии в «монгольском вопросе» Э. Ринчино определял как выжидательную и нерешительную. Однако был уверен, что вскоре Япония встанет на путь поддержки монгол и практического содействия. Как мы видим, анализ Э. Ринчино оказался не глубоким, а выводы ошибочными, действительность оказалась прямо противоположной. Он проводил беспринципную политику, добиваясь своих целей. Э. Ринчино прошел сложную и противоречивую эволюцию политических взглядов и ориентации на различные политические силы и организации. Ориентируясь в личностном плане на народоправческую концепцию эсеров, Э. Ринчино стремится консолидировать бурят, сформировать у них национальные организации. Решая вопрос об автономии бурят, он сотрудничает с самыми различными политическими силами. Так, он примыкает к областникам и в январе 1918 г. на заседании Сибирской областной Думы избирается членом Временного правительства в качестве министра народного образования. 3 июля 1918 г. Забайкальский областной Совет признал возглавляемые Ринчино Бурнацком и избрал его членом Совета, секретарем Военно-революционного комитета. В тоже время стремился не допустить большевиков в бурятские села (не допустить «большевистскую свистопляску, т.е. советизацию»). В годы гражданской войны Э. Ринчино одновременно помогал большевикам и панмонголистам, лавируя между ними.

Почти по горячим следам событий специально на панмонгольском движении в 1918–1920 гг. останавливался в своей монографии «Современная Монголия» И.М. Майский⁶¹.

Он использовал материалы архива министерства иностранных дел Колчака, предоставленные ему А.Я. Горнштейном. Как считает И.М. Майский, зачатки панмонгольского движения среди забайкальских бурят стали обнаруживаться с конца 1918 г. и нашли энергичную поддержку атамана Семенова и японцев. Около Семенова сформировалось небольшое ядро панмонгольских деятелей, бурят, монголов, среди которых выделялся Нейсе-Геген из Внутренней Монголии. Созыв конференции в Чите рассматривается как первый практический шаг этой группы, но отсутствие делегатов от Халхи, важнейшей части монгольской нации, ослабило значимость принятого решения.

По оценке И.М. Майского, решение о создании Великого Монгольского государства «и самим участникам конференции казалось утопией, то они тут же подняли вопрос об иностранном протекторате»⁶². Однако вопрос о протек-

⁵⁹ Эльбек-Доржи Ринчино. С. 117.

⁶⁰ Там же. С. 118–119.

⁶¹ Там же. С. 260–261.

⁶² Там же. С. 261.

торате не получил определенного решения, хотя большинство склонялось в сторону Японии.

По мнению И. Майского, «претенциозная панмонгольская затея» не имела никаких серьезных корней в реальной жизни, поэтому ей было суждено кратковременное и бесславное существование. Главным фактором поражения явился отказ Халхи принять участие в этом предприятии, а «без Халхи вообще нечего было думать о Великой Монголии»⁶³. Кроме того, под давлением протестов Колчака Япония вынуждена была изменить свою монгольскую политику и отказаться от финансирования и создания армии. Попытка Нейсе-Гегена войти в непосредственный контакт с Японией и отправить в Токио особую делегацию из-за позиции Семенова не увенчались успехом. И. Майский считает, что шум, вызванный панмонгольским выступлением дал Китаю благоприятный повод для оккупации Автономной Монголии.

В совершенно иных условиях развивалось панмонгольское движение в Монголии в 1920-х гг. Национальную идею создания единого монгольского государства как знамя объединения всех монгольских народов использовали политический и религиозный правитель Внешней Монголии — Богдо-гэгэн, его светское и духовное окружение, нойоны и гэгэны Внутренней Монголии, китайский генерал Чжан Цзолин, атаман Семенов, барон Унгерн, политический авантюрист Джа-лама.

Своеобразное философское обоснование находилось в основе проекта «Великой Монголии» барона Унгерна. Еще в начале XX в. в России определенное распространение в обществе получил миф о «желтой опасности», об опасности с Востока для народов Европы. Он нашел отражение как в работах военных, так и в публикациях философов и литераторов, которые понимали ее как военную и колониационную опасность со стороны китайцев, корейцев и японцев. Это было определенным образом связано с поражением России в русско-японской войне, привлечением в качестве рабочей силы в Сибири и на Дальнем Востоке китайцев и корейцев, а также с быстрым экономическим развитием Японии и восстанием ихэтуаней в Китае.

События двух революций 1917 г. и гражданской войны, резко изменившие положение в мировом сообществе и российском обществе, привели к глубоким переоценкам месту и роли западной и восточной цивилизаций, их отношения к России.

Барон Унгерн создавал свою политическую программу, исходя из того, что монгольские кочевники, как представители восточной или «желтой культуры», сохранили свои традиционные, изначальные ценности в противовес белой расе, которая своими идеями и культурой вносит разложение в человечество. Представители желтой расы рассматривались им как более жизнеспособные, более приверженные идее государственной стабильности и социального порядка. Народы России же оказались, по его мнению, подверженными идеям социализма и революции.

Европейской цивилизации Унгерн предрекал гибель, считая ее зараженной идеями социализма и демократии. Народы России также встали на ложный путь Запада, поэтому своеобразной духовной опорой мировой цивилизации может стать только Восток. В своем письме к военному губернатору Цицикарской провинции Чжану Кунью от 2 марта 1921 г. Унгерн писал: «Сей-

⁶³ Майский И.М. Современная Монголия. С. 262.

час думать о восстановлении царей в Европе немыслимо из-за испорченности европейской науки и, вследствие этого, народов, обезумевших под идеями социализма. Пока возможно только начать восстановление Срединного Царства и народов, соприкасающихся с ним до Каспийского моря, и тогда только начать восстановление Российской монархии, если народ к этому времени обрассудится, а если нет, надо его покорить»⁶⁴.

Сохранить на земле правду, добро, обычаи и религию могут только цари, поэтому Унгерн планировал постепенно и планомерно начать восстановление царств: монгольского, китайского и российского. Он предполагал восстановить монгольскую монархию во главе Богдо-ханом, а также Цинскую и Российскую империи. Это были не только грандиозные, но и очень сложные и противоречивые по целям и задачам проекты. Как это ни странно, Унгерн не видел явного противоречия в создании Великой Монголии и восстановлении Цинской империи, которые не могли одновременно мирно сосуществовать.

Монголию он рассматривал своеобразным военно-стратегическим плацдармом, с которого начнется это движение, а монголов — наиболее подготовленных для решения этой задачи. Не случайно именно на бурятский и тибетский отряды возлагались особые надежды. В письме к К. Грегори от 20 мая 1921 г. Унгерн так определяет два этапа в объединении монгольских народов. Первый — создание Великой Монголии из объединения Внутренней и Внешней Монголии, а также племен Западной и Восточной Монголии (включая и урянхайцев) под руководством Богдо-хана. «Цель союза двоякая: с одной стороны, создать ядро, вокруг которого могли бы сплотиться все народы монгольского корня, с другой — оборона военная и моральная от растлевающего влияния Запада, одержимого безумием революции и упадком нравственности во всех ее душевных и телесных проявлениях»⁶⁵.

Вторым этапом этого движения, идущего под лозунгом «Азия для азиатов», должно было стать создание «Срединного Монгольского Царства», которое должно было объединить все монгольские племена. В данном случае, он трактует расширительно понятие «монгольские племена», включая киргизов, тибетцев и др.

Военный и политический крах Унгерна в 1921 г. не позволил ему реализовать даже начальный этап его грандиозного проекта, в целом совершенно фантастического. Однако некоторое совпадение подходов в оценке монголов так называемых «евразийцев» и Унгерна свидетельствовали об объективной тенденции монголоязычных народов к консолидации и объединению, которую и попытался использовать Унгерн в своих политических целях.

О том, что эта идея висела в воздухе, что нужен был только политический лидер, который бы ее озвучил, а также некоторые материальные ресурсы и военные отряды, которые начали реализовывать задачу воссоединения, говорит история с Джа-Ламой.

Этот политический авантюрист попытался использовать идею восстановления независимости Монголии, тягу монгольских племен к единому государству в региональном масштабе. Джа-Лама объявил себя перерожденцем легендарного ойратского князя XVIII в. Амурсаны — своеобразного символа борьбы монголов за национальную независимость (см. публикации И.Н. Ло-

⁶⁴ Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М., 1993. С. 225.

⁶⁵ Там же. С. 227–228.

макиной и Е.М. Даревской). Используя веру монголов в перерождение, стремление к национальной самостоятельности, Джа-Лама за короткий срок сумел создать в Западной Монголии своеобразное небольшое княжество с жестокими порядками.

Политические амбиции, невероятная жестокость этого деспота оттолкнули от него как знатных монгольских феодалов Западной Монголии, религиозных деятелей, так и простых аратов. Революционное правительство Монголии видело в нем в определенной степени своего «соперника», который не встал на сторону Унгерна, ни Магсаржава, а попытался сыграть собственную игру в Кобдоском крае. Основными своими противниками он определял китайцев, а также жестоко расправлялся с пограничными киргизами. Связанный, возможно, с японской разведкой (данные П. Садецки, Е.М. Даревской), он мог представлять определенную опасность для революционной Монголии, поэтому и был ликвидирован монгольскими чекистами в 1922 г.

В концепции большевиков тесно переплетались национальные и социальные аспекты, с доминированием социального аспекта. Теория мировой революции с ее акцентом на интернационализме естественным образом вступала в противоречие с национальными целями и задачами отдельных государств. Особенно острым могло быть это противоречие с государством, собирающим свои земли и народы. Однако глобальные цели расширения мировой революции в Центральной Азии большевиков и Коминтерна совпадали с устремлениями и планами панмонголистов. Удачным плацдармом могла стать Внешняя Монголия.

В 1920 г. в Иркутске создается Секция восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б), на основе которой был создан Дальневосточный секретариат Коминтерна, возглавляемый Б.Я. Шумяцким. В монголо-тибетский отдел были приглашены панмонгольские деятели: Э. Ринчино, Ц. Жамцарано, знающие Монголию и ситуацию в стране. 10 ноября 1920 г. в Иркутске выходит первый номер «Монголын унэн», распространение которой сыграло определенную роль в подготовке революции 1921 г. Секретариат издавал журнал «Народы Дальнего Востока» и «Бюллени Дальневосточного секретариата», в которых анализировалась ситуация в Монголии, Китае, Корее и Японии.

В марте 1921 г. в Кяхте состоялся I съезд Монгольской Народной партии, определивший курс на начало революции. В разработке программных документов свою роль сыграли буряты. Так, в разработке программных документов значительную роль сыграл Ц.Ж. Жамцарано (в партийных документах названный Ж. Цэвэном). Бурятские и калмыцкие инструкторы, возглавляемые Х.Б. Кануковым, сыграли важную роль в создании монгольской национальной армии и вооруженной победе революции 1921 г.

Представители Бурятии сыграли существенную роль в проведении реформ 1921–1924 гг. В определенные моменты их роль оказывалась решающей. Так, в разгроме группировки Данзана в 1924 г. крупную роль сыграл Э. Ринчино, имевший большой авторитет в Монголии и поддержку Коминтерна. Э. Ринчино входил в состав политического руководства страны, также был членом Военного Совета. Ц. Жамцарано был своеобразным идеологом так называемого «правого уклона», обоснования перспектив дальнейшего развития Монголии.

Лидерами и идеологами панмонгольского движения в Монголии в 1925–1928 гг. стали руководители партии и государства (Ц. Дамбадорж, Н. Жадам-

ба, Ц. Жамцарано и др.). Несомненно, что формирование этого движения было связано с реформами в стране и поисками путей дальнейшего развития, а также оно находилось под определенным влиянием революционных событий в Китае. Национальная идея была только частью более широких задач движения, включавших в себя развитие рыночных отношений (лозунг «Обогащайтесь!»), поддержка религии («очищение» буддизма и соединения его с марксизмом).

Панмонгольское движение существенно отличалось от предыдущих этапов движения: подконтрольность, зависимость Монголии и его руководства от СССР и Коминтерна, дозированность самостоятельных решений политического руководства Монголии (правда, иногда выходящих из-под контроля).

Ц. Жамцарано предлагал установить равноправные и взаимовыгодные отношения не только с СССР, но и с Западом. Определяя политику в области внешней политики, он считал, что Монголия должна стать нейтральным государством, наподобие Швейцарии. Ее нейтральность должна быть гарантирована СССР, Китаем и другими крупными государствами мира.

Советская Россия обвинялась «правыми» в «красном империализме». Оно основывалось, видимо, на образовании независимой Тувинской республики, на территорию которой претендовала Монголия. Считалось, что разрешение «урянхайского вопроса» произошло в интересах СССР, так как вновь образованная Тувинская Народная Республика являлась явным сателлитом СССР.

Заключение в 1924 г. советско-китайского договора, в котором Монголия признавалась частью Китая, рассматривалась как политика двойных стандартов, двойная политика в отношении небольшой страны. Советско-монгольский договор 1921 г. признавал независимость, самостоятельность монгольского государства, а советско-китайский договор 1924 г. ограничивал эту независимость, делалось это за спиной Монголии.

К сожалению, в исторической литературе никогда не связывалось подписание договора 1924 г. и активизация панмонгольского движения. Это явилось как реакция на своеобразное «предательство» интересов Монголии, как сговор двух великих держав против небольшого и зависимого государства. Это было определено разочарованием в СССР и Коминтерне, которые все более вмешивались во внутренние дела страны и политическое руководство Монголии все более ощущало их давление. Советское руководство пошло на это соглашение, рассчитывая на грядущую китайскую революцию и через нее и на мировую революцию.

Решение «монгольского вопроса» вызвало среди советского руководства определенные разногласия и дискуссии. Разногласия возникли между Э. Ринчино и Т. Рыскуловым, находившимся в Улан-Баторе, не совпадали линия Коминтерна и позиция советской дипломатии в треугольнике: Россия — Монголия — Китай, имелись определенные разночтения курса Коминтерна, вызванные особым подходом к решению проблемы Н.И. Бухариным.

Оказание помощи Гоминьдану через Монголию определял особую роль последней. Уполномоченный Коминтерна в Монголии Т. Рыскулов 24 декабря 1924 г. информировал Исполком Коминтерна: «Ход жизни вынуждает Монголию связываться с этими районами — Внутренней Монголией, Тибетом, Синьцзяном, а последних, в свою очередь, искать опору во Внешней Монголии. С точки зрения общей обстановки на Дальнем Востоке, несомненно, освободительная борьба монгольских племен, при условии твердого руководства Ко-

минтерна, имеет революционное значение⁶⁶. Советское руководство считало преждевременным активное вмешательство монголов в китайские дела.

Сэн Катаяма — член Исполкома Коминтерна, побывал весной 1925 г. в Монголии и поддержал идею объединения монгольских племен в единую республику и оказание помощи в этом деле со стороны Внешней Монголии. Это подпитывало и усиливало позиции монгольского руководства, исповедующего «революционный панмонголизм».

В подходе к этой проблеме существовало расхождение между монгольским руководством и позицией Коминтерна. Т. Рыскулов считал, что вопрос о работе во Внутренней Монголии должен решаться в Москве Коминтерном, а Э. Ринчино считал, что это дело самих монгольских революционеров, которые должны взять инициативу в свои руки. Обсуждение этой проблемы вышло за пределы закрытых обсуждений и секретных записок и писем и вылилось в полемику на страницах журнала «Революционный Восток» (1927–1928), опубликовавшем в дискуссионном порядке статьи Э.Ринчино и Д.Жамболон.

Проблема национального самоопределения Монголии и «революционного панмонголизма» была поднята Э. Ринчино. Он связал создание объединенной Монголии с перспективой китайской революции 1925–1927 гг.: «Для всякого, даже для простака, ясно, что образование общемонгольской республики есть победа того же недавно революционного Кантона, Ухана, гибель Чжан-Цзолина, образование в его тылу сильнейшего революционного кулака и расширение территориальной базы Коминтерна»⁶⁷.

Этнографическую Монголию он рассматривал в составе Бурят-Монголии, Танну-Тувы, Внешней и Внутренней Монголии: «Под термином Монголия рассматривается страна, лежащая между СССР, Китайским Туркестаном, собственно Китаем и Маньчжурией»⁶⁸.

Д. Жамбалон категорически выступил против подобной постановки вопроса. Он не считал, что китайская революция терпит поражение в виду не объединения этнографической Монголии, хотя и понимал значение солидной объединенной революционной базы в тылу китайской революции.

По его мнению, Бурят-Монголия и Тува не стремятся к объединению в единое государство. Республики, получившие свободу для экономического и культурного развития, не имеют исторических и социально-экономических предпосылок для стремления к объединению. Только отдельные зажиточные части населения могут искать увеличения своих доходов в степях Монголии. Бурятия стоит в культурном отношении выше Монголии, отличается от нее экономическим укладом. С другой стороны, сама Внешняя Монголия рассматривалась, как несостоятельная обеспечить требования экономического и культурного развития объединенной Монголии, «когда ей не под силу разрешить собственных задач»⁶⁹.

Совершенно иное положение имелось во Внутренней Монголии, тесно связанной с Китаем, поэтому судьба революции во Внутренней Монголии тесно связана с китайской революцией. Тезис о помощи китайской революции со

⁶⁶ Цит. по: Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и революция 1925–1927 гг. // Восток. 1996. № 1. С. 68.

⁶⁷ Революционный Восток. 1927. № 2. С. 75.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Жамбалон Д. Как не следует ставить вопрос о национальном самоопределении Монголии // Революционный Восток. 1928. № 3. С. 29.

стороны объединенной Монголии, а также лозунг собственно единой Монголии, по суждению Д. Жамбалона, носит у Э. Ринчино «отвлеченный и утопический характер», имеет «явно шовинистический уклон»⁷⁰.

В объединении его составных частей он видит опасность перерождения режима. В целом, концепция о национальном объединении этнографической Монголии в единое государство эпохи Чингисхана «реакционна и не обеспечивает путей дальнейшего развертывания и углубления национально-освободительного движения Монголии»⁷¹.

В духе того времени на него навешивается ярлык, как на представителя мелкобуржуазного национализма, а его лозунг — играющий на руку нарождающейся буржуазии и реакционным князьям. В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. в периодической печати появилась серия статей, посвященных критике «правого уклона» и панмонголистов. Панмонголизм определялся тогда как «реакционная идеология» контрреволюционных сил (феодалов, лам, кулаков), тесно связанных с японским империализмом. Так, один из авторов — О. Дашиндондобэ дал следующую характеристику: «панмонголизм был, есть и будет затеей японского империализма, проводимой силой сабель, нагаек, пушек и пулеметов, при одновременном благославлении буддийской церковью, затеей ноенов, ванов, лам, кулачества и реакционных сил»⁷².

Делается упор на роль Японии: «Идея панмонголизма прямехонько ведет к ликвидации независимости Монголии и передачи монгольской независимости в руки японским империалистам»⁷³.

Бездокладательность данного утверждения сегодня очевидна. Это был своеобразный ярлык, данный политическим противникам, имевший грозные последствия. К сожалению, в публикациях отсутствовала даже попытка найти внутренние причины панмонголизма, как проявления монгольской консолидации, сохранения монгольского языка и культуры, сохранения экономической самобытности кочевников, развитие культурных и экономических контактов Бурятии и Монголии.

Собственная трактовка сути ошибок в национальном вопросе была сделана Ц. Жамцарано в письме в ЦК МНРП по случаю празднования десятилетней годовщины МНРП и МНР.

По его мнению, для разрешения национальной проблемы было пять основных условий: своя территория, своя культура, народ, свобода, государство.

Изложение своей концепции он начинает с рассуждения о соотношении земли и населения у монгольского этноса: «Земли монгольской много, а населения мало. При таком редком населении невозможно создать интенсивную культуру. Нужно увеличить плотность населения хотя бы в два раза. Естественного прироста коренного населения недостаточно, поэтому являются необходимыми вселение извне»⁷⁴. Конкретное разрешение этой проблемы и создание монгольского национального государства он видел в привлечении иммиграции из Внутренней Монголии, СССР: бурят, калмыков, монголов. Заселение территории однородной монгольской массой преградит путь историческим колониационным стремлениям русского и китайского крестьянства.

⁷⁰ Жамбалон Д. Как не следует ставить вопрос о национальном самоопределении Монголии. С. 239.

⁷¹ Там же. С. 340.

⁷² Вестник Института Культуры. 1931. № 1. С. 29.

⁷³ Там же. С. 26.

⁷⁴ Письмо Ц. Жамцарано в ЦК МНРП. Машинописная копия: пер. с монг. Б.м., б.г. С. 1.

Национальная независимость должна быть признана СССР, Китаем, другими государствами. «Ни сюзеренитета Китая, ни протектората СССР, а гарантированное СССР и Китаем и признанное всеми державами нейтральное государство, наподобие Швейцарии»⁷⁵.

Только такое положение обеспечивало культурное развитие отсталой Монголии. Предполагалось, что подобные политические образования возникнут во Внутренней Монголии, Куко-норе, Тибете, Китайском Туркестане.

Предполагалось, что реформы во Внешней Монголии, повышение уровня жизни народа, культурные достижения приведут к тому, что Халха станет «соблазнительным, притягивающим центром национального возрождения для внутренних монголов, главным образом, пограничных (Силингольский сейм, Чахария, Улан-цабский сейм, Ордос, Алашань, Энзен-гол, Барга), а затем и для других Центрально-азиатских областей вышеуказанного направления (Тибет, Куко-нор, Синьцзян, Амдо)»⁷⁶.

Это рассматривалось как необходимое и неизбежное продолжение национально-революционного движения, начатого в Халхе и продолженного в Китае. В дальнейшем могла сложиться федерация монгольских племен вокруг МНР. И только три сейма (Джерим, Джосту, Джоуда), наиболее подвергшие китайской колонизации не могли добровольно вселиться в МНР. «Такое вселение земледельческих оседлых монголов массами в Халху создало бы целые монгольские села и деревни, уплотнило бы население, увеличило бы хозяйственные возможности и тем самым создались бы благоприятные условия культурного развития»⁷⁷. Куку-нор, Тибет, Китайский Туркестан мыслились как составные части будущей Центрально-Азийатской федерации вокруг МНР, опирающейся на СССР, но не входящие и не подчиняющиеся ему.

Таким образом, мы видим, что предполагалось не просто объединение монгольских племен, а создание федерации. Более того, имелось в виду различное положение монгольских племен, различные способы объединения. К сожалению, в предложенной трактовке отсутствует механизм вхождения в Федерацию Бурятии, Тувы и Калмыкии. Что являлось наиболее сложным делом, а фактически невозможным.

Кроме того, предложенная концепция Ц. Жамцарано несколько отличалась от проектов 1925–1926 гг. более расширительной трактовкой территории создаваемого монгольского государства и народов входящих в него, не только монгольского происхождения. Однако, определенно видна абстрактность и нереалистичность осуществления данного проекта. Возможно, он был рассчитан на «левых», находившихся у власти.

После разгрома в Монголии правого и левого уклонов, известные деятели-буряты уехали из Монголии и занялись в Москве и Петербурге научной и преподавательской деятельностью, которая была прервана в 1937–1939 гг. Они были обвинены в контрреволюционной и шпионской деятельности и репрессированы.

Историки из Бурятии Б.В. Базаров и Ю.П. Шагдуров, изучив закрытые прежде следственные материалы НКВД о «Пан-монгольской организации 1937–1938 гг.» пришли к выводу, что нельзя проследить «о каких-либо идейных и организационных попытках образования единого монгольского госу-

⁷⁵ Письмо Ц. Жамцарано в ЦК МНРП.

⁷⁶ Там же. С. 2.

⁷⁷ Там же.

дарства», а только вынашивались «идеи общности культуры Бурятии и монгольского Востока»⁷⁸.

По делу «Пан-монгольской организации» было привлечено 2026 человек, из них 1303 человека — представители ламского сословия. Участникам панмонгольской, «террористическо-повстанческой организации» вменялось в вину попытка отторжения БМАССР от СССР и создание Великого Монгольского государства под протекторатом Японии»⁷⁹. Таким образом, попытка создать в 1925–1928 гг. единое монгольское государство в составе МНР, Бурятии, Внутренней Монголии и Тувы исходило от политического руководства МНР, добившихся наибольших успехов из монгольских народов в деле национального строительства. Крупная роль в обосновании идеи «Великой Монголии» принадлежит известным политическим деятелям-бурятам Ц. Жамцарано и Э. Ринчино. Коминтерн использовал их знания монгольских реалий и практический опыт для победы монгольской революции и проведения демократических реформ в стране, их «панмонголизм» был растворен в них. Однако на определенном этапе он снова дал о себе знать, что не отвечало интересам Коминтерна, заинтересованного в союзничестве с революционным движением Китая и СССР, не заинтересованного в потере Бурятии и Тувы.

Однако это движение не имело массовой поддержки, в нем не были заинтересованы ни одна из планируемых составных частей. По нашему мнению, в объединении не были заинтересованы сформировавшие политические и культурные элиты Монголии, Бурятии, Тувы, которые при создании нового государства утрачивали свои позиции. Их будущее становилось неопределенным, могло привести к соперничеству и конфликтам. Поэтому концепция «Великой Монголии» во многом носила умозрительный характер, дальше дискуссий и печатных выступлений дело не пошло. Разумеется, в этом не были заинтересованы Китай и Россия, от позиции которых тогда зависела судьба панмонгольского государства.

⁷⁸ Базаров Б.В., Шагдуров Ю.П. Пан-монгольская организация 1937–1938 гг. // Базар Бардин: Жизнь и деятельность. Улан-Удэ. С. 33.

⁷⁹ Там же. С. 34.

4. «УРЯНХАЙСКИЙ ВОПРОС» И РУССКО-МОНГОЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Русско-монгольские и русско-китайские отношения являются предметом пристального изучения российских востоковедов и международников. В результате длительных и настойчивых научных изысканий собран, проанализирован и обобщен обширный материал.

Проходят десятилетия, а многие проблемы истории взаимоотношений России с Монголией и Китаем продолжают привлекать внимание политиков и исследователей до сих пор. Только за последние годы эти вопросы нашли отражение в работах российских авторов: В.С. Мясникова, Е.А. Белова, С.Г. Лузянина, Е.М. Даревской, Ш.Б. Чимитдоржиева, В.Ц. Ганжурова, В.Г. Дацышена, Г.С. Яскиной, Н.Е. Единарховой, В.А. Василенко.

Кажется, что уже трудно обнаружить неизученные вопросы, новые материалы и факты. Оказывается это не так. Проблема обострения русско-монголо-китайских отношений по «урянхайскому вопросу» в 1900–1917 гг. до сих пор не стала в историографии предметом специального изучения. Отдельные аспекты проблемы только обозначены в публикациях Е.А. Белова, Ю.В. Кузьмина, В.Г. Дацышена, В.А. Василенко, С.Г. Лузянина.

Проблема «урянхайского» пограничного вопроса являлась предметом бурного и широкого обсуждения общественной мыслью России в начале XX в. Мнения участников дискуссии разделились, они определялись социальным статусом, имущественным положением, а также уровнем образования и осведомленности по проблеме. Затем, в течение полувека сама постановка вопроса о спорности прохождения границы в научной литературе была просто невозможна.

Серию интересных и новаторских публикаций по истории русско-монголо-китайских отношений осуществили в 1990-е гг. китаевед Е.А. Белов и историк С.Г. Лузянин, которые ввели новые важные для данной темы источники. В 2000-е гг. появились основательные исследования Е.А. Белова, В.Г. Дацышена, В.А. Василенко.

Однако «урянхайский» пограничный вопрос не стал до сих пор в научной литературе предметом специального исследования. Отдельные аспекты проблемы были проанализированы в разные годы в публикациях С. Шойжелова, М. Кайского, Г.Е. Грумм-Гржимайло, С.В. Шостаковича, Р. Кабо, В.И. Дулова, В.И. Моисеева, Е.А. Белова. Усилиями историков В.И. Дулова, Ю.Л. Арынчина, В.А. Моисеева, В.А. Дубровского была преодолена односторонность оценки по «урянхайскому» вопросу, русскую политику в Урянхае стали определять как двойственную, имеющую положительную и отрицательную стороны.

Проблема русско-китайских границ — это тонкая и деликатная тема, затрагивающая самые важные стороны в отношениях между странами. Она требует осторожного с ней обращения. Публикация в последние годы широкого круга новых источников: «Русско-монгольские отношения в XVIII в.» (1990), «За три века. Тувинско-монгольско-китайские отношения (1616–1915 гг.)» (1995) создали благоприятные возможности для нового осмысления и углубленного понимания пограничного вопроса. Благоприятным фактором стало также открытие ранее недоступных архивных материалов.

Российское китаеведение проделало грандиозную работу по описанию, обобщению и осмыслению российско-китайских отношений (В.С. Мясников, Е.А. Белов, В.Г. Дацышен, А.М. Григоровев, Г.А. Боголюбов, Ю.М. Гарушянц и др.), их результаты учтены в данной работе.

Теоретические и методологические проблемы международных отношений, основные современные теории и концепции основательно проанализированы в трудах Ф.М. Бурлацкого, А.А. Кокошина, А.А. Мурадяна, Г.Н. Новикова, Э.А. Позднякова, Е.М. Примакова, Э.А. Скакунова, М.А. Хрусталева и др.

Русско-монголо-китайское соперничество в Урянхае — сложная и запутанная страница отношений трех стран. Ее серьезное и объективное исследование позволит выяснить природу разногласий и снять дипломатическое напряжение. Изучение различных подходов в трактовке одной проблемы разными авторами позволит исследовать природу формирования общественной мысли.

4.1. Урянхай в 1911 году: между Россией и Монголией

Близко к «монгольскому вопросу» примыкает малоизвестная проблема Урянхая, который вслед за Внешней Монголией отделился от Китая и был в поисках собственного места в мире, балансируя между Россией и Монголией. Однозначного решения урянхайскими правителями в пользу независимого развития края, или присоединения его к Монголии либо к России принято не было. Ситуация привела к активизации сторон и осложнению русско-монгольских отношений.

Урянхай (или Урянхайский край, реже Сойотия) современная Тувинская Республика (Тыва) находится в центре Азии. Урянхайский край это горно-степная котловина, изолированная с севера Саянским хребтом, а с юга хребтом Танну-Ола. С запада на восток тянется на расстоянии 745 км, наибольшее протяжение с севера на юг 380 км, средняя протяженность от 100 до 350 км. Площадь края в начале XX в. приблизительно 150 тыс. км².

В Урянхае проживали кочевники-скотоводы тувинцы. Самоназвание народа тыва, (туба-сойоны). Русские называли их сойотами, сойонами¹, реже урянхами. Китайцы называли их урянхайцами.

1911–1912 гг. оказались переломными для стран Центральной Азии: Китая и его провинций, Монголии, Тибета, России, а также Урянхая (Тувы). Синьхайская революция в Китае, последовавшие за ней объявления независимости во Внешней Монголии и изгнание китайцев из Урянхая (1912), разрушили стабильную и сложившуюся систему международных отношений в треугольнике Китай-Россия-Монголия. Китай, занятый разрешением внутренних проблем, отстаиванием своих интересов в Монголии, оказался почти полностью изолированным от Урянхая. Монголия же стремилась не только сохранить независимость, но и воссоздать «Великую Монголию» в составе Внешней, Внутренней Монголии, Барги.

Многовековое сосуществование монголов и тувинцев принимало различные формы объединения: империя Чингис-хана, государство Алтын-хана, Маньчжурская империя. Тувинские племена находились в подчиненном положении от монгольских феодалов (особенно южные хошуны). Имея давние и прочные позиции в южных районах, монгольские феодалы старались не только сохранить, но и упрочить свое влияние в Урянхае. Являясь длительное вре-

¹ Народы России (Энциклопедия). М., 1994. С. 337.

мя проводниками китайской политики в Урянхае, монголы с уходом китайцев из края пытаются заменить их.

Ситуация привела к обострению русско-монгольских отношений. В 1911–1916 гг. завязался сложный и противоречивый «клубок» русско-монголо-китайских отношений, Урянхай оказался в сфере интересов трех стран, а также в поисках собственного места в мире.

Урянхай до 1911 г. считался составной частью Цинской империи. Урянхайцы платили налоги, но во внутренние дела: управление и экономику, китайское вмешательство было незначительным. Утверждались в должности только некоторые крупные чиновники. Верховным правителем Урянхая был Амбань-нойон, власть которого была распространена только на основные урянхайские хошуны, некоторые подчинялись лишь номинально. Южные урянхайские хошуны находились в феодальной (даннической) зависимости от отдельных князей Халхи. Некоторые урянхайские нойоны были монгольского происхождения.

Крупный монголовед России В.Л. Котвич считал, что в административном отношении Урянхайский край тесно связан с соседними монгольскими округами: «население края разделено на 47 сумунов, из коих 3 сумуна, состоящих из дархатов, включены в состав Шабинского ведомства Ургинского Богдо-гэгэна, 13 в состав Сайн-ноиновского аймака, 5 Дзасактухановского аймака»².

Монгольским князьям принадлежали Бээзи-хошун, сумоны Маады, Чо-оду, Шалык, Сортал. По данным историка В.И. Дулова, около 12 тыс. тувинцев или третья часть всего населения края находились в зависимости от монгольских князей³. Сами монгольские князья не жили в Туве, а посылали своих представителей для сбора податей.

В начале XX в. монгольские власти предприняли меры по подготовке преданных Богдо-гэгэну чиновников из числа тувинцев. В Улясутае в 1909 г. обучались 8 человек из Урянхая.

В целом, Урянхай занимал особое, обособленное положение в Цинской империи. Удаленный географически от метрополии, отделенный Монголией и не имеющий на своей территории китайской администрации и армии, Урянхай развивался в более тесной связи с монгольскими хошунами, имел сходный экономический уклад, единую религию. Более низкий уровень социального развития Урянхая позволял монгольским феодалам эксплуатировать его.

Кроме того, монголы стремились объединить не только все монгольские племена, но и другие народы бывшей империи Чингисхана, реализовать идею «Великой Монголии», потому считали Урянхай частью Монголии.

Позиции «монголофильской партии» в Урянхае сторонников ориентации на Монголию, перехода в монгольское подданство, были сильны, имели большое число последователей. Не случайно поэтому наблюдался в 1912 г. массовый переход урянхайских хошунов в монгольское подданство. Перешедшие главы хошунов получали княжеские титулы и почетные звания, им выдавались монгольскими властями печати. Этому способствовала и неопределенная позиция России, оставившая без ответа первые обращения урянхов (1912 г.) о переходе в русское подданство. Ряд правителей ориентировались на Россию. Так, во время собрания чиновников и феодалов в январь

² Котвич В.Л. Краткий очерк истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914. С. 28.

³ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М., 1956. С. 180.

ре 1912 г. во время обсуждения проблемы выбора ориентации Агбан-Демчи заявил: «Что Монголия? Чем она лучше Тувы? Что она может нам поставить кроме масла, которое у нас самих есть? Россия — это сила. Она способна ввозить в Туву не только ткани, но и железо и железные орудия»⁴. Поэтому после изгнания китайцев из Урянхая, местные правители стали искать помощи у России и Монголии, одна часть хотела перейти в русское подданство, другая под власть Внешней Монголии.

В 1911 г. на территории Урянхая проживало около 5 тысяч русских поселенцев, что составляло десятую часть населения края, здесь находилось 120 хуторов, 12 деревень, было 80 русских торгово-промышленных предприятий (50 золотых приисков), а также школа, православный храм⁵. Здесь еще не было русских чиновников и войск, но существовали крупные экономические интересы.

4.2. Возникновение «урянхайского вопроса»

Первые сведения в России об Урянхайском крае были собраны русскими послами в государстве Алтын-ханов (с конца XIV в. Тува находилась в составе монгольского государства Алтын-ханов, просуществовавшего до второй половины XIV в.) В. Тюменцем и И. Петровым. В.Тюменец принял присягу на подданство России от монгольского хана Хун-тайши. Позднее она была подтверждена другими монгольскими правителями. Буринским и Кяхтинским договорами 1727 г. была определена граница между Россией и Китаем в районе Урянхайского края. Относительно прохождения ее мнения исследователей расходятся, именно различная трактовка положений этих договоров является исходной посылкой споров.

С середины XVIII в. Урянхайский край вошел в состав Маньчжурской империи, с 1755 г. им стал управлять уляс-утайский цзян-цзинь, ему подчинялся амбань-нойон правитель края. С него собирали дань пушниной и скотом. Русские стали осваивать Урянхайский край с 1839 гг., когда сюда стали проникать русские золотоискатели, которые на реках Большой и Малой Алгияк основали Спасский и Никитский прииски. В 1840-х гг. зародилась русско-тувинская меновая пограничная торговля, получившая более широкое развитие во второй половине XIX в. Были сделаны первые шаги в изучении Урянхайского края: в 1842 г. географ П.А. Чихачев, в 1861 г. этнограф В.В.Радлов, в 1876–1880 гг. Г.П. Потанин представили свои исследования.

В результате подписания в 1860 г. в Пекине русско-китайского договора была разрешена свободная торговля по всей пограничной линии между Россией и Китаем. Русским купцам разрешалось покупать и продавать различные товары в Урянхае. Расширение торговли способствовало увеличению в России информации о крае, его природных ресурсах, экономике и жителях. Русские купцы первыми из русских людей стали носителями разговорного языка местных жителей.

По данным китаевода Е.А. Белова, Чугучагский протокол 1864 г. подтверждал русско-китайскую границу, определенную Буринским и Кяхтинским договорами 1727 г. В соответствии с этим Протоколом в 1869 г. русскими и ки-

⁴ Арынчын Ю.Л. Историческое значение присоединения Тувы к России в 1914 г. // Ученые записки ТНУИЯЛИ. Вып. V. Кызыл, 1957. С. 150.

⁵ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 153.

тайскими комиссарами были установлены пограничные знаки по Саянскому хребту⁶. Факт, неизвестный последующим исследователям проблемы.

Определенным толчком к изучению Урянхая послужило и подписание Петербургского трактата 1881 г. и образование специальной комиссии при Иркутском генерал-губернаторе Анучине по изучению русско-китайской границы в районе Саянских гор.

Русские золотоискатели, осваивающие месторождения золота в Урянхае, столкнулись с проблемой правового положения их в крае, законности их хозяйственной деятельности. Они обращаются в российские министерства, к властям Восточной Сибири с просьбой разрешения этой проблемы и объявления свободными для поисков и заявок золотые россыпи по рекам Уту, Уюку, Темир-усу, впадающим справа в Енисей.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин в 1881 г. так писал по поводу этих обращений: «Рассматривая ныне карты границ и приисков Минусинского края, становится очевидным, что весьма значительное число приисков, расположенных по реке Систе-хем и его притокам, только по одним лишь документам и картам вполне разъяснили, с одной стороны, что речки, об объявлении коих свободными ходатайствуют золотопромышленники, лежат в китайских пределах, а, с другой стороны, что между китайскими речками находится и система реки Систе-хем, покрытая золотыми приисками, давшими уже нашим предпринимателям до 464 с половиной пудов золота»⁷.

В этих условиях представители русских властей предпочитали занимать выжидательную политику, занимая фактически и осваивая владения другого государства. Понимая, что золотопромышленники перешли законную границу, генерал-губернатор боится международных осложнений, «если откроется завладение нашими золотопромышленниками частью китайских земель». Поэтому он считает «благоразумнее не начинать подобных переговоров с китайским правительством». Д. Анучин пришел к следующему выводу относительно будущего политики России в этом регионе: «А потому и имея в виду, что ныне существующий порядок не вызывает со стороны Китая никаких протестов, я склоняюсь лично к тому убеждению, что лучшим разрешением настоящего вопроса было бы предоставление существующего порядка вещей его историческому течению, т.е. неограничение полной свободы нашему мирному промышленному движению к берегам Верхнего Енисея, а быть может, и далее, к естественной нашей в тех местах границе, к хребту Танну-Олу»⁸.

Такой подход сибирской администрации на длительное время явился основным в определении политики России в Урянхае.

Для разрешения спорных вопросов во взаимоотношениях русских торговцев и местных жителей в 1885 г. был создан Усинский пограничный округ, с центром в селе Усинском, расположенном рядом с Урянхайским краем. Несколько раз в год в Урянхайский край выезжали усинский пограничный комиссар, его помощник, врач, мировой судья, священник, горный инспектор.

Отношения между русскими торговцами, поселенцами и коренными жителями складывались не всегда мирно и благополучно, случались периоды обострения отношений и конфликтов. В отчете генерального консула в

⁶ Народы России (Энциклопедия). С. 337.

⁷ Котвич В.Л. Краткий очерк истории и современного политического положения Монголии. С. 28.

⁸ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. С. 180.

Монголии Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства (1886) нестандартно (отлично от других) отмечены обстоятельства появления русских торговцев у сойотов и характер их отношений с местным населением. Указывается на «недружелюбие» соетов и дерзкое поведение относительно русских подданных⁹.

По мнению генерального консула, ни в одном пограничном пункте не относились к русским так дурно, как в соетской земле. Поводами к недовольству называются самовольный захват русскими поселенцами удобных земель, а также покупка ворованного скота. В качестве ответной меры происходили грабежи русских торговых караванов. Требования консульства строгого расследования, уплаты соетским обществом за ограбления (коллективная ответственность), наказание виновных привели к прекращению насилия и грабежа со стороны местного населения. Правда, в 1878 г. во время внутренних смут была проявлена снова враждебность к русским.

Появление русских в крае усложнило ситуацию и расстановку сил. Я. Шишмарев так оценивал положение: «Несчастливые Соеты становятся между двумя огнями: с одной стороны, требованиями и настойчивостью русских, с другой, безбожным обирательством китайцев»¹⁰. По оценке автора отчета, бесконечные исковые дела, судебные разбирательства очень прибыльны для китайцев, разорительны для соетов и маловыгодны для русских, так как разоряют население как потенциальных покупателей и препятствуют развитию торговли.

В 1889 г. генеральный консул в Урге Я.П. Шишмарев сообщает в Министерство Иностранных дел, «что китайское правительство приняло решение серьезно возбудить вопрос о границе, сопредельной с нашим Минусинским округом Енисейской губернии». На границу была командирована комиссия, на которую возлагается задача сличить акты с положением местности и определить положение русских золотых приисков, а также построек. Китайское правительство предполагало в случае, если обнаружится, что русская золотопромышленность действительно находится в пределах Урянхая, возбудить вопрос о назначении специальных комиссаров для рассмотрения этого обстоятельства.

По мнению консула, «в наших интересах разрешить так или иначе окончательно пограничный при Минусинске территориальный вопрос, иначе он может приносить при всяком случае неприятности вообще и служить помехами к улучшению добрых отношений на тамошней границе»¹¹. МИД России выразил полное согласие с этим мнением.

Русские золотопромышленники еще в 1879 г. обращались к министру внутренних дел и министру иностранных дел с просьбой выговорить новую границу по Танну-Ола. Это ходатайство было отклонено как несвоевременное и было решено предоставить золотой промысел естественному течению.

В связи с неопределенностью пограничной полосы в Саяны в разное время были командированы чиновник Осташкин, горный инженер Боголюбский, которые на местности изучали нахождение пограничных знаков. П. Ровинский (1870), Н. Веселков (1871) высказали сомнение в добросовестности действий русских дипломатов при определении границы согласно Буринского и Кяхтинского договоров 1727 г. и указали на Танну-Ола, как естественную гра-

⁹ Арынчын Ю.Л. Историческое значение присоединения Тувы к России в 1914 г. С. 150.

¹⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 153.

¹¹ Белов Е.А. Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях (1911–1914) // Восток. 1995. № 1. С. 63.

ницу южной Сибири. Данные предположения и толкования не были признаны удовлетворительными, и вопрос о границе оставался открытым.

В край направлялись специальные экспедиции, изучавшие пограничный вопрос. В 1892 г. была направлена экспедиция Перетолчина, в 1897 г. полковника Баранова, в 1899 г. пограничного начальника Александровича. По оценке горного инженера В.П. Селиванова (1914), чиновник Осташкин, военный Баранов устанавливали пограничные знаки хотя и в разных местах, но оба возобновляли границу в пределах Саянского хребта. В результате поездок были опубликованы: отчет о поездке М. Хлыновского «Разведки в Саянах», В. Ошуркова «Из странствий по земле урянхов» (1898), монография А. Адрианова «Очерки Минусинского края» (1904), статьи П. Островских «Краткий отчет о поездках в Тожинский хошун Урянхайской земли» (1898), «Значение Урянхайской земли для Южной Сибири» (1899). В ряде этих работ пограничный вопрос не затрагивался, а был представлен географический, геологический, этнографический и другой материал об Урянхайском крае.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. в России наблюдается повышенный интерес к Урянхайскому краю. Это было связано с активизацией в регионе русской торговли, колонизацией земель русскими поселенцами, деятельностью золотопромышленников, которые сталкивались с неопределенным правовым статусом русского жителя в крае, затрудняющим их деятельность.

В конце 1990-х гг. происходит усиление интереса России к дальневосточной политике, к Китаю (особенно к Маньчжурии). Урянхайский край рассматривается в этих планах как удобный стратегический пункт, место возможного воздействия на Китай. Он видится как слабое и уязвимое место Китая.

Штаб Иркутского военного округа в 1895 г. предлагает следующую экспертную оценку: «В случае вооруженного столкновения России с Китаем на остающиеся свободными в пределах Иркутского военного округа войска предполагается главным штабом возложить занятие городов Кобдо и Улясутая, лежащих в Западной Монголии. Овладение вышепоименованными пунктами не только облегчит наши военные действия со стороны Западной Сибири и Забайкальской области, но и обеспечит вместе с тем нашу границу от нападения шаек инородцев, подвластных Китаю»¹².

Лучшими и наиболее выгодными путями для наступления войск признавались дороги: 1 — на оз. Косогол, 2 — через Минусинск, через хребет, заимку Сафьянова на Уланком. Штаб Иркутского округа, изучив оба варианта, отдал предпочтение второму пути.

В российских публикациях 80–90-х гг. XIX в. Урянхайский край рассматривается как часть Китая, особая провинция, куда оформляется заграничный паспорт. А.В. Адрианов в своей монографии «Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского РГО» (1886) отмечает слабую изученность Сибири и сибирских инородцев.

Автор совершил путешествие из Томска через Шапшальский хребет до долины Кемчика, а затем его маршрут проходил по Кемчику и Енисею и закончился в Минусинске.

По его мнению, Монголия оказалась изученной лучше, чем Сибирь. Нельзя не согласиться с этим соображением. Действительно, исследование

¹² Цит. по: Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. М.; Л., 1934. С. 140–141.

истории и культуры сойонов (тувинцев) началось значительно позднее других народов Центральной Азии.

Указывается также на слабый интерес русских, проживающих в Урянхае, к стране, за исключением торговых вопросов. Русские, прожив несколько лет в крае, свободно говорили по-сойотски, но не имели элементарных сведений о нем.

Специальную главу (гл. 3, с. 192–203) А.В. Адрианов посвящает сойотам. Он отмечает сильное монгольское влияние, которое сгладило многие типические черты сойотов. Большинство лам, чиновников и богатых людей хорошо говорят по-монгольски, а родной язык находится у них в некотором пренебрежении. Сойотов он рассматривает как «подданных Китая».

Касаясь проблемы двух границ в Урянхае, А. Адрианов пишет: «По Саянскому хребту... проходит северо-западная русско-китайская граница, отделяющая владения сойотов от русских в южной части минусинского и бийского округов. По Танну-Ола, непрерывному хребту, проходит ряд караулов, отделяющих Монголию от урянхов, как называют китайцы и монголы сойотов»¹³.

По мнению А. Адрианова, граница по Танну-Ола более закрыта и недоступна для сойотов, чем русская граница. Больше близости находится между сойотами и качинскими татарами, исповедующими шаманизм, чем с монголами и китайцами, которые относятся с презрением к сойотам, т.е. налицо тяготение последних к России, к сибирским народам. Эти обстоятельства способствовали развитию в Урянхае русской торговли, «окончательно убившей и без того ничтожную торговлю китайцев»¹⁴. Однако, автор находит состояние русской торговли неблагоприятным, а перспективы развития и само существование — «сомнительным». Запрещение долговой торговли в крае это уничтожение торговли вообще. В 1880 г. пекинское правительство запретило русским прочные постройки в земле урянхов, а разрешило строить только балаганы (летние строения) для хранения вещей. Это явилось серьезным затруднением для торговли. Не благоприятствовало торговле и воровство сойотов, которое являлось у них предметом похвальбы и гордости. Русские купцы оказывались втянутыми в покупку украденного скота или обворовывались сойотами.

В целом, взгляд А.В. Адрианова на сойотское общество отличается объективностью, и политические оценки не связаны с социальными интересами.

Позднее, в 1913 г. за поддержку забастовщиков А. Адрианов был выслан из Томска в Минусинск, где активно участвовал в работе газеты «Минусинский край», а в 1915 г. был переведен в Урянхайский край. Там в 1915–1916 гг. он произвел раскопки 38-ми древних курганов и исследовал наскальные рисунки. Расстрелянный в 1920 г. «как активный противник советской власти, Адрианов позднее был незаслуженно забыт, а труды изъяты из научного обращения.

Научными экспедициями в Урянхай Ф.Я. Кона, А.В. Адрианова, Е.К. Яковлева, П. Крылова был собран уникальный материал, расширивший представление российского общества о крае. Они специально не собирали материал по «пограничному вопросу», но их оценки положения сойот, состояния русской торговли в Урянхае, характер взаимоотношений русских, сойот, монголов и китайцев представляют несомненный интерес для исследователей.

Этнографическую экспедицию в Урянхайский край совершил Ф.Я. Кон (1864–1941), известный российский и польский деятель революционного

¹³ Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. С. 140–141.

¹⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 121. Л. 29.

движения, во время отбывания им ссылки в Минусинске. Экспедиция в Засаянский край по изучению сойотов проходила с февраля 1902 г. до середины 1903 г.; был собран уникальный материал и ценная этнографическая коллекция. Ему оказали помощь в подготовке экспедиции Н.М. Мартыанов директор Минусинского музея, А.В. Адрианов. Программу исследований Ф. Кон составил совместно с Г.П. Сафьяновым, обговорив предварительно ее с Г.Н. Потаниным, Д.А. Клеменцем. В обосновании отмечалось, что Усинский край и Урянхайская земля совершенно не изучены в этнографическом отношении.

По результатам экспедиции Ф.Я. Кон опубликовал «Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю» (Иркутск, 1903), «Усинский край» (Красноярск, 1914), «Экспедиция в Сойотию» (М., 1934).

Длительное время вклад Ф.Я. Кона был вне внимания исследователей. В 1965 г. С.И. Вайнштейн в статье «Ф.Я. Кон как этнограф»¹⁵ ввел в научный оборот и проанализировал дневник его путешествия в Сойотию, переписку.

Позднее изучение наследия Ф. Кона было продолжено В.Н. Ивановым в работе «Сибирские народы в трудах Ф.Я. Кона» (Новосибирск, 1985), В.М. Минович «Фотографическая коллекция Ф.Я. Кона из экспедиции в Урянхайский край в фондах Иркутского объединенного краеведческого музея» (1989), В.М. Станевич «Ф.Я. Кон и ВСОРГО» (1994). В «Автобиографии» Ф. Кон отмечал, что «революционная работа 1905/06 гг., скитание по эмиграции, недоступность материалов, застрявших во Львове, не позволили проанализировать собранный материал».

В «Предварительном отчете» автор прямо не касается «урянхайского вопроса», но отдельные его оценки и замечания о распространении ламаизма и монгольского языка, характера взаимоотношений сойотов и русских, отношений между ламаизмом и шаманизмом, русско-монголо-китайском торговом соперничестве затрагивают некоторые аспекты этой проблемы.

Ф. Кон специально не затрагивает вопрос о прохождении русско-китайской границы, однако из контекста видно, что Урянхай это китайская территория. Так, в начале отчета отмечается: «Второй период экспедиции был посвящен изучению Ойнаров, Сальджаков, и отчасти Мадинцев и изучению русских, живущих в зассеках, находящихся на Китайской территории и в пределах Усинского пограничного округа»¹⁶.

Этнограф отмечает значительные успехи ламаизма среди улухэмских сойотов. Большинство лам сойоты, среди которых тибетский язык распространен гораздо больше, чем монгольский. Священные книги и все необходимое для богослужения получали из Монголии: из Урги или западных монастырей. Указывается на «странную борьбу» между ламаизмом и шаманизмом. Эта борьба носила в некотором смысле национальный оттенок: проводниками ламаизма являлись монголы, а шаманами — сойоты.

Постепенно произошло приспособление двух систем взглядов, которые стали мирно уживаться, а верования сойотов представляли «странную смесь ламаизма с шаманизмом»¹⁷. Они переживали ту стадию, когда устои одной системы расшатаны (шаманизм), а начало другой (ламаизм) еще не усвоены.

¹⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 121. Л. 30.

¹⁶ Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. С. 142.

¹⁷ Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского РГО. СПб., 1886. С. 204.

По мнению Ф. Кона, в Урянхэе происходит «упорная», но «молчаливая» конкуренция китайских, монгольских купцов с русскими. Россия одевает преимущественно бедняков, а Китай привозит материал для богачей и чиновников. «Эта борьба, в которой одна сторона добивается цели дешевизной в ущерб качеству другая более прочным в правовом отношении положением в стране и более прочным и изящным по качеству товаром»¹⁸.

Широкое распространение среди коренных народов Сибири (тункинских бурят), а также монголов имело историческое предание, записанное в 1900 г. М. Хлыновским в Саянах. Согласно этому преданию, русская граница проходила не по вершинам Саян, как ее провели по Кяхтинскому трактату, а гораздо южнее озера Косогол. «Сысын-ван, посланный Эджин-ханом (китайским императором) заключать пограничный трактат с уполномоченным от русского правительства Гран-Саном (графом Саввою Рагузинским), подкупил последнего, и Гран-Сан согласился уступить китайской империи всю часть земли, находящуюся теперь между настоящею границею России и линией внутренних монгольских караулов»¹⁹.

При отправлении из Пекина вану Сысыну для подкупа были даны бочка золота, бочка серебра и приказ выбрать в Монголии трех красавиц. Несмотря на фантастичность и нелепость предания, М. Хлыновский не пытался его опровергнуть, подвергнуть критике или сомнению. Он пишет: «Таково предание об учреждении караулов. Насколько в нем правды, трудно сказать»²⁰.

Вообще необходимо отметить эту особенность распространенность мифологического представления о русско-китайских отношениях, русско-китайской границе и среди более просвещенной части российского общества. Казалось, что при издании известных в России книг Бантыш-Каменского, И.В. Щеглова это маловероятно.

Отражением общественного мнения, уровня научных представлений, их эволюции и характеристики «урянхайского вопроса» явились статьи «Сойоты», «Усинский округ», «Усинский пограничный округ» в основных энциклопедических словарях России Брокгауза и Ефрона, Граната. Усинский пограничный округ, выделенный из Минусинского уезда, определялся находящимся в южной части Енисейской губернии, на границе с северной Монголией (Брокгауз и Ефрон. СПб., 1902. Т. 69. С. 1); по другим данным — на границе с Китаем (Большая энциклопедия. СПб., 1904. С. 42). В статье, посвященной сойотам, они определяются как народность, которая обитает в верховьях Енисея, в основном в пределах китайских владений (Большая энциклопедия. СПб., 1904. Т. 17. С. 616).

Таким образом, совершенно однозначно Урянхай рассматривается как территория, не принадлежащая России, а относящаяся к Китаю и Монголии, а сойоты подданными Китая. Спорность границы никак не отмечается, а ее прохождение намечено по Саянам.

Однако, в статье «Сойоты», опубликованной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Т. 30-А. С. 718–720), видна некоторая про-

¹⁸ Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского РГО. С. 204.

¹⁹ Вайнштейн С.И. Ф.Я. Кон — как этнограф // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 3. М., 1965.

²⁰ Деятели СССР и Октябрьской революции // Энциклопедический словарь Рус. библ. Ин-та Гранат. 2 вып. (41 т.). Репр. изд. М., 1989. С. 208.

тиворечивость, намечаются тенденции, получившие в дальнейшем развернутое обоснование. Урянхайцы и сойоты, по мнению составителей статей, «в былое время» считались «подвластными одновременно России и Китая, платя дань мехами (ясак) и тому и другому государству» (двоеданцы). Предлагается дальнейшая своеобразная трактовка: «но затем, сочтя это для себя невыгодным, откочевали подальше от границы, надолго оставив часть приграничных пространств совершенно незаселенными» (с. 718). Не ясно, от какой границы откочевали сойоты (русской или китайской) или обеих границ?

Сделан был вывод об ориентации различных социальных слоев сойотского общества на Россию и Китай. Бедняки стремятся подчиниться русскому влиянию, а князья и ламы, опирающиеся на китайских и монгольских чиновников, предпочитают подданство Китая.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод: русские стали осваивать Урянхайский край с 1838–1839 гг., а его изучение началось с середины XIX в. К началу XX в. в российской науке были заложены основы исследования географии, геологии Урянхия, этнографии сойотов (тувинцев). Научными экспедициями В.В. Радлова, Г.Н. Потанина, П. Ровинского, А.В. Адрианова, Е.К. Яковлева, П. Крылова, Ф.Я. Кона был собран уникальный материал, являющийся до сих пор основным источником изучения сойотского общества.

В эти же годы возник интерес к «пограничному вопросу» месту прохождения русско-китайской границы в пределах Урянхайского края. Генерал-губернатор Д. Анучин (1881), генеральный консул в Урге Я.П. Шишмарев (1886) обратили внимание на «урянхайский вопрос», предлагали собственные варианты его разрешения. Специальные экспедиции Перетолчина (1892), А. Баранова (1897), пограничного начальника Александровича занимались поисками и установлением пограничных знаков на русско-китайской границе. Единого мнения о ее происхождении выработано не было, и вопрос оставался открытым. Освоение Урянхия русскими поселенцами и торговцами, осложнение земельных отношений с коренными жителями, обострение в этой связи русско-китайских отношений вели к появлению идей об исторической принадлежности Урянхия к России, согласно Кяхтинскому договору 1727 г. Эта идея еще не получила концептуального и документального обоснования, публично не провозглашалась и официальными лицами России не заявлялась. Однако ситуация в регионе кардинально изменилась к началу XX в., и проблема требовала своего разрешения.

4.3. Обсуждение в России «урянхайского вопроса» (начало XX века — 1911 год)

Начало XX в. явилось для Урянхия переломным моментом. И хотя до 1911 г. Урянхайский край продолжал оставаться составной частью и особой провинцией Маньчжурской империи, происходят глубокие изменения в характере взаимоотношений китайцев, монголов и сойотов.

С одной стороны, происходит ослабление Китая. Страна оказалась разделенной на сферы влияния и сферы интересов ведущих западных стран: Англия контролировала провинции южного Китая и бассейна реки Янцзы, Франция добилась в 1895 г. преимущественных прав на разработку горных богатств южных и юго-западных провинций Китая, а Германия создает концессии в

Ханькоу и Тяньцзине. Россия получила право на сооружение Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии.

Китай потерпел поражение в японо-китайской войне 1894–1895 гг. Тяжелыми для страны оказались последствия восстания Ихэтуаней: на территорию Китая были введены войска великих держав. В Пекине создавался специальный посольский квартал, управлением которого занимались сами иностранцы. Они получили право размещать здесь свои гарнизоны.

С другой стороны, начинается активное освоение китайскими купцами урянхайского рынка. В 1903 г. было отменено формальное запрещение въезда китайским купцам в Урянхай. И хотя фактически китайский торговый капитал стал сюда проникать еще с 1895 г., отказ от традиционной политики изоляции Тувы от метрополии, привел к резкому увеличению объемов китайской торговли. Быстро увеличивается число китайских торговых лавок. К 1910 г. здесь торговали пять больших китайских фирм, имевших около 30 отделений. Это были отделения торговых фирм, имевшие свои опорные пункты в Западной Монголии, в Кобдо и Улясутае. Они имели опыт торговли с кочевниками и использовали уже апробированные методы и приемы торговли. Китайская торговля оказалась успешной и стала постепенно теснить с рынка русские товары. Были вытеснены с рынка русские хлопчатобумажные ткани. Кроме того, в сбыте чая и табака, основных продуктов массового спроса, русская торговля была потеснена, не выдержав конкуренции с китайскими купцами.

В начале XX в. Россия проявляет значительный интерес к Урянхаю. После закрепления России на Дальнем Востоке, с началом освоения Маньчжурии внимание российского правительства останавливается на Монголии, Урянхае. Географическая близость Урянхайского края, его доступность для русских купцов и переселенцев благоприятствовали его освоению и заселению. Отдаленность Урянхая от своей метрополии, слабость экономических связей между Тувой и Китаем, также были в пользу России.

Кроме того, Урянхайский край, будучи «зажатым» между Россией и Монголией, был недосыгаем для ведущих западных стран, претендующих на ту или иную часть Китая, т.е. не находился в центре пересечения интересов основных империалистических государств. Освоение и колонизация края русскими осуществлялась постепенно и осторожно. Занимая явочным порядком Урянхайский край, русское правительство стремилось не привлекать внимание Китая к этому процессу и не обсуждать его на переговорах. С 1900 г. в Урянхае стало действовать предписание иркутского генерал-губернатора о том, чтобы не возвращать из Саянского края русских крестьян, которые самостоятельно переселились сюда.

По вопросу о методах освоения края среди представителей русской администрации имелись различные подходы. Дипломаты ратовали за медленное и постепенное экономическое освоение вновь вошедших земель. Военные считали необходимым проведение решительной и динамичной политики.

Подходы столичной, иркутской и местной (усинской) российской администрации также имели свои оттенки, различаясь между собой. В наиболее сложной ситуации оказывалась местная администрация, которой было необходимо оперативно реагировать на конфликтные ситуации и разрешать сложные узлы русско-монголо-китайских отношений. На запрос иркутского генерал-губернатора о направленности русской политики в Урянхае министр внутренних дел России 30 января 1900 г. отвечал: «...в отношениях с азиатскими государствами

не вполне применимы общие начала международного права, в виду чего он и полагал бы не возвращать из Урянхайского края русских поселенцев, в будущем обязывал таковых выбирать, от усинского пограничного начальника устанавливать билеты на право пребывания в Урянхайской земле»²¹.

Первой значительной экспедицией в Урянхай с военно-стратегическими задачами явилось путешествие в 1903 г. военного отряда капитана Генерального штаба Виктора Попова через Саяны в Монголию². Автором в отчете были сформулированы русские интересы в Урянхайской земле и сущность пограничного вопроса: «В настоящее время среди жителей Урянхайской земли особенно популярно мнение, что Урянхайская земля никогда не принадлежала Китаю и лишь самовольно им захвачена. Что граница должна проходить по хребту Танну-Ола»²².

Позднее В.А. Попов обоснует эту идею документами и картографическим материалом. Он станет главным сторонником захвата Урянхия. Свое мнение по «пограничному вопросу» В. Попов изложил в секретной записке «Об обеспечении пограничной полосы Сибирского военного округа», представленной 31 марта 1904 г. командующему округом. В ней обосновывалась спорность принадлежности Китаю Урянхайской земли. Поэтому пересмотр границы в этом месте автор записки считал неотложной необходимостью.

В. Попов выступил инициатором двух важных начинаний: исследования возможностей судоходства у истоков реки Енисей и постройки колесной дороги между Минусинском и Урянхайской землей. Необходимость строительства колесной дороги обосновывалась военными и купцами еще в 1895 г. В 1904 г. вопрос о строительстве был снова поднят, как обязательное условие для освоения и присоединения края. Отсутствие дороги надолго разрывало экономические связи и сообщение между Южной Сибирью и Урянхаем на период осенне-весенней распутицы. В 1906 г. начались изыскания пути для новой дороги²³.

В 1909 г. Государственная Дума приняла закон о строительстве Усинской дороги и открыла кредит для него в сумме 1250 тыс. р. Подготовка к строительству дороги затянулась до 1911 г. За первые два года подрядчики провели всего 32 км пути²⁴. Строительство дороги облегчало сообщение с Урянхаем, ускоряло продвижение товаров и военных отрядов.

Заметная активизация русских действий в Урянхае произошла после поражения России в русско-японской войне. Это было связано со стремлением компенсировать утраченное влияние России на Дальнем Востоке. Это коснулось и пограничного вопроса. По данным Г.Е. Грумм-Гржимайло, в 1906 г. в результате поднятого в печати вопроса об ошибочности проведения границы по Саянскому хребту в правительственных кругах создалось течение за пересмотр границ.

В 1903 г. экспедиция инженера В. Родевича произвела гидрографические изыскания и составила навигационные карты верховьев Енисея от Минусинска до монгольской границы и Урянхайского края. Историк Ш.Б. Чимитдоржиев отмечает, что «по расчетам Родевича, северный водный путь давал значительные выгоды: перевозка грузов по нему от Петербурга до Кобдо и Уласутая

²¹ Цит. по: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 791.

²² Попов В. Через Саяны и Монголию и Урянхайский край. Омск, 1905.

²³ Там же. С. 144.

²⁴ История Тувы. Т. 1. Кызыл, 1964. С. 276.

обходилась бы в три раза дешевле, чем по Чуйскому тракту, при существенном сокращении ее сроков»²⁵.

Важной экспедицией в Урянхай, результаты и выводы которой докладывались правительству России, а затем царю, являлась командировка инженера В. Родевича в 1907 г. В. Родевич был направлен министерством путей сообщения в Урянхайский край с целью производства изысканий в верховьях реки Енисей. По результатам экспедиции В. Родевич опубликовал «Очерки Урянхайского края (Монгольского бассейна р. Енисей), 1910 г., «Урянхайский край и его обитатели», 1912 г. «Очерки...» до сих пор являются ценным источником по истории Урянхия начала XX в., чаще других привлекается исследователями темы.

Были проведены не только технические изыскания, но и собраны сведения о русской колонизации, которые были представлены правительственным организациям. Они обсуждались на заседании Совета Министров 16 июня 1909 г. Оценки русско-китайских отношений, место Урянхия в системе этих отношений определены в записке В. Родевича следующим образом: «Урянхай есть действительно точка наименьшего сопротивления русско-китайской периферии, и за этой слабой точкой лежит богатая провинция... В случае, если Китай начнет оказывать давление на нашу Амурскую окраину, Урянхайский край есть та область, где ответная русская реакция может иметь наибольший успех с наименьшей затратой сил»²⁶.

Постройка дороги из Минусинска в Урянхай, сосредоточение в Минусинске военного отряда, способного в случае необходимости занять край, оценивается как регулятор русско-китайских отношений: «Таким образом, занятие ее (Урянхайской земли), исправление на этом участке русской границы было бы весьма чувствительно для китайского самодулия; вместе с тем, что самое главное, это занятие совершенно обеспечивало бы перечисленные выше разнообразные русские интересы».

Итак, Урянхай рассматривается В. Родевичем как слабое место для Китая в русско-китайских отношениях, способное быть их регулятором; точкой, нажимая на которую Россия может диктовать свои условия и укрепить свои позиции на Востоке, компенсируя утрату влияния в Маньчжурии и на Дальнем Востоке вообще.

В 1908 г. произошло обострение ситуации в Урянхайском крае: русских силой пытались вытолкнуть из мест постоянного проживания, создавая им невыносимые условия и совершая насилия над русскими поселенцами. Сказалось ухудшение с 1906 г. русско-китайских отношений. Китайские власти проявляют определенную активность в «урянхайском вопросе», местные тувинские нойоны также начинают оказывать сопротивление русским. В 1906 г. не разрешена была деятельность экспедиции русских предпринимателей для разведки залежей асбеста. Русских поселенцев стали ограничивать в рубке леса, запашке земель и другой хозяйственной деятельности. В 1908 г. Хайдуб глава тувинских феодалов предложил русским жителям, за исключением четырех торговых фирм, вообще покинуть долину реки Хем и выставил несколько сторожевых пикетов на границе между Тувой и Усинским краем. В ответ на эти действия в декабре этого же года в край был направлен полковник Генерального штаба

²⁵ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987. С. 162.

²⁶ Цит. по: Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. С. 149.

В.Л. Попов с командой в 125 человек, которые разгромили пограничный пикет. Была активизирована деятельность по мобилизации русского казачества.

Товарищ министра внутренних дел Крыжановский по поручению премьер-министра П.А. Столыпина потребовал от Генштаба спланировать военную интервенцию, в которой главный удар наносил бы сводный иркутско-енисейский казачий отряд (шесть сотен) под командованием войскового старшины Каргополова. Удар наносился бы через долину Тунки и перевал Монды, а от села Усинского в верховьях Енисея казачьи дружины и ополчения предприняли бы вспомогательное наступление»²⁷.

Активную роль в решении «урянской проблемы» играл полковник В.Л. Попов, совершивший несколько специальных экспедиций в Урянхайский край и имевший влияние на иркутского генерал-губернатора. В.Л. Попов также являлся управляющим канцелярией иркутского генерал-губернатора в 1906 г., с 1909 г. занимал пост начальника штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Более десяти лет он интенсивно и целенаправленно собирал материал по проблеме, анализировал картографический материал и дипломатические документы, выявлял и исследовал архивные материалы в Красноярске, Иркутске, Томске, Минусинске. Им были изданы три монографии: «Через Саяны в Монголию» (1905), «Второе путешествие в Монголию в 1910 г.» (1910), «Урянхайский край» (1913).

В 1909 г. он направил в российскую миссию в Пекине записку по «урянской проблеме», где доказывал, что государственная граница по Кяхтинскому договору проведена по хребту Танну-Ола, и Урянхайский край исторически принадлежит России. Он же являлся фактическим организатором иркутского совещания.

В 1909 г. В. Попов прибыл в Урянхайский край с вооруженным отрядом и решительными действиями положил там конец беспорядкам и притеснениям русских поселенцев. В следующем году В.Л. Попов совершил экспедицию с целью описания пограничных знаков на Танну-Ола.

Свою концепцию «урянской проблемы» он подробно излагает в отдельных главах своих работ («Как мы потеряли границу», «Наши попытки отыскать границу»). По мнению автора, фактическое разграничение пограничной линии и установка пограничных знаков согласно Кяхтинскому и Буринскому договорам, осуществленное стольником Колычевым, за полтора месяца реально не могло быть выполнено.

В. Попов предполагает, что фактическая граница по Саянскому хребту Колычевым не проводилась. Начало попыток русских отыскать русско-китайскую границу В.Попов связывает с поездками сержанта Пестерева в 1772 г. (они продолжались до 1787 г.). Определение Пестеревым границы по Саянскому хребту Попов считает совершенно произвольным, юридически не обоснованным и технически уязвимым решением: «...не могли бы с таким же успехом сержант Пестерев, если бы был одарен большим научным багажом, провести границу и по всякому другому направлению, например, по хребту Танну-Ола или наоборот, где-нибудь в Минусинских степях?»²⁸. С этого време-

²⁷ Романов Г.И. Казачье население Восточной Сибири в военной политике России на Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX вв.) // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1995. С. 81.

²⁸ Попов. Второе путешествие в Монголию 1910 года. Ч. III. Исследование границы на участке Кяхта — Алтай. Иркутск, б.г. С. 46.

ни Россия оказалась насильно притянутой к пограничной черте, установленной сержантом Пестеревым по Саянам.

Исследованиями «пограничного вопроса» Осташкиным, Барановым, Александровичем (поиски и уточнение местоположения пограничных знаков по Саянам) вносили, по мнению В. Попова, еще большую путаницу и были крайне неудачными. Автор приходит к выводу о том, что «возвращение Урянхайской земли в состав русской территории будет не новым захватом чужой территории, а восстановлением своих прав на нее, а признание границы по Танну-Ола не изменением границы, а исправлением, так как со стороны Китая владение Урянхайской землей с 1759 г. следует считать независимым захватом нашей территории»²⁹. Принадлежность Урянхайской земли России он считает бесспорным фактом, а «ошибки, допущенные нами по недоразумению, не могут уничтожить наши права»³⁰.

Неясность нахождения пограничных знаков в Саянских горах (особенно знаков № 20-22), вообще сомнения в прохождении русско-китайской границы там, а не в горах Танну-Ола привели к отправке специальной военной экспедиции летом 1909 г. (команда разведчиков 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка во главе с поручиком Августусом)³¹.

Три месяца 27 человек решали поставленные перед ними задачи: изучение и поиск наиболее благоприятного направления для проведения грунтовой колесной дороги от устья реки Н. Буйбы до села Туран, а главное — поиск и осмотр пограничных знаков на Саянском хребте. 3 декабря 1909 г. в селе Усинском поручик Августус отмечает в отчете: «Результат моей экспедиции выражается в трех словах: пограничных знаков нет. Они должны быть восстановлены особой пограничной комиссией»³². За такие пограничные знаки, по его мнению, принимали или обо (або — у автора) религиозные насыпи или керексуры — древнейшие могильные камни.

Экспедиция пользовалась при поиске пограничных знаков копией карты полковника Баранова (в 5-верстном масштабе). Августус изучил картографические материалы и дела по отысканию пограничных знаков за прежние годы, хранящиеся в Усинском, но это принесло ему мало пользы. Поручик Августус согласился с мнением русского сторожика Урянхия Сафьянова, считающего этот край исконно русской областью, а пограничную линию, проведенную причудливыми извилинами назвал «результатом исторической оплошности, нелепым истолкованием Буринского трактата»³³.

По мнению поручика, Россия в ущерб государственным интересам добровольно отодвинулась на север, создав нейтральную полосу, так как китайская граница проходит в действительности по Танну-Ола. Российская сторона, имела много случаев исправить этот «грех», но упустила все возможности: «мы тем временем занимались этимологическим разбором названий горных хребтов и перевалов, приведенных в вышеназванных трактатах, снаряжали экспе-

²⁹ Попов. Второе путешествие в Монголию 1910 года. Ч. III. Исследование границы на участке Кяхта–Алтай. С. 60.

³⁰ Там же. С. 61.

³¹ Августус. Отчет об экспедиции 1909 года по Саянскому хребту в пределах Усинского пограничного округа команды разведчиков 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Иркутск, 1910.

³² Там же. С. 62.

³³ Там же. С. 23.

диции для отыскания старых казачьих маяков и каменных або, разбросанных по всем вершинам и перевалам и по этим отрывочным, несущественным данным смело и беззаботно вычеркивали зигзаги государственной границы»³⁴.

В отчете Августуса отмечается тяготение к России сойотов, которые недовольны эксплуатацией китайских купцов и чиновников. Так, лама Оцырь заявил: «А почему нас Император не хочет сделать своим улусом? ...Ведь мы знаем, что он принял бурят и олетов на Алтае, а многим дал винтовки и сделал их казаками. Мы стали бы Ему не хуже служить и слушались бы его, как дети отца»³⁵.

Таким образом, выводы и заключения поручика Августуса схожи с подходами В.Попова и хорошо согласуются с намерениями торговых и военных кругов России. Эти выводы идеологически обосновывали возможность присоединения Урянхая к России, доказывая его историческую принадлежность России.

Русская пресса, выражавшая интересы буржуазии, также призывала к захвату Урянхайского края. Так, в газете «Дальний Восток» от 2 февраля 1910 г., издаваемой во Владивостоке, писали: «Неужели площадь богатейшей плодородной земли, отчасти уже заселенной русскими, по размерам своим равная Германии или Японии, не заслуживает внимания, а спорный вопрос расследования? Неужели русское общество, печать, наконец, Государственная Дума не потребует основательного разбора этого дела и выяснения, почему русская территория оказалась в руках Китая?»³⁶. Проблема достигла определенного критического уровня, критической массы, которые требовали своего обсуждения и разрешения».

Урянхайский вопрос» специально обсуждался 28 февраля 1911 г. на совещании в Иркутске, организованном иркутским генерал-губернатором Л.М. Князевым. Совещание определило меры по укреплению в крае русского влияния, обсудило возможности присоединения Урянхая к России. Проблема была поднята после доклада инженера В. Родевича царю, который был рассмотрен на Совете министров 16 июня 1909 г. Назрела необходимость разработки конкретных мер по усилению русского присутствия в Урянхайском крае, а также преобразованию и укреплению русских пограничных властей, которые могли бы служить опорой для переселенцев.

На совещании в Иркутске под председательством генерал-губернатора Л. Князева участвовали командующий Иркутским военным округом генерал Брилевич, начальник штаба округа генерал Сулькевич, полковник Попов, усинский пограничный начальник Чакиров.

Основное внимание на совещании было уделено проблеме русской колонизации в Урянхайском крае. Отмечалось, что вольное переселение русских колонистов создает зависимость их от урянхов-кочевников, у которых арендуются земли. Последние все более стесняются, возникает аграрный вопрос осложнения с занятием пахотных земель и пастбищ, урянхи все более недоброжелательно смотрят на пришельцев. Эти осложнения и противоречия могли со временем вылиться в острые конфликты. На совещании вопрос о способах и формах захвата (присоединения) Урянхая свелся к обсуждению мер постепенного укрепления там России.

³⁴ Августус. Отчет об экспедиции 1909 года по Саянскому хребту в пределах Усинского пограничного округа команды разведчиков 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. С. 24.

³⁵ Там же. С. 60–61.

³⁶ Дальний Восток. 1910. 2 февр.

Вопрос об открытом занятии края, который мог вызвать дипломатические переговоры, не мог ставиться и обсуждаться на совещании, так как оно было неправомерно принимать подобные решения. Поэтому в данном вопросе ссылались на сообщения посланника в Пекине, высказывающего за открытое занятие края или за постепенное его укрепление. В качестве таких мер укрепления полагали факт добровольного отказа урянхов от уплаты подати Китаю. Для реализации этого мероприятия необходимо было поддержать амбын-нойона небольшим русским военным отрядом, чтобы обеспечить безопасность со стороны китайских властей.

Совещание пришло к выводу, что на территории Урянхайского края осуществляется государственная власть России, поэтому предлагалось продолжать эту политику, закрепляя, таким образом наше право давности и фактического владения, то есть продолжать заселение края русскими переселенцами, давать им русскую организацию управления (волостные и сельские управления), дать полицию, суд, врачебную помощь и прочие функции государственных прав.

На Совещании было принято решение о том, чтобы губернаторы Томской, Енисейской, Иркутской губерний не высылали чиновников для совместного с китайцами осмотра границы и не напоминали о северной границе, перенеся ее на наших картах на хребет Танну-Ола, а в случае каких-либо переговоров о границе, «осторожно, но твердо указывать эту новую для нас, но старую и существующую более двухсот лет для китайцев границу по Танну-Ола»³⁷.

Совещание, в отличие от публицистов, точно понимало, что самовольно переносит русско-китайскую границу, поэтому занимало позицию осторожно-постепенного занятия Тувы, занятия явочным порядком, без обсуждений и переговоров. На Совещании были разработаны конкретные меры по упрочению русского влияния в Урянхае: предлагалось пересмотреть (увеличить) штаты Усинского пограничного округа, решить вопрос об отказе урянхов платить подати Китаю, упорядочить переселение и землеустройство русского населения. Среди мер военного порядка назывались следующие: перевод в село Усинское взвода минусинской местной команды с офицером, формирование ополченческой дружины из числа нижних чинов и ратников, проживающих в Усинской волости и Урянхайском крае, и сбор их по группам для обучения, выдача усинскому пограничному начальнику тысячи винтовок и необходимое число патронов на случай вооружения дружины.

4.4. Решение «урянхайского вопроса» (1911–1917)

1911–1912 гг. явились рубежными для Китая, Монголии, Урянхы. Синьхайская революция в Китае привела к свержению Маньчжурской династии. В конце 1911 г. было ликвидировано военно-феодалное правление Цинской империи и из Внешней Монголии (Халхи) были изгнаны маньчжуро-китайские чиновники. Волны национально-освободительного движения захватили первоначально южные, пограничные районы Урянхы, а затем и весь край. Территория Урянхайского края оказалась изолированной Монголией от метрополии. Урянхай неожиданно получил независимость, но оказался между «двух огней»: Россией и Монголией, имеющих собственные интересы и виды на край. Феодално-теократическое правительство Монголии, взявшее курс на превращение своей страны с помощью России в независимое государство, фактически изолировали

³⁷ Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. С. 154.

Урянхайский край от Китая и его попыток восстановить прежний режим. Это создало определенные условия для самостоятельного развития края.

Урянхайские правители были в поисках собственного места в мире, балансируя между Россией и Монголией. Однозначного решения феодальными правителями края в пользу независимого развития Урянхия, или присоединения его к Монголии, либо к России не было принято. Поэтому в 1911–1917 гг. завязался сложный и противоречивый клубок русско-монголо-китайских отношений. Урянхай оказался в сфере интересов трех стран, хотя основным противоречием было русско-монгольское соперничество, а до 1911 г. вопрос стоял в другой плоскости Китай или Россия: кто из них имеет больше прав на владение Урянхаем.

В 1911–1914 гг. заинтересованные правительственные круги России внимательно следили за ситуацией в Урянхае, старались контролировать ее, используя тактику выжидания благоприятных для себя ситуаций. В этот период русское правительство вело интенсивные переговоры с Китаем и Монголией по «монгольскому вопросу», поэтому не хотело усложнять ситуацию в регионе открытыми заявлениями о своих претензиях на Урянхай или поддержкой просьб части урянхайских правителей в начале 1912 г. о вхождении в Россию.

Тем не менее, в случае военного обострения отношений между Россией и Китаем, Россией и Монголией, а также волнений в регионе, казачьи части Восточной Сибири должны были согласно директиве Главного Управления Генерального штаба № 3877 от 30 июня 1911 г. немедленно оккупировать Урянхайский край. Позднее, с 1914 г. в Минусинске началось размещение первой сотни Верхнеудинского полка³⁸.

С другой стороны, поддерживая антикитайскую позицию Монголии, видимо, российские власти предполагали обеспечить ее невмешательство в зону интересов России. Любая попытка монголов вмешаться в «урянхайские дела» встречала немедленную реакцию, и оказывалось давление на них со стороны российского консула в Урге. Попытка монголов поставить на обсуждение в 1915 г. на трехсторонней конференции в Китае проблемы Урянхия, а также попытка пригласить на нее делегатов края натолкнулась на категорическое возражение России. Исследователь 30-х гг. Р. Кабо характеризовал политику России как «тактику замалчивания “урянхайского вопроса” и одновременно фактического захвата его (Урянхия)»³⁹.

В октябре 1911 г. начались революционные события в Китае, а 8 ноября 1912 г. на заседании Совета Министров был дан следующий прогноз развития событий в Урянхае в связи с началом революции: «Каков бы ни был исход охватившего Срединную Империю революционного движения, во всяком случае Китай выйдет из современного кризиса ослабленным и едва способным вести в ближайшем времени наступательную политику на своих окраинах... По всей вероятности, край этот (Тува. — *Прим. авт.*) по-прежнему будет предоставлен самому себе и, отделенный от Центрального Китая пустынями Монголии, явится и впредь удобным полем для развития естественной русской колонизации»⁴⁰.

³⁸ Романов Г.И. Национальная политика царизма: военно-полицейская деятельность казачества Восточной Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М.; Иркутск, 1995. С. 225.

³⁹ Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. С. 157.

⁴⁰ Цит. по: Аранчын Ю.Л. Историческое значение присоединения Тувы к России в 1914 г. С. 157.

Рассмотрев «урянхайский вопрос», Совет Министров поставил задачу укрепления русских позиций, обсудил возможность присоединения Урянхы. В записке Особого совещания обосновывалась идея решительной и активной политики России в Урянхуе. Русские поселения рассматривались как основа и опора «для постепенного склонения нашей политики на путь протектората, а в более далеком будущем, может статься, и прямого присоединения Урянхайского края».

Настоящий взрыв общественного интереса к Урянхуе в российской общественной мысли произошел в 1911–1914 гг. Обсуждение «урянхайского вопроса» затронуло многие социальные слои общества. На страницах «Нового времени», «Минусинского края», «Минусинского листка», «Енисейской мысли», «Сибирской мысли», «Молодой Сибири», «Сибирского студента», «Сибири» широко обсуждались проблемы освоения края и перспективы его развития. Было опубликовано значительное число монографий, посвященных Урянхайскому краю: В.М. Родевич «Очерки Урянхайского края» (1910), В. Попов «Иркутский военный округ. Урянхайский край» (1913), А. Баранов «Урянхайский вопрос» (1913), Б. Шишкин «Очерки Урянхайского края» (1914), Ф.Я. Кон «Усинский край» (1914), С. Минцлов «Секретное поручение (Путешествие в Урянхай)» (1917), К. Минцлова «Далекий край (Путешествие по Урянхайской земле)» (1915).

Подходы и оценки урянхайской проблемы, перспективы ее разрешения высказывались в данных работах самые различные. По-прежнему в центре внимания исследователей оставалась проблема прохождения русско-китайской границы. Инженер В. Родевич, полковник В. Попов, В. Васильев пытались доказать, что граница между Россией и Китаем проходит не по Саянскому, а по горам Танну-Ола, а значит Урянхай исторически принадлежит России, а не Китаю.

Так, В.Н. Васильев сущность «урянхайского вопроса» сводит к пограничному вопросу, к месту прохождения русско-китайской границы. Как поясняет, сам Васильев, впервые он столкнулся с этим вопросом в 1908 г. во время командировки в Урянхай от музея этнографии. Тогда его удивило, что границы по Саянскому хребту в сущности нет, т.е. существует свободное перемещение здесь многих коренных народов: карагасов и сойотов. Кроме того, отсутствие пограничных знаков и специального надзора свидетельствовало о том, что здесь очень далеко до настоящей границы.

После долгих расспросов местные старики объяснили автору, «что де, по словам сойотов, настоящая граница идет не по тем хребтам, где кочуют карагасы и сойоты, а гораздо южнее, по другим хребтам»⁴¹. Васильев отмечает, что тогда не придавал значения этим сообщениям, рассматривая их, как «обычное творчество инородческой фантазии». Свою статью В.Н. Васильев подготовил в связи с «полной неизвестностью широкой публике книг Попова и Родевича, освещающих «урянхайский вопрос».

По его мнению, вопрос о «неправильности границы» по Саянам был обоснован в книге В. Попова. Автору не удалось, по независимым от него причинам, ознакомиться с подлинными дипломатическими документами по данной проблеме. Проанализировав имеющиеся исторические свидетельства и данные опубликованных документов, Васильев пришел к выводам: во-первых,

⁴¹ Васильев В.Н. Урянхайский пограничный вопрос // Журнал Мин-ва нар. просвещения. 1912. Т. XXXVIII. № 4. С. 55.

проведение границы по Саянскому хребту является «не более как результатом незнания нашими уполномоченными во время заключения договора второго хребта, то есть Танну-Олы»⁴².

По мнению автора, монгольских названий и хребтов на Саянах не было и не могло быть, как в районе обитания тюрко-китайских племен. Во-вторых, указание на то, что урянхи проживают по обе стороны от границы и занимают большие районы, совершенно несовместимые с границей по Саянам. В-третьих, китайская география не включает Урянхайскую землю в число китайских владений. Поэтому у Китая «нет ни исторического, ни завоевательного права на этот край, считающийся им, судя по всему, чужою территорией»⁴³. Наконец, он считает и пограничные знаки крайне сомнительными, достоверным он признает только конечные знаки (№ 17 и 24), а промежуточные могут оказаться просто обо (насыпи камней, имеющие религиозный характер).

Указанные аргументы позволили автору характеризовать Урянхай, по меньшей мере, как спорную территорию: Урянхайский край, если не принадлежит нам, то в такой мере, если не большей, не принадлежит и Китаю»⁴⁴.

В.Н. Васильев считает необходимым пересмотр пограничного договора, чтобы ликвидировать уже начавшиеся трения между русскими и китайцами. Неопределенность положения будет увеличивать трения между ними, поэтому нельзя откладывать его разрешение в долгий ящик. Он предполагает, что поиск и сопоставление архивных разграничительных документов в Енисейске, Красноярске, Иркутске, Селенгинске покажет, где и как могла произойти ошибка.

В целом, В.Н. Васильев склоняется к точке зрения, что действительная граница проходит не по Саянам, а по Танну-Ола. Однако, до окончательного исследования и выяснения вопроса он советует подождать со столь категоричным выводом. Но автор определенно считает Урянхайский край спорной территорией между Россией и Китаем. Интересы монголов в Урянхае, связи и характер отношений урянхов и монголов автор вообще не упоминает, эта сторона проблемы ему определенно неизвестна.

По нашему мнению, использование В. Васильевым в качестве аргументации для доказательства места прохождения границы сообщений и оценок местных жителей едва ли может быть принято в расчет. Факт свободной перекочевки в районе границы также легко объясним традициями сезонных перекочевок скотоводов, которые могли и на законных основаниях нарушать пограничную линию. Не учитывается автором и особый статус подвластных Китаю территорий, в том числе и Урянхая. Правящая маньчжурская династия Цин до начала XX в. законодательно запрещала переселение в Урянхай, постоянное проживание здесь китайцев не позволялось. Основным полем русско-китайского соперничества в крае являлась торговля.

В.М. Родевич в своей работе, сравнивая русскую и китайскую торговлю в Урянхае, отдает предпочтение первой, как более благоприятной для урянхов. Быстрое развитие горных промыслов потребует усиления здесь русской колонизации. Родевич оценивает властные структуры урянхов, как несостоятельные для управления краем, представляющие «класс сомнительного достоин-

⁴² Васильев В.Н. Урянхайский пограничный вопрос. С. 101.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 102.

ства, по большей части они подвержены пьянству, невежественны, жестоки и о своих подданных заботятся лишь с точки зрения сборов»⁴⁵.

По его мнению, китаец ближе стоит к урянху, чем русский торговец, лучше знает его вкус, потребности, но в то же время и умело эксплуатирует его слабости. Русские купцы воздержались от продажи водки, китайцы же первым делом привезли ханшин и спаивают сойотов при покупке у них мехов и скота. Если русские завозят предметы первой необходимости, то китайцы бездельники и предметы роскоши. «Черты деятельности китайцев в Урянхэе, пишет В.Родевич, в общем сплошь отрицательные, они принесли с собой туземцам стремление к расточительности, нищете, пьянство и развитие воровства и не дала ничего доброго»⁴⁶. Русское же влияние он рассматривает, как единственное плодотворное (полезное) для урянхов, приносящее краю добрые плоды и истинную культуру, в противовес монгольской косности и китайскому засилью. «Как было когда-то в Туркестане, так теперь и здесь, только усиление русского значения снимет с туземцев гнет, в который они попали. На этой окраине наше движение в глубину Азии есть движение правое»⁴⁷.

Представляется, что в данной сравнительной характеристике автор явно идеализирует русскую колонизацию, не замечает негативных моментов этого процесса. Р.М. Родевич называет Урянхай «окраиной Монголии», но, к сожалению, не раскрывает характер отношений Урянхайского края и Монголии, роль Китая в этих взаимоотношениях. Отмечается только то, что «общинный административный строй, установленный монголами у урянхов, также обратился к угнетению последних»⁴⁸.

Таким образом, определен зависимый от Монголии характер социального строя; названа, но не раскрыта причина и обусловленность данной зависимости.

Интересные впечатления о соотношении соперничающих сил в Урянхэе оставил англичанин Д.Каррутерс, которого в советской исторической литературе называли секретным агентом английской разведки, выполнявшим специальное задание⁴⁹. Он побывал здесь в 1910–1911 гг. и оставил подробное описание путешествия «Неведомая Монголия. Урянхайский край» (Пг., 1914).

Основную часть книги занимают географические, этнографические, исторические подробности, но автора занимал вопрос: кому принадлежит будущее в этом районе России, Китаю, Монголии или самим урянхам. Автор предисловия, лорд Керзон, определяет русского переселенца, как предприимчивого и испытанного, «проявляющего спокойную уверенность, что будущее здесь принадлежит только одному ему». Китай оценивается, «как одновременно возрождающийся и ослабевающий», который проявляет здесь заметные энергию и активность. Монголов он рассматривает как наследников могущественного прошлого, которые связывают с Россией свои надежды на будущее.

По мнению Д. Каррутерса, в настоящее время «две господствующие расы китайцы и русские, стоят лицом к лицу друг к другу в пределах верхнего Енисея»⁵⁰. Дух соревновательности и расовая ненависть между китайцами и

⁴⁵ Родевич В.М. Урянхайский край и его обитатели // Известия ИРГО. 1912. Т. 48. С. 161.

⁴⁶ Там же. С. 167.

⁴⁷ Там же. С. 170.

⁴⁸ Там же. С. 161.

⁴⁹ Маслов П. Конец Урянхэе. М., 1933. С. 3.

⁵⁰ Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. 1. Урянхайский край. Пг., 1914. С. 55.

русскими торговцами послужили поводом к неприязненным отношениям и прямым конфликтам.

Д. Каррутерс высоко оценивает деятельность русских колонистов в Урянхайском крае: «Русские настолько хорошие колонизаторы, что подобных им трудно встретить где-либо еще в мире, которым, однако, недостает только настойчивости и оригинальности для того, чтобы возвести свою родную страну на первую ступень»⁵¹.

Приятно узнать столь позитивную оценку россиян представителем Британской империи, старейшей колониальной державы. По мнению англичанина, русские одержали здесь безусловную победу и извлекают прибыль из земель урянхов, не причиняя при этом ущерба иностранному правительству. Он видит своеобразие их положения в том, что русские в местах своего проживания сохраняют привилегии своего родного правопорядка.

Автор пишет, что ему так и не удалось выяснить «истинных основ современного положения русской официальной власти в пределах бассейна Верхнего Енисея»⁵², а также определить в какой степени русские власти подчинили себе урянхов. Он считает «доброжелательным» отношение урянхов к русскому покровительству. Поэтому, принимая во внимание тяготение монгольских феодалов к России, явное «предпочтение» русского правопорядка китайскому, Каррутерс не исключает, что однажды эти земли не подпадут под протекторат Российской империи.

Конечно, отношения русских и урянхайцев были более сложными, противоречивыми, но в целом его предположения сбылись в 1914 г. Каррутерс писал: «Хребет Танну-Ола образует гораздо более естественную границу между двумя Империями, нежели Саянские горы и представляют из себя границу, которая легче всего воспроизвести в натуре»⁵³.

Поразительно высказанное в работе радение о российских интересах, легкость в оперировании границами и совпадение с подходами к проблеме части общественных кругов в России. Не случайно поэтому книга была здесь оперативно переведена и издана. Английский путешественник передает и настроения русских переселенцев, их острый интерес к русско-китайским отношениям, страх перед возможным конфликтом с китайцами, сознание небезопасности своего положения. «Эти вопросы указывали, что колонисты ясно сознавали свою здесь изолированность и заброшенность на произвол судьбы в пределах чужеземной страны»⁵⁴.

Книга Каррутерса получила в Европе высокую оценку, королевское Географическое общество присудило ему золотую медаль. Положительную оценку монографии дал и ссыльный марксист А.В. Ватин-Быстрянский. Однако, резкое неприятие вызвал тезис о справедливости и порядке в России и «идиллических отношениях между русскими и урянхайцами. По мнению А.В. Ватина-Быстрянского, это противоречит некоторым утверждениям самого автора. Проблема напряженности межнациональных отношений была ранее рассмотрена в работах марксиста, к которым он и отсылает читателей.

В целом, будущее развитие Урянхия Д. Каррутерс связывал с Россией, освоением ею природных богатств края. «Русский протекторат, подкрепленный

⁵¹ Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. 1. Урянхайский край. С. 77.

⁵² Там же. С. 175.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 177.

достаточным капиталом, может создать здесь чудеса, если принять во внимание торговые возможности бассейна Верхнего Енисея»⁵⁵. Русских привлекает богатые минеральные ресурсы края и только нерешительное политическое состояние страны вынуждает ограничить занятие, освоение новых земель. Торговлю он рассматривает почти полностью находящейся в руках русских. Главнейшими препятствиями торговли автору виделись ограниченность рынка, низкая покупательная способность местного населения. Характеристика соотношения сил в Урянхое, прогноз развития событий в крае, данные Д.Каррутерсом, оказались в основном верными и точными.

В 1913 г. выходит третья, заключительная монография полковника В. Попова «Иркутский военный округ. Урянхайский округ», в которой наиболее развернуто доказывается историческая принадлежность Урянхия России, а прохождение «настоящей» русско-китайской границы по Танну-Ола. Выводы В. Попова оказали, по нашему мнению, решающее значение при формировании общественного мнения по «урянхайскому вопросу» и определении русской политики в крае.

В «Очерке Урянхайского края», составленном в феврале 1912 г. Разведотделом штаба Иркутского военного округа, специально выделен «пограничный вопрос», подготовленный, видимо, В.Л. Поповым или на основе его материалов.

Относительно трактовки вопроса пограничного разграничения в 1727 г. С. Рагузинским появились некоторые новые моменты. Краткость изложения проблемы потребовала четкости изложения, большей определенности. Отмечается, что при разграничении западного участка от Кяхты до пограничного знака по Саянскому хребту представители России не ездили на местность, так как за два месяца это было невозможно (для этого требовалось полгода). «Поэтому вернее всего, что посланные не ездили на местность, а описали местонахождение пограничных знаков со слов уполномоченных китайцев, имевших в виду хребет Танну-Ола. Знаки же поставлены были русскими после путем поперечных заездов из Сибири, причем не распознали ни хребта, ни пунктов, и смешали Саяны с Танну-Ола»⁵⁶.

В. Попов считает, что на основании договора 1727 г. Урянхайская земля окончательно переходит в подданство России по южному склону Танну-Ола⁵⁷.

Как аргумент непринадлежности Китаю Урянхайского края, приводит автор тот факт, что китайские власти не осмеливались сами переходить границу и посещать Урянхайскую землю и что в 1881 г. они ответили России, в связи с беспорядками в крае, что там китайских подданных нет.

По мнению В. Попова, нерешительная и пассивная позиция России в «урянхайском вопросе» и послужила стимулом активизации здесь Китая: «...мы настойчиво продолжали обращаться к китайцам за содействием и в то же время сами выясняли и ставили границу по Саянскому хребту, поэтому китайцы уже решили окончательно присоединить Урянхайскую землю»⁵⁸. Только после этого, китайские чиновники стали посещать Урянхайский край, а в начале XX в. разрешили переходить границу торгующим китайцам. По мнению В. Попова, уже три века Урянхайские земли принадлежат России, но в последнее время считаются спорными между Россией и Китаем.

⁵⁵ Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. 1. Урянхайский край. С. 178.

⁵⁶ Очерк Урянхайского края // Сведения о государствах Дальнего Востока. 1912. № 2. С. 17.

⁵⁷ Попов В. Иркутский военный округ. Вып. 1. Урянхайский край. Иркутск, 1913. С. 7.

⁵⁸ Там же. С. 8.

В главе, посвященной государственному устройству Урянхайского края, автор вновь обращается к этому вопросу: «Территория Урянхайской земли в пределах границ, ... в настоящее время не входит в состав китайской республики, никогда не принадлежала и к территории монгольских князей; когда-то принадлежала Российской империи, но почти два столетия Россия ею не управляла и в настоящее время Россия еще не признает край входящим в состав своей территории, хотя и имеет серьезные исторические и юридические основания»⁵⁹.

В. Попов приходит к выводу, что Урянхайская земля никому не принадлежит, но в то же время и не составляет отдельного самостоятельного государства. Отношения между русскими и урянхайцами он расценивает как не особенно дружественные. Постепенно растет внутреннее недовольство друг другом, могут вспыхнуть и крупные неприятности, если не будут урегулированы земельные права и отношение русских властей к урянхам. После событий 1909 г. и появления военного отряда русские переселенцы, торговцы и промышленники стали чувствовать себя в полной безопасности и стали относиться к урянхам презрительно-покровительственно. Бесцеремонно захватываются лучшие пастбища и уголья. Тем не менее, русские поселенцы постоянно находятся в тревожном состоянии, так как не имеют юридических прав на землю, зависят от урянхов.

Р. Кабо называл полковника Попова «доморощенным русским Лоуренсом»⁶⁰, который неустанно обосновывал необходимость скорейшего захвата Урянхы. Пребывание Попова в Монголии и Туве он расценивает как военно-шпионские задания под видом «научной экспедиции».

Г. Грумм-Гржимайло считал, что В. Попов «обнаружил более чем во всем остальном, полное незнакомство свое с предметом, который взялся обсуждать»⁶¹.

Сформировалось в общественной мысли России и противоположное мнение относительно Урянхы и прохождения русско-китайской границы. Иркутский чиновник по дипломатической части при генерал-губернаторе Н. Эльтеков, Г.Е. Грумм-Гржимайло придерживались той точки зрения, что граница правильно проведена по Саянам, и считали ошибочным подход В.Попова, В.Родевича и В.Васильева. Необходимо отметить, что сторонников подобных взглядов было меньше, и число их публикаций незначительно. В 1916 г. иркутский чиновник Н. Эльтеков в специальной «Записке по вопросу о границе Урянхайского края» (документе для специального пользования, оставшемся вне общественного внимания) сделал попытку опровергнуть аргументы полковника Попова.

По данным Н. Эльтекова, возбуждение в 1910 г. вопроса о спорной принадлежности Урянхайского края Китаю или России российским посланником в Пекине Коростовцом, основывалось на выводах по результатам командировки В.Попова по обследованию южной границы. На базе этих же данных основываются российские заявления монгольскому правительству о недопустимости его претензий на Урянхайскую землю.

По мнению Н. Эльтекова, данные и аргументы В. Попова не выдерживают серьезной критики и «легко могут быть опровергнуты людьми, знако-

⁵⁹ Попов В. Иркутский военный округ. Вып. 1. Урянхайский край. С. 75.

⁶⁰ Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. С. 142.

⁶¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. С. 804.

мыми с местностью, каких, безусловно, могли бы подыскать в нужном случае монголы»⁶². Не вдаваясь в подробный критический разбор книги В. Попова, Н. Эльтеков отмечает неправомерность отрицания автором ряда географических мест (река Хореть, хребет Эргик-Таргак Тайга), таким образом все пограничные знаки ясно указаны на разменной ландкарте, на которой совершенно правильно обозначена топография местности. Н. Эльтеков приходит к выводу, русские представители были хорошо знакомы с местностью и перепутать точное местонахождение границы не могли. Поэтому «ближайшее ознакомление с текстом Буринского договора и содержащимся в нем описанием местности, по которой проходит государственная граница, приводит нас к несомненному заключению, что последняя проведена по Саянскому хребту»⁶³.

Проверки этой границы, произведенные Осташкиным, Боголюбским, Перетолчиным, Барановым выявили мелкие разногласия относительно ее прохождения, однако ее направление определялось по Саянским горам. Поэтому Эльтеков заключает: «основывать наши притязания на Урянхайский край на Буринском договоре является весьма рискованным и что в случае разграничения между Монголией и Россией было бы осторожнее совсем не касаться названного договора»⁶⁴. Тем не менее, он не считает нужным отказываться от притязаний России на Урянхайский край. Южное направление границы позволяет обосновать территориальные права России на основе исторических данных, а именно на присяжном листе, данном Алтын-ханом царю Михаилу Федоровичу в 1634 г., подтвержденному затем Лодоном, сыном Алтын-хана, наследовавшим отцу в 1661 г.

Н. Эльтеков полагает ошибочной ссылку полковника Попова на договор, заключенный Головиным 12 марта 1689 г., как на доказательство подданства урянхов России. Этот аргумент Попова был основан на неверном прочтении слова «сайты» как «соеты» (урянхи), а по-монгольски оно значило «сановник». В целом, автор «Записки...» приходит к следующему выводу: «...права наши на территорию бассейна Верхнего Енисея, приобретенные в 1634 г., были утрачены с заключением Буринского договора и вновь восстановлены лишь по изгнании китайцев из Урянхия и принятии, согласно ходатайству самих урянхов пяти хошунов этого края в 1914 г. под покровительство России»⁶⁵.

Эльтеков рассматривает три возможных варианта направления южной границы: по самому хребту Танну-Ола; по линии монгольских караулов, идущих по южным его отрогам; включить всю территорию, занимаемую урянхайскими племенами (то есть включая площадь, занимаемую Соинским сумо и подчиненную Монголии).

Наиболее предпочтительным, по его мнению, является проведение границы по линии пограничных караулов. Преимущества этого варианта заключаются в том, что он охватывает южные склоны, имеющие хозяйственное значение для урянхов, а также наличие самой границы в натуре, что облегчало задачу.

Обсуждение вопроса о границе, как мы видим, продолжалось даже после объявления протектората в 1914 г. Дипломаты, не возражая против присоединения Урянхия к России, выдвигали свои обоснования, свои аргументы на владение им.

⁶² ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 129.

⁶³ Там же. Л. 136.

⁶⁴ Там же. Л. 137.

⁶⁵ Там же. Л. 138.

В 1912–1914 гг. в сибирской прессе (красноярской, минусинской, томской, иркутской) активно обсуждались вопросы спорной принадлежности Урянхай, отмечалась активность монгольских феодалов в крае. Издания различных направлений не одинаково оценивали перспективы русского влияния.

После изгнания китайцев из Урянхай, местные правители стали искать помощи у России и Монголии, одна часть хотела перейти в русское подданство, другая под власть Внешней Монголии.

Настроения некоторой растерянности, охватившее тувинских нойонов, хорошо передано в рапорте пограничного начальника Чанкирова от 7 февраля 1912 г. о пребывании в Усинском тоджинского нойона и его настроениях. Нойон считал, что «подданными Китая мы, безусловно, не состоим и речи об этом быть не может, присоединяться к Монголии также не имеет смысла, предоставить свою судьбу Амбань-нойону опасно, остается одно: идти под власть Иркутска (Ангара) и просить Цагаан Хана (Белого царя. — Прим. авт.) принять под свое подданство, но как это сделать?»⁶⁶.

По мнению Чанкирова, «чем кончится вся эта неопределенность, все это нерешительное действие и России и урянхов сказать день ото дня становится труднее. Нет определенного плана, нет задачи — нет потому и решения»⁶⁷.

С такой оценкой перекликается характеристика русского дела в Урянхае, данная А.П. Беннигсеном, который писал: «По-моему, все русское дело в Урянхайском крае велось на месте совершенно неправильно. Во-первых, там никто, и вероятно, даже Усинский пограничный начальник не знал, желательно ли заселение нами края, или это, наоборот, вредно»⁶⁸.

Неопределенность ситуации порождала различные слухи и предположения в сибирском обществе. 9 июня 1912 г. в газете «Сибирская мысль» была опубликована статья (без подписи) «Урянхай и Монголия», в которой сообщалось известие о присоединении Урянхайского края к Монголии на том основании, что большая часть урянхайских вотчин принадлежит монгольским князьям.

В статье отмечалось несомненное экономическое влияние России на край, представляющий «великолепный район для колонизации, поэтому неожиданное его присоединение к Монголии должно взволновать и удивить русское общество»⁶⁹. Автор публикации считал, что Монголия не имеет на Урянхай никаких прав, так как это вопрос русско-китайских отношений. По его мнению, утверждение о наследственных вотчинах монгольских князей в крае представляется «весьма сомнительным». Отношения монголов и урянхайцев оцениваются как враждебные, поэтому в случае присоединения страшная ненависть вспыхнет с новой силой, так как монголы немедленно выступят в роли угнетателей.

Разрешение и урегулирование проблемы, автор видит в переговорах между монгольским и русским правительствами, исключает Китай из числа заинтересованных сторон. «Прямых претензий Китай на Урянхай не имел, претензии китайского государства на эту пограничную область перешли к нему через посредство Монголии». Автор предполагает, что смена несговор-

⁶⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 162.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Беннигсен А.П. Русское дело в Урянхайском крае // Известия ИМП. об-ва вост. 1913. С. 54.

⁶⁹ Сибирская мысль. 1912. 9 июня.

чивых китайцев на монголов, с которыми Россия находится в дружественных отношениях, позволит решить урянхайский вопрос в российских интересах.

И хотя сообщение оказалось не достоверным, ход рассуждений автора представляет для нас несомненную ценность, как отражение мнений русского общества по «урянхайскому вопросу». Слухи были основаны на неточной информации о событиях в крае. Действительно, некоторые урянхайские феодалы, воспользовавшись выжидательной и неопределенной политикой России и поощряемые монгольской стороной, стали переходить в подданство Монголии. В мае 1912 г. тоджинский нойон Тонмит и салчакский правитель Бальджийма, а в июне правитель Даа-хошуна Буян-Бадорху обратились к Хутухте с просьбой принять их хошуны в состав Монголии. В марте 1913 г. Хутухта принял Тоджа и Солчак хошуны, а в мае — Даа-хошун в состав Монголии. Бейсэхошун также был включен в состав Монголии как принадлежавший Сайн-нойоновскому аймаку⁷⁰. Однако, уже осенью того же года ряд правителей хошунов (хемчикский хамбу-лама Чамзы, Буян-Бадорху) и придерживающийся русской ориентации нойон Агбан сделали заявление о переходе к России.

В ряде других изданий («Енисейская жизнь») выражалось сомнение в возможности присоединения Урянхая к России. На страницах газеты произошла прямая полемика относительно перспектив развития событий в крае. В 1913–1914 гг. в центральной и сибирской прессе обсуждаются вопросы основания там русского города Урянхайграда, будущего Белоцарска (Кызыла), отправки в край российских представителей полиции, податной инспекции, агентов фиска. Проблема реальности осуществления этих мероприятий и перспектив русского дела в Урянхае оценивались различно.

Представитель русской администрации и любитель-этнограф Я.К.Нечаев в статье «Несколько слов о спорной земле», опубликованной в «Енисейской жизни» (1913 г., № 230), рассматривал это дело совершенно реальным. По его оценкам, в административном отношении Урянхайский край представляет собой часть Китайской империи, верховная власть в которой долгое время была в руках Амбань-нойона. По мнению Я. Нечаева, в настоящее время (1913) этот край представляет предмет спора между Россией и Монголией. Привлекающий своими природными богатствами и освоенный русскими, край мог бы перейти в руки русской администрации при согласии Амбань-нойона.

По данным Я. Нечаева, Амбань-нойон дал свое согласие пограничному комиссару Чакирову, и был устроен парадный прием в селе Верхне-Усинском. «Подписать окончательный акт о включении Урянхайского края в состав русских владений г. Чакиров не мог, за неимением надлежащего на это распоряжения (подчеркнуто в тексте).

Тем временем, пока ходили об этом заявления в министерство, сойотская делегация разъехалась, оставив дело в самом неопределенном состоянии»⁷¹.

Через значительный промежуток времени в «Енисейской жизни» от 29 марта 1914 г. в редакционной статье «Урянхайская земля или «Усинский край» в едкой и ироничной форме выражалось сомнение в возможности присоединения Урянхая к России. Отмечалось, что прошел год, а никаких официальных актов о присоединении Урянхайского края не опубликовано, и он пребывает в пределах Китайской республики. Поэтому рекомендовалось для

⁷⁰ История Тувы. Т. 1. М., 1964. С. 360–361.

⁷¹ Енисейская жизнь. 1913. № 230.

лиц, слабо осведомленных в истории и географии приграничных к России китайских провинций, обратиться к энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона (ст. «Сойоты»), годному не только для гимназистов 4 класса, но и для «руководства иных органов печати».

Надо отметить, что ирония оказалась напрасной, так как буквально через несколько дней было принято официальное решение о протекторате России.

Не случайным поэтому было появление в газете «Енисейская жизнь» от 23 и 25 мая подробного описания сухопутного сообщения с Урянхайским краем, представленного как легенда и указывающего, как лучше проехать 360 верст пути примерно за 9–10 дней. Это, видимо, было связано с переездом русских жителей в Урянхайский край, началом строительства будущей столицы — Белоцарска.

В этом же номере была опубликована заметка о планах экспедиции в Урянхайский край С.Р. Минцлова, названного «известным археологом». Целью экспедиции, направленной по поручению главного управления землеустройства и земледелия, было не частичное, а полное обследование Урянхайского края для того, чтобы представить общую картину этой неизвестной страны. Не случайной была эта экспедиция, почти совпавшая по времени с объявлением протектората России.

Сергей Рудольфович Минцлов (1870–1933) учился в Нижегородском кадетском корпусе, затем в Московском Александровском училище. Карьера офицера не привлекала его, он рано вышел в отставку. Много путешествует, выступает как провинциальный журналист, земский деятель, сотрудник археографической комиссии. Минцлов был страстным библиофилом, собирателем редких книг⁷².

В результате возглавляемой им экспедиции появились две интересные работы: в 1915 г. книга жены начальника экспедиции Ксении Минцловой «Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле», содержащая подробное описание пути и любопытные оценки; а в 1917 г. в Риге работа С.Р. Минцлова «Секретное поручение (Путешествие в Урянхай)»⁷³.

С.Р. Минцлов совершил специальную экспедицию в Урянхай по поручению Главного управления землеустройства и переселения. Он пришел к следующему заключению: «Наш план сводится к тому, чтобы бесшумно заполнить край (Урянхай) русскими и заполучить его явочным порядком. В настоящее время первым вопросом в крае является приручение нойонов и превращение их из китайских мандаринов в русских помещиков» (цит. по Минцлову).

В предисловии к книге «Далекий край» С.Р. Минцлов отмечает, что Урянхайский край «пустынная и неведомо кому принадлежащая «страна»⁷⁴, которая стала в последние годы привлекать взоры правительств мира.

По мнению К. Минцловой, двести пятьдесят лет назад Урянхай был присоединен к России, но затем «благодаря его отдаленности, частью по русской беспечности и лени, китайцы постепенно внедрились в него и обзавелись факториями, быстро разраставшимися и богатеющими»⁷⁵. В книге отмечается,

⁷² Минцлов С.Р. За мертвыми душами. М., 1991 С. 385. (К сожалению, в послесловии А.В. Блюма нет даже упоминаний об экспедиции в Урянхай).

⁷³ Ранее С.Р. Минцлов опубликовал программу сообщения «Урянхайский край в прошлом и настоящем» (Известия РГО. 1915. Т. 51. С. 11).

⁷⁴ Минцлова К. Далекий край (Путешествие по Урянхайской земле). Кызыл, 1993. С. 3.

⁷⁵ Там же. С. 64.

что после отделения от Китая Монголии Урянхай стал тяготеть к последней. Кратковременное правление монголов в крае в 1912–1914 гг. оценивается автором следующим образом: «...как хищные коршуны налетели чиновники на детски наивных сойотов и стали обирать их не хуже китайцев»⁷⁶. Избавление от такого положения вещей было только в ориентации на Россию. Главной фигурой этого движения называется Хамбо-лама — высшее духовное лицо. Ошибочно названа дата принятия сойотов под покровительство России март 1914 г. (вместо апреля 1914 г.).

Во второй половине 1913 г. ряд урянхайских феодалов обратились с просьбой принять их в русское подданство, эти официальные заявления давали России формальную юридическую основу для объявления протектората. 4 (17) апреля 1914 г. император Николай II на докладной записке министра иностранных дел С.Д. Сазонова по вопросу о принятии пяти хошунов Урянхайского края под покровительство России начертал «согласен»⁷⁷. Сазонов предполагал, что этим решением «мы положили бы конец колебаниям урянхов между присоединением к автономной Монголии и отдачею себя под русскую власть»⁷⁸.

В секретной телеграмме С.Д. Сазонова Иркутскому генерал-губернатору от 5 апреля 1914 г. указывалось, что «из факта установления над ним русского протектората вытекает обязательство не иметь никаких сношений с иностранными, в том числе монгольскими, властями»⁷⁹. Урянхайские правители выдали письменные заверения о строгом соблюдении этих обязательств.

В июне 1914 г. иркутский генерал-губернатор сообщал пограничному комиссару Церерину, что Урянхайский край принят под покровительство России. Установление покровительства России над Урянхаем прошло почти незамеченным во внешнем мире в связи с событиями в Европе и приближением первой мировой войны. Однако, оно вызвало протест китайцев и монголов.

Начало войны России с Германией привело к активизации пропаганды и антирусских действий монголов в Урянхае. Вмешательство в урянхайские дела монгольское правительство осуществляло через Чжалханцзы-хутухту крупного монгольского сановника, умного, образованного деятеля, назначенного министром-правителем Западной Монголии, пограничной с Урянхаем. По его предписанию были направлены чиновники для составления списков проживающих в урянхайских хошунах русских подданных и их имущества. Перепись была проведена в Сальчжакском и Точжинском хошунах, которые продолжали считать себя подданными Монголии. Кемчикский правитель отказался проводить перепись. Из грамоты-предписания Чжалханцзы-хутухты на имя заведующего урянхами по реке Кемчик мы узнаем, что монгольская сторона рассматривала эти земли своей собственностью.

Стали проявляться враждебные чувства к русским, раздаваться открытые угрозы урянхов разгромить, выгнать всех русских. В ряде случаев были приняты и действия: разбиты стекла в доме, подожжено сено и т.п. В ответ во всех русских поселениях были организованы дружины, которые с оружием и песнями демонстративно маршировали по поселкам. По определению пограничного начальника А. Церерина, «несмотря на категорические указа-

⁷⁶ Минцлова К. Далекий край (Путешествие по Урянхайской земле). С. 64.

⁷⁷ Установление покровительства России над Тувой в 1914 году. Архивные материалы. Кызыл, 1994. С. 22.

⁷⁸ Там же. С. 21.

⁷⁹ Там же.

ния нашего Генерального консула в Урге монгольским правителям, чтобы они не вмешивались в дела Урянхая, последние упорно продолжают предъявлять свои права на этот край»⁸⁰.

С.Д. Сазонов считал выступление перед Монголией по поводу урянхайских дел нежелательным и несвоевременным, «против наших собственных интересов.» По его мнению, «с агитацией монголов в Урянхае нам следует бороться не дипломатическими представлениями, вообще мало действенными, когда делаются таким слабым и дезорганизованным Правительством, как Монгольское, а реальными мерами, доказывающими урянхам пользу для них русского владычества»⁸¹. Такими реальными делами считались приближение к урянхам места пребывания наших властей и большую осторожность в вопросах отчуждения земель.

Генеральный консул в Урге информировал, что монгольское правительство отчасти сочувствует деятельности Чжалханцзы-хутухты, но не одобряет его резких выступлений. Премьер-министр и министр иностранных дел категорически отрицают свою причастность к агитации Чжалханцзы. Консул предполагал воздержаться от каких-либо переговоров с монголами по этому «щекотливому вопросу», сомневается, что они могут принести вред, вызвав на предъявление к нам требования поставить урянхайский вопрос во всем его объеме.

После Кяхтинской конференции (1915) начались новые попытки монголов, опираясь уже на содействие китайцев, заявить свои и китайские права на Урянхайский край и послать туда своих представителей. Согласно собственной трактовке Кяхтинского соглашения (11 пункт) они считали, что верховная власть в Урянхае принадлежит Монголии.

По данным И.М. Майского, в конце 1916 г. Джалханцзы-хутухта вновь поднял вопрос о присоединении Урянхайского края к автономной Монголии. Состоялись переговоры между ним и дипломатическими представителями России в Урге, было принято соглашение о проведении в июле 1917 г. референдума среди урянхайского населения по вопросу о присоединении их к России или Монголии. Правда, представляется маловероятным, что такое мероприятие могло состояться.

Комиссар по делам Урянхайского края Ю.В. Григорьев в 1917 г. так оценивал русскую и монгольскую политику в Урянхае: «Монголия действовала по отношению к Урянхаю настойчиво, решительно и с удивительной быстротой, наши шаги в Урянхае были медленны и нерешительны»⁸².

В целом, сущность и характер русско-монгольских противоречий и соперничество в «урянхайском вопросе» изучены недостаточно глубоко и основательно. Архивные материалы (ГАИО, АВПРИ, Монгольские архивы) позволяют проследить основательно ход этого конфликта, причины русско-монгольских противоречий, национальных интересов двух соседних стран в Урянхае. Официальные заинтересованные организации, прежде всего МИД и военные ведомства, стремились овладеть краем, но осуществить это без публичного обсуждения «урянхайского вопроса» с Китаем и Монголией.

С другой стороны, Россия нуждалась в идеологическом обосновании исторических прав на Урянхай, принадлежности его России.

⁸⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 90. Л. 64.

⁸¹ Там же. Л. 62.

⁸² Там же. Д. 135. Л. 20.

4.5. «Пограничный вопрос» в 20–30-е годы XX века

В 1921 г. в результате национально-освободительного движения была образована Народная Республика Танну-Тува. С 1926 г. она стала называться Тувинской Народной Республикой. 13 октября 1944 г. республика была включена в Российскую Федерацию как автономная область, а в 1961 г. была преобразована в Тувинскую АССР, с 1991 г. — Республика Тува, а с 1993 г. Республика Тыва. В соседней с Тувой Монголии монгольский народ под руководством МНП и при помощи Красной Армии в 1921 г. успешно завершил борьбу с китайскими милитаристами и Унгерном. В стране начали осуществляться демократические преобразования.

В середине 1920-х гг. вышло несколько статей, посвященных урянхайской проблеме: М. Кайского «Урянхайский вопрос» (1926), И.С. Сафьянова «Колониальная политика торгового капитала в Танну-Туве» (1928), С. Шойжелова «Монголия и царская Россия» (1926), Н.П. Леонова «Урянхайский край до начала XX столетия» (1923)⁸³.

Как нам представляется, публикация этих статей была вызвана следующими обстоятельствами: во-первых, были опубликованы некоторые ранее неизвестные документы царского и Временного правительства по «урянхайскому вопросу»; во-вторых, была объявлена независимость Тувы, произошло разрешение пограничного вопроса; в-третьих, в обществе возник интерес к прошлому тувинского народа, характеру его взаимоотношений с соседними народами (русскими и китайцами). Началось изучение национальной политики российского государства, его отношений к коренным сибирским народам. Широкое распространение получил тезис о колониальной и захватнической политике царской России.

По мнению М. Кайского, урянхайский вопрос возник из-за неопределенности «международного положения Урянхая» со времени его появления на исторической арене. Официальное признание СССР Тувинской Республики разрешило урянхайский вопрос. Последние четыре года этому препятствовала Монголия, которая планировала включить ее в свой состав на правах автономии.

М. Кайский одним из первых поставил и попытался проанализировать русско-монголо-китайские отношения по урянхайскому вопросу, показал особенности русской и монгольской политики в Урянхее, отметил не только русско-китайское, но и русско-монгольское соперничество в регионе до середины 1920-х гг.

Он постоянно подчеркивает факт исключения самих тувинцев при решении их собственной судьбы: «урянхайский вопрос ставился и решался без всякого участия тувинцев. Он сводился к выяснению пограничной линии между Россией и Китаем, к получению русскими особых прав на торговлю, колонизацию и разработку естественных богатств страны, порабощению тувинцев ламаизмом и вообще средневековой монгольской культурой»⁸⁴. Политику Китая, России и Монголии по отношению к Туве он определяет как империалистическую. Превращение Урянхая в арену международной тяжбы между Россией, Китаем и Монголией М. Кайский связывает с бессилием тувинского

⁸³ Кайский М. Урянхайский вопрос // Северная Азия. 1926. № 4. С. 16–25.

⁸⁴ Леонов Н. Урянхайский край до начала XX столетия // Новый Восток. 1923. Кн. 3. Шойжелов (Нацов). Монголия и царская Россия. 1926. № 13-14; Сафьянов И. Колониальная политика торгового капитала в Танну-Туве // Новый Восток. 1928. № 23-24.

народа, ненасытными аппетитами маньчжурской династии, политикой русских империалистов и крепостными интересами монгольских князей и лам.

Автор статьи выделяет различия в тактике русских и монголов в Урянхае: «Монголы, будучи сами подданными Китая, открыто за оккупацию Урянхая не выступали, а старались завоевать тувинцев с помощью религии, письменности и экономического закабаления»⁸⁵. Русские же, по его оценке, действовали более открыто. Воспользовавшись неопределенностью границ между Китаем и Россией, они под видом устройства торговых факторий стали колонизовать Урянхай. Распространяемая русскими крестьянами и торговцами легенда, что Урянхай со временем покорения Сибири принадлежал России и «только благодаря оплошности царских чиновников во время заключения договора 1727 г., якобы отпал от России»⁸⁶, была выгодна царскому правительству. Оно собирало исторические материалы для доказательства прав России на Урянхай, с этой целью туда посылались научные и военные экспедиции, задачей которых было доказать, что граница проходит не по Саянам, а по Танну-Ола.

Эта легенда о «Зеленом Клине» являлась, по мнению автора, обоснованием русского империализма в Танну-Туве, но она не смогла убедить ни китайцев, ни монголов. Однако, царская Россия так и не решилась открыто поставить вопрос о присоединении Урянхая к России. События 1912 г. изменили ситуацию в пользу России и с этого момента до 1917 г. «начинается фактическая оккупация Урянхая Россией и превращение тувинцев в сибирских инородцев». Политику России в регионе по отношению к монголам и китайцам М. Кайский определяет как «двойственную». «В Монголии оно не только поддерживало национальное движение против Китая, но и сознательно подстрекало население к выступлению, а в Урянхае русские власти, наоборот, проявляли к китайцам лояльность и даже брали их под свою защиту»⁸⁷.

Согласно выводам М. Кайского, Урянхай стал уже новой областью Сибири, хотя формального присоединения его к России не было, а сибирские чиновники вели себя здесь как хозяева положения. Здесь автор не точен в 1914 г. было официально принято решение о покровительстве России.

И.Г. Сафьянов рассмотрел роль и место китайской и русской торговли в Урянхае. Он считает, что китайское отделение Урянхая линией монгольских караулов и полная изоляция от южных соседей привела к одичанию и деградации тувинского народа, поэтому русские в XIX в. нашли его менее культурным, чем в XVII в.

Русская торговля развернулась с 40-х гг. XIX в. и к 90-м гг. на всей территории Тувы имелись русские торговые фактории. Отмечается прибыльность русской торговли в Урянхае: «количество торговых предприятий увеличивалось с каждым годом, и капиталы их росли темпом первоначального накопления. Бывшие перекупщики сплошь и рядом стали купцами превратились в крупных скотоводов и землевладельцев»⁸⁸.

Началось проникновение китайского торгового капитала с 1895 г., хотя формальное разрешение на это было получено только с 1903 г.

По мнению И. Сафьянова, китайские купцы за десять лет своей торговли завоевали в Туве «господствующее положение». Неспособность русской част-

⁸⁵ Кайский М. Урянхайский вопрос. С. 18.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 19.

⁸⁸ Там же. С. 20.

ной торговли овладеть тувинским рынком он объясняет охватившей их колониационной горячкой.

Известный путешественник и ученый Г.Е. Грумм-Гржимайло в работе «Западная Монголия и Урянхайский край», написанной в 1917 г., но изданной только в 1926 г. при содействии Ученого комитета МНР и Ц. Жамцарано, серьезно и глубоко проанализировал «урянхайскую проблему». Автор открыто выступил в защиту действий и политики русской дипломатии в Урянхае.

Г.Е. Грумм-Гржимайло не согласился с доводами В. Попова, В.Н. Васильева, подробно разобрал их аргументы. Он заявил, что обсуждение урянхайского вопроса в печати, выход его за пределы переписки канцелярий явились результатом стремления ряда авторов связать с проблемой свое имя. Поэтому вопрос утратил объективность изложения и получил характер обвинительного акта против прежних правительственных агентов. Более того, в их изложении он потерял ясность и затемнил историю края.

Г.Е. Грумм-Гржимайло подробно останавливается на этапах формирования «урянхайского вопроса», а точнее на позициях авторов, высказавших сомнение в правильности проведения русско-китайской границы Рагузинским и комиссаром Колычевым. В качестве исторического аргумента, подтверждающего его позицию, Грумм-Гржимайло использует записку А.П. Церерина «Справка по урянхайскому вопросу», составленную в 1914 г. для Иркутского генерал-губернатора.

Г.Е. Грумм-Гржимайло критически разбирает доводы защитников о более южном направлении государственной границы. Он считает, что установить по незнанию границу по Саянам участники разграничения не могли, так как хорошо знали регион и конкретно данную местность. Что касается монгольской пограничной линии, то она была установлена до русско-китайского разграничения.

По его объяснению, Урянхайский край находился на особом положении, так как вносил ежегодную подать мехами, и маньчжурское правительство дорожило этим доходом и поэтому охраняло его от торговой эксплуатации китайским купечеством.

Аргумент о кочевании урянхов по обе стороны русско-китайской границы Г.Е. Грумм-Гржимайло объясняет большим районом проживания, в том числе и за Саянами. Ошибка В.Н. Васильева, по его мнению, кроется в том, что исходным пунктом своих рассуждений тот берет современный район расселения урянхайцев, тогда как ранее он был иным. В целом, Грумм-Гржимайло не отрицает сложность «урянхайского вопроса», вполне понимает чувства, которые побуждали В. Попова, В. Васильева отдавать ему время и труд, но продолжает считать ошибкой вынос этого вопроса на обсуждение в периодической печати.

Мнение об «инертности» русского правительства автор считает «предвзятой мыслью». По его мнению, в урянхайском вопросе министерство иностранных дел «проявило должную осторожность и должную последовательность, ту мудрость, которую, несомненно, отметит история»⁸⁹. Разумеется, надо учитывать, что Г. Грумм-Гржимайло был связан с деятельностью МИД, являясь консультантом этого ведомства. Но основным являлись убежденность в правоте своего мнения и убедительность аргументации.

⁸⁹ Сафьянов И.Г. Колониальная политика торгового капитала в Танну-Туве. С. 159.

Оценивая позднее этот труд, Р. Кабо считал, что проф. Г. Грумм-Гржимайло выступает в качестве адвоката русских купцов, грабивших под видом торговли тувинский народ, и пытается обелить темных деятелей первоначального накопления⁹⁰.

По оценке Р. Кабо, деятельность русского торгового капитала в Урянхае имела характер открытого грабежа, а в качестве ростовщика он имел возможность усилить эксплуатацию. Представители русского торгового капитала называются автором «самыми оголтелыми и откровенно разбойничьими деятелями»⁹¹. Неоднозначная оценка Г. Грумм-Гржимайло русского купечества расценена Р. Кабо как маскировка «квазинаучной объективностью»⁹².

По нашему мнению, характеристики Р. Кабо излишне категоричны и негативны, что отражает дух научной мысли 1930-х гг. Представляется, что только негативная характеристика русского купечества и его деятельности в Урянхае также является не научной и односторонней. Задача обстоятельного изучения и взвешенных оценок этого вопроса до сих пор остается актуальной.

Историк и юрист С.В. Шостакович в работе «Политический строй и международно-правовое положение Танну-Тувы в прошлом и настоящем» (1929) вновь рассматривает пограничный вопрос. Возникновение «урянской проблемы» проф. С.В. Шостакович связывает с договорами 1727 г. (Буринским и Кяхтинским), которые хотя и установили границу между двумя империями и упоминали об урянях, но делали это «недостаточно определенно»⁹³.

Неясность и неопределенность статей договора была еще больше усложнена конкретным проведением его в жизнь: русские пограничные караулы были размещены по Саянскому хребту, а китайцы — по хребту Танну-Ола; территория, заключенная между ними и являющаяся Тувой, формально оставалась ничейной. С. Шостакович соглашается с версией, что только незнание русскими местности привело к отнесению русских караулов на Саяны.

В дальнейшем урянхайцы, напуганные вестями о наступлении русских, обращаются сначала к монголам, а затем к китайцам. Специальная китайская военная экспедиция в Урянхай в 1755 г. подводит его под руку Китая. С. Шостакович так определяет отношение русских и китайцев к Урянхаю: «Если на взгляд русских правовое положение Урянхайской земли не представляется вполне определенным, то у китайского правительства не было сомнений в том, что земля принадлежит Китаю»⁹⁴. Лишь в конце XIX — начале XX в. Китай и Россия обращают пристальное внимание на Урянхай.

Автором также отмечается неопределенность политики России относительно заселения Урянхайского края: то разрешает, то запрещает переселение. Этот вывод он подтверждает данными из «Всеподданнейшего отчета Иркутского генерал-губернатора за 1910–1911 гг.»: «Русская же администрация, как местная, так и высшая, с самого начала заселения Урянхайского края и до последнего времени не держалась в этом деле каких-либо определенных

⁹⁰ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. С. 819.

⁹¹ Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. С. 109.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 110.

⁹⁴ Шостакович С. Политический строй и международно-правовое положение Танну-Тувы в прошлом и настоящем. Иркутск, 1929. С. 11.

взглядов и то запрещала переселение русским в Урянхайский край, то вновь его поощряла»⁹⁵.

Российские власти направляют в Урянхай экспедиции Осташкина, Боголюбского, Перетолчина, Баранова, Александровича, Попова для отыскания пограничных знаков «настоящей», действительной границы с Китаем по Танну-Ола, которые не увенчались успехом.

После 1911 г. судьба тувинского народа, по мнению автора, решается единственно Россией. Что касается отношений с Монголией, то С. Шостакович так их определяет: Россия «только иногда считается с желаниями Монголии», «с претензиями монгол совершенно не считается»⁹⁶.

В монографии Р. Кабо «Очерки истории и экономики Тувы» (1934), насыщенной фактическим материалом, политика России в Урянхае определяется как захватническая и колонизаторская. Переселение русского населения за Саянский хребет рассматривается как проявление колонизаторской деятельности самодержавия. Р. Кабо отмечает, что политика России по захвату Тувы проводилась с известной осторожностью: «такой образ действий был продиктован, прежде всего, нежеланием русского правительства возбуждать внимание Китая к фактическому, явочным порядком совершаемому проникновению русских колонистов в Туву»⁹⁷.

Желание избежать конфликта с Китаем из-за Урянхия объясняется автором не миролюбием России, а тем, что основное направление завоевательной политики проходило в другом месте (Балканы, Средняя Азия).

Кроме того, в освоении края были в основном заинтересованы мелкие торговцы, не обладавшие влиянием на формирование государственной политики. Презрительно-иронически оценивается автором деятельность В.Л. Попова по изучению Монголии и Тувы с целью определения дальнейшего направления русской политики: «В своих записках и донесениях, а также в своих “ученых трудах” этот доморощенный русский Лоуренс неустанно обосновывал необходимость скорейшего захвата Урянхия»⁹⁸.

Р. Кабо считает, что решить аграрный вопрос среди русского населения в крае администрация планировала за счет коренного населения. Реализация этого плана требовала прямого и открытого вмешательства русской власти (армия, суд, полиция), а также вело к оккупации Тувы. Разработанный Иркутским совещанием план захвата Урянхайского края представлял собой, по характеристике Р. Кабо, «сплетение провокации, обмана и свирепой расправы»⁹⁹.

Автор дает резкие, нелестные характеристики социальным слоям России, добивавшимся форсированного решения: «минусинские купцы, люди с волчьими аппетитами», военные, побитые японцами и мечтавшие о безопасном реванше над безоружным противником; «дворянские птенцы, которые добивались присоединения края ради теплых местечек с большущими окладами; полицейские держиморды и другое человеческое отребье, которое жило и дышало в атмосфере провокации, насилия и грабежа русской колониальной политики»¹⁰⁰.

⁹⁵ Шостакович С. Политический строй и международно-правовое положение Танну-Тувы в прошлом и настоящем. С. 12.

⁹⁶ Там же. С. 14.

⁹⁷ Там же. С. 17.

⁹⁸ Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. С. 137.

⁹⁹ Там же. С. 142.

¹⁰⁰ Там же. С. 155.

Полное отрицание национальных интересов России в Урянхэе, однозначно негативная характеристика русской политики в крае и ее представителей, конечно, не соответствует исторической действительности.

Новый этап осмысления проблемы начался в 1950-е гг., он был связан с появлением публикаций В.И. Дулова, Ю.Л. Аранчына, В. Потапова, С.И. Вайнштейна.

Историки В.И. Дулов, Ю.Л. Аранчин преодолели односторонние характеристики русского влияния в Урянхэе, акцентируя внимание на прогрессивном значении присоединения Тувы к России. В. Дулов ввел в научный оборот большое количество новых архивных материалов, значительный массив дореволюционных исследований по Урянхэю. Были опубликованы статьи: «Из истории классовой борьбы в Туве (К истории выступления «60 дургун» в 1883–1885 гг. (1953), «Русско-тувинские экономические связи в XIX столетии (1954), «Сочинения Егора Пестерева о Туве (1955), монография «Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в.» (1956).

Историк критически оценил существующие концепции своих предшественников, выразил несогласие с крайними подходами, сложившимися в историографии. По нашему мнению, В.И. Дулов явно преуменьшает, принижает роль дореволюционных авторов, которых, как он считает, интересовали «частные вопросы прошлого Тувы»¹⁰¹. А научное изучение истории края началось с трудов В.А. Ватина-Быстрианского, Ф.А. Кона, И.Г. Сафьянова — марксистских авторов.

Подход, оценивающий уровень и качество работ только на основании партийной и социальной принадлежности авторов вряд ли может считаться объективным и научным. По насыщенности фактическим материалом, глубине научного анализа исследования В.М. Родевича, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.Л. Попова не только не уступают работам марксистских авторов, но и явно превосходят их. Об этом свидетельствует и обильное цитирование названных авторов современными исследователями, в том числе и самим В.И. Дуловым.

В.И. Дулов подверг критике крайние подходы в оценке влияния России на Урянхэй. Он считает, что Г.Е. Грумм-Гржимайло оправдывает колонизаторскую политику царизма в Туве, а Р. Кабо оценивает ее как захватническую и колонизаторскую. Таким образом, он не согласен как с однозначно позитивной оценкой политики Грумм-Гржимайло, так и с резко негативной Р. Кабо.

В 1942 г. С.К. Тока высказал впервые мысль о прогрессивном значении присоединения Тувы к России. В.И. Дулов также разделял это мнение и подчеркивал особую тяжесть маньчжурского ига и правления монгольских правителей. Совершенно иной результат имели, по его мнению, связи с Россией: они разрушали патриархальную замкнутость тувинской экономики, вовлекали ее в мировое торговое обращение, благотворным было и влияние русской крестьянской колонизации.

Различные толкования в российской исторической литературе имели обращения тувинских правителей в 1912 г. к России с просьбой принять ее под российское покровительство. Длительное решение в течение 1912–1914 гг. этого вопроса Россией, затягивание его позволило историкам В. Дулову и Ю. Аранчину дать разные оценки этого явления.

Так, тувинский исследователь Ю. Аранчин считает, что решение вопроса было затянато из-за долгой дипломатической борьбы вокруг проблемы Внеш-

¹⁰¹ Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. С. 156.

ней Монголии, т.е. разрешение «монгольского вопроса» тормозило решения урянхайских дел. В статье «Историческое значение присоединения Тувы к России в 1914 г.» (1957) Ю.Л. Аранчын рассматривает запрещение усинскому пограничному начальнику временно, до особых распоряжений вступать в переговоры с тувинскими представителями по вопросу о присоединении Тувы к России, как боязнь осложнений с Китаем, а также с Японией, США, Англией.

Историк ссылается на прямое решение заседания межведомственной комиссии, образованной при министерстве внутренних дел царского правительства. Отмечается исключительная осторожность правительства, которое укрепляло позиции и подготавливало почву для присоединения Тувы к России. По мнению Ю. Аранчына, «любой успех российской дипломатии имел большое значение также в решении урянхайского вопроса в пользу России»¹⁰². Подписание в 1913 г. русско-китайского договора по Внешней Монголии «подготовило почву для присоединения Тувы». Установилась благоприятная международная обстановка для захвата Россией Тувы.

Осторожность, некоторая нерешительность России и определили в 1912–1913 гг. повлияли на усиление позиций и роли монголофильской партии среди тувинских правителей. Тувинский историк на основе воспоминаний восстановил расстановку сил и аргументацию обеих сторон (сторонников русской и монгольской ориентации). Сторонник сближения с Россией, Агбан-Демчи иронизировал в отношении приверженцев монгольской ориентации: «Что Монголия? Чем лучше Тувы? Что она может нам поставить кроме масла, которое у нас у самих есть? Россия-это сила. Она способна ввозить в Туву не только ткани, но и железо и железные изделия»¹⁰³.

Однако, большинство феодалов и лам было за присоединение к Монголии. По оценке Ю.Л. Аранчына, это объясняется тем, что «классовые интересы их переплетались с интересами монгольских феодалов, с которыми их связывала также общность феодальной культуры и религии. Тувинские феодалы в лице монархической Монголии видели ту силу, которая на деле сможет сохранить патриархальный строй в Туве»¹⁰⁴.

К концу 1913 г. произошло изменение обстановки в крае в результате усиления монгольского налогового гнета и насилия над урянхами, а также изменение международной ситуации в регионе, которое привело, по мнению историка, к переориентации на Россию, и вновь последовали обращения с просьбой о принятии в состав России.

Несколько отличную трактовку событий этого периода дана В.И. Дуловым в статье «Присоединение Тувы к России в 1914 г.» (1959). Автор дает резко негативную характеристику маньчжурской политики в Туве, считает, что было весьма ограниченное влияние монголов на тувинцев. В политике России В. Дулов выделяет два направления: грабительская политика царизма и народная колонизация. Положительную оценку наряду с народной колонизацией получило и прогрессивное воздействие политических ссыльных.

Не расходясь принципиально в подходе с Ю.Л. Аранчыном, В.И. Дулов иначе объяснял русско-тувинские отношения 1912–1914 гг. В январе 1912 г. Тоджинский и Салчакский нойоны, а также хемчикские феодалы обратились к

¹⁰² Дулов В.И. О некоторых итогах и задачах изучения истории Тувы // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. VI. С. 3.

¹⁰³ Аранчын Ю.Л. Историческое значение присоединения Тувы к России. С. 155.

¹⁰⁴ Там же. С. 150.

русским пограничным властям с просьбой о покровительстве, «но они, однако, не стали дожидаться ответа царского правительства, а немедленно и настойчиво принялись домогаться покровительства монгольских князей и на съезде чиновников у амбын-нойона заняли монгольскую ориентацию»¹⁰⁵. Главными и активными проводниками монгольского влияния в стране определяются высшие круги ламства. Монголофильская направленность тувинских феодалов рассматривается В. Дуловым как «предательство» национальных интересов тувинского народа, как стремление впрячь «трудящихся аратов в ярмо крепостничества монгольских князей»¹⁰⁶.

По нашему мнению, В.И. Дулов дает упрощенную характеристику сил, ориентированных на Россию или Монголию, основанную на классовом, марксистском подходе: феодалы — за присоединение к Монголии, араты — за присоединение к России.

Передачу Бейсе-хошуна в дар Чжалханцза-хутухту историк объясняет как «полную невозможность удержать тувинцев в подчинении»¹⁰⁷. Монгольские власти щедро награждали тувинских феодалов княжескими титулами, духовными и почетными званиями, стремясь привлечь их на свою сторону.

Спорным представляется вывод В.И. Дулова о причинах объединения тувинских и монгольских феодалов: «Большинство тувинских нойонов стремились объединиться с монгольскими князьями для совместной работы против своих народов, их связывали общие классовые интересы, общность феодальной идеологии и религии. Политический порядок в старой отсталой феодальной Монголии был по душе этим хищникам, он обеспечивал им полную свободу грабежа, беззакония и произвола над своими забитыми и бесправными соплеменниками»¹⁰⁸.

Нам кажется, что такой союз был невозможен, объединение вело к соперничеству монгольских и тувинских феодалов, интересы которых должны были столкнуться из-за размеров налогов и прибылей, распределяемых между собой. Монгольские правители хорошо знали специфику кочевого хозяйства, его возможности, особенности и пути утаивания доходов, поэтому являлись жесткими и неудобными правителями. Тувинские и монгольские феодалы не могли быть союзниками, а только конкурентами и соперниками, поэтому переход в монгольское подданство вел к ограничению властных полномочий урянхайских правителей и вмешательству монголов во внутренние дела Урянхая.

В первом томе «Истории Тувы» (1964) отмечается позитивная роль русского экономического влияния на Урянхай в конце XIX — начале XX в., резко негативно оценивается деятельность и методы китайских торговцев, которые способствовали разорению аратства и деградации его хозяйства.

Вопрос о делимитации границы в результате заключения Буринского и Кяхтинского договоров в 1727 г. трактуется следующим образом: «Маньчжурская администрация поставила свои пограничные караулы на южных склонах хребта Танну-Ола. Царские власти поставили пограничные караулы в районе Тувы только в 70-х гг. XVIII в. по Саянскому хребту. Большая часть территории между названными хребтами таким образом оказалась как бы ничьей»¹⁰⁹. От-

¹⁰⁵ Аранчын Ю.Л. Историческое значение присоединения Тувы к России. С. 150–151.

¹⁰⁶ Дулов В.И. Присоединение Тувы к России в 1914. С. 17.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ История Тувы. Т. 1. М., 1964. С. 213–214.

мечается, что этим обстоятельством воспользовались местные феодалы, стремившиеся воспользоваться неопределенным положением и захватившие себе всех тувинцев. В работе, к сожалению, нет желания объяснить, проанализировать сложный «урянхайский вопрос».

Позднее, в 70–80-е гг. XX в. пограничный вопрос был затронут в работах Г.В. Мелихова (1974), А. Прохорова (1975), Б.П. Гуревича (1983), В.А. Моисеева (1983), Е.А. Белова (1995). В работе А. Прохорова «К вопросу о советско-китайской границе» (1975) утверждается, что С. Рагузинский пошел на существенные территориальные уступки китайской стороне и Россия утратила в результате Кяхтинского договора часть земель. По мнению автора, «в результате допущенной ошибки в установлении пределов урянхайского края значительный район между хребтами Саянский и Танну-Ола остался как бы ничейным, между тем кочевавшие по этому району урянхайцы платили дань Русскому государству»¹¹⁰.

Г.В. Мелихов (1974), Б.П. Гуревич (1983), В.А. Моисеев (1983) считают, что согласно Буринского и Кяхтинского договорам граница между Россией и Китаем была проведена по Саянским горам. Они расценивали это как уступку Цинской империи, сделанную под давлением военной силы и угроз. По их мнению, ранее в XVII в. часть урянхайских земель признавала свою зависимость от России, ряд северных земель было колонизовано русскими поселенцами. Согласно договорам с Алтын-ханом большая часть территории Тувы вошла в состав России. Однако, в конце XVII в. монголы, теснимые маньчжурами, появились в пределах Южной Тувы и стали собирать дань и заниматься грабежом.

По данным В.А. Моисеева, часть коренного населения Тувы оказалась двоеданцами: «Причем русским тувинцы-двоеданцы давали по одному соболю с лука (т.е. взрослого мужчины) в год, а халхасампо пять соболей, фактически еще больше»¹¹¹. Предпринятое маньчжурами усиление военно-политического контроля над населением Урянхая, по мнению В.А. Моисеева, не привело к полному преобладанию в регионе, а их позиции оставались весьма непрочными.

Китаевед Г.В. Мелихов цитирует цинский указ 1700 г., в котором содержится признание прав России на Урянхай, а Канси вполне серьезно полагал, что владения России начинаются сразу за Турфаном¹¹². Поэтому китайцы использовали военную силу и территориальные захваты, как способ давления на Россию во время переговоров. По Кяхтинскому договору и новому разграничению Цинской империи включала в свои владения обширные районы (Урянхайский край, районы озера Косогол, озеро, Далай-нор), находившиеся под контролем России.

Таким образом, мы видим, что «урянхайский вопрос» имел для России важное значение и был связан с пограничным разграничением. Внимание к нему в России в различные периоды не было одинаковым. Были периоды резкого обострения внимания к нему, связанные в основном с международной ситуацией вокруг Урянхая, с нарушением дипломатического баланса сил Китая, Монголии и России. Существовали периоды полного забвения проблемы.

В разрешении «монгольского» и «урянхайского» вопросов Россией мы видим два варианта, два типа выхода из сложной международной ситуации.

¹¹⁰ Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 96.

¹¹¹ Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983. С. 35.

¹¹² Мелихов Г.В. Экспансия Цинской империи в Приамурье и Центральной Азии // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 67.

В отношении Монголии была избрана тактика постепенного усиления экономического присутствия, увеличения дипломатической и политической роли России в судьбе соседней страны. Россия была заинтересована в монгольском сырье, сбыте там промышленных товаров. Существовала также заинтересованность в Монголии как своеобразном буфере между Россией и Китаем. Отложение Внешней Монголии от Китая, ослабление позиции последней, создание автономного монгольского государства отвечало национальным интересам России. Россия имела реальную возможность присоединить к себе Внешнюю Монголию, обострив, правда, отношения с соседним Китаем. Однако Россия избрала другой вариант более «мягкий» и компромиссный, и учитывающий интересы России.

Относительно Урянхая была избрана другая стратегия. Объявление протектората России над Урянхаем в 1914 г. было подготовлено длительным периодом исследования «пограничного вопроса», обоснования его принадлежности России. «Урянхайский вариант» был обусловлен целым рядом причин: во-первых, изолированностью Урянхайского края от Китая самостоятельной Монголией, утратой всех властных связей; во-вторых, наличием в крае значительных запасов разведанных полезных ископаемых (особенно золота и асбеста). В-третьих, тесными экономическими связями Южной Сибири с Урянхайским краем и заинтересованностью местного населения в распространении русской торговли в крае. В-четвертых, наличием организационной структуры (Усинский округ), контролирующей ситуацию в Урянхайском крае. В-пятых, отсутствием конкурирующих претендентов (кроме Монголии), имеющих претензии на Урянхай. Концентрация внимания мировой общественности к событиям Первой мировой войны отвлекло от факта объявления протектората России над Урянхаем.

Русско-монгольское соперничество в Урянхае продолжалось в течение нескольких лет и не носило открытого враждебного характера и острого противостояния. Защита национальных интересов своих стран осуществлялось скрытно и завуалировано. Однако изначально позиции России были более прочные и устойчивые, так как край был заселен русскими переселенцами.

«Урянхайский вопрос» был решен в пользу России в 1914 г. объявлением над ним протектората Урянхая. Обоснование исторической принадлежности края России, прохождение границы по хребту Танну-Ола завершилось присоединением Урянхая к Российской империи. В данном случае победило направление во внешней политике, выступавшее за решительные и активные действия в отношении Урянхая. Воспользовавшись изолированностью Урянхайского края, отрезанного Монголией от Китая, Россия разрешила в свою пользу этот пограничный вопрос. Анализ общественной мысли по данной проблеме показывает как формировалось мнение об ошибочности русско-монголо-китайской границы и необходимости ее исправления, как в оборот вводились новые аргументы для данного обоснования.

5. ДОКТОР П.А. БАДМАЕВ О МОНГОЛИИ: ОДИН ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

5.1. Предпринимательская деятельность П.А. Бадмаева в Забайкалье и Монголии на рубеже веков

Деятельность Петра Александровича Бадмаева (1851–1920) была обширной и многогранной: тибетская медицина, дипломатия, предпринимательство, просветительство, преподавательская деятельность. Объективное и всестороннее изучение биографии и деятельности доктора П.А. Бадмаева еще только начинается. Преодоление крайних оценок этой сложной личности является задачей современной историографии¹. Доктор тибетской медицины П.А. Бадмаев — человек уникальной судьбы и разносторонних талантов. Он получил в Петербурге два высших элитных образования: востоковедное и медицинское, семнадцать лет служил в Министерстве Иностранных дел России и достиг высокого социального статуса и служебной карьеры, стал действительным статским советником.

Во многих своих делах он являлся настоящим первопроходцем: первым в России перевел и опубликовал самый известный трактат тибетской медицины «Жуд-Ши» (1898), издавал первую в стране газету на монгольском языке «Жизнь на восточной окраине» (1895–1897), первым разработал проект Трансмонгольской железнодорожной магистрали, построенной только полвека спустя.

П.А. Бадмаев был колоритной фигурой в окружении царя и в околотрапезных кругах в конце XIX — начале XX в. Принятие и финансирование некоторых проектов П.А. Бадмаева было возможным и реальным только потому, что это отвечало настроениям и желанию русского царя Николая II, которым руководило стремление двигаться на Дальний Восток и доминировать в этом регионе.

Пользуясь своей близостью к царской семье, как крестник царя Александра III и лечивший его семью, он прямо обращается к нему с записками и письмами. Свои первые записки П.А. Бадмаев обращает к Александру III, а затем к его сыну — царю Николаю II.

В связи со строительством Транссибирской железной дороги в конце XIX в., в русском обществе проявляется большой общественный интерес к освоению Сибири и Дальнего Востока, а также к Китаю, Корее и Монголии. Железная дорога открывала значительные возможности расширения предпринимательской деятельности русского капитала в этом неосвоенном регионе, а также проникновения его на зарубежные рынки Дальнего Востока.

13 февраля 1893 г. П.А. Бадмаев представил царю Александру III развернутую записку «О задачах русской политики на азиатском Востоке». Одновременно с нею Бадмаев представил записку с аналогичными идеями министру финансов С.Ю. Витте — главному “конструктору” внешней политики России на Дальнем Востоке. Именно С.Ю. Витте и представил «Записку» П.А. Бадмаева русскому царю, который прочитав ее, наложил 27 февраля 1893 г. такую

¹ Гусев Б. С. Доктор Бадмаев: тибетская медицина, царский двор, советская власть. М., 1995; Гусев Б.С. Крестник императора, целитель, дипломат. М., 2000; Кузьмин Ю.В. Восточные проекты доктора П.А. Бадмаева. Иркутск, 2006.

резолюцию: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха»².

По мнению Бадмаева, построенная железная дорога изменит положение России на Востоке, поэтому очень важно сосредоточить внимание на ее финансово-экономическом значении и результатах. И заниматься делами на Востоке надо планомерно и последовательно, а «не лихорадочно, не порывами»³. Он предлагает серьезно взглянуть на Восток и выступить там в активной роли, «позаботиться оградить Восток от влияния враждебных нам элементов и охранять наши интересы»⁴.

П.А. Бадмаев предлагает продолжить сооружение железной дороги от Байкала вглубь Китая к городу Лан-чжоу-фу. Этот вариант не был поддержан и избран другой вариант — через Маньчжурию. Сторонник строительства железной дороги напрямик на Владивосток через Северную Маньчжурию, С.Ю. Витте считал план Бадмаева (строительство железной дороги через Кяхту на Пекин) неприемлемым. Позднее, в своих воспоминаниях С.Ю. Витте писал: «я считал необходимым соединение нас с Владивостоком, во-вторых, я считал и весьма основательно, что такая дорога в Пекин, несомненно, поднимет против нас всю Европу»⁵.

Строительство железной дороги через Монголию и Китай П.А. Бадмаев рассматривал как удобный путь, хороший предлог для постепенного освоения и присоединения к России этих стран. Оценивая ситуацию в Китае и Монголии, он считал себя знатоком этих стран: «Жизнь монголо-тибето-китайского Востока известна мне фактически в силу моих связей, постоянное столкновение с этой жизнью, мое знакомство с европейскими и русскими взглядами о Востоке в литературе»⁶.

Он пытался доказать, что железная дорога на Лан-чжоу-фу станет источником обогащения и позволит России избавиться от внешних долгов, что «вся торговля попадет в наши руки, европейцы не в состоянии будут с нами конкурировать»⁷.

П.А. Бадмаев высоко оценивал достоинства китайской нации: «Поразительное трудолюбие, соединенное с необыкновенной коммерческой способностью и бережливостью, делает китайский народ независимым в экономическом отношении. Китайцы смело конкурируют с американцами в предприимчивости, своей торговой изворотливостью превосходят евреев, трудолюбием и настойчивостью в области возделывания земли и торговли не имеют положительно соперников во всем мире»⁸.

Тем не менее, благоприятным обстоятельством, способствующим активности внешней политики в Китае, Бадмаев считал пассивность китайцев, для которых «безразлично, кто бы ими не управлял», и что они «совершенно равнодушны, к какой бы национальности ни принадлежала династия, управляемая ими, которой они покоряются без особого сопротивления»⁹.

² Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). Л., 1925. С. 81.

³ Там же. С. 51.

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1996. С. 43.

⁵ Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). С. 75.

⁶ Там же. С. 52.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Там же. С. 71.

Для присоединения Китая к России Бадмаев считал необходимым за Байкалом, близ реки Онон организовать базу, откуда будут направляться представители, разъезжать по всей Монголии, а также Китаю и Тибету. Сюда же в Забайкалье, будут приезжать монгольская и тибетская знать, жрецы, ученые и проч.»¹⁰

Поэтому П.А. Бадмаев предлагает действовать «быстро, решительно и смело», чтобы другие европейские страны не опередили в Китае Россию. Вместе с тем, он считает «необходимым, чтобы предприятие носило «частный характер», и тем самым лишить претензий к русскому правительству. Однако, главное было в другом — Бадмаев готовил почву для собственного «частного» дела.

2 июня 1893 г. Бадмаев направляет короткое письмо Александру III, в котором считает необходимым «привлечь к границам Китая крупные капиталы, создать солидные торговые фирмы». Используя эти финансы, Бадмаев предполагал привлечь туда «опытных, способных и предприимчивых людей для различных предприятий»¹¹.

В докладной записке от 19 июня 1893 г. на имя С.Ю. Витте Бадмаев называет уже конкретную сумму правительственной ссуды, необходимой для открытия торгового дома «П.А. Бадмаев и К» — 2 млн р.¹²

Предполагалось, что Торговый дом, находясь в Забайкалье «будет регулировать и развивать торговые отношения, проникая постепенно даже вглубь Китая, в места, дозволенные трактатами. При посредстве своих контор, находящихся внутри империи, будет сбывать в Россию полезные производства Дальнего Востока, а главное, получать в громадных размерах для сбыта на Восток товары отечественного производства»¹³.

Видимо, с выдачей просимых денег произошла небольшая заминка, так как С.Ю. Витте считал вопрос недостаточно созревшим, поэтому 22 июня 1893 г. Бадмаев вновь по данной проблеме обращается к Александру III, доказывая необходимость не затягивать вопрос о выдаче ссуды.

Царь благосклонно отнесся к данной просьбе и решил ее положительно. Ссуда выделялась сроком на 10 лет из расчета 4 % годовых. Погашение ее должно начаться не позднее 5 лет¹⁴. Но и после этого, получение ссуды затягивалось.

Из письма Бадмаева от 26 октября 1893 г. мы узнаем, что С.Ю. Витте «находит необходимым отложить мой проект до более благоприятного времени, тем более, что кредит этот не может быть выдан секретно, а должен сделаться известным многим государственным лицам, которые, без сомнения, отнесутся к нему — министру, недоброжелательно по поводу кредита, выданного для неизвестного им предприятия, и что, следовательно, ответственность по делу падет на него»¹⁵.

Бадмаев проявляет удивительную настойчивость в получении ссуды, оказывая давление на министра финансов С.Ю. Витте через царя Александра III. Мотивировалось это тем, что «потеря одного года при настоящем положении

¹⁰ Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). С. 82.

¹¹ Там же. С. 84.

¹² Там же. С. 87.

¹³ Там же.

¹⁴ Игнатъев А. С. Ю. Витте — дипломат. М., 1979. С. 30.

¹⁵ Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). С. 87.

равносильна потере десятков лет в прежнее время»¹⁶. Как известно, Бадмаева с С.Ю. Витте познакомил князь Э.Э. Ухтомский — востоковед и журналист, член правления Русско-Китайского банка, издатель «Санкт-Петербургских ведомостей». Э.Э. Ухтомский был влиятельной политической фигурой в столице, неоднократно выступал, в том числе и на Дальнем Востоке, в качестве личного представителя царя. По оценке Витте, к Ухтомскому «он подлез во время одного из его путешествий в Китай»¹⁷.

По мнению А.В. Игнатьева, автора монографии «С.Ю. Витте — дипломат» (1989), «увлечение Витте проектом, представлявшим, по существу, аферу, быстро прошло»¹⁸. Когда в том же 1893 г. Бадмаев стал добиваться крупной правительственной ссуды на свое сомнительное предприятие, министр финансов принялся тормозить выдачу средств, предлагая отсрочку. «Лишь под давлением царя, увлекшегося проектом Бадмаева, Витте крайне неохотно пошел на ассигнование запрашиваемой суммы по частям»¹⁹. Кстати, об этом С.Ю. Витте в дальнейшем очень не любил вспоминать, а если приходилось, то делал это с выражением неприязни и негодования. В отрицательной оценке Бадмаева сказались и черты характера самого Витте, о которых П. Милюков писал: «При неудаче он (С.Ю. Витте) становится страстен и несправедлив, никогда не виныл себя, чернил людей, ненавидел противников»²⁰. По мнению же С.Ю. Витте, Бадмаев сделал все свои занятия источником различных денежных афер.

Известно, что Э.Э. Ухтомский также познакомил Бадмаева и с цесаревичем Николаем, который «в первое время своего царствования принимал Бадмаева и относился к нему благосклонно»²¹.

Историк В.П. Семенников считал, что причины, побудившие Витте отказать в финансовой поддержке лежали в иной плоскости — в соперничестве между ними. «Представляется весьма странным, что такой умный человек как Витте только после трехлетнего знакомства, сумел раскусить плутоватый аферизм Бадмаева». По его мнению, Бадмаев оказывал заметное влияние на русскую дальневосточную политику в 1893–1895 гг., а в 1896 г. Витте «стал прокладывать собственные пути к внедрению в пределы Китая»²², получив право строительства Россией в Китае железной дороги. Поэтому, «теперь Витте нашел свою линию, и Бадмаев с его планом «присоединения» Китая, путем подготовки в нем восстания, становился не только ненужным, но и в качестве конкурента, вредным для планов Витте»²³.

11 ноября 1893 г. в Петербурге был основан «Торговый Дом Бадмаев и К^о», а в Чите организована его главная контора, куда и выехал Бадмаев. В газете «Забайкальские областные ведомости» (за 22 апреля 1894 г.) опубликовано официальное сообщение: «Отставной Надворный советник П.А. Бадмаев, для производства на окраинах России скотоводного дела учредил товарищество на вере с участием вкладчика, не пожелавшего быть поименованным, с внесенным им вкладом в размере 10 000 рублей, которое будет

¹⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. С. 43.

¹⁷ Игнатьев А. С. Ю. Витте — дипломат. С. 30.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Знание-сила. 1991. № 2. С. 22.

²⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. С. 43.

²¹ Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). С. 28.

²² Там же. С. 29.

²³ Забайкальские губернские новости. 1894. 22 апр.

производиться в торговом доме под фирмою «П.А. Бадмаев и К^о». Договор по сему предмету заключен 11 ноября 1893 г. В третьем пункте сего договора сказано следующее: «всеми делами предприятий управляет и распоряжается Бадмаев как полный хозяин»²⁴.

Город Чита в 1851 г. был определен административным центром Забайкальской области. К 1897 г. он превратился в крупный сибирский город с населением 11 520 жителей и стал превышать старинные города края: Верхнеудинск, Нерчинск, Троицкосавск. Город имел публичную библиотеку, основанную еще в 1859 г., существовало 14 учебных заведений, в том числе мужская и женская гимназии, медицинское училище, миссионерское училище. С 1865 г. издавались «Забайкальские областные ведомости». 12 июля 1894 г. состоялось открытие Читинского отделения Приамурского Русского Географического общества, одновременно был открыт Забайкальский музей. В 1899 г. была открыта Читинская учительская семинария, среди учащихся были и буряты. С 1888 по 1890 г. в школах повышенного типа училось 26 бурятских детей. В целом, в учебных заведениях повышенного типа буряты насчитывались единицами. В 1888 г. в городских училищах Верхнеудинска, Селенгинска, Троицкосавска обучалось 18 бурят, в Иркутской и Читинской гимназиях — 7, в Иркутской учительской семинарии — 4, в женской гимназии — 2. Уровень образованности имел важное значение для П.А. Бадмаева, делавшего серьезную ставку на образованную бурятскую молодежь. Жители в основном занимались животноводством, земледелием и торговлей.

В Чите было организовано крупное скотоводческое хозяйство, было куплено огромное количество верблюдов для перевозки грузов. Также были арендованы земли у бурят и монголов, открыто несколько торговых лавок, начато издание газеты на русском и монгольском языках «Жизнь на восточной окраине», создана типография. В Чите Бадмаев арендовал 500 десятин городской земли, а в 12 верстах от Читы устроил мызу под названием «Марусино», где сразу же начались подготовительные работы для развития сельского хозяйства на рациональных основах. Здесь же была устроена скотобойня. Были закуплены верблюды и организована перевозка грузов как по городу Чите, так и по всему Забайкалью.

Для развития коневодства и улучшения местных пород лошадей Торговому Дому из государственных конных заводов было продано 13 чистокровных жеребцов и 6 кобылиц.

В селении Онинском, около Хоринской Степной Думы была создана вторая мыза «Надежда». На обеих фермах было организовано производство масла. Из европейской России были выписаны сепараторы — сливкоотделители, маслобойки и холодильники разных систем. Для организации сельскохозяйственного производства на научной основе были приглашены специалисты молочного хозяйства: русский И.И. Колесов и эстонец Тимуск, а также молодые буряты Ц.-Д. Добданов и Н. Дамдинов — все ученики известного в России специалиста по сельскому хозяйству Н.В. Верещагина. При каждой ферме были учреждены лаборатории, снабженные всеми необходимыми приборами и реактивами для химического анализа. Было организовано на фермах и образцовое свиноводство. Открыты также опытные станции для производства искусственного травосеяния, разведения корнеплодов и устройства больших огородов.

²⁴ Жизнь на восточной окраине. 1896. 26 июня.

В Чите торговый дом Бадмаева пытался устроить дилижанс (конно-железную дорогу). Вагон был рассчитан на 10 человек, а движение по маршруту улица Амурская — улица Софийская. К сожалению, проект этот не был осуществлен.

Сложной оказалась торговля мясом. Торговый дом «П.А. Бадмаев и К^о» столкнулся с серьезным соперничеством и конкуренцией местных торговцев мясом. В газете «Жизнь на восточной окраине», издаваемой Бадмаевым, неоднократно поднималась проблема торговли мясом и освещалась с позиций торгового дома. Именно в это время произошло повышение цен на мясо. Повышение цен на него в газете объяснялось строительством железной дороги и увеличением спроса на него. Кроме того, заметно активизировалась деятельность местных торговцев мясом. Однако, можно предположить, что это было связано и с деятельностью торгового дома, его желанием полностью монополизировать торговлю мясом, сосредоточить полностью ее в своих руках, устранить всех местных торговцев за счет повышения цен.

В газете за 26 июня, по поводу мясной торговли отмечалось: «Мясные промышленники с самого начала стремились загородить деятельность его (торгового дома), хотя и прежде торговый дом предлагал им производить при его посредничестве, но они не пожелали»²⁵.

По данным читинского краеведа В. Лобанова, Бадмаев пытался наладить торговлю мясом без посредников, которые наживались на ней. Он открыл собственную скотобойню в Антипихе, так как городская скотобойня брала высокую плату за свои услуги. «Имея благие намерения, торговый дом Бадмаева в зиму 1895–1896 гг. снизил цену на баранину с обычной базарной в 8–9 копеек до 6 копеек за фунт. Долгое время он завозил в Читу мясо в большом количестве и пытался удерживать низкую цену. Однако местные купцы не давали возможности населению города покупать мясо по такой низкой цене. Они сами скупали мясо у Бадмаева и придерживали его. В борьбе за рынок Бадмаев пошел на беспрецедентный по тому времени, весенний забой скота. Однако долго выдержать конкуренцию не мог и отказался от попыток искусственно держать цену ниже рыночной. Купцы и перекупщики после победы вздули цену до 10–12 копеек»²⁶.

23 июня 1896 г. торговый дом открыл помещения и столовую для своих служащих и рабочих. Со временем предполагалось открыть здесь также и читальный зал. В октябре 1896 г. торговым домом была открыта гостиница «Восточное подворье», с буфетом и столовою, с бильярдом и баней.

Большое значение П.А. Бадмаев придавал изданию собственной газеты. Часть газеты издавалась на монгольском языке. Это была вообще первая печатная газета на монгольской классической письменности. Редактором и, видимо, переводчиком монгольского текста был Буда Рабданов (1855–1923) — бурятский просветитель, преподаватель в Агинском училище. Б. Рабданов окончил Агинское приходское училище и Читинскую гимназию, несколько лет прослужил в Забайкальском областном управлении, затем преподавал в училище. Кроме того, он неоднократно путешествовал по Монголии и Китаю, исполнял должность переводчика у Г.Н. Потанина, вместе с Агваном Доржиевым читал лекции о религии и культуре монголов в Париже. Одним словом,

²⁵ Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). С. 89.

²⁶ Лобанов В. Старая Чита. Чита, 2003. С. 88.

это был подготовленный и образованный редактор газеты. Газета выходила около двух лет. Она освещала и рекламировала предпринимательскую деятельность П.А. Бадмаева.

Был привлечен к деятельности торгового дома и другой известный общественный деятель Забайкалья Багашев. В поисках работы он летом 1894 г. оказался у П.А. Бадмаева. По данным краеведа Е.Д. Петряева, Бадмаев «оценил кругозор и работоспособность Багашева и принял его на службу в свой «торговый дом», назначив 125 р. в месяц (т.е. вдвое больше того, что давал Бутин) с оплатой путевых расходов и содержания». Ему было поручено составлять торгово-экономические сводки по Монголии, Маньчжурии и Китаю. Для выполнения данной задачи Багашев был направлен в Ургу. Там он знакомится с местным населением, его бытом и укладом жизни, а также с состоянием торговли на караванном пути от Кяхты до Калгана. Он серьезно увлекся сбором материала и его анализом и обобщением. 15 августа 1894 г. Багашев писал: «Я поглощаю литературу о Китае и Монголии, думаю набросать “Очерк Урги”»²⁷. Но уже через два месяца Багашев, «убедившись, что Бадмаев обманывает и обсчитывает монголов», отказывается от службы и возвращается в Кяхту.

В 1895–1897 гг. Бадмаев написал несколько «Записок» и писем царю Николаю II, в которых развивал свои идеи и предложения. Он обосновывает необходимость активизации дальневосточной политики России, чтобы защитить русские интересы в этом регионе, которые противоположны интересам Европы и Америки. Японо-китайскую войну он рассматривал как намерение Японии «явиться в будущем заинтересованным государством по всем вопросам монголо-тибето-китайского Востока в союзе с европейцами и американцами»²⁸.

По его данным, японцы и европейцы, часто выдавая себя за русских, изучают монгольский язык и собирают информацию о стране. Вместе с тем, П.А. Бадмаев предостерегает от военного вмешательства на Дальнем Востоке, «вредного для нашего престижа»²⁹.

По его мнению, Забайкальскому и Приамурскому краям предстоит быть центром, откуда должно осуществляться влияние России. Выполнение этой задачи необходимо поручить «лицам труда и науки», а главным образом, лицам, понимающим традицию русского государства и значение православной церкви. Очень похоже, что Бадмаев видел в этой роли именно себя, как человека способного возглавить это дело. П.А. Бадмаев предлагает Николаю II принять ряд мер: во-первых, поощрять и развивать торговлю, во-вторых, назначать дипломатическими представителями лиц, «знакомых с языком, бытом, нравами и положением монголо-тибето-китайского Востока», в-третьих, изменить характер учебной подготовки дипломатического корпуса. А также учредить должность управляющего этими краями³⁰.

Идея учреждения управляющего краем не была лишена здравого смысла и основания. Создание современного Сибирского федерального округа в какой-то мере является в некотором смысле реализацией этого замысла. Но явно виден и личный интерес П.А. Бадмаева. Это подтверждается конкретными историческими фактами. Историк И.В. Лукоянов пишет: «Суть этого за-

²⁷ Петряев Е.Д. Люди и судьбы. Чита, 1957. С. 85.

²⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРИ). Китайский стол. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 23.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

мысла Бадмаева частично вскрылась в 1896 г., когда управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин совершил поездку по Восточной Сибири. Там он узнал, что в книгу приговоров Агинской степной думы, по требованию Бадмаева, была внесена запись о том, что он является прямым наследником правителей бурят и претендентом на монгольский и тибетский престолы. Убедив соплеменников, что он — царственная особа, близкая «белому царю», Бадмаев развесил в степных думах свой портрет и портрет жены над (!) портретами Николая II и Александры Федоровны и обложил каждую бурятскую семью своеобразной данью, обязав поставить ему по барану или корове. Местные власти практически не препятствовали Бадмаеву и не реагировали на жалобы бурят, опасаясь, по-видимому, его петербургских связей. Куломзин доложил обо всем Николаю II, а книгу приговоров Агинской степной думы представил министру внутренних дел. Вероятно, это нанесло ощутимый удар по репутации Бадмаева, так как он возненавидел Куломзина и в дальнейшем пытался представить его врагом бурятского народа».

Многообразная деятельность П.А. Бадмаева и торгового дома в Монголии, Китае, Тибете нашла свое отражение в Записках и письмах Бадмаева в 1893–1897 гг. к Александру III, Николаю II, С.Ю. Витте. Так, из письма Бадмаева к Николаю II от 26 декабря 1895 г. мы узнаем, что знатные ламы и монастырские князья западной и восточной Монголии, из окрестностей Кукунора и восточной Монголии «сердечно принимают моих посланных, а также приезжают ко мне, посылают своих приближенных с письмами и подарками, все они единодушно молятся о благоденствии вашего величества и почему-то они уверены, что я приехал дать им возможность принять российское подданство». Но не получая никакого положительного ответа, боятся наказания пекинских властей и интересуются поездкой Бадмаева в Пекин.

Подобные настроения были распространены среди определенной части населения соседних с Россией стран, но масштабы оценить довольно затруднительно.

Непосредственным и существенным результатом своей деятельности в регионе П.А. Бадмаев рассматривает значительное увеличение участников Агинской ярмарки до 10 тыс. человек, тогда как обычно бывало 3–4 тыс. В следующем году он надеется увеличить число участников до 30 тыс. чел, пригласив торговый народ всей Монголии и используя возможности газеты и надеясь, что «местные власти не помешают».

Последнее обстоятельство Бадмаев подчеркивает особливо, тем как в течение двух лет высшая местная администрация отнеслась ко мне прямо враждебно. Причины, обстоятельства и подробности не приводятся, о них можно только догадываться.

Невольное вмешательство в функции административных органов края, желание действовать самостоятельно в крае и, наверное, высокомерное отношение к местным чиновникам, его заносчивость являлись причинами враждебного отношения. Видимо, решение некоторых вопросов затягивалось обычной чиновничьей рутинной, что и вызывало недовольство П.А. Бадмаева.

Опорными географическими точками деятельности Торгового Дома в Монголии и Китае являлись Урга, Пекин, Лхаса, Ланьчжоу-фу, а также крупнейшие буддийские центры Лабран и Гумбум. В Урге, отмечается П.А. Бадмаевым, все готово для торговли ранней весной, караванная торговля и перевозки осуществляются на Амуре и в Монголии. Возвратившиеся из Лабрана и

Гумбума буряты, посланные туда Бадмаевым, снова отправились туда, так как восстание дунган затихло.

Продуктивное животноводство, разведение высоко породных коров и лошадей занимало важное место в деятельности торгового дома. Предполагается, что промысловое скотоводное хозяйство будет контролироваться Торговым Домом в Чите и Амурском районе. П.А. Бадмаев считает, что «через четыре года кавалерия и конная артиллерия всего этого района будут обеспечены местной породой лошадей».

Бадмаев по-прежнему продолжает отстаивать свой вариант строительства железной дороги в Китае. Он пытается хлопотать о концессии постройки железной дороги, на частные средства из Пекина в Забайкалье через город Акшу. С другой стороны, Бадмаев доказывает нецелесообразность строительства железной дороги через Маньчжурию: «железнодорожные изыскания по Маньчжурии от Цурухайтуя не оправдываются ни технически, ни политическими соображениями. Поперечно расположенные горные пространства Хингана и его отрогов, пересечение пути реками Нонни-Ула и Сунгари, поперечное направление долин горной площади Гириной провинции, естественно, представят технические затруднения».

В письме П.А. Бадмаева к С.Ю. Витте дана оценка понимания задач и целей России на Дальнем Востоке. Князь Э. Ухтомский и зам. министра финансов Романов полагали, что выделенные деньги (2 млн р.) должны быть израсходованы «исключительно на политическую цель, то есть делать подарки князьям, ламам и другим знатым лицам». Бадмаев имел другое мнение на этот счет. Он видел свою задачу более широко, считал необходимым заниматься экономическим освоением стран данного региона, установлением разнообразных связей с политическими и религиозными деятелями стран Восточной Азии. Он исходил из того, что «людей можно привязать к себе умом, сердцем и знанием, и менее всего деньгами и подарками».

Собственное влияние в регионе он объясняет следующим образом: «Население Забайкалья, Монголии и многие лица, имеющие влияние в Монголии, Китае и Тибете, относятся с любовью ко мне только потому, что мои предки и родня пользовались и пользуются расположением на Востоке, и я лично заслужил любовь и расположение населения и нужных для меня лиц своей полезной для края деятельностью, таким образом, сумма, которая мне была вверена, помогла мне укрепить существовавшую дружбу между мною и населением, хотя и породила чувство зависти в немногих правящих сферах окраины».

В начале 1896 г. П.А. Бадмаев отправляется в Китай, что нашло отражение в описании его путешествия. По данным историка И.В. Лукьянова, в агенты своего Торгового дома он привлек многих известных людей: А.Д. Старцева, Н.И. Гомбоева, сына генерального консула в Урге Я.П. Шишмарева.

Путешественник В.В. Корсаков в книге «В старом Пекине» (1904) довольно иронически описывает деятельность Бадмаева в Китае. По его описанию, Бадмаев въехал в Пекин на тройке в русском тарантасе, сопровождаемый бурятами в ярких халатах и остроконечных шапках. Он купил два дома, посылал своих людей в различные города Китая, отправил единственный караван с китайскими шелками. В целом, В.В. Корсаков оценивал деятельность П.А. Бадмаева в Китае как неудачную.

15 января 1897 г. П.А. Бадмаев пишет подробный доклад Николаю II о своем пребывании в Китае и Монголии. В отличие от предыдущего письма,

он представляет более развернутый отчет, с указанием имен, географических названий, точное число лиц, направленных в то или иное место. Впервые речь идет не просто об организации экспедиционных и торговых отрядах, а именно организации своеобразного вооруженного восстания против маньчжурского правительства.

Как пишет Бадмаев, он «отправил в различные пункты Монголии, Кукунора, Тибета и Китая партии вооруженных бурят и монгол, при чем каждый посланный имел в своем распоряжении сумму денег, верблюдов, лошадей, товары и подарки». П.А. Бадмаевым были отправлены: 20 человек для пребывания в Ланчжоуфу и его окрестностях, 10 человек в Лхасу, 10 человек в верхнюю Монголию, 50 человек в Ургу, а также караваны в Цэцэнхановский аймак, в Долон-нор, Душехоу и Калган, и к ряду ванов: аоханьскому, алашаньскому, харцинскому. В результате поездок посланцев Бадмаева в Монголию и Китай, к нему прибыли влиятельные лица от Цэцэн-хана, от Жонон-бейсе, от Лхабэй-лэ, от долонорского гегена Ганчжирба.

Одновременно с этим приобреталось недвижимое имущество, строились дома и лавки, арендовались земли в Чите, Аге, Акше, Цугане, Урге, Пекине, между Ургой и Калганом, между Ургой и Акшей, между Ургой и Кяхтой, между Вернеудинском и Читой.

Таким образом, расширялась география деятельности Торгового Дома, расширялась и сфера его деятельности. Подготовив почву и проводников, затем Бадмаев сам отправился по всем этим маршрутам для личного знакомства с положением дел и установлением контактов на месте.

С 1894 г. деятельность торгового дома «П.А. Бадмаев и К^о» распространилась и на Монголию. В монгольской столице — Урге, в районе российского консульства торговому дому был отведен большой земельный участок, предназначенный для строительства магазина, жилых домов и складских помещений. И вскоре действительно начал работать магазин с русскими товарами, а представители торгового дома начали закупать скот в монгольских хошунах. Из донесения Консула в Урге В. Люба мы узнаем, что «звезда Бадмаева только что восходила и в Монголии, и там и здесь имя его было окружено ореолом загадочной личности, на которую нашим правительством возложена, будто бы, таинственная политическая линия»³¹. По заключению Консула, деятельность Бадмаева и его служащих проходила с большой шумихой и рекламой, намеренно распускались слухи о несметных богатствах торгового дома, о близком родстве Белого царя с Бадмаевым. «Буряты, при упоминании имени Бадмаева, понижали голос и делали непроницаемые лица, с разных сторон доходили сюда и передавались — под большим секретом — слухи о миллионах, доверенных Бадмаеву петербургскими сановниками»³².

Довольно странным для торгового предприятия был и подбор служащих фирмы. В числе его работников был значителен процент офицеров или бывших офицеров петербургских полков, что еще раз подтверждало особенный характер предприятия, было ясно, что «торговыми делами маскируются задачи совсем иного свойства»³³. Особая миссия торгового дома подтверждалась

³¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРИ). Китайский стол. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 23.

³² Там же.

³³ Там же.

также тем, что Бадмаев и его служащие имели право непосредственных контактов с монгольскими и китайскими властями.

Кяхтинская газета «Байкал» в августе 1897 г., оценивая характер торговых операций Бадмаева, писала: «Операции эти, с коммерческой и деловой точки зрения, представляющие много загадочного, отличаются многочисленностью и крайним разнообразием. Чего тут только не было: сельскохозяйственные фермы, мануфактурная и бакалейная торговля, мясная торговля, типография, газета, ресторан, гостиница и т.д.»³⁴ Однако, размер торговли в Ургинской лавке, газета оценивала как «весьма скромный». В 1896 г. Торговым Домом было получено в Урге мануфактурных товаров на 18 тыс. рублей, посуды иркутской фабрики Перевалова на 602 р. и железа 337 пудов на 2,6 тыс. р.³⁵ Кроме того, торговый дом П.А. Бадмаева организовал почтовые станции между Кяхтой и Ургой, которые просуществовали один год. Непродолжительное время осуществлялись и закупки скота в монгольских хошунах.

По мнению уже упоминавшегося консула В. Люба, «Торговый дом превратился в своего рода сборище лиц, не знакомых с условиями торговли в Монголии и не имевших даже желания ознакомиться с местными обычаями, порядками и проч.»³⁶

Имеются архивные данные о том, что торговый дом раздирали и внутренние противоречия, возникали конфликты между его сотрудниками. Осложнились отношения Бадмаева с Б. Рабдановым, сотрудником торгового дома и редактором — издателем газеты «Жизнь на Восточной окраине», о котором Бадмаев в 1904 г. писал: «Будда Рабданов служил у меня 2,5 года, делал долги, доставлял неверные сведения, выгодные для его личных интересов»³⁷.

В. Люба сообщал в Петербург о конфликте из-за места доверенного лица торгового дома в Урге, на должность которого претендовали его представители: Очиров и Перфильев. Такую ситуацию, консул оценивал, как «совершенно во вкусе и характере г. Бадмаева»³⁸.

Известный российский дипломат Иван Яковлевич Коростовец так оценивал деятельность Бадмаева в Монголии: «Бадмаев проектировал устройство торговых агентур, аренду земель для русских переселенцев, издание монгольской газеты и т.п. Однако, все эти затеи свелись к покупке на имя самого Бадмаева нескольких участков земли и к устройству мелочной торговли. Деятельность Бадмаева не только не способствовала распространению русского влияния, но, скорее, наоборот. Он имел неосторожность затронуть религиозный вопрос, чем вызвал раздражение наших бурят, увидевших в его планах русификации покушение на их самобытность»³⁹.

Естественно, поэтому очень скоро стала ясна экономическая несостоятельность Торгового Дома, и наступило его банкротство. В 1897 г. «Торговый Дом П.А. Бадмаев и К^о» прекратил свою бурную деятельность, но полностью и официально был закрыт только в 1905 г. Давая общую характеристику этому предприятию, консул в Урге писал в Записке Посланнику в Пекине: «Не понадобилось бы большого таланта, ни серьезного труда, чтобы охарактеризовать

³⁴ Байкал. 1897. 31 авг.

³⁵ Там же.

³⁶ АВПРИ. Китайский стол. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 520.

³⁷ Там же. Л. 12.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Коростовец И.Я. От Чингис-хана до Советской республики. Улан-Батор, 2004. С. 242.

это неудавшееся предприятие, задавшееся, якобы, целью: создать на русские деньги политическое и торговое движение между двумя народностями и открывшее здесь действия с прославления своего главы путем распространения среди населения слухов о близком родстве с Белым царем, несметных его богатствах, об участии именитых русских людей в деятельности торгового дома и т.д. Постройка вышеупомянутых станций и домов, крайне неудачная, в течение двух лет, гоньба русских почт между Кяхтой и Калганом и, наконец, жалкая торговля с совершенно неподходящим выбором товаров и в неумелых руках — вот все, к чему свелось в Монголии и на чем оборвалась деятельность этого столь шумевшего в свое время предприятия»⁴⁰.

Почему именно в 1896 году резко обрывается активная деятельность Бадмаева в Забайкалье, Монголии и Китае? Многочисленные отряды Бадмаева были направлены во все значительные, узловые пункты соседних стран. Так, были отправлены две группы на юг Китая, планировалась отправка еще нескольких подобных групп. Из записок Бадмаева мы узнаем, что продолжение экспедиции стало невозможным из-за отсутствия средств.

В декабре 1896 — январе 1897 г. Бадмаев ведет интенсивные переговоры с министром финансов и его заместителем, подключает к ним князя Э.Э. Ухтомского, пишет Записки Николаю Второму. Он просит для продолжения дела еще два миллиона рублей. Он пишет: «Мне удалось подготовить почву, заручиться симпатией населения, как окраины, так и Монголии и Кукунора и убедиться лично, что влияние России на монголо-кукунорском Востоке обеспечено и что теперь нужно обеспечить наше влияние на тибетском и китайском Востоке. С этой целью я решился, испросив новую ссуду, сам побывать с подготовленными проводниками на всех важных пунктах Монголии, Кукунора, Китая и Тибета. Ныне должен был бы ехать в Пекин, а оттуда через Кукунор в Тибет».

Из текста записок видно, что его чрезвычайно беспокоит прекращение дела, которому он отдал «весь свой ум, все мое сердце и все мои познания, и тем самым заставите меня краснеть перед различными лицами на Востоке, которых, так сказать, я подготовлял верить мне, моим действиям и словам и тем самым укрепляться в вере в Россию и белого царя?».

Почему было прекращено финансирование? Нам представляется, что это было связано с серьезными международными событиями в регионе. Поражение Китая в японо-китайской войне 1895–1896 гг. привели к территориальным притязаниям Японии. При заключении мирного договора японцы выговорили себе приобретение всего Ляодунского полуострова. Россию совершенно не устраивало усиление Японии на материке, поэтому прилагались дипломатические усилия, чтобы не допустить нарушения территориальной неприкосновенности Китая. Согласно Симоносекскому договору Япония получала контрибуцию вместо китайской территории. Кроме того, строительство Великого Сибирского железнодорожного пути подошло к Забайкалью и встал вопрос о его продвижении на Восток (через Маньчжурию или российскому Дальнему Востоку). С.Ю. Витте был сторонником строительства ее через Китай, как более рациональному и короткому пути к Владивостоку. В Россию на коронацию Николая Второго с официальным визитом приезжает влиятельный представитель Китая Ли Хунчжан. С ним встречается князь Э. Ухтомский, министр иностранных дел России Лобанов-Ростовский, С.Ю. Витте, император Нико-

⁴⁰ АВПРИ. Китайский стол. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 17.

лай Второй. В результате подписывается секретный договор России с Китаем, согласно которому разрешается строительство железной дороги от Читы до Владивостока напрямую через Маньчжурию. Поэтому вариант Бадмаева: строительство железной дороги через Монголию на Пекин полностью отпал. Финансировать два проекта одновременно Россия не могла, избиралась реализация наиболее важного из них.

Опыт практической деятельности Бадмаева в 1895–1896 гг. в Монголии и Китае получил негативную оценку, как в России, так и на Востоке. У него сложились негативные взаимоотношения с местной сибирской администрацией, он высокомерно и амбициозно вел себя в Урге и Пекине, поэтому в дипломатических донесениях в Петербург получил нелестные для него характеристики. Как писал в воспоминаниях С.Ю. Витте, Бадмаев вел себя в Монголии и Китае «так неудобно и двусмысленно». Видимо, таинственность деятельности Торгового Дома, высокая степень активности, ведшая иногда к вмешательству во внутренние дела соседних стран, злоупотребление именем Белого царя, недобросовестность в коммерческих делах и финансовые злоупотребления.

Таким образом, смерть российского императора Александра III, выделившего деньги на создание торгового дома, решение российского правительства о строительстве железной дороги через Маньчжурию, некоторые внутренние трудности в деятельности торгового дома и привели к прекращению финансирования дела П.А. Бадмаева. Решающим фактором, конечно, являлось решение строить железную дорогу другим маршрутом, а не тем которым предлагал доктор тибетской медицины.

В Архиве Внешней политики Российской империи сохранилась обширная переписка между консульством в Урге, Посольством в Пекине и МИД России и Министерством финансов о судьбе земельных участков в Урге и Пекине и построек на них, принадлежащих торговому дому. Согласно этим документам, Министерству финансов России не удалось вернуть имущество и земельные участки, принадлежащие Торговому Дому в Урге и Пекине, не обратив это имущество на покрытие части долга. В письме Министра финансов к министру иностранных дел А.П. Извольскому от 12 мая 1906 г. сообщается, что «пришедшие было временно в расстройство дела торгового дома, ныне приводятся в порядок и вскоре фирма эта надеется вновь открыть свою деятельность, при этом им будет практически использовано и недвижимое имущество, находящееся в Урге и Пекине. Вместе с тем, П.А. Бадмаев объяснил, что права торгового дома на участок в Урге основываются не только на факте отвода этого участка консульством, но и на документах, исходящих от китайских властей»⁴¹.

По поводу обращения недвижимого имущества на удовлетворение претензий Государственного Банка, Бадмаев «не признал возможным добровольно согласиться на это, так как ссуда была выдана Государственным Банком по высочайшему повелению на осуществление особой Высочайше возложенной на торговый дом задачи, осуществление которой не только не дало Дому каких-либо выгод, но принесло одни убытки»⁴².

Именно по этой причине, осуществление взыскания судебным порядком не представляется возможным. «По вопросу о взыскании с Торгового

⁴¹ АВПРИ. Китайский стол. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 20.

⁴² Там же.

дома П.А. Бадмаев и К^о ссуды, выданной ему по Высочайшему повелению Государственным Банком, моим предшественником т.с. Шиповым были испрошены в декабре Тайным Советом минувшего года. Высочайшие указания, причем его величеству благоугодно было Высочайше повелеть на взыскании не настаивать»⁴³.

Таким образом, становится ясным, что еще в декабре 1905 г. Николай II принял решение не взыскивать выданные ранее по его же решению ссуды Торговому дому Бадмаева. В данном случае, царь не хотел широкой огласки и большого скандала, чтобы оградить свое имя от нападок. Главное здесь было не в защите Бадмаева, а самого себя, от совершенной ранее ошибки, с выдачей миллионных кредитов. Есть документальные свидетельства, что в 1904 г. отношения между Николаем II и П.А. Бадмаевым испортились. Так, в начале 1904 г. Бадмаев представил «Записку» о тибетских делах и просил об аудиенции. На ней царь начертил: «К сожалению, я больше не доверяю словам Бадмаева». Царское село, 2 января 1904 г.» Очень важное и серьезное заявление, но что за ним стоит? Только ли крах монгольской авантюры? Или что-то еще, неизвестное нам?

Предположение Т.И. Грековой о том, что Николай Второй после аудиенции с Бадмаевым простил его, представляются нам неубедительными. Действительно, существуют записи в дневнике императора: «Бадмаев, бурят, крестник папа, был у меня, много занимательного рассказывал он о своей поездке по Монголии» (24 февраля 1895 г.), «После завтрака имел продолжительный разговор с Бадмаевым о делах Монголии, куда он едет. Много занимательного и увлекательного в том, что он говорит» (26 марта 1895 г.). Обратим внимание на даты. Встречи происходили в разгар событий в Забайкалье, когда дела еще шли успешно. Кризис будет позднее. Т.И. Грекова сначала пишет о событиях 1897–1898 гг., а затем о событиях 1895 г., нарушая логику изложения материала.

Министр иностранных дел России граф Ламсдорф, получив записку с такой категорической резолюцией, вынужден был отказать Бадмаеву во встрече: «в виду большого количества дел, вызываемых происходящими ныне политическими событиями, я к величайшему сожалению, лишен возможности принять Вас и выслушать»⁴⁴. Этот ответ датирован 3 января 1904 г., а уже 5 января П.А. Бадмаев направляет аналогичное письмо и Записку о Тибете В.Н. Коковцеву⁴⁵ — министру финансов. Он просит о встрече, на которой он мог бы яснее и подробнее изложить свои соображения. Он пишет, что «посредничество Агвана (Агвана Доржиева) и Будды Рабданова между Вами и Тибетом меня очень тревожит»⁴⁶. Речь идет о посреднической миссии крупного религиозного деятеля Агвана Доржиева, направленного тибетским Далай-ламой в надежде на помощь и покровительство России.

Видимо, его действительно тревожило, что тибетские дела решались без его непосредственного участия и он ревниво к этому относился. Он считал себя ключевой фигурой, знатоком тибетских политических дел, подчеркивал второстепенную роль в этом А. Доржиева и Б. Рабданова, обладавших к тому же, по его мнению, личными недостатками. По нашему мнению, Бадмаев явно

⁴³ АВПРИ. Китайский стол. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 21.

⁴⁴ Там же. Л. 14.

⁴⁵ Коковцев В.Н. — Председатель Совета министров (1911–1914).

⁴⁶ АВПРИ. Китайский стол. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 11.

преувеличивает собственную значимость в тибетских делах и занижает роль Агвана Доржиева, являвшегося не только учителем, но и личным посланником Далай-ламы, а также влиятельным и информированным политиком. Правда, известны примеры и другого отношения к Агвану Доржиеву. Так, П.А. Бадмаев ставил перед российским правительством вопрос о награждении А. Доржиева за развитие русско-тибетских связей. Имеются факты совместных действий. По их обоюдному согласию и предложению Буда Рабданов был направлен в Восточный Тибет для изучения вопроса об открытии русского консульства в г. Данцзянлу и развитие там русской торговли.

В последующие годы Бадмаев, отказавшись от фантастического плана присоединения стран Дальнего Востока, сосредоточил свое внимание на экономическом освоении Забайкалья. В 1908–1909 гг. он организует «Первое Забайкальское горнопромышленное товарищество» с целью разработки цветных металлов и золота. Товарищество имело концессии на четыре месторождения золота, три месторождения медной руды, три сурьмяной руды, две оловянной руды, по одному месторождению слюды и молибденовой руды. В учреждении этого предприятия, кроме Бадмаева, его сына, двух коммерсантов принимал участие великий князь Борис Владимирович — двоюродный брат Николая II. Считая это предприятие важным для обороны, они обратились к военному министру Сухомлинову с просьбой о выдаче 5 млн р. кредита.

В 1911 г. в связи с завоеванием Монголией национальной независимости, П.А. Бадмаев вновь выступил с проектом строительства железных дорог в Монголии, планировалось соединить их с железными дорогами России и Китая. Этим строительством он предполагал опередить здесь европейский капитал и начать эксплуатацию горных богатств Монголии. К практической реализации этих проектов он пытался перейти в 1916 г. вместе с генералом Курловым.

Характеризуя предпринимательскую деятельность Бадмаева этого периода, историк А.Я. Аврех писал: «В 1908–1909, 1911 и 1916 гг. он пытался осуществить еще несколько грандиозных проектов в Забайкалье и Монголии (добыча золота в Забайкалье, железнодорожное строительство в Монголии, но все это оказалось блефом»⁴⁷.

Основными причинами неудачи восточного проекта П.А. Бадмаева являлись, по нашему мнению, следующие обстоятельства. Во-первых, направление проекта железнодорожного строительства в Китае разошлось с официальным направлением строительства железной дороги через Маньчжурию в 1896 году. Во-вторых, осуществление проекта П.А. Бадмаева осуществлялось в строгой тайне от официальных властей сибирского региона, что вызывало их неприятие и недовольство. Неумение П.А. Бадмаева найти вариант разумного сотрудничества с ними явно вредил делу.

В-третьих, подбор кадров также вызывал вопросы. Осуществление кадровой политики торгового дома постоянно вызывала нарекания, возникало множество нареканий и проблем проблемы невыполнения обещаний по оплате работы сотрудников. В-четвертых, противоречивая позиция П.А. Бадмаева в религиозном вопросе вызывала непонимание, как православных священников, так и буддийских лам. Он оказался в ситуации: «свой среди чужих, чужой среди своих».

Таким образом, предпринимательская деятельность П.А. Бадмаева оказалась неудачной. Несмотря на обширность планов и кипучую деятельность,

⁴⁷ АВПРИ. Китайский стол. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 12.

ему не удалось их реализовать в полном объеме. Проект присоединения к России Монголии, Китая и Тибета, разработанный П.А. Бадмаевым, оказался мифом. Ложной оказалась и исходная посылка врача тибетской медицины о готовности жителей Китая к переходу под управление другого народа. Совершенно неудачной оказалась и организационная сторона предпринятого дела, не соответствовал выполнению поставленной задачи и состав служащих. К сожалению, некоторые важные обстоятельства данного восточного проекта П.А. Бадмаева до сих пор остаются не ясными. Возможно, что со временем все же будут обнаружены новые архивные свидетельства, которые прояснят общую картину.

5.2. П.А. Бадмаев и «тибетский вопрос»: Агван Доржиев и Гомбожаб Цыбиков

Интерес П.А. Бадмаева к Тибету определялся изучением тибетской медицины, поиском новых медицинских источников и уточнением состава медицинских препаратов. Его внешнеполитическая концепция значительное место уделяла «тибетскому вопросу», как своеобразному ключу к центру буддийского мира⁴⁸. В проблеме отношения П.А. Бадмаева к «тибетскому вопросу» пока много неясного и неизвестного. Его биография плотно пересекается с ключевыми фигурами русско-тибетских связей: А. Доржиевым, Г. Цыбиковым, Б. Рабдановым, Э.Э. Ухтомским.

П.А. Бадмаев и А. Доржиев, как это ни странно покажется на первый взгляд, некоторым образом внешне их биографии схожи. Они земляки — забайкальские буряты, А. Доржиев — галзутского рода (родился в 1854 г.), другой — рода хаоцай (1851). П.А. Бадмаев достиг блестящей карьеры в столице Российской империи, стал действительным статским советником и влиятельным политиком, А. Доржиев — Тибете, в Лхасе. Оба стремились установить более тесные отношения между Россией и Тибетом, подходы их в данной проблеме существенно различались. Многое их отличает: А. Доржиев стремился к моральному и нравственному совершенствованию, П.А. Бадмаев — к материальному успеху и служебной карьере.

Во второй половине XIX — начале XX в. Тибет манил к себе буддистов, путешественников и военных разведчиков. Закрытость Тибета, его не изученность и неизвестность еще больше разжигали интерес к этой таинственной стране, ее народу, культуре и обычаям. Буддийские монастыри Тибета и Лхасы — резиденцию Далай-ламы ежегодно посещали тысячи религиозных паломников, часть из них подолгу задерживались здесь, получая религиозное образование и совершая различные обряды. Среди них были и паломники из России — бурятские и калмыцкие ламаисты. Здесь они не только присутствовали на религиозных праздниках, но и приобретали священные буддийские книги, трактаты по философии и медицине.

Привлекал к себе Тибет и географов и путешественников, манил своей неизведанностью и «белыми пятнами» географии и геологии страны. Их не пугали трудности пути, многомесячные преодоления горных хребтов и пустынь. Известные русские путешественники Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, П.К. Козлов основательно исследовали северный Тибет, мечтали побывать в

⁴⁸ Кузьмин Ю.В. Восточные проекты доктора П.А. Бадмаева. Иркутск, 2006. С. 73–82.

Лхасе, особенно Пржевальский и Козлов. Успешное путешествие в Тибет совершил известный бурятский ученый Г.Ц. Цыбиков.

П.А. Бадмаев был сторонником расширения влияния России в Восточной Азии, он разработал и пытался реализовать невероятный план по включению Китая, Тибета и Монголии в сферу влияния России, вплоть до полного включения этих стран в состав Российской империи. Бадмаев обращает особое внимание на Тибет, называя его ключом к Азии со стороны Индии: «Кто будет господствовать над Тибетом, тот будет господствовать и над Кукунором — господствует над всем буддийским миром, не исключая и русских буддистов, а господствуя над Сы-чу-анью — господствует над всем Китаем»⁴⁹.

П.А. Бадмаев выступал за более активную роль России в «тибетском вопросе», чем занимала официальная позиция МИДа. Он считал, что Великобритания стремится овладеть Тибетом и Китаем, поэтому Россия должна не допустить этого и упредить действия конкурирующей стороны.

Российские дипломаты внимательно следили за сообщениями в Тибете и вокруг него. Ценную информацию о «тибетском вопросе» представили Агван Доржиев, Г.Ц. Цыбиков, Б. Барадин, калмык О. Норзунов, побывавшие в Тибете. Великобритания подозревала Россию в намерении в той или иной форме распространить свое влияние на Тибет. Тем более, что в самом Тибете существовала прорусская партия, связывавшая национальное возрождение страны с внешнеполитической поддержкой России. Однако эти надежды не оправдались. Особенно это ярко проявилось в 1904 г., когда Далай-лама бежал в Монголию и искал реальной поддержки со стороны России. Российская дипломатия заняла выжидательную позицию в «тибетском вопросе».

В России были влиятельные политики, заинтересованные в усилении влияния России в Тибете (С.Ю. Витте, Э.Э. Ухтомский, представители военного ведомства). К ним примыкал и П.А. Бадмаев. Агван Доржиев четыре раза (1898, 1900, 1901, 1906)⁵⁰, встречался с царем Николаем II и передавал ему послания Далай-ламы. По мнению А.Д. Цендиной, «в серьезном, практическом смысле основательного присутствия России в Тибете, тем более, военного, не прорабатывались, а в 1905 г. и вовсе были оставлены»⁵¹.

Позиция П.А. Бадмаева принципиально отличалась от официальной линии МИДа. В одной из записок 1893 г. он писал: «Тибет надо присоединить к России вместе с Китаем и Монголией»⁵². Он считал, что Тибет, как самое высокое плоскогорье в Азии, господствующее над азиатским материком, непременно должно находиться в руках России.

Доктор исторических наук, современный специалист по истории русско-тибетских отношений Н.С. Кулешов утверждает, что в исторической литературе утвердился ошибочный тезис об англо-русском соперничестве в Тибете. По его мнению, нет ни одного свидетельства об экспансии, агрессии или хотя бы заинтересованности России в Тибете. Интерес к Тибету в России, разумеется, имелся.

Постоянный и глубокий интерес Бадмаева к тибетской медицине объективно толкал его в Тибет, в знаменитые тибетские монастыри — хранилища древних медицинских трактатов и прежде всего полного текста «Чжуд-ши».

⁴⁹ Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). С. 132.

⁵⁰ Цендина А.Д. И страна называется Тибетом. М., 2002. С. 199.

⁵¹ Там же. С. 200.

⁵² Бадмаев П.А. За кулисами царизма. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2001.

Перевод медицинских сочинений с тибетского языка на русский осуществлялся, по свидетельству современников, многоступенчатым путем: с тибетского на монгольский, с последнего на бурятский и только затем на русский. Возникает естественный вопрос, почему Бадмаев сам не переводил с тибетского и монгольского языков. Как выпускник восточного факультета, Бадмаев должен был хорошо владеть китайским, тибетским, монгольским языками. Однако на практике он обращался к переводчикам.

Известно, что подавляющее большинство известных общественных деятелей и ученых, изучающих Тибет, так или иначе, было связано с П.А. Бадмаевым. Это А. Доржиев, Г.Ц. Цыбиков, Б. Барадин, Б. Рабданов.

Бадмаев определил востоковедную специализацию Г.Цыбикова и нацелил его на изучение Монголии, Китая и Тибета и в какой-то мере определил знаменитую тибетскую экспедицию. П.А. Бадмаев встретил своего молодого земляка Г. Цыбикова уже студентом Томского университета, изучающим медицину. Это был 1893 г. — начало нового этапа в деятельности П. Бадмаева. Время активного освоения и проникновения в соседние с Россией восточные страны, формирования собственного торгового дома, ориентированного на Китай, Монголию и Тибет. Бадмаев остро нуждался в профессионалах, знающих эти страны. Ему были нужны не просто профессионалы высокого класса, но и люди, которым он мог бы полностью доверять важную информацию и свои практические дела.

Мотивы смены Г. Цыбиковым будущей профессии врача на востоковеда в разных изданиях объясняются по-разному. Одни считают, что Г. Цыбиков разочаровался в медицине, согласно другим данным, он был вынужден отказаться от учебы на медицинском факультете Томского университета по желанию отца и родственников. Автор биографического очерка Ц.Б. Цыдендамбаев в двухтомнике сочинений Г. Цыбикова пишет, что «в этом немаловажную роль сыграл и известный царедворец П.А. Бадмаев, который, будучи проездом в Томске, посоветовал Г.Ц. Цыбикову расстаться с медицинским факультетом, что отвечало желанию самого юного Цыбикова, и посвятить себя востоковедению и дипломатической деятельности на Востоке»⁵³.

По нашему мнению, представляется, что предложения Бадмаева сыграли решающую роль в смене профессии. С одной стороны, Бадмаев был чрезвычайно заинтересован в подготовленных специалистах по Востоку и людей, которым можно доверить информацию не для всех. Ведь не случайно Бадмаев специально заехал в Томск, чтобы переговорить с земляком. С другой стороны, перед Г. Цыбиковым предстал преуспевающий П.А. Бадмаев, как пример возможного успеха в Петербурге. Для молодого человека, избравшего жизненный путь и обучение, блистательная карьера Бадмаева в Петербурге являлись убедительным аргументом.

В дальнейшем их сотрудничество продолжается и укрепляется. После ухода из Томского университета Г. Цыбиков около года проводит в Урге, где занимается изучением монгольского и тибетского языков, бытовой и религиозной культуры ламаистского духовенства. Он совершает путешествие в Западную Монголию, исследовал все имеющиеся в регионе древности и монастыри, сохранился дневник описания этого путешествия. Видимо, деньги на годичное пребывание в Монголии были получены от П.А. Бадмаева. Писатель Б. Гусев

⁵³ Цыдендамбаев Ц.Б. Биографический очерк // Цыбиков Г.Ц. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. Новосибирск, 1991. С. 7.

называет сумму в 100 р., выделенную для поездки. Это была своеобразная стажировка перед поступлением в университет, полезная и необходимая для более глубокого познания восточного общества. Опубликован дневник этой поездки, к сожалению, не сохранились первые страницы дневника, в которых объяснялись цели поездки.

В дальнейшем их отношения продолжались самым непосредственным образом. В 1895 г. Г. Цыбиков поступает на китайско-монголо-маньчжурское отделение Петербургского университета, и не просто становится студентом этого престижного университета, а получает стипендию П.А. Бадмаева. Сам переживший трудности в начальный период получения высшего образования в Петербурге, П.А. Бадмаев оказал в нужное время необходимую поддержку. К сожалению, неизвестно, сколько всего стипендий выделил Бадмаев и кто еще пользовался ими. Позднее, за отказ принять христианство, Г. Цыбикову было отказано в материальной поддержке, и он был вынужден обратиться за финансовой помощью к родственникам. Открытым остается вопрос, как разрешался этот конфликт. Легко или тяжело разрешалась данная ситуация? Был ли это разрыв навсегда, или постепенно испорченные отношения возобновились позднее снова. Положение складывалось очень неоднозначное.

П.А. Бадмаев очень удачно определил творческую судьбу своего земляка, нацелив его на серьезное изучение Монголии, Китая и Тибета. Это направление, этот толчок привели его к знаменитой тибетской экспедиции 1899–1902 гг., результаты которой навсегда обессмертили его имя. Даже разойдясь с П.А. Бадмаевым, Г. Цыбиков объективно выполнил задачу — изучение Тибета, в которой доктор тибетской медицины был чрезвычайно заинтересован. Было бы интересно знать, как П. Бадмаев воспринял результаты экспедиции Г. Цыбикова, встречались ли они друг с другом и что обсуждали. Не исключается, что экспедиция Г.Ц. Цыбикова — часть проекта П.А. Бадмаева. Этот вопрос нуждается, по нашему мнению, в специальном изучении.

Отказ Г. Цыбикова от принятия христианства во всех отношениях оказался разумным и перспективно оправданным. Путешествие, принявшего православное крещение Г. Цыбикова, в закрытую Лхасу было бы невозможным и опасным. Нам представляется, что здесь кроется еще одна тайна, загадка в жизни П.А. Бадмаева. Возможно, отказ от принятия крещения был глубоко продуманный шаг Г. Цыбикова и П.А. Бадмаева (?). Возможно, это только наши предположения, не имеющие реального подтверждения.

По данным профессора Ж.Т. Тумунова из Агинского, П.А. Бадмаев и Г.Ц. Цыбиков были близкими родственниками. Мать П.А. Бадмаева — Монтуханова Пагма была сестрой Монтуева Цыбик, отца профессора Г.Ц. Цыбикова. Поэтому не случайно, в Иркутск молодого Жамсрана сопровождал отец Цыбикова, а П.А. Бадмаев оказал помощь и поддержку студенту Г.Ц. Цыбикову.

Другой ученик гимназии Бадмаева на Поклонной — Б. Барадин совершил путешествие в северный Тибет и составил подробное его описание. Редактор его газеты Б. Рабданов также совершил путешествие в монастыри северного Тибета.

Деятельность торгового дома П.А. Бадмаева распространилась и на Тибет. Опорными географическими точками торгового дома являлись, наряду с другими восточными городами, Лхаса, буддийские монастыри Лабран и Гумбум. Именно туда Бадмаевым направлялись его бурятские посланцы. Агенты П.А. Бадмаева в 1895 г. побывали в Тибете, встречались с А. Доржиевым. Похо-

же, что П.А. Бадмаев неплохо был осведомлен о внутренних и международных делах Тибета. Ведь именно в этом году Далай-лама становится правителем Тибета и позиции А.Доржиева довольно серьезно укрепляются.

Возникает естественный вопрос, насколько инициатива П. Бадмаева была самостоятельной. Скорее всего, она была согласована на самом высоком уровне и возможно когда-нибудь будут обнаружены и документы, подтверждающие это.

Как известно, наибольшим влиянием в Монголии, Китае и Тибете пользовались известные ламы: настоятели крупных буддийских монастырей, гегены, хубилганы. Их влияние на местное население, значение в политической и общественной жизни трудно переоценить.

В Забайкалье к П.А. Бадмаеву прибыли известные в буддийском мире гегены: гумбумский — Сертун и лабранский — Жамбасен, сопровождаемые свитой. Они прожили у него 10 дней, высказали свои взгляды на маньчжурскую династию, исламское движение близ Кукунора. Бадмаев пишет: «Я отнесся к ним с доверием и решился воспользоваться их знанием для выполнения своего плана. Сделал им подарки, наградил их слуг, дал в полное их распоряжение верблюдов, лошадей, оружия, патронов и сумму денег для приобретения небольшого недвижимого имущества в Гумбуме и Лабране, которые должны сделаться складными местами для оружия и местонахождения моих посланных»⁵⁴.

Гумбум и Лабран — это не только известные монастыри, но и ближайшие и удобные пункты влияния на Ланжоуфу.

Среди знаменитых лам выделялся геген Лабрана Няндоксен, который пользуется известностью по всей Монголии, а также у пекинских буддистов. Он пробыл в Забайкалье полгода, дал ценные сведения о положении дел в Кукуноре и Ланжоуфу, обещал в будущем поддержку влиятельных лам из Лабрана и Гумбума.

В Записке П.А. Бадмаева отмечается и успешная деятельность в Тибете Агвана Доржиева: «В Лхасе у Далай-ламы продолжает иметь влияние бурятский лама Агван, благодаря чему бурятам дозволено проживать там и ездить в Тибет, именуясь подданными белого царя, а ранее они приезжали туда под именем монголов, подданных богдохана»⁵⁵. Историк И.В. Лукоянов на основе архивных материалов пишет: «Доржиев опекал представителя Бадмаева бурята Очира Жигмитова, когда тот нелегально прибыл в Лхасу. Доржиев не был агентом Бадмаева, но поддерживал с ним контакты»⁵⁶.

В.П. Семенников во вступительной статье «Тибетский врач и русская монархия» сборника «За кулисами царизма» писал по этому поводу следующее: «22 апреля 1896 г. Бадмаев сообщал Витте о возвращении из Лхасы посланных туда бурят Жигмитова, Ванчинова и других. Основываясь на словах этих лиц, Бадмаев писал Витте о военных действиях в Тибете англичан, при чем, высказывал мнение, что «очевидно, Англия желает взять Тибет»... Вместе с тем Бадмаев подчеркивал, что — по словам Жигмитова, — «в Тибете на каждом шагу золотые россыпи». Отсюда вытекал и вывод, что «следует теперь же послать туда (в Тибет) 2 000 человек, хорошо вооруженных, и помочь тибетцам удер-

⁵⁴ Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). С. 105.

⁵⁵ Там же. С. 98.

⁵⁶ Лукоянов И.В. Восточная политика России и П.А.Бадмаев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 74.

жаться. Представляя об этом Николаю, Витте писал: «Приемлю долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что установлению через посредство торгового дома «П.А. Бадмаев и К^о» сношений с столицей Тибета Лхасой я, с своей стороны придаю огромное политическое значение. До сих пор в Лхасу, насколько мне известно, еще не проникала нога европейцев. Смелый и мужественный Пржевальский, пересекший Китай по всевозможным направлениям и не знавший никаких преград своей энергии, должен был отказаться от давно лелеянной им мысли проникнуть в Лхасу, так как встретил настойчивое противодействие со стороны местных властей. Ныне же посланные Бадмаевым буряты, хотя открыто именовали себя русскими подданными, проникли в Лхасу и были там очень ласково приняты»⁵⁷. С.Ю. Витте исторически не точен относительно первых европейцев, а также нам кажется сомнительным, чтобы буряты открыто заявляли о российском происхождении и целях своего путешествия. Миссия эта была явно тайной и проходила широкой без огласки.

П.А. Бадмаев обращался к официальным представителям России о награждении А. Доржиева. История взаимоотношений Петра Бадмаева и Агвана Доржиева почти неизвестна, не подтверждается пока документальными материалами. Но заслуживает специального изучения и позволит по-новому осветить историю русско-тибетских отношений. Их биографии несколько схожи, они цельны и целеустремлены, последовательны в своих действиях и поступках, для них характерно стремление к совершенствованию. Правда, А. Доржиев делал карьеру в религиозной иерархии, а П.А. Бадмаев — в светской.

Сохранилась фотография, сделанная в Петербурге, на которой изображена группа известных бурятских деятелей. В центре фото изображен Агван Доржиев, а рядом с ним, с одной стороны, П.А. Бадмаев, с другой стороны, Ц. Жамцарано. Представляется, что это не случайно, а свидетельство определенной близости отношений и взаимной симпатии.

В автобиографическом повествовании Агвана Доржиева «Предание о кругосветном путешествии» или повествование о жизни Агвана Доржиева» перед его поездкой в Петербург отмечается: «Я получил известия от одного бурятского высокопоставленного лица о том, что я должен ехать в Санкт-Петербург, в связи с чем, я подумал: «Цели, к которым я стремился ранее, могут быть достигнуты сейчас»⁵⁸. По нашему мнению, речь в данном случае идет именно о П.А. Бадмаеве («одно бурятское высокопоставленное лицо»).

С другой стороны, опубликованный сборник архивных документов в 2005 г. «Россия и Тибет. 1900–1914» не подтверждает участия П.А. Бадмаева в тибетских делах. Ни в одном из опубликованных документах имя Бадмаева не упоминается. Правда, пик его деятельности по тибетскому вопросу относится к более раннему периоду, к концу девятнадцатого века. Тем не менее, составители сборника документов во введении подробно останавливаются на роли П.А. Бадмаева в тибетском вопросе, описывая на двух страницах его деятельность⁵⁹. Некоторые оценки составителей представляют для нас несомненный интерес: «Из этого доклада видно, что Витте не ставил вопроса о присоединении Тибета к России (чего добивался Бадмаев), а лишь стремился противо-

⁵⁷ Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). С. XXIII.

⁵⁸ Предание о кругосветном путешествии или повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ, 1994. С. 16.

⁵⁹ Россия и Тибет. 1900–1914. М., 2005. С. 14–15.

стоять усилию британских позиций в Лхасе. После подписания в 1896 г. по инициативе С.Ю. Витте контракта на строительство КВЖД, предприятие Бадмаева стало мешать планам министра финансов, так как могло обострить русско-китайские отношения и создать конкуренцию. Бадмаев был фактически отстранен от участия в дальневосточных предприятиях Витте. В начале 1898 г. в российской правящей элите оформляется уже новая группировка — так называемая «безобразовская клика», по имени А.М. Безобразова, дослужившего впоследствии до должности статс-секретаря Николая II. В нее входили князь Александр Михайлович, контр-адмирал Абаза, и др. К этой группе примкнул и П.А. Бадмаев»⁶⁰.

В поездке А. Доржиева в Петербург и Западную Европу сопровождал «человек Бадмаева» Б. Рабданов, что тоже не является случайным. В 1903 г. именно Б. Рабданов был назначен представителем российского консульства в Дацзянлу в Восточном Тибете. Сохранились дневники и письма Б. Рабданова об этом периоде: «Год в Дацзянлу», «Путевые заметки богомольца». По мнению А.В. Дамдинова, он выполнял чисто наблюдательные функции, регулярно снабжая информацией Русский МИД»⁶¹. Он являлся связующим звеном между Агваном Доржиевым и российскими дипломатическими структурами.

Отношения между П.А. Бадмаевым, Б. Рабдановым и А. Доржиевым не всегда складывались гладко и ровно, в определенные периоды возникали и противоречия. В январе 1904 г. П.А. Бадмаев писал в письме к В.Н. Коковцеву (министру финансов): «посредничество Агбана (Агвана Доржиева) и Будды Рабданова между Вами и Тибетом меня очень тревожит. Будда Рабданов служил у меня 2,5 года, делал долги, доставлял неверные сведения, выгодные для его личных интересов»⁶².

В 1904 г. П.А. Бадмаев пишет министру иностранных дел России записку о Тибете. Пишет ее в январе месяце, буквально накануне серьезных событий в Тибете. Что свидетельствовало о глубоком внимании доктора к событиям в далекой от России стране.

Его беспокоит активизация в Тибете Великобритании, и он настаивает на усилении роли России в регионе. Он рассчитывал на прием министра иностранных дел России, но это ему не удается. В «тибетском вопросе» Россия заняла пассивную и выжидательную позицию, а авторитет и влияние П.А. Бадмаева были тогда не на высоком уровне, ввиду неудач его восточного проекта (резолуция Николая II: «К сожалению, я больше не доверяю словам Бадмаева»)⁶³. Начало неудачной для России русско-японской войны 1904–1905 гг. делало интерес российского правительства к Тибету минимальным.

Таким образом, П.А. Бадмаев проявлял большой интерес к Тибету и «тибетский вопрос» являлся составной частью его внешнеполитической концепции. Остается открытым вопрос о пребывании самого П.А. Бадмаева в Тибете. Писатель Б.С. Гусев считает, что Бадмаев побывал в Тибете и Лхасе, встречался с Далай-ламой. Известные нам публикации и архивные материалы не подтверждают версии о путешествиях доктора тибетской медицины в эту труднодоступную страну. В письме П.А. Бадмаева к Николаю II от 15 января 1897 г.

⁶⁰ Россия и Тибет. 1900–1914. С. 14–15.

⁶¹ Дамдинов А.В. Агван Доржиев: дипломат, политический и религиозный деятель. Улан-Удэ, 1999. С. 37.

⁶² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 12.

⁶³ Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). С. 107.

сообщается о намерении совершить путешествие в Тибет: «Ныне должен был бы ехать в Пекин, а оттуда чрез Кукунор в Тибет»⁶⁴. Он направлял туда специальных гонцов и принимал известных буддийских деятелей в Забайкалье. В любом случае, П.А. Бадмаев первым пытался в 1895 г. установить отношения России с Тибетом, его агенты встречались с Агваном Доржиевым и согласовывали с ним совместные действия.

Итак, на раннем этапе отношений, П. Бадмаев и А. Доржиев действовали согласованно в решении «тибетского вопроса», затем различие подходов к его привели к некоторой конкуренции за первенство в его разрешении. На начальном этапе так называемой «азиатской авантюры» П.А. Бадмаев пользовался серьезным влиянием на формирование дальневосточной политики России, получал миллионные кредиты под реальные проекты. В начале XX в. влияние и позиции Бадмаева серьезно ослабли, и эта ниша стала заполняться другими политиками.

Роль П.А. Бадмаева в «тибетском вопросе» представляется нам чрезвычайно важной, особенно на начальном этапе. Этот исторический факт известен очень узкому кругу специалистов-востоковедов. Это событие позволяет по-новому подойти к характеристике русско-тибетских связей и уточнить историю этих событий.

5.3. «Жизнь на восточной окраине» — первая в России газета на монгольском языке

История газетного дела в Восточной Сибири является предметом пристального исследования российской историографии. Однако некоторые ее важные страницы до сих пор изучены недостаточно, существуют «белые пятна». Так, о первой газете в России на монгольском языке «Жизнь на восточной окраине» в научной литературе существует ряд ошибочных представлений и фактических неточностей. Они кочуют из одного издания в другой, создавая неверную картину истории периодической печати Сибири.

История данной частной газеты тесно связана с политической и предпринимательской деятельностью Петра Александровича Бадмаева (1851–1920), с его «Азиатским проектом». Он являлся ее организатором и владельцем.

Доктор тибетской медицины П.А. Бадмаев — человек уникальной судьбы и разносторонних талантов. Он получил в Санкт-Петербурге два высших образования: востоковедное и медицинское, семнадцать лет служил в Министерстве иностранных дел России и достиг высокого социального статуса и служебной карьеры, стал действительным статским советником.

Во многих своих делах и начинаниях он являлся настоящим первопроходцем: первым в России перевел и опубликовал самый известный трактат тибетской медицины «Жуд-Ши» (1898), издавал первую в стране газету на монгольском языке «Жизнь на восточной окраине» (1895–1897), первым разработал проект Трансмонгольской железнодорожной магистрали, построенной только полвека спустя⁶⁵.

П.А. Бадмаев постоянно оказывал своим землякам посильную помощь, защищал их интересы в российской столице. В Петербурге он создал на соб-

⁶⁴ Семенников В.П. За кулисами царизма: (Архив тибетского врача Бадмаева). С. 107.

⁶⁵ Кузьмин Ю.В. Восточные проекты доктора П.А. Бадмаева. Иркутск, 2006.

ственные средства специальную гимназию для бурятских детей. В ней учились, например, Г. Цыбиков, Ц. Жамцарано, Б. Барадийн и другие, ставшие затем известными учеными. Подобную школу он создал и в Забайкалье. Он преподавал на восточном факультете Санкт-Петербургского университета, выделял для бурят две именные стипендии.

К сожалению, в художественной литературе, мемуарах 1920-х гг., документальных и художественных кинофильмах до сих пор тиражируется искаженный образ этого незаурядного и талантливого человека, выходца из Забайкалья. Назрела необходимость создания исторически достоверной научной биографии П.А. Бадмаева, а также проведение научной конференции, посвященной его научной, издательской и предпринимательской деятельности. Необходимо преодолеть сложившиеся стереотипы и штампы о его жизни и деятельности. Особого внимания исследователей заслуживает изучение его роли в определении направления внешней политики Российской империи в Восточной Азии в конце XIX — начале XX в., в решении «китайского», «монгольского» и «тибетского» вопросов в данный период. Петр Александрович Бадмаев был подлинным государственным, сторонником сильной и влиятельной России на Востоке, а по своим взглядам — одним из первых российских «протоевразийцев».

В последние годы в российской и мировой историографии наметилась позитивная тенденция дать более объективную и всестороннюю оценку деятельности П.А. Бадмаева, раскрыть его вклад в российскую внешнюю политику, в научную и общественную мысль страны. В книгах и статьях Б.С. Гусева, Ш.Б. Чимитдоржиева, Ж.Д. Доржиева, Ж.Т. Тумунова раскрыты только некоторые стороны его многогранной деятельности. До сих пор слабо изучено его публицистическое наследие, вклад в образование, науку, становление сибирской журналистики.

В российской историографии о газете «Жизнь на восточной окраине» (1895–1897) имеются только отдельные упоминания, отсутствуют специальные исследования, посвященные данному изданию и его истории. Уникальность газеты заключается в том, что это первое издание на старописьменном монгольском языке в России. Кроме того, необычность этого издания было также в том, что она была двуязычной, на левой половине полосы помещались материалы на русском языке, а на правой — аналогичные по содержанию на монгольском языке. Это уникальное сибирское издание.

Газета «Жизнь на восточной окраине» издавалась в Чите, печаталась в типографии, принадлежащей «Торговому дому П.А. Бадмаева и К^о». Издателем выступал Петр Александрович Бадмаев — известный врач тибетской медицины, дипломат, общественный деятель.

Издание данной газеты представляется не случайным явлением. Это связано с реализацией грандиозного проекта П.А. Бадмаева по присоединению к России Китая, Тибета и Монголии. Издаваемая газета должна была исполнить роль своеобразного информационного центра предприятия, а также рекламировать различные акции Торгового дома.

Пользуясь своей близостью к царской семье, как крестник царя Александра III и лечивший его семью, он прямо обращается к нему с записками и письмами. Свои первые записки П.А. Бадмаев обращает к Александру III, а затем к его сыну — царю Николаю II.

В связи со строительством Транссибирской железной дороги в конце XIX в., в русском обществе проявляется большой общественный интерес к ос-

воению Сибири и Дальнего Востока, а также к Китаю, Корее и Монголии. Железная дорога открывала значительные возможности расширения предпринимательской деятельности русского капитала в этом неосвоенном регионе, а также проникновения его на зарубежные рынки Дальнего Востока.

13 февраля 1893 г. П.А.Бадмаев представил царю Александру III развернутую записку «О задачах русской политики на азиатском Востоке». Одновременно с нею Бадмаев представил записку с аналогичными идеями министру финансов С.Ю. Витте — главному «конструктору» внешней политики России на Дальнем Востоке. Именно С.Ю. Витте и представил «Записку» П.А. Бадмаева русскому царю, который прочитав ее, наложил 27 февраля 1893 г. такую резолюцию: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха»⁶⁶.

По мнению Бадмаева, построенная железная дорога изменит положение России на Востоке, поэтому очень важно сосредоточить внимание на ее финансово-экономическом значении и результатах. И заниматься делами на Востоке надо планомерно и последовательно, а «не лихорадочно, не порывами»⁶⁷. Он предлагает серьезно взглянуть на Восток и выступить там в активной роли, «позаботиться оградить Восток от влияния враждебных нам элементов и охранять наши интересы»⁶⁸.

П.А. Бадмаев предлагает продолжить сооружение железной дороги от Байкала вглубь Китая к городу Лан-чжоу-фу. Предполагалось, что Торговый дом, находясь в Забайкалье «будет регулировать и развивать торговые отношения, проникая постепенно даже вглубь Китая, в места, дозволенные трактатами. При посредстве своих контор, находящихся внутри империи, будет сбывать в Россию полезные производства Дальнего Востока, а главное, получать в громадных размерах для сбыта на Восток товары отечественного производства»⁶⁹.

В Чите с 1865 г. издавались «Забайкальские областные ведомости», с 1864–1865 гг. открыты мужской и женский пансионы, с 1884 г. — открыта Читинская мужская гимназия, с 1894 г. — Ремесленное училище, с 1894 г. — отделение Приамурского отделения ИРГО, с 1895 г. — Краеведческий музей.

Также издавались и частные газеты: «Нерчинский телефон», «Нерчинская агентура», «Нерчинский чудак». Бадмаеву было необходимо иметь собственную газету, которая должна была стать частью торгового дома.

Газета играла роль информационного и аналитического центра торгового дома, она выходила без цензуры, значительное внимание уделяла политическим, экономическим событиям региона Северо-Восточной Азии.

К сожалению, нам не встречалась полная коллекция всех изданных номеров газеты. Наиболее полные комплекты газеты имеются в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге, Научной библиотеке Иркутского университета, библиотеке Национального архива Республики Бурятия.

Газета выходила на четырех или шести полосах обычного формата пять раз в неделю — по вторникам, средам, пятницам, субботам и воскресеньям. Она распространялась по подписке и в розничной продаже. Только в Агинском ведомстве было 600 подписчиков.

⁶⁶ Бадмаев П.А. За кулисами царизма. М., 2006. С. 55.

⁶⁷ Семенников В.П. За кулисами царизма (Архив тибетского врача Бадмаева). С. 88.

⁶⁸ Там же. С. 51.

⁶⁹ Там же. С. 55.

Газета определялась как общедоступная, сельскохозяйственная, торгово-промышленная, литературная и политическая. Значительное внимание было уделено проблемам внешней политики России на Дальнем Востоке, описанию предприятий Торгового дома П.А. Бадмаева. В некотором роде эта была международная газета в сибирском регионе.

В записке П.А. Бадмаева от 22 февраля 1895 г. предлагаются мероприятия по усилению русских интересов на Востоке. Так, представителями нашей дипломатии на Восток надо назначать лиц, знакомых с языком, бытом, нравами и реальным положением дел, хорошо знающих исторические задачи России в данном регионе. Для подготовки высококвалифицированного дипломатического корпуса он предлагает молодым людям, окончившим курс среднего образования, выдавать усиленную стипендию (50 р.) и отправлять на казенный счет на Восток на 3 года для практического изучения языка, а затем поступить на 2 года на факультет восточных языков для получения высшего образования. Бадмаев предлагает учредить должность Главноуправляющего Забайкальским и Приамурским краем и предоставить ему права министра и члена Государственного Совета и Комитета Министров. Данные предложения П.А. Бадмаева актуальны и сегодня, значительная часть реализована. Научные стажировки для практического обучения восточного языка широко практикуются российскими университетами. Через сто лет после предложения Бадмаева появились и полномочный представитель президента на Дальнем Востоке в ранге министра. Таким образом, практические предложения не были лишены смысла и логики.

В передовой статье «Жизнь на восточной окраине» от 27 апреля 1896 г. П.А. Бадмаев делится своими впечатлениями о последней поездке по Китаю.

Отмечается усиление внимания европейских, японских деловых кругов, миссионерских обществ к Китаю: «Всех привлекает этот, по мнению европейцев, умирающий колосс — весьма лакомый кусок для всякого рода своекорыстных целей и хищнических планов, и западные представители вместе с японцами, не стесняясь, проявляют там самую неприглядную по своим принципам деятельность»⁷⁰. По мнению Бадмаева, признание Срединного государства близким к политической смерти, есть «величайшая ошибка».

Европейские и японские деятели уже не имеют никакого престижа в Китае. Иное отношение у китайцев к России и русским государственным деятелям, коммерсантам, миссионерам: «обаяние Белых Царей так велико и очевидно на всем Китайском Востоке»⁷¹.

Бадмаев рассматривает китайский народ, как способный к восприятию новых для него чистых идей и принципов, а также способным к самостоятельному возрождению на новых нравственных началах. «В настоящее время китайцы поняли, что русских следует отличать от остальных европейцев, что только они, действуя бескорыстно, питают любовь к своему близкому соседу»⁷².

Представляется, что автор идеализированно оценивает характер отношений двух народов, явно выдает желаемое за действительное. Разумеется, политика России действительно отличалась от политики западных стран, но и было нечто общее, что их объединяло. Не абстрактные цели двигали россий-

⁷⁰ Жизнь на восточной окраине. 1896. 27 апр.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

скую политику, а конкретные экономические цели освоения нового рынка. А реальные события завершатся так называемой «китайской войной 1900 г.»

В целом, приходится отмечать некую внутреннюю противоречивость суждений П.А. Бадмаева о китайской цивилизации. С одной стороны, он предсказывает скорое падение Маньчжурской династии, а, с другой стороны, рассматривает мнение о признании Срединного государства близкого к политической смерти, как величайшую ошибку.

По данным «Энциклопедического лексикона забытых страниц» современного журнала «Байкал»⁷³, в качестве приложения к газете ежегодно выходило по четыре книги, посвященные экономике Забайкалья.

Князь Э.Э. Ухтомский выслал в Читу Бадмаеву монгольский шрифт, заказал в Лейпциге тибетский шрифт и подсказал ему, что в китайском городе Тяньцзинь недорого можно купить китайский шрифт⁷⁴.

Редактором русского текста был А.И. Сниткин, бывший директор народных училищ Читы, а монгольского текста — Б.Р. Рабданов. Последний был не только редактором, но и, видимо, переводчиком монгольского текста. Будда Рабданович Рабданов (1853–1923) бурятский просветитель, окончил Агинскую приходскую школу, Нерчинское уездное училище и три класса гимназии в Чите. Преподавал в Агинской приходской школе, самостоятельно овладел тибетским и китайским языками, знал русский, монгольский и английский языки. Неоднократно путешествовал по Монголии и Китаю, посетил крупнейшие буддийские центры, исполнял должность переводчика у Г.Н. Потанина (кстати, участвовал в экспедиции без всякого вознаграждения, чтобы лучше познакомиться со странами Востока), вместе с Агваном Доржиевым читал лекции о религии и культуре монголов в Париже. По данным академика В.А. Обручева, после экспедиции с Г.Н. Потаниным, Б. Рабданов в качестве делегата по земельному вопросу от забайкальских бурят приехал в Петербург, где составил собрание бурятских пословиц. Каждую пословицу он переводил на русский язык и обсуждал с Потаниным точность и качество перевода. Б.Р.Рабданов хорошо говорил по-русски, любил декламировать стихи русских поэтов. Некоторое время служил переводчиком бурятского языка при областном правлении. Одним словом, это был подготовленный и образованный редактор газеты⁷⁵.

Газета издавалась около двух лет. 16 мая 1895 г. П.А. Бадмаев подал прошение об издании газеты, а свидетельство об издании нового печатного органа было получено 23 октября 1895 г. Пробный номер газеты вышел в конце 1895 г.⁷⁶

На страницах газеты «Жизнь на восточной окраине» значительное место занимали материалы общероссийского характера, официальные правительственные документы и указы. Однако основное место занимали сибирские материалы, информация о состоянии экономики Забайкалья, развитии местной промышленности и торговли, животноводства. Постоянно публиковались материалы о практической деятельности торгового дома Бадмаева: открытии сельскохозяйственных ферм, организации почтовых станций между Кяхтой и Ургой, открытии столовой и гостиницы, постройке православной церкви.

⁷³ Байкал. 1994. № 2. С. 78.

⁷⁴ Кузьмин Ю.В. Восточные проекты доктора П.А. Бадмаева. Иркутск, 2006. С. 109.

⁷⁵ Там же. С. 132.

⁷⁶ Жизнь на восточной окраине. 1895.

Как отмечал И.Г. Стрюченко в книге «Печать Дальнего Востока накануне и в годы первой русской революции (1895–1907)» (1982), «издание газеты было поставлено на широкую ногу. Она печаталась в самой современной в крае по тому времени типографии, ее журналисты получали высокие оклады, в штат газеты были зачислены не только обычные сотрудники, но и многочисленные переводчики японского, китайского и других языков. Редактору было разрешено выписывать без предварительного цензурного просмотра многие заграничные газеты»⁷⁷. Это прообраз будущих информационных центров по анализу международной информации.

П.А. Бадмаев предлагал в газете свой вариант строительства железной дороги в Китае: от Байкала, вглубь Китая к городу Ланчжоу-фу. Этот вариант не был поддержан и избран другой путь — через Маньчжурию.

Издание газеты на монгольском языке встретило полное одобрение со стороны известных российских востоковедов и монголоведов. В газету были присланы благожелательные отзывы академика В.П. Васильева, профессора А.М. Позднеева, а также от студентов восточного факультета, предложивших дельные и уместные предложения передачи некоторых понятий на монгольский язык⁷⁸.

В газете от 29 ноября 1896 г. напечатано обращение к читателям: «Распространяемые кем-то слухи, что в скором времени газета наша не будет выходить без предварительной цензуры и даже будто бы имеются поводы к ее запрещению, лишены всякого основания». Накануне произошло сокращение объема газеты, с шести полос на четыре, что, видимо, и дало основание для слухов. Кроме того, 7 октября П.А. Бадмаев с семьей уехал в Петербург, в связи с необходимостью образования детей.

Постепенно газета стала испытывать недостаток интересных и оригинальных материалов и авторов. Первые номера газеты выходили большим по тем временам тиражом в 3000 экземпляров, а затем он стал сокращаться. Не в полной мере «Жизнь на восточной окраине» оправдала и общественные ожидания. Характеристика местной печати была следующей: «Что поделаешь — не всякая гора гору родит — случается и мышь... Скучное содержание газеты не выкупается даже пикантностью, по крайней мере, в первых номерах мы искали, на чем бы остановиться — и пришлось ждать третьего. Наконец-то третий пробный номер открыл нам немного глаза. Мы с удовольствием увидели, что «восточный соловей» жив, он закивал, заморгал и зашипел на все лады и во все стороны»⁷⁹. Разумеется, в данном суждении значительная доля субъективности, а также зависти и соперничества узком местном газетном мире.

В 1897 г. газета «Жизнь на восточной окраине» выходила с января по июнь. С первого июля газета приостановила свой выход: «Впредь до возвращения редактора-издателя в Читу и до приискания нового временного ответственного редактора монгольского текста, выход газеты будет приостановлен»⁸⁰. В книге С.И. Гольдфарба «Газетное дело в Сибири» (2002) называется ошибочно другая дата — 11 июня 1897 г. Впрочем, и издание газеты он переносит непра-

⁷⁷ Стрюченко И.Г. Печать Дальнего Востока накануне и в годы первой русской революции (1895–1907). Владивосток, 1982. С. 67.

⁷⁸ Жизнь на восточной окраине. 1896. 29 нояб.

⁷⁹ Стрюченко И.Г. Печать Дальнего Востока накануне и в годы первой русской революции (1895–1907). С. 67.

⁸⁰ Жизнь на восточной окраине. 1897. 29 июня.

вильно в Верхнеудинск, редактор газеты назван А.Н. Спиткиным (правильно А.Н. Сниткин)⁸¹.

К этому времени газета вошла в сложные взаимоотношения с местной гражданской и военной администрацией. Газета имела частный характер и не подвергалась цензуре. Она нередко выступала с критикой местной администрации. Военный губернатор Забайкальской области жаловался на П.А. Бадмаева и предлагал лишить газету права выхода без цензуры.

Выход газеты прекратился в связи с общим кризисом торгового дома П.А. Бадмаева. Сказался на сроках закрытия газеты и известный конфликт между Бадмаевым и Рабдановым⁸².

Только в 1899 г. П.А. Бадмаев официально подал прошение в Главное управление по делам печати о закрытии газеты и в январе этого года получил положительное решение.

Основными причинами неудачи восточного проекта П.А. Бадмаева являлись, по нашему мнению, следующие обстоятельства. Во-первых, направление проекта железнодорожного строительства в Китае разошлось с официальным направлением строительства железной дороги через Маньчжурию в 1896 г. Во-вторых, осуществление проекта П.А. Бадмаева осуществлялось в тайне от официальных властей сибирского региона, что вызывало их неприятие и недовольство. Неумение П.А. Бадмаева найти вариант разумного сотрудничества с ними явно вредило делу.

В-третьих, подбор кадров также вызывал вопросы. Осуществление кадровой политики Торгового дома постоянно вызывала нарекания, возникало множество нареканий и проблем проблемы невыполнения обещаний по оплате работы сотрудников. В-четвертых, противоречивая позиция П.А. Бадмаева в религиозном вопросе вызывала непонимание, как православных священников, так и буддийских лам. Он оказался в ситуации: «свой среди чужих, чужой среди своих».

Представляется, что газета «Жизнь на восточной окраине» заслуживает специального научного исследования как исторический и публицистический источник. Надеемся, что оригинальное периодическое издание привлечет историков журналистики и специалистов-монголоведов, краеведов.

«Жизнь на восточной окраине» являлась, по сути, первой международной газетой в Сибири. Серьезное внимание уделялось освещению международной политики, особенно в Восточной Азии. Наибольшее внимание уделялось актуальным событиям в Цинской империи, Монголии и Тибете. И здесь Петр Александрович Бадмаев вновь оказывается первым. Многие из того, что он совершил в жизни, было таковым, и поэтому навечно остается в истории Сибири и России.

⁸¹ Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири: первая половина XIX — начало XX в. Иркутск, 2002. С. 251–252.

⁸² АВПРИ. Китайский стол. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564. Л. 12.

6. ИСТОРИЯ МОНГОЛИИ И РУССКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

6.1. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и востоковед (1872–1938)

Роль и значение отдельных деятелей прошлого начинает осознаваться и оцениваться обществом не сразу, а лишь через определенный промежуток времени. Особенно часто такое случается в переломные эпохи. Масштаб исторической личности, вклад в исследование и решение научных проблем искусственно исключается из круга изучения. И главное нарушается преемственность исследований, научных школ. Такое случилось и с поколением талантливых ученых России 20–30-х гг. XX в.: изгнанных из страны, притесняемых или репрессированных. Научное наследие этих ученых длительное время было изъято из научного обращения, их добрые имена оклеветаны, а труды замалчиваемы. И только через полвека они возвращаются почти из полного забвения.

В силу известных исторических обстоятельств иркутской научной и высшей школе поразительно повезло тем, что в 1920-е гг. вынужденно здесь оказался цвет российской науки, который дал мощный импульс научным гуманитарным исследованиям. Здесь работали крупные ученые создатели новых научных направлений и школ: Б.Э. Петри, Г.С. Виноградов, М.К. Азадовский, Ц. Жамцарано, Г.Г. Цыбиков, В.А. Рязановский, С.В. Шостакович и многие другие. В этот ряд с полным основанием можно поставить и сибирского ученого Николая Николаевича Козьмина исследователя широких научных интересов и многогранного таланта. Необоснованно репрессированный в 1938 г., Н.Н. Козьмин на длительное время оказался незаслуженно забытым, а его книги, статьи и научные результаты оказались не востребованными и изъятыми из научного обращения.

Начиная с 60–70-х гг. XX в. ученые все чаще стали обращаться к научному наследию сибирского ученого. В 1981 г. была опубликована статья красноярского ученого М.Б. Шейнфельда «Творческий путь Н.Н. Козьмина» первая публикация, специально посвященная забытому историку¹. В 1990-е гг. выходит серия статей, отмечающих оригинальный характер исторических исследований Н.Н. Козьмина, как востоковеда и монголоведа (Кузьмин Ю.В., 1990; 1992; 1998, 2000; Свинин В.В., 1994; 1996; 1998), как этнографа (Решетов А.М., 1996; 1999). Опубликовано о нем научно-популярные статьи в периодической печати. Историки разных специальностей отмечают несомненный вклад Н.Н. Козьмина в изучение истории Сибири и этнографии коренных народов, истории монголов и Центральной Азии, истории Бурятии и кочевых цивилизаций.

Н.Н. Козьмин прожил сложную жизнь, полную невзгод и трудностей, научных и творческих успехов. В ней были резкие взлеты и такие же падения, что и происходит обычно в годы переломной эпохи.

Он родился 23 февраля 1872 г. в Красноярске, в семье преподавателя гимназии, работавшего в Красноярске и Иркутске. В 1884 г. Николай Иванович

¹ Шейнфельд М.Б. Творческий путь Н.Н. Козьмина // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981. С. 163–184.

Козьмин скончался, оставив вдову и четверо детей почти без средств существования для жизни. Для Николая старшего сына в семье, начинаются годы напряженной учебы и скудной жизни. Стесненные обстоятельства жизни и материальные трудности семьи сказались на характере мальчика: он рос болезненным, застенчивым и замкнутым. Отлично закончил он Иркутскую гимназию, в 1891 г., за казенный счет направляется на учебу в Петербургский университет, как закончивший гимназию с серебряной медалью и обязанный после окончания университета отработать в сибирских учреждениях шесть лет².

Наибольших успехов способный юноша достиг в гуманитарных науках, особенно в литературе и истории, что и определило выбор факультета историко-филологического. Историческая школа Петербурга в конце XIX в. это великие историки России: С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.И. Кареев, В.В. Радлов и др. Здесь созданы прекрасные условия для самообразования пытливого ума будущего историка: уникальные библиотеки и архивохранилища, блестящие профессора и атмосфера научного поиска. Кипучая общественная жизнь и интересная культурная среда. Сибиряки-студенты объединены в тесное землячество, их глубоко занимает историческое место и роль Сибири в экономике и культуре России, что и определяет направления будущей научной деятельности выпускника престижного в России университета.

В 1896 г. Н.Н. Козьмин успешно заканчивает Санкт-Петербургский университет, подготовив кандидатское сочинение «Организация служилого продовольствия в Сибири XVII века», которую сам автор высоко ценил и сожалел в 1930-х гг., что не смог ее издать полностью. Частично она была издана в 1910 г. в «Очерках прошлого и настоящего Сибири»³. В дальнейшем сибирская тематика займет ведущее место в творчестве Н.Н. Козьмина.

К этому времени, это был уже вполне сформировавшийся ученый, со сложившимися взглядами на историю России и Сибири, с обширными замыслами научных исследований, прежде всего по истории Сибири. Это был и зрелый общественный деятель, который еще в студенческие годы участвовал в обсуждении областнических проблем Сибири, принимал непосредственное участие в спасении людей от голода в Поволжье, он заведовал столовой в Самарской губернии. Мы видим личность, чутко реагирующую на потребности общественного развития, стремящегося к идеалам социальной справедливости и партнерства⁴.

Но главное и основное в его жизни, что его глубоко увлекало это сибирская история, народы и исчезнувшие государства и цивилизации на этой земле. Его наставником и учителем по возвращению в Сибирь стал замечательный ученый Григорий Николаевич Потанин: этнограф, путешественник, естествоиспытатель, географ и ботаник, журналист и крупный общественный деятель.

Этот талантливый и невероятно работоспособный человек основательно повлиял на судьбу и деятельность Н.Н. Козьмина. Широта научных интересов и поисков, столь характерная для Г.Н. Потанина, передалась и его ученику, который в определенном смысле продолжил дело своего учителя. Позднее, в 1934 г. Н.Н. Козьмин писал М.К. Азадовскому: «В дни моей зеленой юности

² Решетов А.М. Н.Н. Козьмин: Основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 82.

³ Очерки истории прошлого и настоящего Сибири. СПб, 1910. 266 с.

⁴ Семенов А. «Я жил под солнцем и радовался...» // Восточно-Сибирская правда. 1992. 25 июля.

как-то у Потанина был разговор о сибирской истории. Я набросал схему работ и очень остановился на “дорусской” Сибири. Г.Н. осторожно сказал, что это, пожалуй, очень далеко. Между тем, я, тогда согласившийся с ним, пришел к этой сибирской праистории»⁵.

Вернувшись в Сибирь, Н.Н. Козьмин не находит здесь работу по специальности. Университетов тогда еще не было, преподавание в гимназии его не привлекало. Успешное окончание университета и ходатайство университета перед министром народного просвещения об освобождении Н.Н. Козьмина, в числе других выпускников, от обязательной службы в министерстве за полученную ими обязательную стипендию предоставляли ему определенную свободу выбора.

Н.Н. Козьмин устраивается на работу землеустроителем в Иркутске, а затем в Красноярске. Ему много приходится ездить по Сибири, что позволяет ему вместе с основной работой, собрать обширный материал по археологии, этнографии, топонимике и истории Южной Сибири, коренных народов данного региона: хакасах, бурятах, тувинцах, якутах и др.: «Туба: историко-этнографический очерк» (1918), «К вопросу о вымирании инородцев» (1916), «К вопросу о времени водворения бурятской народности» (1925), «Хакасы: историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края» (1925), «К вопросу о происхождении якутов-сахалар» (1928)⁶.

Лучшим признанием научных заслуг Н.Н. Козьмина в этой сфере научных знаний являются характеристики его трудов современными учеными.

Профессор В.Я. Бутанаев в 1993 г. так написал о вкладе Козьмина в изучение тюркских народов Южной Сибири: «Около 15 своих печатных работ посвятил он изучению истории и культуры местного края. Н.Н. Козьмин впервые поставил вопрос об отношении енисейских кыргызов к современным хакасам и, путем анализа родоплеменного состава, выяснил их генетические взаимосвязи. Он по-новому подошел к характеристике хакасских сеоков и отнес многие из них к остаткам бывших исторических образований. Н.Н. Козьмин пришел к выводу о существовании у кыргызов раннефеодального государства, разделенного на четыре улуса (княжества). Ко времени первых контактов, считал автор, русские «застали здесь не слагавшиеся государства, а дотянувшиеся до XVIII в. руины когда-то могущественного государства хакасов-кыргызов». Дискуссионный вопрос о кыргызской государственности XVI–XVII вв. хотя и не нашел большой поддержки среди историков, разделяется нами в данном исследовании и подкрепляется новыми аргументами и фактами».

История, этнография хакасов, а также современные ему экономические и этнические процессы серьезно интересовали и позднее Н.Н. Козьмина. В 1912–1913 гг. он при участии М.Н. Богданова составил «Материалы статистико-экономического обследования 1909–1910 гг. туземных ведомств Абаканского, Аскизского и Кызыльского Енисейской губернии» (рукопись хранится в Красноярском Краеведческом музее), в которых на конкретном материале обосновал свои выводы об изменениях, происшедших в конце XIX — начале XX в. в скотоводстве и земледелии у хакасов.

⁵ Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1969. Т. 1. С. 125.

⁶ Козьмин Н.Н. Туба: историко-этнографический очерк // Сибирские записки. 1918. № 4; К вопросу о вымирании инородцев // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 99–108; К вопросу о времени водворения бурят около Байкала // Сибирская живая старина. 1925. Вып. 3-4. С. 95–102.

Н.Н. Козьмин выступал против марксистского осмысления проблемы и тех исследователей, которые говорили о растущей классовой дифференциации хакасов. В Материалах подчеркивалось, что рост «иностранческого хозяйства» совершался в сторону более равномерного распределения скота». Свой вывод о росте якобы средних хозяйств, уменьшении крайних групп — богачей и бедняков — как проявлении «устойчивости» скотоводческого хакасского хозяйства Н.Н.Козьмин повторил в статье «К вопросу о вымирании иностранцев».

В данной публикации Н.Н. Козьмин выступил против упрощенного понимания демографических изменений у коренных народов Сибири (П.М. Гловачев, И.И. Серебрянников). Простое уменьшение численности населения рассматривалось под углом зрения «вымирания иностранцев». Козьмин не отрицал сокращения численности коренных народов в отдельных регионах Сибири. Однако, на материалах Абаканского и Аскизского хакасских ведомств Енисейской губернии историк доказал, что углубленный анализ приводит к выводу о том, что «миграции являются главной причиной предположений о вымирании».

Н.Н. Козьмин активно работает в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества, постепенно становится организатором и координатором научных исследований в Восточной Сибири. Сближается со многими активными представителями интеллигенции членами областнического движения. Н.Н. Козьмин относится к деятелям так называемого позднего областничества. По мнению историка М.Б. Шейнфельда, Н.Н. Козьмин занимал в областничестве «позицию центра и подчас примыкал к его левому крылу»⁷.

Плодотворна в этот период и публицистическая деятельность Н.Н. Козьмина, активно сотрудничавшего с периодическими изданиями: «Сибирь», «Сибирская жизнь», «Восточное обозрение», «Степной край», «Сибирские записки», где публикуется под различными псевдонимами: Ландарма, Номчи, Андра, Алиен, Н.К., и др. Это была деятельность образованного общественного деятеля, остро реагирующего на несправедливости социальной жизни и положения коренных народов Сибири, места и роли сибирской экономики в российском разделении труда и капитала. Глубина и уровень осмысления сложных проблем бытия сибирского края не утратили и сегодня своей привлекательности и новизны⁸.

Несмотря на общественную и производственную занятость, Н.Н. Козьмин плодотворно занимается научными исследованиями, и в первую очередь, изучением истории Сибири и сибирских народов. Был собран и осмыслен обширный исторический материал: археологические и этнографические источники, архивные и рукописные тексты, топонимические и картографические данные по Сибири.

Был опубликован ряд работ по сибирской тематике: «Администрация государственной пашни в Сибири XVII в.», «Хлеб за ясак», «Заселение Сибири в Московскую эпоху», «К вопросу о вымирании иностранцев», «К постановке аграрного вопроса в Иркутской губернии», «Князь Иренак», «Афанасий Прокопьевич Щапов», «Очерки прошлого и настоящего Сибири» и др. Некоторые из опубликованных работ носили новаторский характер, определяя перспективу будущих исторических исследований. К сожалению, автор явно недостаточно привлекал архивные сибирские материалы. Его занимают и проблемы мето-

⁷ Шейнфельд М. Б. Творческий путь Н.Н. Козьмина. С. 165.

⁸ Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 47.

дологии и методики исторического исследования, что нашло отражение в публикации «Исторический метод исследования» (1915).

Были изданы отдельные очерки о крупных сибирских историках: А.П. Щапове, Д.А. Клеменце и М.В. Загоскине. Не случайным представляется и выбор именно данных историков и общественных деятелей Сибири. Они были близки Н.Н. Козьмину социальным статусом и положением, жизненной судьбой, морально-нравственными принципами и схожим отношением к науке: увлеченностью и преданностью идеалам и истине.

Вообще для Н.Н. Козьмина характерны бережное и внимательное отношение к своим научным предшественникам, своеобразным учителям в науке, которые непосредственно не обучали его, но оказали существенное влияние на профессиональное становление ученого, формирование гражданской позиции.

Трагическая судьба сибирского историка А.П. Щапова привлекала Козьмина как самой неординарной личностью, так и его историческими концепциями и теориями, которые Н.Н. Козьмин оценивает как оригинальные, выработанные самостоятельно. По его мнению, Щапов стоял во главе самостоятельной исторической школы, генетически связанной со славянофилами и Н.И. Костомаровым. 4 марта 1901 г. Н.Н. Козьмин выступил на заседании Географического общества с обширным докладом о А.П. Щапове, в связи с 25-летием со дня кончины ученого⁹.

Оценки, данные Козьминым, в настоящее время оспариваются современными историками, например, профессором А.С. Маджаровым, который считает, что Н.Н. Козьмину принадлежит заслуга постановки вопроса о соотношении взглядов Щапова и Костомарова. Однако, А.С. Маджаров не согласен с утверждением Козьмина о том, что Щапов и Костомаров являются представителями одного направления¹⁰.

Существенное место в творчестве Н.Н. Козьмина занимали проблемы историографии, источниковедения и библиографии. Об этом свидетельствуют его публикации: «М.В. Загоскин и его значение в развитии сибирской общественности (из истории областного движения)», «Д.А. Клеменц и его исторические исследования в Минусинском крае», а также многочисленные рецензии на работы современников и библиографические обзоры по вопросам сибиреведения, востоковедения и монголоведения¹¹.

Уважение и почтение к своим научным предшественникам носило не пассивный, а действенный характер и заключалось также и в переводе некоторых работ выдающихся ученых, например, востоковедов В.В. Радлова и Д'Оссона.

В переводе с немецкого языка, Н.Н.Козьминым был опубликован очерк академика В.В. Радлова «Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии», изданный ранее в Лейпциге в 1884 г. В.В. Радлов ученый немецкого происхождения, проработавший всю жизнь в России и сделавший здесь блестящую карьеру, от школьного учителя в Сибири до академика и директора Азиатского Музея. Значительную часть своих работ публиковал на немецком языке. По характеристике Н.Н. Козьмина, с момента публикации очерка в историографии нет «равного по обилию и строгой точности записей истори-

⁹ Козьмин Н.Н. Афанасий Прокопьевич Щапов, его жизнь и деятельность. Иркутск, 1902. 65 с.

¹⁰ Маджаров А. С. Изучение творчества А.П. Щапова в отечественной историографии XIX–XX вв. Иркутск, 1994. С. 15.

¹¹ Козьмин Н.Н. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае // Известия ВСОРГО. Т. XLV. Иркутск, 1916. С. 35–65.

ко-этнографического материала, относящегося к так называемым сибирским турко-монголам»¹².

Изданный Кабинетом монгольского языка Иркутского университета, очерк В.В. Радлова до сих пор имеет значение своеобразного руководства для местных этнографов. В переводе с французского была издана монография крупного французского монголоведа и кочевниковеда Д'Оссона «История монголов от Чингис-хана до Тамерлана» (1937)¹³.

Данная работа и в настоящее время широко и активно привлекается в исследованиях современных авторов. Классическое историко-филологическое образование Н.Н. Козьмина позволяло осуществлять переводы на достаточно высоком уровне и в определенной степени восполняло ограниченное число доступных источников по востоковедной тематике.

К сожалению, он не владел восточными языками. Разумеется, незнание языка изучаемого народа очень существенный недостаток для историка, исследователя восточных цивилизаций. Оно приводит к определенной зависимости от опубликованных переводов источников и литературы, ограничивает возможности самостоятельных выводов, а иногда, к ошибочным заключениям относительно сущности процессов, происходивших в восточном обществе.

В начале XX в. Н.Н. Козьмин является одним из авторитетных сибирских историков, одним из координаторов и организаторов исследований в Восточной Сибири. В виду отсутствия сибирских университетов и научных организаций современного типа, единственным научным учреждением являлось Географическое общество (ВСОРГО). В 1903–1906 гг., в самый тяжелый для научных работ период, Н.Н. Козьмин был правителем дел ВСОРГО, неоднократно выступал с обзорными и юбилейными докладами о результатах научных исследований общества, а позднее являлся председателем его Красноярского подотдела.

В научном наследии Н.Н. Козьмина четко прослеживается несколько основных направлений: во-первых, проблемы истории Сибири XVII — начала XX в., во-вторых, изучение коренных сибирских народов (буряты, хакасы, тувинцы), в-третьих, вопросы монголоведения (в основном проблема кочевого феодализма), в четвертых, творческие биографии сибирских историков и проблемы методологии исторического исследования и, наконец, вопросы теории и истории сибирского областничества. Также явно прослеживается доминирование экономических и экономико-географических проблем.

Общественно-политические и исторические взгляды Н.Н. Козьмина основывались на положениях позднего сибирского областничества, его левого крыла. Он опирался на идеи социальной и национальной справедливости, национального равноправия и самобытности культур народов Южной Сибири и Центральной Азии. В исторических исследованиях он выступал как историк либерального направления. Разделял Н.Н. Козьмин и некоторые положения европейского позитивизма, что нашло отражение в специальной работе «Исторический метод исследования».

М.Б. Шейнфельд характеризовал Н.Н. Козьмина как историка «буржуазного направления по основным философско-теоретическим установкам.

¹² Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии / пер. с нем. Н.Н. Козьмина. Иркутск, 1929. С. 3.

¹³ Д'Оссон К. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана / пер. с фр. Н.Н. Козьмина. Иркутск, 1937.

Однако в рамках буржуазного мировоззрения постепенно накапливались элементы, определившие тенденции движения к марксистскому материалистическому подходу к истории»¹⁴. То есть констатируется, что он эволюционировал от мелкобуржуазных теорий к марксистскому материалистическому пониманию истории, но «так и не смог преодолеть схематизм, сильные элементы вульгаризации в подходе к общественным явлениям, некоторые националистические наслоения в трактовке истории народов Сибири и Центральной Азии»¹⁵.

Современный уровень знаний об эпохе, времени научной деятельности Н.Н. Козьмина позволяет не согласиться полностью с данной характеристикой. Разумеется, исследования Н.Н. Козьмина не являются совершенными и идеальными. Действительно, для ряда его работ характерны беглость изложения материала. Тем не менее, мы исходим из классического подхода в оценке творчества историка: что он сделал, а не то, что мог бы сделать. В научном наследии Н.Н. Козьмина выявлена постановка ряда новаторских проблем в историографии, его характеризует хорошая историческая интуиция. К сожалению, большая общественная и служебная занятость не позволяли в полной мере отдаться научному творчеству, что и приводило к некоторым изъянам. Возможно, в этом отражалась его творческая манера исследования.

Революцию и радикальные перемены в стране он не принял, зато участвует в работе Сибирского правительства в 1918–1919 гг., являясь товарищем министра земледелия, отвечая за вопросы межевания земель. В годы гражданской войны ему, как впрочем, и всем его современникам, пришлось пережить много трудностей и жизненных неприятностей. У него возникли трения с колчаковским правительством и он уезжает в Забайкалье, где был арестован семеновцами. Вырвавшись из тюремного застенка, выезжает в Маньчжурию, на КВЖД, где он пробыл до 1922 г., занимаясь журналистикой, издательским делом, а также научной и общественной деятельностью. Он принимает участие в работе популярных харбинских изданий: «Вперед», «Россия», «Рабочее дело» и др. Этот период его жизни сейчас мало известен, и нуждается в специальном исследовании.

В 1922 г. Н.Н. Козьмин приезжает по приглашению правительства Бурятии на должность консультанта по экономическим вопросам в Наркомземе и Госплане БМАССР, становится заместителем председателя Госплана и ближайшим помощником Н.М. Ербанова. Резкий поворот судьбы: редко кто из общественных деятелей вернулся в Советскую Россию из эмиграции. Органично и быстро он втягивается и в научную жизнь Бурятии, занимая ряд руководящих постов.

Активную научную деятельность проявил Н.Н. Козьмин в работе Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова. Он становится председателем экономической секции общества, что являлось признанием авторитета Н.Н. Козьмина и его научных заслуг в области экономических наук. На одном из общих собраний научного общества Н.Н. Козьмин выступил с докладом «Хозяйство и народность (экономический фактор в этнических процессах)» (1928). А на заседании экономической секции сделал доклад по теме: «Вопросник по наблюдениям явлений хозяйственного порядка».

¹⁴ Шейнфельд М.Д. Творческий путь Н.Н. Козьмина. С. 173.

¹⁵ Там же. С. 163.

В 1927 г. научным сообществом был издан сборник «Декабристы в Бурятии», который открывался обобщающей одноименной статьей Н.Н. Козьмина, ставшей по сути программной для дальнейших и многолетних исследований, имеющих в настоящее время серьезные результаты. Признанием несомненных заслуг Н.Н. Козьмина является избрание его почетным членом Общества, наряду с такими выдающимися учеными — академиками как А.П. Карпинский, С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман, Н.Я. Марр. Он входил также в состав редакций научных журналов и периодических изданий, издаваемых в Улан-Удэ.

Вопросы экономической истории Сибири XVII–XIX вв. серьезно интересовали Н.Н. Козьмина. Проблемно-постановочный характер имеет его статья «История сибирской промышленности и ее изучение» (1928)¹⁶. Данная публикация является своеобразной реакцией Н.Н. Козьмина на план исторической секции ВСОРГО по систематическому изучению экономики Восточной Сибири.

Причину слабого историко-экономического изучения края он видел в трудных условиях развития самой сибирской экономики. Автор сравнивает два региона России по уровню и интенсивности экономического развития: русский Север и Сибирь. Сравнение не в пользу второго региона: «Сибирь с ее отсутствием сплошных естественных путей долготного направления имела тенденцию замыкаться в пределах ограниченной продукции наиболее рентабельных производств, потребляемой в результате сложного товарообмена и своеобразной оплаты вспомогательных услуг».

Отмечена особенность сибирского предпринимательства, купец был не только торговцем, но и подрядчиком и поставщиком. «Наиболее доходным видом поставок были хлебные операции. Купечество снабжало хлебом казенные заводы, провинциальные магазины, войска, тюрьмы, больницы, оно же поставляло хлеб на прииски. Одновременно оно брало поставки мяса. Сена, дров, строительных материалов и т.д.».

Н.Н. Козьмин выделил ряд крупных предприятий восточносибирского региона, заслуживающих исследования: купцов Бутина и Сибирикова, тельминские предприятия Останиных — Белоголовых, хайтинская фабрика Первалова. По мнению автора, эти предприниматели заслуживают специального исследования. Не утратившими научного значения он называл работы Потанина, Ядринцева, Мордвинова, Вагина, а также Рожкова и В.В. Ватина. Он надеялся, что исторические секции «удастся привлечь молодые и энтузиастические силы для выполнения этого широко намеченного плана».

В 1926 г. Н.Н. Козьмин издает книгу М.Н. Богданова «Очерки истории бурят-монгольского народа» — известного бурятского ученого и общественного деятеля, расстрелянного семеновцами в 1919 г. Часть работы была дописана самим Н.Н. Козьминым.

В 1923 г. Н.Н. Козьмин избирается профессором Иркутского университета по кафедре истории Сибири, но не был освобожден от работы в правительстве Бурятии. Плотный график административной работы в правительственных структурах Бурятии позволил ему приступить к преподаванию в ИГУ только в феврале 1925 г. По его инициативе и непосредственном участии организуются бурят-монгольское и якутское отделения, а также кабинет монголоведения,

¹⁶ Козьмин Н.Н. История сибирской промышленности и ее изучение // Известия ВСОРГО. 1928. Т. III. С. 81–84.

подготовительные курсы для монгольских студентов¹⁷. До 1928 г. ему приходится часто выезжать в Улан-Удэ для разработки и экспертизы народно-хозяйственных планов республики и вместе с Н.М. Ербановым защищать их в Москве.

В этот период Н.Н. Козьмина глубоко занимают вопросы этнической истории бурят, якутов, монголов. Особенно глубокий интерес он проявляет к истории и этнографии Монголии и Центральной Азии. Им были написаны и опубликованы: монография «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» (1934); статьи: «Экономические причины войны между Чингизидами», «Таты и татары: Спорные вопросы истории Центральной Азии», «К вопросу о времени расселения бурят около Байкала», а также ряд рецензий библиографических обзоров на труды монголоведов Б.Я. Владимирцова и В.Л. Котвича.

Публикации Н.Н. Козьмина имели определенный научный и общественный резонанс. На книгу «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» появилось в научной печати несколько рецензий, в которых она была подвергнута жесткой критике за методологию и конкретно-исторические неточности (Н. Смирнов, В. Казакевич). В рецензии Н. Смирнова (Историк-марксист, 1935, № 2-3) отмечалось, что «вместо конкретно-исторического исследования получилась голая схема, к которой автор и пригонял богатый материал его первоисточников». Отсутствует генезис кочевого скотоводческого общества, при исследовании сущности феодализма, как равнозначные исторические эпохи тюркский период VII–VIII вв., монгольская эпоха XII–XIII вв.

В.А. Казакевич приветствует общий вывод Н.Н. Козьмина о наличии феодализма в Монголии (Советская этнография, 1934, № 5), однако делает при этом много критических замечаний. Наиболее откровенная характеристика книги Н.Н. Козьмина дана в частном письме В.А. Казакевича к В.Л. Котвичу от 17 ноября 1934 г.: «Первая — работа проф. Н.Н. Козьмина «К вопросу о турецко-монгольском феодализме», представляет известный интерес для историков, хотя, по правде сказать, довольно неграмотно написана. Между прочим, автор позволил себе ряд резких выпадов против покойного Б.Я. Владимирцова, с которой Вы, вероятно, уже познакомились. В моей рецензии на эту книгу, я постараюсь дать отпор этим голословным утверждениям»¹⁸.

Как уже указывалось выше, именно в этот период Н.Н. Козьмин перевел и опубликовал работы крупнейших востоковедов В.В. Радлова и Д'Оссона.

В развернутом предисловии к книге Д'Оссона Н.Н. Козьминым представлен обстоятельный историографический обзор монголоведных исследований, посвященных истории монгольской империи и Чингисхану. Он продемонстрировал прекрасную осведомленность о русских и зарубежных работах, их концепциях и источниковой основе, сильных и слабых сторонах. Особенно пространная характеристика дана исследованиям зарубежных авторов, месту и значению среди них труду Д'Оссона.

¹⁷ Кузьмин Ю.В. Монголоведение: имена и события: Н.Н. Козьмин // Новости Монголии. 1990. № 2; Кузьмин Ю.В. Вопросы монголоведения в исследованиях профессора Н.Н. Козьмина // Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1992; Свинин В.В. Профессор Н.Н. Козьмин — ученый и общественный деятель // Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: тез. докл. к науч.-практ. конф., 11–14 мая 1994 г. Иркутск, 1994. С. 216–219; Свинин В.В. Профессор ИГУ Н.Н. Козьмин: его имя и книги вернулись к нам // Иркутский университет. 1996. 25 сент.; Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Проблемы истории Сибири и Центральной Азии в творчестве Н.Н. Козьмина // Иркутские монголоведы за «Круглым столом»: инф. бюл. Иркутск, 2000. № 6. 16 с.; Кузьмин Ю.В. Иркутское монголоведение: 1725–2004 гг.: исследователи и книги. Иркутск, 2004. С. 80–91.

¹⁸ Mongolica-6. СПб., 2003. С. 104.

Вклад Д'Оссона, по мнению Н.Н. Козьмина, заключается в том, что «он первый широко познакомил ученый мир с сокровищами мусульманского исторического творчества, ввел в научный оборот не только большой фактический материал, собранный и записанный арабскими, персидскими и турецкими историками и летописями, но и познакомил с высокой для XIII–XIV вв. научной культурой Средней и Передней Азии. У него нет и тени того преклонения перед восточной экзотикой, которая так пленяла ранних китаистов, но нет и высокомерия представителя европейской школы».

Отмечается также критическое отношение Д'Оссона к источникам, отсутствие слепого доверия к показаниям очевидцев «какие бы посты они не занимали и как бы близко к первоисточникам ни стояли. Д'Оссон владел латинским языком, был знаком с немецкими, польскими, венгерскими. Английскими и французскими летописями на этом языке. Владел также русским языком, был знаком с сочинениями Щербатова, Карамзина, Бичурина. Ему хорошо были известны работы западных ориенталистов Клапрота. Абея Ремюза. Его труд был написан в Париже, поэтому он находился под сильным влиянием французской исторической школы.

К сожалению, наиболее крупная работа Н.Н. Козьмина «К вопросу о турецко-монгольском феодализме», изданная в 1934 г. в Иркутске, оказалась в «тени» работы Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов», изданной в том же году в Ленинграде¹⁹.

Главная идея работы Н.Н. Козьмина обоснование тезиса о наличии феодальных отношений в кочевом монгольском обществе. Обращение Н.Н. Козьмина к средневековым источникам истории Центральной Азии и Южной Сибири было продиктовано развернувшимися в стране дискуссиями по проблемам периодизации истории России и зарубежных стран, пересмотру традиционных оценок дореволюционных ученых общественного строя народов России и других стран.

Н.Н. Козьмин был одним из активнейших участников, организованного в Улан-Удэ совещания об общественном строе бурят и монголов в дореволюционное время, где он последовательно отстаивал тезис о наличии в средневековом бурятском обществе феодальных отношений и протестовал против переоценки первобытно-патриархальных пережитков²⁰. О важности и сложности этой проблемы говорит тот факт, что до настоящего времени продолжают споры и ученые до сих пор не пришли к единому мнению по данной проблеме.

В 2002 г. в Иркутске состоялись Первые востоковедные чтения Байкальского университета, посвященные 130-летию со дня рождения Н.Н. Козьмина. Доклады иркутских историков посвящены различным аспектам научной деятельности сибирского ученого: В.Н. Качанов «Н.Н. Козьмин — исследователь народов Сибири», Н.Н. Крадин «Н.Н. Козьмин и дискуссия о «кочевом феодализме», А.С. Маджаров «Речь Н.Н. Козьмина, посвященная памяти А.П. Щапова», В.А. Василенко «Туба в этнографическом очерке Н.Н. Козьмина», Ж.З. Тагаров «О взглядах Н.Н. Козьмина на монгольский феномен XIII века», А.В. Харинский «Этническая история восточносибирских народов в работах

¹⁹ Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Предисловие. М. Гудошников. М.; Иркутск, 1934. 150 с.

²⁰ К истории Бурято-Монголии: материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в г. Улан-Удэ / под ред. А.В. Шестакова. М.; Л., 1935.

Н.Н. Козьмина», В.И. Сигов «Н.Н. Козьмин о генерал-губернаторе Восточной Сибири С.Б. Броневском: попытка анализа»²¹.

Восстановление доброго имени ученого и человека, введение в научный оборот творческого наследия Николая Николаевича Козьмина — настоятельная необходимость современной историографии. Назрела необходимость монографического исследования о крупном сибирском ученом²².

6.2. Проблемы русско-монгольских связей конца XIX — начала XX века в исследованиях Е.М. Даревской

В исторической науке сложилась устойчивая традиция изучать работы, дневники и отчеты крупных ученых и путешественников, использовать их материалы в научных исследованиях, а работы ученых, считающихся как бы «рангом ниже», не замечать и не вовлекать в научный оборот. Как писал великий русский поэт А.С. Пушкин «мы ленивы и не любопытны».

Небольшой круг специалистов-монголоведов знают исследования иркутского историка Е.М. Даревской. К сожалению, большинство ее статей опубликовано в малотиражных изданиях Иркутска, Улан-Удэ и Улан-Батора, и являются, во многих случаях, малодоступными для широкого круга ученых, интересующихся историей Монголии, русско-монгольских отношений конца XIX — начала XX в. Сказались также неполнота и несовершенство советской научной библиографии, отсутствие должного и оперативного учета работ, выходящих в периферийных изданиях. Одна из самых существенных причин малой известности работ Е.М. Даревской отсутствие до последнего времени опубликованных книг не по вине автора. А между тем статьи Е.М. Даревской поражают своей удивительной новизной постановки проблем, оригинальностью вводимого в научный оборот исторического материала, точными и убедительными выводами.

По мнению известного советского ученого — монголоведа И.Я. Златкина, «Е.М. Даревская сумела выявить и ввести в научный оборот большое количество новых, ранее неизвестных документальных материалов, которые в своей совокупности ярко и конкретно раскрывают суть и характер русско-монгольских отношений в эпоху империализма, равно как и политики царизма в Монголии и деятельности в этой стране прогрессивных кругов российской общественности, давая богатый материал, подтверждающий известное положение Ф. Энгельса о прогрессивной роли России на Востоке. Данные архивные материалы составляют главную, если не единственную источниковедческую базу всех трудов Е.М. Даревской. Это обстоятельство дает основание считать ее труды серьезными и оригинальными исследованиями, представляющими немалый вклад в наше советское востоковедение»²³.

Елена Марковна Даревская, со школьных лет увлеченная гуманитарными науками, в 1938 г. поступила на исторический факультет широко известного в предвоенные годы Московского института истории, философии и литературы

²¹ Первые Востоковедные чтения. К 130-летию со дня рождения Н.Н. Козьмина: материалы междунар. конф. Иркутск, 2002. 143 с.

²² Кузьмин Ю.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и экономист: учеб. пособие. Иркутск, 2006. 68 с.

²³ Отзыв о научных работах Е.М. Даревской д.и.н. И.Я. Златкина от 27 августа 1973 г. // Текущий архив Иркутского государственного университета. Личное дело Е.М. Даревской.

(МИФЛИ), где проучилась три года. Большое влияние на ее формирование как исследователя оказали крупные советские историки: М.Н. Тихомиров знаток истории Древней Руси, С.С. Дмитриев авторитет по истории общественной мысли и культуры России XIX в.

Великая Отечественная война прервала ее учебу в институте. Оказавшись в Иркутске, она поступает на работу в Иркутский медицинский институт. В 1943 г., не оставляя работу в медицинском институте, продолжила учебу на историческом отделении историко-филологического факультета Иркутского университета и в 1945 г. с отличием его закончила.

Интерес к Монголии у Е.М. Даревской зародился во время учебы в университете, в семинаре «Японо-китайские отношения», который вел профессор из Одесского университета И.И. Белякевич. Он предложил заняться монгольской тематикой, поскольку в Иркутском архиве имелся значительный пласт оригинальных исторических материалов.

Тема дипломной работы «Национально-освободительное движение в Монголии в 1907–1913 гг. и Россия» определила дальнейшую научную судьбу Е.М. Даревской²⁴. В обстоятельном отзыве на ее дипломную работу Н.П. Шастина отметила, что вторую главу «можно с успехом рекомендовать к печати в том виде, в каком она есть. Она представляет собой небольшое, но интересное исследование по истории Монголии», а четвертая глава была охарактеризована как «самая большая глава работы и в ней способности молодого автора к историческому анализу, к критической оценке событий сказались со всем блеском. Читаешь эту главу с безусловным интересом и вниманием»²⁵.

41 год Е.М. Даревская плодотворно проработала на историческом факультете Иркутского государственного университета, читала курсы: «Россия и Монголия», «Россия и страны Дальнего Востока», «Русский исторический роман (историческая достоверность)», Общественное движение 60–80-х гг. XIX в.»

Для лекционных курсов и спецсеминаров Е.М. Даревской характерно обращение непосредственно к историческим источникам, их всестороннему анализу, постановка и освещение спорных, дискуссионных вопросов, что является полезной школой исследовательской работы для студентов.

За время работы было опубликовано более 70 статей, подготовлено 4 монографии, посвященных русско-монгольским связям, носящих новаторский характер.

Новизна работ Е.М. Даревской определялась прежде всего тем, что она выбирает для исследования вопросы, которые мало или вовсе не изучены ее предшественниками, или требуют пересмотра или уточнения.

Все статьи, без исключения, носят неповторимый характер постановки проблем, использованием новых исторических источников, архивных материалов и периодической печати Иркутска, Улан-Удэ, Кяхты, Читы, Москвы и Санкт-Петербурга по истории русско-монгольских связей. В любой, самой маленькой миниатюре, она стремится к исчерпывающей полноте использования источников, их критического анализа и сопоставления. Поэтому ее пу-

²⁴ Свинин В.В. Монголия в трудах Е.М. Даревской // Социальное и политическое развитие народов Востока: история и современность. Иркутск, 1983. С. 59–61; Кузьмин Ю.В. Знаток Монголии (Е.М. Даревская) // Народная газета. 1992. 2 февр.; Кузьмин Ю.В. Неутомимый исследователь: Ко дню рождения Е.М. Даревской // Российское монголоведение: бюл. М., 1996. № 4. С. 178–179; Кузьмин Ю.В. Вопросы русско-монгольских связей конца XIX — начала XX в. в исследованиях Е.М. Даревской // История изучения Монголии в Иркутске. Иркутск, 2006. С. 113–127.

²⁵ Личный архив Е.М. Даревской.

бликации вызывают большой интерес российских и монгольских историков, пользуются глубоким уважением.

Своими материалами она опровергла многие устоявшиеся в исторической литературе стереотипы: о новых тенденциях в экономике Монголии на рубеже веков, степени культурности ее русских жителей и других аспектов связей. Е.М. Даревская открыла много имен русских деятелей, внесших заметный вклад в развитие и упрочение русско-монгольских отношений.

Своей неутомимой деятельностью по изучению русско-монгольских связей Е.М. Даревская продолжила лучшие традиции русских и советских монголоведов: А. Игумнова, А. Бобровникова, Д. Банзарова, И.А. Подгорбунского, Г.Н. Потанина, Н.Н. Козьмина, Н.П. Шастиной, ранее работавших в Иркутске.

Е.М. Даревская лично много сил отдала подготовке к изданию книги А.В. Бурдукова «В старой и новой Монголии» (1969)²⁶, имевшей большой научный резонанс. Книга воспоминаний А.В. Бурдукова «В старой и новой Монголии» ценный исторический источник, наблюдения правдивого человека, доброжелательно относящегося к монголам и пользующегося у них уважением, о событиях национально-освободительного движения 1911–1912 гг. и накануне революции 1921 г. в Западной Монголии. Кроме воспоминаний в книге представлена очень ценная переписка А.В. Бурдукова с учеными монголооведами В.Л. Котвичем, Б.Я. Владимирцовым за 1909–1923 гг. В этой книге Е.М. Даревская, используя архивные материалы, периодику и литературу, подготовила обширные комментарии, носящие в книге самостоятельный характер. Каждый комментарий это небольшой этюд об историческом событии или историческом лице, так или иначе, связанном с Монголией.

Мемуары переведены и изданы в 1987 г. на монгольском языке, сейчас готовится их публикация в ФРГ, комментарии Е.М. Даревской будут представлены в уточненном и расширенном варианте.

В 1994 г. в издательстве Иркутского университета вышла в свет ее крупная монография «Сибирь и Монголия: Очерки истории русско-монгольских связей конца XIX — начала XX в.», которая подвела итоги многолетним исследованиям неутомимой исследовательницы²⁷.

Все монголоведческие статьи Е.М. Даревской условно можно разделить на несколько групп. На первом плане экономические связи России с Монголией и их влияние на экономику и социальные отношения Монголии; во-вторых, цикл статей посвящен русско-монгольским культурным связям (роль ургинской школы переводчиков, значение медицинской и ветеринарной помощи России Монголии); в-третьих, статьи, анализирующие проблемы внутренней жизни русской колонии в Урге и ее влияние на монгольское общество в период первой русской революции 1905–1907 гг., Февральской буржуазно-демократической революции, Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны, и, наконец, впервые в декабристоведении она обратила внимание на проблему: Декабристы в Забайкалье и соседние страны, в том числе Монголия и Китай.

²⁶ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М., 1969. То же на монг. яз.: Бурдуков А.В. Хуучин ба шинэ Монголд. У-Б., 1987.

²⁷ Более подробно об этой работе см.: Свинин В.В. Послесловие научного редактора // Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Иркутск, 1994. С. 397–400; Свинин В.В. Елена Марковна Даревская: биобиблиогр. указ. тр. Иркутск, 1994–1996. С. 6–8; Лиштованный Е.И. Из Иркутского Центра монголоведения: (Новые книги) // Bulletin International Association for Mongol Studies. Ulaanbaatar, 1997. № 1 (19). P. 185–190.

В экономических связях, в которых наиболее изучена торговля, она выделяет для исследования вывоз капиталов из России в Монголию и влияние их на экономические и социальные отношения Монголии. В 1940–1950-х гг. в монголоведении, и вообще в советской исторической науке господствовали схематизм, догматизм, цитатомания, умаление уровня развития экономики и культуры дореволюционной Монголии, утверждался тезис, что подлинная история страны началась только после народной революции, что в Монголии господствовал иностранный торгово-ростовщический капитал, который не мог изменить экономической структуры страны. Поэтому и русские капиталы не оказывали никакого влияния ни на экономику, ни на социальные отношения Монголии.

Заслугой Е.М. Даревской является то, что она и тогда в своих исследованиях исходила не из схем, дат и цитат, а из анализа конкретного материала и показала, что в Монголии имелся не только торгово-ростовщический капитал, но и промышленный, на основе которого развивались предприятия с применением наемного труда, в том числе и труда монголов, которые уже в 1910 г. применяли, и не впервые — стачки, специфическое пролетарское средство борьбы за отстаивание своих экономических интересов²⁸.

Новизну трактовки Е.М. Даревской поддержали монголоеды Г.Н. Румянцев, Н.П. Шастина, В.И. Дулов. Но в печать статью упорно не пропускали и только 1963 г. удалось ее опубликовать в возобновленных «Трудах» ИГУ. Эта тема была продолжена и углублена и в статье «Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии» (1968), где введены в научный оборот новые документы о деятельности акционерного общества «Монголор», занимавшегося добычей золота. Эти данные позволили уточнить сведения об объеме вывоза капитала из России в Монголию (не 11 млн, а более 14 млн р.)²⁹.

Из других наименее изученных аспектов экономических связей Е.М. Даревская осветила «Использование монгольского скота и сырья в Восточной Сибири (1983)³⁰, наиболее ярко проявившееся в Кяхте и Иркутске, где сибиряки питались мясом монгольского скота и для обработки монгольского сырья создавали кожевенные, овчинно-шубные, мыловаренные и другие перерабатывающие предприятия.

Дипломатические и политические отношения России с Монголией, связанные с провозглашением независимости Халхи и обращением за помощью к России, относительно хорошо изучены и освещены в литературе (И. Майский, А. Грумм-Гржимайло, А. Попов, Б. Ширендыб, коллективные сборники и монографии советских и монгольских обществоведов). Поэтому Е.М. Даревская их не освещает повторно. Она исследует малоизвестные вопросы этой темы, в частности «Монгольский вопрос» в общественном мнении России в 1911–1915 гг., «Партизанский отряд Тохтохо-тайджи в Сибири»³¹. Вторая из

²⁸ Даревская Е.М. Русская промышленность и наемный труд в дореволюционной Монголии // Труды ИГУ. 1963. Т. 31. Сер. ист. Вып. 4. С. 150–173.

²⁹ Даревская Е.М. Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии // Труды ИГУ. 1968. Т. 55. Сер. ист. Вып. 1. С. 107–129.

³⁰ Даревская Е.М. Использование монгольского скота и сырья в Восточной Сибири в период империализма // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири: тез. докл. к регион. конф. Иркутск, 1983. С. 75–78.

³¹ Даревская Е.М. Партизанский отряд Тохтохо-тайджи в Сибири // Сибирский исторический сборник: (Соц.-экон. и полит. развитие Сибири). Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 144–166.

названных статей — глава из дипломной работы 1945 г., опубликованной только через 30 лет. И хотя за это время Ш.Б. Чимитдоржиев опубликовал статью на эту тему по материалам центрального архива, в статье Е.М. Даревской есть более подробные сведения из первичных материалов Иркутского архива и местных газет: о составе отряда, сведения о его деятельности в Монголии, о пребывании в Забайкалье, о противоречиях между Тохтохо и Баиром, об изучении русского языка сыном Тохтохо и преподавании монгольского казакам, о посещении Тохтохо Иркутска.

В докладе «Монгольский вопрос» в общественном мнении России в 1911–1915 гг., представленном на IV Конгресс монголоведов, показаны позиции основных политических партий и социальных групп России по вопросу о судьбе Монголии после провозглашения независимости и обращения за помощью к правительству России: правых черносотенных партий, кадетов, октябристов, народнических партий, социал-демократов и большевиков, особо выделены позиции сибирской буржуазии и интеллигенции³².

Большое внимание Е.М. Даревской, в целом ряде статей, уделено русской колонии в Монголии, анализу следующих аспектов данной темы: количественный и социальный состав колонии и его изменение в зависимости от политики России, пребывание русских революционеров в Монголии, уровень культуры колонистов, отражение событий трех революций в России в русских колониях в Монголии, значение этих событий для русских жителей и влияние на монголов.

Эти темы отражены в статьях Е.М. Даревской: «Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии» (1973), «Русская революция 1905–1907 гг. и Монголия» (1976), «Проникновение сведений о революции 1905–1907 гг. в России в Монголию» (1984), «Политические ссыльные Сибири в Монголии» (1975), «Русские революционеры в Монголии» (1973), «Февральская революция в России и русская колония в Урге» (1958), «Русская колония в Монголии в годы Октябрьской революции и гражданской войны» (1969), «Из жизни русской колонии в Монголии в годы гражданской войны» (1970), «Степан Иванович Попов в Монголии» (1974), «Ф.А. Парняков» (1971).

В этих публикациях Е.М. Даревской рассмотрены различные стороны общественной и культурной жизни русских поселенцев в Монголии. Ею была не только создана широкая картина их жизни и деятельности, но и преодолены многие сложившиеся в исторической и научно-популярной литературе стереотипы о низком культурном уровне и запросах русских жителей.

Так, одностороннее представление о том, что русская торговая колония в дореволюционной Монголии конца XIX — начала XX в. была «темным царством», основано на оценках И.М. Майского, данных в книге «Современная Монголия» (1921), характеристике профессора М.И. Боголепова. Например, И.М. Майский писал: «Газет почти никто не получает»³³.

Закключение авторов о малокультурности русских поселенцев в Монголии, сделанное на основе кратковременного пребывания в стране, при отсутствии полных сведений по этому вопросу, заставило Е.М. Даревскую напи-

³² Даревская Е.М. «Монгольский вопрос» в общественном мнении России в 1911–1915 гг. // Олон улсын Монголч эрдэмтний IV их хурал (IV Международный конгресс монголоведов). Улаанбаатар, 1985. Т. 1. С. 391–399

³³ Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 95.

сать специальную статью «Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии» (1973)³⁴.

Основываясь на архивных материалах, переписке и печатных упоминаниях о выписке и чтении периодической печати, она подвергла сомнению категоричность этого утверждения и поставила вопрос несколько шире: «Речь идет не только о степени культурности русских жителей Монголии, но и степени их осведомленности о политических и иных событиях, происходящих в России и в других странах, о возможности их быть источником и каналом для проникновения этих сведений к монголам, быть постоянным проводником политического и культурного влияния на монголов»³⁵.

Собрав по крупицам материал по этому вопросу, Е.М. Даревская написала интересную статью о наличии у русских поселенцев с 60–70-х гг. XIX в. до 1921 г. русских газет, журналов и книг. Ряд фактов, приведенных Е.М. Даревской, заслуживает особого внимания. Например, одним из первых периодических изданий, которое попало в Ургу, был знаменитый «Колокол» А.Герцена, из Лондона морским путем доставленный в Кяхту, через Китай и Монголию. Выяснилось, что многие русские жители Монголии выписывали из России газеты и журналы. Преобладали буржуазные и мелкобуржуазные издания, что определялось социальным составом русских поселенцев. Е.М. Даревская пишет: «Среди этой литературы мы видим издания консервативные («Луч», «Ургинский листок», «Жизнь на восточной окраине»), либеральные («Нива», «Родина», «Русское слово», «Сибирь», «Сибирская жизнь», «Алтай», «Байкал» (1897–1904), а также демократические и революционные («Колокол», «Байкал» (1905–1906) меньшевистские («Новая жизнь», «Дом») и даже большевистские («Правда» и др.)»³⁶.

Проанализировав социальный состав русской колонии, в связи с изменением политической ситуации в России и ее политики по отношению к Монголии, она показывает, как соответственно осуществлялось влияние на монгольское общество, как политическая борьба в русской колонии способствовала осознанию монголами своих собственных интересов: необходимости прогрессивных преобразований в их собственном обществе, в их стране. По ее мнению, «русская колония отражала в миниатюре и с некоторыми изменениями уровень материальной культуры, социальные группы, политические партии и политическую борьбу в России. Крупные политические события, проходившие в России революция 1905–1907 гг. и Февральская, а особенно Октябрьская революция находили отражение в русской колонии и этим как бы приближали эти события к монголам, облегчали их наглядное восприятие, усиливали их непосредственное влияние».

Е.М. Даревская впервые подробно исследовала целый ряд проявлений культурных связей. Одна из первых опубликованных работ Е.М. Даревской посвящена Ургинской школе переводчиков³⁷, первой русской школы и первого русского культурного учреждения в Монголии. Школа просуществовала 50 лет (конец 1864 — 1920 г.) и подготовила более 100 переводчиков монгольского,

³⁴ Даревская Е.М. Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии // Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 42–63.

³⁵ Там же. С. 43.

³⁶ Там же. С. 62.

³⁷ Даревская Е.М. Ургинская школа переводчиков и толмачей: (Из истории русско-монгольских культурных связей) // Свет над Байкалом. Улан-Удэ, 1958. № 1. С. 140–150.

китайского и маньчжурского языков. Интересны сведения в статье о роли консула Я.П. Шишмарева в создании и деятельности школы, длительной борьбе за улучшение ее положения, социальном составе учеников, условиях их обучения, преподавателях школы, русских и особенно монголах Наянтае, Чиван-Дорчжи, Цэрэне, Балдане, Цэрэндоржи, их взаимоотношениях с учениками, прослежена судьба некоторых учеников школы, оставивших о себе заметный след. На пример судьба Р. Бимбаева, старшего переводчика Кяхтинского пограничного комиссара, составителя в 1910–1916 гг. четырех русско-монгольских и монгольско-русских словарей, участника первой русской противочумной экспедиции доктора Д.К. Заболотного в Восточной Монголии в 1898 г. Показано участие переводчиков в различных экспедициях и международных конференциях и дипломатических переговорах, в политических событиях в русской колонии в Урге.

Прогрессивные деятели России, связанные судьбой с Монголией, мечтали о просвещении монгольского народа, в первую очередь это были учителя буряты. Не только мечтали, но и предпринимали конкретные шаги в этом направлении. Еще в начале XX в. в период феодально-теократической монархии были созданы школы, в формировании которых принимали участие прогрессивные бурятские деятели Ц. Жамцарано, Д.А. Абашеев, Н.Т. Данчинов, И.И. Тунуханов. Из этих школ вышло много будущих руководителей монгольской революции, крупных государственных деятелей, таких как Ц. Дамбадорж, Х. Чойбалсан.

Е.М. Даревская одна из первых советских историков занялась этой важной и интересной проблемой еще в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Статьи: «Обучение монголов в Сибири накануне Народной революции» (1974), «Обучение монгольской молодежи в Восточной Сибири: (из истории советско-монгольских связей)» (1963), «Новые сведения о двух учителях первой светской школы в предреволюционной Урге» (1983) до сих пор не потеряли своего научного значения и получили свое развитие в диссертациях Е.И. Лиштованного, В.И. Ганжурова³⁸.

Впервые по архивным данным приведены сведения об англичанине Г.Ф. Уйттике, после 7 лет преподавания английского языка в Китае, приглашенном монгольским правительством в Ургу для организации обучения монголов европейским языкам³⁹.

Первый опыт обучения группы мальчиков-монголов в лучших школах Иркутска и Троицкосавска в 1913–1917 гг., был организован ученым монголоведом Ц. Жамцарано. Е.М. Даревская показала в своих статьях, какую большую роль придавал этому опыту русский дипломат И.Я. Коростовец и власти Иркутска. В Кяхтинской газете опубликована фотография всей этой группы учеников и учителей в Троицкосавске в мае 1913 г.⁴⁰ Этот первый опыт обучения небольшой группы монголов в Восточной Сибири после революции получил широкое развитие.

Е.М. Даревской был уточнен год начала работы русского кинематографа в Урге: не 1914 г., а 1913 г., вопреки утверждению авторов «Истории культуры МНР». Была сделана оригинальная попытка восстановить репертуар кино-

³⁸ Лиштованный Е.И. Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири: (1920–1980-е годы): учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. 78 с.

³⁹ Даревская Е.М. Англичанин из Лондона в ургинской школе // *Mongolica* — III: Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX в. СПб, 1994. С. 18–22.

⁴⁰ Даревская Е.М. Первые ученики — монголы в Сибири (с фотогр.) // Ленинское знамя. Кяхта, 1975. 4 февр.

фильмов, которые демонстрировались в монгольской столице и на этой основе сделан новый вывод о значении его для монголов, которые по свидетельству очевидцев, были его «главными любителями» и посетителями. Эта была не просто забавная заморская диковинка, как утверждали авторы «Истории культуры МНР», а наглядный и доступный, даже неграмотному человеку, источник самых разнообразных сведений. По видовым, научным, хроникальным и художественным фильмам разных стран монголы узнавали о природе и городах, народах стран мира, их жизни, обычаях, мировых событиях, в том числе о первой мировой войне, о революциях в России, об актерах и искусстве России, Дании, Франции, Италии, США, Англии и др. Кинематограф стал одним из средств приобщения монгольских кочевников к современному культурному миру, стремление к которому с особой силой проявилось в начале XX в.⁴¹

Русской медицине в дореволюционной Монголии посвящено две статьи Е.М. Даревской. В работе «Русская медицина в дореволюционной Монголии: (из истории русско-монгольских связей)» (1961) была нарисована достаточно полная картина того, как русские поселенцы и путешественники в Монголии оказывали различную медицинскую помощь монголам. По данным Е.М. Даревской, раздавали лекарства и оказывали первую медицинскую помощь путешественники и ученые: Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, А.П. Свечников, В.С. Мехеев, И.М. Майский, И.А. Третьяк, а также русские поселенцы: Ф.И. Минин, Киселев, А.Д. Корнакова, Д.А. Ермолин, А.В. и А.И. Бурдуковы, Ф.И. Парняков. «Лишенные медицинской помощи, эти бывалые люди, живущие в Монголии десятки лет, привозили и выписывали из России различные лекарства, овладевали необходимыми в быту элементарными медицинскими сведениями, некоторые имели медицинское образование»⁴².

Особенно важную роль они сыграли в деле оспопрививания. Известны многочисленные случаи, когда русские купцы брали с собой в Монголию фельдшеров специально для оспопрививания монголам, а с 1909 по 1919 г. ветеринарные врачи из противочумных экспедиций Читинской противочумной станции попутно делали бесплатно прививки оспы.

Не идя против исторической правды, Е.М. Даревская отмечала и позитивный вклад лам-лекарей, практиковавших монголо-тибетскую медицину и использовавших для лечения «природные минеральные источники («аршаны»), целебные растения и травы, диету и ингаляции»⁴³. Не чурались ламские врачи и использовать европейскую медицину. Например, они очень быстро начали применять оспопрививание «пользуясь детритом, который привозили в Монголию русские из Читы, Иркутска, Томска»⁴⁴.

Большой вклад внесли русские медики в изучение чумы (ее источников, передатчиков, проверки действия противочумной сыворотки, используя также и наблюдения лам и простых монголов).

Особенно расширилась медицинская помощь в начале XX в. С 1906 г. к консульству в Урге был прикомандирован врач для постоянной работы, была открыта небольшая больница для бесплатного обслуживания монголов, рус-

⁴¹ Даревская Е.М. Русский кинематограф в дореволюционной Урге // Олон улсын Монголч эрдэмтний III их хурал (III Международный конгресс монголоведов). Улаанбаатар, 1979. Т. 1. С. 135–141.

⁴² Даревская Е.М. Русская медицина в дореволюционной Монголии: (Из истор. рус.-монг. связей) // Труды ИГУ. 1961. Т. 29. Сер. ист. Вып. 2. С. 205.

⁴³ Там же. С. 204.

⁴⁴ Там же. С. 207.

ских китайцев. Е.М. Даревская отмечает, что среди посетителей больницы преобладали монголы: «за 1911 год из 10 261 посещения монголов было 6429, китайцев 3399, русских 433»⁴⁵.

Приведены в статье интересные материалы об отряде русских врачей под руководством О. Левитской в 1913 г., занимавшейся лечением глазных заболеваний. За два месяца работы экспедиции было принято 971 больной, из них 904 монгола, сделано 503 операции, 314 человек прозрели после операции. Поразительные и наглядные успехи! Также были подобраны и розданы очки.

По мнению Е.М. Даревской, «деятельность русских врачей в Монголии наглядно убеждала монголов в превосходстве научной медицины над ламским врачеванием, вызывала большое доверие, уважение и симпатии монголов к русским врачам»⁴⁶. Однако, реально оценивая масштабы врачебной помощи, исследовательница пишет: «вследствие мизерного количества русских врачей в Монголии, их деятельность была каплей в безбрежном море, она не могла ощутимо оздоровить население страны»⁴⁷.

Существенную роль в оказании медицинской помощи монголам сыграл доктор из Бурятии С.Б. Цыбыктаров. Его деятельности Е.М. Даревская посвятила специальную статью «Доктор С.Б. Цыбыктаров в Монголии» (1977)⁴⁸, построенную на материалах центральных и сибирских архивов, уделив особое внимание его «монгольскому периоду».

С.Б. Цыбыктаров в 1899 г. окончил Читинскую гимназию, в 1903 г. — Военно-медицинскую академию в Петербурге — одно из лучших медицинских учебных заведений России. Затем он работал в Забайкалье, а в 1909 г. его направляют в Монголию врачом при российском консульстве в Урге «для обслуживания конвоя, колонии и монголов».

По мнению автора статьи, С.Б. Цыбыктаров в полной мере соответствовал этому назначению: «Это был европейски образованный человек, опытный врач со специальным медицинским образованием, при этом хорошо знающий и тибетскую медицину, язык и быт монголов»⁴⁹.

Доктор Цыбыктаров своими наблюдениями, сообщенными И.М. Майскому, опроверг мнение ряда исследователей о монголах как народе физически вымирающем. «Он утверждал, что монголы физически крепки, мышцы и ткани у них упруги, операции у них протекают очень хорошо, почти не требуют наркоза, заживление ран происходит быстро»⁵⁰.

Он организовал в Урге небольшую больницу для стационарного лечения русских, монголов и китайцев, она была открыта в Урге 3 октября 1909 г. Очень значителен был объем приема доктора: в месяц 11 001 400 приемов больных, половина из них монголы. Консул Я.П. Шишмарев писал о нем в МИД России: «Он в короткое время заслужил доверие среди монгольского населения и китайцев и даже маньчжурских и монгольских властей»⁵¹. Именно по совету Цыбыктарова в Ургу был отправлен отряд глазного врача О.П. Левитской. Врачеб-

⁴⁵ Даревская Е.М. Русская медицина в дореволюционной Монголии. С. 211.

⁴⁶ Там же. С. 215.

⁴⁷ Там же. С. 216.

⁴⁸ Даревская Е.М. Доктор С.Б. Цыбыктаров в Монголии // Труды Бурят. ин-т обществ. наук Бурят. фил. СО АН СССР. 1977. Вып. 28: Исследования по истории и филологии Монголии. С. 39–50.

⁴⁹ Там же. С. 43.

⁵⁰ Там же. С. 46.

⁵¹ Там же. С. 44.

ная и просветительская деятельность доктора продолжалась 12 лет, до конца его жизни (февраль 1921 г.), когда он зверски был убит унгерновцами.

Специальную статью посвятила Елена Марковна и роли русской ветеринарии в дореволюционной Монголии⁵².

Впервые также были освещены те разделы обширной темы: «Из истории изучения Монголии», которые касаются деятельности и роли сибирских отделов РГО Восточно-Сибирского (с 1851 г.) и Троицкосавского-Кяхтинского (с 1894 г.), а также русских поселенцев в Монголии (А.В. Бурдукова, А.Д. Корнакова, Ф.И. Минина, К.В. Юргановой-Вяткиной), которые принимали активное участие в их работе, особенно на территории Монголии, и сами становились исследователями страны, в которой они находились⁵³.

Особенно выделяются материалы о А.В. Бурдукове, так как, кроме него никто из русских поселенцев не оставил такой обширный архив и не писал воспоминаний, содержащих ценные сведения по двум важным периодам истории Монголии⁵⁴.

В статье «В.Я. Зарубин и Монголия» (1971) Е.М. Даревская рассказывает о привлечении А.В. Бурдуковым известного и талантливого писателя В.Я. Зазубрина к поездке по Монголии летом 1926 г. и сбору материалов для написания романа «Золотой баран», о содействии ему в этом деле А.В. Бурдукова и Б.Я. Владимирцова, о передаче ему вдовой Владимирцова всего архива монголоведа-академика, для написания книги его и о неосуществлении этих замыслов из-за ареста и гибели В.Я.Зазубрина в 1937 г.⁵⁵ Составитель «Книги братства» с советской стороны, заведующий интернациональным сектором Союза писателей СССР, поэт А.Гатов назвал все эти сведения сенсацией.

В 1975 г. в связи с 150-летним юбилеем восстания декабристов Е.М. Даревская опубликовала статью «Декабристы в Забайкалье и соседние страны (Китай, Монголия)». Этой статьей открыта новая тема в декабристоведении, которая затем была развита еще в пятнадцати ее статьях и учебном пособии.

Находясь на каторге в Забайкалье, совсем недалеко от границы с Китаем, декабристы проявили живой интерес к этой стране древней и оригинальной культуры. Княгиня М.Н. Волконская, живя на Благодатском руднике в 12 верстах от границы, совершая верховые прогулки на казачьей лошади «доставляла себе удовольствие выезжать в Китай». Декабристы покупали редкостные китайские и монгольские вещи и посылали их родным в Европейскую Россию. Братья Бестужевы, живя на поселении в Селенгинске, послали родным монгольское огниво, оправленное серебром, древний «монгольский» медный нож, найденный в земле. «Подивись искусству, с каким могли эти народы приготовить такую твердую медь, что из нее можно было делать оружие». Ссылаясь на библейские предания, Н. Бестужев писал брату, что в глубокой древности и другие народы употребляли медные копыя, лук и т.п.

Многие декабристы ежегодно приезжали в Кяхту, чтобы побывать в находившемся рядом в пограничной зоне Монголии китайском торговом городке

⁵² Даревская Е.М. Русская ветеринария в дореволюционной Монголии // Труды ИГУ. 1970. Т. 59, вып. 2.

⁵³ Даревская Е.М. Изучение Монголии Троицкосавско-Кяхтинским отделением РГО // Труды Кяхтинск. музей краевед.; Кяхтинск. отд. ГО СССР. Улан-Удэ, 1961. Т. 18. С. 60–74. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Иркутск, 1994. С. 203–262.

⁵⁴ Даревская Е.М. Зазубрин и Монголия // Книга братства. М.; Улан-Батор, 1971. С. 175–182.

⁵⁵ Там же.

Маймачене. В Кяхте и Маймачене бывали: братья и сестры Бестужевы, дети М. Бестужева; С.Г. Волконский, его жена, сын, сестра; Трубецкие, старшая дочь которых — жена кяхтинского градоначальника (в 1853–1855 гг.), несколько лет жила в Кяхте; М.К. Юшневская с дочерью и зятем; приезжали И.И. Пущин, И.И. Горбачевский, А.М. Муравьев. В Кяхте видели они китайцев и «бронзированных монголов на верблюдах» (выражение М. Бестужева).

В Маймачене бывали они на празднике Нового года, на знаменитых китайских обедах. Сын декабриста Михаил Волконский, чиновник особых поручений Иркутского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева в 1856 г. вместе с переводчиком Шишмаревым ездил в Ургу с важным дипломатическим поручением, связанным с так называемым «Амурским вопросом».

Несколько лет жил в Кяхте и занимался торговлей китайским чаем внебрачный сын Н.А. Бестужева и бурятки, усыновленный Д.Д. Старцевым — Алексей Старцев. После Пекинского договора 1860 г., открывшего свободный доступ русским в застенный Китай, А.Д. Старцев одним из первых (12.06.1861) поселился в Тяньцзине, где прожил 30 лет. Он сыграл большую роль в развитии русско-китайских отношений, заслужил глубокое уважение китайцев. В его деятельности можно назвать некоторые моменты, касающиеся собственно Монголии. Занимаясь транспортировкой китайского чая из Тяньцзиня через Калган — Монголию в Кяхту, Старцев, как и другие русские коммерсанты, должен был заготовить много серебра для уплаты монголам за провоз, потому что по «Правилам сухопутной торговли России с Китаем» 1862 и 1869 гг., русским запрещалось продавать китайские товары по пути из Китая в Кяхту. Старцев предложил российским дипломатам разрешить свободную продажу чая в Калгане и Монголии, потому что «монголы кирпичный чай берут с большой охотой, нежели серебро. Подобная торговля чаем диктовала бы большую пользу и удешевила бы проездную плату».

Старцев пытался содействовать улучшению путей сообщения и телеграфной связи России с Китаем через Монголию. В 80-х гг. XIX в. иностранцы в Китае добивались концессии на постройку железной дороги через Монголию. Один француз в 1886 г. построил в Тяньцзине в парке образцовую круговую железную дорогу и на ее открытие пригласил влиятельного губернатора Ли Хунчжана, желая заручиться его поддержкой. Но Ли Хунчжан обещал Старцеву выхлопотать разрешение на постройку железно-верблюжьей дороги через Монголию. Старцев, не желая искать денег у иностранцев, решил сам взять акций на 400 тыс. р. и предложил управляющему русской почтой в Пекине Н.И. Гомбоеву (женатому на его сестре) «найти монгольского князя и вести дело совместно». Но, как и предполагал Гомбоев, Пекин не разрешил концессию на имя монгола, опасаясь сближения монголов с русскими. Старцев вел 1885–1887 гг. переговоры с китайцами о постройке телеграфа через Монголию на Кяхту, но китайцы считали нужным сначала построить линию через Маньчжурию. В 1891 г. Старцев возобновил переговоры о кяхтинской линии со старшим секретарем Ли Хунчжана. В начале 1892 г. Ли Хунчжан официально передал российскому посланнику желание китайского правительства построить кяхтинскую линию для соединения с русской и просил, чтобы первоначальные переговоры поручить Старцеву, «как уже вполне знакомому с этим делом», говоря так: «Я хорошо знаю Старцева как честного человека, поэтому и рекомендую его, надеюсь, что он все исполнит хорошо».

Телеграфная линия Пекин Калган Кяхта была построена к 1898(9) близкой к России датской телефонной компанией.

В 1891 г. Старцев, из-за усилившейся политики России в Китае и изменившегося отношения российских дипломатов лично к нему, обосновался на Дальнем Востоке на необитаемом до него острове Путятин в Японском море, недалеко от Владивостока и за кратчайший срок создал здесь образцовое имение с разнообразными промышленными и сельскохозяйственными производствами. Учитывая нужды дальневосточного края в сельском хозяйстве, он особое значение придавал коневодству и скотоводству.

Конный завод Старцева главной целью имел создать выносливую рабочую лошадь для местного крестьянского хозяйства. Для этого Старцев приобрел рысаков-орловцев лучших конных заводов Москвы и Томска, английских скаковых кобылиц в Австралии и Калькутте и 80 кобылиц монгольской выносливой и нетребовательной породы в Монголии у славившегося своими табунами Цэцэн-хана. Результаты опытной работы конного завода Старцева были представлены на Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставке в Хабаровске в сентябре 1899 г.: здесь были представлены чистокровные рысаки, помесь орловца с англичанкой, но крестьяне, казаки и мещане заглядывались на помесь орловца с монголкой, с крепким костяком при хорошо развитой мускулатуре. Эта лошадь наиболее отвечала требованиям местного крестьянского хозяйства и при невысокой цене — 120–150 р. была «поистине благодеянием для края». Монголки имели хороший сбыт во Владивостоке.

В Альбоме выставки есть фото лошадей Старцева, в том числе и монголки.

Для своего скотоводческого хозяйства на о. Путятин Старцев закупил в Орловске коров и быков холмогорской и гомитинской пород, а во Владивостоке — коров монгольской породы.

Старцев, живя в Тяньцзине, собрал библиотеку книг и древних рукописей по востоковедению — истории Китая, Монголии, Кореи, по отзыву знатока Китая и Дальнего Востока М.Г. Шевелева, принимавшего участие в комплектовании библиотеки Старцева, она «не имела равной в мире, стоимость ее не может быть измерена никакими суммами». Старцев собрал также знаменитую коллекцию предметов буддийского культа, «единственную в мире по полноте». Парижский музей, вероятно, Лувр, предлагал Старцеву за его коллекцию 3 млн франков, но он отказал ее продать за любую сумму.

Старцев оказал активное содействие созданию I буддийской выставки в Иркутском музее ВСОРГО в 1889 г., передав 16 прекрасных статуэток буддийских богов, монаха, раковину жемчужницы с рельефными перламутровыми изображениями и др.

Связи с Монголией имел и Н.И. Гомбоев. Селенгинский бурят, вероятно, ученик Бестужевых, учитель в бурятской школе, Гомбоев при открытии первого русского консульства в Урге в 1861–1863 гг. частным образом служил там переводчиком, ездил в Пекин для изучения китайского языка. Позже он неоднократно в качестве переводчика монгольского и китайского языка сопровождал научные экспедиции в Китай и Монголию. Затем он 30 лет управлял русской почтой в Тяньцзине и Пекине. Старшие дочь Екатерина и сын Георгий учились в Иркутске, куда отвозила их жена Н.И. Гомбоева — Екатерина Дмитриевна, сестра А.Д. Старцева. Приезжал в Иркутск и Н.И. Гомбоев, прислал иркутскому музею ВСОРГО предметы из своей богатейшей коллекции принадлежностей буддийского культа из ламаистских монастырей для буддийской выставки в конце 1889 г. Был он и членом ВСРГО. В 1891 г. Н.И. Гомбоев забрал сына Георгия из иркутской гимназии и отдал его в Ургинскую школу переводчиков,

которую тот успешно окончил, совмещая с работой в консульстве, за что был награжден орденом двойного дракона. Во время русско-японской войны служил переводчиком китайского языка в Порт-Артуре, позже в Харбине.

Н.И. Гомбоев, живя в Пекине, поддерживал дружеские связи с монголами, многие бывали у него в Пекине, он вообще придавал большое значение поддержанию тесных связей русских с монголами — ближайшими соседями сибиряков.

На основе всех этих статей Е.М. Даревская подготовила рукопись монографии «Декабристы в Сибири, Монголии и Китае».

В целом, работы Е.М. Даревской, опубликованные и неопубликованные, содержат обильные новые материалы и о политике России по отношению к Монголии, и о деятельности многих русских в Монголии, и о влиянии этой деятельности на Монголию, ее экономику, социальные отношения, уровень культуры, то есть на историю собственно Монголии.

Мы, ее коллеги и ученики, имевшие представление о колоссальном объеме информации по истории русско-монгольских отношений, накопленном Е.М. Даревской за долгие годы работы, уже давно ждали обобщающего исследования, где-бы под одной обложкой были собраны все разработки по проблеме. И вот в 1990-е гг. к читателю, наконец, пришли такие яркие и интересные книги, о которых уже упоминалось выше: «Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX века» (Иркутск, 1994); «Три портрета — три судьбы. Исторические очерки» (Улан-Батор, 1997); «Методические ошибки в современном декабристоведении» (Иркутск, 1998).

«Сибирь и Монголия...» представляет собой фундаментальное исследование, освещающее практически все аспекты деятельности российских людей в Монголии начала XX в. Заинтересованный читатель обнаружит здесь анализ интереснейших коллизий, возникавших в процессе хозяйственных, политических, культурных и, наконец, научных контактов России и Монголии. Написанная объективно и сдержанно, в традициях старой русской исторической школы, снабженная внушительным научным аппаратом, эта книга является крупным вкладом в историографию русско-монгольских отношений.

«Три портрета...» издана в Монголии и поэтому практически недоступна российскому читателю. Остается, в этой связи, выразить глубокое сожаление, поскольку героями этого своеобразного исторического триптиха стали очень интересные и самобытные люди: русский финансовый советник правительства Автономной Монголии в 1914–1916 гг., впоследствии выдающийся монголовед С.А. Козин; кяхтинский купец 1-й гильдии, пионер русского земледелия в Монголии И.И. Корнаков; сибирский священник Ф.А. Парняков. И вот тут мы сталкиваемся с одной характерной особенностью творческой позиции «Сибири и Монголии...» и «Трех портретов...». Дело в том, что за исключением С.А. Козина, остальные персонажи упомянутой трилогии малоизвестны. Как нам кажется, для Елены Марковны в истории нет действующих лиц первого и второго плана. Более того, видимо, именно судьба рядового человека позволяет ей более органично приблизиться к историческому времени, взглянуть на события как бы изнутри, почувствовать дух, или, если хотите, запах эпохи.

В сюжете об Иване Иакинфовиче Корнакове очень ярко проявилась особенность исследовательского почерка Е.М. Даревской, а именно, стремление к максимальной объективности, чуждое предвзятости и категоричности оценок. В обстановке утверждения ценностей рыночной экономики и соответствующе-

го пересмотра места и роли купечества в дореволюционной России естественным было бы представить общественности, в том числе и монгольской, положительный образ купца, гармонично сочетавшего в себе предприимчивого дельца и культуртрегера. И такие люди были. Достаточно вспомнить А.М. Лушникову, А.Д. Старцева, А.В. Швецову, М.А. Коковина и др. Но в центре внимания Елены Марковны человек совершенно иного склада, совмещавший ярко выраженную сеньориальность поведения и очевидное отсутствие навыков рационального хозяйствования. И это тоже типичный представитель русского купечества, мимо которого, как бы ни хотелось, не может пройти истинный историк.

Еще она тема исторических поисков занимала Елену Марковну Даревскую — декабристы в Сибири, их интерес к странам Востока: Китаю и Монголии. В ней она сумела соединить две разные темы в одну и создать оригинальную работу. В 2007 г. была опубликована монография Е.М. Даревской «Декабристы в Сибири и соседние страны Востока — Китай, Монголия»⁵⁶. Была проделана объемная работа по выявлению, обобщению отдельных фактов, событий и источников в цельную картину.

В данной монографии на основе публикаций будущих декабристов проанализированы их представления о Китае и Монголии, а также их оценки монгольских завоеваний и влияния на историческое развитие Руси.

Более подробно рассмотрены в книге следующие вопросы: этнографические наблюдения декабристов в Кяхте и Маймачене, характеристики торговых отношений России с Китаем и Монголией, декабристы и восточная медицина, источники сведений декабристов о Китае и Монголии.

Российские монголоеды Москвы, Петербурга, Улан-Удэ, Элисты всегда с интересом следили за работами Е.М. Даревской, высоко оценивали ее статьи и монографии. Иркутские монголоеды имели возможность личного общения с уважаемым исследователем, возможность получить консультацию и ценный совет.

В ноябре 1999 г. Иркутское отделение Всероссийской ассоциации монголоведения провело международную конференцию «Монголия и Сибирь», посвященную 80-летию со дня рождения Е.М. Даревской. Были опубликованы полная биография ученого, библиография трудов на русском, монгольском и английском языках (В.В. Свинин), историографический обзор работ Е.М. Даревской.

В декабре 1999 г. Генеральный консул в Иркутске Л. Мундагбаатар вручил Е.М. Даревской Знак «Заслуженный работник просвещения Монголии» за большой вклад в изучение истории и культуры Монголии, подготовке кадров историков для Монголии.

В 2009 г. кафедра мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского госуниверситета провела торжественное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения Е.М. Даревской. Была дана высокая оценка научного и педагогического наследия неугомонного иркутского исследователя истории Монголии и русско-монгольских связей⁵⁷.

Жизнь и научная деятельность Е.М. Даревской является образцом творческого отношения к историческим исследованиям, преданностью теме изучения. Е.М. Даревскую, как исследователя, всегда отличали скрупулезность в сборе материалов, принципиальность в отборе фактов, а также завидное упорство и увлеченность.

⁵⁶ Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока — Китай и Монголия. Иркутск, 2007. 118 с.

⁵⁷ Елена Марковна Даревская. Замечательный педагог, известный ученый: к 90-летию со дня рождения / сост. В.В. Свинин. Иркутск, 2009. 16 с.

7. ВОЙНА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ 1939 ГОДА В РОССИЙСКОЙ И МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

7.1. Война на Халхин-Голе 1939 года — начало Второй мировой войны: новая историческая версия

В 2014 г. отмечалось 75-летие военных событий на реке Халхин-Гол в Монголии. Все большее удаление от этого события не делает его менее актуальным. Международная общественность, дипломаты и ученые испытывают постоянный интерес к истории этого важного события, о чем свидетельствуют международные научные конференции и многочисленные публикации¹.

Российские и зарубежные исследователи пытаются создать более детальную историю военного конфликта на реке Халхин-Гол, расширяют документальную базу исследования и вводят в научный оборот новые исторические источники; уточняют цели и причины военных действий японских войск; изучают и определяют их место в системе международных отношений в регионе Восточной Азии, и в мире вообще. Разумеется, что точки зрения российских историков по-прежнему существенно различаются с оценками японских и западных исследователей. Единые в свое время оценки событий советских и монгольских историков в последнее двадцатилетие также начинают расходиться по отдельным вопросам. Монгольские историки часто проводят с японскими учеными совместные международные конференции, на которых по некоторым вопросам происходит сближение их научных позиций. Современная российская историография в настоящее время оперирует прямо противоположными оценками степени изученности темы. Одни считают, что в российской исторической науке накоплен значительный фактический и документальный материал и проблема в целом считается в основном исследованной, за исключением отдельных сложных или ранее закрытых тем. По мнению других исследователей, тема вообще слабо изучена, в теме имеется много противоречий, фактических неточностей, исторических ошибок, много идеологических и эмоциональных оценок, вместе серьезного аналитического и объективного исследования. До сих пор слабо привлекаются архивные материалы Военно-исторического архива. По данным доктора исторических наук Е. Катасоновой в нем хранится свыше 700 единиц хранения о войне на Халхин-Голе. Они не всегда были доступны исследователям, а сегодня нужно максимально их изучить, проанализировать и ввести в широкий научный и общественный оборот. Американские и японские исследователи сделали это сразу после окончания Второй мировой войны. Были привлечены военные и историки, проделана объемная работа по сбору, анализу и к 1960 г. издано 13 специальных исследований, касавшихся Маньчжурии. Подобная работа ранее была осуществлена в России после русско-японской войны, изданием многотомного сборника документов, мемуаров, аналитических материалов по итогам войны. Широкой известностью в научной мире пользуется монография А. Кукса «Номонхан:

¹ Война на Халхин-Голе (1939 г.) в мировой истории и истории международных отношений: причины и последствия: докл. междунар. конф. // Вестник МЦАИ. 2009. Вып. 16; Шишкин С.Н. Халхин-Гол. М., 1954; Новиков М. Победа на Халхин-Голе. М., 1971; Евдокимов В.И. Политическая география Халхин-Гола // География. Приложение. 2001. № 17. С. 26–28; Кошкин А. Как готовился Халхин-Гол // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 41–51; Лузянин С.Г. Дипломатическая история событий на Халхин-Голе // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 41–51; Кузнецов И.И. Герои Халхин-Гола. 3-изд. Улан-Батор, 1984.

Япония против России, 1939 г.» в двух томах, объемом более тысячи страниц, написанная на основе оригинальных документов. В России опубликовано, в целом, более тысячи книг, воспоминаний и статей, но ряд проблем нуждается в более глубоком и взвешенном исследовании и анализе.

По нашему мнению, написано научных, научно-популярных, военно-исторических трудов известных военных специалистов и известных историков, а также мемуаров, сборников воспоминаний, публицистических, художественных произведений на тему военных действий на Халхин-Голе более чем достаточно. Другой вопрос, что все они очень разного качества, так как перед ними ставились совершенно различные цели и задачи. Разумеется, большое влияние на формирование советской концепции войны на реке Халхин-гол сыграли методологические и идеологические подходы. Постсоветский период изучения данной темы носил стихийный и чаще всего юбилейный характер. Статьи и конференции, в том числе и международные, проводились в годы «круглых» дат. Подготовительный период чаще всего носил короткий период, поэтому не носил концептуальных прорывов.

Серьезным научным шагом вперед стали международные научные конференции, проводимые в Монголии (в Улан-Баторе, 2009 г.), с приглашением известных специалистов из Монголии, России, Японии, США и других зарубежных стран, которые имели совершенно различные взгляды на события 1939 г. Тем не менее, происходил важный обмен мнениями по сложным и спорным вопросам, иногда появляются точки соприкосновения и сближение подходов. Но в целом, подходы российских монгольских, американских и японских историков существенно различаются.

Позитивной современной тенденцией российской исторической науки стали постоянные международные научные конференции в Москве, Петербурге, Улан-Удэ, Иркутске и Чите, которые имеют значимый интерес в российском обществе, привлекают ветеранов боевых действий, военных специалистов, историков, студентов и школьников и имеют информационное и воспитательное значение для молодого поколения. Работа поисковых сибирских отрядов в 2000-х гг. на месте боевых действий — благородное дело по увековечиванию памяти погибших советских и монгольских воинов.

Роль и место войны на Халхин-Голе в системе мировых международных отношений нуждается, по нашему мнению, в одном очень важном уточнении. Общеизвестным событием начала Второй мировой войны считается 1 сентября — нападение фашистской Германии на Польшу. В качестве версии предлагаем постановку проблемы о начале Второй мировой войны военными событиями на реке Халхин-Гол в мае — сентябре 1939 г.

Данное предположение было высказано в публикациях Я.А. Бутакова «Горячий август 1939», Е.Л. Катасоновой «Необъявленная война. К 75-летию событий Халхин-Гола»². К сожалению, оно не получило в исторической литературе концептуального и логического обоснования и документального подтверждения.

1. В современной западной, японской и монгольской историографии целенаправленно и системно предпринимаются попытки не только пересмотреть причины, повод, ход военных действий на Халхин-Голе, исторические последствия, но и противопоставить страны: Россию и Монголию, особенно

² Катасонова Е.Л. Необъявленная война. К 75-летию событий Халхин-Гола. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=413.

на этапе предварительных дипломатических переговоров, накануне военных событий. Иногда выдвигается абсурдный тезис о равной ответственности Японии и СССР за развязывание военного конфликта. Это положение носит совершенно абсурдный характер, полностью не соответствует историческим реалиям. В некоторых российских изданиях этот тезис также получил определенное распространение. Так, исследователь К.Е. Черевко считает, что конфликт произошел нагнетанием сторонами напряженности, как с японской стороны, так и советским руководством. К.Е. Черевко, начитавшись японских объяснений причин войны, повторяет за ними тезис, что оперативный план № 8 («Оцу») «носил сугубо оперативный план и не был рассчитан на немедленное применение независимо от обстановки, командующий 23-й дивизией генерал-лейтенант М.Комацубара в марте 1939 г. решительно выступил за его претворение в жизнь и был поддержан руководством оперативного отдела Квантунской армии, которое проигнорировало указание Генерального штаба японской армии о необходимости в случае опасности возникновения военного конфликта с СССР заблаговременно производить консультации с Токио»³. Имея даже минимальные представления о военной субординации, тем более в японской армии, невозможно представить такой уровень неподчинения.

По твердому убеждению академика С.Л. Тихвинского, «думаю, что если бы на Халхин-Голе их дела пошли удачно, они бы развернули дальнейшее наступление. В их далеко идущие планы входил захват восточной части Монголии и выход к Байкалу и к Чите, к туннелям, на перехват Сибирской магистрали»⁴.

В российской и зарубежной историографии в разные периоды давались самые различные характеристики военных событий на Халхин-Голе: «пограничный конфликт», «военный конфликт», «военные действия», «боевые действия», «необъявленная война», «война на Халхин-Голе», «Номонханский конфликт». Разумеется, это не случайные оценки одного и того же исторического события. За ним стоят различное понимание этого исторического факта в национальной и мировой истории, различные исторические и национальные концепции. Парадоксальность сложившейся ситуации заключается еще и в том, что один и тот же историк в одной и той же статье может использовать несколько разных терминов: «боевые действия», «военное столкновение», «советско-японский конфликт», «война на Халхин-Голе». И это не просто желание не писать однообразно одними словами, а скорее всего, сложившаяся историческая ситуация, когда о конкретном историческом событии не существует полной и взвешенной картины и однозначного понимания исторического военного события.

2. В японской и западной историографии военные действия в мае-сентябре 1939 г. рассматриваются как локальный пограничный конфликт или «Номонханский конфликт», который возник случайно и спонтанно. Военная доктрина японской армии, ее реальные действия в Маньчжурии говорят совершенно обратном. По их мнению, локальный пограничный конфликт постепенно перерос в военный конфликт. Некоторые японские исследователи (К. Танака) пытаются доказать, что советская сторона причастна к срыву мон-

³ Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча: научное издание. М. : Вече, 2003. С. 88–89.

⁴ Тихвинский С. Л. Избранные труды: в 5 кн. Кн. 4. Отечественная и всемирная история. М., 2006. С. 76–77.

голо-японских переговоров с целью обострения конфликта⁵ и показательного разгрома японо-маньчжурских войск.

Переговоры на станции Маньчжурия в 1935–1937 гг. действительно находились под контролем как советской, так и японской стороны. Просто условия и требования сторон были несовместимы, что и привело к концу концов к срыву дипломатических переговоров. Опубликованные архивные документы подтверждают заинтересованность и намерение советской стороны решить вопрос о границе дипломатическим путем. В них подчеркивается ограниченность монгольских пограничных сил в данном районе, которые не смогут противостоять более многочисленным японо-баргутским войскам. В письме полпреда СССР в МНР В.Х. Таирова замнаркоминделу Б.С. Стомнякову от 8 марта 1936 г. отмечается: «...если бы японцы начали наступление теми силами, которые уже сосредоточили в районе Буир-Нор (т.е. до 5 тыс. бойцов с очень большой техникой), то, конечно, Тамсик они заняли бы в течении двух дней. Ничего серьезного там противопоставить им мы не могли»⁶.

По данным архива Института военной истории МО РФ, приведенными в статье полковника В.А. Афанасьева, в мае-июле 1939 г. существовало явное преимущество японо-маньчжурских войск в живой силе и вооружении: в мае, в 2 раза, в июле — в 3 раза. Только в июле у советской стороны появляется преимущество в танках и бронемашинах⁷. Поэтому понятно, что в первые месяцы войны пограничные войска и регулярные части МНР и СССР выступали в роли обороняющейся стороны. Численное и тактическое превосходство было на стороне японо-баргутских войск. Техническое и летное преимущество на начальном этапе войны было и на стороне летных частей Квантунской армии, но только до появления опытных советских летчиков и новой техники в июле 1939 г.

Специалист по российско-монгольскому военному сотрудничеству Ж.Б. Жалсапова проанализировала японскую и западную прессу за июнь 1939 г. и пришла к заключению, что японские агентства и западные газеты, что монгольские войска потерпели поражение от хорошо вооруженных японских частей, а японские агентства подчеркивали техническую отсталость советской авиационной техники⁸.

Среди японских историков также нет единства взглядов на военные события. Некоторые японские авторы признают, что это была настоящая локальная война и называют ее «второй японо-русской войной».

Еще более абсурдным представляется предположение известного японского историка К. Танаки, о том, что переговоры между монголами и баргутами в 1935–1937 гг. на станции Маньчжурия могли привести к созданию единого монгольского государства. Теоретически на эту тему можно рассуждать, но в практической плоскости вопрос не ставился. Разумеется, в данном контексте

⁵ Грайворонский В.В., Лузянин С.Г. Война на Халхин-Голе: место в мировой истории // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 160; Носов Д.А. О международной конференции «Война на Халхин-Голе (1939)». Номонханский инцидент в мировой истории. Зная о прошлом и говоря о будущем. Улан-Батор, 2009. С. 2.

⁶ Монгол-Оросынцэргийнхамтынажиллага (Баримтынэмхтгэл). Пботь. Улан-Батор, 2011. С. 12.

⁷ Афанасьев В.А. Халхин-Гол в ретроспективе Большой войны // Отечественная история. 1999. № 5. С. 182.

⁸ Жалсапова Ж.Б. Иностранная пресса 1939 г. о начале вооруженного конфликта на монголо-маньчжурской границе (на р. Халхин-Гол) / Ж.Б. Жалсапова // Защита и охрана государственной границы РФ: состояние и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2008. С. 128.

требуются специальные исследования и определенные объяснения репрессий руководителей переговоров с обеих сторон. Японская военная полиция арестовала и казнила в апреле 1936 г. Лин Шана –руководителя маньчжурской делегации. В 1937 г. был арестован за японский шпионаж и казнен в ноябре руководитель монгольской делегации Самбу. Это достаточно сложный вопрос, ответить на который чрезвычайно не просто. Возникает вопрос, это реальные или мнимые объяснения сговора глав делегаций по созданию единого монголо-маньчжурского государства. По исторической логике это маловероятно, слишком разные политические и экономические системы сложились к данному моменту в МНР и Маньчжоу-Го.

Ряд современных известных российских историков С.Г. Лузянин (2001), М.И. Гольман (2013)⁹, признавая агрессивные намерения японской стороны и рассматривая военные действия на Халхин-Голе, как масштабные, тем не менее считают их военным конфликтом. М.И. Гольман не согласен с оценкой «пограничный конфликт», а считает правомерным термин «локальный конфликт». В качестве аргумента известный российский монголовед приводит интервью Г.К. Жукова, данное 9 мая 1945 г., в котором он на вопрос о Халхин-Голе ответил, что это была «операция местного масштаба».

Разумеется, надо учитывать конкретную ситуацию мая 1945 г., когда битва за Берлин справедливо своими масштабами затмила события далекого 1939 г. Но, мы больше доверяем мемуарам Г.К. Жукова, в которых он назвал военные события на Халхин-Голе «Необъявленной войной». Легендарный полководец в полной мере проявил здесь свой военный талант, который сумел скрыть от опытного противника свои истинные намерения, скрытыми действиями ввести его в заблуждение (ложная операция по подготовке советских войск к зиме) и неожиданно атаковать противника. Впервые был осуществлен план скрытного накопления военных сил, полного окружения противника, массированного использования самолетов, артиллерии и танков, получился свой будущий «маленький Сталинград». Более того, все это произошло без выхода за пределы монгольской территории. Некоторыми военными были сделаны предложения, продолжать наступление на вражескую территорию, но получившие разумный отказ. Известно, что в штабе советской армейской группы разрабатывались планы наступательной операции и переносе боевых действий на маньчжурскую территорию, частично и в Генштабе разделяли эти позиции. И.В. Сталин категорически пресек такие предложения и запретил переносить военные действия за пределы Монголии.

3. По нашему мнению, военные события на реке Халхин-Гол в мае — сентябре 1939 г. являются не военным конфликтом, а полномасштабной войной, о чем свидетельствует регион втянутых в военное противостояние и войну территории МНР, СССР, Маньчжурии, Внутренней Монголии и длительный период военных действий (май — сентябрь 1939 г.), интенсивность военных действий, использование значительного количества военной техники: танков и самолетов, артиллерии, значительные потери войск, впервые использованные новые виды военной техники, и тактические и стратегические новации. Не совсем удачные военные действия советско-монгольских войск в начале военного конфликта в мае — июне 1939 г. свидетельствуют о

⁹ Гольман М.И. События на Халхин-голе в российской и зарубежной историографии // Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века. М., 2013. С. 102–111; Лузянин С.Г. Дипломатическая история событий на Халхин-Голе.

лучшей готовности японских войск к войне и выявляют инициатора пограничных конфликтов и самой войны.

С формальной точки зрения, это была очень необычная война: не были разорваны дипломатические отношения стран-участников войны, формально не было официального объявления войны, но было подписано мирное соглашение 16 сентября 1939 г. Длительное время в советской прессе (до июля) не было информации в печати о войне. В июле в центральной и региональной прессе стали публиковаться материалы о боевых действиях в Монголии. Массовое награждение советских воинов в августе дало более полную информацию для размышления о масштабах военных действий.

Война потребовала от СССР значительных экономических и организационных усилий для обеспечения победы, а для экономики МНР это потребовало полной экономической и политической мобилизации страны. И для Монголии это было настоящее испытание страны на экономическую и политическую прочность, для нее это была полномасштабная война, а не локальный конфликт. В докладе на международной конференции в Иркутске 2009 г. монгольского военного историка С. Ганболда из Центра военных исследований отмечалось, что были мобилизованы все резервисты страны и даже представители малых народов, ранее, не привлекавшиеся ранее к военной службе, 60 % бюджета страны были потрачены на неотложные военные нужды. И делает убедительный вывод, что «халхингольское сражение было для Монголии не пограничным конфликтом, а полномасштабной войной»¹⁰.

4. Война на Халхин-Голе — святая страница российской военной истории. В этих событиях достойно себя проявили политическое руководство СССР и Монголии, советская дипломатия, военная разведка (группа Р. Зорге впервые результативно сработала именно здесь), Красная Армия, политическое и военное руководство Монголии, советское-монгольское боевое содружество. Было продемонстрировано на заключительном этапе войны преимущество советской военной техники, высокое летное мастерство советских летчиков, преимущество военной тактики и стратегии. Например, блестящая операция генерала Г.К. Жукова по окружению и уничтожению противника, использование танков без сопровождения пехоты.

5. В военные учебники и энциклопедии она вошла как блестяще проведенная военная операция. Это была упреждающая операция, так как японское наступление планировалось на 24 августа. Это явно свидетельство успешных действий военной разведки, армейской и стратегической (группа Р. Зорге). Японцы были специальными методами введены в заблуждение о подготовке советских войск к зимней кампании (использование имитационной техники о якобы строительстве зимних сооружений, ложной передачи информации о завозе зимнего снаряжения, специальной утечки информации и т.п.) Операция по окружению носила оригинальный характер. Впервые массово были применены танки и самолеты. В российской историографии приведены многочисленные документы и заявления японских политиков и военных, отражающих агрессивные планы японского военного руководства и причины войны на Халхин-Голе.

Осенью 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии, где в 1932 г. было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с Пу И, по-

¹⁰ Носов Д.А. О международной конференции «Война на Халхин-Голе (1939)». С. 7.

следним китайским императором. В 1933 г. Япония демонстративно вышла из Лиги Наций, отказавшейся признать Маньчжоу-Го. В декабре 1934 г. Япония расторгла в одностороннем порядке Вашингтонские соглашения о морских вооружениях. В ноябре 1936 г. Япония подписала с Германией известный антикоминтерновский пакт, в 1937 г. к нему присоединилась Италия, а в феврале 1939 г. присоединилось марионеточное государство Маньчжоу-Го. В марте 1937 г. началась многолетняя японо-китайская война. Был взят твердый и решительный курс на расширение военной экспансии и провокаций, в том числе против СССР и Монголии. Любая попытка как-то обелить внешнюю политику Японии 30-х гг., которые встречаются в современной монгольской и российской историографии, отражают профессиональную компетентность тех, кто об этом пишет.

Япония не признавала Монголию независимым и самостоятельным государством, с которым стоило бы считаться, что и вело к пограничным конфликтам. Некоторые современные исследователи выражают сомнение в реальности существования «Меморандума Танаки», опубликованного в китайском журнале в 1929 г. Полное название документа «Меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии». В публикации говорилось, что документ 25 июля 1927 г. императору Японии представил премьер-министр и министр иностранных дел генерал Танака. В Меморандуме обозначались этапы японской экспансии: подчинение Маньчжурии, Монголии, Китая, а затем Индия, страны бассейна Тихого океана, Центральной Азии, и наконец, Европы. Как известно, публикация наделала много шума, но до сих пор не подтверждена его подлинность. Во втором томе (1917–1933) «Очерков истории российской внешней разведки», главным редактором которых выступает академик и бывший руководитель СВР Е.М. Примаков в специальной главе 32 «Меморандум Танака» отмечается, что «документ существовал и был добыт нашими разведчиками в двух резидентурах: в Сеуле и в Харбине. Получение меморандума Танаки явилось крупнейшим достижением в работе советской внешней разведки против милитаристских устремлений Японии в период 20-х — начала 30-х годов»¹¹. Документ был добыт через секретную почту Японии с помощью И.Т. Иванова-Перекреста, заместителем резидента тогда был советский разведчик, генерал-майор В.М. Зарубин¹². Подтверждением реальности существования данного документа является получение аналогичного документа в Корее. «Дело с меморандумом Танаки получило свое продолжение в Корее, и можно с полной уверенностью сказать, что имел место уникальный случай в практике разведслужб, когда один и тот же секретный документ почти одновременно был добыт нашими разведчиками в разных странах»¹³. В документе, в частности отмечается «Японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и его отношения с иностранными государствами, должна быть проведена нами как можно скорее. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР. Разумеется, нам нужно осуществить продвижение до озера Байкал...»¹⁴. Некоторые современные российские исследователи, например К.Е. Черевко (2003) считают его фальшивкой. Разуме-

¹¹ Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 2. М., 1997. С. 253.

¹² Там же. С. 254.

¹³ Там же. С. 257.

¹⁴ Там же. С. 254.

ется, японские историки не признают существование данного документа, выражают сомнение и некоторые монгольские историки.

Япония не признавала независимость Монголии (МНР), считая ее частью Китайской Республики, для этого были дипломатические основания, в частности, советско-китайский договор 1924 г. Как пишет монгольский военный историк Г. Ариунболд, «идея Токио заключалась в объединении МНР с китайскими провинциями Внутренней Монголии в еще одно марионеточное государство Монголо-Го по образцу Маньчжоу-Го. Конечной целью этих трансформаций велось образование единой маньчжуро-монгольской империи, то есть возвращение Внешней Монголии под власть маньчжурских правителей, как это было с конца XVII до начала XX в. Это образование должно было стать новым материковым владением Японии»¹⁵.

Первые пограничные конфликты произошли еще в 1932 г., но особенно участились в 1935 г. Переговоры о демаркации границы летом и осенью 1935 г. успеха не имели и конкретного результата не дали, так как стороны использовали различные карты данной местности: представители Маньчжоу-Го карту 1906 г., монгольская сторона китайскую военную 1887 г.

Захваченные во время боев японские военные карты оперативного назначения говорят о том, что японское военное командование было хорошо осведомлено о прохождении реальной границы МНР и Маньчжоу-Го. Так, захваченная в мае машина подполковника Адзима с топографической картой района боевых действий свидетельствовала, что военные действия происходили на монгольской территории. Позднее, эта карта будет фигурировать на Токийском процессе, как свидетельство японской агрессии. Современные японские историки специально исследуют эту картографическую проблему. Некоторые японские исследователи (Хосогавы Гокоу) выявили четыре варианта карт местности спорного района различного времени. Представляется, что абсолютизировать картографическую проблему, как реальную причину пограничного конфликта, а затем войны — значит уходить от реальных причин военных действий.

Однако, и в «картографической войне» японская сторона также проигрывает. В 2009 г. на международной конференции в Улан-Баторе докладчик Стюарт Голдман сообщил в своем докладе, что «на карте, которая сейчас хранится в библиотеке Института оборонных исследований Министерства обороны граница обозначена не по Халхин-Голу, а к востоку от нее. Эта карта была составлена с учетом результатов работы специальной экспедиции по уточнению линии границы. Однако, Генеральный штаб императорской армии Японии, основываясь на неточной информации проигнорировали эти изменения, что по мнению докладчика, послужило одним из факторов возникновения Номонханского конфликта»¹⁶.

6. Место войны на Халхин-Голе в системе международных отношений. Международный характер самой войны: участие в ней 4 стран: Монголии, России, Японии, Маньчжоу-Го. Разумеется, главными участниками конфликта являлись Япония и СССР. Кроме того, за спиной Японии стояла Великобритания, крупные военные поставки Японии осуществляли США. Великобритания заключила 23 июля 1939 г. (в разгар войны на Халхин-Голе) с Японией

¹⁵ Война на Халхин-Голе (1939 г.) в мировой истории и истории международных отношений: причины и последствия. С. 23.

¹⁶ Грайворонский В.В., Лузянин С.Г. Война на Халхин-Голе: место в мировой истории. С. 164.

англо-японское соглашение Арита-Крейги, согласно которому Британия не будет препятствовать японской армии выполнять свои цели в Китае. Тем самым, поощрялась японская агрессия, в том числе и в отношении МНР. Великобритания надеялась направить японскую агрессию в сторону от английских колоний на юге Китая, в зоне Тихого океана. За этим военным конфликтом внимательно наблюдали в Европе, США, в Азии, особенно в Китае, который вел неравную войну с Японией.

В мае–июле 1939 г. США вели переговоры с Японией сначала в Токио (май), а затем в Вашингтоне. Японский посол стремился доказать государственному секретарю, что военные усилия направлены против СССР¹⁷. И эти переговоры велись в период напряженных боевых действий на реке Халхин-Гол. Действия японцев были убедительнее слов. В развязывании японо-советских войны определенно были заинтересованы США и Великобритания, которая могла ослабить их возможных конкурентов в регионе и на мировых рынках. Каждая из стран имела собственные национальные интересы, и прагматично пытались их защищать.

Летом 1939 г. СССР вел сложные переговоры с представителями военных миссий Великобритании и Франции. Положение нашей страны в Европе было чрезвычайно сложным. Осенью 1938 г. СССР не пригласили на Мюнхенскую конференцию, на которой решалась судьба Чехословакии. СССР имел договор, согласно которому Чехословакия могла обратиться к СССР за военной помощью, но, к сожалению, этого не произошло. Происходила дальнейшая политика западных стран изоляции СССР, столкнуть его с Германией и Японией. Весной 1939 г. пала Республиканская Испания, в которую страна вложила много материальных, военных и моральных сил для поддержки. Международная ситуация вела к своеобразной изоляции СССР в Европе. Поэтому от исхода военного противостояния на границе Монголии в 1939 г. напрямую зависела внешняя политика СССР не только в Азии, но и в Европе. В этой связи, в исторических исследованиях по истории внешней политики в мире и Европе, «халхингольский фактор» или не учитывается или учитывается недостаточно. А фактически сыграл решающую и ключевую роль в формировании системы международных отношений в Европе и Азии.

7. Важной причиной обострения японо-советских отношений являлся «китайский вопрос». По данным крупного китаевода-академика С.Л. Тихвинского, СССР предоставил Китаю займы на сумму в 250 млн дол.¹⁸ 21 августа 1937 г. СССР и Китай подписали договор о ненападении, который наносил серьезный удар по агрессивной политике Японии, ее своеобразным сдерживающим фактором. СССР оказывал серьезную помощь военной техникой и военными советниками. К середине февраля 1939 г. в Китае находилось 366 советских советников, летом прибыло 400 летчиков-добровольцев и техников.

Китай также был заинтересованной стороной в этих событиях в степях Монголии, от их исхода зависела судьба страны. Япония не была заинтересована в развязывании крупной войны, пока не завершена крупная война в Китае. С другой стороны, как известно, СССР оказывал Китаю существенную военную и материальную помощь техникой и оружием, отправлял военных и политических советников, и в сокращении этой поддержки также была заин-

¹⁷ 65 лет Великой Победы / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. Т. 1. Канун трагедии. М., 2010. С. 324.

¹⁸ Тихвинский С. Л. Избранные труды. Кн. 4. С. 76.

тересована Япония. Небольшая победоносная война Японии в Монголии могла отвлечь на себя внимание, и ослабить практическую помощь Китаю.

В свою очередь, Япония стремилась изолировать СССР от Китая и создать своеобразный коридор безопасности, включавший Маньчжоу-Го, Северный Китай и часть Монголии.

8. «Маленькая победоносная война» нужна была Японии также для поднятия боевого духа японской армии после поражения в 1938 г. на озере Хасан, а также для поднятия дипломатического престижа Японии и подписания японо-английского соглашения по признанию японских захватов в Китае (оно было подписано 23 июля 1939 г. — в разгар военных действий на Халхин-Голе).

Японцы явно просчитались, полагая, что СССР, хотя и имеет «Протокол о взаимной помощи между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой от 12 марта 1936 года», серьезно занят внешнеполитическими событиями на Западе, сложными дипломатическими переговорами с западными странами, не в полной мере обратит достойное внимание на местный конфликт в далекой Монголии.

Правда, добились они прямо противоположного: отставки собственного правительства и разочарования в военном и дипломатическом союзнике — Германии, имевшем трагические и стратегические последствия.

Еще одним фактором вторжения японских войск в Монголии было желание поднять восстание монгольских лам и бывших феодалов, а также недовольных политикой народного правительства. В 1930-е гг. в Монголии действительно проводилась политика закрытия буддийских монастырей и кумирен, ламы переводились в светское состояние, призывались в армию. Что также не оправдалось. Произошло совершенно обратное: консолидация монгольского народа в условиях внешней угрозы национальной безопасности страны, настоящий патриотический подъем.

Еще одним неубедительным оправданием японской агрессии, некоторые японские исследователи считают, что решение о военных действиях принимало самостоятельно командование Квантунской армии, якобы без согласования с японским правительством. Странное объяснение о несогласованных действиях руководства Квантунской армии и политического руководства Японии. Все востоковеды хорошо знают, что в Японии жесткая централизованная система руководства и сбой подобного рода просто невозможны. Это ложная попытка снять ответственность с японской стороны за события на Халхин-Голе.

Еще одной причиной японской агрессии называется попытка «сдвинуть границу», чтобы проложить рядом с границей железную дорогу, безопасную от возможных обстрелов артиллерии. Японии был необходим этот участок территории, чтобы проложить железную дорогу не по горам, а равнинной территории. Японский генералитет явно не рассчитывал, что советские войска благодаря значительной удаленности от места боевых действий, так оперативно смогут перебросить сюда значительное количество войск и обеспечить их всем необходимым. Задача снабжения советских войск действительно оказалась очень сложной, но посильной для мобильных автомобильных и железнодорожных частей, оперативно решивших трудные задачи доставки боеприпасов и снаряжения, а также горючего, дров и воды.

9. Формирование оси: Германия-Япония-Италия. СССР пытался разрушить или ослабить этот военный блок. Подписание советско-германского Пакта 23 августа 1939 г. (в самый пик войны на Халхин-Голе) прямо связано

с событиями на реке Халхин-Гол. Другой исход войны на Халхин-Голе мог бы создать и новую систему международных отношений в Европе.

СССР весной — осенью 1939 г., его политическое и военное руководство находилось в состоянии серьезного выбора, особенно сложные задачи стояли перед советскими дипломатами. СССР было необходимо сохранить мир, и использовать мирную передышку для укрепления вооруженных сил, модернизировать военную технику и создать международную группировку, способную противостоять двум явным агрессорам: Германии и Японии.

Еще в середине марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП (б) И.В. Сталин прямо назвал «три агрессивных государства», к которым причислил Германию, Италию и Японию. Они, по его утверждению уже «начали новую империалистическую войну», направленную против интересов Англии, Франции, США.

У. Черчилль в своем выступлении в Британском парламенте 19 мая 1939 г. заявил: «Я никак не могу понять — каковы возражения против заключения соглашения с Россией, которого сам премьер-министр как будто желает, против его заключения в широкой и простой форме, предложенной Советским правительством. Предложения, выдвинутые русским правительством, несомненно, имеют в виду Тройственный союз между Англией, Францией и Россией. Такой союз мог бы распространить свои преимущества на другие страны, если они их пожелают и когда они выразят такое желание»¹⁹.

23 мая 1939 г. А. Гитлер на совещании с командованием вермахта заявил: «В настоящее время мы переживаем подъем национального духа, выражающего общность мировоззрения с двумя другими государствами: Италией и Японией»²⁰. И в заключении делает вывод о том, что «одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией) ни в коем случае допустить нельзя»²¹.

2 июня 1939 г. в Москве был составлен советский проект англо-франко-советского соглашения, согласно которому «Франция, Англия и СССР обязываются оказывать друг другу немедленную всестороннюю помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия с европейской державой»²².

Одновременно с этим, 24 июля 1939 г. состоялась встреча представителей Германии и Великобритании и прорабатывались программы германо-английского сотрудничества, в котором, в частности, британской стороной предлагаются «тайные переговоры» между Англией и Германией, «Францию и Италию следует привлечь лишь позднее»²³. Таким образом, в мировой международной системе международных отношений складывалась сложнейшая система взаимоотношений между основными европейскими игроками.

К великому сожалению, попытки создать международную коалицию СССР совместно с Великобританией, Францией и США не удалось.

Политическое руководство страны и И.В. Сталин приняли принципиальное решение произвести смену руководителей НКВД. Наркома иностранных дел М.М. Литвинова, сторонника «системы коллективной безопасности» заменяют в мае 1939 г. на В.М. Молотова, который придерживался другой внешнеполитической концепции и линии. Попытки В.М. Молотова вести переговоры

¹⁹ Мировые войны XX века. В четырех книгах. Книга 4. Вторая мировая война. Документы и материалы / сост. Ю. А. Никифоров; отв. ред. М. Ю. Мягков. М., 2002. С. 63.

²⁰ Там же. С. 66.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 67.

²³ Там же. С. 70.

с европейскими лидерами и подписать, например, военное соглашение с Великобританией (8 мая 1939 г.) не удалось. 1939 год прошел как год секретных переговоров. 2 августа в Москве завершились советско-англо-французские переговоры, были приняты соглашения трех держав о взаимной помощи. Через десять дней продолжились переговоры военных министров об организации совместной борьбы против агрессии в Европе. 22 марта 1939 г. Германия оккупировала порт Клайпеду и область.

2 августа в Москве завершились советско-англо-французские переговоры, были приняты соглашения трех держав о взаимной помощи. Через десять дней продолжились переговоры военных министров об организации совместной борьбы против агрессии в Европе. 22 марта 1939 г. Германия оккупировала порт Клайпеду и область. Политика умиротворения агрессора — это тупиковая политика. Политика западных стран по отношению к Германии, «мюнхенский сговор» показали историческую бесперспективность такой политики. Разумеется, если бы западные страны пошли по пути создания антигитлеровской коалиции мировой исторический процесс пошел по совершенно другому пути.

Внешняя политика США приняла 1 мая 1937 г. Закон о нейтралитете и придерживались курса на «умиротворения» Японии. Закон о нейтралитете дал агрессивным странам своеобразный дипломатический сигнал²⁴. По мнению российских американистов, «одна из целей Германии как раз и состояла в том, чтобы, поощряя японскую агрессию, отвлечь их от Европы. США, разгадавшие этот замысел старались оттянуть прямое столкновение с Японией и в развитие этой своей стратегии приняли в начале 1941 г.»²⁵

У политического руководства СССР и дипломатов все меньше возможностей для дипломатического маневра. Выбор самый минимальный. Фактически само время и исторические обстоятельства привели СССР к тому, к чему привели. И.В. Сталин еще 9 августа дал инструкции К.Е. Ворошилову, главе советской делегации на переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции, которые начались 12 августа 1939 г., одним из пунктов которого значилось, что «...Если французы или англичане все же будут настаивать не переговорах, свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через виленский коридор и Галицию, а также через Румынию». Таким образом, И.В. Сталин уже не видел стратегической перспективы подписания соглашения о совместных действиях в Европе и мире, не видит перспективы продолжать серьезные переговоры с западными странами и у высшего политического руководства (Сталин, Ворошилов, Молотов) и готовились к резкому повороту внешней политики СССР. Этому способствовали и первые военные успехи советско-монгольских войск в Монголию. Они также, несомненно, повлияли на это важное решение.

Уже 13 августа 1939 г. от временно поверенного в делах в делах СССР в Германии Г. Астахова в народный комиссариат: «германское правительство, исходя из нашего согласия вести переговоры об улучшении отношений, хотело бы приступить к ним возможно скорее. Оно хотело бы вести переговоры в Германии, но поскольку мы предпочитаем вести их в Москве мы предлагаем вести их в Москве, оно принимает и это»²⁶. 18 августа 1939 г. в Москве было подписано советско-германское торговое соглашение, которые Англия расце-

²⁴ История США в четырех томах. Т. 3. 1918–1945 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1985. С. 306.

²⁵ Там же. С. 309.

²⁶ Мировые войны XX века. С. 75.

нила как «маневр с целью произвести впечатление на Францию и Великобританию и заставить их принять условия СССР»²⁷.

А. Гитлер довольно цинично и низко оценивал политических лидеров Запада, видя их двуличность, поиски экономической выгоды только для собственной страны или отдельных корпораций. На совещании А. Гитлера 22 августа 1939 г. с руководством вермахта отметил: «В Англии и Франции личностей крупного масштаба нет. Для нас принятие решений — дело легкое. Нам терять нечего, мы можем только выиграть. Наше экономическое положение в результате ограничений таково, что мы сможем продержаться еще лишь несколько лет. Геринг может подтвердить это. Нам не остается ничего иного, как действовать. Наши же противники рискуют многим, а выиграть могут мало. Англии придется вложить в войну много сил. Руководители у наших противников — ниже среднего уровня... Наши противники — жалкие черви. Я видел их в Мюнхене (...). Я боюсь лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подsunет мне свое предложение о посредничестве»²⁸.

Решение о заключении советско-германского Пакта — это было серьезное политическое решение двух стран: СССР и Германии. И СССР и Германия пришли к нему глубоко осознанно, просчитав все возможные варианты. Пакт стал глубоко продуманным решением И.В. Сталина, он нейтрализовал на некоторое время германскую угрозу и дистанцировал на некоторое время отношения Японии и Германии, охладив отношения двух агрессоров.

Прямая связь исторических событий полного окружения и разгрома японских войск на Халхин-Голе 23 августа 1939 г. и подписание Пакта Молотова-Риббентропа (Советско-германского Договора о ненападении) тоже 23 августа не подлежит никакому сомнению. Налицо прямая связь и взаимное влияние данных исторических событий в контексте мировой истории и системы международных отношений. Именно быстрая и решительная победа советско-монгольских войск привела к подписанию Пакта. В свою очередь, данный дипломатический договор привел к быстрому завершению войны на Дальнем Востоке в 1939 г.

Доктор Стюарт Голдман (США), член национального совета по евразийским и восточноевропейским исследованиям на международной конференции в Улан-Баторе в 2009 г. справедливо связал события на Халхин-Голе и Пакт, но сделал собственные заключения на этот счет, о том, что этот документ якобы дал Сталину свободу действий в отношении Японии, которой он воспользовался летом 1939 г. По нашему мнению, уважаемый историк путает причины и следствия. Пакт был подписан тогда, когда японские войска уже были окружены и разгромлены и ни в какой свободе рук Сталин уже не нуждался!

Подписание Пакта было шоком для японской стороны. Совершенно точно известно, что немецкая сторона была хорошо информирована о событиях на Востоке. Если бы события на Халхин-Голе развивались по другому сценарию, позиция Германии, по нашему мнению, могла быть совершенно иной.

10. Поэтому мы считаем, что значение войны на Халхин-Голе совершенно недооценено в российской и мировой исторической науке. Назрела необходимость более основательного и фундаментального исследования места и роли военных событий на Халхин-Голе в мировой истории. Традиционное представ-

²⁷ Мировые войны XX века. С. 75.

²⁸ Там же. С. 80.

ление о начале Второй Мировой войны — 1 сентября 1939 г. явно нуждается в уточнении и пересмотре. До сих пор в мировой и российской историографии доминирует европоцентристский взгляд на мировую историю. Происходит его постепенное преодоление, но пока явно недостаточное.

Наши аргументы следующие:

1. Советская сторона и политическое руководство официально действительно длительное время не сообщали в советской прессе о начале военных действий на Халхин-Голе. Как выяснили историки В.Г. Дацышен и О.В. Бережной первые сообщения были сделаны в центральной и региональной печати только июле — августе 1939 г. Российские историки еще не ставили задачу и основательно не исследовали, почему советское политическое руководство держало информацию о военных действиях в секрете и население страны не знало широкой о ней. Разумеется, информация проходила по неформальным каналам информации, скрыть массовый призыв, появление раненых в сибирских госпиталях, массовые перевозки грузов из Сибири в Монголию, строительство специальной железной дороги в Монголию скрыть было невозможно.

2. Непосредственные участники военных действий в своих оценках и мемуарах в основном называли события «войной», «необъявленной войной», и т.п. Наиболее широко известна оценка маршала Г.К. Жукова «Необъявленная война», которая точно сформулирована ключевой фигурой военных событий и других российских и монгольских ветеранов, военных и гражданских историков. Генерал-полковник Ж. Лхагвасурэн в статье «В боях на Халхин-Голе» прямо называет военные события «халхин-гольская война»²⁹. Профессор В.Г. Дацышен в своих публикациях использует термины «военный конфликт» и «война».

Совсем недавно, монгольский ветеран войны на Халхин-Голе Ц. Алтангэрэл, в частности отмечает, что «Японская армия предпринимает попытку масштабного вторжения в Монголию с целью захвата восточных территорий России, совершает военную агрессию, но термин «инцидент» позволяет японцам избежать признания их агрессорами. Кроме того, поражение в войне японским обществом переживается болезненнее, чем неудача в инциденте»³⁰. Монгольский ветеран пишет ярко и эмоционально о войне, которую ему пришлось пережить, и его удивляют некоторые российские историки, которые считают военные события локальным военным конфликтом. В заключении почтенный ветеран Ц. Алтангэрэл пишет: «Монгольские ветераны едины во мнении, что события на Халхин-Голе являются полномасштабной войной, с применением средств ведения боевых действий». По его данным, в войне с обеих сторон участвовало 180 тыс. военнослужащих, из которых 30 тыс. погибли.

Подавляющее большинство монгольских историков также называют это «войной», так как для Монголии это было жесточайшее военное испытание.

3. Общие размеры военных участников с обеих сторон не только непосредственно участвующих в боевых действиях, но и находившихся в непосредственной близости от театра военных действий и готовых принять активное в боевых действиях активное участие. Квантунская армия насчитывала около 500 тыс.(?) Известно, что даже после окружения и разгрома японской армии, японское командование планировало продолжить военные действия. Территориальные размеры мобилизационных сил поразительны.

²⁹ Под солнцем дружбы : сб., посвящ. 50-летию Монгольской народной революции. М., 1971.

³⁰ Алтангэрэл Ц. Вторая мировая началась на Халхин-Голе // Новости Монголии. 2014. 10 апр. С. 9.

Непосредственно в боевых действиях на Халхин-Голе участвовало с японской стороны около 100 тыс. человек. В боевой готовности находилось более 300 тыс. солдат и офицеров. Квантунская армия в любой момент могла быть брошена в боевые действия. Иногда, японские историки наивно пишут (или рассчитывают на наивных читателей), что японские военные проявили в боевых действиях на Халхин-Голе полную самостоятельность, не согласовав с японским правительством.

Мобилизация на территории СССР и МНР также носила массовый характер.

Так, в первой половине 1939 г. СССР увеличил численность вооруженных сил на 345 тыс., вместо 57 тыс., предусмотренных планом³¹.

В СССР призыв осуществлялся центральных районах страны, на Урале, в Восточной Сибири. Были привлечены лучшие летчики страны, прошедшие войну в Испании. Особенно массовый характер мобилизация имела в сибирских регионах. Это фактор также нужно учитывать при оценке характера и размаха военных действий.

Нам понятны соображения, почему занижали фактические данные, цифры преуменьшения потерь советских войск, сложности и трудности войны, репрессии, которым подверглись советские войска и монгольская армия накануне военного конфликта. Современные историки России и Монголии дали серьезный анализ репрессиям и пришли к выводу их негативного действия. Не очень подробно были проанализированы и наши военные неудачи мая — июля 1939 г.

Размеры использования современной военной техники также впечатляют своими масштабами. К августу советская авиационная группировка насчитывала 515 самолетов, а японская 300³². С 22 мая по 19 августа советские летчики уничтожили 355 самолетов, из них 320 сбито в воздушных боях³³. Одновременно в воздушном бое 22 июня участвовало 120 японских самолетов против 95 советских³⁴.

20 августа 150 советских бомбардировщиков под прикрытием 144 истребителей нанесли массированный удар по японским войскам. Затем 52 бомбардировщика под прикрытием 167 истребителей нанесли еще один удар³⁵. И это события одного дня. И это называют локальным пограничным конфликтом?

Также массированно в боевых действиях при обороне и наступлении были применены танки и бронемашины. Звания Героя СССР были удостоены 27 танкистов. Танки и артиллерия сыграли решающую роль в разгроме окруженной группировки японских войск. По данным профессора В.Г. Дацышена, всего было награждено 17 тыс. чел.³⁶

4. Размеры военных потерь также не позволяют назвать это конфликтом. Ожесточенность боев на Халхин-Голе, сложность ведения боевых действий в степных, полупустынных безводных территориях навсегда врезалась в память ветеранов войны. Профессор В.Г. Дацышен приводит в статье воспоминания

³¹ 65 лет Великой Победы.

³² Победа на реке Халхин-Гол / отв. ред. П.А. Жилин. М., 1981. С. 98.

³³ 65 лет Великой Победы. С. 99.

³⁴ Там же. С. 98.

³⁵ Там же. С. 101.

³⁶ Дацышен В. Г. «Война на МНР». Халхин-Гол в нашей повседневности // Родина. 2009. № 8. С. 17.

ветерана Г.В. Сорокина: Честно признаюсь, я прошел всю Великую Отечественную войну, начиная с битвы под Москвой и кончая освобождением Праги, но такого напряжения и ужаса, как в боях на Халхин-Голе, не встречал...»³⁷.

«Для моего дела «бои на МНР» значили не менее, чем Великая Отечественная Война, а японцы представлялись не менее опасным противником, чем немцы. Но при техническом превосходстве Красной Армии решимости руководства красноармейцам удалось нанести такой противнику (по словам очевидцев: три дня японцы трупы вывозили»), что Япония вынуждена была отказаться от своих военных планов».

По данным М.В. Новикова³⁸ японцы потеряли 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными, 660 самолетов, военными трофеями стали 12 тыс. винтовок, 200 орудий, более 400 пулеметов, более 100 автомашин³⁹. По сведениям историка Е.А. Горбунова, данным в монографии «20 августа 1939 г.» (1986) общие потери японских войск с мая по сентябрь составили 55 тыс. человек, убито не менее 25 тыс. солдат и офицеров⁴⁰.

Современные российские и японские историки пытаются пересмотреть результаты военных потерь сторон, уточнить их размеры. По последним российским данным, безвозвратные потери составляют 7974 человека, санитарные потери 15 925 человек. Они существенно выросли от первоначальных сведений 2413 убитых и 10 020 раненых⁴¹.

Японские официальные потери составили более 18 тыс. воинов. По российским данным убитые, раненые и пленные составили 61 тыс. чел. Отдельные японские историки считают, что потери составили 55 тыс. чел.⁴². Важным представляется следующее важное обстоятельство, японские потери составляли 73 % от общего числа участников сражений, 72 % японской артиллерии. Таким образом, интенсивность боевых действий и боевые потери за короткий промежуток времени чрезвычайно велики, что еще раз подтверждает наше мнение о том, что это не военный конфликт, а война.

В любом случае, эти военные потери колоссальны и составляют в целом около 100 тыс. воинов. Назвать такие военные потери пограничным конфликтом, военным конфликтом, значит идти против исторической истины. И это при том, что каждая человеческая жизнь бесценна. Некоторые японские авторы называют военные события на Халхин-Голе «второй японо-русской войной». Мы готовы присоединиться к данному заключению.

5. Общее число награжденных по итогам военных действий: Орденом Ленина — 83, Орденом Красного Знамени — 595, Орденом Красной Звезды — 134, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» — 91 человек. Награждены орденами и медалями более 400 монгольских солдат и офицеров⁴³.

6. Именно на этой войне впервые было введено награждение специальной медалью Героя Советского Союза и его получили 70 героев войны. Это было первое награждение участников боевых действий на Халхин-Голе, затем награждения продолжались в 1940 г.

³⁷ Дацышен В. Г. «Война на МНР». Халхин-Гол в нашей повседневности. С. 19.

³⁸ Новиков М.В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971.

³⁹ Победа на реке Халхин-Гол. С. 21.

⁴⁰ Там же. С. 222.

⁴¹ Катасонова Е.А. Необъявленная война. К 75-летию событий Халхин-Гола.

⁴² Там же.

⁴³ Победа на Халхин-Голе. С. 35.

Звание Героя Советского Союза было официально введено постановлением ЦИК СССР 16 апреля 1934 г. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1939 г. был введен особый отличительный знак для героя Советского Союза — медаль «Герой Советского Союза». За подвиги, совершенные в апреле — сентябре 1939 г. при проведении войсковой операции на реке Халхин-Гол высокую награду получили 70 воинов, из них трое Героев стали дважды Героями Советского Союза.

Война на Халхин-Голе, неудачные переговоры с Великобританией и Францией заставили СССР активизировать дипломатические переговоры с Германией и подписать договор. Этим соглашением СССР охлаждал союзнические отношения Германии и Японии, избегал войны на двух фронтах одновременно. Пакт нейтрализовал германскую угрозу, невероятно поразил своей нестандартностью и неожиданностью японцев. Это был явный локальный успех советской дипломатии, который имел долговременные стратегические последствия. В дальнейшем Япония уже не решилась в годы Второй мировой войны напасть на СССР, а начала войну на Тихом Океане, свой основной военный удар направили на Юг, а не на Север континента.

Вообще, в российской исторической науке война на Халхин-Голе слабо увязывается с системой мировых международных отношений; дипломатические события на Западе и Востоке мало связывают в единую систему, военные события на границе Монголии рассматриваются как локальный конфликт. Так, в современной обобщающей коллективной работе российских востоковедов «История Востока» (5 том) они показаны как локальное событие, которому уделен всего один абзац, более значительное внимание уделено политическим репрессиям. Справедливости ради, отметим, что они названы «войной». «В мае — сентябре 1939 г. шла война на Халхин-Голе. СССР в соответствии с Протоколом о взаимопомощи оказал тогда решающую поддержку Монголии, государственность которой оказалась под реальной угрозой вследствие агрессии Японии»⁴⁴.

Современные исследователи все чаще признают определенную условность даты «1 сентября 1939 г.», как начало Второй мировой войны. Так, в уже упомянутой ранее обобщающей работе российских востоковедов «История Востока» отмечается, в частности: «Вторая мировая война, грянувшая 1 сентября 1939 г., фактически началась гораздо раньше... Собственно говоря, державы «оси» уже вели войну задолго до ее официального начала: Япония с 1931 г. и особенно активно с 1937 г. воевала в Китае, Италия — в 1935–1939 гг. почти без перерыва в Эфиопии, Испании и Албании, Германия — с 1936 г. в Испании, одновременно захватывая в 1938–1939 гг. Австрию, Чехословакию, литовскую область Мемель (Клайпеду).

Во время известного интервью И.В. Сталина 1 марта 1936 г. на вопрос американского корреспондента Роя Говарда о двух очагах войны (Япония и Германия), оценил их как равнозначные: «Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют»⁴⁵. Это важное заявление политического лидера СССР, которое подтверждает нашу концепцию. Самое важное, что восточный очаг проявил себя раньше по времени, и поэтому позволяет говорить о начале Второй мировой войны именно на Востоке.

⁴⁴ История Востока в шести томах. Т. 5: Восток в новейшее время (1914–1945). М., 2005. С. 449.

⁴⁵ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940 / отв. ред. И. С. Казакевич. М., 1975. С. 337.

Благодаря этому военная машина держав «оси» была заранее запущена и к сентябрю 1939 г. лишь набирала обороты, наращивая преимущество над армиями Англии и Франции, которые оказались плохо подготовленными (в чем-то вообще не готовыми) к войне»⁴⁶. Можно только присоединиться к столь справедливому суждению авторов. Давно назрела необходимость отказаться от европоцентристского взгляда на мировую историю, историю отношений стран Запада и Востока. И тогда внешняя политика СССР того периода станет более понятной западному исследователю и обывателю.

13 апреля 1941 г. в Москве советское правительство подписало с Японией с Японией Пакт о нейтралитете. Таким образом, мы видим чрезвычайно разумную, расчетливую и прагматичную внешнюю политику советского правительства, которое всеми силами стремилось избежать военного конфликта и войны в двух районах: западном и восточном, одновременно. И в обеих дипломатических развязках советское политическое руководство проявляло политическую и дипломатическую дальновидность и разумную гибкость и прагматизм, подписав 23 августа 1939 г. советско-германский Пакт, а позднее — Пакт о нейтралитете с Японией накануне кровопролитной войны с Германией. Разумеется, в СССР тогда прекрасно понимали, что Тройственный Союз имеет преимущество перед советско-японским Пактом. Влиятельные и наиболее агрессивные политики открыто призывали начать войну с СССР и атаковать соседнюю страну как можно скорее. Однако память о жестоком поражении японских войск в Монголии все же сдерживала эту активность.

Глобальным историческим последствием войны на Халхин-Голе стало нападение Японии в декабре 1941 г. на США и начало масштабной войны на Тихом Океане. Япония подписала с СССР Пакт о нейтралитете и не решилась напасть на СССР летом и осенью 1941 г. Все это — результат войны на Халхин-Голе, японцы получили суровый урок и не решились испытывать судьбу второй раз. В этом смысле, роль и значение войны на Халхин-Голе невозможно переоценить. После этой войны ход мировой истории пошел по совершенно другому пути.

Таким образом, мы считаем, что Вторая мировая война началась на Востоке и закончилась здесь же, в 1945 г. разгромом милитаристской Японии. Разумеется, данная новая трактовка нуждается в дальнейшей углубленной разработке и прежде всего изучения всего комплекса российских и мировых документальных источников, их новым прочтением и трактовкой. Предлагаем российским, монгольским и зарубежным историкам свободно и открыто обсудить данный подход к сложнейшей и многосторонней исторической проблеме.

7.2. Война на Халхин-Голе и роль военной разведки

В современной российской историографии широкое распространение получила точка зрения, что военные события мая — сентября 1939 г. на реке Халхин-Гол рассматриваются как полномасштабная война, а не военный или пограничный конфликт. В научный оборот вводится значительное число оригинальных исторических источников, которые позволяют уточнить роль этой войны в мировой истории и международных отношениях.

Некоторые российские историки предлагают рассматривать войну на Халхин-Голе 1939 г., как начало Второй мировой войны, и для этого имеются веские научные основания. Необходимы дальнейшие научные исследования

⁴⁶ История Востока в шести томах. С. 107.

роли и места данной войны в мировой истории и истории международных отношений. Одной из малоизвестных страниц истории является роль российской разведки в данных военных событиях.

В российской историографии приведены многочисленные документы и заявления японских политиков и военных, отражающие агрессивные планы японского военного руководства и причины войны на Халхин-Голе. Выявление этих планов и намерений Японии входило в стратегическую задачу военной разведки СССР накануне военных действий.

Некоторые современные исследователи выражают сомнение в реальности существования «Меморандума Танаки», опубликованного в китайском журнале в 1929 г. В публикации говорилось, что документ «Меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии» от 25 июля 1927 г. императору Японии представил премьер-министр и министр иностранных дел генерал Танака. В Меморандуме обозначались этапы японской экспансии: подчинение Маньчжурии, Монголии, Китая, а затем Индии, стран бассейна Тихого океана, центральной Азии, и наконец, Европы. Как известно, публикация меморандума наделала много шума, но японской стороной до сих пор не подтверждена его подлинность. Во втором томе «Очерков истории российской внешней разведки» (1917–1933), главным редактором которых выступает академик и бывший руководитель СВР Е.М. Примаков, в специальной главе отмечается, что документ существовал и был добыт нашими разведчиками в двух резидентурах: в Сеуле и Харбине. Подтверждением реальности существования данного документа является параллельная его добыча в двух разных местах. Выявление стратегических планов вероятного противника является несомненным успехом разведки, они позволили предать гласности данные сведения и заставить японскую сторону оправдываться.

Задачей стратегической разведки, зарубежной резидентуры является выявление военных планов противника, его замыслов. Сообщения «Рамзая» (Рихарда Зорге) из Токио за несколько месяцев до начала боевых действий на реке Халхин-Гол свидетельствовали о подготовке Японии военной провокации против СССР. Так, в агентурном сообщении Р.Зорге от 25 января 1939 г. о настроениях в японском генштабе сообщалось: «Майор Шолль сообщил послу Отт о растущем мнении в генеральном штабе за действия в северном направлении и ускорении организации армейских групп в Маньчжурии. Он считает, что это указывает на новую подготовку против СССР... Даже иностранцы всех наций считают, что на севере что-то должно случиться. Но я и другие думаем. Что это не означает подготовку войны с СССР, так как японцы не в состоянии затевать войну сейчас, когда они с трудом удерживаются в Китае. Я полагаю, что японцы весной пойдут на военные провокации, которые приведут к местным инцидентам. Это будет сделано для того, чтобы отвлечь радикальные группы от войны в Китае, что диктуется необходимостью противодействия с той целью, чтобы не показать своей слабости»⁴⁷. Таким образом, было определено направление японского удара и характер боевых действий против СССР. Разумеется, требовалось более точное определение действий японских войск, но и такая информация представляла особую важность.

О военной подготовке как в самой Японии, так и в Маньчжурии и Монголии Р. Зорге сообщал в Москву еще 14 сентября 1933 г. Военная подготовка

⁴⁷ Военная разведка информирует. Документы разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. / сост. В.А. Гаврилов. М., 2008. С. 143.

ведется по всем линиям и полным ходом и не маскируется внешним миролюбивым отношением к нашей стране. Ухудшающееся внешнеполитическое положение Японии и состояние международной изоляции побуждают буржуазные группировки объединиться вокруг японских военных, как наиболее мощной и организованной силы.

Также Р. Зорге сообщал об активизации шпионской деятельности японцев в Маньчжурии против СССР. Он выделяет три вида шпионажа: во-первых, наблюдение с линии границы за жизнью на советской стороне, особенно пограничных застав и воинских частей, во-вторых, «японцы побуждают людей, имеющих советские адреса, посылать письма этим адресатам или предпринимать другие мероприятия. Центром этой работы является Харбин», в-третьих, переписка через евреев, имеющих адреса в СССР или Америке, этот вид шпионажа осуществляется из Дайрена и Шанхая. «У майора Шолль создалось впечатление, что Квантунская армия очень хорошо осведомлена, получая огромную массу информации. Шолль также узнал, что переходы белогвардейцев через границу проводились успешно»⁴⁸. Эта информация представляла особую ценность для советской контрразведки в Сибири и на Дальнем Востоке.

В целом, можно считать, что советское военное командование не особенно внимательно отнеслось к предупреждению советского разведчика Р. Зорге. Пограничные конфликты в мае на монголо-маньчжурской границе оказались неожиданными для монгольской и советской стороны. Можно согласиться с оценкой доктора исторических наук Е. Катасоновой, что существовало определенное недоверие к результатам разведывательной деятельности группы Рамзая.

Главная японская миссия в Харбине и военная разведка Квантунской армии обращали серьезное внимание на сбор разведывательных данных о Монголии и СССР. Для это японцы привлекали белогвардейские организации, враждебно настроенные к советской власти. Японская военная миссия собиралась информация о пограничных районах: размещении населения, состоянии дорог, обеспеченность водой, наличие колодцев, настроения местного населения. Еще в 1934 г. из Токио из Генерального штаба через японского консула в Маньчжоу-Го был получен приказ о ведении разведки в Монголии (население, дороги, колодцы, экономика региона). Предлагалось выявлять бурят, хорошо знающих Баргу и Монголию и использовать их для ведения разведки в Восточной Монголии.

По данным профессора С.Г. Лузянина, Япония наращивала свое военнополитическое присутствие и во Внутренней Монголии. В 1934 г. в районе Долоннора Япония построила большое количество военных объектов, в Калгане была учреждена специальная военная миссия под руководством полковника Мацуи. Внутренняя Монголия была наводнена японскими офицерами, которые занимались сбором разведывательной информации и агитацией среди местных князей.

Япония была заинтересована в установлении дипломатических отношений между Маньчжоу-Го и МНР, открытии дипломатических представительств в Улан-Баторе, Баин-Тумене, Тамцак-Булаке, Чанчуне, Хайларе и станции Маньчжурия. В перспективе японцы планировали объединение Внутренней Монголии и создание еще одного марионеточного государства — Менгу-Го, а в дальнейшем и единого монгольского государства, под эгидой Японии. Таким образом, они пытались разыграть панмонгольскую карту в сложной геополитической игре: Япония-Китай-СССР-МНР.

⁴⁸ Военная разведка информирует. С. 140.

Советская военная разведка обладала исчерпывающей информацией о дислокации японских войск в Маньчжурии и Северном Китае, основных перемещениях армейских подразделений. Об этом убедительно свидетельствует справка разведуправления РККА на 20 февраля 1939 г. Это результат агентурной работы разведки непосредственно на территории Маньчжурии и Китая.

На основе собранных разведывательных данных из Китая 3 марта 1939 г. было подготовлено спецсообщение Разведуправления РККА «О подготовке японцами новых провокаций против СССР» на имя наркома Ворошилова, в котором отмечалось, что «1. Английские круги в Китае считают весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию, причем предполагают, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было в районе озера Хасан в июле-августе 1938 года. Однако ввиду того, что цель предстоящего вторжения на территорию СССР заключается в том, чтобы поднять патриотические настроения в японской армии и в народе, это вторжение не будет глубоким, и японцы постараются быстро уладить этот «инцидент».

2. В японских кругах в Шанхае муссируются слухи о том, что в мае 1939 г. следует ожидать большого выступления против СССР, причем по слухам, это выступление может вылиться в войну»⁴⁹. Таким образом, разведкой точно были определены сроки японского выступления, предсказан масштаб военных действий (более серьезные, чем на Хасане), но, к сожалению, не определено точно место японского военного вторжения, а только общее направление. Противоречивый характер носили данные о предполагаемом характере военных действий противника: форма инцидента или полномасштабной войны.

С начала 1939 г. японская сторона начала подготовку к военному конфликту: передислоцировались войска из других регионов Маньчжурии и Китая, железные дороги работали с высокой нагрузкой, занимались перевозкой личного состава и вооружения. Сократились боевые действия в Китае, шло накопление вооруженных сил на монголо-маньчжурской границе. Шла разведка пограничных районов, составлялись карты.

В апреле 1939 г. командующий Квантунской армии генерал К. Уэда издал оперативный приказ № 1488 «Принципы разрешения советско-маньчжурских споров». Действие этого приказа распространялось и на МНР, связанную с Советским Союзом договором о взаимопомощи. Один из пунктов приказа предписывал командирам «в случае нечеткого обозначения границы устанавливать ее по своей инициативе, а в если противная сторона станет этому препятствовать, смело вступать в бой и добиваться победы, не заботясь о последствиях, о которых позаботится вышестоящее начальство»⁵⁰. Именно этим обстоятельством объясняются первые действия японцев в майских боях на границе.

Значительное внимание советской разведки было сосредоточено на анализе информации по подготовке военно-политического союза Японии и Германии. По мнению Р. Зорге, получение информации о японо-германских переговорах по заключению военного союза и колебаниях в этой связи кабинета Хиранумы, было одной из удач его группы в 1939 г. Еще летом 1938 г. японский военный атташе в Берлине Осима сообщил Риббентропу, что возможно заключение оборонительного союза Германии, Италии и Японии. 14 апреля

⁴⁹ Военная разведка информирует. С. 149–150.

⁵⁰ Там же. С. 136.

1939 г. Р. Зорге сообщил в Москву о том, что «после долгого обсуждения Япония решила принять военный пакт, направленный только против СССР. Некоторые группы военных настаивали на пакте, направленном также против демократических сил, но остались в меньшинстве. Германия и Италия настаивали на военном пакте против Англии, но японские морские круги, близко стоящие к трону, решительно выступили против»⁵¹. Правительства Германии и Италии добивались заключения тройственного соглашения, направленного не только против СССР, но и также против Англии, Франции, США. 22 мая 1939 г. Германия и Италия подписали двухсторонний германо-итальянский пакт о военном союзе («Стальной пакт»).

Группа Р. Зорге имела высокую степень информированности о позициях и разногласиях в правительстве Японии, Генеральном штабе и различных кругах военных деятелей. В сообщении Рамзая в Москву от 5 мая 1939 г. отмечалось, в частности, что «Арита и морские круги согласны заключить общий, не ограниченный условиями пакт обороны против любого государства, которое начало бы войну против какой-либо одной из трех стран, заключивших антикоминтерновский пакт, даже если в эту войну будет вовлечена Англия, Америка или Франция.

Но морские круги и Арита отказываются заключать такой пакт, в котором открыто указывалось бы, что он направлен не только против СССР, но также против Англии и других стран, Арита и морские круги, кроме официального текста союзного пакта трех стран, составляют особое секретное дополнение к нему»⁵².

Секретарь военного атташе посольства СССР в Японии Крылова от 30 мая 1939 г. сообщал в Москву: «Основной причиной разногласий в правительстве является вопрос военного союза с Германией. Военные требуют немедленного заключения союза, морские и финансовые круги возражают»⁵³.

В целом, точной и полной информации о готовящемся военном конфликте на монголо-маньчжурской границе не удалось выявить. Это связано, по нашему мнению, с тем, что сущность военного конфликта имела сложную природу. Представляется, что сначала это был пограничный конфликт, который перерос в локальный военный конфликт, а затем в полномасштабную войну. Поэтому задачи японской стороны в военном конфликте постоянно менялись в зависимости от этапа боевых действий.

Серьезной проблемой в ходе боевых действий на реке Халхин-Гол была слабость войсковой разведки. В докладе военного совета 1-й армейской группы наркому обороны от 16 июня 1939 г. отмечалось, что «Из-за неорганизованности в разведке командование корпуса не имело и не имеет полной ясности о противнике. Вследствие плохой разведки сосредоточение и действия противника являлись почти всегда неожиданностью, чего мы в дальнейшем допустить не можем... Если мы не будем вести хорошо организованную разведку, особенно агентурную, авиационную и захватывать пленных, мы не сможем заранее раскрыть замысел и сосредоточение противника»⁵⁴. В дальнейшем система разведки была создана и проявила себя вполне успешно в боевых действиях июля-сентября 1939 г.

⁵¹ Военная разведка информирует. С. 153.

⁵² Там же. С. 156–157.

⁵³ Там же. С. 157.

⁵⁴ Там же. С. 158.

Японцы уделяли разведке серьезное внимание. Руководил разведкой Второй отдел штаба Квантунской армии, который руководил японскими военными миссиями — центрами японской разведки в Маньчжоу-Го. Главная военная миссия в Харбине насчитывала в своих рядах более тысячи сотрудников, которые занимались разведкой в СССР и МНР. Имелись специальные отделы радиоперехвата, авиадесантный отряд, школа по подготовке диверсантов и переводчиков. Главная задача — создание агентурной сети на территории СССР из числа русских эмигрантов⁵⁵.

Для выявления и нейтрализации деятельности японской разведки в СССР советские чекисты провели в Сибири и на Дальнем Востоке операции и создали мнимые подпольные антисоветские организации, которые японская разведка стала использовать в своих целях. Таким образом, были выявлена японская агентурная сеть и создан канал стратегической дезинформации о СССР, Красной Армии, планах военных и пограничных организаций.

Была создана и активно действовала советская агентурная сеть в Маньчжурии, особенно эффективно она действовала в годы Великой отечественной войны, но первые попытки их деятельности были и в 1939 г. Были привлечены чекисты бурятской национальности, которые активно действовали в Хайларе, Харбине и других местах компактного проживания бурят в Маньчжурии. Также привлекались выходцы из русских мигрантов.

Длительное время конкретная информация о деятельности внешней разведки в Маньчжурии носила закрытый характер и не являлась предметом публикаций и обсуждений. В последние годы появляются скудные сведения о конкретных разведчиках, которые нелегально работали на территории противника. Так, полковник ФСБ в отставке, член союза журналистов России А.В. Соловьев опубликовал значительное количество материалов о разведывательной и контрразведывательной деятельности забайкальских чекистов. «В состав оперативно-разведывательной группы во время боев с японцами на р. Халхин-Гол (1939) в Монголии был включен Б.Ч. Балдано, который затем более 20 лет служил во внешней разведке, выполнял задания в тылу врага. Д.Ж. Жалсараев, Ц.А. Жмасаранов, Ж.Ш. Ширибазаров неоднократно переходили границу для выполнения разведзаданий в Маньчжурии и Внутренней Монголии. Более 15 закардонных выходов со спецзаданиями совершил Э.Б. Сындеев⁵⁶. По данным «Энциклопедии Забайкалья», Б.Ч. Балдано (1917–2006), сотрудник госбезопасности, входил в состав группы во время войны на Халхин-Голе, владел китайским, монгольским и рядом монгольских наречий, неоднократно выполнял задания в Маньчжурии и Внутренней Монголии⁵⁷. Ц.А. Жамсаранов — участник боев на Халхин-Голе, выполнял разведывательные задания в 1941–1942 гг. во Внутренней Монголии, проводил контрразведывательную работу по резидентуре японской разведки консульства Маньчжоу-Го в Чите⁵⁸.

В середине июля 1939 г. в район боевых действий был направлен отдельный пограничный отряд, которому была поставлена задача обеспечить район военных действий от проникновения шпионов и диверсантов, обеспечить ох-

⁵⁵ На защите Отечества. К 90-летию Регионального Управления ФСБ по Читинской области. Чита, 2008. С. 55.

⁵⁶ Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ / гл. ред. Б.Б. Жамсуев. Новосибирск, 2009. С. 227.

⁵⁷ Там же. С. 58.

⁵⁸ Там же. С. 133.

рану линий связи, штабов, складов и переправ через реку Халхин-Гол. Охрана штаба армейской группы была успешно осуществлена, была предотвращена от проникновения на командный пункт шпионов и диверсантов.

В целях безопасности местного монгольского населения, а также лишения японцев агентурной базы все местное население распоряжением советско-монгольского командования было выселено из района боевых действий. Только в июле советские пограничники задержали 160 неизвестных лиц, находившихся в запретном районе: «Наиболее характерные задержания: ламы с контрреволюционными листовками, группа китайцев и корейцев с большой суммой денег в монгольской и советской валюте, назвавшихся по специальности парикмахером, музыкантом и бухгалтером, заключенные из монгольского концлагеря и др. Благодаря своевременно проведенным командованием мероприятий по очистке тыла, японская разведка, несмотря на ее активность, потеряла не один десяток своих агентов, что в конечном итоге облегчило победу на фронте»⁵⁹. Разумеется, среди задержанных пограничниками, часть была случайными местными жителями, но другая часть действительно являлась японскими лазутчиками. Необходимы дальнейшие поиски документов опроса и выявления японских шпионов. Пограничники также участвовали в активных боевых действиях, в боях на сопке Ремизова, на переправах и на внешней линии монголо-маньчжурской границы.

В середине июля 1939 г. военная разведка отследила переброски японских войск в Маньчжурию: «для отправки в Маньчжурию в Нанкине уже сконцентрировано до 20 000 японских войск... Переброска войск из района Нанкина в Маньчжурию начнется 18 июля. С Формозы в Маньчжурию, якобы, готовятся к переброске до 50 000 человек... Поступающие данные свидетельствуют о подготовке к крупным переброскам японских войск из Китая в Маньчжурию»⁶⁰. Вместе с тем, группа Р. Зорге выявила, что не перебрасываются значительные группировки танковых войск и артиллерии, что приводило к выводу об ограниченности планируемой войсковой операции.

В аналитических материалах отмечалась тенденция ослабления военных действий японских войск против Китая в условиях войны на Халхин-Голе, значительная часть японской авиации, которая дислоцировалась на аэродромах Северного Китая, переброшена в Маньчжурию. «Последние события у озера Буир-Нур, видимо, заставляют японцев форсировать «умиротворение» оккупированных провинций Северного Китая»⁶¹. Отмечалось также, что японская сторона активизировала попытки заключения мира с китайцами, переговоры ведутся не непосредственно между официальными представителями обеих сторон, а через третьих лиц. Все эти данные свидетельствовали о привлечении основных военных сил в район Маньчжурии и необходимости иметь надежный тыл.

Скрытная подготовка советско-монгольских войск к массированному наступлению в августе проводилась в условиях ложной и демонстративной подготовки к зимней кампании, чтобы ввести противника в заблуждение. Ложная информация о завозе зимнего военного снаряжения, имитация строительства долговременных сооружений, скрытное накопление военных сил невозможны без успешной работы военной разведки и контрразведки.

⁵⁹ Отдельный пограничный батальон в боях на Халхин-Голе, 1939 год. Иркутск, 2014. С. 15.

⁶⁰ Военная разведка информирует. С. 159.

⁶¹ Там же. С. 161.

Несомненной заслугой военной разведки является выявление планов японского командования о решительном наступлении, намеченном на 24 августа 1939 г. Видимо, это было сделано на основе данных советской воздушной разведки, обобщения данных войсковой разведки и аналитической работы штаба советско-монгольских войск. Зарубежная агентура не выявила точной даты наступления японских войск. В любом случае, опубликованных данных на сей счет пока не выявлено и не опубликовано. Близость дат наступления советско-монгольских войск (20 августа) и японо-маньчжурских войск (24 августа) свидетельствуют о напряженности боевых действий и неумолимой логике войны в данном регионе. К началу японского наступления должна была быть переброшена 15 бригада японских войск, которая прибыла 23 августа. Вторая пехотная дивизия опоздала на неделю благодаря действиям китайских партизан.

Впервые в советских вооруженных силах была организована разведывательная авиационная эскадрилья во главе с Героем Советского союза И.А. Лакеевым. Она базировалась в двух-трех километрах от командного пункта первой армейской группы на горе Хамар-Даба. Фотоаппаратов и радиостанций на самолетах не было, поэтому разведка велась визуально наиболее опытными и подготовленными летчиками, которые хорошо ориентировались в полетах над конкретной местностью. По воспоминаниям начальника штаба разведывательной эскадрильи В. Борзяка, «Ежедневно каждая пара истребителей-разведчиков совершала по два-три вылета. Разведка производилась на глубину радиуса полета самолета. Летчики просматривали дороги, идущие из глубины Маньчжурии и района боевых действий. Особое внимание уделялось дорогам, идущим к фронту от Хайлара и Халунь-Аршана. Вели разведку также в районах скопления и сосредоточения войск, тылов противника. После посадки все разведданные немедленно по телефону передавались на командный пункт группы. Если при этом требовались уточнения, то сюда на автомашинах доставлялись летчики, проводившие разведку»⁶².

В ходе августовского наступления советских и монгольских войск было захвачено много секретных документов. В телеграмме начальника разведотдела 57-го особого стрелкового корпуса Горшкова в Москву от 1 сентября 1939 г. отмечалось, что «в результате разгрома 6-й японской армии и штабов Камацубара, Кобаяси захвачено много ценных документов, приказов, очень важных материалов и учебных пособий...оперативные приказы, список командного состава отдельных частей и подразделений, папки разведсводок, боевые донесения частей, материалы описания важнейших районов Внешней Монголии, документы 1-полка тяжелой артиллерии, запись сообщений перебежчика Бамбы, материалы по Номонханскому конфликту, военно-оперативные шифры»⁶³... Это ценные документы были оперативно переведены с японского языка и данные были использованы в оперативной работе военного командования и военной разведки.

Оперативно была сообщена реакция японской стороны на заключение Пакта о ненападении между Германией и СССР. Секретарь военного атташе СССР в Японии Крылов в сообщении от 26 августа 1939 г. сообщал о том, что «сообщение о возможности заключения пакта о ненападении между Германией и СССР произвело ошеломляющее впечатление на японские круги и правительство, вся печать заполнена вопросом, называя его самым событием

⁶² Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ. С. 128.

⁶³ Военная разведка информирует. С. 165.

после мировой войны»⁶⁴. Основными тезисами печати и публичных высказываний по данной проблеме следующие: Германия проявила недружественную позицию. Союз Японии с Германией и Италией и антикоминтерновский пакт превращаются в пустую бумагу. Вся ответственность возлагается на японское правительство, которое не сумело предусмотреть этого. Дипломатия Арита привела к полной изоляции Японии.

Решительный разгром японских войск в августе 1939 г. еще не означал полного отказа японской стороны от реванша на театре военных действий. Рихард Зорге в агентурном сообщении от 1 сентября 1939 г. предупреждал советское военное командование о новом сосредоточении японских сил на границе МНР: «Американский корреспондент получил сообщение из Синьцзяна, что Квантунская армия посылает все имеющиеся резервы в Маньчжурии на границу с целью нанесения Красной Армии решительного удара. «Отто» узнал, что многие части, ранее стоящие вдоль центральной дороги, посылаются на границу МНР. Таким образом, вы можете ожидать развития событий в этом районе»⁶⁵. Дополнительно сообщалось, что японский Генеральный штаб решил послать 300 тыс. чел. из нового призыва для усиления Квантунской армии.

13 сентября 1939 г. Р. Зорге конкретизирует информацию о переброске японских войск: «Иностранный корреспондент на монгольской границе сообщает, что японцы 31 августа перебросили крупные пополнения на границу. В течение одного часа наблюдения он насчитал 120 грузовиков с солдатами. Другой путешественник сказал, что войска из Кореи спешно переброшены на монгольскую границу. Факт о том, что японские войска жестоко избиты на монгольской границе»⁶⁶. Данная информация была необходима, так как дальнейший ход событий еще не был неизвестен и данные о движении японских войск позволяли быть готовым к дальнейшему развитию военных действий.

27 сентября 1939 г. Рамзай сообщил в Москву о серьезной трансформации в японской военной политике относительно СССР: «Перемирие на границе МНР означает коренной отход японской политики от авантюризма... Совершенно отпала надежда на то, что Квантунская армия будет долгое время сочетать политику в отношении Китая с авантюрой против СССР. Причинами этого являются: германо-советский договор, полученный урок у Номон Хан Бурд Обои действия Германии против Польши. Кроме того, военное вооружение, особенно техническое, потребует еще несколько лет, чтобы поставить его на хороший уровень»⁶⁷. Таким образом, Р. Зорге четко уловил основную тенденции развития военно-политической ситуации.

Таким образом, накануне и во время войны на Халхин-Голе все виды разведки: стратегическая, войсковая, воздушная, пограничная сыграли свою определенную роль в успешном завершении войны на Халхин-Голе 1939 г. Разведка сыграла свою несомненную роль в информировании советского военного командования, определении стратегии и тактики войны на реке Халхин-Гол в 1939 г. Тема требует дальнейшего выявления документов, их внимательного анализа и обобщения. Гриф секретности снят пока только с ряда документальных материалов. Изучение проблемы позволит более основательно и всесторонне изучить тему боевых действий на реке Халхин-Гол.

⁶⁴ Военная разведка информирует. С. 163.

⁶⁵ Там же. С. 165.

⁶⁶ Там же. С. 166.

⁶⁷ Там же. С. 169.

8. ИСТОРИЯ МОНГОЛИИ И РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

8.1. Проблемы монголоведения в эпистолярном наследии академика Б. Ринчена

Доктор филологических наук, профессор, академик Б. Ринчен — выдающийся монгольский ученый, писатель, переводчик и журналист. Оставил огромное творческое наследие. В этом году отмечается 110-летие со дня рождения исследователя. Особую ценность для историографии имеет эпистолярное наследие известного ученого. В научной переписке Б. Ринчена раскрывается творческая лаборатория известного монгольского ученого и писателя. Его адресатами были известные российские и зарубежные ученые-монголоеды.

Эпистолярное наследие академика Б. Ринчена чрезвычайно обширно, нам удалось познакомиться и исследовать только его часть. Совместно с переводчиком и журналистом Ц. Цереном, автором монографии о творческой биографии Б. Ринчена, подготовили к печати отдельный том переписки известного ученого и писателя. Оригиналы и копии писем Б. Ринчена и его адресатов хранятся в личном архиве монгольского переводчика и любезно предоставлены для научного изучения и введения в научный оборот.

Эпистолярный жанр позволяет ближе познакомиться с творческой лабораторией монгольского ученого, расширить представление о широте его научных интересов, неформальных оценках научных результатов отдельных монголоведов, а также об уровне развития научной мысли Монголии и России. Несомненную ценность для историографии имеют творческие планы выдающегося ученого, часть из которых так и не удалось реализовать. Оригинальные оценки и меткие характеристики академика Б. Ринчена современной ему эпохи, политических и научных деятелей представляют интерес для филологов, историков, политологов и социологов. Остроумные и меткие характеристики Б. Ринчена давно уже превратились в пословицы и поговорки¹.

Академик Бимбын Ринчен (1905–1977) — выдающийся ученый-филолог, писатель, журналист и переводчик. В каждой из этих сфер он полностью состоялся как крупный и выдающийся деятель. В России впервые творческую биографию представил известный монголовед, профессор Ширав Бодиевич Чимитдоржиев. В приложении он также опубликовал некоторые письма Б. Ринчена².

Б. Ринчен-гуай прожил яркую и трудную жизнь, полную неустанного и напряженного труда, научных изысканий и высоких научных результатов и вершин. Был репрессирован, неоднократно подвергался необоснованной критике и гонениям. С другой стороны, его творчество и научные результаты были изданы на многих языках мира и получили национальное и мировое признание, он стал академиком и лауреатом Государственной премии Монголии, почетным членом многих иностранных научных ассоциаций и обществ.

Научная переписка Б. Ринчена свидетельствует о глубине и широте научных поисков ученого, оригинальности его научных идей и творчества, научной честности и бескомпромиссности ученого, а также широте научных связей ис-

¹ Степные были и небылицы / сост. и пер. Хасбаатарын Мэргэн. Улан-Удэ, 2010. С. 307–311.

² Чимитдоржиев Ш.Б. Бимбын Ринчен — выдающийся ученый и писатель (1905–1977). Улан-Удэ, 2005. С. 50–63.

следователя с российскими и зарубежными монголоведами и писателями. Поражает его увлеченность, доброжелательность и научная щедрость Б. Ринчена.

Адресатами Б. Ринчена были люди различных специальностей: писатели, литераторы, переводчики, историки, этнологи, филологи, монголоеды, антропологи. Среди них писатели А. Бальбуров, А. Костицын, А. Гатов; монголоеды Н.Н. Поппе, А. Сандерс, С.А. Кондратьев, Е.М. Даревская, Н.Ц. Мункуев, филологи В.Д. Виноградов, С.П. Балдаев, историки Л.Н. Гумилев, Б.Ф. Поршнев, М.Ф. Нестурх. Невероятна широка география переписки: Россия, Германия, Польша, Чехия, Венгрия, Великобритания, США. Он вел переписку с К. Седлачек (Чехия), Э. Трыярски, Р. Ямна, В. Плавински (Польша), Н.Н. Поппе (США), В. Хайссиг, У. Иохансен (Германия), С.А. Кондратьев, Л.Н. Гумилев, Е.М. Даревская, А.В. Бадмаев (Россия) и др.

Широка тематика переписки Б. Ринчена: перевод его книги «Заря на степью» на русский язык в Москве, проблемы монгольского и бурятского шаманизма, монгольский фольклор, проблема «снежного человека» и антропологии, монгольский язык и письменность, письменное наследие монгольских народов, место монгольской культуры в мировом наследии, оценка отдельных книг и статей, характеристика монголоведов и ученых в Монголии и в мире.

Много времени и усилий было потрачено на перевод с монгольского на русский язык романа-трилогии «Заря над степью» («Уурын туайя», опубликованного в 1951, 1955, 1971 гг.). Сохранились письма литератора и писателя А.П. Костицына Б. Ринчену за 1958 г., который около двух лет совместно с переводчиком А.Р. Ринчино трудился над переводом романа. А.П. Костицын обрабатывал подстрочный перевод романа и стремился передать монгольский колорит русскому читателю. В письме от 19 февраля 1958 г. он предлагает Б. Ринчену назвать роман «Свет над степью», считая его более «перспективным». Познакомившись со списком писателей, которых Б.Ринчен переводил на монгольский язык, в письме от 17 марта 1958 г. А.П. Костицын восклицает: «Да это ведь не человек, а целая академия! Найдутся ли во всей мировой литературе хотя бы единицы, которые переводили бы произведения сорока авторов. Вашу разностороннюю эрудицию я почувствовал уже сквозь ткань романа»³. А.П. Костицын жалуется на низкое качество перевода А.Р.Ринчино («это был совершенно сырой материал»). В письме от 17 августа 1958 г. А.П. Костицын отмечает о качестве подстрочного перевода следующее: «Из Ваших замечаний я понял, что Ринчинэ дал мне мешковину вместо шелковой ткани Вашего романа»⁴. А.П. Костицын отмечает увлеченность и высокую занятость монгольского писателя: «Ваша необыкновенная работоспособность как то и меня подтягивает, заставляет беречь часы и минуты»⁵.

В последующих письмах А.П. Костицын сетует на затягивание с изданием романа: «рукопись продвигается к типографскому станку со скоростью черепахи»⁶.

В переписке Б. Ринчена с А.П. Костициным возникла дискуссия об уровне грамотности монгольского населения до революции. Монгольский ученый выступал против общепринятого тогда в научной литературе низкого уровня грамотности и культуры монголов. В ряде других писем Б. Ринчена отмечает-

³ Коллекция писем Б. Ринчена и его адресатов // Личный архив монгольского переводчика и журналиста Ц. Церена (Монголия, Улан-Батор).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ся жесткая критика этого неверного и несправедливого заключения о низком общем и культурном уровне монгольского общества до революции 1921 г. Это была принципиальная позиция монгольского ученого, считавшего, что монгольский народ имеет оригинальную и самобытную национальную культуру и высокий процент образованных людей страны. В письме Б. Ринчена С.А. Кондратьеву от 23 февраля 1968 г. он так написал об этом: «Я собираюсь написать после книги о ламских танцевальных масках еще книгу о сокровищах книгохранилищ наших старых библиофилов с цветными фотографиями, чтобы европейцев познакомить с книжным искусством монголов, которые знали книгопечатание задолго до И. Гутенберга. Развесистую клюкву надо монголисту выдирать и дать знать, что невежество чужеземцев, выдумывающих всякие благоглупости в конце двадцатого века уже нетерпимо и отнюдь не украшает их авторов, а является, наоборот, свидетельством их духовной нищеты и убожества»⁷.

Дается и общая характеристика писем Б. Ринчена: «вообще, письма от Вас — это как чистый родник, заглянешь в него и видишь пятна и морщины на своем лице»⁸.

Будучи оригинальным и самобытным национальным ученым, Б. Ринчен переписывался с опальными исследователями, похожими на него самого. Об этом свидетельствует его переписка с монголооведами Н.Н. Поппе, Л.Н. Гумилевым. Так, в письме Льву Николаевичу Гумилеву (называет его в письме «мой Арслан») от 22 января 1968 г. Б. Ринчен приветствует его книгу «Древние тюрки», но и высказывает свои конкретные критические замечания по качеству трактовки классических текстов. Как откровение звучат его слова об исследовании шаманизма: «Собираюсь уже давно на основании моих материалов по монгольскому шаманизму, которым занимаюсь уже сорок лет, написать книгу натурфилософии монгольского шаманизма. По вашей книге вижу, как это было бы нужно для историков. Теперь, когда после четырех десятков лет собирания и изучения шаманских обрядов, мифологии, призываний и преданий от около двухсот шаманов и бесед с ними уже сошедшими со сцены поколением знатоков и хранителей устных традиций, дополняющих и раскрывающих краткие показания письменных источников, я могу, наконец, сказать, что многое, когда-то бывшее мне таким же непонятным, как моим европейским коллегам-монголистам, уже стало давно на место. И я могу сказать, что шаманское мировоззрение сквозь призму которого смотрели на окружающее древние монголы и, конечно, тюркиты, руководило их поступками и в частной и государственной жизни»⁹.

В письме Л.Н. Гумилева Б. Ринчену от 16 марта 1971 г. просит дать свой отзыв на книгу о монголах: «Я жду Вашего суда, единственного, безусловно, компетентного и справедливого. С нашими монголистами я не виделся уже пять лет, и надеюсь не встречаться дальше. Историки наши не решаются со мной спорить, а хвалить не хотят»¹⁰.

Еще до личного знакомства с Л.Н. Гумилевым в январе 1968 г. Б. Ринчен в одном из писем писал: «Работы Льва Николаевича весьма интересны. Это человек большой эрудиции и в голове у него мысли, а не трафареты, которыми одно время наполняли, заполняя пустоту в черепках живых роботов. Я питаю к нему большое уважение, хотя не встречался с ним лично»¹¹.

⁷ Коллекция писем Б. Ринчена и его адресатов.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Это позднее будет всеобщее признание научных заслуг Л.Н. Гумилева, будут массово издаваться его книги, установят памятники и мемориальные доски. В переписке мы наблюдаем общение двух талантливых ученых, не особенно ценимых у себя на родине, и они ищут взаимной поддержки и понимания.

По понятным причинам в архиве ученого преобладают письма к Б. Ринчену, так как сам монгольский ученый в редких случаях оставил копии своих писем. Ц. Церену удалось списаться не со всеми адресатами Б. Ринчена¹², чтобы получить копии его писем. Так, удалось восстановить переписку монгольского ученого с Е.М. Даревской из Иркутска, которая бережно сохранила письма монгольского академика.

Вопросы российско-монгольских связей начала XX в., состав дипломатического корпуса России в Монголии, обучение монгольских учащихся в Иркутске обсуждались в переписке 1971–1972 гг. с известным иркутским монголоведом Е.М. Даревской. Эти сведения были необходимы Б.Ринчену при написании романа «Наместник Сандо» — последнем маньчжурском наместнике в Монголии.

В письме Б. Ринчена от 21 марта 1971 г. отмечается: «для моего романа мне хотелось бы знать состав царского консульства в Урге девятьсот девятого-одиннадцатого года, точнее, чем я знаю сейчас. По нашим архивным монгольским материалам кое — что можно узнать, но это дипломатическая переписка с подписями консула Любы и др. В консульской церкви был и один священник, которого. Возможно, я упомяну в романе, над которым я сейчас работаю. Если у Вас есть кое-какие имена консульских работников и некоторые их характеристики, то это представляло бы для меня интерес»¹³.

Б. Ринчен вел активную переписку с учеными Бурятии, Калмыкии, Тувы, подчеркивал общность языков и культуры монголоязычных народов, предлагал совместные работы, предлагал совместные работы, проведение научных конференций.

Вопросы монгольского этногенеза, антропологии и монгольского «снежного человека» обсуждается в переписке с профессорами Б.Ф. Поршневым, М.Ф. Нестурх (специалист по антропологии, приматологии) из Москвы, Венчиславом Плавински (Польша). Речь шла о черепе и останках гоминида, принадлежащего так называемому «снежному человеку» (алмас). Б.Ф. Поршнев (1905–1972) — известный советский ученый, доктор исторических и философских наук, специалист по криптозоологии и основоположник гоминологии — науки о снежном человеке. Б.Ф. Поршнев написал несколько писем о монгольском снежном человеке — алмасы. Профессор Б. Ринчен опубликовал несколько научных статей на данную тему, которая чрезвычайно его занимала.

Особое место в эпистолярном наследии Б.Ринчена занимают письма к лидеру Монголии Ю. Цеденбалу. В письме от 16 января 1967 г. он пишет Ю. Цеденбалу, Первому секретарю ЦК МНРП, Председателю Совета Министров МНР в связи с изданием третьей книги «Грамматика монгольского литературного языка». Книга была издана, но была запрещена к распространению и лежит в типографии. Б.Ринчен считает, что мелкие придирки к книге носят не научный, а личный характер со стороны директора Института языка и литературы Хорлоо: «драконовские меры нашего директора по отношению ко мне и моим работам

¹² Цэрэн Ц. Буурал отгос Ринчен мэхийн есолбай (Старец Ринчен отклонялся). Улан-Батор, 2005.

¹³ Коллекция писем Б. Ринчена и его адресатов.

являются пережитком аракчеевщины, еще живущий в стенах нашего института, но осужденных прогрессом науки за пределами власти нашего директора»¹⁴.

Приводится информация и данные о том, что советские и венгерские монголоеды считают, что книга написана на должном уровне и имеет новаторский характер: «в ней много новых данных по морфологии монгольского языка, совершенно по иному трактующих образование слов, структуру корнеслов и иное объяснение категории Числа в монгольском языке»¹⁵.

2 августа 1976 г. Б. Ринчен написал самое известное письмо Ю. Цеденбалу. Оно являлось ответом на статью «Высокий долг ученого», опубликованную в центральном журнале ЦК МНРП «Партийная жизнь», в которой очернялась его родословная и творческая биография, подвергалась сомнению честность ученого в изложении автобиографии и воспоминаний. Впервые оно было опубликовано в 1990 г. писателем Г. Аким в журнале «Цог» и газете «Новости Монголии».

Б. Ринчен был вынужден объяснять и уточнять родословную семьи Бимбаевых и деятельность своего отца Р. Бимбаева — переводчика и чиновника, особенно в годы гражданской войны и революции. Для современных историков это ценный исторический источник, который не появился бы в других условиях. Была представлена краткая история научной травли и необоснованной критики Б. Ринчена. Защита традиционной национальной культуры, монгольского литературного языка привели к навешиванию ярлыка «националиста». В заключении письма, Б. Ринчен выражает надежду, что со временем, «уберет запреты анонимщиков на печатание моих работ, которые я пишу не ради карьеры, а выполняя свой долг филолога-монголиста, этнографа, фольклориста, писателя и переводчика. Я выражаю надежду, что в скором времени будет спасен наш родной язык от чудовищно малограмотных «правил букв», подобных которым не было со времени появления письменности»¹⁶.

Б. Ринчен являлся противником перехода с монгольской письменности на кириллицу. В письме к Н.С. Хрущеву в декабре 1956 г. он пытался доказать, что данный переход являлся исторической ошибкой, который отрезал значительное культурное наследие монгольского народа от современников.

Всю науку Б. Ринчен делил на настоящую научную мысль и имитирующую науку. В его письмах к адресатам это постоянно подчеркивается. Конъюнктурщики, лжеученые, и приспособленцы от науки критиковались им, являлись предметом иронии и сарказма.

Б. Ринчен был противником догматических идей, схоластики в науке. Еще в 1947 г. он писал, что «появляются люди, мысль которых, усыпленная убийственная трафаретом, начинает уже просыпаться и работать над фактами монгольского языка, который мне так хотелось поднять до уровня современных культурных языков мира, используя его великие возможности»¹⁷. В письме к Н.Н. Поппе от 30 ноября 1935 г. он пишет о жестокой борьбе «с кустарничеством малограмотных переводчиков, я также добился победы и признания необходимости унифицирования терминологии»¹⁸.

¹⁴ Коллекция писем Б. Ринчена и его адресатов.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Даже внешне Б. Ринчен-гуай отличался от современных ему ученых. Одевался в монгольский национальный костюм, носил оригинальную прическу и бороду. Таким образом, он подчеркивал приверженность традиционной национальной культуре. Один из немногих он владел иностранными языками, переводил с ряда европейских языков выдающиеся памятники мировой литературы, вел обширнейшую переписку с зарубежными писателями и учеными. Б. Ринчен имел настолько величественный и благородный вид, что однажды за границей маленькая девочка спросила свою маму, глядя на него: «Это Бог?!». Комментарии, как говорится, излишни.

Получив в 1945 г. за сценарий художественного фильма «Цогт-тайджи» Государственную премию, Б. Ринчен сделал благородный поступок и передал всю сумму (15 000 тугриков) ленинградским детям-сиротам. Благодарные дети Ленинграда написали ему теплые письма благодарности, и с некоторыми из них завязалась многолетняя переписка. Сохранилась трогательная переписка с ленинградскими сиротами Володей и Галиной Королевыми. Сохранились письма детей Б.Ринчену, из которых мы узнаем, что великий писатель до совершеннолетия детей писал им письма поддержки и посылал посылки с теплыми вещами: валенками, ботинками, свитерами. В одном из писем дети писали: «Дорогой дяденька, нам очень хотелось бы повидаться с Вами на месте своего папы, если Вас не затруднит, то пришлите нам Вашу фотокарточку, если Вы приедете в Ленинград, то зайдите к нам»¹⁹.

В годы политических репрессий Б. Ринчен пять лет (1937–1942) провел в тюрьме, получив приговор по ложному доносу и обвинению²⁰. В переписке он постоянно критиковал сталинский режим. Очень символично, что памятник Б. Ринчену установлен в 2005 г. на месте прежнего памятника И.В. Сталину, около Национальной Публичной библиотеки в Улан-Баторе.

Публикация творческой переписки крупного монгольского ученого Б. Ринчена позволит более основательно понять и изучить духовное наследие классика монгольской науки и литературы, научную атмосферу советской и монгольской социалистической эпохи, ее сложность и противоречивость развития. В эпистолярном наследии ученого представлены творческие планы его будущих исследований, характеристики современных монгольских писателей, историков, политиков. Неформальный характер оценок и характеристик исторических событий и личностей, научных трудов и конференций позволяют расширить наши представления по истории и культуре Монголии XX в.

8.2. Монгольский историк О. Батсайхан — крупный специалист по истории Монголии первой половины XX века

Монгольская историческая наука имеет глубокие традиции исследования национальной истории. В XX в. сформировалась национальная историческая школа, ее становление и формирование связано с именами крупных и известных монгольских историков Б. Ширендыба, Ш. Нацагдоржа, Ш. Бира, Н. Ишжамца, Н. Сэр-Оджава, Х. Пэрлээ, Ц. Пунцагнорова, Л. Жамсрана, Ч. Далай, Ш. Сандага, С. Пурэвжава, Б. Лхамсурэна, Ж. Болдбаатара, Л. Хайсандайя. В сложные годы 90-х гг. XX в. и начале XXI в. выросло поколение новых крупных исследователей истории Монголии: Ц. Батбаяр, О. Батсайхан, Ч. Дашда-

¹⁹ Коллекция писем Б. Ринчена и его адресатов.

²⁰ Степные были и небылицы. С. 307.

ваа, А. Очир, З. Лонжид, Ж. Урангуа, Ж. Баясах, Н. Хишигт, Ц. Ишдорж, Х. Лгах-васурэн, С. Чулуун, Д. Эрдэнэбаатар и др.

Существенный вклад в изучение истории Монголии первой половины XX в. внес доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии Монголии 2011 г. Эмгент Оохнойн Батсайхан.

О. Батсайхан родился в 1962 г. в сомоне Жаргалант-Баянхонгорского аймака. Среднюю школу окончил на родине, в госхозе Байдрак. Его родители были простыми скотоводами и пасли овец в госхозе. Дедушка по отцовской линии был крупным ламой. В 1937 г. он был арестован и репрессирован. Воспитанием и образованием в основном занимались дедушка и бабушка по материнской линии, которым он очень благодарен за это. Они научили его всем навыкам ведения кочевого хозяйства, твердо стоять на ногах и отвечать за свои поступки и слова.

В 1980–1985 гг. О. Батсайхан обучался на историческом факультете Иркутского государственного университета и получил качественное гуманитарное образование. Лекции читали крупные сибирские историки — профессора Г.И. Медведев, М.П. Аксенов, В.П. Олтаржевский, В.В. Яровой, В.И. Дятлов, С.И. Кузнецов, Б.С. Санжиев, А.С. Маджаров, Б.С. Шостакович. Большое влияние на формирование О. Батсайхана как историка-монголоведа оказали известные знатоки древней и новой истории Монголии Владимир Вячеславович Свинин и Елена Марковна Даревская. В.В. Свинин (1936–2012) руководил лабораторией монголоведения и курировал научную деятельность монгольских студентов, привил первые навыки исследовательской работы в монголоведении. Также В.В. Свинин руководил научной историко-археологической практикой в Монголии, проводил археологические раскопки и изучал современные социально-экономические процессы в стране.

Е.М. Даревская читала специальный курс по истории русско-монгольских отношений и научила бережно относиться к историческим фактам и умению анализировать исторический материал. Кроме того, Елена Марковна была куратором студенческой группы, где учился монгольский студент. Она сыграла также значительную роль в судьбе О. Батсайхана, когда решался вопрос об обучении его на историческом факультете или переводе на подготовительный факультет для иностранных студентов. Вообще, для О. Батсайхана Е.М. Даревская запомнилась не только как крупный знаток истории Монголии и русско-монгольских отношений, но заботливая женщина, которая беспокоилась, тепло ли одеты монгольские студенты.

Решение стать историком О. Батсайхану пришлось не сразу. Первоначально он мечтал стать программистом, физиком и исследователем космического пространства. С большим интересом читал книги о Кибальчиче, Циолковском, американских астронавтах и НАСА. Было даже желание перевестись на физический факультет. Но постепенно изучение истории увлекло молодого монгольского студента, в этом ему серьезно помогли увлеченные своим предметом преподаватели — высокопрофессиональные специалисты, выпускники аспирантуры Петербургского и Московского университета, крупные знатоки истории Востока профессора Буянто Сайнцакович Санжиев, Виктор Иннокентьевич Дятлов, Нина Евгеньевна Единархова, Евгений Иванович Лиштованный.

Сама атмосфера исторического факультета Иркутского госуниверситета частых научных и политических дискуссий и творческого поиска, проведения студенческих научных конференций и увлеченные студенты-сокурсники: С. Комарицын, С. Тарчимаев, В. Конев, В. Рудник, О. Россова, О. Куржумова, И. Дра-

ганчук, Н. Крадин привлекли О. Батсайхана к исследовательской работе. Кстати сказать, ныне Н.Н. Крадин — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН России, известный в научном мире археолог и этнолог.

На третьем курсе исторического факультета О. Батсайхан стал лауреатом конкурса студенческих работ, успешно выступил на научной конференции, которую проводил известный сибирский ученый, крупный специалист межнациональных отношений, председатель Ученого Совета по защите докторских диссертаций профессор Б.С. Санжиев. Это было успешное начало научной карьеры молодого монгольского историка. Много времени провел О. Батсайхан в «Белом Доме» — Научной библиотеке ИГУ — уникальной библиотеке Сибири и России, книжное собрание которой насчитывает более 4 млн экземпляров.

Формирование О. Батсайхана, как научного работника происходило в Институте общественных наук при ЦК МНРП в 1985–1991 гг., где он работал младшим, а затем старшим научным сотрудником. Это крупное научное учреждение, которое занималось изучением исторических процессов истории партии и монгольского государства в XX в. Большое внимание молодого исследователя привлекали вопросы истории партии 1921–1930 гг. Его привлекали проблемы демократического этапа монгольской революции. Становление происходило рядом с такими опытными историками, как Банзрагч, Д. Даш, О. Пурэв, Л. Бат-Очир, Б. Цэдэн, Б. Балдоо, Б. Лхамсурэн, Х. Максаржав, А. Минис, З. Лонжид и другие исследователи истории партии.

В 1991 г. начинается новый этап деятельности О. Батсайхана. В 1991–1995 гг. он работает в Архиве при правительстве Монголии. Глубокий интерес к историческим источникам, организованность и высокая работоспособность О. Батсайхана позволили ему стать высококвалифицированным архивистом. Интерес к архивным материалам проявился у О. Батсайхана с самого начала его научной работы в Монголии.

В 1994 г. О. Батсайхан совместно с З. Лонжидом со старомонгольской письменности на кириллицу переводят и публикуют труд известного монгольского историка Н. Магсаржава «Новая история Монголии» («Монгол Улсын шинэ туух»). В 1995 г. сборник документов «Зарлигаарт тогтоосон Монгол улсын хууль зүйлийн бичиг 65 дэвтэр».

В 1993–1995 гг. О. Батсайхан обучается в аспирантуре Института истории АН Монголии и в 1995 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию по истории национально-демократического развития Монголии в 1921–1932 гг. («Монгол Улсыг хогжуулэх ундэсний ардчилсан чиг баримтлал» (1921–1932)). Научным руководителем кандидатской диссертации являлся профессор С. Дамдинсурэн, крупный специалист по истории партии и отношений Коминтерна и МРНП.

В 1996–2000 гг. О. Батсайхан успешно работает Директором Архивного управления Монголии. В это время он публикует ряд сборников документов по истории Монголии первой половины XX в. Результативное научное содружество с известным монгольским историком З. Лонжидом вылилось в совместное издание сборников документов, совместных научных статей по истории Монголии XX в. и известных политических деятелях страны первой половины века.

В 1999 г. был подготовлен к печати сборник документов, посвященных переговорам и подготовке русско-монголо-китайского Кяхтинского соглашения 1915 г. Была издана объемная стенограмма трехсторонних переговоров в Кяхте на русском и монгольском языках, а сам договор на трех языках: русском, мон-

гольском и китайском. Таким образом, для исследователей этой проблемы была создана солидная источниковая база. Монгольские и зарубежные ученые-монголоеды теперь имеют свободный доступ к ценному историческому источнику.

С 2000 г. О. Батсайхан работает заведующим сектором России Института Международных Исследований АН Монголии. В 2002 г. успешно защищает докторскую диссертацию по истории Монгольской независимости и Кяхтинского русско-монголо-китайского соглашения 1915 г. (1911–1916 гг.). Научным руководителем докторской диссертации выступил крупный ученый, академик Б. Лхамсурэн.

В 2002 г. была опубликована монография по данной проблеме, ставшая заметным событием в исторической науке Монголии. Опираясь на труды своих предшественников: Г. Навааннамжила, Н. Маргсаржава, А.В. Бурдукова, Е.М. Даревской, Л. Жамсрана, Ш. Сандага, Б. Ширендыба, Ц. Пунцагнорова и других исследователей, О. Батсайхан обнаружил новые исторические данные, которые позволили по-новому взглянуть на сложные события дипломатической истории 1911–1911 гг. и роли в них России, Монголии и Китая.

В 2005 г. он публикует обобщающую работу «Монголия на пути государства — нации» («Монгол ундэстэн бурэн эрхулс болох замд»), в которой показал развитие Монгольского государства и ее внешней политики на протяжении 1911–1946 гг. Она вобрала в себя результаты предшествующих научных изысканий автора и была предложена собственная трактовка событий монгольской истории первой половины XX в. В 2013 г. эта монография была переведена на английский язык и вошла в мировую научную историческую мысль.

Последние годы О. Батсайхан сосредоточился на изучении истории Монголии начала XX в., проблеме истории внешней политики Монголии, Монголии в системе международных отношений в первую четверть века. В результате напряженных научных поисков О. Батсайхан опубликовал новые сборники документов, монографии и целую серию научных статей.

Интерес к историческим событиям 1911 г. в Монголии возник у О. Батсайхана после переиздания им в 1991 г. одного исторического источника, опубликованного ранее в неполном объеме известным историком Ш. Нацагдоржем, и посвященного истории Автономной Монголии.

Важную роль в истории российско-монгольских отношений, ведении русско-монгольских переговоров в 1912 г. и подписания Соглашения играл известный дипломат, тайный советник и Уполномоченный Правительства России И.Я. Коростовец. Его роль в истории отношений России и Монголии была плохо исследована и О. Батсайхан сделал много работы для введения в научный оборот биографических данных И.Я. Коростовца, его публикаций о Монголии и русско-монгольских отношениях.

В 2004 г. совместно с российскими историками Б.В. Базаровым и В.Ц. Ганжуровым О. Батсайхан, как ответственный редактор подготовил к печати и издал объемную монографию (560 с.) И.Я. Коростовца «От Чингис хана до Советской Республики. (Краткая истории Монголии с особым учетом новейшего времени)». Книга была издана на основе рукописи автора, сохранившаяся в Архиве Внешней политики Российской империи МИД РФ и отличается от книги, изданной в 1926 г. в Берлине на немецком языке.

Была проделана значительная работа по подготовке рукописи И.Я. Коростовца к публикации, опубликован биографический очерк Б.Э. Нольде «И.Я. Коростовец в Монголии», предисловие редактора, где была дана совре-

менная оценка роли И.Я. Коростовца в русско-монгольских отношениях. Была определена и сформулирована роль И.Я. Коростовца в формировании в МИД России «монгольского вопроса» и русско-монгольского соглашения 1912 г.

Логическим продолжением данной публикации стала книга — дневник И.Я. Коростовца «Девять месяцев Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г.». Это уникальный исторический источник по истории Монголии и русско-монгольских отношений. Он был передан профессору О. Батсайхану из Канады профессором Ольгой Бакич, которая владела этой рукописью. Дневник был издан на русском и монгольском языках и сразу стал ценным историческим источником. В дневнике дана подробная характеристика Монголии начала XX в., политическая и экономическая характеристика монгольского общества, формирование и развитие русско-монгольских отношений в 1911–1915 гг.

Изучение национально-освободительного движения в Монголии объективно привело О. Батсайхана к исследованию роли Богдо Жавзандамба — хутухты. Впервые в монгольской историографии О. Батсайхан показал незаурядные личные качества монгольского лидера. Из восьми религиозных иерархов он единственный имел звание «гавж», выучил наизусть пять томов буддийских книг, имел одну из самых больших библиотек в восточном мире на различных языках, трижды за свою жизнь возводился на монгольский престол, обладал сильным характером и волей особенно в событиях 1910–1911 гг.

В 2008 г. был опубликован первый вариант монографии о жизни и политической деятельности Богдо Жавзандамбы-хутухты, дополненный и переработанный вариант монографии был издан в 2011 г.

В 2011 г. к 100-летию юбилею национально-освободительной революции 1911 г. О. Батсайхан опубликовал крупную монографию «Монголын суулчийнэ-зэн VIII Богд Жавзандамбаамьдралбадомог», посвященную биографии Богдо-хана — главы буддийской церкви Монголии и монгольского государства. Историк предложил развернутую трактовку решающей роли Богдо-гэгэна в движении монголов за национальную независимость и конкретных событиях 1911 г. Седьмая глава монографии специально посвящена этому вопросу. Данная трактовка роли национального лидера движения существенно отличалась от характеристик предшествующего периода научных исследований истории Монголии.

Впервые некоторые идеи роли Богдо-гэгэна в национально-освободительном движении были высказаны известными монгольскими историками Ш. Сандагом (1971) и Л. Жамсраном (1991). Но они акцентировали на роли Богдо как религиозного лидера Монголии. О. Батсайхан показал роль VIII Богдо-гэгэна, как религиозного и светского правителя Монголии, сделал это развернуто и концептуально. Было показано становление Богдо как политического лидера страны, его решительность и ответственность в событиях 1911 г.

Данная концепция О. Батсайхана до сих пор остается дискуссионной в современной монгольской историографии. Некоторые известные монгольские исследователи (академик Ж. Болдбаатар, писатель и ученый Баабар) настаивают только на роли Богдо-гэгэна только как религиозного лидера Монголии в событиях 1911 г.

По мнению О. Батсайхана, VIII Богдо хан являлся одним из инициаторов национальной революции Монголии 1911 г., а также ее организатором и руководителем. «Если сравнить главу буддизма Монголии Богд хана с нойонами и вельможами Монголии того периода, когда она находилась в зависимости

Маньчжурского императора, в плане личного авторитета, независимого положения и влияния, то отчетливо видно, что именно Богд хан обладал более предпочтительной возможностью для инициирования движения национальных масштабов и для его организации и управления. Богд хан смог наиболее полно и дальновидно воспользоваться этой возможностью, в результате чего он стал руководителем, который постоянно находился во главе борьбы монгольского народа за национальную независимость».

О. Батсайхан выступил инициатором и организатором крупных международных научных конференций: «Новые подходы к истории взаимоотношений России и Монголии и их современное состояние» (2007), «Русско-монгольское соглашение 1912 года и И.Я. Коростовец» (2012).

Научные работы монгольского ученого получили международное признание. Его монографии и научные статьи хорошо известны монголоведам мира, широко цитируются монгольскими и зарубежными исследователями новой и новейшей истории Монголии. Его монографии: «A history of Mongolia: Bogdo Jebtsundamba Khutuktu, The last king of Mongolia, Research work» (2009), «Mongolia: becoming a nation-state (1911–1952)» (2013) опубликованы на английском языке. Его доклады на международных конференциях и статьи опубликованы в Японии, США, России, Корее.

В декабре 2011 г. произошло важное событие в творческой биографии О. Батсайхана. По решению Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа О. Батсайхан стал Лауреатом Государственной премии Монголии. Это высшее признание научных заслуг монгольского ученого.

В 2011 г. О. Батсайхан стал также почетным доктором Восточно-Сибирской академии образования (г. Иркутск).

Он прошел научно-исследовательские стажировки в Великобритании (Университет Кембриджа, 2010), Японии (Японский фонд, Университет Тохокю, 2004–2005), Германии (Гумбольдский университет, 2004), России, Корее (2008–2009), Тайване (2002), в Германии (2015). Был собран уникальный архивный материал по истории Монголии, прочитаны лекции и даны консультации иностранным монголоведам по истории Монголии и международных отношений страны.

Неутомимый исследователь истории Монголии в XX в. О. Батсайхан полон творческих замыслов и готовит к публикации новые работы. Его по-прежнему привлекают проблемы исторических источников по истории своей страны и вопросы истории внешней политики Монголии. Приближается 100-летие Кяхтинского русско-монголо-китайского соглашения 1915 г. и это серьезный повод для подготовки новой крупной международной конференции и новых исторических работ.

8.3. История Монголии и монголо-японские отношения в первой половине XX века в работах историка и дипломата Ц. Батбаяра

В Улан-Баторе на монгольском языке издана фундаментальная работа известного ученого-востоковеда и дипломата Цэдэндамбын Батбаяра «Монголия и Великие державы в первой половине XX в. (От Кяхты до Ялты: Сталин, Чан Кайши, независимость Монголии)»²¹. Это результат длительных и напряженных научных усилий автора.

²¹ Батбаяр Ц. Монгол ба Их гурнууд XX зууны эхний хагас. Улаанбаатар, 2006.

Доктор исторических наук Цэдэндамбын Батбаяр, известный монгольский востоковед, специалист по истории Китая, Японии, Монголии и системы международных отношений в Северо-Восточной Азии с 1981 г. работает в системе Академии Наук Монголии, а с 1998 г. в системе Министерства иностранных дел, директором Департамента анализа и планирования, советником Посольства Монголии в Китае, чрезвычайным и полномочным послом Монголии на Кубе.

Важное условие успешной карьеры — это качественное образование. Ц. Батбаяру чрезвычайно повезло, что ему посчастливилось получить высокопрофессиональное образование. По направлению президента АН Монголии Б.Ширендыба был рекомендован на учебу в Ленинградский (ныне Петербургский) университет. Он окончил престижное российское учебное заведение — восточный факультет Ленинградского госуниверситета, кафедру истории стран Дальнего Востока (1976–1981). Кафедра специализировалась на подготовке историков по истории стран Восточной Азии: Китая, Японии, Кореи, Монголии. Ц. Батбаяр получил специализацию по истории Японии. Наряду с получением специализации япониста, Ц. Батбаяр получил качественную языковую подготовку китайского, английского и русского языков и специализацию историка-востоковеда.

Широкая востоковедная и языковая подготовка помогла Ц. Батбаяру легко адаптироваться к изучению стран региона и общих проблем истории, экономики и международных отношений. На кафедре истории стран Дальнего Востока преподавали крупные российские востоковеды: китаеведы Г.Я. Смолин, Л.А. Березный, Б.Г. Доронин, Б.Н. Мельниченко, японисты Л.В. Зенина, Е.Б. Ковригин. Небольшие группы позволяли дать качественную историческую и языковую подготовку. Востоковедная подготовка на факультете предполагала источниковую и историографическую подготовку, чем всегда славилась данная школа. Японисты основательно изучали китайский язык, поэтому в дальнейшем это очень помогло Ц. Батбаяру в научной и дипломатической карьере.

Благоприятным дополнением к высшему образованию стала аспирантура в Москве, в Институте Дальнего Востока АН России (1984–1987). Московская и петербургская школы востоковедения существенно различаются по направленности и задачам. Петербургское востоковедение больше специализируется на древней, средневековой и новой историей стран Востока, московская школа ориентируется на историю XX в. и современные процессы восточных стран. Но для аспиранта Ц. Батбаяра это явилось хорошим дополнением для уяснения современных процессов в странах Востока.

Ц. Батбаяр — выпускник восточного факультета Ленинградского государственного университета в 1981 г., с этого времени он начинает работать в системе Академии наук Монголии, в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию в Институте Дальнего Востока в Москве по истории Внутренней Монголии КНР. Политическая и экономическая история Автономного района Внутренней Монголии в послевоенный период была изложена Ц. Батбаяром на основе оригинальных исторических источников. Позднее, кандидатская диссертация Ц. Батбаяра была опубликована в качестве монографии в Чехословакии академией наук.

С 1987 г. Ц. Батбаяр работает научным сотрудником, ученым секретарем Института Востоковедения АН Монголии (позднее названным Институтом международных исследований). В 1990–1998 гг. Ц. Батбаяр работал директором Института Востоковедения АН Монголии. Это были сложные годы ре-

формирования системы Академии Наук, адаптации к новым рыночным условиям и выхода Монголии в современную мировую научную среду. Ц. Батбаяр успешно справился со сложными проблемами перехода на грантовую систему научных исследований. Было реализовано несколько международных исследовательских проектов с японскими учеными. В его публикациях органично сочетается исторические сюжеты с современными проблемами стран Востока и международными отношениями. В тоже время Ц. Батбаяр напряженно работает по проблеме истории монголо-японских отношений в первой половине XX в., публикует ряд статей и монографий по данной тематике.

К 50-летию событий на Халхин-голе Ц. Батбаяр опубликовал монографию «Халхин-гол: история и современность» (1989)²², в которой проанализировал причины, эволюцию, систему международных отношений в 30-х гг. XX в. Был дан серьезный анализ военного конфликта 1939 г. на Халхин-голе. Были опубликованы также газетные публикации «Халхин-гол или Номонхан?», получившие широкий отклик и резонанс в монгольской прессе. Монография была подготовлена с традиционных позиций, но уже были поставлены сложные и спорные вопросы пограничных переговоров и прохождения границы в районе реки Халхин-гол накануне военных действий.

В последующие годы Ц. Батбаяр проходил длительные научные стажировки в Японии, Китае, США. В 1989–1990 гг. состоялась длительная научная командировка в Японию, в 2001–2002 гг. в США, в Международном центре имени Вудро Вильсона. Ему удалось основательно познакомиться научными востоковедными школами зарубежных стран, крупными учеными и научными исследованиями, завязать научные связи. Позднее, это позволило ему участвовать в крупных международных исследовательских проектах, особенно японских.

Опубликовал около десяти монографий и семь коллективных работ по истории и современному положению Монголии, Китая, Японии и монголо-японских отношений, монголо-китайских и монголо-русских отношений. Работы историка опубликованы в Монголии, России, Японии, Китае, США и других странах, что является несомненным признанием научных результатов автора.

Крупные монографии Ц. Батбаяра: «Халхин-Гол: история и современность» (1989), «Кодама, Мицуй пуус, Хурээнд байсан япончууд (1921–1921)» (1991), «Японцы о Монголии» (1993), «Статьи по изучению Монголии, Китая и Японии» (1996), «Монголия и Япония в первой половине XX века» (1998, 2002), «Монголия и Великие державы в первой половине XX века» (2006), «Современная Монголия» (2007), В публикациях Ц. Батбаяра гармонично сочетаются исторические сюжеты и современные проблемы внешней политики Монголии. Глубокое знание исторического формирования внешнеполитической концепции, ее традиций помогают формулировать и оценивать современные внешнеполитические реалии.

Целый ряд статей Ц. Батбаяра опубликован в известных востоковедных журналах разных стран мира: «Проблемы Дальнего Востока», «Международная жизнь», «Вопросы востоковедения», «Восток-Запад», «Наука и жизнь», «Сэкай», «Сэкай Суюхо», «Нихон то Монгору»³. Тематика публикаций различна, у Ц. Батбаяра гармонично сочетаются историческая и современная тематика.

В 1998 г. в Монголии успешно была защищена докторская диссертация «Монголия и Япония в первой половине XX века», являющаяся результатом многолетнего труда ученого. Работа получила высокую оценку не только в

²² Батбаяр Ц. Халхын-Гол: Туух ба Орчин уе. Улаанбаатар, 1989.

Монголии, но и в России, США, Японии. Положительные рецензии на монографию дали ведущие монголоеды мира. Научные доклады Ц. Батбаяра прозвучали на крупнейших научных востоковедных и монголоведных форумах в Монголии, Китае, Японии, США, международных конгрессах монголоведов. Научные труды монгольского ученого стали хорошо известны не только профессионалам, но и широкому кругу монгольских читателей.

Ц. Батбаяр перевел и издал в Улан-Удэ на русском языке монографию «Монголия и Япония в первой половине XX века»²³. По своему базовому образованию Ц. Батбаяр является японистом, поэтому монография получилась оригинальной и творческой.

В книге были обобщены предшествующие наработки автора по истории монголо-японских отношений 1900–1945 гг. Подробно рассмотрена и проанализирована эволюция отношений двух стран на длительном периоде. Описаны раздел сфер влияния в Восточной Азии между Россией и Японией, реакция Японии на независимость Монголии в 1911 г., судьба послания Богдохана японскому императору, деятельность японцев в Урге, интерес Японии к Монголии в 20-е гг. XX в.

Автор исследования длительное время работал в архивах Монголии, России, Китая, Японии, США и собирал информацию о месте Монголии в системе международных отношений в XX в. Автор использует документы из Архива внешних отношений Японии, Военно-исторического архива Японии, Центра хранения современной документации РФ, Архив внешних отношений Монголии, Архив министерства обороны Монголии, Архив госбезопасности Монголии.

Это позволило ученому рассматривать события и факты в их логической связи, комплексно и делать систематизированные выводы и заключения. Ц. Батбаяр в совершенстве владеет японским, русским, китайским, английским языками, находился в длительных научных стажировках и командировках в России, Китае, Японии, США. Длительное время являлся директором Института Международных исследований АН Монголии, начальником Департамента анализа и планирования МИД Монголии. Несколько лет работал советником-посланником в Посольстве Монголии в Китае, написал книгу и снял кинофильм о последнем лете Чингисхана.

Среди востоковедов и монголоведов Ц. Батбаяр пользуется репутацией высокопрофессионального и талантливого ученого-востоковеда, его научные работы основаны на качественных исторических источниках, отличаются глубиной анализа, оригинальностью выводов и заключений. В данной работе это продемонстрировано в полном объеме.

Книга Ц. Батбаяра состоит из введения («Политика Великих держав в отношении Азии»), восьми глав, заключения и списка использованной литературы на монгольском, русском, японском, китайском, английском языках. При изложении материала использован хронологически-проблемный принцип.

Первая половина XX в. — переломный период в истории Монголии, время утверждения национальной независимости Монголии. В 1911 г. Монголия после Синьхайской революции в Китае объявила о национальной независимости страны. Первая глава рассматривает период 1911–1919 гг. Автор анализирует точки зрения по «монгольскому вопросу» известных российских политиков начала XX в.: министра иностранных дел России С.Д. Сазонова, военного министра Российской империи А.Н. Куропаткина, занимавшегося изучением

²³ Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ, 2002.

русско-монголо-китайских отношений, а также лидер кадетов М.Н. Милюков. Российская империя оказала дипломатическую, экономическую и военную поддержку в становлении молодого национального государства, заключила первый монголо-русский договор 1912 г., вела переговоры с китайской стороной о получении автономии Монголии. Автор начинает отсчет времени от заключения известного Кяхтинского русско-монголо-китайского договора 1915 г. Длительные многомесячные дипломатические переговоры привели к компромиссу позиций трех сторон переговоров.

Специальный параграф Ц. Батбаяра посвящен роли Японии и японцев в период 1905–1917 гг. Эта тема хорошо разработана исследователем, опубликованы монографии: «Кодама, фирма Мицуи, японцы в Урге: 1911–1921 гг.» (1993), «Монголия и Япония в первой половине XX века» (1998, 2002). В научный оборот введены уникальные архивные материалы из монгольских и японских архивов и ликвидировал «белые пятна» в истории монголо-японских связей. По оценке монгольского историка, Монголия превратилась в объект политических договоров и соглашений между Японией и Россией. В работе показано, что Япония внимательно следила за событиями в Монголии, за действиями России и Китая, отправляла отдельных деятелей для сбора информации и установления непосредственных контактов с монгольскими политическими представителями, нарушая российско-японские соглашения о разделе сфер влияния.

Вторая глава монографии «Советско-китайские переговоры и статус Монголии (1920–1924)» (с. 56–99) рассматриваются следующие вопросы: сибирская интервенция и цель Японии, большевики и монгольская революция 1921 г., американский консул Сокобин в Урге, договор 1921 г., Сунь Ятсен и монгольский вопрос, советско-китайские переговоры 1920–1924 гг.: Пайкес, Иоффе, Карахан.

В вопросе о японской интервенции в Сибири и участии японцев в отряде Унгерна автором отмечается, что при вторжении Унгерна в Монголию, вместе с ним находилось 50 японцев во главе с офицером Хатакэямой, при неудачной попытке захвата Урги в плен было взято 24 японца. В японском военном архиве хранится докладная записка о допросе 24 японцев, прибывших в Цицикар. Заключение Ц. Батбаяра заключается в том, что сибирская экспедиция, продолжавшаяся четыре года, закончилась безрезультатно в октябре 1922 г., японские войска полностью выведены из Сибири. Автор основное внимание уделяет изложению фактического материала в его разнообразии и различной источниковедческой базы. Излагаются материалы, извлеченные из российской, китайской, японской и американской историографии. Не акцентируется внимание на заключениях и выводах. В историографии эта противоречивая ситуация в советско-монголо-китайских отношениях разработана хорошо в исследованиях С.К. Рощина, О. Батсайхана, С.Г. Лузянина, Б. Лхамсурена, А.С. Железнякова, Ч. Дашдаваа, В.В. Грайворонского и др. Тем не менее, элемент новизны четко прослеживается.

В третьей главе книги Ц. Батбаяра рассматриваются вопросы истории Коминтерна, Цзолина с Японией, соперничество Э. Ринчино и Т. Рыскулова, как представителей МНРП и Коминтерна в Монголии, политика единого фронта в Китае: МНРП и Гоминьдан, меморандум Г. Танаки, взаимоотношения МНРП и Коминтерна. Международное положение Монголии в данный период было непростым. С одной стороны, де-факто Монголия была независимым государством, с другой стороны, де-юре считалась составной частью Китайской

Республики. Советско-китайский договор 1924 г. подтверждал суверенитет Китая над Монголией. Одновременно, СССР оказывал Монголии значительную экономическую, культурную помощь в становлении современного национального государства.

Четвертая глава посвящена геополитике Сталина по отношению к Монголии (1932–1936), в которой рассматриваются вопросы создания государства Маньчжоу-Го, ухудшение советско-японских отношений, советской геополитике по отношению к Монголии и позиция Сталина, московские переговоры между Сталиным и Гендуном и подписание советско-монгольского договора 1936 г. и позиция Великих держав.

В этот период для Монголии основное значение приобрело увеличение японской активности в регионе. В меморандуме Танаки (1927) отмечалось следующее: «Для завоевания всего Китая необходимо сначала захватить Маньчжурию и Монголию, а чтобы поработить весь мир, нам нужен Китай». Советские военные специалисты также считали, что проход военных сил через Северную Монголию более удобен и рационален, чем прямой проход через Маньчжурию к границам СССР. Это было явное нарастание японской угрозы. В ее снятии были заинтересованы Монголия и СССР. В тоже время в тридцатые годы существовала возможность советско-японо-немецкого союза или пакта. Были и движения к нему со стороны японцев. Российский японист В.Э. Молодяков опубликовал интересное исследование «Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио» (2004), основанное на оригинальных японских источниках и литературе.

В пятой главе монографии «Война на Халхин-Голе и Великие державы (1937–1939)» автором рассматриваются следующие вопросы: японо-германский антикоминтерновский пакт 1936 г., который, по мнению автора, обострил советско-японские отношения, и привел к росту геостратегического значения Монголии и увеличению советского влияния в Монголии, встреча И.В. Сталина и А. Амара по вопросу советской помощи и выделения 30 % расходов военного бюджета МНР, ввод 57 советский особый армейский корпус в Монголию, японский Генштаб и «записки капитана Бямбы», перешедшего на сторону Маньчжоу-Го в августе 1938 г., дипломатическая дуэль В.М. Молотова и японского посла Ш. Того и возможность дипломатическим путем разрешить начавшиеся военные действия на Халхин-Голе («Номонханский конфликт»), противоречия между японским Генштабом и Квантунской армией, советско-немецкий пакт о ненападении 1939 г. и переговоры Сталина и Риббентропа и обсуждений «японского вопроса», переговоры по пограничному вопросу. Данный период значительное время привлекает внимание Ц. Батбаяра. В 1989 г. он опубликовал книгу «Халхин-Гол: история и современность», в последующие годы было опубликовано несколько статей по данной проблеме, произошло более углубленное изучение проблемы, в научный оборот введены новые источники, видение темы стало более объемным. Автор ввел новые источники из японских архивов, проанализировал западные и американские источники и литературу.

Несомненным достоинством монографии Ц. Батбаяра является иллюстративный материал, представленный к каждой главе монографии. Ряд фотографий представлен впервые, также имеются оригиналы документов.

В шестой главе автор анализирует проблему Монголии в системе международных отношений и «монгольский вопрос» в начальный этап войны 1941–1945 гг. Серьезное внимание уделяется роли Японии и Китая, рассматривается советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. и отражение в нем

вопроса МНР. Ц. Батбаяр считает, что после Халхин-Гола настало время поиска компромисса между СССР и Японией, японские источники позволяют заключить, что японские дипломаты выступили с инициативой заключить пакт о ненападении с СССР. Это было связано с тем, что японцы считали необходимым урегулировать свои отношения с СССР, чтобы расширить территорию японской империи в южном направлении. Специально рассмотрен вопрос о предложениях Генерального штаба Японии, представленных на основе японских архивных материалов.

Проблема границ Маньчжоу-Го и Монголии специально рассмотрена в книге Ц. Батбаяра и известного дипломата Д. Гомбосурэна, опубликованной в 2004 г. («Монгол, Манжгогийн хилийн хэлэлцээ»). Дана основательная характеристика министра иностранных дел Е. Мацуоки и представлен рассказ о встрече Мацуоки и Риббентропе, переговорах Сталина с Мацоккой. Специально рассмотрен вопрос о МНР, Маньчжоу-Го в пакте о нейтралитете. По мнению автора, Мацуока убеждал общественность Японии и Маньчжоу-Го, что СССР признал Маньчжоу-Го и не декларировалось о признании МНР.

В завершающей восьмой главе монографии Ц. Батбаяр рассматривает период 1946–1950 гг., показывает международное признание Монголии после плебисцита в Монголии, создания Китайской Народной Республики в 1949 г. и разрешение монгольского вопроса. Автор показывает всю сложность признания нового статуса Монголии. Позитивную роль СССР и И.В. Сталина, В.М. Молотова, А.И. Микояна в защите монгольских интересов, важную роль монгольских лидеров Х. Чойбалсана, Ю. Цеденбала в оформлении международного статуса страны. СССР, победивший во Второй мировой войне, сделал все возможное в обеспечении получения Монголией национальной независимости, преодолел сопротивление китайской стороны, не заинтересованной в этом. Вступление СССР в войну против Японии было оговорено условием независимости Монголии. США вынуждены были поддержать данное условие. На основе оригинальных источников показана сложность переговоров с китайской стороной по пограничному вопросу, показана позиция Чан Кайши, Мао Цзэдуна по проблеме Монголии.

Таким образом, рецензируемая монография Ц. Батбаяра представляет собой оригинальное исследование по внешней политике Монголии в первой половине XX в. Монголия в системе международных отношений, отношения с СССР, Китаем, Японией, США проанализированы всесторонне и показана сложность и противоречивость исторического процесса в международных отношениях в Северо-Восточной Азии. Книга монгольского ученого представляет цельное и завершенное исследование, насыщенное оригинальными источниками из архивохранилищ Монголии, России, Японии, США. Выводы и заключения Ц. Батбаяра оригинальны и обоснованны, подтверждены историческими источниками. Это серьезный этап в исторических исследованиях монгольских ученых, новый этап в осмыслении истории внешней политики Монголии, системы международных отношений в регионе, в четырехугольнике Монголия — СССР — Китай — Япония.

К столетнему юбилею монгольских событий 1911 г. Ц. Батбаяр публиковал новую оригинальную работу «Богд хаант монгол улс гуравдахь хоршийн эрэлд» (2011)²⁴.

²⁴ Батбаяр Ц. Богд хаант монгол улс гуравдахь хоршийн эрэлд. Улаанбаатар, 2011.

В монографии Ц. Батбаяр проанализировал внешнеполитическое место Монголии в системе международных отношений 1911–1915 гг. Основное внимание историк обратил на менее изученные проблемы: позицию Юань Шикая по монгольскому вопросу, монголо-тибетскому договору 1913 г., внешним отношениям в треугольнике Петербург — Токио — Пекин., отношениям Богдохана с западными странами.

В монографии использованы новейшие изыскания монголоведной историографии, определены новые подходы в оценке договоров и соглашений «монгольского вопроса». Особенно много новых материалов представлено по позиции Китая и Японии по отношению к Монголии.

В целом, исследования крупного монгольского историка Ц. Батбаяра отличается продуманная логичная структура, стройность изложения, хороший литературный стиль. Использование в научных трудах оригинальных и новейших документальных материалов — отличительная черта исторических работ крупного монгольского историка.

Цэдэндамбын Батбаяр не только крупный монгольский востоковед, но известный дипломат, с 1998 г. успешно работающий в системе Министерства иностранных дел. В 1998–2000 и 2006–2009 гг. занимал должность Директора департамента анализа и планирования МИД Монголии. В 2003–2006 гг. и 2009–2012 гг. работал в Посольстве Монголии в Китае, занимал ответственную должность советника посла. Несмотря на высокую занятость в Посольстве Ц. Батбаяр по мере сил продолжал заниматься исследовательской работой. Об этом, свидетельствует монография ученого, посвященная истории внешней политики Монголии в период Автономии. В монографии «Богд хаант монгол улс гуравдахь хоршийн эрэлд» (2011), дан серьезный анализ системы международных отношений Монголии, вопросам монголо-тибетского договора, отношения западных стран к Монголии, японцы и Монгольское государство Богдохана.

В Китае Ц. Батбаяром был снят документальный фильм «Последнее лето Чингис-хана», с использованием оригинального исторического материала.

В 1995 г. Ц. Батбаяр перевел и издал монографию крупного американского монголоведа О. Латтимора «Номады и комиссары»²⁵. Вообще приятно наблюдать, как Ц. Батбаяр проводит научные конференции и симпозиумы, легко переходя на русский, китайский, японский и английский языки.

Ц. Батбаяр является одним из крупных современных историков Монголии, пользуется признанием и уважением в профессиональной среде. В 2001 г. он был награжден почетной медалью труда, в 2007 г. орденом Полярной звезды.

8.4. Монголия и великие державы в XX веке²⁶

Монгольская историческая школа и мировое монголоведение последние 30 лет уделяют серьезное внимание анализу места Монголии в системе международных отношений в Восточной Азии. Опубликованы фундаментальные исследования монгольских и зарубежных ученых, посвященные концептуальным вопросам истории Монголии в системе международных отношений

²⁵ Батбаяр Ц. Пер. О. Латтимор. Нуудэлчид ба Хувьсгалчид. Улаанбаатар, 1995.

²⁶ Рец. на: Равдангийн Болд. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США — Россия — Китай, 1910–1973 : [пер. с монг.] / предисл. А. С. Железнякова. М. : Весь мир, 2015. 399 с.

XX в., а также ее отношений с Китаем, Россией, Японией и западными странами. Этой теме посвящены крупные исследования известных монгольских историков Ш. Сандаг, Л. Жамсран, Ц. Пунцагноров, Н. Ишжамц, Ж. Болдбаатар, Ц. Батбаяр, О. Батсайхан, Б. Баабар, Б. Лигдэн, Ж. Урангуа, Ч. Далай, Л. Хайсандай и др.

Основательно изучены в монгольской историографии двусторонние отношения Монголии в XX в. с Россией, Китаем и Японией, которые играли ключевую роль в становлении национальной независимости страны и определении ее международного статуса. Плодотворно и глубоко исследованы дипломатические, экономические и культурные отношения в треугольнике Монголия — Китай — Россия.

Монголо-американские связи в XX в. исследовали Ц. Пунцагноров, Н. Ишжамц, Л. Хайсандай, А. Дамдинсүрэн, Ж. Болдбаатар, Ц. Ишдорж, Д. Уламбаяр, Н. Галиймаа и другие историки. Новую и оригинальную трактовку монголо-американских отношений и роли американского фактора в истории внешней политики Монголии предложил известный государственный деятель Монголии, доктор исторических наук Р. Болд.

Московское издательство «Весь мир» опубликовало в 2015 г. фундаментальную монографию Р. Болда «Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США — Россия — Китай, 1910–1973 гг.». С монгольского языка перевод осуществил известный монголовед и переводчик Ю. Н. Кручин, предисловие подготовил доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения Российской академии наук А. С. Железняков.

Впервые в мировом монголоведении издан труд, посвященный капитальному исследованию монголо-американских отношений 1910–1973 гг., на основе уникальных американских документальных источников и материалов. Трактовка роли американского фактора в становлении национального суверенитета Монголии носит оригинальный характер, отличающийся от общепринятого в современной научной литературе.

По данным А. С. Железняка, Р. Болд — представитель элитной монгольской династии военнослужащих, сотрудников разведывательных органов и дипломатической службы страны. Его отец — генерал-полковник С. Равдан (1907–1972), старший брат Р. Батаа — советник президента Монголии и секретарь Совета безопасности (с. 8). В 1980 г. Р. Болд окончил Военно-дипломатическую академию в Москве. В 2007–2012 гг. служил в Генштабе вооруженных сил Монгольской Народной Республики, был директором Института стратегических исследований Министерства обороны Монголии, являлся советником Президента Монголии по безопасности и внешней политике, секретарем Совета безопасности, начальником Главного управления разведки, в 2003–2007 гг. был Чрезвычайным и Полномочным Послом в США, а в 2012–2015 гг. — в Австралии. Автор монографии гармонично сочетает научную деятельность с многолетним опытом работы на ответственных постах государственной службы, в силовых и дипломатических органах Монголии. Данные обстоятельства придают научному исследованию особую ценность и научную значимость. Докторская диссертация Р. Болда посвящена становлению и развитию дипломатических отношений Монголии и США. В 2014 г. им была опубликована монография «Необъявленная война», посвященная военным событиям 1939 г. на Халхин-Голе.

Несомненным достоинством монографии Р. Болда является использование широкого круга уникальных исторических источников Национального архива США: материалы, относящиеся к внутренним и внешним делам Китая и внешним отношениям с Россией за 1910–1919 гг., 50 папок с документами консульства США, работавшего в Калгане в 1921–1927 гг., материалы папок «Внешняя Монголия» (с. 13). Используются рассекреченные документы: «Донесения американской военной разведки США, Китая 1911–1941», пять томов издания «Военно-политическое положение на Дальнем Востоке» и другие оригинальные исторические источники. Некоторые ценные документы впервые в историографии опубликованы автором в Приложении к книге (21 приложение, с. 348–393), наиболее оригинальные документы напечатаны в сканированном виде, что придает публикации особую ценность. Впервые в мировом монголоведении в книге так широко использована англоязычная научная литература и публицистика, которая представлена в библиографических списках по каждой стране отдельно.

Первая глава монографии «Попытки Внешней Монголии установить отношения с США» посвящена 1911–1921 гг. Основными внешними силами в тот период, как известно, являлись Россия, Китай и частично Япония. Р. Болд предлагает собственную трактовку системы международных отношений в регионе и роли США в Северо-Восточной Азии. Ранее в исторической литературе значение американского фактора для становления независимости Монголии не определялось.

Исходный тезис автора, сформулированный в начале главы «Политика США в Азии, противостояние Америки и России», представляется исторически неубедительным. Основной коллизией в данном регионе являлись противоречия России и Японии, о чем свидетельствуют дипломатические соглашения о сферах влияния 1907, 1910 и 1912 гг.; следующие по значимости — противоречия с империей Цин (впоследствии республиканским Китаем), а также с Великобританией. Действительно, стратегические подходы России и США в этот период существенно различались: США проводили политику «открытых дверей», а Россия — территориального освоения сфер влияния. Однако их интересы в регионе не противоречили друг другу, а напротив, часто совпадали и имели мирный характер.

Р. Болд пишет, что освоение царской Россией территории Дальнего Востока и процесс создания США своих форпостов в Азии, начавшийся во второй половине XIX в., привели к взаимному противостоянию в Маньчжурии. Россия обозначала сферу своего влияния силой, присоединяя и расширяя территории, Америка стремилась усилить свои позиции через торговую деятельность (с. 24). С данным выводом автора невозможно согласиться, так как он не соответствует историческим фактам. Освоение Сибири и Дальнего Востока русскими в основном происходило мирным путем, а вот Америка использовала силовые методы, о которых Р. Болд писал ранее (с. 17). Данный тезис явно заимствован из американской историографии, которую так хорошо изучил Р. Болд.

Новая и интересная информация содержится в книге об американских планах строительства Трансмонгольской железнодорожной магистрали Кяхта — Урга-Калган и причинах ее неудачи.

Оценивая политику России во Внешней Монголии, Р. Болд акцентирует внимание на ее активизации в 1910–1911 гг. и приводит западные и китайские оценки, свидетельствующие об агрессивных намерениях России в от-

ношении Монголии. Р. Болд ссылается на оценку Л. Жамсрана, который писал, что монгольская делегация во время визита в Россию в августе 1911 г. не смогла заручиться ее поддержкой в вопросе своей независимости. Это указывает на то, что Россия изначально не содействовала стремлению монголов к независимости (с. 45). Это не совсем так. Россия последовательно защищала не только свои стратегические интересы в регионе, но и в 1911–1915 гг. сделала все для создания независимого монгольского государства, формирования государственного аппарата, монгольской армии и современной финансовой системы. Поэтому определение российской политики как «внутренне противоречивой» (с. 47), раздвоенной и неоднородной верно только отчасти и в другом смысле. В общественно-политической мысли России были разные оценки перспектив развития Монголии и решения «монгольского вопроса», различные подходы имели дипломаты, торговцы, военные и общественные деятели, однако в практической деятельности российской дипломатии была последовательность и цельность. Можно только согласиться с заключением Р. Болда о беспочвенности подхода китайских и тайваньских историков, считающих, что «независимость Монголии была обеспечена по инициативе и поддержке России» (с. 47).

Авторскую оценку российско-монгольского соглашения 1912 г. считаем исторически неточной и с явным преувеличением американского фактора. Р. Болд указывает на то, что после договора 1910 г. российская политика во Внешней Монголии активизировалась. Этот факт он рассматривает как следствие конкуренции царской России и Америки за расширение влияния в Цинском государстве. Заключение Россией политических и торговых соглашений с Внешней Монголией в 1912 г., по мнению автора, было связано с ее стремлением сохранить буфер под своим влиянием, а также нежеланием допустить вовлечение Монголии в американскую политику «открытых дверей» и явилось мерой, направленной против развития торговли Монголии с другими странами (с. 322).

В данной ситуации исследователь, длительное время изучая монголо-американские отношения, непроизвольно начинает их абсолютизировать. На самом деле, заключение соглашения 1912 г. состоялось для повышения международного статуса Монголии и было способом дипломатического давления на Китай, поэтому роль США в данном случае не прослеживается. Объемы американского товарооборота в Монголии были минимальны, а интерес американских дипломатов к стране незначительным, несопоставимым с российским, китайским и японским национальными интересами.

В целом, для развития научного познания истории Монголии и системы международных отношений полезны альтернативные точки зрения и нестандартные подходы в оценке исторических событий, они позволяют более точно сформулировать объективный взгляд на исторический процесс. Поэтому выводы Р. Болда имеют стимулирующее значение для исторической науки и позволяют углубить представления о международных отношениях первой половины XX в.

В монографии Р. Болда представлена полная картина уровня информированности дипломатических представительств Китая о «монгольских делах», дается обзор справочной информации 1912–1913 гг., относящейся к образованию независимой Монголии, проводится ее анализ. Специальный раздел книги посвящен попыткам монгольского правительства установить отношения с

США. В 1912–1914 гг. Монгольское правительство направило три послания с предложением дипломатических отношений, полные тексты которых опубликованы в приложении (с. 349–350). Данная информация носит оригинальный характер и представляет собой существенный научный вклад в современную историографию и источниковедение Монголии.

Как известно, министерство иностранных дел Монголии направило ноты в дипломатические представительства девяти стран в Харбине, где 13 декабря 1912 г. американский консул Мейнард принял монгольского посланника и его ноту на монгольском языке с переводом на китайский. В послании излагалась просьба о признании Монголии как самостоятельного государства и развитии торговли. Поскольку американцы не сообщили России и Китаю о получении послания и не возвратили письмо, то, по мнению автора, это можно рассматривать в качестве первоначального вступления Монголии и США в официальные отношения (с. 70).

Президент США Т. В. Вильсон 7 апреля 1913 г. заявил, что не признает независимость Внешней Монголии и осудил Россию за «неправильное признание». По нашему мнению, получение письма консульством не является вступлением в официальные отношения, так как никаких организационных последствий оно не имело.

Подборка материалов и их оценка позволили негативно характеризовать роль России в становлении Монголии как независимого государства. Россия якобы стремилась превратить Монголию в «задворки мира» и прервать автосообщение Хурээ — Калган. В 1913–1918 гг. американское экономическое присутствие было незначительным (5–6 граждан США), однако ставился вопрос об открытии консульства США в Калгане, который был превращен Китаем в открытый город, где действовали четыре американские фирмы (с. 78). Р. Болд приводит различные факты, свидетельствующие о желании американцев и монголов установить дипломатические отношения. Так, 10 ноября 1919 г. Жалханза хутухта передал в американское посольство в Пекине письмо Богдо-гэгэна с пожеланиями открытия консульства в Урге. В апреле 1920 г. в Хурээ был направлен консул Тяньзина Ч. Эберхардт, для получения более точной информации о Монголии (с. 82). По мнению Р. Болда, на учреждение в 1920 г. консульства США в Калгане оказало влияние наличие железной дороги между Калганом и Пекином и отдаленность Внешней Монголии, имевшей природную границу пустыню Гоби (с. 83).

Оценки российско-монгольских отношений в 1921 г. даются Р. Болдом с американских позиций. Он утверждает, что советская Россия принудила монгольское правительство обратиться к ней с просьбой о посредничестве, позволило бы ей развивать дальнейшие отношения с Китаем относительно Внешней Монголии. Кроме того, по мнению Р. Болда, у России была дополнительная цель — препятствовать формированию связей между Монголией и Америкой (с. 119). Ничего не говорится о том, что именно Россия фактически восстановила независимость Монголии, создала национальную армию, современную финансовую систему страны, системы образования и здравоохранения. США не развивали взаимные дипломатические и консульские отношения с Монголией, так как не желали портить отношения с Китаем²⁷.

²⁷ Суходолов А. П., Болдбаатар Б., Кузьмин Ю. В. Российско-монгольские отношения в начале XX века (1900–1921 гг.): экономика, дипломатия, культура // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6 (92). С. 92–99.

В истории Монголии встречается информация о деятельности там в 1920-е гг. американских торговых и транспортных фирм, Р. Болд представил в монографии развернутую картину монголо-американских связей. Калганское консульство (С. Сокобин) информировало правительство США о событиях в Монголии и советской политике в ее отношении до апреля 1927 г. (с. 124). Консул С. Сокобин в январе — феврале 1922 г., а позднее еще два раза, посетил Хурээ с целью защиты торговых интересов США и подготовил доклад «Положение в Хурээ, Монголия». Консул в Харбине Д. Хансон посылал материалы русской прессы в Маньчжурию, а также результаты опроса русских и американцев о Монголии. Р. Болд предлагает читателям оценки и характеристики внутренней политики монгольского правительства, политической ситуации и советского влияния. В монографии представлена информация вице-консула Стэнтона и консула Д. Кларка (1926–1927), касающаяся Монголии, оценки автора идентичны характеристикам американских дипломатов, например, о том, что Советы в китайско-монгольских отношениях вели двойную игру (с. 133). Считается, что историк должен подниматься над изучаемым периодом, критически оценивать исторические источники и документы, а не буквально следовать за ними.

Специальный раздел монографии Р. Болда посвящен американо-монгольской торговле (с. 139–149). В начале XX в. большую часть шерсти, вывозимой из Монголии китайскими торговцами, покупали США. Китайские торговцы, в свою очередь, поставляли в Монголию горючее, швейные изделия и зерно (с. 139). Между Ургой и Калганом в 1916–1924 гг. осуществлялись автотранспортные перевозки, в том числе почтовые.

Значительное внимание автор монографии уделил роли Ф. Ларсона в установлении связей между Монголией и Америкой. Ф. Ларсон прибыл в Ургу в 1893 г. как протестантский проповедник Библейского общества и прожил там около 30 лет, выучил монгольский язык, завязал тесные отношения с влиятельными ламами и князьями. С 1900 г. он стал заниматься торговлей, имел дома в Урге и Калгане, в 1913–1914 гг. был советником китайского правительства в комитете по делам Монголии и Тибета. По оценке Р. Болда, Ларсон по поручению китайского правительства убеждал халхаских князей и лам войти в состав Китая, он выполнял задания китайских спецслужб, призывая князей, прибывших из Внутренней Монголии на государственную службу во Внешнюю, работать на Китай (с. 160). Ф. Ларсон также информировал о Монголии сотрудников американского посольства и американскую военную разведку (с. 161). Одновременно он был советником монгольского правительства. С 1916 г. Ф. Ларсон стал представителем американской торговой компании в Урге. По мнению Р. Болда, «политическая деятельность Ларсона изначально была противоречива, он был вовлечен в деятельность спецслужб нескольких стран, работал одновременно на Китай, Америку и Монголию» (с. 164).

Гражданская война в Северном Китае заставила США закрыть четыре консульских представительства, в том числе в Калгане. Штаты внимательно следили за развитием событий 1936–1939 гг. на реке Халхин-Гол. Причину военного конфликта тайный источник госдепартамента видел в закрытии японцами рынков на спорной территории и приостановке вывоза денежных средств и товаров из Внутренней Монголии.

Р. Болд пишет о том, что «независимость Монголии была юридически формализована Советским Союзом, официально Китаем и де-факто — США» на Ялтинской конференции трех мировых держав (с. 326).

В монографии четко прослеживается линия преувеличения роли США и монголо-американских отношений в истории внешней политики первой четверти XX в. Разумеется, введение новых исторических материалов из американских архивов расширяет представления о сложности процесса становления Монголии, как независимого государства, и влиянии американского фактора на развитие страны. Однако этот фактор в исследуемый период был слишком незначительным, чтобы отразиться на международном положении Монголии. Следовательно, популярная в Монголии концепция «третьего соседа» — страны, на роль которой претендует и США, требует исторического обоснования и подтверждения.

Россия играла важную роль в монгольских событиях 1911–1921 гг. Некоторые монгольские исследователи считают, что она могла сделать больше и оказать содействие в создании полностью независимого государства, в состав которого вошли бы Внутренняя Монголия, Барга и Урянхайский край. В этом случае, представляется, что Россия не вела двойную политику, а сделала максимально возможное в сложившихся обстоятельствах.

Фактически Монголия и являлась независимым государством, во внутренние дела которого Китай вмешиваться не мог. Россия, разумеется, имела собственные национальные интересы в регионе, но при этом оказала важное влияние на формирование государственных структур, национальной финансовой системы и современной армии. Только негативно оценивать роль России в монгольских событиях исследуемого периода — значит противоречить объективной картине истории Монголии и российско-монгольских отношений.

Таким образом, известный монгольский исследователь и дипломат Р. Болд подготовил фундаментальное научное исследование, посвященное сложному и важному вопросу истории международных отношений Монголии в XX в. — месту монголо-американских отношений в системе внешних связей страны. Впервые в мировом монголоведении данная научная проблема получила обстоятельное и системное освещение на основе оригинальных исторических источников, некоторые из которых впервые введены в научный оборот. Отдельные оценки и характеристики автора имеют дискуссионный характер, особенно это касается вопроса роли России в становлении независимости Монголии. Монография Р. Болда существенно обогатила монгольскую историческую мысль и мировое монголоведение и помогла сделать важный шаг в постижении исторической истины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XX в. формировалась новая система современных международных отношений в Восточной Азии, в треугольнике Россия-Монголия — Китай. Ее становление и развитие происходило в сложных исторических условиях трансформации моделей политического и социально-экономического развития стран региона, перехода Цинского Китая к республиканской форме правления, становления монгольской национальной государственности с 1911 г. и радикальных социально-политических изменений в России.

На рубеже XIX–XX в. Монголия, за сравнительно короткий исторический промежуток времени прошла несколько важных этапов внешнеполитического развития, сменила системы взаимоотношений с Китаем и Россией. До 1911 года Монголия входила в состав Цинской империи, это был завершающий этап зависимого развития в юридических рамках другого государства. Второй этап: 1911–1915 гг. — время полного дистанцирования от Китая и сближения с Россией, фактической независимости Монголии при поддержке России. 1915–1919 гг. — период Автономной Монголии. Формально и юридически Монголия является автономной частью республиканского Китая, фактически независимое государство. В рамках дипломатического треугольника Россия-Монголия-Китай соотношение сил и внешних факторов влияния постоянно меняется. Становление новой системы международных отношений и формирование новых границ происходило в сложных условиях переговоров между Россией, Китаем и Монголией и подписания ряда международных соглашений и договоров между странами (Русско-монгольское соглашение 1912 г., Русско-китайская декларация 1913 г., Кяхтинское соглашение 1915 г.). Наиболее сложный характер имели переговоры о создании автономной Монголии и определении ее международного статуса. Русско-китайские противоречия 1911–1915 гг. наиболее остро проявились в «монгольском» и «уряньхайском» вопросах. Объективные и взвешенные оценки дипломатической истории России и Монголии имеют важнейшее значение для развития современных двусторонних отношений.

Формирование российско-монгольских отношений в России, монгольское направление внешней политики страны происходило в сложных условиях внутрипартийной борьбы, несогласованности действий различных ведомств Российской империи (Министерство иностранных дел, Военное министерство, российское консульство в Урге, региональные сибирские органы управления). Показ борьбы различных тенденций в формировании внешнеполитической линии России по отношению к Монголии отражает заинтересованность различных социальных слоев российского общества, совпадение и различие их интересов, выявляет не только социальные, но и региональные (центральные и сибирские) экономические интересы. Это позволяет избежать категорических оценок роли России в Восточной Азии вообще и в Монголии, в частности. Нам представляется, что абсолютизация характеристики внешней политики на основании оценок отдельных представителей российских ведомств, влиявших на ее формирование, представляется не корректным.

На современном этапе исследования проблемы русско-монголо-китайских отношений получили новый толчок. Введение в научный оборот новых архивных материалов, исследование дискуссионных вопросов, утрата идеологического фактора и единой марксистско-ленинской методологии позволили

русским и монгольским ученым показать более взвешенную и объективную картину отношений России и Монголии в первой четверти XX в. Стали исследоваться ранее «закрытые» проблемы: урянхайский, баргинский, монгольский, тибетские вопросы, русско-китайские противоречия 1911–1915 гг., русско-монгольское соперничество в Урянхае. Не все вопросы получили однозначное решение в российской и монгольской историографии. Идет накопление значительного фактического материала, формируются новые подходы к оценке исторических событий и персоналий, что создает предпосылки для создания современной концепции российско-монгольских отношений.

В советский период исследования проблемы преобладала характеристика русско-монгольских отношений как не равноправных взаимоотношений, внешняя политика России в начале XX в. расценивалась как захватническая и колонизаторская. Концептуально исходили из тезиса, что прогрессивная внешняя политика формировалась только в советский период, а внешняя политика царской России оценивалась негативно и отрицательно. В советский период на его более позднем этапе стали преодолеваются подобные односторонние оценки. В монгольской историографии на современном этапе определенное распространение получили негативные оценки событий и исторических деятелей, влиявших на становление и развитие российско-монгольских отношений в первой четверти XX в. Назрела необходимость публичной дискуссии по спорным проблемам русско-монгольских отношений, уточнение исторических характеристик и подготовка совместной обобщающей работы.

В современной российской и монгольской историографии к настоящему времени накоплен значительный материал по истории отдельных направлений русско-монгольского экономического сотрудничества и торговли, научного и культурного взаимодействия двух стран и народов, научного изучения истории и культуры Монголии, но отсутствует обобщающая работа по истории дипломатических и экономических отношений в период 1900–1945 гг.

Назрела необходимость создания обобщающей работы по истории российско-монгольских отношений в первой половине XX в., с привлечением специалистов различного профиля: историков, экономистов, филологов, философов, политологов и культурологов. Это позволит создать объемную и всестороннюю историю взаимоотношений двух стран, народов и культур. Результаты исследования необходимо ввести в научный оборот на русском, монгольском, китайском и английском языках. Это позволит стать ближе и понятнее монгольской исторической науке и мировому монголоведению.

Публикация новых оригинальных исторических источников в Монголии и России, появление новых подходов и оценок в российской и монгольской историографии диктуют определение спорных точек зрения и создание цельной картины отношений двух стран. Выявление и публикация новых архивных и мемуарных источников, междисциплинарный подход к проблеме позволят выйти на новый уровень исследования сложной темы изучения истории взаимоотношений России и Монголии. Концептуально мы исходим из положения анализа конкретно-исторического материала с позиции национальных интересов России.

Первая половина XX в. — сложный и противоречивый период взаимоотношений России и Монголии нуждается в современном концептуальном обосновании и уточнении оценок ключевых событий данного периода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 65 лет Великой Победы / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. Т. 1. Канун трагедии. — М. : МГИМО-Университет, 2010. — 396 с.
- Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века : сб. науч. тр. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — 232 с.
- Алексеев В. М. Наука о Востоке: Статьи и документы / В. М. Алексеев. — М. : Наука, 1982. — 535 с.
- Алексеев Д. А. Изучение монгольского языка в Ленинграде / Д. А. Алексеев // Ученые записки Института Востоковедения. — 1960. — Т. 25. — С. 127–133.
- Александровская О. А. Становление географической науки в России в XVIII веке / О. А. Александровская. — М. : Наука, 1989. — 232 с.
- Алпатов В. М. Николай-Николас Поппе / В. М. Алпатов. — М. : Вост. лит., 1996. — 144 с.
- Алтангэрэл Ц. Вторая мировая началась на Халхин-Голе / Ц. Алтангэрэл // Новости Монголии. — 2014. — 10 апр.
- Андреев В. И. Из истории Троицкосавской войсковой русско-монгольской школы / В. И. Андреев // Записки БМНИИ. — Улан-Удэ, 1957. — Т. 24. — С. 276–287.
- Аранчин Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму / Ю. Л. Аранчин. — Новосибирск : Наука, 1982. — 339 с.
- Аренский П. Пржевальский, его жизнь и путешествия / П. Аренский. — М. ; Л. : Молодая гвардия, 1931. — 245 с.
- Бадмаев П. А. Россия и Китай / П. А. Бадмаев. — СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1905. — 104 с.
- Базар Барадин: Жизнь и деятельность : докл. и тез. науч. конф. — Улан-Удэ, 1993. — 144 с.
- Базаров Б. В. Агван Доржиев. Последние страницы жизни / Б. В. Базаров, Ю. П. Шадуров // Байкал. — 1991. — № 3. — С. 121–128.
- Базаров Б. В. Монгольские народы в XX веке. К проблеме социально-культурной и политической трансформации (в контексте центрально-азиатского развития) / Б. В. Базаров // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии : материалы междунар. науч. конф. — Улан-Удэ, 2000. — Т. 2. — С. 3–9.
- Балдаев Р. Л. Этнография монголов в исследованиях русских ученых / Р. Л. Балдаев // Востоковедные исследования в Бурятии. — Новосибирск, 1981. — С. 21–30.
- Базарон Э. Очерки тибетской медицины / Э. Базарон. — Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1987. — 224 с.
- Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века / Ц. Батбаяр. — Улан-Удэ : Издательско-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2002. — 229 с.
- Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России / В. В. Бартольд. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. — 295 с.
- Белов Е. А. Россия и Монголия в начале XX в. (1911–1919 гг.) / Е. А. Белов. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 1998. — 235 с.
- Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.) / Ш. Бира. — М. : Наука, 1978. — 320 с.
- Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг. Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. / Е. А. Белов. — М. : Аграф, 2003. — 240 с.
- Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / сост. : А. Н. Кононов. — 2-е изд., перераб. — М. : Наука, 1989. — 300 с.
- Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи : в 2 ч. / Н. Я. Бичурин. — М. : Восточный дом, 2002. — 464 с.
- Боголепов М. И. Очерки русско-китайской торговли. Экспедиция в Монголию 1910 г. / М. И. Боголепов, М. Н. Боголепов. — Томск : Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1911. — 498 с.
- Бойкова Е. В. Библиография по российскому монголоведению (1992–1997) / Е. В. Бойкова. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 1992. — 85 с.
- Бойкова Е. В. Изучение новейшей истории Монголии (индивидуальные работы) / Е. В. Бойкова // Советское монголоведение (1917–1987). — М., 1987. — С. 74–86.
- Бойкова Е. В. Библиография отечественных работ по монголоведению. 1945–2000 / Е. В. Бойкова. — М. : Вост. лит., 2005. — 687 с.
- Бойкова Е. В., Златкин И. Я. Монголоведение / Е. В. Бойкова, И. Я. Златкин // Большая советская энциклопедия. — 3-е изд. — М. : Сов. энцикл., 1974. — Т. 16. — С. 501–502.
- Боннер А. Г. Бесценные сокровища / А. Г. Боннер. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. — 184 с.
- Бродель Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель. — Смоленск : Полиграмма, 1993. — 123 с.
- Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии: Воспоминания. Письма / А. В. Бурдуков. — М. : Наука, 1969. — 416 с.

- Бурдуков А. В. Хуучин ба шинэ Монголд / А. В. Бурдуков. — Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1987. — 262 с.
- Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов и проблемы реконструкции основных этапов их исторического развития : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. Я. Бутанаев. — Новосибирск, 1993. — 39 с.
- Вайнштейн С. И. Мир кочевников Азии / С. И. Вайнштейн. — М. : Наука, 1991. — 296 с.
- Вайнштейн С. И. Феликс Яковлевич Кон как этнограф // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — М. : Наука, 1965. — Вып. 3. — С. 196–200.
- Ваксберг М. А. Конституция революционной Монголии / М. А. Ваксберг. — Иркутск, 1925. — 52 с.
- Ванчикова Ц. П. Отдел памятников письменности Востока / Ц. П. Ванчикова // Гуманитарные исследования в Бурятии. — Улан-Удэ, 1997. — С. 38–39.
- Ванчикова Ц. П. Памятники монгольской агиографии как источник по истории буддизма в Монголии конца XVI — первой половины XVII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ц. П. Ванчикова. — М., 1983. — 19 с.
- Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам: 1816–1881 / Н. И. Веселовский. — СПб. : Тип. и хромолитогр. А. Траншеля, 1887. — 288 с.
- Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России / Н. И. Веселовский. — СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1879. — 162 с.
- Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / Л. Л. Викторова. — М. : Наука, 1980. — 224 с.
- Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии (Лекция) / Б. Я. Владимирцов. — Пг., 1919. — 52 с.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. — Л. : Изд-во акад. наук СССР, 1934. — 233 с.
- Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б. Я. Владимирцов ; ред., предисл. В. М. Алпатов ; сост. Г. И. Слесачук. — М. : Вост. лит., 2002. — 557 с.
- В. Котвичийн хувийн архивас олдсон монголын туухэнд холбогдох зарим бичиг = Некоторые документы из личного архива В. Котвича, связанные с монгольской историей // ШУАХ. — Улан-Батор, 1972.
- Военная разведка информирует. Документы разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. / сост. В. А. Гаврилов. — М., 2008. — 832 с.
- Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России / Н. И. Веселовский // Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. — СПб., 1879. — Т. 1.
- Воскресенский А. Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимоотношений / А. Д. Воскресенский. — М. : Муравей, 2004. — 600 с.
- Восточная филология: Памяти проф. Б. К. Пашкова. — М., 1971.
- Галенович Ю. М. Россия и Китай в XX веке: граница / Ю. М. Галенович. — М. : Изограф, 2001. — 331 с.
- Ганжуров В. Ц. Россия — Монголия (на трудном пути реформ) / В. Ц. Ганжуров. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. — 107 с.
- Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков / К. М. Герасимова. — Улан-Удэ : Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-т культуры, 1957. — 160 с.
- Гольдфарб С. И. Д. А. Клеменц — революционер, ученый, публицист / С. И. Гольдфарб. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1986. — 175 с.
- Гольдфарб С. И. Час выбора. Анатолий и Елена Шастины в Иркутске / С. И. Гольдфарб. — Иркутск : «КП»-Байкал, 2000. — 400 с.
- Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе. XIII — середина XX века / М. И. Гольман. — М. : Наука, 1988. — 301 с.
- Гольман М. И. Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США / М. И. Гольман. — М. : Наука, 1970. — 180 с.
- Гольман М. И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е — середина 90-х годов XX века / М. И. Гольман. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 2004. — 334 с.
- Горохова Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало X вв.) / Г. С. Горохова. — М. : Наука, 1980. — 131 с.
- Григорьевич С. С. Из истории отечественного востоковедения: (Владивостокский восточный институт в 1899–1916 гг.) / С. С. Григорьевич // Советское востоковедение. — 1957. — № 4.
- Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере современной Монголии / В. В. Грайворонский. — М. : Инс-т Востоковедения РАН, 2007. — 254 с.

Грайворонский В. В. Проблема перехода кочевников на оседлость в советской и монгольской литературе / В. В. Грайворонский // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (вопросы истории и экономики) / отв. ред. И. С. Казакевич. — М. : Наука, 1970. — С. 13–24.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край / Г. Е. Грумм-Гржимайло. — Л., 1926. — Т. 3, вып. 1. ; Л., 1930. — Т. 3, вып. 2.

Гурьев Б. Политические отношения России и Монголии / Б. Гурьев. — СПб. : С.Н. Черемхин, 1911. — 21 с.

Д. К. Письма с дороги / Д. К. // Восточное обозрение. — 1893. — № 53. — С. 7.

Д. К. Письма с русской границы / Д. К. // Восточное обозрение. — 1891. — № 46. — С. 12.

Далин С. Молодежь в революционном движении в Монголии / С. Далин. — М. : Новая Москва, 1924. — 48 с.

Дамдинсүрэн Ц. Орос-Монгол толь = Русско-монгольский словарь / Ц. Дамдинсүрэн, А. Лувсандэндэв. — Улан-Батор, 1969. — 736 с.

Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX в.) / Л. М. Дамешек. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1986. — 168 с.

Даревская Е. М. «Монгольский вопрос» в общественном мнении России в 1911–1915 гг. / Е. М. Даревская // Олон улсын Монголч эрдэмтний IV их хурал = IV Междунар. Конгр. монголоведов. — Улаанбаатар, 1985. — Т. 1. — С. 391–399.

Даревская Е. М. Алексей Васильевич Бурдуков (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) / Е. М. Даревская // Очерки по истории русского востоковедения. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — Сб. VI. — С. 187–217.

Даревская Е. М. Англичанин из Лондона в ургинской школе / Е. М. Даревская // Mongolica-III: Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX в. — СПб., 1994. — С. 18–22.

Даревская Е. М. Доктор С.Б. Цыбыктаров в Монголии / Е. М. Даревская // Труды Бурятского института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. — 1977. — Вып. 28 : Исследования по истории и филологии Монголии. — С. 39–50.

Даревская Е. М. Зазубрин и Монголия / Е. М. Даревская // Книга братства. — М. ; Улан-Батор, 1971. — С. 175–182.

Даревская Е. М. Изучение Монголии Троицкосавско-Кяхтинским отделением РГО / Е. М. Даревская // Труды Кяхтинского музей краеведения. — Улан-Удэ, 1961. — Т. 18. — С. 60–74.

Даревская Е. М. Использование монгольского скота и сырья в Восточной Сибири в период империализма / Е. М. Даревская // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири : тез. докл. регион. конф. — Иркутск, 1983. — С. 75–78.

Даревская Е. М. Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии / Е. М. Даревская // Труды ИГУ. Сер. История. — 1968. — Т. 55, вып. 1. — С. 107–129.

Даревская Е. М. Партизанский отряд Тохтохо-тайджи в Сибири / Е. М. Даревская // Сибирский исторический сборник : социально-экономическое и политическое развитие Сибири). — Иркутск, 1975. — Вып. 3. — С. 144–166.

Даревская Е. М. Первые ученики — монголы в Сибири / Е. М. Даревская // Ленинское знамя. — 1975. — 4 февр.

Даревская Е. М. Русская ветеринария в дореволюционной Монголии / Е. М. Даревская // Труды ИГУ. — 1970. — Т. 59, вып. 2.

Даревская Е. М. Русская медицина в дореволюционной Монголии: (Из истории русско-монгольских связей) / Е. М. Даревская // Труды ИГУ. Сер. История. — 1961. — Т. 29, вып. 2. — С. 205.

Даревская Е. М. Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии / Е. М. Даревская // Сибирский исторический сборник. — Иркутск, 1973. — Вып. 1. — С. 42–63.

Даревская Е. М. Русская промышленность и наемный труд в дореволюционной Монголии / Е. М. Даревская // Труды ИГУ. Сер. История. — 1963. — Т. 31, вып. 4. — С. 150–173.

Даревская Е. М. Русский кинематограф в дореволюционной Урге / Е. М. Даревская // Олон улсын Монголч эрдэмтний III их хурал = III Международный Конгресс монголоведов. — Улаанбаатар, 1979. — Т. 1. — С. 135–141.

Даревская Е. М. Связи Иркутска с Монголией / Е. М. Даревская // Записки Иркут. обл. краевед. музея. К 300-летию музея. — Иркутск, 1961. — Вып. III.

Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков / Е. М. Даревская. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1994. — 401 с.

Даревская Е. М. Ургинская школа переводчиков и толмачей: (Из истории русско-монгольских культурных связей) / Е. М. Даревская // Свет над Байкалом. — 1958. — № 1. — С. 140–150.

Дацышен В. Г. «Война на МНР». Халхин-Гол в нашей повседневности / В. Г. Дацышен // Родина. — 2009. — № 8. — С. 17–19.

Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост., подгот. текстов и словарь Н. Ц. Биткеева и Э. Б. Овалова; пер. Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова, Ц. К. Корсункиева, А. В. Кудиярова, Н. Б. Сангаджиевой. — М.: Наука: Глав. ред. вост. лит., 1990. — 475 с. (Эпос народов СССР).

Денисов В. И. Россия на Дальнем Востоке / В. И. Денисов. — М.: Типо-литогр. Ю. Л. Римана, 1913. — 149 с.

Доржиев Ж. Д. Гомбожаб Цыбилов / Ж. Д. Доржиев, А. М. Кондратов. — Иркутск, 1990. — 236 с.

Дугаров В. Д. Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX веках. Вопросы историографии / В. Д. Дугаров. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. — 260 с.

Дугаров В. Д. Помощь СССР в социалистическом переустройстве сельского хозяйства МНР (вопросы историографии) / В. Д. Дугаров // Народы Востока. Основные тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития: тез. докл. регион. конф., 15–17 мая 1986 г. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. — С. 43–44.

Дугаров В. Д. Монголия-Бурятия (К столетию подписания дипломатического договора Россия-Монголия) / В. Д. Дугаров // Россия-Монголия. Сто лет дипломатического сотрудничества: материалы междунар. конф. — Улан-Удэ: Бэлиг, 2013. — С. 273–279.

Дугаров Н. Б. Об одной из ранних лингвистических работ профессора Г. Ц. Цыбикова / Н. Б. Дугаров // Исследования по культуре народов Центральной Азии. — Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1980. — С. 10.

Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.) / В. И. Дулов. — М.: 1956. — 608 с.

Дылыков С. Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. Очерк истории / С. Д. Дылыков. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. — 135 с.

Знаменский П. Казанская духовная академия / П. Знаменский. — Казань, 1892. — Вып. II. Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.) / Н. Е. Единархова. — Иркутск: Оттиск, 2003. — 252 с.

Единархова Н. Е. Колонизация Монголии (XVII — начало XX в.): учеб. пособие / Н. Е. Единархова, И. П. Николаева; под ред. Ю. В. Кузьмина. — Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2009. — 122 с.

Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев / Н. Е. Единархова. — Иркутск, 2008. — 136 с.

Единархова Н. Е. Русские купцы и авантюристы в Монголии (вторая половина XIX — начало XX вв.): учеб. пособие. — Иркутск, 2005. — 192 с.

Жабаева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов / Л. Б. Жабаева. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. — 335 с.

Жалсапова Ж. Б. Иностранная пресса 1939 г. о начале вооруженного конфликта на монголо-маньчжурской границе (на р. Халхин-Гол) / Ж. Б. Жалсапова // Защита и охрана государственной границы РФ: состояние и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Хабаровск: ХПИ ФСБ РФ, 2008. — С. 73–78.

Жамбалон Д. Как не следует ставить вопрос о национальном самоопределении Монголии // Революционный Восток. 1928. № 3. С. 29.

Железняков А. С. Рождение монгольского коммунизма: 1920 год / А. С. Железняков // Вестник Московского университета. Сер. Востоковедение. — 2000. — № 1. — С. 41–60.

Жуковская Н. Л. Судьба кочевой культуры: Рассказы о Монголии и монголах / Н. Л. Жуковская. — М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1990. — 112 с.

Жуковская Н. Л. Основные категории традиционной культуры монголов / Н. Л. Жуковская. — М.: Наука, 1988. — 195 с.

Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии / И. Я. Златкин. — М.: Вост. лит., 1957. — 299 с.

Златкин И. Я. Академик Владимирцов — историк-востоковед / И. Я. Златкин // Народы Азии и Африки. — 1975. — № 6. — С. 201–217.

Имшенецкий Б. И. Монголия / Б. И. Имшенецкий. — СПб.: Тип. Сойкина, 1915. — 40 с.

Иориш И. И. История Монголии в трудах ленинградских ориенталистов / И. И. Иориш // Ученые записки Института востоковедения. — 1960. — Т. 25. — С. 108–117.

Иориш И. И. Монголоведение / И. И. Иориш // Азиатский музей. — М., 1972. — С. 209–235.

Иориш И. И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда: история, право, экономика / И. И. Иориш. — М.: Наука, 1966. — 206 с.

История Востока в шести томах. Т. 5. Восток в новейшее время (1914–1945). — М.: Вост. лит-ра, 2005. — 717 с.

- История Монголии XX век. — М. : Ин-т Востоковедения РАН, 2007. — 448 с.
- История Монгольской Народной Республики. — М., 1954. — 422 с.
- История Монгольской Народной Республики. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1967. — 537 с.
- История Монгольской Народной Республики. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1983. — 661 с.
- История советско-монгольских отношений : сб. науч. тр. — М. : Наука, 1981. — 352 с.
- История США в четырех томах. Т. 3. 1918–1945 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. — М. : Наука, 1985.
- Иркутская летопись: Летопись П. И. Пежемского и В. А. Кротова // Сибирь. — 1989. — № 4. — С. 113.
- Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789–1905). — Иркутск, 1910. — Вып. 1. — С. 19.
- К столетию со дня рождения Г. Ц. Цыбикова : материалы науч. конф. — Улан-Удэ, 1976.
- Калинников А. Д. Аграрные отношения и антифеодальная революция в Монголии / А. Д. Калинников // Аграрный вопрос на Востоке. — М., 1933.
- Калинников А. Д. Национально-революционное движение в Монголии / А. Д. Калинников. — М. ; Л., 1926.
- Калинников А. Д. Революционная Монголия / А. Д. Калинников. — М., 1925. — 96 с.
- Касьяненко З. К. Монголоведение в Санкт-Петербургском университете (1855–1917) / З. К. Касьяненко // Культура Монголии в средние века и новое время. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1986. — С. 41–64.
- Каррутерс Д. Неведомая Монголия : в 2 т. / Д. Каррутерс. — Пг. : Издание переселенческого Управления, 1914. — 340 с.
- Катасонова Е. Л. Необъявленная война. К 75-летию событий Халихин-Гола [Электронный ресурс] / Е. Л. Катасонова. — URL : http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=413.
- Клеменц Д. А. Заметка о потухших вулканах на Хангае / Д. А. Клеменц // Известия ВСОРО. — 1897. — Т. XXVIII, № 2. — С. 157–159.
- Книга братства. — М., 1971. — 576 с.
- Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе / Н. Н. Крадин. — Владивосток, 1987. — 161 с.
- Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) / Н. Н. Крадин. — Владивосток : Дальнаука, 1992. — 240 с.
- Крадин Н. Н. Империя Хунну / Н. Н. Крадин. — Владивосток : Дальнаука, 1996. — 164 с.
- Крадин Н. Н. Политическая антропология : учеб. пособие / Н. Н. Крадин. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Логос, 2011. — 270 с.
- Крадин Н. Н. Социальная структура хунну Забайкалья / Н. Н. Крадин, С. В. Данилов, П. Б. Коновалов. — Владивосток : 2004. — 106 с.
- Крадин Н. Н. Империя Чингис-хана / Н. Н. Крадин. — М. : Вост. лит., 2006. — 557 с.
- Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. — Алма-Аты : Дайк-Пресс, 2007. — 416 с.
- Кудрявцев Ф. Иркутск: Очерки по истории города / Ф. Кудрявцев, Г. Вендрих. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. — 440 с.
- Козлов П. К. Дневники монголо-тибетской экспедиции 1923–1926 / П. К. Козлов ; сост. А. И. Андреев, Т. И. Юсупова ; отв. ред. А. В. Постников. — СПб. : Наука, 2003. — 1039 с.
- Козлов П. К. Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии / П. К. Козлов. — Л. : Изд-во АН СССР, 1925. — 58 с.
- Кузнецова Н. А. Из истории советского востоковедения / Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина. — М. : Наука, 1970. — 252 с.
- Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции / С. Л. Кузьмин. — М. : Т-во науч. изд. КМК, 2011. — 659 с.
- Кузьмин С. Л. Барон Унгерн в документах и мемуарах / С. Л. Кузьмин. — М. : Т-во науч. изд. КМК, 2004. — 661 с.
- Кузьмин Ю. В. Вопросы монголоведения в исследованиях профессора Н. Н. Козьмина / Ю. В. Кузьмин // Арсеньевские чтения. — Уссурийск, 1992. — С. 84–86.
- Кузьмин Ю. В. Монголоведение: имена и события: Н. Н. Козьмин / Ю. В. Кузьмин // Новости Монголии. — 1990. — № 2.
- Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России / Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1997. — 232 с.
- Кузьмин Ю. В. Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений : учеб. пособие / Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2000. — 65 с.
- Кузьмин Ю. В. Тайны доктора П. А. Бадмаева / Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Оттиск, 2003. — 124 с.

- Кузьмин Ю. В. Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки / Ю. В. Кузьмин. — Улан-Батор, 2007. — 162 с.
- Кузьмин Ю. В. Иркутское монголоведение: 1725–2004 гг.: исследователи и книги / Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2004. — 138 с.
- Кузьмин Ю. В. История изучения Монголии в Иркутске / Ю. В. Кузьмин, В. В. Сви́нин. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — 137 с.
- Кузьмин Ю. В. Монголия и Китай начала XX века в оценках российских военных исследователей / Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. — 132 с.
- Кузьмин Ю. В. Восточные проекты доктора Бадмаева / Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — 184 с.
- Кузьмин Ю. В. Профессор Н. Н. Козьмин: историк и экономист : учеб. пособие / Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — 66 с.
- Кузьмин Ю. В. Проблемы истории Сибири и Центральной Азии в творчестве Н. Н. Козьмина / Ю. В. Кузьмин, В. В. Сви́нин // Иркутские монголоеды за «Круглым столом». — 2000. — № 6. — 16 с.
- Кузьмин Ю. В. Иркутская школа монголоведения и современные историко-экономические исследования Байкальского университета / Ю. В. Кузьмин, А. П. Суходолов, А. Ф. Манжигеев // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — Т. 25, № 2. — С. 232–238.
- Кулешов Н. С. Россия и Тибет в начале XX в. / Н. С. Кулешов. — М. : Наука, 1992. — 271 с.
- Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос / А. Н. Куропаткин. — СПб. : Новое время, 1913. — 224 с.
- Куропаткин А. Н. Русская армия / А. Н. Куропаткин. — СПб. : Полигон, 2003. — 590 с.
- Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос / Ю. Кушелев. — СПб. : Русская скоропечатня, 1912. — 224 с.
- Литературная Сибирь: Критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988.
- Литературное наследие Сибири. — Новосибирск, 1969. — Т. 1.
- Лиштованный Е. И. Из Иркутского Центра монголоведения: (Новые книги) / Е. И. Лиштованный // Bulletin International Association for Mongol Studies. — 1997. — № 1 (19). — Р. 185–190.
- Лиштованный Е. И. Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири: (1920–1980-е годы) : учеб. пособие / Е. И. Лиштованный. — Иркутск, 1992. — 78 с.
- Ломакина И. И. Грозные Махакалы Востока / И. И. Ломакина. — М. : Эксмо : Яуза, 2004. — 383 с.
- Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения / С. Г. Лузянин. — М. : Ин-т Востоковедения РАН, 2000. — 268 с.
- Лузянин С. Г. Коминтерн, Монголия и революция 1925–1927 гг. // Восток. — 1996. — № 1. — С. 65–75.
- Любимов Л. С. История филологического факультета ИГУ : учеб. пособие / Л. С. Любимов. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1995. — 65 с.
- Маджаров А. С. Изучение творчества А. П. Щапова в отечественной историографии XIX–XX вв. / А. С. Маджаров. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1994. — 59 с.
- Майский И. М. Современная Монголия / И. М. Майский. — Иркутск : Гос. изд-во, 1921. — 332 с.
- Майский И. М. Монголия накануне революции / И. М. Майский. — М. : Вост. лит., 1959. — 310 с.
- Медведев Г. И. По следам древних народов: круглый стол, посвящ. 110-летию Б. Э. Петри / Г. И. Медведев, Н. А. Савельев, В. В. Сви́нин // Восточно-Сибирская правда. — 1994. — 22 нояб.
- Матусовский З. Географическое описание Китайской империи / З. Матусовский. — СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1888. — 471с.
- Матвеева Г. С. МНР в системе социалистической экономической интеграции / Г. С. Матвеева. — М. : Наука, 1987. — 244 с.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.) / под ред. Е. М. Жукова. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1951. — 790 с.
- Мельников Г. А. Профессорско-преподавательский потенциал Иркутского университета в начале XX века и на рубеже XXI века / Г. А. Мельников, В. В. Сви́нин // Проблемы высшей школы России на рубеже XXI века : тез. докл. науч.-практ. конф., 21–22 апр. 1994 г. — Пенза, 1994. — Ч. 1. — С. 61.
- Мельников Г. А. У истоков формирования национальных кадров бурятской интеллигенции / Г. А. Мельников, В. В. Сви́нин // Проблемы бурятской филологии и культуры : тез. докл. регион. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию бурят. филол. отделения ИГУ, 31 марта 1995 г. — Иркутск, 1995. — С. 10–11.

- Михалев А. В. Монголия в Большой игре XXI века: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы / А. В. Михалев. — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2013. — 252 с.
- Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов / С. Д. Милибанд. — М. : Наука, 1977. — 768 с.
- Мировые войны XX века. В четырех книгах. Книга 4. Вторая мировая война. Документы и материалы / сост. Ю. А. Никифоров ; отв. ред. М. Ю. Мягков. — М. : Наука, 2002.
- Михеев В. С. Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию и Урянхайскую землю / В. С. Михеев. — СПб. : Военная тип., 1910. — 176 с.
- Могилиницкий Б. Г. Введение в методологию истории / Б. Г. Могилиницкий. — М. : Высш. шк., 1989. — 174 с.
- Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX — 1917 г.) / В. А. Моисеев. — Барнаул : АзБука, 2003. — 346 с.
- Мурзаев Э. М. МНР. Страна, люди, хозяйство / Э. М. Мурзаев. — Л. : Тип. № 1 им. Володарского, 1947. — 103 с.
- Монголын улсын туух. Тавдугаар боть. (XX зуун). — Улан-Батор, 2003. — 654 с.
- Мясников В. С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XIX вв. / В. С. Мясников. — М. : РИО Мособлупр-полиграфиздата, 1996. — 482 с.
- На защите Отечества. К 90-летию Регионального управления ФСБ по Читинской области. — Чита, 2008. — 328 с.
- Нацагдорж Ш. Из истории аратского движения во Внешней Монголии / Ш. Нацагдорж. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 122 с.
- Новиков М. В. Победа на Халхин-Голе. — М. : Политиздат, 1971. — 111 с.
- Носов Д. А. О международной конференции «Война на Халхин-Голе (1939)». Номон-ханский инцидент в мировой истории. Зная о прошлом и говоря о будущем. — Улан-Батор, 2009.
- Ням-Осор Намсрайн. Монгольское государство и государственность в XII–XIV вв. / Намсрайн Ням-Осор. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. — 288 с.
- Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность / В. А. Обручев. — М. ; Л., 1947. — 287 с.
- Отдельный пограничный батальон в боях на Халхин-Голе, 1939 год. — Иркутск, 2014. — 108 с.
- Павлов Н. В. По Монголии. Очерк экспедиции 1923–24 и 1926 гг. / Н. В. Павлов. — Хабаровск : Кн. дело, 1930. — 340 с.
- Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и современным провинциям Внутреннего Китая / М. В. Певцов. — Омск, 1883. — 354 с.
- Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века / Д. П. Першин; подгот. текста, вступ. очерк, послесл., коммент. : Ломакина И. И. — Самара : Агни, 1999. — 280 с.
- Петров Л. А. Доржи Банзаров / Л. А. Петров. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — 88 с.
- Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья : очерки из истории культуры края / Е. Д. Петряев. — Чита : Чит. кн. изд-во, 1954. — 258 с.
- Победа на реке Халхин-Гол / отв. ред. П. А. Жилин. — М. : Наука, 1981. — 144 с.
- Позднеев А. М. Монголия и монголы : в 2 т. / А. М. Позднеев. — СПб., 1896–1898.
- Полищук Ф. М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII — февраль 1917 г.) / Ф. М. Полищук. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1983. — 167 с.
- Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия / О. Н. Полянская. — Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2001. — 140 с.
- Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора / И. И. Попов. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. — 384 с.
- Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны / И. М. Попов. — М. : Астрель, 2004. — 510 с.
- Попова Л. П. Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии» / Л. П. Попова. — М. : Наука, 1987. — 156 с.
- Потанин Г. Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия / Г. Н. Потанин. — М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1950. — 652 с.
- Проблемы социально-экономического и политического развития стран Востока : тез. докл. регион. конф., 14–16 мая 1981 г. — Иркутск, 1981.
- Пучковский Л. С. Александр Васильевич Игумнов / Л. С. Пучковский // Очерки по истории русского востоковедения. — М. : Издательство АН СССР, 1960. — Сб. III. — С. 166–195.
- Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии / В. В. Радлов ; пер. с нем. Н. Н. Козьмина. — Иркутск, 1929.

- Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии / Ю. Н. Рерих. — Хабаровск, 1982. — 346 с.
- Решетов А. М. Н. Н. Козьмин: Основные направления научной деятельности / А. М. Решетов // Репрессированные этнографы. — М. : Вост. лит., 1999. — Вып. 1. — С. 81–100.
- Романов Н. Воспоминания / Н. Романов // Библиофил Сибири. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. — С. 96–160.
- Российские монголоеды (XVIII — начало XX в.) / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. — 163 с.
- Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука. — Иркутск : Изд-во БГУ ; Улан-Батор : Арвай Бархан, 2016. — Кн. 6 : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию установления дипломатических связей между Россией и Монголией, Иркутск, 19–20 марта 2016 г. — 352 с.
- Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. — Кн. 3, ч. 1 : Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции : сб. науч. тр. — Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. — 384 с.
- Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. — Кн. 3, ч. 2 : История отношений России и Монголии в документах : сб. арх. док. — Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. — 218 с.
- Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы русско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука) : сб. науч. тр. — Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. — Кн. 5. — 416 с.
- Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. — Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — 402 с.
- Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура) : сб. науч. тр. — Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. — Кн. 4. — 376 с.
- Рощин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / С. К. Рощин. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. — 327 с.
- Рязановский В. А. Монгольское право и сравнительное правоведение / В. А. Рязановский. — Харбин : Отд-ние тип. КВЖД, 1929. — 16 с.
- Саввин В. П. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем / В. П. Саввин. — М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. — 152 с.
- Сагалаев А. М. Г. Н. Потанин: Опыт осмысления личности / А. М. Сагалаев, В. М. Крюков. — Новосибирск : Наука, 1991. — 230 с.
- Сандаг Ш. Борьба монгольского народа за государственную независимость и строительство новой жизни / Ш. Сандаг. — Улан-Батор, 1966. — 144 с.
- Санчилов В. П. «Илэжэл шастир» как источник по истории ойратов / В. П. Санчилов. — М. : Наука, 1990. — 114 с.
- Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. — СПб. : Военная тип., 1913. — Вып. 86. — 374 с.
- Свечников А. П. Русские в Монголии / А. П. Свечников. — СПб. : Сенат. тип., 1912. — 99 с.
- Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. I : Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Императорской академии наук экспедиции для археологических исследований бассейна реки Орхон / В. Радлов. — СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1892. — 111 с.
- Свинин В. В. Профессор ИГУ Н. Н. Козьмин: его имя и книги вернулись к нам / В. В. Свинин // Иркутский университет. — 1996. — 25 сент. — С. 6.
- Свинин В. В. Елена Марковна Даревская : биобиблиогр. указ. тр. : (к 75-летию со дня рождения) / В. В. Свинин. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1994. — 19 с.
- Свинин В. В. Из истории организации высшего образования в Иркутске: (по материалам личного дела П. В. Цицермана) / В. В. Свинин // Проблемы региональной истории : тез. докл. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. А. Гудошникова и 95-летию со дня рожд. Ф. А. Кудрявцева. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1994. — Ч. 2. — С. 34–37.
- Свинин В. В. Монголия в трудах Е. М. Даревской / В. В. Свинин // Социальное и политическое развитие народов Востока: история и современность : тез. докл. регион. конф., 12–14 мая 1983 г. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1983. — С. 59–61.
- Свинин В. В. Послесловие научного редактора / В. В. Свинин // Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1994. — С. 397–400.
- Свинин В. В. Профессор Н. Н. Козьмин — ученый и общественный деятель / В. В. Свинин // Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона : тез. докл. к науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию рос.-новозеланд. дип. отношений, 11–14 мая 1994 г. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1994. — С. 216–219.
- Свинин В. В. У истоков высшего образования Восточной Сибири / В. В. Свинин // Российская газета. — 1996. — 26 июля. — С. 16. (Спец. вып. : Байкал — Лена).

- Свинин В. В. Человек на Байкале / В. В. Свинин // Байкальская сторона: Книга о родном крае. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. — Вып. 2. — С. 105–144.
- Семенов А. Я жил под солнцем и радовался... / А. Семенов // Восточно-Сибирская правда. — 1992. — 25 июля.
- Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство Внешняя Монголия. XIX–XX в. / Т. Д. Скрынникова. — Новосибирск : Наука, 1988. — 101 с.
- Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в представлении средневековых монголов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Т. Д. Скрынникова. — СПб., 1994. — 25 с.
- Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940 / отв. ред. И. С. Казакевич. — М. : Междунар. отношения, 1975.
- Суходолов А. П. Этапы становления российской таможни на российско-монгольской границе / А. П. Суходолов // Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века : сб. науч. тр. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 19–26.
- Суходолов А. П. Внешнеторговые отношения России с Китаем и Монголией в начале XX века / А. П. Суходолов // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. — Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 18–28.
- Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Болдбаатар Б. Российско-монгольские отношения в начале XX века (1900–1921 гг.) / А. П. Суходолов // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2013. — № 6. — С. 92–99.
- Тагаров З. Т. Неизвестная рукопись А. В. Игумнова / З. Т. Тагаров // Иркутский архив. — Иркутск, 1961.
- Труды совещания по вопросам о развитии торговых сношений с Монголией, созванного Иркутским генерал-губернатором, егермейстера Л. М. Князева, бывшего в декабре 1912 — январе 1913 гг. — Иркутск : Коковин и Ко, 1913. — 29 с.
- Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории / А. Д. Тойнби ; пер. с англ. И. Е. Киселевой, М. Ф. Носовой. — М. ; СПб. : Прогресс : Культура : Ювента, 1996. — 477 с.
- Томилин В. Монголия и ее современное значение для России / В. Томилин. — М. : Верность, 1913. — 20 с.
- Улаан Чултэм. Приоритеты социальной политики в условиях становления рыночной экономики Монголии : автореф. дис. ... канд. экон. Наук / Чултэм Улаан. — М., 2005. — 23 с.
- Улаан Чултэм. Актуальные вопросы перехода Монголии к рыночным отношениям и их социально-экономические последствия / Чултэм Улаан. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — 150 с.
- Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX в. Петербургская школа монголоведения / Д. Б. Улымжиев. — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1997. — 216 с.
- Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов / Д. Б. Улымжиев. — Улан-Удэ, 1994. — 107 с.
- Формулярный список о службе секретаря и драгомана Российского Императорского Консульства в Урге коллежского секретаря Шишмарева за 1863 год // Государственный архив Иркутской области. — Ф. 24. — Оп. 11/1. — Д. 19.
- Халхин-Гол в огне / сост. А. М. Кривель. — М., 1989. — 368 с.
- Хаптаев П. Т. Воспоминания о профессоре Г. Ц. Цыбикове / П. Т. Хаптаев // Исследования по культуре народов Центральной Азии. — Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1980. — С. 166.
- Харламов С. Д. Монголия / С. Д. Харламов. — Иркутск : Штаб округа, 1914. — 447 с.
- Ходжаев А. Х. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан и Восточный Туркестан (Колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX в.) / А. Х. Ходжаев. — М. : Наука, 1979. — 128 с.
- Хороших П. П. Воспоминания о совместной работе с Г. Ц. Цыбиковым в Восточно-Сибирском отделе Географического общества СССР / П. П. Хороших // К столетию со дня рождения профессора Г. Ц. Цыбикова : материалы науч. конф. — Улан-Удэ, 1976. — С. 195–199.
- Хороших П. П. О научной деятельности Г. Ц. Цыбикова в Восточном институте и Иркутском университете / П. П. Хороших // Известия ВГО. — 1960. — Вып. 2.
- Цендина А. Д. И страна зовется Тибетом / А. Д. Цендина. — М. : Вост. лит., 2006. — 303 с.
- Цыбен Жамцарано. Путевые дневники 1903–1907 гг. / Цыбен Жамцарано ; сост. Ц. П. Ванчикова, В. Ц. Лыскокова, И. В. Кульганек. — Улан-Удэ : Республик. тип., 2011. — 264 с.
- Цыбиков Б. Разгром унгерновщины / Б. Цыбиков. — Улан-Удэ, 1947.
- Цыбиков Б. Д. Цыбен Жамцарано / Б. Д. Цыбиков, Ш. Б. Чимитдожиев. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. — 40 с.
- Черных А. В. Торговые связи Монголии в Восточной Сибири / А. В. Черных. — Иркутск : Тип. изд. «Власть труда», 1926. — 67 с.

- Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. / А. И. Чернышев. — М. : Наука, 1990. — 232 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. / Ш. Б. Чимитдоржиев — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2002. — 216 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Монголовед А. В. Игумнов / Ш. Б. Чимитдоржиев // Исследования по культуре народов Центральной Азии. — Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1980. — С. 155–160.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев. — М. : Наука, 1987. — 233 с.
- Шамов Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности / Г. Ф. Шамов. — Казань, 1983. — 64 с.
- Шаракшинова Н. О. Монголовед Алексей Бобровников / Н. О. Шаракшинова // Байкал. — 1988. — № 3. — С. 131–132.
- Шастина Н. П. Религиозная мистерия «цам» в монастыре Дзун-хуре / Н. П. Шастина // Современная Монголия. — 1935. — № 1. — С. 45–48.
- Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII в. / Н. П. Шастина. — М. : Вост. лит., 1958. — 181 с.
- Шейнфельд М. Б. Творческий путь Н. Н. Козьмина / М. Б. Шейнфельд // Вопросы этнографии Хакасии : сб. ст. / отв. ред. Я. И. Сунчугашев, В. А. Асочаков, К. М. Патачаков. — Абакан, 1981. — С. 163–184.
- Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года / Б. Ширендыб. — М. : Наука, 1971. — 400 с.
- Шишмарев Я. П. Народный праздник в Монголии / Я. П. Шишмарев // Северная пчела. — 1863. — № 7. — С. 14.
- Шишмарев Я. П. Отчет о 25-летней деятельности Ургинского консульства. 1886 / Я. П. Шишмарев // Государственный архив Иркутской области. — Ф. 24. — Оп. 11-3. — Д. 121. — 86 лл.
- Шишмарев Я. П. Сведения о халхаских владениях / Я. П. Шишмарев // Записки Сибирского отделения Императорского русского географического общества. — Иркутск, 1864. — Кн. VII. — С. 55–90.
- Шостакович А. Гаснувший терем : Стихи / А. Шостакович Шостакович ; сост. В. Науменко ; ред. А. Кобенков. — Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1, 2000. — 41 с.
- Шофман А. С. Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова / А. С. Шофман. — Улан-Удэ, 1956. — 164 с.
- Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов. — Сургут : Северный Дом, 1993. — 464 с.
- Щукин Н. А. В. Игумнов / Н. Щукин // Сын Отечества и Северный Архив. — СПб., 1838. — Т. II, отд. 3. — С. 84–96.
- Щукина Н. М. Как создавалась карта Центральной Азии / Н. М. Щукина. — М. : Географиздат, 1955. — 240 с.
- Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского. — СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1894. — Т. XII. — 960 с.
- Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ / гл. ред. Б. Б. Жамсуев. — Новосибирск, 2009. — 352 с.
- Юзефович Л. А. Самодержец пустыни: Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерна-Штернберга / Л. А. Юзефович. — М., 1993. — 271 с.
- Яскина Г. С. Монголия и внешний мир / Г. С. Яскина. — М. : Ин-т Востоковедения РАН, 2002. — 370 с.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М. : Политиздат, 1991. — 527 с.
- Яхонтов К. С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске / К. С. Яхонтов. — СПб. : Центр «Петербург. востоковедение», 1994. — 139 с.
- Яцковская К. Н. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н. П. Шастиной (1898–1980) / К. Н. Яцковская // Mongolica-III: Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв. — СПб., 1994. — С. 23–25.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. Российская историография XX века русско-монгольских отношений в 1900–1921 годах: вопросы методологии и концепции	6
1.1. Энциклопедия российско-монгольских отношений (2013–2016)	28
1.2. Историография истории российского монголоведения.....	34
1.3. Иркутская школа монголоведения (XVIII — начало XX века)	40
1.4. Мемуары — исторический источник по истории Монголии первой четверти XX века	61
1.5. Военное монголоведение России: вторая половина XIX — начало XX века	70
1.6. Российское военное монголоведение: исследования русско-монгольских отношений полковника А.М. Баранова.....	75
1.7. Генеральный консул России в Монголии Я.П. Шишмарев о Монголии и монголах	80
2. Монголия, русско-монгольские отношения и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России первой четверти XX века.....	87
2.1. Обсуждение «монгольского вопроса» в Государственной думе России и правительственных учреждениях страны	90
2.2. Российские военные деятели о русско-монголо-китайских отношениях и перспективах русско-монгольского военного сотрудничества	93
2.3. Позиция интеллигенции России в «монгольском вопросе»	107
2.4. Российские социал-демократы о характере правительственной политики в Монголии.....	116
3. Характеристика в СССР монгольских проблем 1920–1930-х годов и обсуждение идей панмонголизма: проблема трансформации общественной мысли	122
3.1. Монголия в характеристиках советских политиков и ученых в 20–30-х годах XX века.....	123
3.2. Идеи «панмонголизма» в Монголии и создания единого монгольского государства	145
4. «Урянхайский вопрос» и русско-монголо-китайские отношения в российской историографии.....	160
4.1. Урянхай в 1911 году: между Россией и Монголией.....	161
4.2. Возникновение «урянхайского вопроса»	163
4.3. Обсуждение в России «урянхайского вопроса» (начало XX века — 1911 год)	170
4.4. Решение «урянхайского вопроса» (1911–1917).....	177
4.5. «Пограничный вопрос» в 20–30-е годы XX века.....	191

5. Доктор П.А. Бадмаев о Монголии: один геополитический проект	201
5.1. Предпринимательская деятельность П.А. Бадмаева в Забайкалье и Монголии на рубеже веков	201
5.2. П.А. Бадмаев и «тибетский вопрос»: Агван Доржиев и Гомбожаб Цыбилов	216
5.3. «Жизнь на восточной окраине» — первая в России газета на монгольском языке	223
6. История Монголии и русско-монгольских отношений в оценках российских историков.....	230
6.1. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и востоковед (1872–1938).....	230
6.2. Проблемы русско-монгольских связей конца XIX — начала XX века в исследованиях Е.М. Даревской.....	240
7. Война на Халхин-Голе 1939 года в российской и монгольской историографии	254
7.1. Война на Халхин-Голе 1939 года — начало Второй мировой войны: новая историческая версия	254
7.2. Война на Халхин-Голе и роль военной разведки.....	271
8. История Монголии и российско-монгольские отношения в оценках монгольской исторической мысли.....	280
8.1. Проблемы монголоведения в эпистолярном наследии академика Б. Ринчена.....	280
8.2. Монгольский историк О. Батсайхан — крупный специалист по истории Монголии первой половины XX века.....	285
8.3. История Монголии и монголо-японские отношения в первой половине XX века в работах историка и дипломата Ц. Батбаяра.....	290
8.4. Монголия и великие державы в XX веке	297
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	304
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	306

Научное издание

СУХОДОЛОВ Александр Петрович

КУЗЬМИН Юрий Васильевич

**МОНГОЛИЯ
И РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА:
проблемы истории и историографии**

Издается в авторской редакции

Дизайн обложки и подготовка оригинал-макета
Т.А. Лоскутовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 07.07.16. Формат 62х84 1/8. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 39,75. Тираж 500 экз. Заказ 6443.

Издательство Байкальского государственного университета.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУ.